ISSN 2411-1503

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ

Алтайский государственный университет

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

СОХРАНЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Сборник научных статей

Выпуск XXV

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2019

УДК 902(571.150)(08)
ББК 63.48(2Рос-4Алт)я431
С689

Ответственный редактор:
А.А. Тишкин

Редакционная коллегия:
В.В. Горбунов, С.П. Грушин, Ю.Ф. Кирюшин, Д.В. Папин, Т.С. Паршикова, В.П. Семибратов, Н.Н. Серегин, Т.В. Тишкина, Я.В. Фролов

С689 **Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края** [Текст] : сборник научных статей / отв. ред. А.А. Тишкин. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2019. – Вып. XXV. – 392 с.

ISSN 2411-1503

Издание содержит статьи, подготовленные на основе материалов докладов XXV Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Сохранение и изучение культурного наследия Алтая». Рассматриваются различные вопросы, связанные с проблемами изучения и сохранения памятников археологии, истории, архитектуры и этнографии, а также с использованием объектов наследия в музейной деятельности и в сфере культурного туризма.

УДК 902(571.150)(08)
ББК 63.48(2Рос-4Алт)я431

Издание подготовлено в рамках выполнения гранта Правительства Российской Федерации №14.W03.31.0016 «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии»

ISSN 2411-1503

© Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Бейсенов А.З., Дуйсенбай Д.Б., Ахияров И.К., Джуманазаров Н.Ш. Новые исследования поселений сакского времени Центрального Казахстана 7

Блялова А.С., Малибаева Н.М. Народные медицинские знания в аспекте туризма 15

Боброва А.И., Рассамахин Ю.К. «Выставка одного предмета» из археологического фонда Томского областного краеведческого музея в социокультурном пространстве городской среды (Россия) 20

Борисов В.А., Илюшин А.М., Онищенко С.С. Новые материалы по раскопкам жилища на Торопово-7 26

Бородовский А.П. Курган пазырыкского времени на некрополе Манжерок-12 33

Вакалова Н.В., Филиппова О.Г. О мероприятиях Алтайского государственного краеведческого музея, посвященных 100-летию М.Т. Калашникова 39

Воробьева С.Л., Куфтерин В.В. Особенности приема и хранения антропологических коллекций: правовые аспекты и практический опыт 44

Головченко Н.Н. Локализация старых кладбищ с. Повалиха (Первомайский район) 50

Гребенникова Т.Г., Пьянзина Е.О. Участие Барнаульского музея во Всероссийской антропологической выставке 53

Дашковский П.К., Ожиганов А.Н. Предварительные результаты исследования курганов №28 и 33 на могильнике Чинета-II в Краснощековском районе Алтайского края 57

Дубова Н.А., Артемьев В.И., Урманова А.М., Джепбаров Р., Беглиев М.Ы. Опыт реставрации и консервации особых помещений дворцового комплекса эпохи бронзы Гонур-Депе (Туркменистан) 63

Илюшин А.М. Железные казаны из могил кочевников на Бормотово-3 72

Казаков А.А., Павлюченко А.М. Механизм привлечения к ответственности за незаконные раскопки 76

Калашников Д.С., Семибратов В.П., Ситников С.М., Величкин А.Н. Установление личности погребенного на основании сопроводительного инвентаря 83

Кирюшин К.Ю., Кобзев В.Л., Папин Д.В. К археологической карте памятников эпохи развитой бронзы Барнаульского Приобья 87

Кирюшин К.Ю., Онников А.В., Тишкин А.А. Новые разрушения на поселении Рубцовское: необходимость сборов подъёмного материала и аварийных исследований 91
Ковалев А.А., Мунхбаяр Ч., Перцева М.А. Керамика раннего железного века из ритуальных и погребальных сооружений высокогорной части Монгольского Алтая 98
Ковалевский С.А. Об особенностях северо-восточной группы ирменских памятников 104
Красноперов Е.Б., Папин Д.В., Федорук А.С. Коллекция случайных находок из окрестностей поселения Бурла-3 112
Кротов А.В., Волкова А.К., Барышникова О.Н. Особенности выделения объектов культурного наследия в структуре городских ландшафтов (на примере Барнаула) 115
Кротов А.В., Мелехина М.В., Мелехин В.А. Эзотерическое знание как элемент методологии социального изучения культурного наследия 122
Кузнецов Н.А. Об одной из погребальных традиций Южной Сибири ... 127
Кунгуров А.Л. Новые местонахождения каменного века в Алтайском районе Алтайского края 130
Кунгуров А.Л., Грушин С.П. Находка бронзового кинжала из Целинного района Алтайского края 135
Кунгуров А.Л., Фролов Я.В., Филиппова О.Г. Каменные сверленые топоры из долины р. Чарыш (Алтай) 140
Куулар А.И. Изваяние с р. Шеми (проблема идентификации памятника по исследовательской документации прошлых веков) 146
Лихачева О.С. Чекан раннего железного века из Бийского краеведческого музея 151
Марсадолов Л.С. Восточные балбалы и западные поминальники как важные составные части организации сакрального пространства в Пазырыке на Алтае 155
Матренин С.С. Коллективные погребения населения Алтая сяньбийско-жужанского времени 162
Миляев Г.А., Грушин С.П., Фрибус А.В. Исследование разновременного поселения Мельничная-1 в Присалаирье 173
Мукаева Л.Н. Геологическая составляющая историко-культурного наследия Горного Алтая (Республика Алтай) 179
Неверова Н.В. Польские спецпереселенцы в Горном Алтае: сохранение наследия 187
Паршикова Т.С. Применение естественнонаучных методов в археологических исследованиях на Алтае (1940–1960-е гг.) 191

Пилипенко С.А. Береста в оформлении ножен сабель-чечуг XVII–XVIII вв. 196
Савко И.А., Дьяков Н.Р., Гульчак Н.С. Мониторинг археологических памятников правобережья Гилевского водохранилища в августе 2018 г. 201
Серегин Н.Н., Васютин С.А. Погребально-поминальный комплекс Алты-Таш (Центральный Алтай): по материалам работ А.С. Васютина 206
Серегин Н.Н., Радовский С.С. База данных некрополей быстрянской культуры Алтая: структура и возможности использования 212
Серегин Н.Н., Степанова Н.Ф. Могильник Горный-10 (предгорный Алтай): история исследований и перспективы изучения материалов 218
Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С. Новые находки колчанных крюков сяньбийско-жужанского времени с территории Алтая 227
Серегин Н.Н., Турбат Ц. Итоги и перспективы исследования погребальных комплексов жужанского времени и раннего средневековья на территории Монголии 234
Соенов В.И., Трифанова С.В. Средневековые наконечники стрел из коллекций случайных находок на Алтае 242
Сотникова С.В. К вопросу о парных разнополых погребениях андроновского (федоровского) населения Алтая 247
Степанова Н.Ф., Казаков А.А. Об особенности орнаментации керамики майминской культуры по материалам поселения Майма-1 (предварительные итоги) 253
Стяжкина О.В. Экспедиция М.П. Грязнова на Алтай в 1939 г.: задачи и основные результаты 259
Тадина Н.А., Иркитова А.А., Уханова Э.В. О сохранении родового состава сел алтайцев (Шебалинский район Республики Алтай) 262
Телегин А.Н., Савко И.А., Дьяков Н.Р. Новые находки из разрушенного погребения андроновской культуры в Алейском районе Алтайского края 266
Тишкин А.А. Рентгенофлюоресцентный анализ двух металлических ножей (случайные находки с территории Алтайского края) 271
Тишкин А.А., Дашковский П.К., Ожиганов А.Н. Формирование базы данных о погребальных памятниках Алтая аржано-майэмирского времени 278
Тишкин А.А., Идэрхангай Т., Горбунов В.В., Серегин Н.Н., Паршикова Т.С. Археологические исследования в Баян-Ульгийском аймаке Монголии (краткие результаты работ 2018 г.) 281

Тишкин А.А., Идэрхангай Т., Пластеева Н.А., Серегин Н.Н., Горбунов В.В. Захоронение лошади в тюркской оградке №5 памятника Хужирт-I (Монгольский Алтай) 290
Тишкин А.А., Тишкина Т.В., Фролов Я.В. Возможности использования сведений о крупных курганах на территории Алтайского края в экскурсионно-туристической деятельности 298
Тишкин А.А., Филимонова Т.Г., Горбунов В.В., Серегин Н.Н. Шохидон – аварийный могильник раннего средневековья в Таджикистане 304
Федорук А.С. Новые находки кладоискателей с территории Алтайского края (по материалам сайта www.ReviewDetector.ru) 311
Фролов Я.В., Филиппова О.Г. Некрополь элиты поздней древности и средневековья Ивановка-I в Шелаболихинском районе Алтайского края: проблемы сохранения и использования 317
Хорват В. Украшения из органических материалов в культурах Евразии в IX–VII вв. до н.э. 323
Целищева М.А. Памятник промышленной архитектуры «Барнаульский кожевенный завод», конец XIX в. – начало XX в.: история и современное использование 338
Целищева М.А., Дышлюк М.А. Барнаульская городская электростанция – памятник промышленной архитектуры начала XX в. 348
Целищева М.А., Слуцкий М.А. К истории образовательных учреждений Барнаула: горное окружное и реальное училища 358
Чадамба Л.Д. Некоторые вопросы сохранения и проблемы использования памятников наскального искусства Тувы 368
Чурилова К.В. Законодательство Российской Федерации в области сохранения, использования и государственной охраны объектов культурного наследия 372
Шалахов Е.Г. Археологическая коллекция инспектора Царевококшайского высшего начального училища И.М. Болдырева и вопрос ее происхождения 378
Ширин Ю.В., Ермолаев М.А. Проблема интерпретации металлургических площадок на средневековых памятниках Горной Шории 381
Шмидт А.В., Солодовников К.Н. Некоторые результаты лабораторного изучения материалов могильника Фирсово-XI 385
Список сокращений 391

УДК 903.4 (574.3)

А.З. Бейсенов[1], Д.Б. Дуйсенбай[2],
И.К. Ахияров[1], Н.Ш. Джуманазаров[1]

[1]Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан;
[2]Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЙ САКСКОГО ВРЕМЕНИ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

В восточных районах Центрального Казахстана сейчас известно свыше 50 поселений тасмолинской культуры, для которых характерны склоновая топография, небольшая площадь, жилищные и хозяйственные постройки с каменным основанием. Поселения сакской эпохи изучаются в Северном Казахстане, Жетысу. Они известны также в Восточном Приаралье, в Прииртышском регионе. Нижняя граница существования поселений определяется периодом VIII–VII вв. до н.э. В исследование этих памятников привлекаются также и материалы поселений Южного Зауралья, Горного Алтая и равнинных зон Алтайского края. Определен тип керамики раннесакского времени, для которой характерен орнамент в виде редко расположенных жемчужин и ямочек. По поселениям Центрального Казахстана получена серия радиоуглеродных дат (Королевский университет Белфаста, Северная Ирландия, Великобритания), проводятся другие изыскания мультидисциплинарного характера. На поселении Абылай впервые в Центральном Казахстане были проведены исследования культурного слоя методом флотации. Карпологический анализ, проведенный в Тюменском научном центре (Россия), выявил немногочисленные зерна проса и ячменя.

Ключевые слова: Центральный Казахстан, поселения, сакская эпоха, керамика, радиоуглеродные даты, метод флотации, карпологический анализ.

Поселения, будучи важнейшим видом памятников для реконструкции этнокультурных процессов скифо-сакского времени, в центральных и восточных районах Евразии изучаются, главным образом, в течение последних 15–20 лет. Их исследования почти везде носят бессистемный, неравномерный характер. Для большинства регионов становятся известными только первые результаты мультидисциплинарных изысканий. Тем не менее накапливается солидный объем материала. Поселенческие данные, обладая комплексным характером, не только во многом дополняют материалы погребений, но и в различной степени коррелируют выводы и заключения, ранее сделанные по результатам изучения могильников.

Усилиями казахских археологов увеличиваются данные по Казахстану. Поселения сакского времени изучаются в Северном [Хабдулина, 2003; 2017], Центральном [Бейсенов, Шульга, Ломан, 2017] Казахстане, в Прииртышье [Мерц, 2015], Жетысу [Байпаков, 2012]. Нижней границей бытования сакских поселений в целом определяется период VIII–VII вв. до н.э.

Также сакские поселения ранее были открыты в Восточном Приаралье [Левина, 1979], в настоящее время особо актуальными являются дальнейший поиск и исследование этих поселений на современном уровне.

Не являются неожиданными поселенческие объекты и на соседних с Казахстаном территориях. Большое их число известно в Горном Алтае [Шульга, 2015], целый ряд объектов исследован в лесостепных и степных районах Алтайского края [Фролов, 2013; Степанова, Фролов, 2017]. Менее изучены, но известны поселения также в Южном Зауралье [Савельев, 2015], минусинских степях [Амзараков, Ковалева, Лазаретов, Поляков, 2015; Прищепа, 2018].

В восточных районах Центрального Казахстана первые поселения тасмолинской культуры были открыты А.З. Бейсеновым в 2001 г. С этого момента в результате поисков открыто свыше 50 памятников (рис. 1), основная их часть – в ходе полевых изысканий А.З. Бейсенова. На ряде

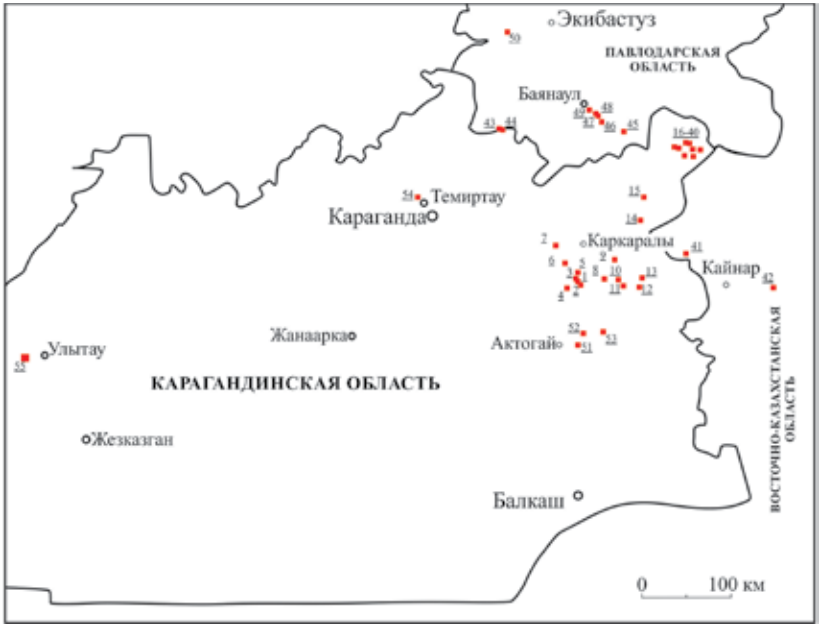


Рис. 1. Карта поселений сакского времени Центрального Казахстана:
1 – Сарыбуйрат; *2* – Кызылсуйир-2; *3* – Туйетас; *4* – Доненбай; *5* – Жартас; *6* – Абылай; *7* – Жамантас; *8* – Тайсойган; *9* – Кыштан; *10* – Бескийк; *11* – Даукара; *12* – Аралбай; *13* – Талдыбай; *14* – Егиндыбулак; *15* – Абиш; *16* – Таймас-1; *17* – Таймас-2; *18* – Ибрай; *19* – Есенбай-1; *20* – Есенбай-2; *21* – Шолакбулак-1; *22* – Шолакбулак-2; *23* – Шолакбулак-3; *24* – Едирей-1; *25* – Едирей-1А; *26* – Едирей-3; *27* – Едирей-3А; *28* – Едирей-3Б; *29* – Едирей-4; *30* – Едирей-5; *31* – Едирей-6; *32* – Койтас-1; *33* – Койтас-2; *34* – Кулжан-1; *35* – Кулжан-2; *36* – Карпык-1; *37* – Карпык-2; *38* – Карпык-3; *39* – Керегетас-1; *40* – Керегетас-2; *41* – Дын; *42* – Сенкибай; *43* – Онай-1; *44* – Онай-2; *45* – Тагыбайбулак; *46* – Улкенкудук; *47* – Мауке-1; *48* – Мауке-2; *49* – Жапалак; *50* – Шидертинское-2; *51* – Бегазы; *52* – Шабанбай; *53* – Сымтас; *54* – Красные горы; *55* – Бакатас

поселений проведены раскопочные работы [Бейсенов, Шульга, Ломан, 2017]. По поселениям получены, помимо основного материала, радиоуглеродные даты [Бейсенов, 2018], проводятся другие работы мультидисциплинарного характера [Бейсенов, Гимранов, Ахияров, Дуйсенбай, 2018; Бейсенов, Дуйсенбай, Ахияров, Жуманазаров, 2018].

По археологическим данным, в степных, горно-степных районах Евразии пространственное размещение и топография таких памятников скифо-сакского времени, как стоянки, поселения, городища, бывают подчинены ряду основных факторов. Здесь играют роль особенности взаимоотношений с соседями и стратегическая обстановка в целом, хозяйственная направленность социума, пути движения и расселения общин, принципы самой организации культуры в пространстве и др.

Предположения, ранее высказанные [Бейсенов, 2014] в отношении распространения поселений рассматриваемого региона, подтверждаются новыми материалами. Возросшее количество данных позволяет еще раз подчеркнуть важную роль экологического фактора в распространении и топографии поселений. Речь идет о памятниках восточных горных районов Центрального Казахстана, шире – Казахского мелкосопочника. Именно в этих районах получены наиболее убедительные данные такого рода, как расположение поселений на склонах возвышенностей, их малая площадь, применение значительного количества камня в возведении стен зданий. Как для построек в целом, так и для внутренних помещений характерны небольшие площади. Предполагаемые жилые помещения чаще имеют вытянутую, относительно узкую форму, что диктовалось особенностями плоской кровли, для большей прочности которой играла роль незначительная длина (величина) пролетов. Есть небольшие округлые жилища. Для домов характерны толстые, мощные стены [Бейсенов, Шульга, Ломан, 2017]. Культурный слой невелик, что подчеркивает сезонный характер поселений. Рассматриваемая группа поселений А.З. Бейсеновым была отнесена к такой категории, как зимовки населения тасмолинской культуры.

Расположение поселений на склонах возвышенностей указывает на условия многоснежной зимы в начале сакской эпохи. Снег на склонах сдувается и образуются удобные площадки, причем чаще для устройства небольших поселков выбирались освещенные южные, восточные, юго-восточные стороны. Для восточных районов Центрального Казахстана склоновая топография характерна и для казахских зимовок XIX – начала XX в. Скученная, «усадебная» планировка поселений, приземистые толстостенные строения, малая площадь жилищ показывают стремление людей той эпохи экономить тепло. В целом, особенности рассматриваемого типа поселений связываются с климатическими изменениями, имевшими место в начале сакской эпохи. По-видимому, раннесакские группы Центрального Казахстана проживали в условиях адаптации к новой экологической среде, характеризуемой такими

факторами, как похолодание, увеличение осадков. Особую роль играло умение выбирать малоснежные площадки и ниши в системе восточной части Казахского мелкосопочника. В особо удобных местностях, где имелись сплошные многочисленные склоны и террасы такого рода, образовывались значительные группы поселений. Одной из таких местностей является район горы Едирей, где на небольшой территории выявлено 25 поселений раннесакского времени и одно поселение позднедонгальского периода [Бейсенов, 2016].

Материалы по поселениям восточных районов Казахского мелкосопочника подтверждают сделанные предположения по изучению климата начала I тыс. до н.э. для многих регионов Евразии (сводку работ по Западной Сибири и Казахстану см.: [Фролов, 2016]). В исследованиях многих ученых для регионов Казахстана и Саяно-Алтая предполагаются похолодание климата и увлажнение для периода начала I тыс. до н.э. Именно в таких климатических условиях шли процессы формирования раннесакских культур Казахстана и Саяно-Алтая. Резкое изменение принципов пространственного размещения и топографии поселений востока Казахского мелкосопочника было вызвано, в свою очередь, климатическими изменениями.

Во многих регионах восточной части Казахского мелкосопочника еще не проводились сплошные поиски поселений. Имеющиеся данные отражают лишь результаты современного этапа исследований.

В западных районах Казахского мелкосопочника, более равнинных, чем восточная часть, пока выявлено немного пунктов, здесь ожидается несколько иная картина в распространении поселенческих объектов. Более обстоятельные поиски и исследования в этой части обширного региона должны способствовать выяснению этой ситуации.

Ямочно-жемчужная керамика является одним из важных показателей среди материалов поселений Центрального [Бейсенов, Шульга, Ломан, 2017] и Северного [Хабдулина, 2003] Казахстана. Возможно, с увеличением поселенческих материалов из других регионов определится ее общий характер для всех раннесакских культур Казахстана. Ямочный орнамент присущ для керамики поселений Восточного Приаралья [Левина, 1979]. Для Жетысу (Семиречье) пока остается неизученным весь раннесакский пласт, что касается и поселений. Большое число открытых и исследованных поселений Жетысу [Байпаков, 2012; Джумабекова, Базарбаева, 2018] относится к периоду существования иссыкской культуры, синхронной пазырыкской культуре Алтая. Верхняя дата этих поселений уверенно восходит к усуньскому периоду. По сути, можно говорить об одном поселении, самый ранний слой которого на основании радиоуглеродных дат может быть отнесен к раннесакскому этапу. Это Цыганка-8, исследованная в Талгарском районе Алматинской области. Общая дата слоев этого поселения, основанная на радиоуглеродном анализе, – 775–370 гг. до н.э. Вместе с тем ранние даты

получены из землянки-3 (775–370 гг. до н.э.) и ямы-хранилища-1 (от 740 до 710–535 гг. до н.э.), и эти данные не сопровождаются керамическим материалом. Указывается, что керамический материал из поселения по своим особенностям аналогичен посуде из Тузусая, что датируется периодом 400 г. до н.э. – 100 г. н.э. [Байпаков, 2012, с. 154–155]. Выходит, ранний слой на поселении Цыганка-8 будто бы есть, но керамика этого времени отсутствует. Эта картина связана с объемом и особенностями проведенных здесь с участием американских ученых работ. Дополнительные исследования памятника должны пролить свет на этот вопрос.

Малоизученность памятников раннесакского времени в Жетысу не означает их отсутствие. Не приходится сомневаться в том, что в распространении памятников раннесакского времени в этом регионе довлел иной принцип, нежели в период иссыкской культуры. Начиная с V в. до н.э. на Жетысу повсеместно увеличивается количество памятников, что, по всей вероятности, связано с более благоприятной климатической средой. Увеличение памятников, как кажется, особенно характерно для периода, синхронного башадарскому на Горном Алтае. Имеющиеся археологические данные позволяют предположить, что появление и распространение большой массы памятников характерны для этого времени. Сейчас известны десятки поселений, нижняя граница бытования которых уходит в этот период. Эти поселения дают материалы самого настоящего комплексного хозяйства, с развитым земледельческим укладом, основанным на поливном и богарном типах орошения. Сейчас проводится определенная работа по систематизации данных по Жетысу, рассмотрение даже отдельных ее нюансов выходит за пределы настоящего сообщения.

Раннесакская керамика Северного и Центрального Казахстана находит довольно «красноречивые» аналогии в ряде сопредельных регионов. Один из таких регионов – это Алтайский край. Керамика с редко поставленными ямками и жемчужником, без разного рода разделителей и других комбинирующих элементов, довольно ясно разделяет поселения Кулунды [Фролов, 2013] от поселений Лесостепного Алтая [Степанова, Фролов, 2017] и Горного Алтая [Шульга, 2015]. Раннесакский облик кулундинских памятников не вызывает особых возражений. Материалы могильника Ключи-3, имеющие выраженный тасмолинский облик, только усиливают это положение [Телегин, 1995–1997; 2018]. Вместе с тем, памятуя о таком памятнике, как поселение Горелый Кордон-I [Фролов, Папин, Шамшин, 2002], по-видимому, синхронное поселению Новошульбинское в Прииртышье [Бейсенов, Шульга, Ломан, 2017, с. 8], не следует сбрасывать со счетов и вопрос местного происхождения кулундинских поселений, возможно, напрямую не связанных с приходом тасмолинского населения именно в начале раннесакской эпохи. Речь, скорее, должна идти о более значительном характере донгальского пласта Кулунды, о связях, имевших место еще в предсакскую эпоху. В выяснении этого и других многих аспектов очень актуальным

Рис. 2. Поселение Абылай. *Фото Д.Б. Дуйсенбай. 2018 г.*

представляется расширение исследований раннесакских кулундинских поселений, как и погребальных памятников типа Ключи-3, со стороны алтайских коллег.

Предварительно высказываемые мнения по поселениям Центрального Казахстана базируются на современном состоянии их изучения, в том числе и на объеме раскопочных данных. Ни одно поселение еще не раскопано полностью. В настоящее время планируется полное исследование поселения Абылай, которое раскапывается в течение последних трех сезонов. Некоторые результаты первого этапа работ были опубликованы [Бейсенов, Гимранов, Ахияров, Дуйсенбай, 2018]. Интересна вскрытая в 2018 г. большая жертвенная яма, где найдено свыше 6 тысяч костей животных (обработка П.А. Косинцева и Д.О. Гимранова). Открывают определенные перспективы и немногочисленные зерна проса и ячменя [Бейсенов, Дуйсенбай, Ахияров, Жуманазаров, 2018], выявленные путем флотации культурного слоя этого же поселения (карпологические анализы выполнены Н.Е. Рябогиной и А.С. Афониным в Тюменском научном центре РАН в 2018 г.). Недавно проведенное исследование диеты тасмолинского населения показало наличие проса в его рационе [Святко, Бейсенов, 2017]. Все эти данные и результаты характеризуют лишь начальный этап комплексного исследования поселений Центрального Казахстана.

Изучаемые на современном этапе поселения восточных районов Центрального Казахстана А.З. Бейсенов считает зимовками населения тасмолинской культуры, ведшего в природно-климатических условиях востока Казахского мелкосопочника полуоседлый [Махортых, Иевлев, 1991] образ жизни, имея закрепленные за отдельными общинами небольшие зимники, расположенные в системе возвышенностей. Одним из неизученных аспектов является отсутствие данных по летним стоянкам. Таковые места, по некоторым наблюдениям, следует ожидать на небольших расстояниях от мест зимников, в степях, вдоль открытых речных долин. Применение этнографических данных, в том числе и по казахской этнографии, в изучении проблем сакского времени должно подчиняться определенной системе, исходить из определенных знаний истории и этнографии народа и опираться не на отдельные факты и цифры из разных публикаций и иных «документов», а на исследования аналитического характера [Бейсенов, Шульга, Ломан, 2017].

Библиографический список

Амзараков П.Б., Ковалева О.В., Лазаретов И.П., Поляков А.В. Поселение скифского времени Старая Копь-1 на восточной окраине минусинских степей // Записки Института истории материальной культуры. 2015. №12. С. 130–145.

Байпаков К.М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). Кн. I: Урбанизация Казахстана в эпоху бронзы – раннем средневековье. Алматы, 2012. 390 с.

Бейсенов А.З. Экологический фактор в устройстве поселений сакского времени в Центральном Казахстане // Вестник ВЭГУ. 2014. №6 (74). С. 170–178.

Бейсенов А.З. Раннесакские поселения близ горы Едирей в Центральном Казахстане // Известия Самарского научного центра РАН. 2016. Т. 18, №3. С. 146–152.

Бейсенов А.З. Тасмолинская культура Центрального Казахстана в исследованиях начала XXI века // Археология и давняя история Украины. 2018. Вып. 2 (27). С. 386–396.

Бейсенов А.З., Дуйсенбай Д.Б., Ахияров И.К., Жуманазаров Н.Ш. Новые данные исследования памятников эпох бронзы и раннего железа Сарыарки // Альманах. Мадениет. Культура. Culture. 2018. С. 88–98 (на казах. яз.).

Бейсенов А.З., Гимранов Д.О., Ахияров И.К., Дуйсенбай Д.Б. Поселение сакского времени Абылай в Центральном Казахстане // Теория и практика археологических исследований. 2018. №2 (22). С. 150–171.

Бейсенов А.З., Шульга П.И., Ломан В.Г. Поселения сакской эпохи. Алматы, 2017. 208 с.

Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.С. О раннем железном веке Жетысу: некоторые итоги систематизации данных // Археология и давняя история Украины. 2018. Вып. 2 (27). С. 469–484.

Левина Л.М. Поселения VII–V вв. до н.э. и «шлаковые» курганы южных районов Сырдарьинской дельты // Кочевники на границах Хорезма. ТХАЭЭ. М., 1979. Т. XI. С. 176–185.

Махортых С.В., Иевлев М.М. О путях и времени формирования раннекочевнических образований на юге европейской части СССР в позднейший предскифский период // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991. С. 18–30.

Мерц В.К. Система адаптации древних скотоводов в горностепной зоне Северной Евразии и методы поиска их поселений // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул, 2015. С. 69–73.

Прищепа Е.В. Проблема реконструкции жилищ тагарской культуры хакасско-минусинской котловины // Вестник Томского государственного университета. 2018. №427. С. 153–163.

Савельев Н.С. Раннесакские поселения Южного Зауралья // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Алматы, 2015. С. 246–254.

Святко С.В., Бейсенов А.З. Первые изотопные данные о диете тасмолинской культуры // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6, №3 (20). С. 223–227.

Степанова Н.Ф., Фролов Я.В. Керамика с поселений раннего железного века Лесостепного Алтая // Теория и практика археологических исследований. 2017. №1 (17). С. 71–85.

Телегин А.Н. Аварийные раскопки курганной группы Ключи-III // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 103–104, 106, 112.

Телегин А.Н. Некоторые итоги второго года раскопок курганной группы Ключи-3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 138–141.

Телегин А.Н. Раскопки третьего кургана курганной группы Ключи-3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997. Вып. 8. С. 140–142.

Телегин А.Н. Трепанированный череп из погребения сакского времени Кулунды // Маргулановские чтения-2018. Духовная модернизация и археологическое наследие сб. мат. Междунар. науч.-практ. конф. 19–20 апреля 2018 г. Алматы–Актобе, 2018. С. 595–596.

Фролов Я.В. Место комплексов раннего железного века Рублевского археологического микрорайона в кругу памятников раннескифского и скифского времени Кулунды // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2013. №5 (17). С. 45–57.

Фролов Я.В. Проблемы изучения влияния климатических изменений на динамику этнокультурных процессов на территории юга Обь-Иртышского междуречья в I тыс. до н.э. // Известия Алтайского государственного университета. 2016. №4. С. 287–291.

Фролов Я.В., Папин Д.В., Шамшин А.Б. Горелый Кордон-I – первое поселение переходного периода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку на юге Кулунды // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул, 2002. С. 135–139.

Хабдулина М.К. Поселения раннесакского времени на р. Селеты // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т. 1: Древние эпохи. Астана, 2003. С. 189–214.

Хабдулина М.К. Итоги изучения улыбай-тасмолинской культуры Северной Сарыарки // Казахстан в сакскую эпоху: колл. монография. Алматы, 2017. С. 35–58.

Шульга П.И. Скотоводы Горного Алтая в скифское время (по материалам поселений). Новосибирск, 2015. 336 с.

A.Z. Beisenov[1], D.B. Duisenbay[2], I.K. Akhiyarov[1], N.Sh. Jumanazarov[1]

[1] Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan;
[2] Gumilev Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

NEW RESEARCH OF THE SAKA TIME SETTLEMENTS IN CENTRAL KAZAKHSTAN

In the Eastern regions of Central Kazakhstan there are now more than 50 settlements of Tasmola culture which are characterized by slope topography, a small area, houses and household buildings with a stone base. Settlements are being studied in Northern Kazakhstan, Zhetysu. They are also known in the Eastern Aral region, in the Irtysh region. The lower limit of the existence of settlements is attributed by the period of the VIIIth –VIIth centuries BC. The materials of the settlements of the southern Trans-Urals, the Altai Mountains and the plains of the Altai territory are also involved. The type of pottery of the early Saka time has been defined. They are characterised by the ornament in the form of rarely located pearls and holes. A series of radiocarbon dates (Queen's University of Belfast, Northern Ireland, Great Britain) has been obtained for the settlements of Central Kazakhstan. Other studies of a multidisciplinary nature are also being conducted. At the Abylai settlement, for the first time in Central Kazakhstan, studies of the cultural layer by flotation were conducted. Carpological analysis conducted in the Tyumen scientific center (Russia), revealed a few grains of millet and barley.

Key words: Central Kazakhstan, settlements, Saka era, ceramics, radiocarbon dates, flotation method, carpological analysis.

УДК 379.85:615.89

А.С. Блялова, Н.М. Малибаева

Национальный музей Республики Казахстан, Астана

НАРОДНЫЕ МЕДИЦИНСКИЕ ЗНАНИЯ В АСПЕКТЕ ТУРИЗМА

Работа подготовлена в рамках научного проекта BR05236868
«Изучение, сохранение и популяризация культурного наследия Сарыарки»

На сегодняшний день включение объектов историко-культурного наследия нематериального и материального происхождения той или иной страны в мировой список достопримечательностей является приоритетным направлением для любого современного государства. Особенно если это касается области туризма, где объекты нематериального культурного наследия играют немаловажную роль в становлении туристического кластера любой страны.

В статье рассматриваются традиционные знания и методы народного врачевания казахов как один из кластеров формирования внутреннего лечебно-оздоровительного туризма в Казахстане. Казахстан пока не является страной, которая соответствует Конвенции по охране данного вида культурного наследия. Но все же использование в лечебно-туристической деятельности накопленный тысячелетний опыт наших предков по народному врачеванию – хороший потенциал для развития и создания собственной брендовой туристической индустрии.

Ключевые слова: культурный туризм, народная медицина, историко-культурное наследие.

На современном этапе глобального развития практически каждая страна мира создает конкурентоспособную среду в сфере оказания туристических услуг, а также старается вовлечь объекты историко-культурного достояния в индустрию туризма, в том числе и эмпирические знания народной медицины, чтобы привлечь внимание иностранных туристов. Для достижения желаемого результата предпринимаются различные действия и усилия в самых разных направлениях, в первую очередь – это брендирование страны, региона, продвижение, а также организация и проведение мероприятий по пропаганде историко-культурного наследия на государственном и международном уровнях. Как продемонстрировала мировая практика культурного и лечебно-оздоровительного туризма, наличие туристических ресурсов дает возможность для развития туристического рынка. Сама туристическая индустрия стала одной из мировых стремительно развивающихся областей экономики многих стран.

Под лечебно-оздоровительным туризмом подразумевается обеспечение туристов и местных жителей экологически чистым воздухом, здоровой пищей, лечебными природными ресурсами (минеральные и термальные воды, фитотерапия, пантолечение и др.). На современном этапе очень большое внимание уделяется развитию лечебно-оздоровительного туризма. Это обусловлено тем, что среди населения и у иностранных туристов этот вид туристической индустрии пользуется широким спросом и с каждым годом интерес к нему возрастает. Лечебно-оздоровительный туризм в мировом масштабе является одним из наиболее динамично развивающихся видов туризма. Так, по прогнозу Всемирной организации здравоохранения (WHO), к 2022 г. туризм совместно со сферой здравоохранения станет одним из наиболее приоритетных направлений развития национальных экономик [Ахмедова, Джафарова, 2016, с. 77–78].

Казахстан в свою очередь ничем не уступает по природному богатству и обладает большим потенциалом для развития отечественного лечебно-оздоровительного туризма [Абенова, 2015, с. 7].

Многообразие природных богатств и характерные климатические условия позволили казахам накопить самобытные и уникальные эмпирические знания по народному врачеванию, которые дают хорошие перспективы для создания специальных лечебных центров. Народная медицина – это тысячелетние эмпирические знания и навыки врачевания средствами с целебными свойствами растительного, животного, минерального и другого происхождения, дошедшие до наших дней путем их передачи из поколения в поколение, они берут свое начало с эпохи первобытного общинного строя [Дмитриева, 1996, с. 37–38].

На сегодняшний день накопленные медицинские знания и традиции их применения привлекают к себе все большее внимание. Во многих зарубежных странах, в том числе и в постсоветском пространстве, давно ведутся научные историко-этнографические исследования в этой области. Потребность простого населения обращаться за помощью к на-

родным лекарям обусловлена дороговизной услуг современной (научной) медицины и медикаментов, а также большим недоверием. Другой фактор, вызвавший интерес среди ученых-этнографов, – это практические стороны традиционных медицинских знаний, он объясняется тем, что лечение недугов всегда было и есть главной потребностью всего человечества. Параллельно с практическими задачами, разрабатываемыми науками естественного направления, прежде всего их медико-биологическим комплексом, у народной медицины имеются и другие стороны для изучения. Согласно Ю.В. Бромлею и А.А. Воронову [1976, с. 4], народная медицина, как и любой другой вид народных знаний, является неотделимой частью историко-культурного и духовного наследия каждого этноса. Изучая и исследуя медицинские знания и традиции их применения в народном врачевании, можно получить новые данные и по другим аспектам культурного наследия. Сами методы и приемы народного врачевания казахов подверглись видоизменению, оказавшись под воздействием влияния тибетской, китайской, индийской (аюрведа), арабской (исламизация) и других восточных народностей. Такой процесс масштабного влияния обусловлен тем, что казахи еще с древних времен вели торгово-экономические и политические отношения со странами Ближнего и Дальнего Востока, Европы, с Римской, а чуть позднее и Российской империями. Международные отношения никак не могли не отразиться на традиции народного врачевания казахов. Один из главных путей распространения и культурного взаимовлияния – Шелковый путь, который проходил через казахские земли. Благодаря торговым караванам в наши земли привозили и товары медицинского назначения, различные целебные травы, лекарства с использованием продуктов животного, минерального и растительного происхождения, а вместе с ними и методы лечения.

По определению зарубежных специалистов, способы и методы воздействия на пациента в народном врачевании можно разделить на два вида – рациональные и иррациональные знания и навыки. К представителям первого направления относились казахские целители – оташы, сыныкшы (костоправы). Благодаря влиянию арабских и греческих знаний народного врачевания, древние целители оташы проводили операции по удалению катаракты, цистита и грыжесечение.

Помимо этого, в практике врачевания целители использовали различные растения с целебными свойствами для лечения ран, язв, прикладывая их на пораженные участки, либо изготавливали из них отвар и принимали его внутрь. По археологическим находкам было определено, что еще в древности практиковались насечки и кровопускание, с помощью такого метода из организма выводилась вся грязная кровь (густая, черная). О народной медицине казахов впервые в 1841 г. писал А. Ямгин, принимавший участие в экспедиции, проходившей по киргиз-кайсацким землям.

Фундаментом древних традиционных знаний народного врачевания казахов стали эмпирические навыки, которые накапливались в течение

многих веков. К примеру, благодаря животноводческому типу хозяйства люди получили определенные знания о строении и функции внутренних органов, что в дальнейшем помогло им изучить строение тела человека, а в последующем позволило казахским лекарям иметь определенные представления о процессе лечения практически каждого человеческого органа. Помимо использования своих накопленных эмпирических навыков по врачеванию, казахские целители также применяли знания по врачеванию, приведенные в трудах Ибн Сина, которые в свою очередь указывают на наличие сходства с традициями применения навыков врачевания арабских и персидских лекарей. Одним из известных костоправов (сынықши) казахских степей являлся Куртка Султанкожа-улы, перенявший практические знания и навыки по костоправному делу от своего отца. Другим же одаренным казахским лекарем был Отебойдак Тлеукабыл-улы (1397–1492) – прославленный ученый, живший в XV в., автор феноменального труда по медицине в виде энциклопедии «Шипагерлик баян», сохранившейся в рукописном варианте. Именно Отебойдак Тлеукабыл-улы впервые ввел в практику применение вакцины от оспы, опередив при этом Эдуарда Женнера на 350 лет [Тілеуқабыл-ұлы, 1996, с. 14–15]. Второе немаловажное направление в традиционной медицине не только у казахов, но и у других народностей – это иррациональные знания и навыки лечения в народном целительстве. Здесь подразумевается использование магико-религиозных методов и средств в лечении [Кадырова, 1996, с. 38].

С проникновением и принятием ислама укрепился сакральный смысл слов и предметов, которые применялись в процессе лечебных магико-религиозных обрядов или действий у казахов. К примеру, вода становится средством для профилактики болезней. В одном из своих наблюдений Ч. Валиханов [1985, с. 187] описывал, как киргизы-мусульмане применяли воду для промывания глаз, лечили простуду и другие формы заболеваний, при этом произносили заговоры и молитвы из сур Корана. Это свидетельствует о том, что магические навыки лечения в традиционной медицине казахов применяются не только в отдельности, но и в комплексе с рациональными способами [Аршба, 2007, с. 164]. Помимо использования заговоренных лекарственных средств, с целью профилактики недугов казахи носили обереги, в частности «тумар». В результате накопления эмпирических знаний сформировалась отдельная понятийная система народных поверий и суеверий, связанных с прогнозированием болезней. В формировании систем народных знаний и навыков по врачеванию и целительству казахского народа главенствующую роль сыграли традиционные формы верования и повседневно-бытовой уклад жизни, которые сложились в результате долгого взаимодействия тюркских народов. Сочетание ислама и язычества привело к созданию платформы для дальнейшего формирования магико-лечебных обрядов как одного из способов целительства.

Таким образом, ценность традиционных знаний и навыков их применения в народном врачевании казахов состоит в том, что на основе

накопленного богатого практического опыта сформировался фундаментальный материал для дальнейших научных и историко-этнографических исследований, а также их практического применения в современных условиях. И в целях избежания риска утраты и их исчезновения необходимо создать условия по сохранению и популяризации этих накопленных знаний и традиций, их применению как части нематериального культурного наследия казахского народа на примере таких стран, как Китай, Индия и др., где наряду с научной (традиционной) медициной практикуют народные методы лечения.

Библиографический список

Абенова Е.А. Перспективы развития лечебно-оздоровительного туризма в Казахстане // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2015. №1 (10). С. 7–10.

Аршба С.Г. Народная медицина абхазов / Институт этнологии и антропологии РАН. М., 2007. 218 с.

Ахмедова И.И., Джафарова Г.Дж. Лечебно-оздоровительный туризм и его перспективы в Азербайджанской республике // Приволжский научный вестник. 2016. №8 (60). С. 77–82.

Бромлей Ю.В., Воронов А.А. Народная медицина как предмет этнографических исследований // Советская этнография. 1976. №5. С. 3–18.

Валиханов Ч. О мусульманстве в Степи // Собрание сочинений: в 5 т. Алма-Ата, 1985. Т. 4. С. 187.

Дмитриева С.И. Профилактика в русской народно-медицинской практике // Традиционная этническая культура и народные знания: мат. Междунар. конф. М., 1996. С. 37–38.

Кадырова Л.М. Иррациональные народные медицинские знания сибирских татар Омской области // Народная культура. Омск, 1996. С. 38–40.

Тілеуқабыл-ұлы Ө. Шипагерлік баян / Араб қарпінен көшіргендер К. Елемес, Д. Мәсімхан. Алматы, 1996. 464 с.

A.S. Blyalova, N.M. Malibaeva

National Museum of the Republic of Kazakhstan, Astana

FOLK MEDICAL KNOWLEDGE IN THE ASPECT OF TOURISM

Today, the inclusion of objects of historical and cultural heritage of the intangible and material origin of a country in the world list of attractions is a high priority for any modern state. It is especially important when it comes to the field of tourism, where intangible cultural heritage sites play an important role in the development of the tourist cluster of any country.

The article discusses the traditional knowledge and methods of folk healing of the Kazakhs, as one of the clusters of the formation of therapeutic and health tourism in Kazakhstan. Kazakhstan is not yet a country that complies with the Convention for the protection of this type of cultural heritage. However, the use of the ancestral experience in folk healing is a good potential for the development and creation of our own brand tourism industry.

Key words: cultural tourism, folk medicine, historical and cultural heritage.

УДК 069.02:908(571.16)

А.И. Боброва, Ю.К. Рассамахин

Томский областной краеведческий музей им. М.Б. Шатилова, Томск, Россия

«ВЫСТАВКА ОДНОГО ПРЕДМЕТА» ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ФОНДА ТОМСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ (Россия)

В статье рассмотрен опыт организации выставок одного предмета в Томском областном краеведческом музее, в том числе выставок, построенных на археологических материалах. В качестве концептуального обоснования необходимости организации таких выставок авторы отталкиваются от вопросов о месте музея в формировании социокультурного пространства города, об инструментах и методах, применяемых музейными специалистами с целью насыщения этого пространства историческими и культурными смыслами.

Ключевые слова: выставка одного предмета, музей, социокультурное пространство, канал коммуникаций.

Пространство обитания во многом предопределено природой (живой и неживой), в которую попадает человек. Но в большей мере оно формируется самим человеком. Следы антропогенного воздействия на среду особенно зримо видны в облике города. И не только в физическом облике, но и в социокультурном характере городского пространства.

Какое место занимает музей в формировании социокультурного пространства города? Какие инструменты и методы применяют музейные специалисты, чтобы это пространство насыщать историческими и культурными смыслами? Чтобы не утонуть в общетеоретических рассуждениях о предназначении музея в современном обществе (по этому вопросу велись, ведутся и будут вестись многочисленные дискуссии), следует зафиксировать один из принципиальных посылов, который, как представляется, позволяет осмыслить задачи, стоящие перед музеями как социокультурными институтами.

Если обратиться к правоустанавливающим документам нашего (Томского областного краеведческого) музея, то в его уставе словосочетание «миссия музея» не встречается. Что-то приближенное к этому понятию обозначено в нем как «предмет деятельности», т.е. «выполнение работ, оказание услуг в целях осуществления предусмотренных Законодательством РФ полномочий органов государственной власти Томской области в сфере культуры и образования».

На наш взгляд, такая трактовка миссии (если, конечно, ее можно назвать миссией) носит формальный характер. Не точнее ли будет изложить миссию музея следующим образом: *«Предоставление посетителям возможности для самоидентификации путем использования музейных ресурсов и, прежде всего, предметов-подлинников, извлеченных из среды*

их бытования и помещенных в экспозиционное пространство»? Такой концептуальный подход предполагает наиболее эффективно использовать предметы-подлинники или комплексы подобных предметов как некие «каналы коммуникации», а точнее – каналы проникновения посетителя в среду бытования предмета/предметов. Это достигается путем помещения музейных предметов-подлинников в экспозиционное пространство.

В современных условиях, когда для музеев нередко бывает затруднительно создание масштабных дорогостоящих стационарных экспозиций, особое значение приобретает организация мобильных, динамичных и не очень дорогостоящих выставок. Они позволяют оперативно реагировать на потребности момента, вводить в научный оборот в музейной форме результаты научных исследований сотрудников музея, увеличивают число доступных для широкого зрителя музейных предметов из фондов, позволяют показывать предметы в различных контекстах, под разным углом зрения, расширяя, таким образом, информационное поле каждого предмета и в целом возможности музейной коммуникации. Во многих музеях система взаимосвязанных выставок в значительной степени заменяет основную экспозицию.

Представляется, что такой подход в деле экспонирования корректно вводит посетителя выставки в среду бытования предмета через канал проникновения в эту среду, созданный самим предметом. То есть такой подход позволяет не навязчиво удовлетворять естественную потребность человека в самоидентификации, когда посетитель как бы примеряет на себя различные «одёжки» эпох и культур. В связи с этим чрезвычайно актуальными для музея становятся задачи создания многочисленных каналов проникновения в эпохи и культуры древности, поскольку историко-культурное наследие древности – неотъемлемая часть культуры общества, без которой современное социокультурное пространство выглядит ущербным. Проблема создания таких каналов актуальна всегда: особенно тогда, когда музей располагает значительными археологическими фондами, где содержится огромное количество предметов-подлинников – «посланцев» многочисленных культур. Каким образом выстраивать в музее подобные каналы проникновения?

Томский областной краеведческий музей располагает археологическими фондами, в которых насчитываются 233 коллекции и 73 отдельных предмета, составляющих в совокупности более 111 тысяч единиц хранения [Гребнева, 2017, с. 6]. Но существует острая проблема экспонирования этих предметов – отсутствие постоянной экспозиции музея (нереализованный проект постоянной экспозиции музея предполагал включение в экспозиционное пространство археологических комплексов, маркирующих различные культуры от палеолита до позднего средневековья).

В настоящее время музей работает в режиме временных выставок, и «археологическая» их часть отнюдь не приоритетна в экспозиционной практике. Объясняется это просто: музей вынужден оперативно отзываться на запросы не только общества, но и властей, а за ними нередко

теряется постоянный, естественный и незримый запрос на самоидентификацию. И впрямь: хотя самоидентификация – это естественная потребность человека, но удовлетворение этой потребности не ощущается так остро, как, например, потребность дышать, есть, развлекаться...

Такая ситуация заставляет музейных сотрудников использовать различные формы публикаций археологического наследия. Это чаще всего полиграфические или электронные публикации, в том числе электронные, в Государственном каталоге музейного фонда РФ.

Но для решения задач самоидентификации одних лишь электронных публикаций явно недостаточно, поскольку только экспонирование предметов-подлинников может создать корректные каналы проникновения в среду бытования предметов. А это возможно исключительно при условии организации выставок с археологическими артефактами, а не с их виртуальными двойниками.

При дефиците экспозиционных площадей и одновременном стремлении обеспечить свободный публичный доступ к предметам-подлинникам наш музей обратился к практике «выставок одного предмета». С этой целью в приемной зоне музея (недалеко от стойки администратора и кассира) была установлена витрина, оборудованная охранной сигнализацией. Любой посетитель, приходящий в музей или на концерт в органный зал Томской филармонии, расположенный в одном здании с музеем, может свободно и бесплатно посетить такую выставку.

Практика экспонирования предметов-подлинников в режиме выставок одного предмета развернулась в нашем музее в 2015 г. Периодичность их организации доведена сегодня до еженедельного ритма, таким образом, в течение календарного года монтируется около 50 выставок. В какой-то мере такой напряженный ритм продиктован требованиями Правительства РФ, направленными на «повышение эффективности культуры». Основанием для активизации выставочной деятельности является «Дорожная карта», утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 28.12.2012 г. №2606. Она предусматривает в сроки с 2012 по 2018 г. увеличить долю представленных (во всех формах) зрителю музейных предметов до 34% от общего числа основного фонда и на 100% (т.е. вдвое) количество выставочных проектов.

Применительно к Томскому областному краеведческому музею такое «повышение эффективности» обязывает музей ставить около 400 выставок ежегодно, и прибавка в 50 «выставок одного предмета» является существенным подспорьем к выполнению «Дорожной карты».

Организационное оформление производства выставок осуществляется приказом по учреждению с фиксацией сроков работы выставок, назначением ответственных за их производство и ответственных хранителей предмета/предметов в составе каждой выставки. Это – механизм организации выставок одного предмета. Содержательная же часть выставок пока что лишена стратегии, поскольку принцип отбора музейных предметов для экспонирования подчинен тактическим замыслам каждого из чередующих-

ся организаторов той либо другой выставки. Хотя попытки тематически объединить несколько выставок одного предмета предпринимаются.

Такое объединение в практике нашего музея проявлялось, к примеру, в создании следующих выставочных рубрик: «Листая томский календарь» (для экспонирования подбирались предметы, связанные с юбилейными датами в истории Томска); «Музейная азбука» (принцип подбора основан на заглавных буквах наименований музейных предметов – от «А» до «Я»); «Международный год света и световых технологий», который проводился в 2015 г. по решению Генеральной Ассамблеи ООН (экспонировались различные осветительные приборы из коллекций музея) и т.д.

Во второй половине 2018 – начале 2019 г. мы решили сделать акцент в выставочной практике на экспонировании предметов археологии. Серия выставок одного предмета была объединена рубрикой «Археологическое наследие земли Томской» (рис.). Выставки создавались объединенными усилиями специалистов выставочного и научно-исследовательского отделов музея (Ю.К. Рассамахин, А.И. Боброва). Тем самым обеспечивался профес-

Выставка одного предмета.
Из фондов Томского областного краеведческого музея им. М.Б. Шатилова

сиональный подход как к экспонированию, так и к научной интерпретации музейного предмета и его среды бытования. Кроме того, часть экспонируемых археологических предметов была скомплектована непосредственно археологом – разработчиком выставок, что облегчало задачу их создания.

На выставках были представлены археологические предметы, которые, во-первых, давали бы возможность посетителю «погружаться» в среду бытования предмета или в атмосферу полевой и камеральной археологии; во-вторых, отражали бы значимые социокультурные явления древности; в-третьих, обладали бы признаками аттрактивности (способностью привлекать внимание посетителей своими внешними признаками).

Таким образом, в рамках рубрики «Археологическое наследие земли Томской» было организовано 11 выставок:

- «Скульптура из камня» (рис.-*1*; Самусь-IV, поселение, фонды ТОКМ, колл. №3410/ 4442);
- «Утюжок» (рис.-*2*; Дзержинская-III, находка; фонды ТОКМ, колл. №12951);
- «Сосуд с антропоморфными символами» (рис.-*3*; Самусь-IV, поселение; фонды ТОКМ, колл. №3410/2707, 2709, 2710, 2711);
- «Антропологическая реконструкция черепа из Еловского могильника-II» (фонды ТОКМ, колл. НВ №5014);
- «Антропологическая реконструкция по черепу из могилы-6 могильника Рёлка» (фонды ТОКМ, колл. НВ №5030);
- «Антропологическая реконструкция по черепу из кургана №5 курганного могильника Тоянов Городок» (фонды ТОКМ, колл. НВ №5029);
- «Еловская керамика эпохи бронзы» (Еловский могильник-II; фонды ТОКМ, колл. №4119 / 49, 64, 108);
- «Каменное изображение головы медведя» (Басандайское городище; фонды ТОКМ, колл. №10818/1);
- «Небесный всадник» (рис.-*4*);
- «Фрагмент фляжки с изображением Сенмурва» (рис.-*5*; Ёлтыревский курганный могильник-II; фонды ТОКМ, колл. №13492/31-39);
- «Сосуд-ладья» (Тяголовская курганная группа, фонды ТОКМ, колл. №12686/37 – ладья, развитое средневековье; курганный могильник Остяцкая Гора, фонды ТОКМ, колл. №1499/316 – сосуд-ладья XVII в.);
- «Аптечная и парфюмерная посуда. Томск. XIX в.» (Томский город, Батенькова, 15, фонды ТОКМ, колл. №13406/473, 1993, 2953, 3768, 3975; Томский Богородице-Алексеевский монастырь. Некрополь, фонды ТОКМ, колл. №14301/64).

Хронологический диапазон археологических культур, представленных на выставках, простирался от эпохи неолита до нового времени.

Выставки сопровождались этикетажем и развернутыми сопроводительными текстами. При экспонировании разработчики руководствовались принципами коллекционного показа с частичным архитектурно-художественным решением. При этом профессиональный дизайнер к организации выставок не привлекался: необходимая оцифровка архео-

логических предметов и частичный дизайн осуществлялись силами специалиста отдела информатизации и редакционно-издательской деятельности музея (Т.И. Чернова). Такой регламент, с одной стороны, обеспечивал экономию средств на организацию выставок, а с другой – мобильность производства выставок, позволяя создавать их еженедельно.

Организация выставок одновременно предполагает публикации (более расширенные, чем сопроводительные тексты). С материалами выставок одного предмета можно познакомиться на электронных ресурсах: сайте музея (в разделе «Музейный предмет в томском киоте» (виртуальные выставки одного предмета) и в социальных сетях. В этом случае материалы выставок по-прежнему остаются в публичном пространстве и после их демонтажа продолжают участвовать в формировании социокультурного пространства города.

Библиографический список

Гребнева Г.И. Каталог археологического собрания Томского областного краеведческого музея / под ред. Я.А. Яковлева. Томск, 2017. С. 6.

Сайт Томского областного краеведческого музея:

Боброва А.И., Рассамахин Ю.К. Каменная скульптура трехтысячелетней давности. URL: https://tomskmuseum.ru/afisha_exhibit/virt_vist/vvop/vvvkiot20181004/;

Боброва А.И., Рассамахин Ю.К. Тайна предмета «непонятного назначения». URL: https://tomskmuseum.ru/afisha_exhibit/virt_vist/vvop/vvvkiot20181012/;

Боброва А.И., Рассамахин Ю.К. Самусь-IV, или Тайна «пляшущих» человечков. URL: https://tomskmuseum.ru/afisha_exhibit/virt_vist/vvop/vvvkiot20181107/;

Рассамахин Ю.К. Древнее каменное изваяние медвежьей головы. URL: https://tomskmuseum.ru/afisha_exhibit/virt_vist/vvop/vvvkiot20181207/;

Боброва А.И. Корабль мертвых (ладьевидные сосуды у западносибирского населения). URL: https://tomskmuseum.ru/afisha_exhibit/virt_vist/vvop/vvvkiot20181211/;

Боброва А.И., Рассамахин Ю.К. Томский парфюм от Брокара и Ралле. URL: https://tomskmuseum.ru/afisha_exhibit/virt_vist/vvop/vvvtk20190125/;

Рассамахин Ю.К. Небесный всадник. URL: https://tomskmuseum.ru/afisha_exhibit/virt_vist/vvop/vvKiot20180829Nv/.

A.I. Bobrova, Y.K. Rassamakhin

Shatilov Tomsk Regional Museum of Local Lore, Tomsk, Russia

“EXHIBITION OF ONE OBJECT” FROM ARCHAEOLOGICAL FUND OF THE TOMSK REGIONAL MUSEUM OF LOCAL LORE IN THE SOCIO-CULTURAL SPACE OF URBAN ENVIRONMENT

This article examines the experience of organizing one object exhibitions in the Tomsk Regional Museum of Local Lore, including exhibitions based on archaeological materials. To give conceptual justification for the organization of such exhibitions, the authors consider the place of museums in the formation of urban sociocultural space, about tools and methods used by museum specialists in order to fill this space with historical and cultural meanings.

Key words: museum, exhibition of one object, sociocultural space, communication channel.

УДК 902.3(571.17)

В.А. Борисов, А.М. Илюшин, С.С. Онищенко

Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Россия

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО РАСКОПКАМ ЖИЛИЩА НА ТОРОПОВО-7

Публикуются результаты исследования жилища 2 из раскопа №10 на комплексе археологических памятников Торопово-7. Приводятся описание и реконструкция стационарного жилища, которое представляло собой полуземлянку, отапливаемую внутри очагом. Описываются и систематизируются археологические находки, представленные многочисленными фрагментами костей животных и керамической посуды. К числу единичных находок отнесены каменная зернотерка, костяная пуговица и проколка. Проводится сравнительный анализ выявленных артефактов по материалам раскопок других жилищ на Торопово-7, поселениям и погребальным памятникам Касьминского археологического микрорайона и Кузнецкой котловины. По всей совокупности комплекса аналогий объект исследования датируется развитым средневековьем и относится к шандинской археологической культуре Кузнецкой котловины.

Ключевые слова: Кузнецкая котловина, Торопово-7, жилище, развитое средневековье.

В 2015–2016 гг. Кузнецкая комплексная археолого-этнографическая экспедиция Гуманитарного научного центра Кузбасского государственного технического университета им. Т.Ф. Горбачева (ККАЭЭ ГНЦ КузГТУ) проводила полевые исследования в Касьминском археологическом микрорайоне в Ленинск-Кузнецком районе Кемеровской области. Среди разноплановых работ наибольшее место занимали стационарные спасательные раскопки на комплексе археологических памятников Торопово-7, расположенном в долине среднего течения Касьмы, имеющем два культурно-хронологических пласта: период поздней бронзы и развитого средневековья [Илюшин, 2013, с. 137–142; Илюшин, Борисов, Бутьян, 2018, с. 422–423]. На этом памятнике был заложен раскоп №10, где были выявлены и обнаружены два средневековых жилища. Материалы раскопок первого жилища уже были введены в широкий научный оборот [Борисов, Илюшин, Онищенко, 2017, с. 54–60], поэтому целью настоящей работы является публикация материалов, полученных при исследовании жилища 2 на раскопе №10, и их культурно-хронологическая характеристика.

Жилище 2 располагалось в юго-восточной части раскопа №10 и представляло собой земляной котлован неправильной подчетырехугольной формы с заоваленными углами, ориентированный углами по сторонам света с небольшим смещением (рис. 1). В центральной части котлована жилища был выявлен грабительский шурф размерами 2×1 м, длинной осью вытянутый по линии З–В, следы которого в процессе раскопок фиксировались вплоть до уровня материка. Размеры котлована

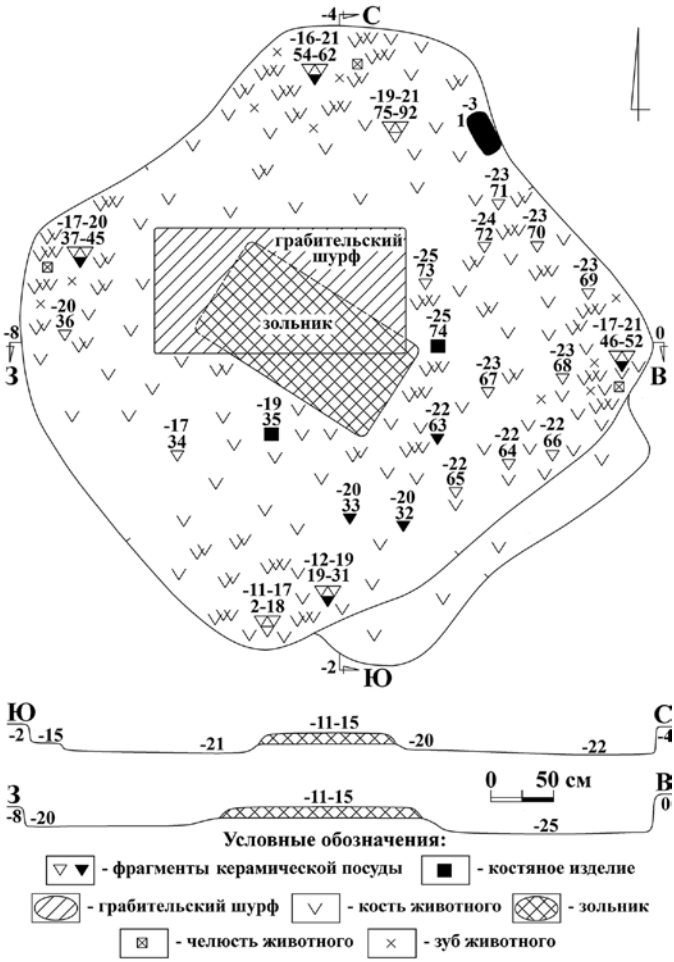


Рис. 1. Комплекс археологических памятников Торопово-7. Раскоп №10. План и разрезы жилища 2. Находки: *1* – каменная зернотерка; *2–34, 36–73, 75–92* – фрагменты керамической посуды; *35* – костяная пуговица; *74* – костяная проколка

составляют с юга на север 5,02 м, с запада на восток – 5,05 м, с юго-запада на северо-восток – 4,34 м, с юго-востока на северо-запад – 4,27 м. Общая площадь котлована – около 22 м². У юго-восточной стенки котлована зафиксирована ниша шириной 0,30–0,48 м, которая на 0,03–0,08 м возвышалась над дном жилищного котлована. Глубина жилищного котлована в слое материковой глины составляет 0,20–0,25 м. Перепад глу-

бины котлована связан с необходимостью выравнивания пола, так как жилище располагалось на наклонной поверхности. При исследовании заполнения котлована и зачистки пола были найдены единично и скоплениями 89 фрагментов керамических сосудов, 1 массивный фрагмент каменной зернотерки, костяная пуговица и проколка, а также 175 костей (целые и фрагменты), 10 зубов и 3 фрагмента челюстей различных животных (рис. 1; 2.-*1–12*). В центральной части котлована был выявлен зольник от очага, который выделялся серо-белым цветом, имел правильную вытянутую подчетырехугольную форму с заоваленными углами размерами 1,63×0,86×0,05 м и был ориентирован длинной осью по линии ЮВ–СЗ (рис. 1). Зольник располагался на платформе такой же формы, которая на 0,05–0,10 м возвышалась над дном жилищного котлована и была подвержена сильному воздействию огня. После выборки зольника на ней был зафиксирован сильный прокал.

Выявленные артефакты и сооружения позволяют характеризовать раскопанное жилище как полуземлянку, состоящую из наземной конструкции и земляного котлована. В котловане и вблизи него ямок не было. Вероятно, наземная конструкция была установлена на древнюю дневную поверхность, на которой и была закреплена, а котлован был сооружен внутри жилого пространства до уровня непромерзания почвы с условием функционирования очага. При использовании жилища глубина котлована от уровня дневной поверхности составляла приблизительно 0,70–0,80 м. Выявленные артефакты указывают на стационарный характер исследованного жилища, которое могло функционировать круглый год. В пользу зимнего использования жилища свидетельствуют массивный зольник от очага и сильный прокал материкового грунта под ним. Большой очаг был необходим для обогрева всей площади жилища и приготовления пищи. Вход в жилище при раскопках не был зафиксирован. Можно лишь предполагать, что он находился в северо-западной стенке жилища, где были зафиксированы самые низкие показатели глубины котлована, и был ориентирован по направлению к реке (рис. 1). По размерам жилище могло принадлежать одной семье.

Изучение зооархеологических материалов из жилища 2 раскопа №10 проводилось с целью получения информации по видовому и половозрастному составу остатков скелетов животных. Всего на анализ было представлено 188 образцов от различных по локализации элементов скелетов животных, в основном фрагменты костей разных размеров. Из них 16 имеют следы от режущих орудий, оставшиеся при разделке туш, и воздействие огня. Признаки обработки костей (сверление, шлифовка, остругивание, вырезы и др.) отсутствуют, что позволяет рассматривать всю совокупность зооархеологических материалов как пищевые отходы.

Видовая принадлежность была установлена для 93 образцов. Они принадлежат лошади (*Equus caballus* – 81 экз.), барану домашнему (*Ovis aries* – 6 экз.), быку домашнему (*Bos taurus* – 3 экз.) и лисице (*Vulpes*

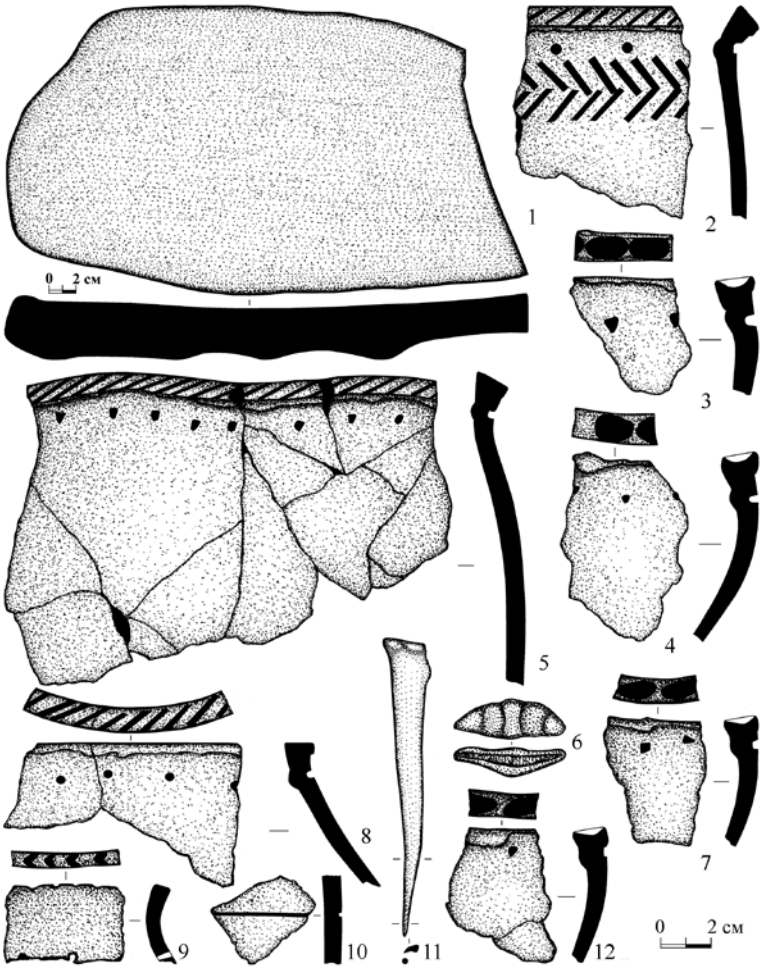


Рис. 2. Комплекс археологических памятников Торопово-7. Раскоп №10. Выборочная коллекция находок: *1* – каменная зернотерка; *2–5, 7–10, 12* – фрагменты керамической посуды с орнаментом; *6* – костяная пуговица; *11* – костяная проколка

vulpes – 3 экз.). Большая часть неопределенных до вида образцов представлена трудно идентифицируемыми мелкими осколками от трубчатых и плоских костей, которые по своим параметрам относятся к двум размерным группам: крупные (52 экз.) и средние (17 экз.) животные. Кроме этого, были обнаружены также две разносторонние локтевые кости от средней по размеру птицы.

Остатки лошадей представлены всеми отделами скелета, без какой-либо резко выраженной диспропорциональности в количестве правых и левых элементов. Анализ показал, что они принадлежали не менее пяти животным разного возраста. Трем особям было менее 2,5 года, среди них двум – от полугода до года; две особи были взрослыми (старше 4 лет), одной из них было более 15 лет. Немногочисленные остатки от других домашних животных – барана и быка, принадлежали особям не старше 2,5–4 лет.

Выявленные особенности состава зооархеологических находок отражают структуру потребления мясной пищи и некоторые специфические черты семейной группы, проживавшей в данном жилище. Можно предположить, что, помимо содержания лошадей, эта семья занималась разведением мелкого и крупного рогатого скота, отчасти охотой. Это подтверждает ранее сделанный нами вывод, что у населения Торопово-7 имелась определенная социально-хозяйственная стратификация семейных групп [Илюшин, Онищенко, 2016в, с. 72–74; Илюшин, Онищенко, Филиппова, 2017, с. 198–199].

Хронологию и культурную принадлежность раскопанного жилища можно определить по его конструктивным особенностям и аналогиям предметам, которые были в нем найдены. По своей конструкции, и прежде всего специфической форме очага, исследованное жилище схоже с аналогичными объектами на Торопово-7 из раскопов №5 (жилище 3), №6 (жилище 1) №8 (жилища 1 и 2), №9 (жилище 1), которые были датированы в широком диапазоне развитым средневековьем (XI–XIV вв.), а в узком – XII–XIII вв. и отнесены к шандинской археологической культуре [Илюшин, Борисов, 2017, с. 85–91; Илюшин, Борисов, Онищенко, 2015, с. 61–65; Илюшин, Онищенко, 2016а, с. 55–65; 2016б, с. 245–250]. Аналогии каменной зернотерке, костяной пуговице и проколке (рис. 1.-*1, 6, 11*) были найдены в жилище 3 и жилищах 1 и 2 на раскопах №5 и 8 [Илюшин, Борисов, Онищенко, 2015, рис. 1.-*3*, *5*, *6*; Илюшин, Онищенко, 2016а, рис. 2.-*11*; 2016б, рис. 2.-*9–11*]. В орнаментации керамической посуды используется резная и тычковая техника нанесения элементов. Отсутствует гребенчатый штамп. Среди элементов преобладают резные линии, которые наносились на венчик и тулово, а также ямки разной формы, которые разреженно делались в районе шейки и обреза венчика (рис. 2.-*2–5*, *7–10*, *12*). Обращает на себя внимание посуда, которая была украшена по венчику пальце-ногтевыми вдавлениями (рис. 2.-*3*, *4*, *7*, *12*). Ближайшие аналогии керамической посуде и элементам ее орнаментации, найденной в жилище 2 на раскопе №10, фиксируются в Касьминском археологическом микрорайоне на поселениях Шабаново-10, Шабаново-5 и Торопово-4, которые датированы разными интервалами в пределах первой половины II тыс. н.э. [Илюшин, 2015, с. 93–94, рис. 2; 2016, с. 98–104, рис. 1.-*1-11*; рис. 2.-*1-6, 8-13*; Илюшин, Ковалевский, 2012, с. 84–85; и др.]. На территории Кузнецкой котловины аналогичная керамика выявлена на городище Городок [Ширин, 2002, с. 57–58, 60–61, рис. 7, 8; 2004, с. 86, рис. 4, 5],

селище Есауловское-2 [Ширин, 1992, с. 40–41, рис. 3], поселении Гурьевское [Елькин, 1974, с. 119–129, рис. 3–5], курганной группе Озерки-5 [Васютин А., Васютин С., Онищенко, 2012, с. 170–185], которые датируются в пределах начала – 1-й половины II тыс. н.э. В целом, артефакты, которые были найдены в жилище 2 на раскопе №10, не противоречат датировке и культурной принадлежности ранее раскопанных аналогичных жилищ на Торопово-7 и могут быть датированы развитым средневековьем и отнесены к шандинской археологической культуре.

В пользу этой датировки свидетельствует и планиграфия памятника. Жилище 2 из раскопа №10 располагается рядом с вышеперечисленными аналогичными объектами и образует с ними компактный жилой комплекс, расположенный в центральной части Торопово-7, который, видимо, принадлежал одной этнической группе, вероятно, большой семье, состоящей из нескольких поколений. С западного края этого жилого комплекса из шести жилищ поодиночке располагались синхронные жилища схожей конструкции, но которые отапливались очагами овальной формы [Илюшин, Борисов, 2014, с. 100–105; Борисов, Илюшин, Онищенко, 2017, с. 54–60]. Данное обстоятельство позволяет высказать гипотезу о том, что это место проживания в развитом средневековье одновременно использовали две этнические группы с разными культурными традициями обогрева жилища.

Библиографический список

Борисов В.А., Илюшин А.М., Онищенко С.С. Средневековое жилище в раскопе №10 на комплексе археологических памятников Торопово-7 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2017. Вып. XXIII. С. 54–60.

Васютин А.С., Васютин С.А., Онищенко С.С. Калтышинский археологический микрорайон в конце VIII – первой половине XI в. н.э.: природа и культура (степное Присалаирье). Кемерово, 2012. 213 с.

Елькин М.Г. Поселение позднего железного века у г. Гурьевска // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1974. Вып. 5. С. 119–129.

Илюшин А.М. Касьминский археологический микрорайон и результаты раскопок на Торопово-7 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: мат. XVIII и XIX регион. науч.-практ. конф. Барнаул, 2013. С. 137–142.

Илюшин А.М. Новые материалы о местах проживания населения Кузнецкой котловины в развитом средневековье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2015. Вып. XXI. С. 92–98.

Илюшин А.М. Поселение Шабаново-5 как объект культурного наследия средневекового населения Кузнецкой котловины // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2016. Вып. XXII. С. 98–104.

Илюшин А.М., Борисов В.А. Средневековое жилище на комплексе археологических памятников Торопово-7 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2014. Вып. XX. С. 100–105.

Илюшин А.М., Борисов В.А. Исследования на комплексе археологических памятников Торопово-7 // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае 2015 г.: археология: мат. XI Междунар. науч.-практ. конф. Павлодар, 21–22 апреля 2016 г. Барнаул, 2017. Т. 2, вып. 11. С. 85–91.

Илюшин А.М., Борисов В.А., Бутьян В.А. Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции // Археологические открытия. 2016 г. М., 2018. С. 422–423.

Илюшин А.М., Борисов В.А., Онищенко С.С. Исследования средневековых жилищ на комплексе археологических памятников Торопово-7 // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2014 г.: археология, этнография, устная история: мат. X Междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 22–23 апреля 2015 г. Барнаул, 2015. Вып. 10. С. 61–65.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Комплекс древних поселений в долине реки Касьмы // Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. Кемерово, 2012. Т. 5. 212 с.

Илюшин А.М., Онищенко С.С. О результатах исследования жилища кочевников развитого средневековья Кузнецкой котловины // Вестник археологии, антропологии и этнографии: электрон. журнал. 2016а. №1. С. 55–65.

Илюшин А.М., Онищенко С.С. Результаты исследования жилища кочевников развитого средневековья в Кузнецкой котловине // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016б. №5. С. 245–250.

Илюшин А.М., Онищенко С.С. Система жизнеобеспечения этнической группы восточных кыпчаков по материалам раскопок на Торопово-7 в долине р. Касьмы // Экология древних и традиционных обществ: мат. V Междунар. науч. конф., Тюмень, 7–11 ноября 2016 г.: в 2 ч. Тюмень, 2016в. Вып. 5, ч. 2. С. 72–74.

Илюшин А.М., Онищенко С.С., Филиппова А.В. Домохозяйство кочевников развитого средневековья в долине р. Касьмы // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2017. №3 (121). С. 195–204.

Ширин Ю.В. Орнаментация средневековой керамики Южного Кузбасса // Орнамент народов Западной Сибири. Томск, 1992. С. 36–50.

Ширин Ю.В. Городище Городок в Кемеровском районе // Аборигены и русские старожилы Притомья. Кемерово; Городок, 2002. С. 41–77.

Ширин Ю.В. Городище Городок и его окрестности в древности // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2004. Вып. 6. С. 69–112.

V.A. Borisov, A.M. Ilyushin, S.S. Onishenko

Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russia

NEW MATERIALS ON EXCAVATION OF THE DWELLING ON TOROPOVO-7

The article publishes the results of research conducted on dwelling 2 of excavation No. 10 on Toropovo-7, a complex of archaeological sites. The description had been presented of the stationary dwelling which represented a semi-dugout heated by the inside hearth. The archaeological finds presented by numerous fragments of bones of animals and ceramic ware have been described and systematized. The stone grain grater, a bone button and a pro-splitting have been presented as single finds. The article presents a comparative analysis of the revealed artifacts on the materials of excavation of other dwellings on Toropovo-7, settlements and funeral sites of the Kasminsky archaeological residential district and Kuznetsk Depression. The whole complex of analogies let attribute the object of research to the developed Middle Ages and to Shandinskaya archaeological culture of the Kuznetsk Depression.

Key words: Kuznetsk Depression, Toropovo-7, dwelling, the developed Middle Ages.

УДК 903.5(571.151)

А.П. Бородовский

Институт археологии и этнографии, Новосибирск, Россия

КУРГАН ПАЗЫРЫКСКОГО ВРЕМЕНИ НА НЕКРОПОЛЕ МАНЖЕРОК-12

Исследование выполнено по проекту НИР ИАЭТ СО РАН (№0329-2019-0007 «Изучение, сохранение и музеефикация археологического и этно-культурного наследия Сибири»)

На территории горной долины нижней Катуни представлены две разновидности курганных групп эпохи раннего железа. К первой группе относятся так называемые *пойменные* некрополи (Чултуков Лог-1, Барангол-1, 2, 4), расположенные в древней катунской пойме. Вторая группа некрополей эпохи раннего железа является *террасной*, к ней принадлежат Чултуков Лог-2 и вновь выявленный курган №3 пазырыкского времени на Манжероке-12. Аналогии украшений из кургана №3 Манжерока-12 с сопроводительным инвентарем из Локтя-4, Новотроицкого-1, Быстровки-2 открывают широкие перспективы для корреляции с целым рядом погребальных комплексов Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа, имеющих радиоуглеродные и дендрохронологические датировки. В связи с активным антропогенным освоением территории, где располагается курганная группа Манжерок-12 и происходит ее разрушение современным кладбищем, в ближайшее время актуально проведение своевременных раскопочных работ других погребальных конструкций этого объекта археологического наследия.

Ключевые слова: Горный Алтай, эпоха раннего железа, пазырыкская культура, типология и синхронизация некрополей верхнеобского бассейна.

Северный Алтай, включая горную долину нижней Катуни, является одним из специфических регионов обширной Саяно-Алтайской горной страны. Для этой территории в конце 80-х гг. прошлого столетия была выдвинута гипотеза об отсутствии здесь археологических комплексов скифского времени вследствие особых климатических условий. Исходя из такого постулата вся эта территория интерпретировалась как буферная зона между горными районами Алтая и степными территориями Верхнего Приобья [Могильников, 1986а–б]. Однако проведенные масштабные археологические исследования в 1990-е гг. и на рубеже XX–XXI столетий позволили выявить целый ряд масштабных некрополей эпохи раннего железа в горной долине нижней Катуни [Бородовский, Бородовская, 2013]. Эта территория действительно была пограничной, но она являлась не буферной зоной с лесостепной зоной Верхнего Приобья, а северной периферией распространения носителей пазырыкской археологической культуры Горного Алтая. Именно здесь сформировался северный локальный вариант этого культурного образования эпохи раннего железа [Бородовский, Бородовская, 2013]. Количество выявленных за несколько последних десятилетий (Майма-IV, XIX, Барангол-1, 2, 4, Чултуков Лог-1, 2, Талда, Каянча) курганов пазырыкской культурной принадлежности на территории горной долины нижней Катуни вполне сопоставимо со сред-

некатунскими погребальными комплексами этого времени. Судя по традиционным археологическим и радиоуглеродным датировкам курганных групп Северного Алтая (Майма-IV, XIX, Чултуков Лог-1, 2, Барангол-1, 2, 4), носители пазырыкской культуры проживали на севере Горного Алтая с рубежа VI–V вв. до н.э. до начала II в. до н.э. [Borodovskyi, Krąpiec, Oleszczak, 2017]. В прошедшем полевом сезоне при обследовании территории расширения нового кладбища с. Манжерок (Майминский район Республики Алтай) выявлен еще один некрополь – Манжерок-12, на территории которого располагались курганы пазырыкского времени. Курган №3 располагался на юго-восточном краю некрополя в 2 м от современной ограды кладбища (южной калитки). До раскопок каменная конструкция кургана была сильно повреждена и фактически утратила свои первоначальные рельефные признаки. Закладка на кургане раскопа, ориентированного по сторонам света, размерами 4×4 м, общей площадью 16 кв. м позволила выявить его диаметр – около 4 м. Надмогильная конструкция кургана была практически полностью смещена землеройной техникой при нивелировке поверхности для входа в южную калитку кладбища. Каменная конструкция, судя по ее потревоженному развалу, была сложена из крупных и средних грубообломочных камней в один-два слоя с наличием кольцевой каменной крепиды, выложенной в один-два ряда камней, которую удалось расчистить. С внешней стороны северного края крепиды (напротив южной калитки кладбища) располагались два каменных предмета, напоминающих по своей форме «наковальни». Они были уложены

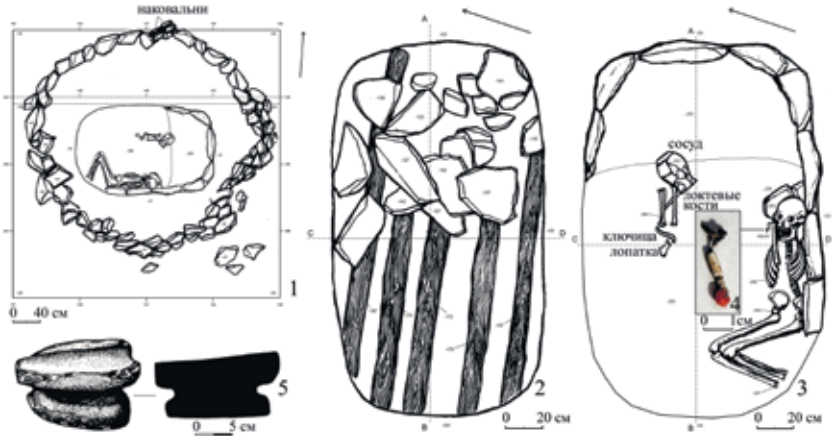


Рис. 1. Курган №3 Манжерока-12 и его предметный комплекс: *1* – крепида и погребение кургана №3 Манжерока-12; *2* – верхний уровень каменного и деревянного перекрытия погребения кургана №3 Манжерока-12; *3* – нижний уровень погребения кургана №3 Манжерока-12; *4* – полиметаллическая (олово, серебро) сережка с подвесками из погребения кургана №3 Манжерока-12; *5* – аналогия каменной «наковальни» с крепиды кургана №3 Манжерока-12 из Манжерока-4

в основание этой конструкции (рис. 1.-*1*). Аналогии каменных «наковален» с северного края крепиды кургана №3 Манжерока-12 известны среди случайных сборов на территории объекта археологического наследия Манжерок-4 в пределах северной окраины одноименного села (рис. 1.-*5*) [Бородовский, Бородовская, 2013, с. 114, рис. 21.-2].

В целом крепида кургана №3 Манжерока-12 имела овальную форму диаметром до 4 м, что соответствовало общим размерам кургана. За ее пределами с южной стороны находилось несколько отдельных камней, возможно, являющихся частью не использованного строительного материала при возведении надмогильной конструкции. Кольцевая крепида на этом участке была выложена в ряд от двух до четырех камней и имела различную ширину на западной и восточной сторонах стратиграфического разреза (40–60 см). Погребение располагалось в центральной части кургана в середине кольцевой крепиды. Заполнение могильной ямы было представлено мешаным серо-коричневым суглинком с примесями песка и значительным проседанием части камней центральной части надмогильной конструкции кургана в глубокую погребальную яму. Размеры могильной ямы составляли 1,5×2,1 м, глубина от условной материковой поверхности – 2,33 м. Могила имела вытянутые подпрямоугольно-овальные очертания. Учитывая значительную заполненность могилы камнями при выходе на уровень соприкасания их с деревянным перекрытием захоронения, были осуществлены зачистка и фиксация этого горизонта (рис. 1.-*2*). Особенно значительное проседание камней было зафиксировано на восточном краю могильной ямы. Здесь находилось 18 грубообломочных камней различного размера, которые лежали на тлене пяти бревен или плах. Их ширина, по сохранившимся остаткам тлена, составляла от 10 до 15 см, а длина соответствовала наибольшей протяженности могилы, вытянутой с запада на восток на 2 м. На тлене деревянной конструкции следов горения не выявлено. Продольные бревна перекрытия соприкасались на северном и южном краях могильной ямы на камнях обкладки, уставленных вертикально, вдоль стенок погребальной камеры. Наиболее плотно такая обкладка была установлена с южной и восточной стороны. С северной стороны могильной ямы каменная обкладка присутствовала лишь частично, а у западной стенки камней обкладки вообще не было обнаружено. Всего в обкладке стенок могильной ямы было использовано 9 крупных грубообломочных камней. После удаления завала камней над деревянным перекрытием расчистка дна могильной ямы позволила выявить еще одно скопление камней различного размера. На этом уровне удалось выявить человеческий скелет. Он располагался на правом боку у южной стенки могильной ямы. Головой захороненный был ориентирован на восток с незначительным отклонением от этого направления. Череп покоился на двух камнях средних размеров, которые, вероятно, являлись подголовником. Судя по предварительным антропологическим опреде-

лениям, скелет принадлежал взрослой женщине. У погребенной руки были вытянуты вдоль туловища, а ноги согнуты в коленях (рис. 1.-*3*). Из сопроводительного инвентаря у правого плеча погребенной располагалась проволочная металлическая (оловянно-серебряная) сережка с подвеской на конце из бусины. Она была изготовлена из сердолика, закрепленного белой цилиндрической пронизью в центральной части украшения (рис. 1.-*4*). После удаления камней со дна могилы в ее восточной части были обнаружены несколько человеческих костей (длинные кости, ключица, лопатка) и кувшиновидный керамический сосуд, украшенный вертикальными зигзагами, заполненными красной краской (рис. 2). Такой орнамент типичен для керамики пазырыкской культурной традиции и интерпретируется некоторыми исследователями как изображение ползущих змей. Различаются несколько разновидностей

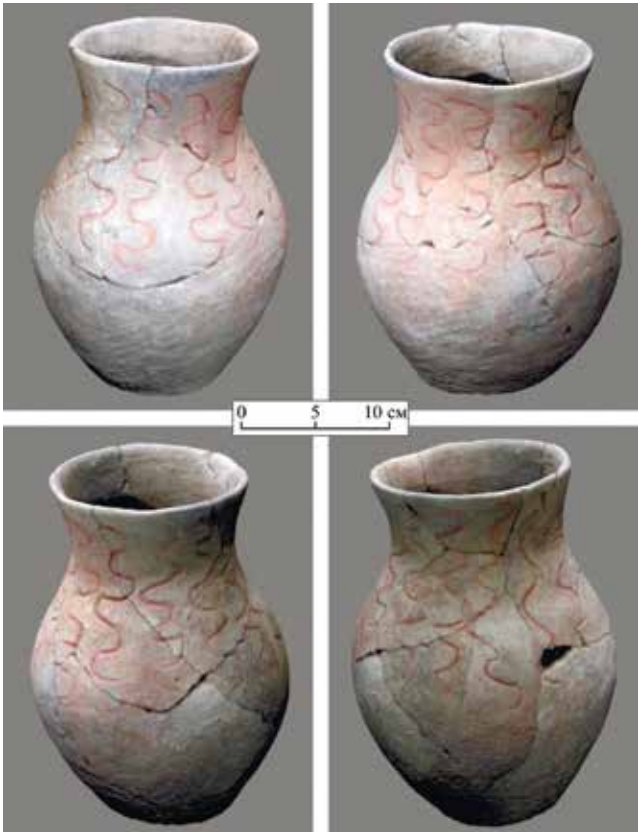


Рис. 2. Фотограмметрия керамического сосуда
из погребения кургана №3 Манжерока-12

такого орнамента – прочерченные и прокрашенные, а также сочетание прочерченного декора и его прокраски. Различный цвет такого декора позволяет условно соотносить его с изображением конкретных разновидностей змей. Черный цвет использовался при изображении гадюки, красный цвет соответствовал щитомордник. Следует подчеркнуть, что для территории Манжерокского археологического микрорайона характерно широкое распространение упомянутых разновидностей змей, возможно, имеющих ритуальное значение в эпоху раннего железа. Фотограмметрия сосуда из кургана №3 Манжерока-12 позволила получить определенный «мультипликационный» эффект, при котором во время вращения сосуда отмечен эффект имитации движений змей во время их ползания (рис. 2). Скопление человеческих костей и керамический сосуд с раскраской его змеевидным орнаментом в центральной части могильной ямы кургана №3 Манжерока-12 вполне можно интерпретировать как следы некоего ритуала. Судя по конструктивным особенностям кургана и деталям погребальной обрядности (ориентировка захороненного, способ трупоположения), а также сопроводительному инвентарю (серьга и сосуд), захоронение кургана №3 относится к северному локальному варианту пазырыкской культуры и датируется 2-й половиной I тыс. до н.э. Хронологию выявленного кургана №3 на некрополе Манжерок-12 позволяет уточнить серебряная петельчатая серьга с подвеской-бусиной из обсидиана на проволочном соединении. Это украшение имеет широкие аналогии в сопроводительном инвентаре некрополей эпохи раннего железа в Верхнеобском бассейне. Одно из таких украшений представлено в погребении 1 могильника Локоть-4 на р. Алей (Алтайский край) [Уманский, Шульга, 1999, с. 75, рис. 9.-5]. Датировка этого погребального комплекса, судя по сопроводительным предметам вооружения, относится к VI–V вв. до н.э. [Уманский, Шульга, 1999, с. 60, 61]. Другая аналогия этого украшения происходит из погребения 13 кургана №5 некрополя Быстровка-2 на Верхней Оби (Новосибирская область). Хронология этого предмета была установлена стратиграфически (ярусность погребений) и естественнонаучными методами (радиоуглеродное датирование и дендрохронология). На основании использования этих методов калиброванная радиоуглеродная дата (СОАН-3961 2320+40) костей погребенного соответствует периоду 410–240 гг. до н.э., а возраст деревянной внутримогильной конструкции захоронения, по данным дендрохронологического датирования, можно отнести к 253 г. до н.э. Следует подчеркнуть, что такая датировка погребения 13 кургана №5 Быстровки-2 близка к реперной дате Быстровского некрополя – 289 г. до н.э. Она установлена на основании последовательного радиоуглеродного датирования колец погребальной колоды погребения 25 кургана №3 Быстровки-2. Таким образом, серебряная петельчатая серьга с бусиной-подвеской может быть уверенно отнесена к середине или 1-й половине III в. до н.э. [Бородовский и др., 2003; Бо-

родовский, 2009]. Типологическое, конструктивное и материаловедческое сходство серьги из погребения кургана №3 Манжерока-12 позволяет также отнести ее к категории украшений эпохи эллинизма. Таким образом, на основании установленной хронологии петельчатой серьги с подвеской-бусиной из драгоценных металлов погребение кургана №3 Манжерока-12 можно уверенно датировать не позднее второй половины III в. до н.э. Это время соответствует среднему периоду существования пазырыкской культурной традиции в Горном Алтае. Сопутствующий такой серьге керамический низкогорлый сосуд (крынка), декорированный вертикальным зигзагообразным орнаментом (изображающим ползущих змей), также не противоречит этой датировке, поскольку аналогичные сосуды со сходным орнаментом неоднократно были выявлены в погребениях носителей пазырыской культурной традиции на всей территории горной долины нижней Катуни – от низовья (Чултуков Лог-1, 2) и до ее средней части. В целом подобная датировка соответствует общей хронологии существования пазырыкской культуры на территории всего Горного Алтая. В таком историко-культурном контексте выявление на территории некрополя Манжерок-12 кургана пазырыкской археологической культуры не только расширяет источниковую базу для этой традиции на территории горной долины нижней Катуни, как части Северного Алтая, но и дополняет аргументацию наличия двух разновидностей курганных групп эпохи раннего железа. К первой группе принадлежат так называемые *пойменны*е некрополи (Чултуков Лог-1, Барангол-1, 2, 4), расположенные на территории древней катунской поймы. Вторая группа некрополей эпохи раннего железа является *террасной*, к ней относится еще ранее выявленная и полностью исследованная автором курганная группа Чултуков Лог-2. Не менее важно и то, что аналогии украшений из кургана №3 Манжерока-12, а также Локтя-4, Новотроицкого-1, Быстровки-2 открывают широкие перспективы для корреляции с целым рядом погребальных комплексов Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа.

Библиографический список

Бородовский А.П. Традиционные и естественно-научные методы датирования погребальных комплексов (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа). Новосибирск, 2009. 112 с.

Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археологические памятники горной долины нижней Катуни в эпоху палеометалла. Новосибирск, 2013. 220 с.

Бородовский А.П., Слюсаренко И.Ю., Кузьмин Я.В., Орлова Л.А., Кристен Дж.А., Гаркуша Ю.Н., Бурр Дж.С., Джал Э.Дж.Т. Хронология погребальных комплексов раннего железного века в Верхнем Приобье по данным древесно-кольцевого и радиоуглеродного методов (на примере курганной группы Быстровка-2) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. №3 (15). С. 79–92.

Могильников В.А. Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке // Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1986а. С. 35–67.

Могильников В.А. К этнокультурной ситуации на Алтае в скифское время // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986б. С. 29–32.

Уманский А.П., Шульга П.И. Два погребения с восточными зеркалами из Алтайского края // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул, 1999. С. 43–81.

Borodovskyi A.P., Krąpiec M., Oleszczak L. Radiocarbon dating of kurgans of the Pazyryk, Karakoby and Bystrianka cultures from the Manzherok Region (mountain valley of the Lower Katun River, Northern Altai Mountains) // Radiocarbon, 2017. Selected Papers from the 8th Radiocarbon & Archaeology Symposium, Edinburgh, UK, 27 June–1 July 2016. P. 1–12.

A.P. Borodovskiy

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

BURIAL MOUND BELONGING TO THE PAZYRYK TIME IN THE NECROPOLIS OF MANZHEROK-12

There are two types of burial mound groups belonging to the Early Iron Age in the territory of the Lower Katun mountainous valley as a part of Northern Altai. The first group includes the so-called “valley” necropoleis (Chultukov Log-1, Barangol-1, 2, 4) located in the ancient Katun valley. The second group of necropoleis belonging to the Early Iron Age is a “terraced” one and encompasses Chultukov Log-2 and a newly discovered burial mound no. 3 belonging to the Pazyryk time in the necropolis of Manzherok-12. The analogies of jewelry found in burial mound no.3 of Manzherok-12 along with associated tools from Lokot-4, Novotroitsky-1, and Bystrovka-2 offer exciting possibilities for correlation with an entire set of burial complexes of the Upper Ob basin belonging to the Early Iron Age and characterized by radiocarbon and tree-ring analysis data. Due to the active anthropogenic development of the territory where the burial group Manzherok-12 is located and its destruction by the modern cemetery takes place, timely excavation work of other burial structures of this archaeological heritage site is urgent.

Key words: Altai Mountains, Early Iron Age, Pazyryk culture, typology and synchronization of necropoleis of the Upper Ob basin.

УДК 069.02:908(571.150)+069.4/.5

Н.В. Вакалова, О.Г. Филиппова

Алтайский государственный краеведческий музей, Барнаул, Россия

О МЕРОПРИЯТИЯХ АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ, ПОСВЯЩЕННЫХ 100-ЛЕТИЮ М.Т. КАЛАШНИКОВА

В публикации представлена информация о различных культурно-просветительных акциях, выставочных проектах и изданиях Алтайского государственного краеведческого музея и его филиала – Мемориального музея М.Т. Калашникова, посвященных 100-летию со дня рождения М.Т. Калашникова.

Ключевые слова: музей, выставка, каталог, музейная коллекция, мемориальный музей, интерактивная экспозиция.

В 2019 г. исполняется 100 лет со дня рождения выдающегося конструктора стрелкового оружия, дважды Героя Социалистического Труда (1958, 1976), Героя Российской Федерации (2009), уроженца Алтайского края Михаила Тимофеевича Калашникова. На федеральном уровне издан Указ Президента Российской Федерации от 13.10.2016 №518 «О праздновании 100-летия со дня рождения М.Т. Калашникова» [URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41296], в рамках которого осуществляется организационная подготовка проведения мероприятий, посвященных юбилейной теме.

Алтайский край, являясь малой родиной Михаила Тимофеевича, присоединяется к общим празднованиям и реализует на своей территории обширный план мероприятий, включающий более 60 наименований, в том числе культурно-массовые, в сфере образования, молодежной политики и спорта. Программа Алтайского государственного краеведческого музея (далее – АГКМ) также входит в краевой и федеральный планы мероприятий, посвященных 100-летию М.Т. Калашникова. Основные значимые события состоятся в октябре 2019 г.

Изучение и сохранение богатого наследия нашего земляка началось еще при его жизни. В последние годы на малой родине конструктора в с. Курья Курьинского района создан уникальный мемориальный комплекс, центром которого является Мемориальный музей М.Т. Калашникова (филиал АГКМ). Комплекс включает в себя новый Дворец культуры и искусств, в котором размещены районные учреждения культуры, а также здание Знаменской церкви, являющейся объектом культурного наследия регионального значения и образцом культового зодчества конца XIX – начала XX в. Именно в этой церкви, согласно имеющимся данным, был крещен Михаил Тимофеевич.

Мемориальный музей М.Т. Калашникова, созданный при жизни конструктора, основной целью своей деятельности считает не повествование о создании легендарного стрелкового оружия «АК-47», а рассказ о многогранной личности и биографии самого Михаила Тимофеевича. Мемориальный музей М.Т. Калашникова – один из наиболее популярных музеев региона, ежегодно его посещают свыше 13 000 жителей и гостей края. Музейное собрание, сформированное при личном участии конструктора, насчитывает свыше 3,5 тыс. единиц хранения и отражает не только техническое наследие Михаила Тимофеевича, но и творческие направления жизнедеятельности, жизнь его семьи и близких. Существующая постоянная экспозиция показывает историю села сквозь призму непростой судьбы многодетной семьи Калашниковых и самого Михаила Тимофеевича. Познакомившись с конструкторскими изобретениями известного оружейника, каждый желающий может в этом музее посетить «Конструкторское бюро XXI в.».

Мемориальный музей на основе жизненного пути Михаила Тимофеевича проводит работу по патриотическому воспитанию детей и молодежи и в 2019 г. продолжит реализацию цикла авторских программ для школьников «Уроки мужества» и «Оружейная азбука», в рамках которых молодежь знакомится с историей развития оружейного дела в России, формирует знания о героических подвигах наших земляков. Также будет продолжена серия тематических мини-выставок «Приоткрывая фонд Калашникова» из фондов музея, и в юбилейный год посетители смогут впервые познакомиться с увлечениями и хобби Михаила Тимофеевича, его многочисленными зарубежными поездками, коллекцией сувениров и подарков.

В целях популяризации личности Михаила Тимофеевича Калашникова и расширении знаний о биографии и деятельности конструктора Мемориальный музей М.Т. Калашникова проводит с ноября 2018 г. заочный конкурс-викторину «100 фактов о Калашникове». До 1 сентября текущего года в официальных группах музея в социальных сетях «Вконтакте», «Одноклассники» и «Facebook» публикуется интересная информация из жизни Михаила Тимофеевича. По итогам акции на конкурсной основе будет выбран лучший знаток биографии нашего земляка.

Кроме того, музей готовит новую интерактивную музейную экспозицию «Мир увлечений конструктора Калашникова», в рамках которой будет проведена музеефикация личного автомобиля конструктора ВАЗ-21310 LADA 4×4, подаренного на открытие музея самим конструктором. Согласно условиям дарственной Михаила Тимофеевича, в год его 100-летия автомобиль должен быть включен в музейный фонд и войти в музейную экспозицию. На территории музея будет построено специальное помещение, в котором воссоздадут обстановку гаража Михаила Тимофеевича, куда войдет не только сам автомобиль, но и атрибуты других увлечений конструктора – охоты, рыбалки и садоводства, а также интерактивный лазерный тир для посетителей музея. Реализация проекта стала возможной благодаря финансовой поддержке из краевого бюджета. Проектно-сметная документация разработана ООО «Архитектурная мастерская Тоскина». Открытие новой интерактивной экспозиции планируется осуществить в конце 2019 г.

Одним из значимых научных событий станет Всероссийская научно-практическая конференция памяти М.Т. Калашникова «Личность и время. Алтайский край и военная безопасность страны», которая будет проводиться Алтайским государственным краеведческим музеем совместно с Мемориальным музеем М.Т. Калашникова при участии Министерства культуры Алтайского края, Министерства промышленности и энергетики Алтайского края, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», Алтайского отделения Российского военно-исторического общества и регионального отделения Российского исторического общества в Барнауле.

В работе научного форума предлагается обсудить следующие темы: роль личности в региональной и всероссийской истории; история становления и развития оборонно-промышленного комплекса Алтайского края и Западной Сибири в XX–XXI вв.; патриотическое воспитание молодежи: традиции и современность. В рамках заявленных тем планируется рассмотреть жизненный и творческий путь Михаила Тимофеевича Калашникова; изучить отражение инженерной мысли в музейных и архивных фондах; обсудить роль музеев в патриотическом воспитании молодежи, особенности формирования коллекций по военной истории; проблемы музейной атрибуции предметов, полученных в ходе работы поисковых отрядов; обозначить современное развитие поискового движения: результаты работы и перспективы дальнейшего развития. К участию в конференции приглашаются ученые, сотрудники музеев, архивов, аспиранты, студенты.

Важной составляющей планируемой конференции станет заседание круглого стола Сибирского филиала Научного совета исторических и краеведческих музеев Российской Федерации по теме «Мемориальные музеи и их место в сфере историко-культурной памяти и культурного туризма», который организуется совместно с ФГБУК «Государственный исторический музей» и пройдет в Мемориальном музее М.Т. Калашникова в с. Курья Курьинского района. К участию в круглом столе приглашаются представители мемориальных музеев Алтайского края и Российской Федерации.

Одним из значимых выставочных проектов на территории Алтайского края станет выставка «М.Т. Калашников. Человек мира» из фондов ФГБУК «Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи» (Санкт-Петербург), которая впервые пройдет на территории Алтайского края на двух площадках: в краевой столице – в Барнауле и на родине конструктора – в Мемориальном музее М.Т. Калашникова.

Помимо стационарных выставок, в 2019 г. коллективом АГКМ планируется к проведению передвижная интерактивная выставка «Калашников: великий о простом», которая направлена на знакомство посетителей с многогранной личностью М.Т. Калашникова. Проект будет включать фотографии из семейного архива; материалы, рассказывающие об увлечениях и хобби оружейника, его любви к поэзии, садоводству, огородничеству, а также о гастрономических предпочтениях и собственных кулинарных опытах. Интерактивная составляющая передвижной выставки включает подборку видеосюжетов с участием М.Т. Калашникова, серию пазлов с изображением АК-47 и охотничьего карабина «Сайга», а также раскраски с изображением Мемориального музея М.Т. Калашникова. Выставка пройдет в различных городах и районах Алтайского края в рамках финансовой поддержки гранта губернатора Алтайского края в сфере культуры.

Помимо выставочных проектов, планируется осуществить издательские проекты и изготовить линейку сувенирной продукции, посвященной юбилею оружейника. Так, одним из первых изданий музея в 2019 г. станет буклет «Родом из Курьи», включающий уникальные документы, фотографии и экспонаты, связанные с малой родиной Михаила Тимофеевича – селом Курья, его приездами на Алтай.

Еще одним изданием в честь юбилея станет каталог «Великий и простой М.Т. Калашников» из коллекции Алтайского государственного краеведческого музея, который познакомит читателей с нашим земляком как «великим» и одновременно «простым» человеком, через призму музейных материалов.

Фонд М.Т. Калашникова, сформированный в Алтайском государственном краеведческом музее, насчитывает свыше 3,5 тыс. единиц хранения и комплектовался он при личном участии конструктора. Хронологические рамки имеющихся материалов включают 1980–2000-е гг. и в основном отражают период общественного признания Михаила Тимофеевича, рассказывают о его зарубежных поездках, встречах с коллегами, участии в международных выставках.

Кроме того, в каталог войдут и другие материалы этого фонда – широкий спектр фотодокументального комплекса: поздравительные телеграммы, открытки, почетные дипломы, бейджи, семейные фотографии, газетный фонд с публикациями о его жизни, наградах и достижениях, общемировом признании, книги из личной библиотеки конструктора. Также будут представлены не менее значимые вещественные источники – подлинные личные предметы, в том числе военная форма и гражданская одежда, оружие, нагрудные значки, часы, сувениры, грампластинки, посуда, предметы интерьера, мебель, инструменты из мастерской и многое другое. Реализация столь значимого издательского проекта стала возможной благодаря оказанию финансовой поддержки ПАО Банка «ФК Открытие».

N.V. Vakalova, O.G. Filippova

Altai State Museum of Local Lore, Barnaul, Russia

ON THE EVENTS IN ALTAI STATE MUSEUM OF LOCAL HISTORY, DEVOTED TO THE 100th-ANNIVERSARY OF M.T. KALASHNIKOV

The publication provides information about various cultural and educational activities, exhibition projects and publications of Altai State Museum of Local Lore and its branch – the Memorial Museum of M.T. Kalashnikov, dedicated to the 100th anniversary of the birth of M.T. Kalashnikov.

Key word: museum, exhibition, catalogue, museum collection, memorial museum, interactive exposition.

УДК 069.4/.5+572

С.Л. Воробьёва, В.В. Куфтерин

Национальный музей Республики Башкортостан, Уфа, Россия;
Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия

ОСОБЕННОСТИ ПРИЕМА И ХРАНЕНИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ И ПРАКТИЧЕСКИЙ ОПЫТ

В статье обсуждается проблема правового регулирования вопросов передачи антропологических коллекций в Музейный фонд Российской Федерации, а также даются методические рекомендации, которые нужно учитывать при хранении данного вида экспонатов. На основании анализа законодательства определены правовой статус антропологических коллекций и значимость их сохранения в музеях. Археологизированные скелетные останки человека являются неотъемлемой частью археологических коллекций, поэтому они находятся в федеральной собственности и должны пройти две ступени учета в музее: регистрация в Книге поступлений и регистрация в Государственном каталоге. Обязательным условием при передаче коллекций является наличие антропологических определений.

Ключевые слова: антропологические коллекции, музейный фонд, посткраниальные скелеты, черепа, хранение музейных ценностей, археологические коллекции.

С изменениями в музейном законодательстве и возросшим интересом к сохранению культурного наследия в последнее время появилось много вопросов, связанных с особенностями приема и хранения отдельных специализированных видов музейных коллекций, в том числе и антропологических. Но отдельных исследований по данному вопросу нет. Для того чтобы установить, что относится к антропологическим коллекциям, прежде всего необходимо определиться с контекстуальным понятием «антропология».

В отечественной традиции «антропология» рассматривается как «наука об изменчивости человека во времени и пространстве на всех уровнях организации живой материи» [Антропологический словарь, 2003, с. 19]. Поскольку основным источником формирования коллекций в неспециализированных музеях являются материалы археологических раскопок, то под «антропологической коллекцией» в данном контексте понимаются прежде всего археологизированные скелетные останки человека.

Таким образом, в музеях к антропологическим коллекциям относятся, в первую очередь, краниологические и остеологические материалы, коллекции препаратов ДНК, проб крови и др., а также могут быть отнесены коллекции скульптурных реконструкций лица по черепу (по методике М.М. Герасимова) [Тихомиров, 2003, с. 8]. Преимущественно в музеях они состоят из человеческих костей и черепов, в редких случаях поступают образцы волос, тканей и т.д. На сегодняшний день крупнейшими антропологическими коллекциями в нашей стране располагают НИИ и Музей антро-

пологии им. Д.Н. Анучина МГУ им. М.В. Ломоносова в Москве и Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого в Санкт-Петербурге. Всего в России имеется 10 таких специализированных музеев (с выделенными антропологическими фондами). Но кроме них, подобные коллекции хранятся в музеях краеведческого профиля, в научно-исследовательских лабораториях институтов Академии наук или образовательных учреждениях. Так, например, в фондах Национального музея Республики Башкортостан (Уфа) хранится около 100 посткраниальных скелетов и около 200 черепов, а краниологическая коллекция Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Уфа) состоит из 1400 черепов.

Антропологические коллекции в большинстве музеев не выделены в специальный фонд, а являются составной частью археологических коллекций. Законодательно статус антропологических коллекций закреплен в Федеральном законе «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», где говорится о том, что «исполнитель археологических полевых работ – физическое лицо, проводившее археологические полевые работы, и юридическое лицо, в трудовых отношениях с которым состоит такое физическое лицо, в течение трех лет со дня окончания срока действия разрешения (Открытого листа) обязаны передать в порядке, установленном федеральным органом охраны объектов культурного наследия, все изъятые археологические предметы (включая антропогенные, **антропологические,** палеозоологические, палеоботанические и иные объекты, имеющие историко-культурную ценность) в государственную часть Музейного фонда Российской Федерации» [ФЗ-73, ст. 45.13]. В положении о порядке проведения полевых археологических работ сказано, что «человеческие останки должны быть определены антропологами, после чего они могут быть переданы на хранение в профильные научные учреждения или перезахоронены» [Положение…, 2018, п. 4.33, с. 27], а в «научном отчете должна присутствовать информация о нахождении и последующем хранении антропологической, остеологической коллекций и иных материалов, если таковые имеются» [Положение…, 2018, п. 6.5, с. 34]. Исходя из этих законодательных и подзаконных актов, антропологические коллекции имеют тот же правовой статус, что и предметы археологии, так как являются неотъемлемой частью объектов археологического наследия. И поэтому при осуществлении приема-передачи этих коллекций в музей к ним предъявляются те же требования, что и к предметам археологии.

«Под археологическим предметом в музееведении следует понимать движимый объект, время возникновения которого превышает сто лет, найденный в ходе археологических раскопок, а также движимый объект, основным источником информации о котором, независимо от обстоятельств его обнаружения, являются археологические раскопки или находки» [Воробьева, 2018, с. 41]. Под это определение попадают и все антропологические коллекции, происходящие с памятников

археологии. Исключение могут составлять предметы меньшего срока давности, не имеющие отношения к археологии: экспонаты медицинских лабораторий, не перезахороненные останки времен Великой Отечественной войны и т.д. В данной работе речь о них не идет.

За передачу антропологических коллекций в музей отвечает как сам археолог лично, так и федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере культуры и культурного наследия (в данный момент – Министерство культуры РФ) [ФЗ-73, ст. 45.13]. Главная задача археолога перед передачей антропологических коллекций состоит в подготовке документации. Человеческие останки должны быть определены антропологами (пол, возраст); только после этого они передаются в музей вместе с другими находками и включаются в коллекционную опись в последнюю очередь (в конце описи). Обязательно указание имени, места работы и ученого звания специалиста-антрополога, который дал определение. Антропологический материал передается по костякам. Один скелет вместе с черепом – это один предмет. Размеры для антропологических останков в коллекционной описи не указываются. Каждый скелет вместе с черепом укладывается в отдельную коробку из крафт-картона, желательно при этом разделить (бумагой) левые и правые кости верхней и нижней конечностей. При транспортировке возможно упаковать несколько черепов в одну коробку.

Антропологические коллекции, как было сказано выше, поступают в государственную часть Музейного фонда Российской Федерации. Принятая в июне 2016 г. новая редакция Федерального закона №54 дает следующее определение МФ РФ: «*Музейный фонд Российской Федерации – совокупность подлежащих государственному учету и постоянно находящихся на территории Российской Федерации музейных предметов и музейных коллекций, гражданский оборот которых допускается с соблюдением ограничений, установленных настоящим Федеральным законом*» [ФЗ-54, ст. 3]. Музейные предметы и музейные коллекции, включенные в состав Музейного фонда Российской Федерации, могут находиться в государственной, муниципальной, частной или иных формах собственности и независимо от того, в чьей собственности или во владении они находятся, подлежат государственному учету.

Некоторые документы с вступлением в силу нового Закона в настоящее время утратили силу. Например, процедура включения в МФ РФ, действующая до вступления в силу ФЗ №357 от 3 августа 2016 г., с 1 января 2017 г. отменена.

Так как, согласно ФЗ №54, основной фонд музея представляет собой совокупность зарегистрированных в Главной инвентарной книге (Книге поступлений основного фонда) музея и хранящихся в музее, иной организации музейных предметов и музейных коллекций, включенных в состав МФ Российской Федерации [ФЗ-54, ст. 6], то из этого

вытекает, что **все антропологические коллекции, полученные в результате археологических раскопок после 2002 г.** (с момента принятия ФЗ №73), **должны быть внесены в основной фонд музея**.

В соответствии со ст. 13 ФЗ №54: «В состав государственной части МФ РФ входят музейные предметы и музейные коллекции, находящиеся в федеральной собственности и в собственности субъектов РФ, независимо от того, в чьем владении они находятся» [ФЗ-54, ст. 13].

К предметам основного фонда, находящимся в федеральной собственности, относятся:

1) все предметы, зарегистрированные в Главной инвентарной книге (Книге поступлений основного фонда), до 31 декабря 1996 г.;

2) предметы археологии и палеонтологии, зарегистрированные в Главной инвентарной книге (Книге поступлений основного фонда), с 1 января 1997 г.;

3) предметы, переданные органами федеральной власти или купленные на средства федерального бюджета после 1 января 1997 г. [Состав Музейного фонда..., 2017, с. 2].

Сами же объекты археологического наследия вместе с найденными на них предметами являются объектами культурного наследия федерального значения [ФЗ-73, ст. 4].

Таким образом, **все археологические и антропологические коллекции, полученные в ходе археологических раскопок, являются федеральной собственностью**. Антропологические коллекции подлежат регистрации в два этапа: регистрация в Главной инвентарной книге (Книге поступлений основного фонда) и регистрация в Государственном каталоге (в течение 60 дней после внесения записи в Книгу поступлений). При регистрации в Государственном каталоге для музейных артефактов необходимо определить их культурную ценность. При этом имеются следующие категории:

1) культурные ценности мирового значения и музейные предметы из драгоценных металлов;

2) культурные ценности общероссийского значения;

3) культурные ценности, имеющие значения для народов России.

Выбор категории – полномочие экспертной фондово-закупочной комиссии [Государственный каталог..., 2018]. Так как антропологические коллекции являются федеральной собственностью, они могут быть отнесены только к культурным ценностям общероссийского значения. Отдельные предметы из коллекций, по заключению эксперта или специалиста, могут быть отнесены к категории культурных ценностей мирового значения.

Методические рекомендации по хранению антропологических коллекций прописаны в Инструкции по учету и хранению музейных ценностей [Приказ Минкультуры СССР от 17.07.1985 №290, ст. 355]. Для их хранения необходимо соблюдать несколько основных правил.

1. Кости людей, полученные в ходе археологических раскопок, отличаются большой хрупкостью, гигроскопичностью (свойством какого-либо материала впитывать и удерживать влагу из воздуха) и не выносят резких колебаний температуры и влажности. Особую опасность представляют излишняя сухость и действие прямых солнечных лучей. При этом поверхностная костная масса начинает трескаться, отслаиваться, обнажая губчатую структуру. Особенно легко подвергаются разрушению эпифизы (концы) длинных трубчатых костей (бедер, берцовых, плечевых) и тела позвонков. При длительном нахождении в излишне сухом воздухе начинают разрушаться зубы – происходит растрескивание эмали, и зубы постепенно распадаются на фрагменты. Поэтому для предохранения остеологических коллекций от быстрого разрушения их следует хранить в помещении, не подверженном большим колебаниям температуры и, особенно, влажности.

2. Более ценный материал подвергается специальной консервации, которую выполняют специалисты.

3. Черепа следует хранить в шкафах на полках, желательно покрытых тканью. При переноске череп нельзя брать за глазницы и скуловые дуги, так как при этом легко нанести повреждение.

4. Кости скелета следует хранить в отдельных ящиках или коробках, изготовленных из картона. Для полного скелета рекомендуются следующие размеры ящика (внутренние): высота – 25 см, ширина – 30 см, глубина – 53 см. Для неполных скелетов делаются ящики с вертикальными прорезями на торцовых стенках, в которые вставляются фанерные разделители. В такой ящик укладывают два скелета. Мелкие кости стоп и кистей следует держать в отдельных коробках для каждой конечности, так как спутанные кости правых и левых конечностей подбирать довольно сложно.

5. Коллекции волос промываются эфиром и хранятся в стеклянных пробирках, закрытых пробкой и ватой.

6. На свету кость меньше желтеет, поэтому рекомендуется хранить ее в светлых помещениях. Чтобы избежать механических поломок (сколов, трещин), рекомендуется все хранить отдельно. Кости обеспыливаются посредством очистки длинноворсовым флейцем. Их нельзя протирать влажной тряпкой или подвергать промывке.

При соблюдении этих правил будет обеспечена долговременная сохранность антропологических коллекций.

Таким образом, антропологические коллекции являются составной частью археологических коллекций, в связи с чем относятся к предметам федеральной собственности и должны пройти две ступени учета в музее (регистрация в Книге поступлений и регистрация в Государственном каталоге), они должны передаваться в музей на тех же основаниях, что и археологические коллекции. Обязательным условием при передаче коллекций является наличие антропологических определений.

Библиографический список

Антропологический словарь. М., 2003. 328 с.

Воробьева С.Л. Правовое регулирование приема археологических коллекций в музеях Российской Федерации // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: мат. XII Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых / отв. ред. Э.В. Камалеев. Уфа, 2018. С. 40–48.

Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации. Работа музеев в системе: проблемы, ошибки, особенности: презентация. 2018. URL: http://goskatalog.ru/portal/#/for-museums/docs?id=173

Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон от 25.06.2002 №73-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Гарант: правовая система. URL: http://www.garant.ru. Загл. с экрана.

О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации (ред. от 28.12.2017): Федеральный закон от 26 мая 1996 г. №54-ФЗ // Гарант: правовая система. URL: http://www.garant.ru. Загл. с экрана.

Об утверждении инструкции по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР (утратил силу): Приказ Минкультуры СССР от 17.07.1985 №290 // Гарант: правовая система. URL: http://www.garant.ru. Загл. с экрана.

Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации: утв. постановлением Бюро отделения историко-филологических наук Российской академии наук от 20 июня 2018 г. №32. М., 2018.

Состав Музейного фонда Российской Федерации и определение форм собственности предметов основного фонда муниципальных музеев Республики Башкортостан: метод. реком. / сост. М.В. Гаухман. Уфа, 2017. 4 с.

Тихомиров Н.В. Основы естественно-исторической музеологии: текст лекций. Ярославль, 2003. 84 с.

S.L. Vorobyeva, V.V. Kufterin

National Museum of Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia;
Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Moscow, Russia

ARCHAEOLOGICAL SKELETAL COLLECTIONS IN THE MUSEUMS: LEGAL ASPECTS, PRACTICAL EXPERIENCE AND PECULIARITIES OF THEIR STORAGE

The article outlines the problem of legal regulation of the transfer of skeletal collections to the museum fund of the Russian Federation, and also provides methodological recommendations that should be considered when storing this type of exhibits. Based on the analysis of the legislation, the legal status of skeletal collections and their significance in preserving in museums are determined. Human skeletal remains from archaeological excavations are an integral part of archaeological collections; therefore they are in federal ownership and must pass two stages of registration in the museum: registration in the Receipt Book and registration in the State Catalog. A prerequisite for the transfer of collections is the presence of initial anthropological observations (in particular, sex and age estimations).

Key words: skeletal collections, museum fund, postcranial skeletons, skulls, storage of museum valuables, archaeological collections.

УДК 903.5(571.150)

Н.Н. Головченко

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

ЛОКАЛИЗАЦИЯ СТАРЫХ КЛАДБИЩ с. ПОВАЛИХА (Первомайский район)

Статья посвящена проблеме обеспечения сохранения объектов историко-культурного наследия, расположенных на территории с. Повалиха Первомайского района Алтайского края, в пригородной зоне Барнаула. В работе речь идет о недействующих кладбищах, коих на территории села два. Одно предположительно датируется XVIII – серединой XIX в., а другое – серединой XIX – началом XX в. Наиболее древнее кладбище подверглось антропогенному воздействию в советский период, в результате которого часть памятника оказалась поврежденной. Оба объекта историко-культурного наследия располагаются в зонах перспективной застройки. Село находится в пригороде Барнаула, его удобное местоположение привлекает новых жителей, численность населения растет, растет и необходимость в строительстве новых жилищ. Кладбищам в центральной и западной части села грозит планомерная застройка. Необходимо принять меры для сохранения объектов историко-культурного наследия, рекультивировать древнее кладбище, определить его точные границы.

Ключевые слова: Повалиха, объекты историко-культурного наследия, кладбища, охрана.

Рост населенных пунктов в пригородной зоне Барнаула обострил проблему сохранения памятников историко-культурного наследия, расположенных на их территории. Строительство частных домов, освоение прилегающих к селу территорий, прокладка коммуникаций требуют проведения земляных работ, в результате которых потенциально может быть нарушена целостность как известных, так и неизвестных памятников. Особенно остро данная проблема стоит с русскими кладбищами старых алтайских сел.

Одно из старейших населенных пунктов Алтайского края – с. Повалиха Первомайского района (год основания – 1719, по Ю.С. Булыгину [1974, с. 33]). На территории, прилегающей к западной окраине села, располагаются два недействующих кладбища (рис.).

Первое кладбище, существовавшее до 20-х гг. XX в., имеет четко выраженные в ландшафте прямоугольные границы, на его территории установлен памятный крест. Локализация этого памятника хорошо известна местным жителям. Однако в материалах сайта Международной системы поминовения усопших (scorbim.com) она спутана со старым кладбищем пос. Кислуха, находящемся западнее.

В последнее время пустующие земли в центральной части села интенсивно застраиваются. В сторону кладбища идет закладка новых улиц с. Повалиха, и вопрос охраны данного объекта культурного

Старые русские кладбища с. Повалиха: *1* – кладбище XVIII – середины XIX в.;
2 – кладбище середины XIX – начала XX в.; *3* – старое кладбище с. Кислуха

наследия актуализируется в перспективе. Между тем южнее первого кладбища расположено еще одно, охрана которого необходима уже сейчас, так как оно уже подверглось разрушению в ходе хозяйственного освоения земель села. По воспоминаниям (байкам) старожилов, в юго-восточном секторе кладбища стояла «старая избушка», при рытье погреба в которой хозяева в качестве нижней ступеньки оборудовали откопанный деревянный гроб. Предполагается, что это кладбище – старейшее в Повалихе и, вероятно, период его существования относится к XVIII – середине XIX в. В 1980-е гг. с территории кладбища осуществлялась выборка песка для строящегося асфальтового завода, в результате техникой на поверхность были подняты кости и остатки деревянных гробов и работы были прекращены. С тех пор площадь (бывший участок так называемого Московского тракта), примыкающая к центральной улице села – Советской, представляет собой пустырь, заросший сорняками.

Охрана рассмотренных памятников осуществляется силами сельской администрации, но необходимы поддержка со стороны органов охраны памятников историко-культурного наследия и рекультивация поврежденного участка кладбища XVIII в.

Библиографический список

Булыгин С.Ю. Первые крестьяне на Алтае. Барнаул, 1974. 144 с.

N.N. Golovchenko

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

LOCALIZATION OF OLD CEMETERY IN THE POVALIKHA VILLAGE (Pervomaysky District)

The proposed article deals with the problem of preservation of historical and cultural heritage located in the village of the Povalikha village of the Pervomaisky district of the Altai territory, in the suburban area of Barnaul. The paper considers the question of two not operating cemeteries located in the territory of the village. One supposedly dates back to the 18th – middle of the 19th century, the other – to the middle of the 19th – beginning of 20th century. The most ancient cemetery was subjected to anthropogenic impact during the Soviet period when part of the site was damaged. Both objects of historical and cultural heritage are located in the areas of promising development. The village is located in the suburbs of Barnaul, its convenient location attracts new residents; the population is growing along with the need for new housing. Cemeteries in the central and western part of the village are threatened with planned construction. It is necessary to take measures to preserve the objects of historical and cultural heritage, to reclaim the ancient cemetery, to determine its exact boundaries.

Key words: Povalikha, objects of historical and cultural heritage, cemeteries, protection.

УДК 069.02:908(571.150)+572

Т.Г. Гребенникова, Е.О. Пьянзина

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

УЧАСТИЕ БАРНАУЛЬСКОГО МУЗЕЯ ВО ВСЕРОССИЙСКОЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ВЫСТАВКЕ

Рассматривается и оценивается значение всероссийских выставок второй половины XIX столетия в развитии археологии и этнографии как специальных исторических дисциплин. Наиболее подробно рассматривается Антропологическая выставка, которая была организована Обществом любителей естествознания, антропологии и этнологии. Отмечается значительный опыт экспозиционной практики в деятельности данного общества, способствовавший организации Антропологической выставки. Особое внимание уделяется участию археологических и этнографических коллекций Барнаульского музея в этом мероприятии. Указывается состав этой части собрания музея к моменту проведения выставки и перечень направленных на выставку экспонатов. Обозначен факт получения Барнаульским музеем серебряной медали за изучение и сохранение уникальных археологических и этнографических коллекций по древней истории Сибири. Статья подготовлена к 140-летию участия Барнаульского музея в Антропологической выставке.

Ключевые слова: Антропологическая выставка, всероссийская выставка, Барнаульский музей, археологические коллекции, этнографические коллекции, экспонаты.

При поддержке Общества любителей естествознания, антропологии и этнологии в период с 3 апреля по 2 сентября 1879 г. в Москве была организована первая Антропологическая выставка в стране. В этом году исполняется 140 лет со дня ее проведения. Общество любителей естествознания, антропологии и этнологии, сложившееся на базе Московского общества испытателей природы по инициативе студентов и молодых ученых Московского университета, к тому времени уже не первый год занималось формированием музейных коллекций этого университета, организовывало научные экспедиции, в его составе развивались отделы по антропологии, этнографии [Сысоева, 2001, с. 45]. Само общество стремилось к доступности научной информации, с этим была связана его активная публикационная и выставочная деятельность, что, в свою очередь, способствовало развитию российских музеев в XIX в. Общество публиковало результаты работ на страницах своих изданий, таких как «Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии» (издавались с 1866 г.), «Этнографическое обозрение» (выпускалось с 1889 г.), «Русский антропологический журнал» (выходил с 1900 г.) и некоторые другие. Музейно-выставочная деятельность общества была связана и с педагогической работой, что привело к открытию первой в России кафедры антропологии [Бодрова, 2013, с. 189–190].

Одним из главных идеологов Антропологической выставки стал активный участник Общества любителей естествознания, антропологии и этнологии, профессор Московского университета и один из осно-

воположников российской антропологии Анатолий Петрович Богданов. Часть ее экспонатов впоследствии послужила основой для организации Антропологического музея Московского университета. Главная идея выставки состояла в том, чтобы ознакомить общество с возможностями изучения человека в различных аспектах (биологическом, культурном, социальном), т.е. с предметом антропологии как науки.

Из краткого обзора Антропологической выставки 1879 г., возможно, выделились следующие цели и задачи ее проведения. Во-первых, она должна была содействовать развитию антропологии как науки о человеке в России. Во-вторых, экспонаты выставки должны были послужить основой для создания Антропологического музея при кафедре антропологии в Московском университете. В-третьих, немаловажной задачей была популяризация научных знаний в области антропологии, археологии и этнографии, публичное ознакомление общества с наукой о человеке [Антропологическая выставка…, 1879–1880, с. 19].

Важно отметить, что у Общества любителей естествознания, антропологии и этнологии к моменту подготовки Антропологической выставки уже имелся опыт организации подобных экспозиционных площадок (Всероссийская этнографическая выставка 1867 г. и Политехническая выставка 1872 г.). Этнографическая выставка позволила сформировать репрезентативный экспозиционный материал, включающий около 300 манекенов в различных национальных костюмах, порядка 450 комплектов и деталей одежды, более 1000 единиц предметов быта, а также более 1500 фотографических экспонатов, рисунки и пр. Обширные и систематизированные материалы составили основу Дашковского этнографического музея в составе Румянцевского музея [Сергеева, 2001, с. 363; Бодрова, Сулейманова, 2017, с. 78]. На Политехнической выставке была отработана практика анонсирования мероприятия, систематизации и показа большого объема экспонатов, в том числе был получен опыт создания ансамблевых этнографических экспозиций (павильон Туркестана, павильон Кавказа и др.) [Беляновский, 2013, с. 32].

По изначальному замыслу А.П. Богданова, этнографическим экспонатам на Антропологической выставке отводилась подчиненная роль. Но процесс сбора материалов скорректировал этот подход. Этнографических источников с разных уголков страны оказалось очень много, они были крайне разнообразны и достойны экспонирования. Их систематизировали по категориям (предметы, связанные с питанием различных народов, утварь и домашние принадлежности, костюм, планы и фасады жилищ и других построек, принадлежности культа, предметы искусства и пр.). Археологические материалы также были представлены на выставке в «Отделе доисторических древностей», в том числе демонстрировались и модели целых памятников (например, модель датского дольмена, модель хижины древнего швейцарского поселения на сваях и др.) [Антропологическая выставка…, 1879–1880; Балахонова, 2011, с. 7–8].

Коллекции древностей из Сибири принимали участие и в Антропологической выставке. Транспортировкой коллекций и оформлением экспонатов на выставке занималось Императорское Русское географическое общество. Они были представлены в этнографическом отделе, наряду с такими крупными музеями, как музей Императорского Русского археологического общества, музей Императорского Русского географического общества, и др.

Представилась возможность для участия в Антропологической выставке и для Барнаульского музея (ныне – Алтайский государственный краеведческий музей), созданного в 1823 г. Основу музея составила минералогическая коллекция, которая к 1891 г. насчитывала порядка 6855 минералов и пород, приобретенных не только на территории края и страны, но и за рубежом [Фролов, 2003, с. 44–45], а также собрание моделей. Археологические материалы к 1836 г. включали старинные шпаги разных видов, конец медного копья, две чугунные посуды, две глиняные посуды, изображения трех человеческих фигур на камнях, изображение каменного барана на камне. К 1893 г. археологические предметы были представлены двумя медными котлами, двумя глиняными кувшинами, деревянным молотом, каменным пестом, медным наконечником копья, девятью железными мечами, тремя каменными топорами, двумя серебряными сосудами, двумя каменными стелами, каменным изваянием барана. Очень представительной к моменту проведения выставки была этнографическая коллекция музея по Сибири. Например, имелись материалы по культуре эвенков (облачения шаманов, оружие и прочие предметы), алеутов (головные уборы и одежда, модели байдарок), тлинкитов. Также имелись предметы ламаистского культа из Прибайкалья и Забайкалья, отдельные экспонаты отражали культуру и быт барабинских татар, алтайцев, шорцев, кетов, хантов, манси, казахов, монголов, китайцев и других народов [Фролов, 2003, с. 45].

На выставку была отправлена практически вся этнографическая коллекция Барнаульского музеума. Археологическая коллекция экспонировалась на выставке не в полном составе. Для показа были выбраны девять железных сабель и мечей, кольчуга железная, наконечник копья из бронзы, два бронзовых котла с ручками, керамические сосуды, два металлических средневековых сосуда и некоторые другие предметы. Особым интересом обладали кирпичи с росписью из Албайкита и деревянное орудие из древнего рудника. Археологическое собрание было небольшим по количеству изделий, но достаточно представительным в отношении демонстрируемых эпох. С атрибуцией этих вещей имелись некоторые трудности, поскольку в большинстве случаев отсутствовала информация о том, где и когда обнаружены артефакты. Но, несмотря на этот факт, они были направлены для подготовки Антропологической выставки.

Барнаульский музей был удостоен серебряной медали, что стало достойной наградой за исследование и сохранение уникальных архео-

логических и этнографических коллекций по древней истории Сибири. Отдельным экспонатам был уделен повышенный интерес. Представленные на Московской антропологической выставке два серебряных сосуда из Гурьевска и ряд других археологических и этнографических артефактов привлекли внимание руководства Императорского Русского географического общества и с разрешения Кабинета Его Императорского Величества в 1880 г. они были оставлены в Москве для создававшегося этнографического музея. Кабинет предложил Алтайскому горному правлению исключить эти предметы из числа имущества Барнаульского музеума [Гусельникова, 2007].

Выставка повысила интерес к археологическим и этнографическим коллекциям региональных музеев. Научно-просветительские выставки того периода, в целом, играли очень важную роль в становлении российского музейного дела. Они служили фактором для возникновения музеев в центре страны и на местах или же были импульсом в развитии уже существующих учреждений, в частности Барнаульского музея. Выставочная деятельность способствовала дифференциации и развитию специальных исторических дисциплин (этнография, археология), а также позволяла популяризировать полученные знания для широкой публики.

Библиографический список

Антропологическая выставка 1879 г. / под ред. А.П. Богданова. Т. 3, ч. 2: Описание предметов выставки. М., 1879–1880. С. 19.

Балахонова Е.И. Концепция Всероссийской антропологической выставки и место этнографии в ней // Вестник Московского университета. Сер. XXIII: Антропология. 2011. №1. С. 4–15.

Беляновский А. Гигантский праздник науки, искусств, промышленности и торговли… К 150-летию Политехнической выставки 1872 г. в Москве // Экспо ведомости. 2013. №2/3. С. 30–35.

Бодрова О.А. Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии в деле изучения саамской этнографии (к 150-летию со дня основания ИОЛЕАЭ) // Труды Кольского научного центра РАН. 2013. №6 (19). С. 189–194.

Бодрова О.А., Сулейманова О.А. Этнографический манекен как средство репрезентации этнического: к столетию этнографической выставки 1867 г. // Труды Кольского научного центра РАН. 2017. Т. 8, №9–12. С. 76–85.

Гусельникова М.В., Попова И.В. Музейный хронограф Алтайского государственного краеведческого музея. 1946–1990 гг. // Краеведческие записки. Барнаул, 2007. Вып. 7. С. 122–154.

Сергеева Г.И. Этнографическая выставка 1867 г. // Российская музейная энциклопедия. М., 2001. Т. 2. С. 362–363.

Сысоева Е.К. Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии // Российская музейная энциклопедия. М., 2001. Т. 2. С. 45.

Фролов Я.В. 125 лет со времени участия Барнаульского музея в Антропологической выставке в Москве // Барнаульский хронограф, 2004: календарь знаменательных и памятных дат. Барнаул, 2003. С. 44–47.

T. Grebennikova, E. Pyanzina

Altai State University, Barnaul, Russia

PARTICIPATION OF THE BARNAUL MUSEUM IN THE NATIONAL ANTHROPOLOGICAL EXHIBITION

The article examines and assesses the importance of the All-Russian exhibitions of the second half of the 19th century in the development of Archaeology and Ethnography as special historical disciplines. The Anthropological Exhibition organized by the Society of Lovers of Natural Science, Anthropology and Ethnology is considered in most detail. This society which contributed to the organization of the Anthropological Exhibition has a significant experience of the exhibition practice. The paper pays particular attention to the participation of archaeological and ethnographic collections of the Barnaul Museum in this event; indicates the composition of this part of the museum collection at the time of the exhibition and a list of exhibits. The authors note that the Barnaul Museum was awarded the medal for the study and preservation of unique archaeological and ethnographic collections on the ancient history of Siberia. The article was prepared for the 140th anniversary of the participation of the Barnaul Museum in the Anthropological Exhibition.

Key words: anthropological exhibition, All-Russian exhibition, Barnaul Museum, archaeological collections, ethnographic collections, exhibits.

УДК 903.5(571.150)

П.К. Дашковский, А.Н. Ожиганов

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАНОВ №28 И 33 НА МОГИЛЬНИКЕ ЧИНЕТА-II В КРАСНОЩЕКОВСКОМ РАЙОНЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ по теме «Памятники Чинетинского археологического микрорайона на Алтае: культурно-историческая интерпретация артефактов и возможности использования полученных результатов в туристическом кластере региона» (проект №19-49-220002 р_а)

Представлены результаты археологического изучения курганов №28 и 33 на могильнике Чинета-II, расположенном в Северо-Западном Алтае. Установлено, что курган №28 существенно отличается от курганов скифской эпохи, исследованных как на могильнике Чинета-II, так и на некрополях Ханкаринский дол и Инской дол, которые также входят в состав Чинетинского археологического микрорайона. При исследовании кургана №28 под его насыпью выявлены две параллельные могилы. Такая особенность имеет аналогии для классических памятников каменской культуры Алтая, а также на могильнике Локоть-4, при изучении которого фиксируются синкретичные элементы погребальной обрядности каменской, пазырыкской культур Алтая, а также сакских племен Казахстана. Анализ немногочисленного сопроводительного инвентаря позволяет курган №28 предварительно датировать 2-й половиной IV – III в. до н.э. При

исследовании кургана №33 погребение не обнаружено. Вероятно, данный объект относится к числу поминальных кенотафов.

Ключевые слова: скифская эпоха, могильник, Алтай, инвентарь, погребальный обряд.

Курганный могильник Чинета-II входит в состав Чинетинского археологического микрорайона, расположенного в окрестностях с. Чинета в Краснощековском районе Алтайского края [Дашковский, 2013]. Некрополь находится в 1 км к юго–юго-востоку от с. Чинета на второй надпойменной террасе р. Иня. В ходе археологического изучения памятника, которое ведется с 2001 г. Краснощековской археологической экспедицией Алтайского государственного университета под руководством П.К. Дашковского, раскопано более 30 объектов скифской эпохи тюркской, кыргызской и сросткинской культур [Дашковский, 2015а–б; 2018; Дашковский, Мейкшан, 2011; и др.]. В данной публикации приводится информация о результатах раскопок объектов №28 и 33.

Курган №28 располагался в северной части некрополя. Диаметр каменной насыпи объекта составлял с севера на юг 8,8 м, а с запада на восток – 9 м. Высота сооружения достигала 0,5 м, а с учетом слоя земли – 0,7 м. Сама насыпь состояла из речной гальки средних размеров, которая была уложена в 2–3 слоя. В центральной части насыпи прослежена западина диаметром до 3 м. Под насыпью кургана в центральной ее части выявлены две могилы, которые располагались параллельно друг другу в направлении запад–восток. Они были ориентированы длинными осями в направлении СВ–ЮЗ. Первая южная могила имела следующие размеры на уровне древнего горизонта: 3,2×1,3×1,24 м. На глубине 0,6–0,8 м могила была перекрыта поперечными деревянными плахами. Фрагменты семи деревянных поперечных плах наиболее хорошо сохранились в западной и восточной части могилы. Ширина сохранившихся фрагментов деревянных плах – 5–10 см. В могиле обнаружено, вероятно неограбленное, погребение женщины, которая была уложена в вытянутом положении на спине и ориентирована головой на запад. При этом расстояние от черепа до западной стенки могилы составляло 0,9 м. Расстояние от стопы правой ноги до восточной стенки было 0,75 м. У женщины отсутствовала левая большеберцовая кость. Причем малоберцовая кость от левой ноги находилась в 0,9 м к востоку от бедренной кости. Возле черепа обнаружена бронзовая шпилька с навершием в виде четырех шариков. Еще два аналогичных шарика расположены ниже предыдущих на 0,8 см. Длина заколки – 13 см.

Вторая северная могила располагалась в 1,4–1,6 м к северу от первой. Ее размеры по уровню древнего горизонта – 2,9×1,02×1,22 м. В отличие от южной могилы, в данном погребении не зафиксировано элементов деревянной конструкции. В северо-западном углу могилы на ее дне отмечены два небольших камня. У восточной стенки выявлено скопление костей скелета человека. В центральной части могилы в 1 м

Рис. 1. Расположение могил. Под насыпью кургана №28 могильника Чинета-II

к западу от скопления костей человека обнаружен керамический сосуд. В 30 см к югу от сосуда зафиксирован железный нож с кольцевидной рукоятью. Длина ножа составляет 10,5 см, максимальная ширина лезвия – 1,2 см, диаметр кольчатого навершия – 2,2 см.

Курган №33 располагался в центральной части некрополя Чинета-II. Насыпь сооружения на уровне современной поверхности почти ничем не выделялась. Диаметр каменной насыпи объекта после зачистки составлял с севера на юг 6,6 м, а с запада на восток – 5,75 м. Высота сооружения достигала 0,5 м, а с учетом слоя земли – 0,7 м. Сама насыпь состояла из речной гальки средних размеров, которая была уложена в 2–3 слоя. Под насыпью кургана никаких признаков погребения не обнаружено. Контрольный перекоп по всей площади кургана на уровне древнего горизонта, а затем и на уровне материка не дал результатов.

Курган №28 существенно отличается от курганов скифской эпохи, исследованных как на могильнике Чинета-II, так и на некрополях Ханкаринский и Инской дол, которые также входят в состав Чинетинского археологического микрорайона. Традиция размещения под насыпью кургана две и более могилы характерна для классических памятников каменской культуры Алтая [Могильников, 1997; Шульга, Уманский, Могильников, 2009; Уманский, Шамшин, Шульга, 2005; и др.]. Кроме того, размещение нескольких могил под насыпью кургана зафиксировано и на могильнике Локоть-4, при изучении которого фиксируются синкретичные элементы погребальной обрядности каменской, пазырыкской культур Алтая, а так-

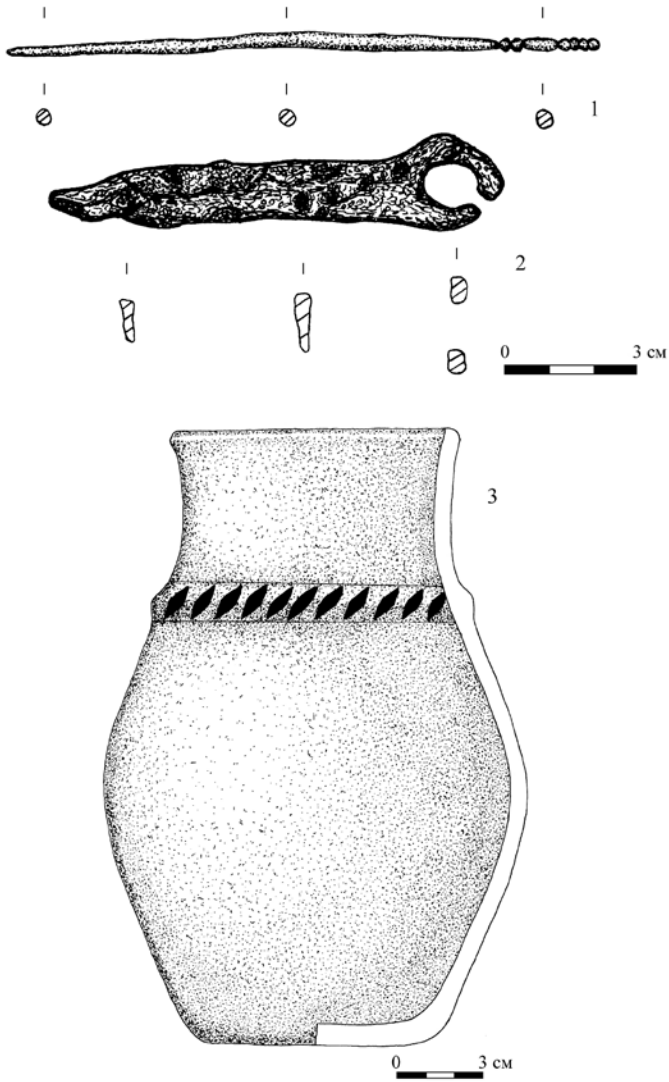


Рис. 2. Инвентарь из кургана №28 могильника Чинета-II:
1 – бронзовая шпилька; *2* – железный нож; *3* – керамический сосуд

же сакских племен Казахстана [Шульга, 2004, с. 119–120; и др.]. Сопроводительный инвентарь из кургана №28 могильника Чинета-II, несмотря на свою невыразительность, также находит аналогии в предметном комплексе каменской культуры. Учитывая особенности погребального обряда

и инвентаря, указанный курган может быть предварительно датирован 2-й половиной IV – III в. до н.э. Следует отметить, что исследованные на Чинетинском археологическом микрорайоне курганы скифской эпохи на трех могильниках – Чинета-II, Инской и Ханкаринский дол, отражают сложные этнокультурные процессы, протекавшие в указанный период в трансграничном пространстве Северо-Западного Алтая и Восточного Казахстана. В связи с этим на этих некрополях выявлены, во-первых, классические памятники пазырыкской культуры. Во-вторых, на памятниках исследованы курганы, которые синхронны пазырыкской культуре, но существенно отличаются от последней по погребальному обряду и инвентарю. В-третьих, зафиксированы и погребения с синкретичными чертами погребальной обрядности. Обозначенные особенности погребальной обрядности отражают интенсивные этнокультурные процессы в данном регионе. Исследование кургана №28 на могильнике Чинета-II как раз, вероятно, свидетельствует о проникновении племен, близких к кругу памятников каменской культуры Алтая.

Относительно кургана №33, в котором не обнаружено даже признаков погребения и самой могилы, можно отметить следующее. Вероятно, данный объект относится к числу ритуальных сооружений – поминальных кенотафов, которые достаточно хорошо известны у кочевых народов Южной Сибири и Центральной Азии эпохи поздней древности и средневековья [Дашковский, Серегин, 2008]. Такие объекты ранее уже были выявлены как на могильнике Чинета-II [Дашковский, Мейкшан, 2011], так и на соседнем некрополе Ханкаринский дол [Дашковский, 2016]. Различного типа ритуальные объекты (поминальные выкладки в виде восьмикаменных колец, небольшие округлые курганчики) хорошо известны по памятникам пазырыкской культуры [Кубарев, 1987, с. 11–12; 1991, с. 23–24; 1992, с. 12–13]. Объект №33 планиграфически расположен рядом с группой раскопанных курганов скифского времени, что позволяет его предварительно отнести к раннему железному веку.

Полученные материалы дополняют данные по этнокультурным процессам в Северо-Западном Алтае в раннем железном веке. В дальнейшем планируется продолжить научные исследования на указанных памятниках.

Библиографический список

Дашковский П.К. Основные направления изучения памятников древних и средневековых кочевников Чинетинского археологического микрорайона на Алтае // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии: мат. Междунар. конф. Барнаул, 2013. С. 187–190.

Дашковский П.К. Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии. Барнаул, 2015а. 224 с.

Дашковский П.К. Исследование оградок тюркской культуры на могильнике Чинета-II // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2015б. №8. С. 20–29.

Дашковский П.К. Могильник пазырыкской культуры Ханкаринский дол на Алтае: характеристика погребального обряда и основные направления междисциплинарных исследований // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2016. Вып. IX. С. 42–66.

Дашковский П.К. Радиоуглеродное и археологическое датирование погребения скифского времени из могильника Чинета-II (Алтай) // Народы и религии Евразии. 2018. №2 (15). С. 9–23.

Дашковский П.К., Мейкшан И.А. Исследование погребальных и ритуальных объектов на могильнике Чинета-II // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2011. С. 73–78.

Дашковский П.К., Серегин Н.Н. Кенотафы кочевников Алтая в эпоху поздней древности и раннего средневековья // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2008. Вып. II. С. 83–100.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 302 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. 190 с.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992. 220 с.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997. 195 с.

Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-I на левобережье Оби. Барнаул, 2005. 204 с.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул, 2003. 204 с.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул, 2009. 329 с.

P.K. Dashkovskiy, A.N. Ozhiganov

Altai State University, Barnaul, Russia

PRELIMINARY RESULTS OF THE STUDY OF BURIAL MOUNDS NO. 28 AND NO.33 ON THE BURIAL GROUND CHINETA-II IN THE KRASNOSHCHEKOVSKY DISTRICT OF THE ALTAI TERRITORY

The article presents the results of the archaeological study of burial mounds no.28 and no.33 at the cemetery of Chineta-II located in North – Western Altai. It is established that mound no.28 was significantly different from the burial mounds of the Scythian epoch investigated as a burial ground Chineta-II and the necropolises of Khankarinskiy dol and Inskoy dol that are also part of the Chinetinsky archaeological district. In the study of mound no.28 under the mound two parallel graves were identified. This feature has analogies for classical sites of Kamen culture of Altai and the Lokot-4 burial ground, where the study records syncretic elements of the burial rites of Kamen and Pazyryk cultures of Altai and Saka tribes of Kazakhstan. The analysis of a few accompanying inventory allows barrow no. 28 to be tentatively dated to the 2nd half of the 4th – 3rd centuries BC. In the study of mound no. 33 no burial was found. Probably, this object is one of the memorial cenotaphs.

Key words: Scythian epoch, burial, Altai, equipment, funeral ceremony.

УДК 902«637»(575.4)

Н.А. Дубова[1], В.И. Артемьев[2], А.М. Урманова[2], Р. Джепбаров[3], М.Ы. Беглиев[3]

[1]Институт этнологии и антропологии им Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия;
[2]Научно-проектное бюро «Янгиобод», Ташкент, Узбекистан;
[3]Государственный историко-культурный заповедник «Древний Мерв», Байрамали, Туркменистан

ОПЫТ РЕСТАВРАЦИИ И КОНСЕРВАЦИИ ОСОБЫХ ПОМЕЩЕНИЙ ДВОРЦОВОГО КОМПЛЕКСА ЭПОХИ БРОНЗЫ ГОНУР-ДЕПЕ (Туркменистан)

Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

В статье характеризуется пример консервационно-реставрационных работ так называемого комплекса келий на территории кремля Гонур-депе. Сооружение из сырцового кирпича, назначение которого дискутируется, является уникальным по своим размерам для синхронных памятников Ближнего и Среднего Востока, хотя некоторые аналоги ему имеются. Обсуждаются вопросы адекватности применения разных методов консервации сырцовой архитектуры и описывается принятый, по представлениям авторов, оптимальный вариант, который и был использован. Он включает следующие этапы: очистка от материалов разрушения сохранивших конструкций, изготовление сырцовых кирпичей с размерами, соответствующими оригинальным, и реставрация с их помощью разрушенных частей. В случае данного строительного комплекса было принято решение не возводить над стенами защитный кожух из сырцовых кирпичей, как это делалось в случае консервации помещений и стен гонурского дворца, а реконструировать сами «келии» и платформы над ними, выявленные архитекторами. С туристическими целями один из блоков комплекса планируется показать в разрезе (с соответствующей консервацией стен), чтобы его внутренние конструкции были доступны для обозрения.

Ключевые слова: эпоха бронзы, Бактрийско-Маргианская археологическая культура, монументальная архитектура, сырцовый кирпич, Маргианская экспедиция, охрана памятников истории и культуры.

Российско-Туркменская Маргианская археологическая экспедиция проводит раскопки на памятнике эпохи бронзы (2300–1600 до н.э.) Гонур-депе (85 км к северу от г. Байрамали в Майрыском велаяте Туркменистана) с 1972 г. [Сарианиди, 1973, 1990, 2002, 2005, 2008; и мн. др.]. С 2003 г. все работы проводятся в рамках Соглашения о сотрудничестве между Институтом этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва) и Министерством культуры Туркменистана [Труды Маргианской археологической экспедиции, 2004–2018].

Все сооружения памятника, включая дворцовый, храмовые комплексы, монументальные стены с башнями, а также большая часть погребальных конструкций, построены из сырцового, т.е. высушенного на солн-

це, а не обожженного в печи кирпича. Этот материал обладает многими положительными свойствами: простотой получения, достаточной плотностью и устойчивостью при сжатии (что дает возможность возводить многоэтажные постройки), низкими возгораемостью и огнестойкостью, а самое главное – медленной диффузивностью – мерой запаздывания и увлажнения тепловой волны по мере ее распространения сквозь стену [Убэн, Гийо, 2002, с. 212; Houben, Guillard, 1989]. Это качество позволяет замедлять и гасить тепловые вариации и приливы тепла извне, что особо ценно в регионах с резко континентальным климатом, когда дневная и ночная температуры могут различаться на десятки градусов. Это верно и для пустынных районов Туркменистана. Благодаря таким своим параметрам сырцовый кирпич использовался в строительстве и 10–12 тысяч лет назад, он пользуется спросом и в наши дни. Как отмечается в только что упомянутом и в настоящее время единственном фундаментальном исследовании глинобитного строительства, 30% населения мира (т.е. около 1,5 млрд человек) живет в глинобитных домах, по меньшей мере 20% населения городов и пригородов строят такие дома. Как полагают авторы публикации, возможно, это даже заниженные цифры [Убэн, Гийо, 2002, с. 28].

Но серьезным недостатком сырца является его быстрое разрушение под воздействием влаги. Вертикальный дождь постепенно размывает верхние ряды кирпичной кладки, особенно сильно по бокам стен. Глина от разрушенных кирпичей стекает по боковым поверхностям и образует возвышения у их оснований. При длительном воздействии дождей, кроме размытой глины, на земле оказываются и части кирпичной кладки, которые также потом оплывают. Разрушение усиливается при значительном боковом ветре, который дает возможность дождевым потокам быстро размывать обмазку, покрывающую кирпичную кладку. Если стены здания достаточно велики, то процесс их размыва будет продолжаться до тех пор, пока глиняное возвышение у основания не сравняется по высоте с сохранившейся частью стены. Это возвышение, однако, и защитит первоначальное строение от полного разрушения. Именно благодаря данным процессам монументальные постройки из сырцового кирпича могут сохраняться в течение тысяч лет. Не являются исключением в этом отношении и здания Гонур-депе. Но, как хорошо известно, археологические раскопки обнажают оригинальные стены, это приводит к тому, что после тысячелетнего сохранения статус кво возобновляются процессы разрушения. И стены, уже имеющие далекую от первоначальной высоту, размываются до основания (см., например: [Джепбаров, 2010, с. 204–205]). Кроме воздействия воды, даже более поздние сырцовые сооружения подвержены другим серьезным разрушениям (см., например: [Boostani, Tonietti, 2016]).

Именно поэтому для сохранения вскрытой уникальной для эпохи бронзы архитектуры описываемого памятника уже в 2003 г. В.И. Сарианиди начал предпринимать усилия по консервации и частичной реставрации Гонур-депе [Джепбаров, 2004, 2010]. С включением в 1999 г.

древнего Мерва, к которому принадлежит и территория Гонура, в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО появилась реальная возможность достигать положительных результатов в выборе приемлемых методов по сохранению сырцовых памятников, используя международный опыт. Первые работы заключались в кладке футляра вокруг оригинальных стен парадных залов дворца. Этим самым простым способом, как временной мерой спасения древних стен от дальнейших разрушений, археологическая экспедиция продолжает пользоваться и по сей день. Экспериментальные работы, проведенные силами специалистов Государственного музея-заповедника «Древний Мерв» весной 2004 г., позволили получить положительные результаты, чтобы выбрать самые подходящие и устойчивые методы для укрепления древних стен, находящихся под угрозой разрушения. Было признано целесообразным предложить метод, который дал лучшие показатели по результатам проведенных испытаний и выгоден для использования. В целях презентации посетителям оригинальных видов древних стен, а также для неизменного сохранения истинных размеров работа может проводиться подводкой идентичными (42–45×19–25×12–15 см) кирпичами лишь в необходимых участках с устройством защитного глиняного слоя по верху. Применение в других методах консервации глиняно-соломенного слоя в нижних частях стены не принесло ожидаемого результата [Джепбаров, 2010, с. 213].

Благодаря усилиям Маргианской экспедиции и финансовой помощи Фонда Посла США в Туркменистане в 2007 и 2008 гг. законсервированы западный фас кремлевской стены (включая четыре башни и очаги сложной конструкции внутри них), комплекс парадных помещений внутри дворца, «комплекс погребальных ритуалов» внутри кремля и здание «царского святилища» на севере комплекса. Теми же силами и с помощью местной администрации с целью музеефикации уникальных погребений тайчанаха (№3340) и четырех животных (№3597, 3621–3623) над ними сооружены два охранных строения. Заповедник «Древний Мерв» провел реставрационно-консервационные мероприятия на одной из «царских» гробниц (№3235), позволяющие даже без перекрытия и в сильнейшие дожди достигать удовлетворительного результата сохранения объекта. Прошедшие годы показали достаточную эффективность этих мероприятий, но все же совершенно ясна и необходимость дополнительных шагов для сохранения древней архитектуры.

В 2018 г. во время ежегодного обновления обмазки стен в центральных зданиях кремля обратило на себя внимание усилившееся разрушение одного из интереснейших его помещений – так называемого *комплекса келий*. Сходные сооружения, кроме «кремля» Северного Гонура, известны на разных памятниках III–II тыс. до н.э.: на Южном Гонуре (теменосе), на Тоголок-21 и Аджикуи-1 в Маргиане, на Дашлы-3 (во дворце и храме) в Южной и на Сапаллитепа и Джаркутане в Северной Бактрии. Подобные камеры были найдены при раскопках столицы хеттов Хаттус-

са (Богазкёй в современной Турции), а также на хассунском поселении Ярым-Тепе в Северо-Западном Ираке, где археологи определили их как основание платформы для сушки зерна [Мунчаев и др., 1974, с. 541–542].

Для обозначения подобных архитектурных комплексов в публикациях применялся универсальный термин «галерея коридоров гребенчатой планировки». Анализу их разнообразия и особенностей уделено специальное внимание [Урманова, 2014]. Автором сделан вывод, что комплекс «келий» кремля Северного Гонура – исключительный и пока единственный пример отдельного крупного комплекса такого типа сооружений. Можно говорить о едином строительном принципе при возведении таких конструкций на всей территории Бактрийско-Маргианской археологической культуры. Следовательно, это – уникальная отличительная черта данных архитектурных сооружений, своеобразный «маркер», по которому возможно определять принадлежность новых археологических объектов к Бактрийско-Маргианской археологической культуре [Урманова, 2014, с. 140]. Поэтому реставрация и консервация сохранившихся конструкций комплекса «келий» в Гонурском кремле были признаны одной из первоочередных задач.

Этот комплекс, представляющий собой неправильный четырехугольник, расположен в северо-восточном секторе кремля. Он хорошо просматривается как на аэрофото, так и на снимках из космоса. По всему периметру четырехугольника находятся «кельи» – узкие (50–60 см), длинные (460–540 см), высокие (80–100 см) сооружения из сырцового кирпича стандартных размеров (42–45×23–24×14–15 см), тщательно обмазанные изнутри хорошо отмученной штукатуркой. Внутри них не обнаружено ни одной находки, не имеется никаких следов воздействия огня или воды [Сарианиди, 2005, с. 71–72]. Каждое сооружение перекрыто сверху двумя кирпичами, поставленными под углом друг к другу. На некоторых участках эти перекрытия сохранились. Поверх этого перекрытия устроена кирпичная платформа таким образом, что внутреннее устройство «келий» внешне не прослеживается и вся конструкция выглядит как широкая суфа или подиум.

Назначение «келий» до сих пор не известно. Высказывается мнение (чаще всего на основании изучения планов построек), что они представляют собой склады, магазины или помещения для хранения продуктов и необходимых в быту предметов (см., например: [Мунчаев и др., 1974, с. 543; Huff, 2001, p. 191]). Думается, что сказанное выше об их конструкции на Гонуре эту версию не поддерживает. Есть точка зрения, что они использовались в качестве своеобразных голосников (устройств для усиления звука и придания ему определенного тона) или как система обогрева помещения [Ковалева, 2016, с. 120]. От второй версии автор отказалась сама по причине того, что никаких отверстий в системе гонурских «келий» не обнаружено, и, соответственно, ни горячий, ни холодный воздух не мог попасть туда и выйти оттуда [Ковалева, 2016,

с. 120]. К этому надо добавить, что сам комплекс располагается за восточной стеной дворца, вне основных его помещений, т.е. единственное, что он мог обогревать, – это воздух.

Н.А. Ковалева, опираясь на сведения по классической архитектуре греческих амфитеатров (см., например: [Ефимов, 2000]), предположила, что эти камеры могли быть своеобразными «колосниками», которые усиливали и направляли звуки к центру помещения. Действительно, в усилении и обогащении звучания в амфитеатрах особую роль играли так называемые *гармоники* – системы резонаторов. Но в качестве резонаторов использовались бронзовые цилиндрические сосуды и глиняные кувшины-амфоры. Они, действительно, располагались в нишах стены позади зрительских мест и под скамьями [Ефимов, 2000]. Но в случае с «кельями» мы имеем совершенно другие устройства: не систему сосудов, а пустые(!) продольные помещения, тщательно обмазанные изнутри и закупоренные со всех сторон. Немецкий археолог Д. Хуфф предполагал, что они могут являться «теплыми полами». Но он сам отказался от этой мысли и обосновал точку зрения, что «кельи» устраивались как «подструктуры» жилых помещений богатых домов [Huff, 2005, p. 92].

Анализируя имеющееся разнообразие сооружений в виде «кельи», можно выделить два их типа: утилитарные структуры, возведенные под платформу-подиум высотой от 1 до 1,2 м (такой тип представлен в Гонурском кремле), и помещения от 1 м и более шириной, имеющие вход с торца, которые возможно определять в разном контексте, например, как жилища отшельников или кладовые. Перекрытием «келий» в обоих случаях, вероятно, был трапециевидный свод, сооруженный из трех кирпичей или «ложный», напуском 1/4 длины кирпича [Урманова, 2014, с. 140]. Нельзя не отметить, что традиция сооружения первого типа возникла свыше 9 тыс. лет назад в строительной технике ранненеолитических поселений Северной Месопотамии [Корниенко, 2006, с. 44–47, рис. 14].

Устройство подобных «келий» в технике строительства той эпохи было возможно только двумя способами: первый – это заполнить пространства отсеков конструкции под платформой песком и сделать по такой уплотненной засыпке кирпичный пол подиума; второй – настелить пол поверх «облегченной» конструкции из кирпича, состоящей из параллельных рядов «двускатных сводов», опирающихся на разделительные стены, – перегородки, которые и образуют своеобразную систему отсеков. На Гонур-депе ширина отсеков (не более 0,6 м) ограничена конструкцией их перекрытия – свода. Свод возводился из двух наклонных кирпичей, поставленных на торец приблизительно под прямым углом друг к другу и создающих опорное сводчатое перекрытие. Поверх этой конструкции и сооружался подиум (рис. 1). Примеры таких сводов сохранились только в описанном выше комплексе Гонурского кремля, на небольшом участке раскопа 5 Северного Гонура (около помещений 70 и 85), возле «царского святилища» на том же памятнике

и в афганском дворце Дашлы-3 (помещение 48). Не все авторы данного сообщения согласны с тем, что «кельи» являются лишь «подструктурами» подиумов. Скептически к этой точке зрения заставляет относиться уже упоминавшаяся тщательная обмазка их изнутри, что представляется совершенно не рациональным для «подвальных» строений, внутреннее пространство которых недоступно для обозрения. Также вероятно их ритуальное, правда неизвестной направленности, назначение (например, для «запечатывания воздуха» как одной из священных стихий, которым поклонялись жители Гонура). Нельзя исключить и то, что они представляют собой элемент своеобразной «архитектурной памяти», т.е. сохраняют в уменьшенном виде внешнее сходство с некогда важной утилитарной или ритуальной конструкцией [Сарианиди, 2012, с. 13–17].

По всей видимости, комплекс «келий» кремля Гонура был двухуровневым. Нижний уровень представлял собой подиумы, а верхний – закрытые террасы. Террасы могли располагаться по периметру внутреннего двора. С внешней стороны, по контуру сооружения, они были обстроены глухими стенами, вероятно, с пилястрами и раскрывались во внутренний двор. Перекрытием террас, возможно, служил навес, на деревянных стойках-колоннах высотой не более 3,5 м, что обусловлено толщиной внешних стен комплекса (70 см) и зафиксировано архитектурным обследованием (рис. 1).

Представленная на рисунке графическая реконструкция комплекса «келий» и явилась основой реставрационных и консервационных мероприятий, начатых весной 2018 г. на Гонур-депе. Было принято решение законсервировать только сами «кельи» и перекрывающие их плоскости подиумов, без восстановления верхнего, террасного уровня, так как объективных данных к его реконструкции не сохранилось. Реконструкция была начата с северо-западного угла комплекса, где три «кельи», идущие с севера на юг, были очищены от материалов разрушения (рис. 2). Между ними были расчищены и частично восстановлены перегородки шириной в два стандартных (42×24×15 см) кирпича, поставленных вдоль на ребро. В боковых стенках «келий» и в перегородках были восстановлены утраченные кирпичи и каждая из конструкций была обмазана слоем глины. Также были восстановлены утраченные перекрытия с помощью поставленных под углом друг к другу кирпичей тех же стандартов с последующей обмазкой. Перегородки и своды «келий» были сверху перекрыты плашмя уложенными кирпичами для образования горизонтальной поверхности подиума, которая также была обмазана толстым слоем глиняной штукатурки. Кирпичами тех же размеров была отремонтирована боковая стенка, ограждающая три эти «кельи» с юга (рис. 3).

Метод данной консервации с частичной реставрацией, по решению реставрационного совета, предшествовавшего началу работ, несколько отличается от того, который был применен при проведении восстановления парадных помещений дворца и сходен с таковым, использованным при консервации «царской» гробницы 3235 [Джепбаров, 2010], что

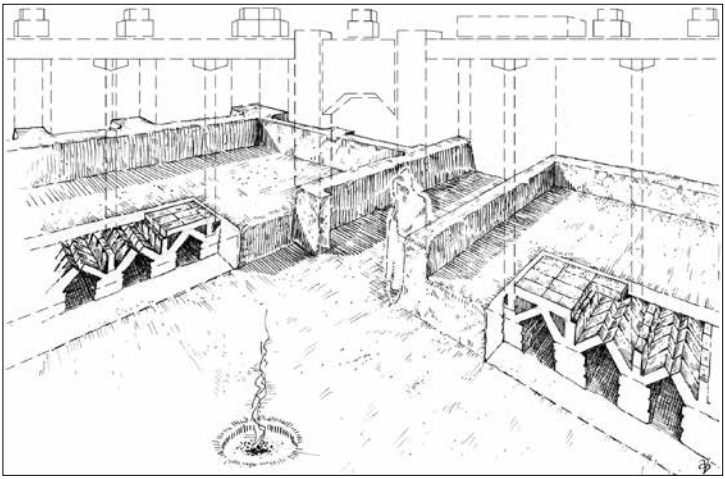


Рис. 1. Вариант реконструкции комплекса «келий» кремля Гонур-Депе (по: [Урманова, 2014, с. 149, рис. 10])

Рис. 2. Начало очистки «келий» в северо-западном углу комплекса. *Фото Н.А. Дубовой*

обусловлено, прежде всего, конструктивными особенностями объектов. В помещениях дворца и кремля оригинальные стены после их очистки помещались в кожух, устроенный из кирпичей современных размеров (25×15×10 см), а в двух других случаях для ремонта-реставрации оригинальных стен и для восстановления утраченных элементов использовались, как было отмечено, кирпичи с размерами, соответствующими оригинальным. Планируется консервация всего комплекса «келий» Гонурского кремля и близлежащих строений, а также создание необхо-

Рис. 3. Общий вид участка комплекса «келий» после проведения консервационно-реставрационных работ до сооружения горизонтальной кладки подиума. Вид с востока. *Фото Н.А. Дубовой*

димой информационной составляющей, в том числе установка информационных стоек. Для того чтобы как специалистам-археологам, так и туристам, посещающим памятник, была понятна конструкция внутреннего устройства «келий», один из фрагментов комплекса предполагается представить в разрезе. Эти работы будут продолжены в течение последующих периодов работы Маргианской экспедиции на Гонур-депе.

Библиографический список

Джепбаров Р. Консервационные мероприятия на сырцовых памятниках древнего Мерва // У истоков цивилизации: сб. ст. к 75-летию В.И. Сарианиди. М., 2004. С. 447–449.

Джепбаров Р. Консервация сырцовых сооружений: на примере археологического памятника Гонур-Депе // На пути открытия цивилизации: сб. ст. к 80-летию В.И. Сарианиди [Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 3]. СПб., 2010. С. 203–213.

Ефимов А.П. Три взгляда на акустику помещений // Install Pro. 2000. №4–5 (6–7). [http://rusarch.ru/efimov1.htm].

Ковалева Н.А. Виктор Сарианиди – последний Крылатый Лев Маргианы // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 6: Памяти Виктора Ивановича Сарианиди. М., 2016. С. 108–125.

Корниенко Т.В. Первые храмы Месопотамии. СПб., 2006.

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Бадер Н.О., Башилов В.А., Большаков О.Г., Гуляев В.И., Куза А.В., Нариманов И.Г. Исследования Иракской экспедиции // Археологические открытия 1973. М., 1974. С. 539–544.

Сарианиди В.И. Древности низовий Мургаба // Археологические открытия 1972. М., 1973. С. 483–484.

Сарианиди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.

Сарианиди В.И. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте р. Мургаб. Ашхабад, 2002.

Сарианиди В.И. Гонур-Депе. Туркменистан. Город царей и богов. Ашхабад, 2005.

Сарианиди В.И. Маргуш. Тайна и правда великой культуры. Ашхабад, 2008.

Сарианиди В.И. Переднеазиатские арии в Бактрии и Маргиане // Труды Маргианской археологической экспедиции. М., 2012. Т. 4. С. 11–28.

Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 1: [У истоков цивилизации]. М., 2004; Т. 2. М., 2008; Т. 3: [На пути открытия цивилизации]. СПб., 2010; Т. 4. М., 2012; Т. 5. М., 2014; Т. 6. М., 2016. Т. 7. М., 2018.

Убэн Ю., Гийо Ю. Глинобитное строительство: всеобъемлющее руководство. Самарканд, 2002.

Урманова А.М. К проблеме сооружений типа «кельи» // Труды Маргианской археологической экспедиции. М., 2014. Т. 5. С. 138–150.

Boostani A., Tonietti U. History and crucial aspects of Strengthening the arch system // The nine Domes of the Universe. The ancient Noh Gonbad mosque. The study and conservation of an Early Islamic monument of Balkh. Azzano-San-Paolo, 2016. P. 75–131.

Houben H., Guillard H. Traité de construction en terre. Marselle, 1989.

Huff D. Bronzezeitliche Monumentalarchitektur in Zentralasian // Migration und Kulturtransfer. Der Wanden Vorder- und Zentralsienatischer Kulturen im Umbruch von 2. zum 1. vorchristlichen Jahrtausend. Bonn, 2001. S. 181–197.

Huff D. Urbanisierungsansätze in Zentralasien // Weg zur Stadt. Entwicklung und Formen urbanen Lebens in der alten Welt / H. Falk. Bremen, 2005. S. 82–120.

N.A. Dubova[1], V.I. Artemjev[2], A.M. Urmanova[2], R. Jepbarov[3], M.Y. Begliev[3]

[1]N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Moscow, Russia;

[2]Scientific Design Bureau "Yangiobod", Tashkent, Uzbekistan;

[3]State Historical-Cultural Reserve "Ancient Merv", Bairamali, Turkmenistan

THE EXPERIENCE OF THE RESTORATION AND CONSERVATION OF SPECIAL SPACES OF THE BRONZE AGE PALACE-TEMPLE COMPLEX GONUR DEPE (Turkmenistan)

The article describes an example of conservation and restoration excavations of the so-called "cell-complex" on the territory of the Gonur Depe Kremlin. The construction of mud brick, the purpose of which is being discussed, is unique for synchronous sites of the Near and Middle East sites, although there are some analogues to it. The article discusses the issues of the adequacy of the use of different methods for the conservation of raw architecture and describes the best in the authors' opinion option which was used.

It includes the following steps: cleaning of materials from destruction of preserved structures, manufacturing of raw bricks with dimensions corresponding to the original ones and restoration of the destroyed parts with their help.

In the case of this building complex, it was decided not to erect a protective casing of mud bricks above the walls, as it was done in the case of conservation of the rooms and walls of the Gonur palace, but reconstruct the cells and platforms above them, identified by the architects. For tourist purposes, one of the blocks of the com-

plex is planned to be shown in section (with appropriate preservation of the walls) so that its internal structures are accessible for viewing.

Key words: Bronze Age archaeology, Bactria-Margiana archaeological culture, monumental architecture, mud-brick, Margiana expedition, protection of historical and cultural monuments.

УДК 903.23(571.17)

А.М. Илюшин

Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Россия

ЖЕЛЕЗНЫЕ КАЗАНЫ ИЗ МОГИЛ КОЧЕВНИКОВ НА БОРМОТОВО-3

Публикация посвящена железным котелкам с подвижными ручками, найденным в 2017 г. при раскопках одиночного кургана XII–XIII вв. Бормотово-3 в Промышленновском районе Кемеровской области. Кратко описываются объекты исследования, где были найдены железные казаны и сами находки. Отмечается сходство найденных железных сосудов с аналогиями, выполненными из бронзы в культуре поздних кочевников степей Восточной Европы XII – начала XIII в. По совокупности отмеченных элементов (габариты курганной насыпи, глубина могил, богатство погребального инвентаря и наличие пояса, украшенного бляшками) железные казаны характеризуются как социально значимый элемент погребального обряда. Он маркирует погребения родовой и племенной аристократии и указывает на высокое социальное положение при жизни.

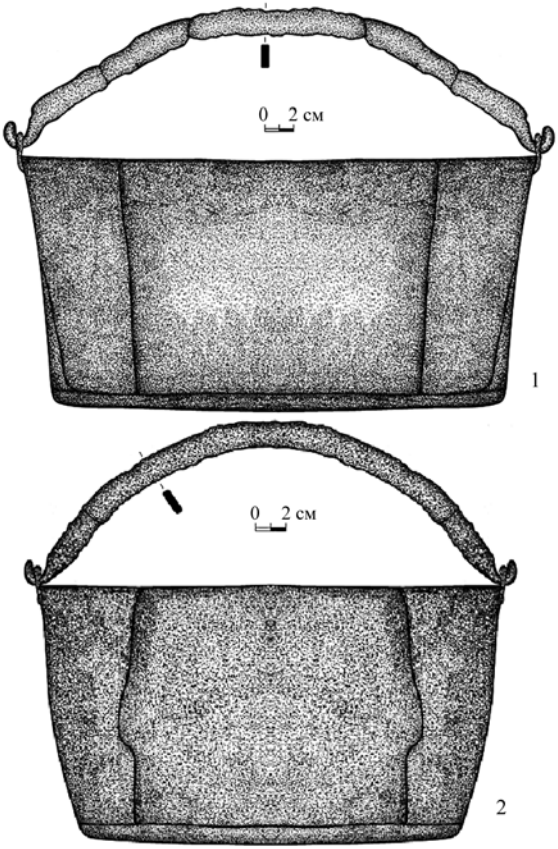
Ключевые слова: Кузнецкая котловина, Бормотово-3, развитое средневековье, железный казан.

В 2017 г. Кузнецкая комплексная археолого-этнографическая экспедиция гуманитарного научного центра Кузбасского государственного технического университета им. Т.Ф. Горбачева (ККАЭЭ ГНЦ КузГТУ) проводила спасательные археологические раскопки одиночного кургана Бормотово-3 в Промышленновском районе Кемеровской области [Илюшин, 2018]. Объект исследований выделялся внушительными размерами и даже был назван А.М. Кулемзиным [1991], открывшим его в 1991 г., «самым большим курганом в Кузнецкой котловине». На момент начала раскопок в 2017 г. он представлял собой сильно задернованную оплывшую и опаханную земляную насыпь округлой формы диаметром 43,4 м и высотой 2,52 м. При раскопках кургана были выявлены и обследованы две грунтовые ямы, ров, окружавший насыпь, и восемь могил. Во рву и насыпи были зафиксированы различные фрагменты костей животных. Могилы располагались под насыпью кургана двумя скоплениями в центральной и юго-восточной части. Три могилы были кенотафами. Центральная могила-1 была сильно разграблена. В ней и над ней были найдены целые и во фрагментах многочисленные кости людей и животных, преимущественно лошади. В двух соседних с ней могилах-3 и 4 были погребены женщи-

ны, одна из них с маленьким ребенком. В могилах-5 и 7 были выявлены захоронения подростка и взрослого мужчины со шкурами лошадей. По найденным артефактам одиночный курган Бормотово-3 предварительно был датирован периодом развитого средневековья (XI–XIV вв.) и отнесен к шандинской археологической культуре кочевников Восточного Дешт-и-Кипчак в Кузнецкой котловине [Илюшин, 2005, с. 121–124; 2010, с. 97–106; 2018, с. 23–24]. Позже после исследования комплекса вооружения, выявленного в могилах-1 и 7 кочевников-воинов, погребенных со шкурой лошади, памятник был датирован в широком диапазоне XII–XIII вв., а более узко – рубежом этих веков [Сулейменов, Илюшин, 2018, с. 77]. Цель настоящей работы – описание и сравнительный анализ железных котелков (казанов), которые были найдены в мужских воинских захоронениях в могилах-1 и 7 (рис.-*1*, *2*), представляющие собой уникальные артефакты культуры кочевников развитого средневековья Кузнецкой котловины.

В заполнении сильно разграбленной могилы-1 при раскопках фиксировались небольшие фрагменты железного котелка, а сам он располагался в юго-западном углу у стенки на глубине 4,45–4,60 м, предположительно в ногах погребенного. Здесь были найдены 60 фрагментов сильно проржавевшего железного котелка с ручкой, который поддается реконструкции (рис.-*1*). Сосуд имел слегка расширяющиеся кверху прямые стенки и слегка отогнутый наружу венчик. Высота сосуда достигала 17,6–17,7 см, а ширина – 36,3 см. Дно сосуда плоское. Он был сделан из 5–6 (?) крупных железных пластин, которые крепились друг к другу путем ковки и, вероятно, при помощи заклепок (они были выявлены на пластинах корпуса в единичных экземплярах и могли использоваться не только при изготовлении, но и при ремонте казана). Железная подвижная плоская ручка котелка вставлялась в железные петли, которые при помощи заклепок были прикреплены друг против друга с внешней стороны в верхней части стенок сосуда (рис.-*1*).

В могиле-7, расположенной под юго-восточной полой насыпи кургана, в грунтовой ступенчатой яме с подбоем был погребен мужчина в возрасте 35–40 лет (половозрастные определения сделаны заведующей кабинетом антропологии ТГУ, к.и.н. М.П. Рыкун) со шкурой лошади. Захоронение мужчины в вытянутом положении на спине находилось в восточной части могилы, в подбое на нижней ступени на глубине 3,94–3,97 м. Погребенный был ориентирован головой на север–северо-восток, а его лицевая часть черепа повернута на восток. В головах погребенного на глубине 3,93–3,94 м в анатомическом сочленении лежали позвонки лошади, а справа, в ногах погребенного, на глубине 3,77–3,97 м находился железный котелок с ручкой, сохранившийся во фрагментарном состоянии (67 фрагментов), который удалось реконструировать (рис.-*2*). Кроме этого, в могиле были найдены железная сабля, тесло, фрагменты керамического сосуда (пиала), костяной и железные наконечники стрелы, фрагмент железного ножа, на поясе –



Одиночный курган Бормотово-3. Реконструкция железных котелков (казанов) из могил 1 (1) и 7 (2)

остатки ремня и комбинированной (кожа и дерево) поясной сумочки, железная пряжка, бронзовые ременные бляшки и 26 кедровых орешек.

Найденный в могиле-7 железный сосуд имел слегка расширяющиеся кверху незначительно выпуклые стенки и слегка отогнутый наружу венчик. Высота сосуда достигала 17,7–17,8 см, а ширина – 31,4 см. Дно сосуда плоское. Он, как и сосуд из могилы-1, был сделан из 5–6 (?) крупных железных пластин, которые крепились друг к другу путем ковки и, вероятно, при помощи заклепок (они были выявлены на пластинах корпуса в единичных экземплярах и могли использоваться не только при изготовлении, но и при ремонте казана). Железная подвижная плоская ручка котелка вставлялась в железные петли, которые при помощи заклепок были прикреплены друг против друга с внешней стороны в верхней части стенок сосуда (рис.-*2*).

Найденные в могилах-1 и 7 железные котелки внешне сильно напоминают аналогичные бронзовые изделия из погребений поздних кочевников на юге Восточной Европы, которые были подвергнуты специальному исследованию [Швецов, 1980, с. 192–202]. Бронзовые казаны были датированы XII – началом XIII в., а их установка в могилах интерпретировалась как социально значимый элемент погребального обряда поздних кочевников, характерный для погребений родовой и племенной аристократии, подчеркивающий высокое социальное положение умерших [Швецов, 1980, с. 200–201]. Аналогичный вывод можно сделать и относительно железных котелков (казанов), найденных в могилах-1 и 7 при раскопках одиночного кургана Бормотово-3 в 2017 г. Об этом свидетельствуют огромные размеры земляной курганной насыпи и глубина могил, в которых были обнаружены железные сосуды, соответствующие стандартам «царских» курганов. На поясе мужчины, погребенного в могиле-7, находился ремень, украшенный 42 мелкими бронзовыми бляшками с золотым покрытием, растительным и геометрическим орнаментом.

На территории Кузнецкой котловины фрагменты железных котлов, не подверженных реконструкции, ранее фиксировались в материалах раскопок курганов развитого средневековья близ с. Ур-Бедари и курганной группы Шабаново-3 [Илюшин, 1998, с. 58–74, рис. 17.-1–5, 7; 2005, с. 40]. Железная сковорода и чаша были найдены в богатых захоронениях поздних кочевников в курганах №3 и 4 на курганной группе Мусохраново-3 [Илюшин, 2009а, с. 95–105, рис. 4.-1*;* 2009б, с. 71–82; Илюшин, Бутьян, 2010, с. 175–184, рис. 3.-1]. Эти артефакты косвенно указывают на наличие культурной традиции у поздних кочевников Кузнецкой котловины – установка в могилы железной посуды, которая подчеркивала высокий прижизненный социальный статус погребенных в них людей.

Библиографический список

Илюшин А.М. Курганная группа Шабаново-3 // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово; Гурьевск, 1998. С. 54–78.

Илюшин А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово, 2005. 240 с.

Илюшин А.М. Результаты раскопок Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2008 г. // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2009а. №1. С. 95–105.

Илюшин А.М. Об использовании огня в погребальном обряде средневекового населения Кузнецкой котловины (по материалам раскопок курганной группы Мусохраново-1) // Известия Алтайского государственного университета. 2009б. №4/2. С. 71–82.

Илюшин А.М. К вопросу о кыпчакском компоненте в культуре средневекового населения Кузнецкой котловины (по материалам раскопок Шабаново-9) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. №1. С. 97–106.

Илюшин А.М. Отчет об археологических раскопках одиночного кургана Бормотово-3 в 2017 г. Кемерово, 2018. 125 с.

Илюшин А.М., Бутьян В.А. Раскопки Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции 2009 г. на курганной группе Мусохраново-1 // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2010. №4. С. 175–184.

Кулемзин А.М. Отчет об археологической разведке в 1991 г. в Кемеровской области. Кемерово, 1991.

Сулейменов М.Г., Илюшин А.М. Комплекс вооружения из Бормотово-3 // Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье (археология, этнография, устная история): 2017 г.: мат. XIII Междунар. науч.-практ. конф. Горно-Алтайск, 2018. С. 75–80.

Швецов М.Л. Котлы из погребений средневековых кочевников // Советская археология. 1980. №2. С. 192–202.

A.M. Ilyushin

Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russia

IRON CAULDRONS FROM THE GRAVES OF NOMADS ON BORMOTOVO-3

The publication is devoted to the research into the iron pots with mobile handles found in 2017 at the excavation of a single barrow of the 12th – 13th centuries Bormotovo-3 in the Promyshlennovsky district of the Kemerovo region. Brief description is given to the objects of research where iron cauldrons and finds were found. The found iron vessels are similar to the analogies made of bronze in the culture of late nomads of Eastern European steppes in the 12th – of the beginning of the 13th centuries. The set of noted elements (dimensions of the barrow embankment, depth of graves, richness of funeral stock and existence of the belt decorated with plaques) characterize iron cauldrons as socially significant element of a funeral ceremony. It marks burials of the patrimonial and breeding aristocracy and points to a high social status during lifetime.

Key words: Kuznetsk Depression, Bormotovo-3, developed Middle Ages, iron cauldron.

УДК 343+902.3

А.А. Казаков, А.М. Павлюченко

Барнаульский юридический институт МВД, Барнаул, Россия

МЕХАНИЗМ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННЫЕ РАСКОПКИ

Широкое распространение незаконных раскопок археологических объектов требует принятия мер достаточно эффективного реагирования, благодаря которым виновные в разрушении и уничтожении объектов археологического наследия должны понести заслуженное наказание. Безнаказанность лиц, проводящих подобные работы, стимулирует этот вид уничтожения ценнейших памятников истории и культуры, способствует вовлечению в противоправную деятельность все большего количества лиц, стремящихся к незаконной наживе. Работа посвящена подробному описанию правового поля, в котором осущест-

вляют свою деятельность сотрудники правоохранительных структур, в обязанности которых входит как выявление виновных в противоправных деяниях лиц, так и привлечение их к ответственности. На основании конкретных правовых норм, с указанием сроков реагирования, описан алгоритм действий заинтересованных лиц, каковыми являются не только органы охраны памятников истории и культуры, а практически все законопослушные граждане, которым небезразлична судьба культурно-исторического наследия народов нашей Родины. Пользуясь описанным алгоритмом, любой человек способен запустить механизм привлечения к ответственности лиц, виновных в повреждении или уничтожении объектов культурного наследия.

Ключевые слова: охрана памятников, закон, ответственность, незаконные раскопки, алгоритм, полиция, прокуратура.

Существующее правовое поле в области охраны культурно-исторического наследия Российской Федерации свидетельствует о том, что охрана памятников истории и культуры является одной из приоритетных задач как органов государственной власти, так и правоохранительных органов. Несмотря на изобилие нормативных правовых актов в данной сфере, существует и большое количество проблемных аспектов. Одним из главных и основных практических вопросов является механизм привлечения к ответственности за нарушение требований законодательства в области охраны культурно-исторического наследия.

Различными нормативно-правовыми актами предусмотрена ответственность за незаконные раскопки, нарушение порядка постановки памятника истории и культуры на учет, проведение государственной историко-культурной экспертизы и т.д. Ответственность предусмотрена только уголовным и административным законодательством. К сожалению, практика по ст. 243 Уголовного кодекса Российской Федерации [1996] «Уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, выявленных объектов культурного наследия, природных комплексов, объектов, взятых под охрану государства, или культурных ценностей» и ст. 7.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [2001] «Проведение археологических полевых работ без разрешения» неоднозначна. Проведенный анализ судебной практики по вышеуказанным статьям позволяет сделать вывод, что механизм привлечения к ответственности не проработан должным образом [Казаков, Павлюченко, 2017, с. 48]. Даже сотрудники правоохранительных органов, сталкивающееся с посягательствами на памятники истории и культуры, не совсем понимают, что им делать в такой ситуации. К сожалению, даже специалисты-археологи в последнее время потеряли надежду на возможность привлечения лиц, занимающихся противоправной деятельностью в этой сфере, хоть к какой-нибудь ответственности.

Несмотря на многочисленность различных правовых актов, мы вынуждены констатировать, что лиц, привлеченных к уголовной и административной ответственности, – единицы. В Алтайском крае за последние десять лет вообще не было возбуждено ни одного уголовного или административного дела, не говоря уже о том, чтобы кто-либо понес наказание. Однако факты посягательства на культурное наследие достаточно распространены практически во всех регионах России.

В механизме привлечения к ответственности главными вопросами являются выявление фактов посягательства на культурное наследие и процесс доказывания, включающий в себя следующие стадии: обращение с заявлением в правоохранительные органы; принятие данного заявления и его регистрация; сбор доказательств, направленный на выявление конкретного лица – преступника (правонарушителя).

Для изменения отношения правоохранителей к представленной проблеме необходимы прецеденты, которые позволят изменить сознание лиц как уполномоченных расследовать факты, причиняющие ущерб культурному наследию, так и лиц, заинтересованных в его сохранении, прежде всего сотрудников органов охраны памятников истории и культуры и научной общественности. Это связано с правоприменительной практикой, когда на выявленные факты, доведенные до сведения правоохранителей, действенных мер принято не было, что породило уверенность либо в несовершенстве существующего законодательства, либо в неспособности правоохранителей это законодательство заставить работать, что в принципе одно и то же.

В связи с этим необходимо запастись терпением, так как процесс запуска правоохранительной системы довольно громоздкий и требует немало времени и настойчивости. После первых прецедентов, с наработкой опыта, он заработает.

Наибольшую опасность представляют уголовные преступления, поэтому именно с них мы и начнем. В ст. 243 УК РФ установлена ответственность за деяния, направленные на уничтожение или повреждение памятников истории и культуры. К сожалению, данная статья слабо проработана законодателем, поэтому виновные лица несут ответственность лишь в единичных случаях. Ст. 243 УК РФ крайне редко встречается в судебной практике, и уголовных дел, возбужденных по составу данной статьи, по крайней мере в Алтайском крае, пока не было, не говоря уже о том, чтобы кто-то понес наказание, предусмотренное этой статьей.

Согласно Приказу МВД России от 29 августа 2014 г. №736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях», любой сотрудник полиции обязан принять сообщение от граждан и организаций, независимо от территории, где было совершено деяние. Поэтому при выявлении

факта посягательства сообщить об этом можно не только по месту его совершения. Так, регистрация заявлений и сообщений о преступлениях, административных правонарушениях, происшествиях осуществляется независимо от территории, где произошел факт посягательства на памятники истории и культуры, круглосуточно в дежурных частях [Об утверждении Инструкции…, 2014].

Согласно должностным инструкциям, заявление обязан принять любой сотрудник полиции, предварительно назвав свою фамилию и должность, после чего сообщить в дежурную часть по месту своей службы. Там это сообщение регистрируется, ему присваивается номер, и оно передается по месту совершения данного факта. После регистрации заявлений и сообщений оперативный дежурный принимает меры неотложного реагирования. Для контроля регистрации заявления необходимо по прошествии не менее суток с момента подачи заявления сотруднику полиции перезвонить в дежурную часть по месту подачи заявления и узнать о его регистрации.

Второй механизм предполагает обращение с сообщением непосредственно в территориальный орган внутренних дел, где данное заявление обязаны принять и выдать талон-уведомление о принятии сообщения, которое содержит данные о лице, его принявшем, а также дату и время его принятия.

Также можно обратиться с устным заявлением по телефону горячей линии или сообщить о факте правонарушения по Интернету.

В случае, если вам отказали в принятии сообщения о правонарушении (преступлении), не объяснив причины, то необходимо обратиться в органы, осуществляющие надзор за деятельностью полиции (прокуратуру), либо к вышестоящему должностному лицу с повторным сообщением о факте посягательства на культурное наследие и жалобой на орган внутренних дел, отказавшийся принимать ваше заявление.

Согласно ст. 124 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [2001], прокурор либо руководитель следственного органа обязан в течение трех суток рассмотреть данную жалобу. По результатам рассмотрения жалобы прокурор, руководитель следственного органа выносит постановление о полном или частичном удовлетворении жалобы либо об отказе в ее удовлетворении. О любом решении, принятом по жалобе, немедленно уведомляется заявитель.

После принятия заявления начинается стадия доказывания. На этой стадии проводится проверка сообщения в порядке ст. 144 УПК РФ, после чего выносится постановление о возбуждении уголовного дела либо об отказе в возбуждении уголовного дела. Согласно ч. 1 вышеуказанной статьи, решение должно быть вынесено в срок не позднее трех суток со дня поступления сообщения, в исключительных случаях срок проверки может быть продлен до 30 суток. Поскольку проверка сообщения о факте корыстного посягательства на культурное наследие требует проведения

экспертиз, направление запросов в органы охраны памятников истории и культуры и т.д., то в большинстве случаев для вынесения решения по данному факту должностному лицу необходимо не менее 30 суток.

На основании ч. 4 ст. 146 УПК РФ, после принятия решения заявителю обязаны сообщить о принятом решении незамедлительно. Чаще всего это происходит по сотовой связи, после чего почтой России по адресу заявителя высылается копия постановления о возбуждении уголовного дела либо об отказе в возбуждении уголовного дела.

Если в установленный срок вам не сообщат о принятом решении, необходимо позвонить в территориальный орган внутренних дел и узнать о принятом решении. В случае отказа возбуждения уголовного дела вам обязаны сообщить причины такого решения. Если вы не согласны с принятым решением, то имеете право обжаловать его в вышестоящий надзорный орган, а именно в прокуратуру.

Согласно ч. 3 ст. 150 УПК РФ по ст. 243 УК РФ проводится дознание в течение 30 суток, данный срок может быть продлен еще на 30 суток. По истечении этого срока принимается решение либо о прекращении уголовного дела в порядке и основании, предусмотренными гл. 29 УПК РФ, либо составление обвинительного акта и направление его прокурору. Согласно ст. 225 УПК РФ, с решениями, указанными выше, имеют право ознакомиться обвиняемый, его защитник либо потерпевший по его ходатайству.

Поскольку памятники истории и культуры являются достоянием Российской Федерации, то потерпевшим в данном случае будут выступать органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия. Потерпевший устанавливается должностным лицом, производящим расследование в рамках производства дознания. Для того чтобы узнать о результатах проведенного расследования, необходимо обратиться в государственный орган охраны объектов культурного наследия, которому принадлежит объект и на который было совершено посягательство.

Данный механизм касается как уголовного, так и административного производства. Если говорить об административном законодательстве, а именно о правонарушении, предусмотренном ст. 7.15 КоАП РФ «Проведение археологических полевых работ без разрешения», то здесь существуют некоторые проблемы.

В отличие от уголовного законодательства, в Административном кодексе для возбуждения административного дела нужно совершить процессуальные действия, предусмотренные гл. 27 КоАП «Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях». В соответствии с ними дело считается возбужденным с момента составления протокола осмотра места совершения административного

правонарушения, составления первого протокола о применении мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении, предусмотренных ст. 27.1 КоАП РФ, составления протокола об административном правонарушении или вынесения прокурором постановления о возбуждении дела об административном правонарушении, вынесения определения о возбуждении дела об административном правонарушении при необходимости проведения административного расследования, предусмотренного ст. 28.7 КоАП РФ. Анализируя гл. 27 КоАП РФ, мы видим, что меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях могут производиться только в отношении конкретных лиц. А лицо, совершившее правонарушение по данной статье, в большинстве случаев неизвестно. В таком случае единственно правильным выходом будет вынесение должностным лицом определения о назначении административного расследования, порядок и основания которого закреплены в ст. 28.7 КоАП РФ.

Однако указанная статья закрепила конкретный перечень случаев, когда проводится административное расследование. Под случаями в данном контексте понимается та или иная область, в которой совершается административное правонарушение [Шарафутдинов, 2015, с. 34–37]. Но правонарушение, предусмотренное ст. 7.15 КоАП РФ, не входит в закрытый перечень тех случаев, когда возможно вынести определение о назначении административного расследования.

Анализ содержания норм административного законодательства позволяет сделать вывод о невозможности возбуждения дела об административном правонарушении без информации о конкретном лице, его совершившим. Возникает парадоксальная ситуация, когда при наличии повода и основания уполномоченное лицо обязано возбудить дело, но сделать этого не может из-за отсутствия процессуальных средств [Филиппов, Юрицин, 2016, с. 127–131].

С целью устранения правовой коллизии считаем целесообразным выйти с ходатайством в законодательные органы для инициирования законотворческой инициативы о внесении изменений в ст. 28.7 КоАП РФ «Административное расследование», чтобы закрепить в ней дополнительные составы, по которым необходимо его проводить. Так, например, совершение правонарушения, предусмотренного ст. 7.15 КоАП РФ «Проведение археологических полевых работ без разрешения», в большинстве случаев требует проведения административного расследования, однако законодательно у сотрудников полиции данная возможность отсутствует.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что необходимо заставить работать правоохранительную систему. Набраться терпения и настойчивости, поскольку для того, чтобы данный механизм заработал, необходимы прецеденты, которые могут создать только правосознательные граждане нашей страны, которым не безразлична судьба культурного наследия Российской Федерации.

Библиографический список

Казаков А.А., Павлюченко А.М. Проблемы правоприменительной практики в сфере охраны культурно-исторического наследия // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2017. №2 (33).

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. 2001. 30 дек. №195-ФЗ (ред. от 29 июля 2017 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 7 марта 2018 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях: Приказ МВД России от 29.08.2014 №736 (ред. от 7 ноября 2016 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. 2001. 18 дек. №174-ФЗ (ред. от 19 февраля 2018 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

Уголовный кодекс Российской Федерации. 1996. 13 июня. №63-ФЗ (ред. от 29 июля 2017 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 19 февраля 2018 г.).

Филиппов О.Ю., Юрицин А.Е. Мелкое хищение: проблемы возбуждения дела об административном правонарушении и проведении административного расследования // Вестник Омской юридической академии. 2016. №4 (33). С. 127–131.

Шарафутдинов А.Ш. Производство по делу об административном правонарушении в отношении неустановленных лиц // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения права и свобод гражданина / Уфимский юридический институт МВД. 2015. №18/4. С. 34–37.

A.A. Kazakov, A.M. Pavlyuchenko

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs, Barnaul, Russia

ACCOUNTABILITY MECHANISM FOR ILLEGAL EXCAVATIONS

Widespread illegal excavations of archaeological sites require the adoption of measures of effective response, thanks to which the perpetrators of the law and those guilty in destruction of archaeological heritage sites should be punished. The impunity of those who carry out such works encourages such destruction of most valuable monuments of history and culture and leads to the involvement in illegal activities of an increasing number of persons seeking illegal profit. The article is devoted to a detailed description of the legal framework in which representatives of law enforcement structures act, their duties including both identification of persons committing illegal acts and bringing them to justice. On the basis of specific legal norms, with an indication of the response time, it describes an algorithm of actions of interested parties in protection of sites, which are not only the official bodies of protection of historical and cultural monuments, but also almost all law-abiding citizens who care about the future of cultural and historical heritage of the country. Using the described algorithm, any person is able to launch a mechanism to bring to justice those responsible for the damage or destruction of cultural heritage.

Key word: protection of monuments, law, responsibility, illegal excavations, algorithm, police, Prosecutor's office.

УДК 343.9

Д.С. Калашников[1], В.П. Семибратов[2], С.М. Ситников[2], А.Н. Величкин[1]

[1]Музей «Город», Барнаул, Россия;
[2]Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

УСТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ПОГРЕБЕННОГО НА ОСНОВАНИИ СОПРОВОДИТЕЛЬНОГО ИНВЕНТАРЯ

В статье предпринимается попытка установить имя погребенного мужчины из захоронения бывшего Нагорного кладбища Барнаула. Основанием для проведения данного исследования являются находки, сделанные в захоронении: обручального кольцо с датой венчания, нательные медальон и живописная икона в серебряном окладе, миниатюрный нагрудный знак выпускника высшего учебного заведения Российской империи. Исследование проводилось на основании материалов Государственного архива Алтайского края, Собрания законов Российской империи, исторического очерка Санкт-Петербургского лесного института, составленного к его 100-летнему юбилею.

Ключевые слова: установление личности, сопроводительный инвентарь захоронения, Лесной институт, нагрудный знак.

В фондах барнаульского музея «Город» хранятся любопытные находки, обнаруженные во время проведения аварийных работ на территории бывшего Нагорного (Иоанно-Предтеченского) кладбища в 2016 г. Особый интерес вызвали найденные в захоронении №НП-2016 ЛС-П: серебряный нательный медальон «Св. князь Александр Невский»; нательная живописная иконка в серебряном позолоченном окладе, также посвященная Александру Невскому; миниатюрный нагрудный знак, так называемый *фрачник*, об окончании высшего учебного заведения императорской России и обручальное кольцо с гравированной датой: «24 августа 1907 г.». Захоронение принадлежало достаточно молодому мужчине приблизительно 30–35 лет (рис. 1). Расположенное в северо-восточной, привилегированной, части кладбища, оно указывало на его высокий социальный статус [Гришаев, 2000, с. 194]. Кирпичный саркофаг (склеп) свидетельствовал о материальной обеспеченности [Ведянин и др., 2017, с. 226–230].

Специфика работы с такого рода материалом заключается в том, что вероятность достоверного установления личности человека, чье захоронение было открыто, как правило, равна нулю. Однако в данном случае, благодаря находкам, возможность установить личность погребенного представлялась вполне реальной.

В первую очередь было предположено, что имя умершего человека – Александр. Это естественным образом вытекало из дважды представленного имени православного святого князя Александра Невского, который, очевидно, являлся небесным покровителем почившего. Сборный нагрудный знак выпускника вуза, в виде герба Российской

Рис. 1. Захоронение А.Г. Бартена

империи – двуглавого орла, окруженного венком из дубовых и лавровых ветвей, без какой-либо дополнительной символики (арматуры), к сожалению, не указывал на его профессиональную принадлежность, а свидетельствовал лишь о полученном высшем образовании. Поэтому первоначально возникшее предположение о Николаевской академии генерального штаба, как об «alma mater» погребенного, увы, оказалось ошибочным [Семибратов и др., 2018, с. 131–136].

Аналогичный по исполнению знак, не содержащий профессиональной символики, присваивался выпускникам Санкт-Петербургского лесного института, который с 1833 г. образовывался по примеру военно-учебных заведений [Вереха, 1903, с. 22–23].

А вот благодаря обручальному кольцу с датирующей надписью, просмотрев метрические книги барнаульских церквей за 1907 г., удалось установить, что в день 24 августа 1907 г. в Одигитриевской церкви Барнаула венчались управляющий Салаирским имением Алтайского округа Кабинета ЕИВ, ученый-лесовод, титулярный советник Александр Германович Бартен и дочь управляющего Алтайским округом статского советника И.А. Ульриха Мария Ивановна [ГААК, ф. 144, оп. 6, д. 941, л. 103–104]. Таким образом, совпадали как минимум два параметра, необходимых для максимально точного установления личности: дата венчания и имя Александр.

Рис. 2. Материалы из захоронения: *а* – икона; *б* – медальон; *в* – обручальное кольцо; *г* – знак выпускника Лесного института

Однако звание «ученый-лесовод» присваивалось выпускникам Санкт-Петербургского лесного института, и к академии генерального штаба отношения оно не имело. И хотя случаи перевода военных в гражданский чин бывали, в том числе и на Алтае, версию с учебным заведением следовало проверить. В списках выпускников Николаевской академии генерального штаба А.Г. Бартен не значился [https://www.reviewdetector.ru/index.php?act=Attach&type=post&id=2247980]. Никто из ее выпускников, носивший имя Александр ни в 1907 г., ни в годы революции и Гражданской войны отношения к Барнаулу и Алтаю не имел. Зато среди выпускников Лесного института 1898 г. Александр Бартен обнаружен [Вереха, 1903, с. 135]. Наличие у него нагрудного знака, аналогичного знаку академии, объясняется тем, что Лесной институт относился к военно-учебным заведениям. Отсутствие дополнительной символики (арматуры) на знаке говорит только о том, что для данного института она не была принята законодательно. И действительно, в Полном собрании законов Российской империи утверждена дополнительная символика для знаков выпускников Горного института, Морской академии, Академии путей сообщения, некоторых других. Лесного института в этом списке нет [ПСЗРИ, 1886, с. 33]. Год окончания А. Бартеном Лесного института соотносится с клеймами на нагрудном знаке.

Последней деталью, доказывающей, что имя погребенного удалось доказать, стала запись в метрической книге барнаульского Петро-Павловского собора. В ней отмечено, что управляющий Салаирским именим титулярный советник Александр Германович Бартен 33 лет умер от сыпного тифа 12 мая 1908 г. и похоронен на Иоанно-Предтеченском (Нагорном) кладбище [ГААК, ф. 144, оп. 6, д. 1067, л. 215–216].

Таким образом, можно утверждать, что задача по установлению личности погребенного на основании материалов захоронения была успешно решена.

Библиографический список

Ведянин С.Д., Калашников Д.С., Семибратов В.П., Ситников С.М. Некоторые данные о похоронном обряде населения г. Барнаула в XIX – начале XX в. (по материалам аварийных работ 2000, 2015, 2016 гг. на территории б. Нагорного кладбища) // Традиционная народная культура как действенное средство патриотического воспитания и формирования межнациональных отношений. Барнаул, 2017. С. 226–230.

Вереха П.Н. Исторический очерк развития С.-Петербургского лесного института (1803–1902). СПб., 1903. С. 22–23.

Высочайшее повеление от 28 января 1886 г. «Об установлении нагрудного знака уменьшенного размера для лиц, состоящих на службе в военном ведомстве» №3486 // ПСЗРИ. 3-е собр. СПб., 1888. Т. VI. С. 33.

Гришаев В.Ф. Нагорное кладбище // Барнаул: энциклопедия. Барнаул, 2000. С. 194.

Семибратов В.П., Калашников Д.С., Ситников С.М., Морозов А.Н. Погребальный инвентарь из захоронения на бывшем Нагорном кладбище г. Барнаула // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2018. Вып. XXIV. С. 131–136.

D.S. Kalashnikov[1], V.P. Semibratov[2], S.M. Sitnikov[2], A.N. Velichkin[1]

[1]"Gorod" Museum, Barnaul, Russia;
[2]Altai State University, Barnaul, Russia

THE IDENTIFICATION OF THE DECEASED ON THE BASIS OF ACCOMPSNYING INVENTORY

In the article an attempt is made to set the name of the deceased men from the burial of the former Nagornoe cemetery of the city of Barnaul. The grounds for this study are the finds made in the burial: a wedding ring with a wedding date, a wearable medallion and a pictorial icon in a silver frame, a miniature breastplate of a graduate of a higher educational institution of the Russian Empire. The study was conducted on the basis of materials from the State Archive of the Altai Territory, the Collection of Laws of the Russian Empire, a historical sketch of the St. Petersburg Forest Institute, compiled for its 100th anniversary.

Key words: identification, accompanying inventory of the burial, Forestry Institute, badge.

УДК 902.2«637»(571.150)

К.Ю. Кирюшин[1], В.Л. Кобзев[1], Д.В. Папин[1,2]

[1]Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
[2]Институт археологии этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ РАЗВИТОЙ БРОНЗЫ БАРНАУЛЬСКОГО ПРИОБЬЯ

В статье рассматриваются материалы нового памятника – поселение Аничиха-1, на территории Барнаульского Приобья в Первомайском районе Алтайского края. Приводится история открытия памятника, анализируется состав керамической коллекции, декора глиняных сосудов. Делается вывод о принадлежности памятника к андроновской археологической культуре.

Ключевые слова: Алтай, Барнаульское Приобье, археология, эпоха развитой бронзы, андроновская культура.

Барнаульское Приобье – одна из наиболее хорошо изученной в археологическом плане территорий Алтайского края. Широкая обская пойма и приобский лесной массив создавали на правобережье Оби комфортные условия для ведения комплексного производящего хозяйства в древности. Это сказалось на расположении древних поселений, приуроченных к первой и второй надпойменным террасам и пойменным песчаным дюнам. Выделяются участки с высокой концентрацией памятников, такие как комплексы «Ближние Елбаны», «Фирсовский археологический микрорайон», «Малый Гоньбинский Кордон», где представлены все периоды древней истории региона [Шамшин, 1997; Кунгуров, 2006].

Поселение Аничиха-1 расположено в 30 км к югу от Барнаула в Первомайском районе Алтайского края. Памятник обнаружен на правобережье Оби, на левом берегу Аничихи. Поселение Аничиха-1 находится в 3 км к югу–юго-западу от юго-западной окраины с. Рассказиха, в 2,2 км к юго-западу от моста через Аничиху на дороге Рассказиха–Малая Речка. За мостом через Аничиху от проселочной ответвляется грунтовая дорога, которая идет через лес к «базе отдыха» (как указано на топографических картах), расположенной на левом берегу Бойнихи. Поселение Аничиха-1 находится в 2 км к северу от указанной базы и в 0,45 км к югу от р. Аничиха.

В последние пять лет «база отдыха» преобразовалась в крупный пищевой комбинат, на котором идет активное строительство производственных помещений. Для нужд строительства на правом берегу Бойничихи активно разрабатываются песчаные карьеры, в процессе разработки которых уничтожено поселение Бойниха-1 [Кирюшин, Фролов, Редников, 2014; Кирюшин, Грушин, Ситников, 2015]. Для производственных нужд в окрестностях с. Рассказиха и п. Малая Речка распахиваются и засаживаются картошкой елбаны и возвышенности в пойме. В результате подобной хозяйственной активности оказались распаханы жилищные западины на поселении Кашкаргаиха-1 [Кирюшин, Кобзев, Папин, 2018].

Осенью 2018 г. одним из авторов статьи обнаружено, что на ответвляющейся от проселочной грунтовой дороги Рассказиха–Малая Речка, которая проходит через лес к «базе отдыха», идут активные строительные работы. Дорога спрямляется, расширяется, отсыпается, выравнивается. В результате этих мероприятий вырубаются деревья, проводятся активные вскрышные работы, создаются резервы грунта, возникают карьеры. Строители дороги срезали восточную часть елбана, расположенного в месте слияния Аничихи и старицы Оби. На месте разрушений собраны коллекции керамики эпохи развитой бронзы.

Обское правобережье здесь представляет собой широкую (до 12 км) заболоченную пойму с множеством стариц и старичных озер, которые перемежаются с гривами и буграми-останцами коренного берега. Высота таких останцов достигает 4 м от пойменного уровня. При

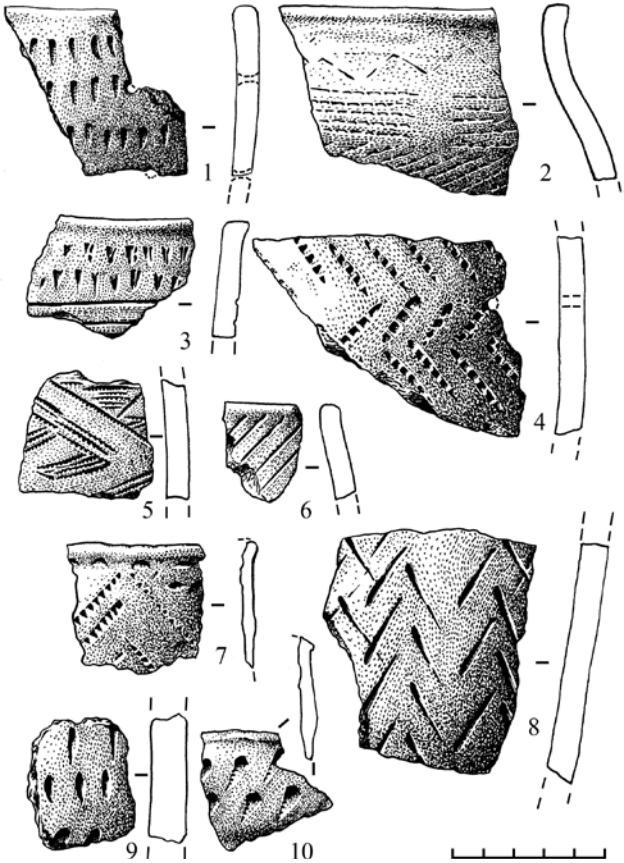


Рис. 1. Керамика поселения Аничиха-1

паводках вода в Оби поднимается, почти полностью затапливая пойму и подтапливая останец, на котором находится поселение, превращая его в остров. Вода спадает только к августу. Окружающая растительность луговая с зарослями кустарниковых ив, осин и берез. Поселение расположено практически на кромке коренного берега Оби, покрытого сосновым лесом.

Керамическая коллекция представлена находками фрагментов более чем от 50 сосудов и морфологически подразделяется на две основные формы: горшки и банки (рис. 1, 2).

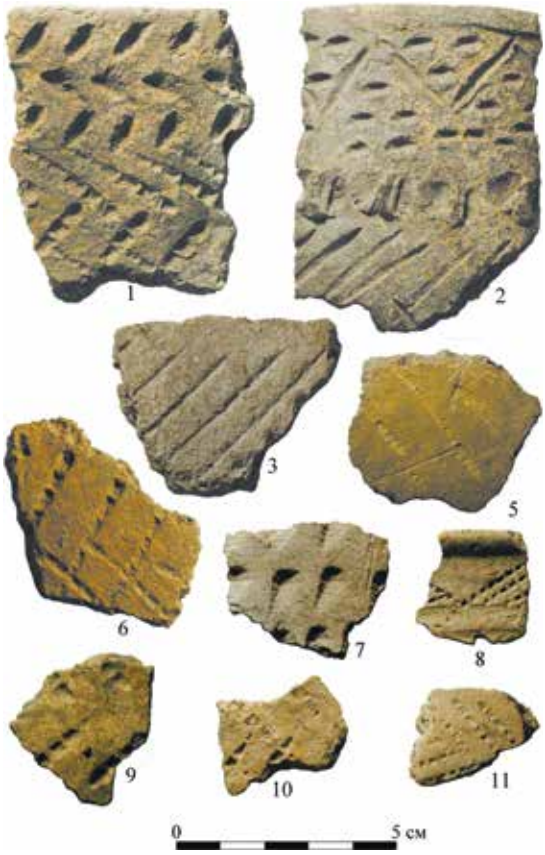


Рис. 2. Керамика поселения Аничиха-1

Орнаментация банок – это горизонтальные линии, каннелюры, горизонтальная и вертикальная елочка, ямочные вдавления (рис. 1, 2). В декоре выделяется зонирование – венчик, шейка, тулово, придонная часть. Практически все сосуды горшечных форм украшены геометрическими элементами: треугольниками, фигурами из треугольников и меандрами (рис. 1, 2).

Из техник нанесения орнамента преобладает штампование, которое выполнялось как гребенчатым, так и гладким орудием. Редко встречаются накольчатая, резная техники, качалка. Основными орнаментирами были гладкий и гребенчатый штампы, а также лопатка. Преобладающий вид орнамента – горизонтальная елочка, горизонтальные ряды треугольников (по зоне венчика), вертикальные и горизонтальные оттиски штампа, меандрирование. Вышеописанная керамика находит широкий круг аналогий среди андроновских древностей Барнаульско-Бийского Приобья (Большой Лог-I, Коровья Пристань-I, Ляпустин Мыс, Фирсо-

во-XV, Новоалтайское поселение) [Шамшин, 1993; Лузин, 1990] и в целом характерна для андроновских памятников Западносибирской лесостепи [Леонтьева, 2016].

Таким образом, поселение Аничиха-1 является типичным представителем памятников андроновской культуры Барнаульского Приобья и ввиду его аварийности требует проведения охранных работ.

Библиографический список

Кирюшин К.Ю., Грушин С.П., Ситников С.М. Обследование поселения Бойниха-1 в 2014 году // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2015. Вып. XXI. С. 109–116.

Кирюшин К.Ю., Кобзев В.Л., Папин Д.В. К археологической карте памятников эпохи поздней бронзы Барнаульского Приобья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2018. Вып. XXIV. С. 20–26.

Кирюшин К.Ю., Фролов Я.В., Редников А.А. Бойниха-1 – памятник неолита и раннего железного века Барнаульского Приобья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2014. Вып. XX. С. 112–119.

Кунгуров А.Л. Памятники археологии Первомайского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2006. Вып. XV. С. 327–385.

Леонтьева Д.С. Керамика андроновской культуры степного и лесостепного Алтая (по материалам поселений): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2016. 31 с.

Лузин С.Ю. Разведочные работы на поселении Фирсово-15 // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. Вып. 1. С. 46–49.

Шамшин А.Б. Фирсовский археологический микрорайон: некоторые итоги и перспективы исследования // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1997. Т. III. С. 326.

Шамшин А.Б. Новоалтайское поселение // Алтайский сборник. Барнаул, 1993. Вып. XVII. С. 70–82.

K.Yu. Kiryushin[1], V.L. Kobzev[1], D.V. Papin[1,2]

[1]Altai State University, Barnaul, Russia;
[2]Institute of Archaeology of Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

TO THE ARCHAEOLOGICAL MAP OF SITES OF THE DEVBELOPED BRONZE PERIOD IN THE BARNAUL PRIOBYE AREA

The article discusses the materials of the new site – the settlement of Anichikha-1 on the territory of the Barnaul Priobye in the Pervomaisky District of the Altai Territory. The paper provides the history of the site discovery, analyzes the composition of the ceramic collection and the decoration of clay vessels. It is concluded that the site is attributed to the Andronovo archaeological culture.

Key words: Altai, Barnaul Priobye, archaeology, period of developed Bronze, Andronovo culture.

УДК 903.4(571.150)

К.Ю. Кирюшин[1], А.В. Онников[2], А.А. Тишкин[1]

[1]Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
[2]Бийское отделение РГО, Рубцовск, Россия

НОВЫЕ РАЗРУШЕНИЯ НА ПОСЕЛЕНИИ РУБЦОВСКОЕ: НЕОБХОДИМОСТЬ СБОРОВ ПОДЪЕМНОГО МАТЕРИАЛА И АВАРИЙНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Осенью 2018 г. зафиксировано, что в окрестностях города Рубцовска, на берегу озера Дерябинское, проводятся земляные работы, в процессе которых происходит разрушение объекта историко-культурного наследия древнего поселения Рубцовское. В отвалах и на поврежденной поверхности обнаружены каменные артефакты, фрагменты керамики, кости птиц и животных. По результатам осмотра места разрушения одним из авторов статьи было подано заявление в прокуратуру Алтайского края, которое оказалось затем перенаправлено в Управление государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края. На момент написания статьи информация о каких-либо мероприятиях, направленных на предотвращение разрушений археологического памятника, отсутствует. Не вызывает сомнений необходимость проведения сборов подъемного материла и проведения исследований в аварийной зоне. Пока же остается надеяться, что орган охраны памятников Алтайского края не оставит факт разрушения территории поселения Рубцовское без внимания и предпримет все необходимые меры.

Ключевые слова: поселение Рубцовское, аварийный памятник, подъемный материал, керамика, каменные артефакты, неолит.

Осенью 2018 г. А.В. Онниковым зафиксировано, что в окрестностях Рубцовска, на берегу оз. Дерябинское, проводятся земляные работы, в процессе которых происходит разрушение открытого им древнего поселения Рубцовское. В отвалах и на поврежденной поверхности находились несколько сотен каменных артефактов (рис. 1) и фрагментов керамики (рис. 2), а также отдельные кости птиц, крупного рогатого скота, лошади и других животных. Был составлен план зон разрушений, из которых происходит большая часть указанных находок. В конце ноября 2018 г. К.Ю. Кирюшин выехал в Рубцовск, где встретился с А.В. Онниковым для осмотра аварийного археологического памятника. На берегу оз. Дерябинское (на разрушенной территории поселения Рубцовское) были обнаружены две параллельные траншеи, протянувшиеся с юго-запада на северо-восток на расстояние не меньше 500 м. Ширина одной из них оказалась от 0,8 до 1 м, а глубина – около 1 м. Ширина второй была от 1,5 до 2,5 м, а глубина – более 2 м. В ходе осмотра осуществлена фотофиксация археологических находок на месте разрушений, а также отмечены GPS-координаты точек, в которых находились каменные артефакты и обломки керамики. Исходя из увиденного сделан вывод, что в результате земляных работ разрушена часть поселения с высоким уровнем концентрации древнейших культурных остатков.

По результатам выезда на памятник было подано заявление на имя прокурора Алтайского края государственного советника юстиции 2 класса Я.Е. Хорошева. Однако оно оказалось перенаправлено органами прокуратуры в Управление государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края (Алтайохранкультура). В письме от 25 декабря 2018 г. в.и.о. начальника управления Алтайохранкультуры А.А. Урбах со-

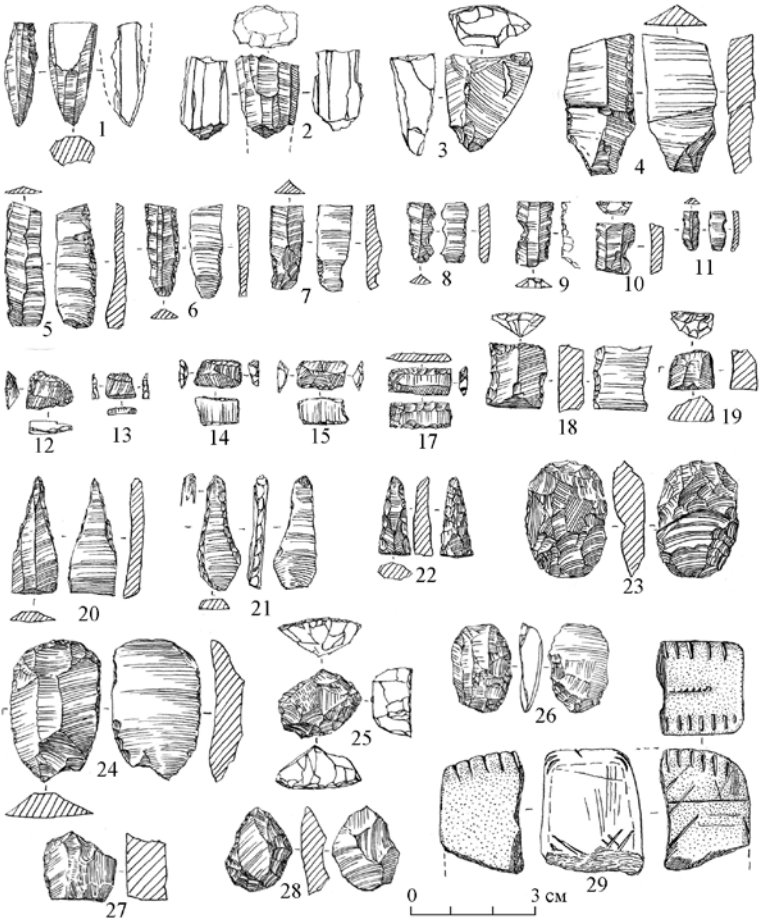


Рис. 1. Поселение Рубцовское. Каменные артефакты:
1–2 – обломки нуклеусов; *3* – преформа; *4–11* – пластины с ретушью; *12–17* – геометрические микролиты; *18* – скребок на пластине с шипом; *19* – скребок на пластине; *20* – острие на пластине; *21* – острие на отщепе; *22* – обломок острия или наконечника стрелы; *23* – бифас; *24–28* – скребки на отщепах; *29* – обломок шлифованного изделия с орнаментом

общил о планируемом выезде его сотрудников на место происшествия весной 2019 г. На момент написания статьи информацией о каких-либо мероприятиях, направленных на предотвращение разрушений указанного объекта историко-культурного наследия, авторы не располагают.

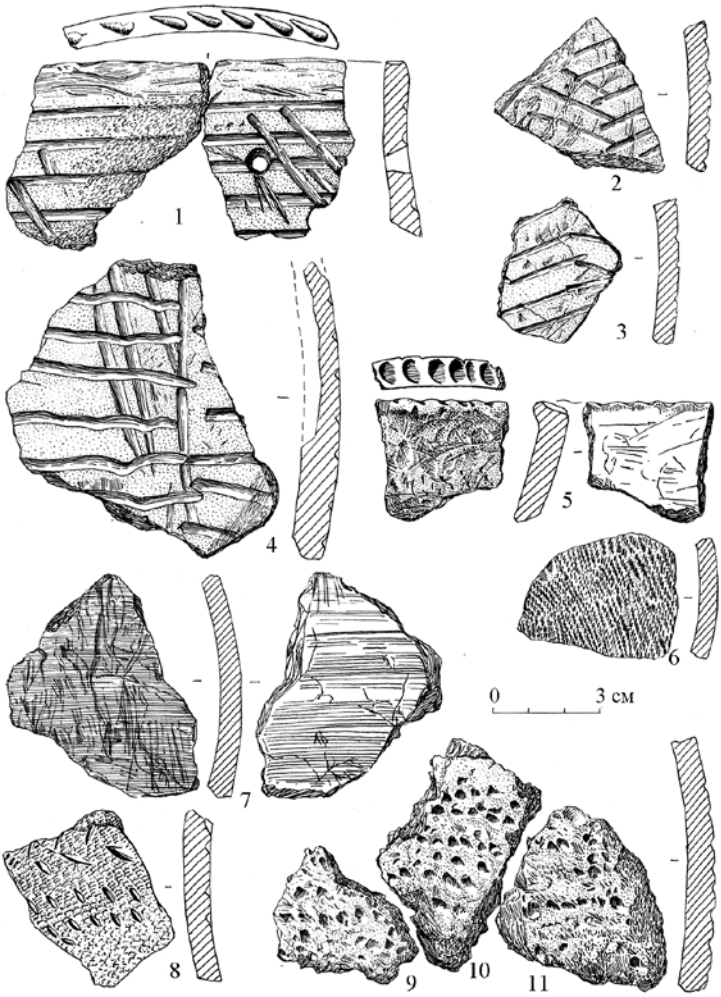


Рис. 2. Поселение Рубцовское. Керамика:
1–4 – фрагменты, орнаментированные прочерченными линиями;
5 – фрагмент, декорированный наколами по срезу венчика; *6* – фрагмент сосуда, декорированный ложным текстилем (комбинированным штампом?);
7 – фрагмент с отпечатками шерсти или волоса на внешней и внутренней поверхности; *8–11* – фрагменты, украшенные наколами

Поселение Рубцовское зафиксировано на небольшой песчаной гриве, в 1,5 км к северу от Змеиногорского тракта и примерно в 2,2 км к востоку от правого берега современного русла р. Алея (левого притока Оби), между дачным поселком и восточным берегом оз. Дерябинского [Тишкин, 1995, с. 32, рис. 1]. Памятник открыт в мае 1991 г. А.В. Онниковым при осмотре грунта обваловки водопровода и шламопровода. В настоящее время часть поселения попала под дачные участки, но на оставшейся территории имеются возможности для проведения археологических исследований [Тишкин, Кирюшин, Шмидт, 2016, с. 55, рис. 2].

Осенью 1992 г. одним из авторов статьи у геодезического знака №5033 был заложен разведочный раскоп площадью 20 кв. м [Тишкин, 1995, с. 30]. Исследования на памятнике были продолжены в 2000 г. А.В. Шмидтом, который вскрыл участок площадью 68 кв. м, размеченный вплотную к предыдущему раскопу [Тишкин, Кирюшин, Шмидт, 2016, с. 58]. До этого и в последующее время А.В. Онников продолжал осуществлять сборы подъемного материала на разрушенной части поселения и на поверхности размываемого грунта обваловки водопровода и шламопровода. В результате всех указанных работ коллекция каменных артефактов достигла 3248 экз. В настоящее время это одно из представительных собраний, полученных с археологического объекта на территории юга Западной Сибири. Обнаруженные на поселении фрагменты керамики и часть каменных находок уже становились предметом специального изучения [Тишкин, 1995; Кунгуров, Онников, Тишкин, 1999; Тишкин, Кирюшин, Шмидт, 2016; 2018; и др.].

Коллекция, собранная осенью 2018 г., существенно уступает по численности сделанным ранее сборам, но, несмотря на это, она существенно дополняет уже полученные материалы, значительно расширяет информационный и познавательный потенциал памятника.

Каменные артефакты представлены такими продуктами первичного расщепления: обломки нуклеусов (рис. 1.-*1–2*), преформа (рис. 1.-*3*), технические сколы с нуклеусов, орудия на пластинах (рис. 1.-*4–20*) и отщепах (рис. 1.-*21–28*), три абразива и обломок шлифованного изделия с орнаментом (рис. 1.–*29*), отходы производства. Они крайне немногочисленны и в составе рассматриваемого собрания составляют всего 2,16% от общего количества предметов. Эти находки вполне соответствуют заключениям о технике первичного расщепления, сделанным на основании анализа ранее полученных материалов с поселения Рубцовское [Тишкин, Кирюшин, Шмидт, 2018].

В составе орудийного набора сформировавшейся коллекции примерно в одинаковом количестве имеются орудия на пластинах (рис. 1.-*4–20*) и отщепах (рис. 1.-*21-28*). Орудия на пластинах представлены пластинами с ретушью (рис. 1.-*4–11*), геометрическими микролитами (рис. 1.-*12–17*), скребками (рис. 1.-*18–19*), остриями (рис. 1.-*20*), резцами, резчиками и усеченными пластинами. Обращает на себя внимание большое количество пластин с выемками (рис. 1.-*8–10*) и геометрических микролитов (рис. 1.-

12–17). Особое внимание привлекает обломок концевого бокового скребка на пластине среднего размера с выделенным шипом (рис. 1.-*18*).

Орудия на отщепах представлены остриями (рис. 1.-*21*), бифасами (рис. 1.-*23*), скребками (рис. 1.-*24–26*), скобелями, резцами, отщепами с ретушью, долотовидными и комбинированными орудиями и обломками от разных орудий (рис. 1.-*22*). Обращает на себя внимание разнообразие скребков (рис. 1.-*24–28*), причем сложной формы: тройные (рис. 1.-*25*), стрельчатые (рис. 1.-*27*), с утонченным корпусом (рис. 1.-*26, 28*).

Очень специфичен обломок шлифованного изделия с орнаментом (рис. 1.-*29*). К сожалению, имеющийся фрагмент не дает представления о функциональном назначении, форме и характеристиках целого предмета. Можно только отметить, что сохранившиеся плоскости изделия тщательно обработаны шлифованием, три из четырех плоскостей и две грани из пяти декорированы (рис. 1.-*29*).

Обнаружена керамика, орнаментированная прочерченными линиями (рис. 2.-*1–4*). Это два фрагмента от одного сосуда, декорированные горизонтальными и диагональными прямыми линиями и каплевидными вдавлениями по срезу венчика (рис. 2.-*1*). У одного из них имеется сквозное отверстие. Несколько фрагментов имеют украшения в виде рядов «елочки» (рис. 2.-*2–3*). На внешней и внутренней поверхности всех обломков (рис. 2.-*1–3*) имеются следы от выгоревшей органики (шерсть или волос животных).

На общем фоне особенно выделяется часть тулова сосуда, орнаментированная горизонтальными волнистыми линиями, которые перекрывают прямые вертикальные (рис. 2.-*4*). Этот фрагмент керамики черного цвета залощен до блеска. Данная особенность выделяет его на фоне остальных обломков посуды с аналогичным орнаментом, найденных на поселении Рубцовское, а также среди других керамических коллекций с территории Алтайского края. Лощение до блеска внешней поверхности сосуда зафиксировано на маханджарской керамике поселения Бестамак в Торгайском прогибе Казахстана [Шевнина, 2014, с. 83, 90].

Фрагменты ложнотекстильной керамики немногочисленны, но довольно выразительны (рис. 2.-*6, 8*). В одном случае отпечатки ткани или веревочки перекрывают ряды наколов линзовидной формы (рис. 2.-*8*). К сожалению, посуда данной группы представлена небольшими обломками, что заставляет воздерживаться от окончательных выводов. Однако создается впечатление, что, по крайней мере, один из фрагментов декорирован отпечатками шнура, намотанного на палочку и прокатанного по внешней поверхности сосуда (рис. 2.-*6*). Подобная керамика встречена в составе сборов подъемного материала с поселений Барнаульско-Бийского Приобья, у которых разрушен культурный слой [Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2017].

В собранной коллекции достаточно много керамики с неорнаментированным туловом (рис. 2.-*5–6*). Находки этой группы очень неоднородны, отличаются цветом, плотностью, составом формовочной массы. У некоторых сосудов был орнаментирован срез венчика (рис. 2.-*5*). У отдель-

ных фрагментов на внешней и внутренней поверхности фиксируются многочисленные следы от выгоревшей органики (шерсть или волос животных) (рис. 2.-*7*). Как уже отмечено, «…добавление в глиняное тесто шерсти и волоса животных является характерной особенностью маханджарской керамики» [Шевнина, 2018 с. 63]. Использование волоса животных является отличительной чертой керамики, орнаментированной гребенчатым штампом, с неолитических горизонтов поселения Тыткескень-II и горизонта 3А поселения Тыткескень-VI [Кирюшин, Кирюшин, Глушков, 2012; Кирюшин, Кирюшин, Семибратов, 2013]. Однако в тыткескенской керамике волос использовался в качестве армирующей добавки и хорошо фиксируется в сломах сосудов и практически не встречается на внешней поверхности.

В составе рассматриваемой коллекции имеются фрагменты, декорированные накалыванием (рис. 2.-*8–11*). Использовались инструменты, оставлявшие оттиски линзовидной (рис. 2.-*8*) и каплевидной формы (рис. 2.-*9–11*). Многочисленные аналогии керамике, орнаментированной наколами, содержатся в материалах поселения Павловка-I (Угловский район Алтайского края) [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2016], а также широко распространены в материалах боборыкинской культуры Среднего Зауралья [Ковалева, Зырянова, 2010]. Таким образом, керамика с поселения Рубцовское, собранная в 2018 г., соотносится с аналогичными материалами неолита юга Западной Сибири и сопредельных территорий. В целом представленная коллекция выглядит более однородно по сравнению с материалами предыдущих лет [Тишкин, Кирюшин, Шмидт, 2016].

Большая часть фрагментов керамики и каменные артефакты обнаружены на сравнительно небольшом участке протяженностью около 20 м. Не вызывает сомнения необходимость дальнейшего исследования памятника. Есть основания предполагать, что при проведении планомерных раскопок удастся локализовать места находок и получить органические материалы для проведения радиоуглеродного датирования археологических коллекций этого уникального памятника. Кроме этого, необходимо осуществить все мероприятия по сохранению объекта историко-культурного наследия поселения Рубцовское. Хотелось бы надеяться, что органы охраны памятников Алтайского края не оставят факты разрушения территории поселения Рубцовское без должного внимания.

Библиографический список

Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф. Бойнихинский тип керамики: проблемы хронологии и периодизации // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2017. Т. XXIII. С. 128–131.

Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Глушков И.Г. Использование волоса животных в гончарной традиции неолитических комплексов поселения Тыткескень-2 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. №4 (52). С. 41–50.

Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Семибратов В.П. Керамика развитого неолита с поселения Тыткескень-VI // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. №4 (56). С. 65–72.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Керамика боборыкинского облика с поселений юго-западных районов Алтайского края // Теория и практика археологических исследований. 2016. №2 (14). С. 7–23.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолит Среднего Зауралья: боборыкинская культура. Екатеринбург, 2010. 308 с.: ил.

Кунгуров А.Л., Онников А.В., Тишкин А.А. Каменная индустрия эпохи неолита с поселения Рубцовское // Проблемы неолита-энеолита юга Западной Сибири. Кемерово, 1999. С. 58–63.

Тишкин А.А. Поселение Рубцовское в пойме р. Алей // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1995. Вып. V, ч. 2. С. 30–35.

Тишкин А.А., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В. Керамика поселения Рубцовское-I (долина Алея, юг Западной Сибири) // Теория и практика археологических исследований. 2016. №4 (16). С. 60–73.

Тишкин А.А., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В. Техника первичного расщепления камня на поселении Рубцовское (юг Западной Сибири) // Теория и практика археологических исследований. 2018. №1 (21). С. 68–88.

Шевнина И.В. Гончарство неолитических племен Торгая // Материалы и исследования по археологии Казахстана. Астана, 2014. Т. IV. 236 с.

Шевнина И.В. Керамический комплекс маханджарской культуры в системе неолитических древностей евразийских степей // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2018. Т. 18, №4. С. 63–74. DOI: 10.14529/ssh180409

K.Yu. Kiryushin[1], A.V. Onnikov[2], A.A. Tishkin[1]

[1]Altai State University, Barnaul, Russia;
[2]Biysk Branch of the Russian Geographical Society, Rubtsovsk, Russia

NEW DESTRUCTIONS AT THE RUBTSOVSKY SETTLEMENT: THE NEED FOR THE COLLECTION OF LIFTING MATERIAL AND EMERGENCY RESEARCH

In the autumn of 2018, it was recorded that in the vicinity of the city of Rubtsovsk, on the shores of Lake Deryabinskoye, excavation work is being carried out which results in destruction of the historical and cultural heritage of the ancient settlement of Rubtsovskoye. Stone artifacts, fragments of pottery, bones of birds and animals were found in the dumps and on the damaged surface. According to the results of the inspection of the site of destruction, one of the authors of the article submitted an application to the prosecutor's office of the Altai Territory which was then redirected to the State Guard Department of the Cultural Heritage of the Altai Territory. At the time of this writing, information about any activities aimed at preventing the destruction of an archaeological site is not available. Undoubtedly, there is a need for collecting the excavation material and conducting the research in the emergency zone. In the meantime, the hope remains that the authority responsible for the protection of monuments of the Altai Territory will not leave the fact of the destruction of the territory of the Rubtsovskoye settlement without attention and will take all the necessary measures.

Key words: Rubtsovsk settlement, emergency site, lifting material, ceramics, stone artifacts, Neolithic.

УДК 903.02«638»(5)

А.А. Ковалев[1], Ч. Мунхбаяр[2], М.А. Перцева[3]

[1]Институт археологии РАН, Россия;
[2]Ховдинский государственный университет, Монголия;
[3]Санкт-Петербургский государственный музей-институт семьи Рерихов, Россия

КЕРАМИКА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ИЗ РИТУАЛЬНЫХ И ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ ВЫСОКОГОРНОЙ ЧАСТИ МОНГОЛЬСКОГО АЛТАЯ

В ходе работ Международной Центральноазиатской археологической экспедиции Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов и Ховдинского государственного университета (Монголия) в 2014, 2015 и 2018 гг. на территории Баян-Ульги аймака Монголии, в районе озера Даян-нур, были исследованы одна стоянка, четыре ритуальные (?) насыпи и один погребальный курган, при раскопках которых впервые найдены фрагменты керамических сосудов, по ряду признаков аналогичных керамике раннего железного века с территорий Горного Алтая и Казахстана, а также Джунгарии. Авторы статьи ставят задачу ввести не опубликованный ранее материал в научный оборот. Публикуются также сведения о недавних находках горшковидных сосудов раннего железного века с территории прилегающих районов Синьцзяна. Характеристики форм и приемов изготовления обнаруженной при раскопках 2015 и 2018 гг. керамики дают новые аргументы в пользу разнородности населения Монгольского Алтая в раннескифское время, до распространения здесь пазырыкской культуры.

Ключевые слова: ранний железный век, керамика, Баян-Ульги, Синьцзян, Горный Алтай, Казахстан.

В ходе работ Международной Центральноазиатской археологической экспедиции Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов и Ховдинского государственного университета (Монголия) в 2015 и 2018 гг., на территории Баян-Ульги аймака Монголии, в районе озера Даян-нур были осуществлены раскопки четырех ритуальных (?) сооружений, представляющих собой невысокие (до 0,7 м) округлые каменные насыпи (в один-два слоя) без крепиды диаметром до 8 м, при зачистке которых были обнаружены развалы керамических сосудов, залегающие как на поверхности насыпи, так и на уровне древнего горизонта. Фрагменты аналогичных по технологии изготовления глиняных сосудов были обнаружены также при раскопках погребального кургана Хулагаш 3-1. Ранее, в 2014 г., ряд керамических фрагментов, относящихся предположительно к раннему железному веку, был обнаружен в ходе работ нашей экспедиции при раскопках площадки Шар говь-4, расположенной в том же районе, в нижнем течении реки Годон-гол.

Исследованная в 2015 г. на территории Уланхус сомона насыпь Хар чулуут-4/2 располагалась в 50 м к северу от левого берега реки Годон гол, на склоне (48° 31.972’ с.ш., 88° 51.397’ в.д., высота 2190 м

над уровнем моря). Наибольшая высота ее составляла около 0,4 м, диаметр – около 7 м. В середине насыпи было прослежено искусственное углубление размерами в плане около 0,8×0,3 м, вытянутое длинной осью в меридиональном направлении, глубиной 0,3 м. Вокруг этой ямы был прослежен материковый выкид мощностью до 0,3 м. Заполнение ямы – камни насыпи. Среди камней насыпи на разных уровнях были обнаружены разрозненные фрагменты как минимум от трех сосудов, а также кости крупного и мелкого рогатого скота, лошади, в том числе кальцинированные фрагменты. Сосуд 1 – сероглиняный слобопрофилированный горшок, в тесте прослеживается примесь крупной дресвы, наружная поверхность лощеная, по плечикам пущен орнамент – прочерченная ломаная линия, на внутренней поверхности сильный нагар (рис. 1.-*1, 2*). Сероглиняный сосуд 2 имел слабоотогнутый уплощенный венчик (обнаружено три фрагмента), по верхнему срезу украшенный наколами ножа (?), на внешней поверхности видны следы заглаживания, в тесте примесь шамота и крупной дресвы (рис. 1.-*3*). От сосуда 3 найден только один фрагмент стенки, украшенной беспорядочными отпечатками гребенчатого штампа и наколами ножа (?) (рис. 1.-*4*), он также сероглиняный, в тесте примесь дресвы, внутри сильный нагар.

В 2018 г. работы проводились на территории Сагсай сомона. На первой террасе правого притока реки Их Хулагашийн гол (48° 22.377’ с.ш., 88° 57.270’ в.д., высота 2328 м) была исследована насыпь Хулагаш-4/1, имевшая наибольший диаметр около 6 м, высоту до 0,5 м. В центре насыпи был обнаружен целый сосуд, установленный в ямку на глубину около 0,1 м от уровня древнего горизонта и перекрытый массивной каменной глыбой (под давлением камня сосуд оказался сильно поврежден). Около сосуда на уровне древнего горизонта зачищено небольшое пятно древесных углей. Сосуд представляет собой слабопрофилированную банку темно-серого цвета, внешняя поверхность залощена, в тесте прослеживается примесь шамота, венчик несколько сужается кверху, дно вогнуто (рис. 2.-*1, 2*).

В двух километрах к востоку от этого памятника в ущелье, на северо-западном склоне горы Хулагашийн урд шар тувшин уул, был раскопан курган Хулагаш-3/1 (48° 21.466’ с.ш., 88° 57.434’ в.д., высота 2400 м). Курган представляет собой округлую насыпь диаметром около 5,5 м с севера на юг, 6 м – с запада на восток, выложенную вокруг овальной цисты, ориентированной длинной осью в широтном направлении. По всей площади насыпи на древнем горизонте выявлен слой древесного угля и пепла. Циста была совмещена с грунтовой ямой глубиной около 0,2 м, причем продольные ее стенки были сложены в два слоя на дне ямы, а поперечные – в один слой на ее бортах. На уровне дна ямы были обнаружены два фрагмента придонной части грубого темно-серого плоскодонного сосуда (рис. 2.-*3, 4*). Диаметр дна – около 10 см. Черепок сосуда в изломе черный, прослеживается примесь крупного песка и шамота.

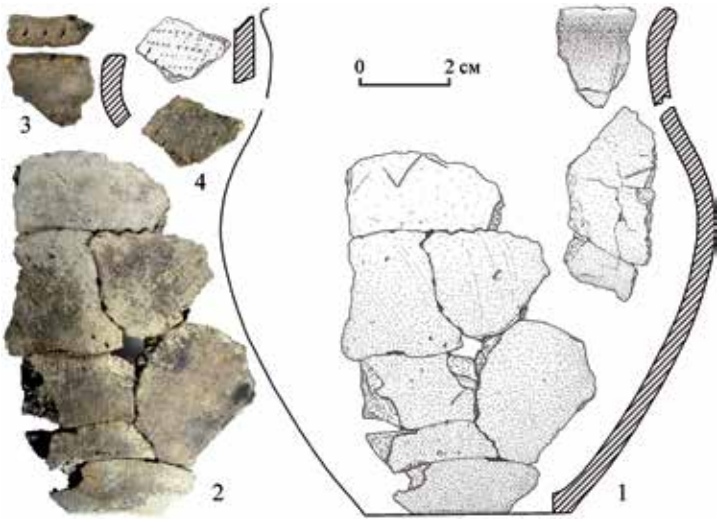


Рис. 1. Керамика раннего железного века из насыпи Хар чулуут-4/2

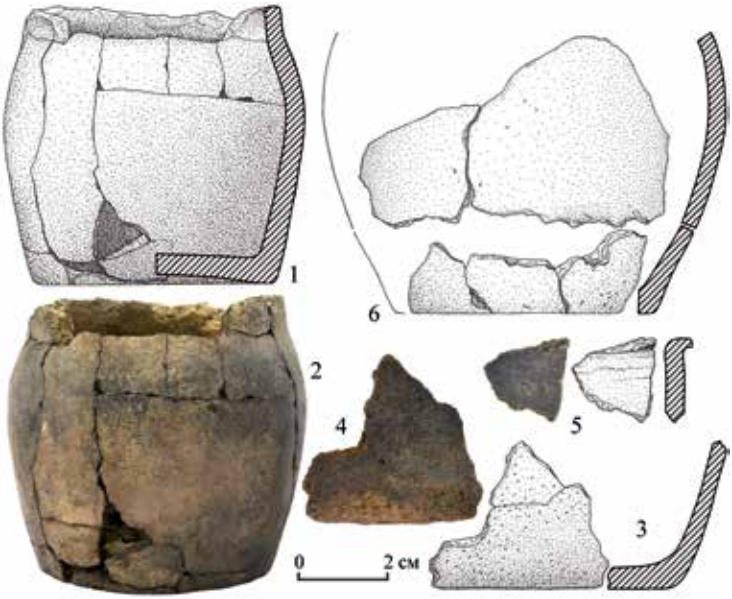


Рис. 2. Керамика раннего железного века:
1, 2 – глиняный сосуд из насыпи Хулагаш-3/1; *3–5* – керамика из кургана Хулагаш-4/1; *6* – керамика из насыпи Сонгинын гол-1

На поверхности насыпи были собраны фрагменты стенок того же (?) сосуда, а также фрагмент верхней части, который может относиться к другому сосуду (рис. 2.-*5*). Венчик отогнут под прямым углом, стенка почти вертикальная (так называемая керамика «с карнизом»). На внешней поверхности прослеживаются следы заглаживания, в тесте примесь дресвы и шамота.

В 40 км к югу от этих памятников, у водораздела Черного Иртыша и Кобдо (Ховд гол), были исследованы две ритуальные насыпи. Насыпь Бага чулуут-1, сложенная из речных валунов, расположена на левой террасе пересыхающей реки Бага чулуут гол – правого притока реки Ямаатын гол (48° 13.175’ с.ш., 88° 47.720’ в.д., высота 2364 м). Ее диаметр составлял около 9,5 м, высота около 0,5 м, в центральной части с уровня древнего горизонта была впущена небольшая яма, заполненная камнями насыпи. Вокруг этого места между камнями насыпи были собраны фрагменты трех сосудов. От сосуда 1 (рис. 3.-*1–3*) сохранились фрагменты верхней и придонной части, судя по которым, сосуд имел раздутое тулово и отогнутый венчик. Диаметр горла – около 9 см. Под шейкой сосуд был украшен тонким горизонтальным валиком, ниже –

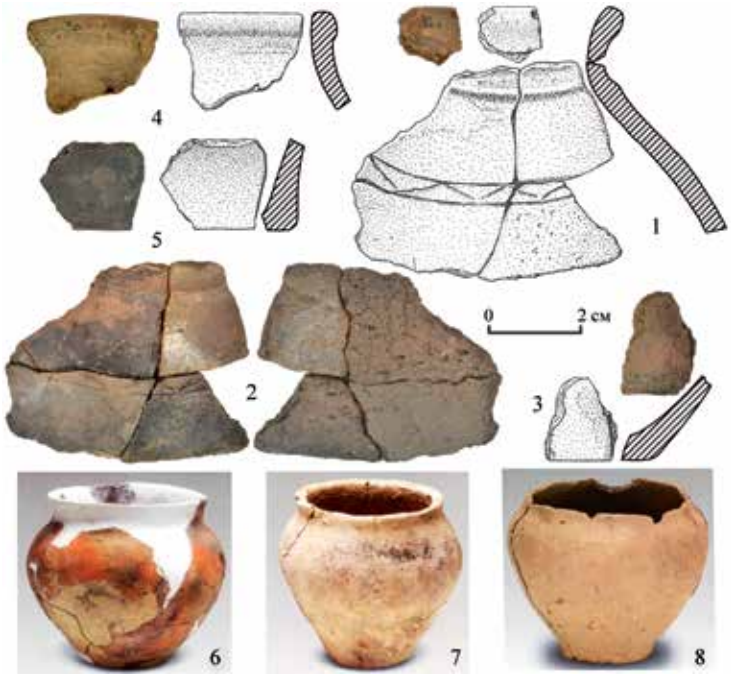


Рис. 3. Керамика раннего железного века: *1–5* – керамика из насыпи Бага чулуут-1; *6, 7* – глиняные сосуды из кургана Нуэрцзя М11 (Синьцзян); *8* – глиняный сосуд из насыпи Цзялангашэнь М13 (Синьцзян)

резным орнаментом-пояском из двух горизонтальных линий и проходящего между ними ряда шевронов. В верхней части видны следы горизонтального заглаживания, что может быть следствием использования поворотной подставки. Наружная поверхность хорошо залощена. Керамика рыхлая, черепок в изломе двуцветный – красно-черный, с большим количеством включений крупного песка и шамота. От сосуда 2 сохранился фрагмент венчика желтовато-серого цвета с явными следами горизонтального заглаживания (рис. 3.-*4*). Прослеживаются включения дресвы и шамота. От сосуда 3 сохранились фрагменты придонной части (рис. 3.-*5*). Черепок в изломе черный, масса хорошо отмучена, с включениями мелкого песка и шамота. Снаружи прослеживается лощение. Донце плоское, диаметр дна около 10 см, стенки расширяются кверху, при переходе к дну прослеживается небольшой уступ.

Насыпь Сонгинын гол-1 расположена на плоскогорье в 0,7 км к северу от берега реки Сонгинын гол – правого притока реки Ямаатын гол (48° 12.319 с.ш.', 88° 48.367' в.д., высота 2255 м). Диаметр насыпи около 8 м, высота в центре около 0,5 м. В центре насыпи прослеживалась западина. Под ней на уровне древней дневной поверхности были зачищены фрагменты горелого дерева. В центральной части кургана между камнями насыпи были собраны многочисленные фрагменты нижней части сосуда с плоским донцем и раздутым туловом (рис. 2.-*6*). Черепок в изломе красный, керамика рыхлая, с включениями крупного песка. Снаружи прослеживается лощение.

Ранее были уже опубликованы фрагменты слабопрофилированных баночных сосудов и венчиков «с карнизом», найденные в ходе работ Международной Центральноазиатской археологической экспедиции 2014 г. на стоянке Шар говь-4, отстоящей от памятника Хар чулуут-4/2 в 20 км вниз по течению реки Годон-гол [Мерц, 2015, с. 72]. В.К. Мерц относит эти находки к раннему железному веку. Находка в 2018 г. фрагмента аналогичного венчика «с карнизом» в насыпи кургана с цистой раннескифского типа Хулагаш-4/1 подтверждает этот вывод. Собранные на площадке Шар говь-4 фрагменты разновременных сосудов были подвергнуты технологическому анализу [Степанова, Мерц, 2016]. По мнению Н.Ф. Степановой и В.К. Мерца, для серии фрагментов из Шар говь-4 эпохи раннего железа зафиксировано смешение навыков в составлении формовочных масс, при этом местными для данного памятника являются навыки добавления органики, а также дресвы; к неместным (принесенным) относится применение шамота, что характерно прежде всего для равнинной местности. На основании этого авторы исследования для эпохи раннего железа Монгольского Алтая говорят о контактах населения с разными навыками изготовления посуды, причем предполагается, что часть населения была пришлой из районов, где при производстве посуды использовали шамот. Определения состава керамики, обнаруженной в ходе работ 2015 и 2018 гг., проводились визуально, в полевых условиях,

однако установленное наличие примеси шамота и разнообразие форм сосудов и приемов обработки их поверхности усиливают аргументы в пользу разнородности населения Монгольского Алтая в раннескифское время, до распространения здесь пазырыкской культуры.

Полученная в ходе раскопок 2014, 2015 и 2018 гг. серия находок керамики находит соответствия в керамике поселенческих и погребальных памятников раннескифского времени как горных, так и равнинных районов Российского Алтая, Казахстана и Джунгарии. Ряд аналогий вошел в недавно опубликованные своды источников [Шульга, 2015, рис. 8(6), 19, 21(1), 25, 31, 32; Бейсенов и др., 2017, рис. 2-4]. Схожий по форме с находками из Хар чулуут-4/2 и Сонгинын гол-1 сосуд был найден в могильной яме кургана раннескифского времени Жангыс-Тобе-1 (Курчумский р-н Восточно-Казахстанской области), причем могила, как и в кургане Хулагаш-3/1, представляла собой цисту, выложенную по краю неглубокой грунтовой ямы [Дашковский и др., 2007, с. 25, рис. 33(2)]. В одном из курганов с цистой на горизонте, исследованных в могильнике Нуэрцзя в северных предгорьях Восточного Тянь-Шаня (М11), на древнем горизонте было обнаружено дополнительное захоронение, где костяк взрослого человека, уложенного вытянуто на спине, головой на запад, сопровождался двумя горшковидными сосудами, один из которых, красного цвета, снаружи был хорошо залощен, а другой, желтовато-серый, имел слабо выгнутую придонную часть и короткий вертикальный венчик [Синьцзян вэньу, 2015, с. 163, табл. 68] (рис. 3.-*б, 7*). По типу цисты курган можно отнести к раннескифскому времени. Аналогичный сосуд был обнаружен под ритуальной (?) насыпью М13 могильника Цзялангашэнь в уезде Хабахэ [Синьцзян вэньу, 2015б, с. 180, табл. 75] (рис. 3.-*8*).

Библиографический список

Бейсенов А.З., Шульга П.И., Ломан В.Г. Поселения сакской эпохи. Алматы, 2017. 208 с.

Дашковский П.К., Самашев З.С., Тишкин А.А. Комплекс археологических памятников Айна-Булак в Верхнем Прииртышье (Восточный Казахстан). Барнаул, 2007. 96 с.

Мерц В.К. Система адаптации древних скотоводов в горностепной зоне Северной Евразии и методы поиска их поселений // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул, 2015. С. 69–74.

Степанова Н.Ф., Мерц В.К. Керамика поселения Шар-говь-4 (Северо-Западная Монголия) // Теория и практика археологических исследований. 2016. №3(15). С. 83–89.

Шульга П.И. Скотоводы Горного Алтая в скифское время (по материалам поселений). Новосибирск, 2015. 336 с.

Синьцзян вэньу каогу яньцзюсо. Чанцзи ши Нуэрцзя муди 2012 нянь фацзюэ цзяньбао (Институт культурного наследия и археологии Синьцзяна. Краткий отчет о раскопках в 2012 г. могильника Нуэрцзя в городском уезде Чанцзи) // Синьцзян Чанцзи хуйцзу цзычжичжоу каогу дяоча ю фацзюэ (Ар-

хеологические разведки и раскопки в Чанцзи-Хуэйском автономном округе) / Синцзян вэньу каогу яньцзюсо (Институт культурного наследия и археологии Синьцзяна). Пекин, 2015а. С. 160–173.

Синьцзян вэньу каогу яньцзюсо. Хабахэ сянь Цзялангашэнь муди, Хабайхань муди фацзюэ баогао (Институт культурного наследия и археологии Синьцзяна. Отчет о раскопках могильника Цзялангашэнь, могильника Хабайхань в уезде Хабахэ // Синьцзян Алэтай дицю каогу юй лиши вэньцзи (Сборник статей по археологии и истории округа Алтай, Синьцзян). Пекин, 2015б. С. 177–197.

A.A. Kovalev[1], Ch. Munkhbayar[2], M.A. Pertseva[3]

[1]Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Russia;
[2]Khovd State University, Mongolia;
[3]St.-Petersburg State Museum-Institute of the Roerich Family, Russia

EARLY IRON AGE POTTERY FOUND IN RITUAL AND BURIAL SITES IN THE HIGH MOUNTAINS OF MONGOLIAN ALTAI

In the course of the field work of the International Central-Asian Archaeological Expedition of the St. Petersburg State Museum-Institute of the Roerich Family and Khovd State University (Mongolia) in 2014, 2015 and 2018 in Bayal-Olgii aimag, nearby Dayan-nor lake, one settlement place, four ritual (?) structures and one burial mound were discovered. During the excavations of these sites fragments of pottery vessels were found, similar to the potteries of the early Iron Age from the territories of Mountain Altai, Kazakhstan and Dzhungaria. The authors of the present article set the task to introduce material that has not been previously introduced into scieintific use. Information is also published on recent discoveries of vessels of the early Iron Age from the territory of the adjacent regions of Xinjiang. Evidences on forms and technology of newly discovered potteries (in 2015 and 2018) provide new arguments in favor of the heterogeneity of the population of Mongolian Altai in the early Scythian time, before the spread of the Pazyryk culture here.

Key words: Early Iron Age, pottery, Bayan-Olgii, Xinjiang, Mountain Altai, Kazakhstan.

УДК 902(571.1)

С.А. Ковалевский

Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Россия

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ГРУППЫ ИРМЕНСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Статья посвящена вопросу о специфике северо-восточной группы памятников ирменской культурно-исторической общности, существовавшей на территории Западно-Сибирской лесостепи во второй половине II – начале I тыс. до н.э. Отдельным особенностям северо-восточных ирменских некрополей, а также их отличиям от некрополей юго-западной территориальной группы

уже посвятили свои работы сибирские специалисты. Их наблюдения и выводы приводятся в данной статье. Нами на более обширном материале, а также с привлечением данных естественных наук (технико-технологический анализ керамики, химический анализ металла, палеоантропология и одонтология) делается попытка дополнительно обосновать специфику северо-восточной группы ирменских памятников, исследованных на территориях Кузнецкой котловины, Томском и северной части Новосибирского Приобья. Кроме того, рассматриваются истоки формирования данных особенностей с использованием материалов археологических культур послеандроновского времени (еловская, корчажкинская, танайская).

Ключевые слова: ирменская культура, карасукская культура, ирменская культурно-историческая общность, территориальные группы, локальные варианты, Кузнецкая котловина, погребально-поминальные памятники.

Характер археологического материала, полученный при изучении ирменских древностей юга Западной Сибири, позволяет специалистам говорить об имеющихся различиях памятников отдельных территорий. В свое время были выделены локальные варианты ирменской культуры (томский, алтайский, розановский, инской). Предпринимались попытки обосновать и более крупные территориальные группировки памятников.

Так, новосибирскими исследователями, по результатам анализа элементов погребального обряда, в ирменском ареале были выделены две территориальные группы памятников: юго-западная, включающая в себя территории лесостепного Прииртышья, Барабы и Алтайского Приобья, и северо-восточная, охватывающая территории Томского и Новосибирского Приобья, а также Кузнецкую котловину [Бериков и др., 2011, с. 94].

Для северо-восточной территориальной группы ирменских памятников Д.В. Степаненко называет следующие особенности: овальная форма насыпи, расположение погребений рядами, наличие фрагментов деревянных сооружений под насыпями курганов, а также каменных стел и камней-обелисков и сопровождающие погребения животных. Различия двух территориальных групп она объясняет разными природно-климатическими условиями регионов (север степи – для юго-западной группы и юг тайги – для северо-восточной) [Степаненко, 2012, с. 11, 29–30].

Вместе с тем рассмотрение всей совокупности признаков, включающей, наряду с элементами погребально-поминального обряда, анализ сопроводительного инвентаря из ирменских могильников, вносит определенные коррективы в предложенную схему. Думается, что разделение ирменских памятников, предложенное ранее В.В. Бобровым [1991, с. 60–72], на западную и восточную территориальные группы является более соответствующим существовавшим в древности историческим реалиям. В то же время восточно-ирменская и западно-ирменская территориальные группы также дифференцируются на достаточно специфичные локальные варианты со своим набором признаков [Ковалевский, 2016, с. 31–32].

Наиболее дискуссионным в существующих схемах является место памятников алтайского варианта ирменской культурно-исторической общности. Ранее нами оговаривалось, что ирменские памятники Алтайского Приобья демонстрируют разнонаправленные тенденции, но тяготеют в большей мере к материалам восточно-ирменской группы [Ковалевский, 2017, с. 112].

В то же время при анализе археологических источников ирменской культурно-исторической общности действительно обращает на себя внимание определенная специфика северо-восточной группы ирменских памятников, проявляющаяся в локализации на этой достаточно обширной территории так называемых овальных или «длинных» курганов, порой достаточно масштабных по своим размерам. Наиболее многочисленна эта категория в Кузнецкой котловине, где встречена в крупных могильниках, таких как Журавлево-IV, Танай-VII, Ваганово-II, Заречное-I, Сапогово-I, Шабаново-IV [Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993; Бобров, Чикишева, Мыльников, 2004; Бобров, Горяев и др., 2001; Зах, 1997; Илюшин Ковалевский, Сулейменов, 1996; Илюшин, Ковалевский, 1998]. Есть подобные объекты и в составе немногочисленных раскопанных погребально-поминальных памятников Новосибирского (Камень-I), а также Томского Приобья (ЕК-II/5) [Новиков, Степаненко, 2010; Матющенко, 2006]. Интересно, что и количество овальных в плане курганов в Кузнецкой котловине и Томском Приобье примерно одинаково (38,4 и 35,5% соответственно).

По мнению В.В. Боброва, В.С. Горяева и С.А. Васютина, овальные или «длинные» курганы, в отличие от округлых, функционировали как сакральное место продолжительное время и выполняли роль усыпальницы определенной группы кровных родственников. Об этом, по мнению специалистов, свидетельствуют остатки поминальных действий в насыпях и под насыпями курганов (остатки поминальной пищи, керамические сосуды и их фрагменты, кострища), осуществлявшихся некоторое время [Бобров, Горяев и др., 2001, с. 236–239].

Другим важным отличием северо-восточной группы ирменских памятников является локализация на этой территории курганных насыпей с большим количеством погребенных. Как было отмечено специалистами, такие погребения организовывались, как правило, в форме ряда. Преимущественно «многомогильность» характерна для овальных и «длинных» курганов, но встречается и в округлых. Для других ирменских регионов эта традиция не типична.

Еще одной особенностью северо-восточной группы ирменских погребально-поминальных памятников является то, что только здесь известны немногочисленные сосуды, украшенные сложными композициями, образованными сочетанием разнонаправленных треугольников, нескольких горизонтальных штрихованных зигзагов, реже насечек. Такие композиции зачастую именуются в специальной литературе

«лестничными». С одной стороны, подобные сосуды единичны и вряд ли должны рассматриваться в качестве этнокультурного маркера для достаточно обширной группы памятников северо-востока. С другой стороны, их нетипичность для ирменской традиции позволяет видеть в этом результат прямого межкультурного взаимодействия. Варианты подобных композиций, известных из могильников Танай-VII, Титово-I, Журавлево-IV, Камень-I и ЕК-II/5, локализованных на территориях Кузнецкой котловины, северной части Новосибирского и Томского Приобья, были приведены нами в отдельной статье [Ковалевский, 2012, с. 45, табл. 3].

И.В. Ковтун обратил внимание на полную аналогию сосудов с подобной орнаментацией из еловского могильника ЕК-I (Томское Приобье) и корчажкинского могильника Танай-I (Кузнецкая котловина). Специалист также отмечает, что сосуды с аналогичной орнаментальной схемой есть и в близлежащих ирменских могильниках Кузнецкой котловины, таких как Журавлево-IV, Танай-VII, Титово-I. Соответственно, И.В. Ковтун [2016, с. 68] предполагает миграцию из Томского Приобья в Кузнецкую котловину (или наоборот) представителей сравнительно узкой социальной группы, претерпевшей впоследствии социокультурную трансформацию при преобразовании раннеандроновского танайского сообщества и формирования в том числе ирменской культуры.

Андроноидные памятники Кузнецкой котловины, квалифицированные ранее как корчажкинские, были выделены И.В. Ковтуном в самостоятельную *танайскую* культуру, своеобразие которой, по мнению специалиста, обусловлено присутствием классического карасукского компонента. Отмечая также сходство орнаментации посуды памятников Кузнецкой котловины с декором еловской посуды Томского и северной части Новосибирского Приобья, ученый указывает на вероятные культурно-генетические связи, существовавшие в древности между популяциями, проживавшими в этих регионах. Кроме того, им отмечается существовавшее взаимовлияние андроноидных и раннеирменских групп в Кузнецкой котловине [Ковтун, 2016, с. 68–71].

Выделение самостоятельной археологической культуры на территории Кузнецкой котловины, на наш взгляд, требует развернутой аргументации. Действительно, И.П. Лазаретов в коллективной монографии, посвященной карасукскому могильнику Кюргеннер-I, анализируя факт появления в памятниках Приобья и Кузнецко-Салаирской горной области вещевого комплекса и керамики карасукского облика, связывает его с продвижением на запад в конце I этапа и на II этапе эпохи поздней бронзы (по терминологии А.В. Полякова и И.П. Лазаретова) групп мигрантов с территории Хакасско-Минусинской котловины, где они оставили «следы» в памятниках еловской и корчажкинской культур. По мнению исследователя, корчажкинская культура сложилась как результат взаимодействия пришлого посткарасукского и местного населения,

использовавшего гребенчато-ямочную керамику. И.П. Лазаретов ставит вопрос о степени «андроноидности» некоторых культур юга Западной Сибири и возможности именовать их, скорее, «карасукоидными» [Грязнов и др., 2010, с. 89–90].

Однако, если степень участия «карасукцев» в культурогенезе различных андроноидных групп населения Западно-Сибирской лесостепи еще предстоит аргументировать, то существовавшие в послеандроновскую эпоху генетические связи между популяциями Томского Приобья и Кузнецкой котловины уже вполне очевидны. По мнению А.В. Зубовой, инфильтрация с территории Томского Приобья в Кузнецкую котловину родственного «еловцам» населения началась еще в конце андроновской эпохи и связана преимущественно с мужской частью населения. Происходившее в Кузнецкой котловине смешение пришлого еловского и местного андроновского населения привело, по ее мнению, к формированию корчажкинской культуры [Зубова, 2014, с. 191].

Определенным подтверждением существовавшей в послеандроновское время культурной близости населения северо-востока могут являться и выводы, полученные В.А. Борисовым в результате технико-технологический анализа ирменской керамики. Они свидетельствуют о том, что ирменская керамика памятников Кузнецкой котловины демонстрирует смешанную шамотно-дресвяную традицию, объединяющую посуду *инского* варианта с посудой ирменских памятников Томского (Еловское поселение) и северной части Новосибирского Приобья (Крохалевка-VIIA), а также Мариинско-Ачинской лесостепи (Тамбарское водохранилище). Данная традиция, по мнению В.А. Борисова, восходит к еловским (могильник ЕК-I, поселения Десятовское, Ордынское-XII, Алдыган), корчажкинским (поселения Танай-IV, Красная Горка-I, Саратовка-VI) и андроновским (Тамбарское водохранилище) материалам этих же территорий. В то же время, по мнению исследователя, ирменская посуда памятников различных территорий демонстрирует значительное сходство не друг с другом, а с керамикой предшествующих культур (еловской, корчажкинской), как бы продолжая керамические традиции каждой местности [Борисов, 2009а, с. 22–23; 2009б, с. 256–259; 2013, с. 101–110].

Изучение специалистами ирменского металла также свидетельствует о неоднородности его химического состава в различных регионах. По данным С.В. Кузьминых, в западном ирменском варианте (Прииртышье, Бараба) доминировали оловянные и оловянно-мышьяковые бронзы и он по-прежнему, как и в более раннее время, снабжался металлом из горно-металлургических центров Рудного Алтая и Казахстанской области по действующему Иртышскому торговому пути [Молодин, Парцингер и др., 2009, с. 207–211].

Для восточных регионов реконструирована иная ситуация. Еще в первой половине 1970-х гг. проведенный спектральный анализ ирменского металла Томского Приобья (ЕК-II, Усть-Киргизка и Еловское по-

селение) показал, что по наличию мышьяка, висмута и никеля он очень сходен с металлом карасукской культуры Минусы [Матющенко, 1974а, с. 51; 1974б, с. 97–104]. Анализ ирменского металла Кузнецкой котловины, проведенный (по материалам Титовского могильника) сначала Б.Н. Пяткиным [1978, с. 63–65], а позднее В.В. Бобровым, С.В. Кузьминых и Т.О. Тенейшвили, продемонстрировал неоднородность его химического состава. Был сделан вывод о том, что сплавы с высоким содержанием мышьяка и сурьмы без олова, известные в ирменском металле из Кузнецкой котловины, были ориентированы на сырье из Саянского горно-металлургического центра. Исследователи считают, что приток металла из Саянского горно-металлургического центра в Кузнецкую котловину и, следовательно, сдвиг границы Центрально-Азиатской металлургической провинции на запад начались еще в доирменское время. Если для предырменской эпохи, по мнению специалистов, можно говорить об активизации андроноидных культур этого региона с карасукской, включая миграцию населения последней на запад, то для эпохи поздней бронзы предполагается активное взаимодействие лугавской и ирменской культур [Бобров, 1997, с. 72–75; 2000, с. 145–146; Бобров, Кузьминых, 1997, с. 9–12; Бобров и др., 1997, с. 57–62, 68–72].

Таким образом, специфика северо-восточной группы ирменских памятников достаточно логично объясняется участием в ее формировании позднеандроновского, а также андроноидного компонента при определенном внешнем карасукском воздействии. Дискуссионный характер носит только атрибуция андроноидных материалов Кузнецкой котловины, рассматриваемых сегодня специалистами в рамках корчажкинской культуры (В.В. Бобров) либо самостоятельной танайской культуры (И.В. Ковтун). Думается, что не исключено восприятие данных материалов и как еловских (например, в рамках самостоятельного *танайского* варианта).

Механизм процесса формирования ирменского населения Кузнецкой котловины, Томского и северной части Новосибирского Приобья, а также степень участия андроноидного населения в ирменском культурогенезе еще предстоит выяснить специалистам. Нам представляется, что существовал определенный период взаимодействия формирующейся ирменской культуры и андроноидных групп населения [Ковалевский, 2008, с. 116–119]. Следовательно, и истоки обозначенных в данной статье особенностей северо-восточной группы ирменских памятников также следует искать в традициях частично синхронных и предшествующих культур.

Библиографический список

Бериков В.Б., Степаненко Д.В., Рыбина Е.В. Характерные черты погребального обряда ирменской культуры (опыт анализа с использованием логико-вероятностных методов) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2011. Т. 10, №5. С. 85–95.

Бобров В.В. Особенности погребального обряда ирменской культуры в Кузнецкой котловине // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск, 1991. С. 60–72.

Бобров В.В. Бронзолитейное производство в системе экономики обществ поздней бронзы Кузнецкой котловины // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997. С. 72–75.

Бобров В.В. О западной границе центральноазиатской металлургической провинции в эпоху поздней бронзы // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2000. Вып. XI. С. 145–146.

Бобров В.В., Горяев В.С., Васютин С.А. Особенности организации погребального пространства в овальных курганах ирменской культуры (по материалам могильника Ваганово-II) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2001. Т. VII. С. 236–239.

Бобров В.В., Кузьминых С.В. Химический состав металла в аспекте локальной специфики развития ирменской культуры // Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1997. С. 9–12.

Бобров В.В., Кузьминых С.В., Тенейшвили Т.О. Древняя металлургия Среднего Енисея (лугавская культура). Кемерово, 1997. 99 с.

Бобров В.В., Мыльникова Л.Н., Мыльников В.П. К вопросу об ирменской культуре Кузнецкой котловины // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул, 2004. С. 4–34.

Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. Новосибирск, 1993. 157 с.

Борисов В.А. Опыт разработки и применения экспериментальных методов исследования керамики (по материалам эпохи бронзы Верхнего Приобья): автореф. дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2009а. 27 с.

Борисов В.А. Особенности ритуально-погребальной керамики (по материалам памятников эпохи бронзы Верхнего Приобья) // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул, 2009б. С. 256–259.

Борисов В.А. Опыт разработки и применения экспериментальных методов исследования керамики (по материалам эпохи бронзы Верхнего Приобья). Кемерово, 2013. 254 с.

Грязнов М.П., Комарова М.Н., Лазаретов И.П., Поляков А.В., Пшеницына М.Н. Могильник Кюргеннер эпохи поздней бронзы Среднего Енисея. СПб., 2010. 200 с.

Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). Новосибирск, 1997. 132 с.

Зубова А.В. Население Западной Сибири во II тысячелетии до нашей эры (по антропологическим данным). Новосибирск, 2014. 228 с.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Курганный могильник Шабаново-4 // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово; Гурьевск, 1998. С. 15–53.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Сулейменов М.Г. Аварийные раскопки курганов близ с. Сапогово // Труды ККАЭЭ. Кемерово, 1996. Т. 1. 206 с.

Ковалевский С.А. Взаимодействие населения корчажкинской и ирменской культур в Северо-Восточном Присалаирье // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск, 2008. С. 116–119.

Ковалевский С.А. Особенности орнаментации ритуальной посуды ирменской культурно-исторической общности // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. №1 (16). С. 42–48.

Ковалевский С.А. Ирменские древности юга Западной Сибири: история изучения и исследовательские концепции: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Барнаул, 2016. 43 с.

Ковалевский С.А. Об алтайском варианте ирменской культурно-исторической общности (по материалам погребально-поминального обряда) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2017. Вып. XXIII. С. 109–114.

Ковтун И.В. Андроновский орнамент (морфология и мифология). Казань, 2016. 547 с.

Матющенко В.И. Этапы развития бронзолитейного производства в лесостепном Приобье // Бронзовый и железный век Сибири. Древняя Сибирь. Новосибирск, 1974а. Вып. 4. С. 47–54.

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Еловско-ирменская культура // Из истории Сибири. Томск, 1974б. Вып. 12. 196 с.

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть третья. Еловский-II могильник. Комплексы ирмени и раннего железного века. Омск, 2006. 120 с.

Молодин В.И., Парцингер Г., Кривоногов С.К., Казанский А.Ю., Чемякина М.А., Матасова Г.Г., Васильевский А.Н., Овчаренко А.С., Гришин А.Е., Ермакова Н.В., Дергачёва М.И., Феденева И.Н., Некрасова О.А., Мыльников Д.В., Пилипенко А.С., Ромащенко А.Г., Куликов И.В., Кобзев В.Ф., Новикова О.И., Васильев С.К., Шнеевайсс Й., Приват К., Болдырев В.В., Дребущак В.А., Дребущак Т.Н., Деревянко Е.И., Бородовский А.П., Боургарит Д., Рейхе И., Кузьминых С.В., Марченко Ж.В. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск, 2009. Т. 3. 248 с.

Новиков А.В., Степаненко Д.В. Камень-1 – могильник ирменской культуры в южнотаежном Приобье // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (к юбилею проф. Т.Н. Троицкой). Новосибирск, 2010. С. 39–60.

Пяткин Б.Н. Результаты спектральных анализов бронзовых предметов из могильника Титово-1 // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 63–65.

Степаненко Д.В. Погребальный обряд ирменской и позднеирменской культур: опыт многомерного статистического анализа: автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2012. 33 с.

S.A. Kovalevsky

Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russia

THE FEATURES OF THE NORTH – EASTERN IRMEN GROUP OF SITES

The article is devoted to the specifics of the North-Eastern group of sites of the Irmen cultural and historical community that existed in the territory of the West Siberian forest-steppe in the second half of the 2^{ns} – early 1st Millennium BC. Siberian specialists have already devoted their works to certain features of the North-Eastern Irmen necropolis and their differences from the necropolis of the South-Western territorial group. Their observations and conclusions are given in this article. We make an attempt to further substantiate the specificity of the North-Eastern group of the Irmen

sites investigated in the territories of the Kuznetsk basin, Tomsk, and the Northern part of Novosibirsk Priobye using more extensive material and with the involvement of data of natural sciences (technical-technological analysis of ceramics, chemical analysis of metal, anthropology and odontology). In addition, the sources of the formation of these features using the materials of archaeological cultures of post-Andronovo time (Elovskaya, Korchazhkinskaya, Tanaiskaya) are considered.

Key words: Irmen culture, Karasuk culture, Irmen cultural and historical community, affinity groups, local options, the Kuznetsk hollow, burial monuments.

УДК 903.4(571.150)

Е.Б. Красноперов, Д.В. Папин[1,2], А.С. Федорук[1]

[1]Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

КОЛЛЕКЦИЯ СЛУЧАЙНЫХ НАХОДОК ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ ПОСЕЛЕНИЯ БУРЛА-3

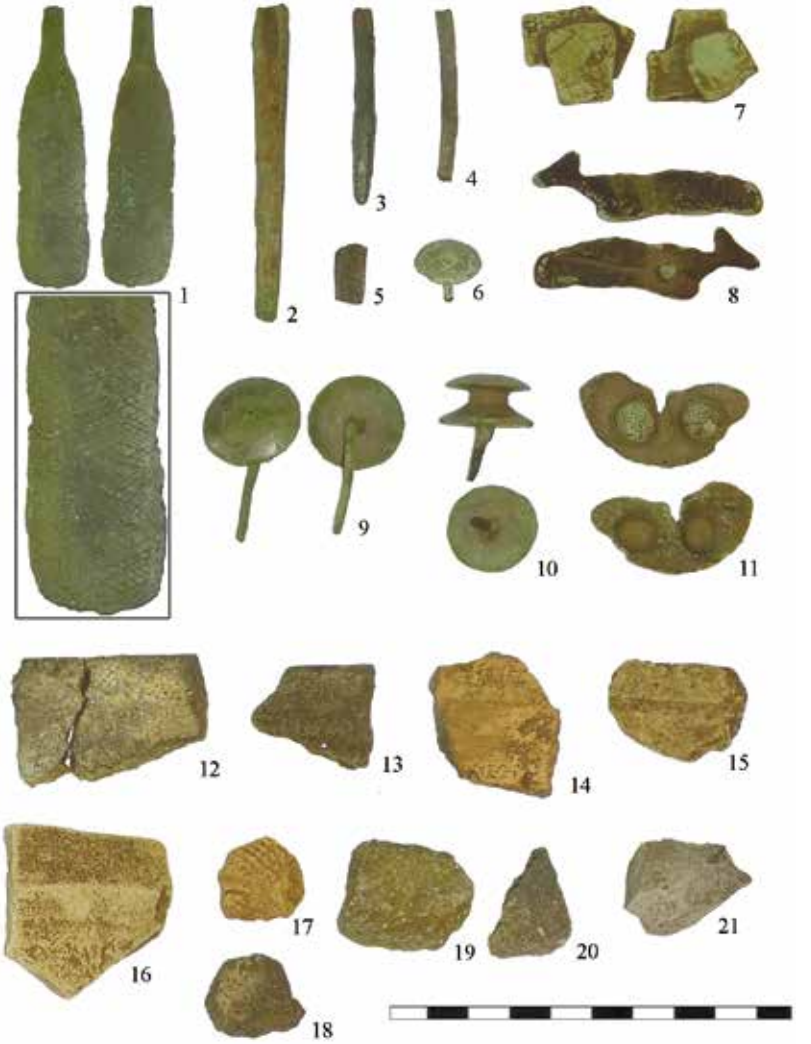
В данной работе рассматривается проблематика случайных находок периода поздней бронзы на севере Кулундинской равнины. Случайные находки являются важнейшим источником по реконструкции древнего прошлого. На примере поселения Бурла-3 показано, что данная категория источников позволяет обоснованно расширить и зафиксировать границы территории объекта археологического наследия.

Ключевые слова: период поздней бронзы, Степной Алтай, Бурла-3.

Благодаря широкомасштабным исследованиям алтайских археологов к настоящему времени раскопаны значительные площади поселенческих комплексов степного Алтая периода поздней бронзы, но случайные находки остаются важнейшим корпусом источников, дополняющим материалы из раскопок поселений и могильников. С 2012 по 2018 г. авторы статьи проводили стационарное изучение поселения эпохи поздней бронзы Бурла-3, расположенного в Хабарском районе Алтайского края, на краю левобережной надпойменной террасы р. Бурла [Папин, Федорук, Демин, Редников, 2018]. В 2016 г. краеведом Е.Б. Красноперовым, в 200 м к югу от Бурлы-3, на пашне был собран подъемный материал. Находки были сосредоточены на площади 200 кв. м и, по всей видимости, маркируют остатки культурного слоя. Так как шурфы не закладывались, то надежно идентифицировать происхождение находок не представляется возможным.

Собранная коллекция представлена бронзовыми изделиями, камнем и керамикой.

Бронзовая бритва (рис.-*1*). Длина изделия – 7,2 см, ширина черешка – 0,5 см, лезвийной части – до 1,9 см. Сохранность хорошая, равномерно покрыто зеленой патиной. На обеих сторонах лезвия нанесена сеточка из мелких резных линий.



Коллекция находок из окрестностей поселения Бурла-3
(*1–11* – бронза; *12–21* – керамика, камень (21))

Бронзовая бляшка со шпеньком (рис.-*6*). Имеет выгнутую шляпку диаметром 1,7 см и изогнутый шпенек округлого сечения длиной до 1,2 см. Сохранность изделия хорошая, покрыто светло-зеленой патиной.

Бронзовая бляшка со шпеньком (рис.-*9*). Имеет выгнутую шляпку диаметром 2,5 см и изогнутый «Г»-образный шпенек подквадратного

сечения длиной до 3,4 см. Сохранность изделия хорошая, покрыто светло-зеленой патиной. На внешней стороне шляпки присутствуют слабовыраженные насечки, образующие «ёлочку».

Бронзовая бляшка (навершие (?)) со шпеньком (рис.-*10*). Имеет двойную выгнутую шляпку, диаметр нижней (юбочковидной) части – 2,1 см, верхней (грибовидной) – 1,9 см. В месте соединения верхней и нижней частей присутствует небольшой рельефный валик. Шпенек подквадратного сечения длиной 1,5 см. Сохранность изделия хорошая, покрыто светло-зеленой патиной.

Бронзовая отливка шила (?) (рис.-*2*). Изделие подпрямоугольного сечения, размеры в верхней части – 0,7×0,3 см, в нижней – 0,5×0,3 см. Общая длина – 8,1 см. В верхней части оно деформировано.

Бронзовая отливка шила (рис.-*3*). Общая длина изделия – 5,1 см. Четко фиксируется уступ между рабочей частью и черешком. Длина черешковой части – 2,7 см, рабочей части – 2,4 см. Верхняя часть черешковой части имеет уплощение. Изделие отлито в односторонней форме.

Обломок бронзовой отливки шила (?) (рис.-*4*). Изделие подпрямоугольного сечения, размеры – 0,7×0,5 см. Длина – 1,5 см.

Обломок бронзовой отливки шила (?) (рис.-*5*). Изделие подквадратного сечения, размеры – 0,4×0,3 см. Длина – 4,4 см.

Фрагмент отливки бронзовой бляшки (?) (рис.-*8*). Длина изделия – 5,8 см. На обратной стороне имеется обломок шпенька подквадратной в плане формы (длина сохранившейся части 0,6 см).

Фрагмент бронзовой бляшки (?) (рис.-*11*). Представляет собой пластину толщиной около 1 мм с двумя полыми полусферическими «жемчужинами». Вероятно, в целом виде пластина было округлой в плане формы, диаметром около 4,2–4,3 см, с четырьмя «жемчужинами».

Изделие (?) (рис.-*7*) из трех спекшихся (сложенных) бронзовых пластин, согнутых пополам, с расплющенными краями. Размеры – 3×2 см.

Кроме того, в коллекции сборов присутствуют камень со следами обработки, небольшой фрагмент керамического изделия (?), два неорнаментированных фрагмента венчиков керамических сосудов, два мелких фрагмента тулов с оттисками гребенчатого и один с оттисками гладкого штампа, один фрагмент сосуда с крупным валиком, рассеченным оттисками гладкого штампа, и один неорнаментированный фрагмент «круговой» керамики (рис.-*12–21*). Представленная керамика в целом хорошо соотносится с комплексом посуды поселения эпохи поздней бронзы Бурла-3.

Датировка и культурная принадлежность представленных в коллекции шильев не ясны. Подобные предметы широко известны в комплексах региона, датирующихся от эпохи бронзы до раннего железного века. Бронзовые бляшки находят аналогии в комплексах эпохи поздней бронзы региона. Прямых аналогий навершию авторам не известно, однако стилистически оно близко роговым изделиям эпохи поздней бронзы, обнаруженным на поселении Бурла-3 и Советский Путь-1 [Кунгуро-

ва, Ситников, 1999, рис. 3-7]. Аналогии бронзовой бритве присутствуют в материалах позднебронзовых памятников Казахстана [Аванесова, 1991, с. 28, рис. 35]. В целом, анализируя данный металлокомплекс с учетом находок керамики, можно с уверенностью сказать, что он хорошо синхронизируется с материалами поселения Бурла-3 и, скорее всего, является его частью. Таким образом, можно предположить, что поселение Бурла-3 занимает гораздо большую территорию, нежели это предполагалось первоначально на основе данных раскопок.

Библиографический список

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент, 1991. 201 с.

Кунгурова Н.Ю., Ситников С.М. Материальная культура древних жителей поселения Советский Путь-1 // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии: межвуз. сб. науч. тр. Горно-Алтайск, 1999. С. 46–53.

Папин Д.В., Федорук А.С., Демин М.А., Редников А.А. Бурла-3: новые данные о бурлинском типе памятников // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2018. Т. 24. С. 315–318.

E. Krasnoperov, D., Papin[1,2], A. Fedoruk[2]

[1]Altai State University, Barnaul, Russia;
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia

A COLLECTION OF RANDOM FINDS FROM THE VICINITY OF THE BURLA-3 SETTLEMENT

This paper deals with the problems of random finds of the late Bronze period in the north of the Kulunda Plain. Random finds are the most important source for the reconstruction of the ancient past. It is shown on the example of the Burla-3 settlement that this category of sources allows one to reasonably expand and fix the boundaries of the territory of the archaeological heritage site.

Key words: late Bronze period, Steppe Altai, Burla-3.

УДК 008:911.375.5(571.150)

А.В. Кротов, А.К. Волкова, О.Н. Барышникова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ОСОБЕННОСТИ ВЫДЕЛЕНИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В СТРУКТУРЕ ГОРОДСКИХ ЛАНДШАФТОВ (на примере Барнаула)

Статья посвящена исследованию проблемы выделения объектов культурного наследия в рамках существующей теоретической базы, а также нормативно-правовой документации регионального, федерального и мирового уровней. Проанализированы основные положения и различия российского и мирового (на примере Конвенции ЮНЕСКО) законодательства: проведена сравнительная

характеристика терминологии по теме, а также выявлены наиболее приемлемые факторы выделения объектов культурного наследия и критерии их оценки. Дано обоснование необходимости выделения в качестве объектов наследия такой единицы, как архитектурный ансамбль. Рассмотрена необходимость сохранения объектов, представляющих историческую, культурную и эстетическую ценность в условиях современного развития городских территорий (в том числе на примере Барнаула). Обоснована необходимость присвоения отдельным архитектурным ансамблям Барнаула статуса объектов культурного наследия в соответствии с критериями ЮНЕСКО.

Ключевые слова: культурное наследие, антропогенный ландшафт, культурный ландшафт, городской ландшафт, архитектурный ансамбль.

Изучение вопросов культурного наследия в последние десятилетия приобретает все большую значимость среди специалистов самых разных областей науки. Это привело к появлению множества моделей, в рамках которых могут быть рассмотрены объекты культурного наследия. Например, с точки зрения их материальной ценности и полезности (прагматическая), их художественной ценности (эстетическая), уникальности, некоторой «парадоксальности» объектов (предметно-экзотическая), а также как достоверные источники и носители информации о прошлом (историческая) и др. [Каминский, 2009, с. 7].

Высокую актуальность носит исследование объектов культурного наследия с точки зрения градостроительства и территориальной планировки. Городская среда, как среда существования объектов наследия, является непосредственным местом обитания более чем половины человечества. Так, по оценкам ООН [Уровень урбанизации…], в 2018 г. численность городского населения мира составила 55% от общей численности, для России же этот показатель достиг 80,9% [Население России…].

Непрерывный процесс роста и развития современных городов обусловливает возникновение районов новой застройки, часто стилистически не вписывающихся в существующий архитектурный ландшафт и создающих искажение устоявшегося облика отдельных исторических частей города и даже нарушение их целостности. Такие процессы носят негативный характер не только с эстетической, но и с исторической точки зрения, поскольку возникает угроза утраты памятников архитектурного наследия, а также уникальности городского ландшафта в целом.

Необходимость сохранения объектов культурного наследия актуальна для всех уровней территориальной организации: от локального до глобального. Так, по данным Организации Объединенных Наций, из 845 объектов культурного наследия ЮНЕСКО 34 объекта находятся в опасности [World Heritage List…]. На уровне отдельных государств, а тем более городов, эта проблема еще более ощутима.

В соответствии с ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [2002, с. 5], к объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) относятся любые объекты с исторически связанными с ними территори-

ями, произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры.

Как видно из представленного определения, ведущими факторами, определяющими объект как культурное наследие, являются его ценность (с точки зрения любой модели), а также территориальная целостность. Однако мировой опыт показал, что этих двух условий недостаточно, а потому в Конвенции ООН «Об охране всемирного природного и культурного наследия» [1988, с. 5] появляется еще и третье: единство с окружающей природной средой.

Так, в соответствии с Конвенцией, понятие культурного наследия включает:

1) памятники (произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера), которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки;

2) ансамбли, единство или связь с пейзажем которых представляют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки;

3) достопримечательные места (произведения человека или совместные творения человека и природы и зоны, включая археологические достопримечательные места), представляющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии.

Критерии выделения объектов всемирного культурного наследия ЮНЕСКО [Конвенция…, 1988, с. 6–7] следующие:

I. Объект представляет собой шедевр человеческого созидательного гения.

II. Объект свидетельствует о значительном взаимовлиянии человеческих ценностей в данный период времени или в определенном культурном пространстве, в архитектуре или в технологиях, в монументальном искусстве, в планировке городов или создании ландшафтов.

III. Объект является уникальным или, по крайней мере, исключительным для культурной традиции или цивилизации, которая существует до сих пор или уже исчезла.

IV. Объект является выдающимся примером конструкции, архитектурного или технологического ансамбля, или ландшафта, которые иллюстрируют значимый период человеческой истории.

V. Объект является выдающимся примером человеческого традиционного сооружения, с традиционным использованием земли или

моря, являясь образцом культуры (или культур) или человеческого взаимодействия с окружающей средой, особенно если она становится уязвимой из-за сильного влияния необратимых изменений.

VI. Объект напрямую или вещественно связан с событиями или существующими традициями, с идеями, верованиями, с художественными или литературными произведениями и имеет исключительную мировую важность (по мнению комитета ЮНЕСКО, этот критерий предпочтительно использовать вместе с каким-либо еще критерием или критериями).

В контексте исследования акцентирование на связи с окружающей средой и выделение ансамбля в качестве объекта культурного наследия особенно важно, поскольку среди объектов культурного наследия в городской среде архитектурные ансамбли составляют преобладающее большинство.

Что касается самой городской среды, то стоит отметить, что на протяжении истории развития ландшафтоведения понятие городского ландшафта претерпело некие изменения. Поначалу многие именитые ученые отрицали существование отдельного вида городского ландшафта (как и культурного ландшафта в целом), однако в настоящее время (во многом благодаря процессам урбанизации) очевидно, что городской ландшафт – это не что иное, как объективно существующая территориальная единица, развивающаяся одновременно по законам природы и общества, а потому необходимы индивидуальные методы для его анализа [Исаченко, 1965, с. 126; Культурный ландшафт…, 2004, с. 45–49; Мильков, 2004, с. 19–20].

Так, например, по Д.А. Тимофееву, городской (или архитектурный) ландшафт – это природно-антропогенная система и культурно-экологический феномен, в котором взаимодействуют природа, человек и результаты его деятельности. В свою очередь Ф.Н. Мильков относил городской ландшафт к разряду селитебных культурных (т.е. антропогенных комплексов, регулируемых человеком и постоянно поддерживаемых им в состоянии, оптимальном для выполнения возложенных хозяйственных, эстетических и других функций).

Особенное внимание следует также уделить понятию термина «архитектурный ансамбль», играющему ключевую роль в исследовании (табл.).

При сравнении определений архитектурного ландшафта в российском и мировом законодательстве обнаруживается недостаток ФЗ «Об объектах культурного наследия…» – непринятие в расчет фактора единства с окружающей средой (в отличие от Конвенции). Таким образом, использование для выделения и оценки объектов культурного наследия в рамках Конвенции ООН выбрано как наиболее приемлемое для исследования.

Недостаточный учет вписанности архитектурных ансамблей в условия окружающей среды и их неразрывной связи приводит к уменьшению территории, включающей защитную зону памятников культуры, что вле-

чет за собой риски возникновения градостроительных ошибок. Например, появления пятен застройки непосредственно рядом с территорией, на которой находится объект наследия, влекущий за собой не только разрыв единства архитектурного полотна города, но и угрозы сохранения целостности памятника и искусственное обесценивание его облика.

Определения термина «архитектурный ансамбль»

Определение	Источник
Группа изолированных или объединенных строений, архитектура, единство или связь с пейзажем, которые представляют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки.	[Конвенция…, 1988, с. 4]
Четко локализуемая на исторически сложившихся территориях группа изолированных или объединенных памятников, строений и сооружений, в том числе фрагменты исторических планировок и застроек поселений, которые могут быть отнесены к градостроительным ансамблям; произведения ландшафтной архитектуры и садово-паркового искусства (сады, парки, скверы, бульвары), некрополи; объекты археологического наследия.	[Об объектах культурного наследия…, 2002, с. 8]
Гармоническое единство пространственной композиции зданий, инженерных сооружений (мосты, набережные и др.), произведений монументальной живописи, скульптуры и садово-паркового искусства.	[БСЭ, 1971]
Группа сооружений, объединенных между собой и с окружающей средой в общую художественную композицию, воспринимаемую как единое целое.	[Беленький и др., 1986, с. 57]
Ряд сооружений, образующих стройное целое, т.е. подчиненных единому ритму, размещенных с учетом определенных точек зрительского восприятия, масштабно и пропорционально соотнесенных друг с другом и образующих уравновешенную композицию. Ансамбль может строиться как на принципе симметрии, так и асимметрии, объединять здания одной эпохи и стиля или разностильные.	[Популярная …, 1986, с. 47].
Группа построек, объединенная художественно, функционально или исторически, которая также может включать элементы природного ландшафта.	[Плужников, 1995, с. 35]

Городской архитектурный ландшафт Барнаула, одного из старейших городов Алтайского края, сформирован единением множества органично связанных друг с другом (с функциональной, художественной и исторической точек зрения) архитектурных ансамблей. Стоит отметить, что ценность многих из них как объектов культурного наследия признана на региональном уровне. Так, в соответствии с постановлением администрации Алтайского края «Об утверждении концепции сохранения, использования, популяризации объектов культурного наследия

в Алтайском крае на период до 2020 г.» [2012, с. 9], помимо прочего, к наиболее значимым объектам культурного наследия края в Барнауле относятся такие ансамбли, как:

1) комплекс зданий и сооружений Барнаульского сереброплавильного завода XVIII–XIX вв.;

2) ансамбль Демидовской площади с обелиском, посвященным 100-летию горного дела на Алтае;

3) ансамбль площади Октября;

4) ансамбль площади Советов;

5) ансамбль проспекта Ленина;

6) ансамбль проспекта Строителей.

Особенности исторического развития города и длительная (в рамках истории Сибири) история его существования, а также многовековая роль Барнаула как одного из важнейших центров развития сибирского пространства обусловливают возможность и правомерность использования отдельных критериев Конвенции ЮНЕСКО [Небольсин, 1849, с. 305] для оценки городской архитектурной среды и отдельных архитектурных ансамблей. На основании вышеупомянутых критериев предложено присвоить отдельным архитектурным ансамблям Барнаула, например, ансамблю сереброплавильного завода, статус объекта наследия.

Выбор Барнаульского сереброплавильного завода не случаен и основан не только его статусом краевого наследия, но и существованием аналогичных объектов ЮНЕСКО горнопромышленной специализации [World Heritage List…]. Сам заводской ансамбль соответствует критериям конвенции II (доказательство взаимовлияния человеческих ценностей на планировку городов), IV (иллюстрирует значительный этап в истории человечества) и VI (связан с определенными идеями и имеет исключительную важность). Данное положение уже было вынесено и обосновано авторами [Волкова, Барышникова, 2018]. Примечательно также, что все историко-культурные объекты горнопромышленной специализации, выделенные ООН, также соответствуют одному или нескольким из перечисленных критериев.

Кроме того, предлагается выделить в качестве перспективного объекта наследия архитектурный ансамбль «городок текстильщиков», также соответствующий II и VI Конвенции [Волкова, Барышникова, 2017].

Выводы:

1) на основании анализа существующих нормативно-правовых документов в области сохранения культурного наследия критерии Конвенции ЮНЕСКО признаны наиболее универсальными и приемлемыми для выделения и оценки объектов культурного наследия (в том числе на городском уровне);

2) на территории Российской Федерации (в том числе и на уровне городов) существует необходимость выделения такой категории наследия, как ансамбль;

3) необходимость сохранения уникальных городских ландшафтов обусловливает закрепление за отдельными участками городской среды статуса архитектурного ансамбля (в соответствии с критериями Конвенции ЮНЕСКО).

Библиографический список

Беленький М.Е., Визирян Г.В. и др. Терминологический словарь по строительству на 12 языках. М., 1986. 2953 с.

Большая советская энциклопедия: [в 30 т.]. 3-е изд. / гл. ред. А.М. Прохоров. М., 1969–1978.

Волкова А.К., Барышникова О.Н. Применение критериев конвенции ЮНЕСКО для оценки культурных ландшафтов г. Барнаула (на примере «городка текстильщиков») // Технологии и оборудование садово-паркового и ландшафтного строительства: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. Красноярск, 2017. С. 81–85.

Волкова А.К., Барышникова О.Н. Применение критериев конвенции ЮНЕСКО для оценки культурных ландшафтов г. Барнаула (на примере архитектурного ансамбля сереброплавильного завода) // Социально-экономическое развитие региона: тенденции, ведущие драйверы и угрозы: тез. докл. Всерос. междисцип. науч.-прак. конф. / отв. ред. Д.А. Дирин / Алт. гос. ун-т. Барнаул, 2018. С. 141–144.

Исаченко А.Г. Основы ландшафтоведения и физико-географического районирования. М., 1965. 328 с.

Каминский С.Ю. Актуализация археологического наследия в современных социально-культурных практиках. Екатеринбург, 2009. 26 с.

Конвенция об охране всемирного природного и культурного наследия // Собр. Законодательства СССР. 1988. №8595-XI (9 марта). Ст. 1.

Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.; СПб., 2004. 620 с.

Мильков Ф.Н. Учение об антропогенных ландшафтах: вопросы теории, терминологии и преподавания в высшей школе // Вестник ВГУ. Сер.: География. Геоэкология. 2004. №1. С. 19–23.

Население России [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8. Загл. с экрана.

Небольсин П.И. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул // Отечественные записки. 1849. №12. С. 303–312.

Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: [Федер. закон; принят Гос. Думой 25.06.2002] // Собрание законодательства Российской Федерации. М., 2002. №26. Ст. 2519.

Об утверждении концепции сохранения, использования, популяризации объектов культурного наследия в Алтайском крае на период до 2020 г.: Постановление Администрации Алтайского края от 26.05.2010 №228 // Алт. правда. 2012. №173.

Плужников В.И. Термины российского архитектурного наследия: словарь-глоссарий. М., 1995. 160 с.

Популярная художественная энциклопедия: в 2-х т. / под ред. В.М. Полевой. М., 1986. Т. 1. 476 с.

Уровень урбанизации мира [Электронный ресурс]. URL: https://theworldonly.org/uroven-urbanizatsii-mira/. Загл. с экрана.

World Heritage List [Электронный ресурс]. URL: http://whc.unesco.org/en/list/. Загл. с экрана.

A.V. Krotov, A.K. Volkova, O.N. Baryshnikova

Altai State University, Barnaul, Russia

FEATURES OF CULTURAL HERITAGE OBJECTS ALLOCATION IN THE STRUCTURE OF URBAN LANDSCAPES (on the example of Barnaul)

The article is devoted to the problem of choosing and saving objects of cultural heritage within the existing theoretical framework, and regulatory documents of regional, federal and world levels. The analysis is given to the main provisions and differences of Russian and world legislation (using the example of the UNESCO Convention). A comparative description of the terminology is carried out, and the most acceptable factors for identifying cultural heritage sites and the criteria for their evaluation are identified. The authors justify the necessity to select such a unit as an architectural ensemble as objects of heritage; consider the necessity to preserve objects of historical, cultural and aesthetic value in the conditions of modern development of urban areas (including the example of Barnaul). The necessity of assigning the status of cultural heritage sites to individual architectural ensembles of the city of Barnaul in accordance with the UNESCO criteria has been demonstrated.

Key words: cultural heritage, anthropogenic landscape, cultural landscape, urban landscape, architectural ensemble.

УДК 165+141.33

А.В. Кротов[1], М.В. Мелёхина[2], В.А. Мелёхин[2]

[1]Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
[2]Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, Барнаул, Россия

ЭЗОТЕРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ МЕТОДОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Статья посвящена исследованию методологической проблемы социального изучения культурного наследия с учетом и/или посредством эзотерического знания. Показана роль и значение эзотерического знания в рамках более широкого понимания окружающего мира. Эзотерические системы берут свое начало с самых истоков человеческой цивилизации и духовно и культурно связаны с практическим ежедневным опытом существования человека. Прослеживается некоторая связь между религиозным мировоззрением в буддизме, например, и мистическими практиками. Рассматривается в этой религии мистический контекст картины мира. Дается представление о мире, который конструируется через мифы религией. Проанализирована роль восточной медитативной традиции в исследовании внутреннего мира человека. Охарактеризованы основные практики эзотерического знания. Утверждается, что об эзотерическом знании нужно говорить как о некоем протонаучном этапе становления познавательной теории и практики. Авторы проводят аналитическую работу в статье с позиции

диалектического материализма. В качестве вывода утверждается мысль о признании эзотерического знания важной частью целостного понимания культурного наследия человечества.

Ключевые слова: культурное наследие, эзотерическое знание, религия, миф, культура, картина мира.

Термин «эзотерика» понимается в этимологии своего значения довольно широко, а в греческом звучании трактуется как «внутренний», «скрытный», поэтому его из-за своей многозначности следует перевести в социологический аспект анализа. Для этого авторы вынуждены сослаться на авторитет М. Вебера, который полагал, что «мистическое знание… является практическим знанием». По своей сущности оно, скорее, – «обладание», исходя из которого возможно новое практическое ориентирование в миру, а при известных обстоятельствах и новое коммуникативное познание [Вебер, 1994, с. 205].

Эзотерическое знание в значительной степени психологично, что является одним из его видовых признаков. В свою очередь эзотерическое знание несет в себе признаки системного содержания и анализа, когда знание есть материально-логическое содержание опыта, конкретизирующее всякий раз его использование, его проявление в решении конкретной же задачи (удовлетворении конкретной потребности) [Карташев, 1995, с. 56].

В этом смысле авторы исходят из марксистской посылки о принципе единства теории и практики, связанной с проблемой познания в целом. Когда знания человека о природе приносят практическую пользу; различные теории материи «работают» лишь в том смысле, что приносят конкретные результаты, которыми может воспользоваться человек.

Эзотерические системы знаний, используемые достаточно ограниченным числом адептов, существовали практически во всех культурах мирового сообщества. Осуществлялась посылка: «внешнее – отражение внутреннего» или «познай себя – и познаешь весь мир», что согласуется с теориями номинализма и реализма в социологии.

Принимая во внимание положения социологии культуры, определимся, что в отношении анализа эзотерического знания исходим из того, что используется «направление теоретического исследования, применяющего методологию и аналитический аппарат культурной антропологии, социологии и философии культуры и ставящее своей целью обнаружение и анализ социокультурных изменений» [Ионин, 1998, с. 16].

Контекстуально, в качестве предметных характеристик, речь может идти об индийской йоге, суфистских практиках, таинствах масонских орденов, магии «вуду» и др.

Эзотерические системы в культурно-генетических истоках своего становления духовную основу находят в религиозном мировоззрении, в частности в буддизме. В этой религии синтетически совмещаются мистический и религиозный контексты картины мира.

В мифах, с одной стороны, отражались магия, обряды, суеверия и т.п., а с другой – нравственные нормы, социальный опыт и память. Эти представления о мире консервируются религией и составляют мистико-религиозную картину мира, безраздельно господствующую в мифолого-художественном сознании первобытного человека.

Замкнутость мифологической системы подтверждалась циклическими изменениями в природе (синхронизация), обеспечивающими историческое время (диахрония) и свидетельствующими о неизменности и повторяемости всего в мире [Капитонов, 2000, с. 21].

Инструментарием практико-ориентированного познания эзотерического учения в восточной традиции является медитация, суть которой в исследовании внутреннего мира человека, который сотворен по образу и подобию мироздания. Медитирующий субъект ищет освобождение от своих желаний и пороков, получая «независимость», «власть» над ними, тем самым повышая собственную «осознанность», приводящую человека к эволюции духовного становления.

В этом смысле медитирующий человек действует в канонах понимающей социологии В. Дильтея, М. Вебера, отчасти Г. Зиммеля, П. Сорокина и др., когда человек в свои действия вкладывает субъективный смысл познания социальной действительности.

В западной эзотерической традиции на основе иудейской религии оформилась «каббала – наука о душе и о Боге, во всех их соотношениях. Она учит и доказывает, что всё заключается в одном и одно во всём; позволяя, благодаря аналогии, восходить от образа к принципу или от принципа опускаться к форме» [Папюс, 1993, с. 163], когда вчеловеке высшим миром будет дух или бессмертное существо, – пользующееся сознательной нервной системой; жизнь или жизненное начало – пользующееся симпатической нервной системой и кровеносными сосудами – представит средний мир и, наконец, тело – поддерживающее и обновляющее все материальные вещества – будет изображать мир низший [Папюс, 1993, с. 165].

Названное триединство каббалистического знания аналогизируемо с подходами и оценками социологии, когда речь также идет о трехуровневом анализе социологического знания в традиции Р. Мертона [2006, с. 64–104]:

– общесоциологические концепции (марксизм, структурно-функциональный анализ, интегрализм и др.);

– социологические теории среднего уровня (социология религии, социология образования, экономическая социология и др.);

– эмпирико-прикладные, конкретные социологические исследования.

Общепризнанный в научном смысле метод аналогии используется в практиках западной традиции магии (заклинания, применение предметов силы) как идея символизма, который в свою очередь сопоставим в методологическом основании с социологическим, символическим ин-

теракционизмом. Это – теоретико-методологическое направление современной социологии и социальной психологии, сосредоточивающиеся на анализе социальных взаимодействий преимущественно в их символическом содержании, особенно в языке – главного символического принципа взаимодействия (Д. Мид, Г. Блумер, Т. Шибутани, М. Кун и др.).

Сопоставимость конкретно-социологического уровня в эмпирической социологии видится в анализе практик, которые своеобразно трактуются представителями европейского эзотерического знания, которое содержит при традиционном научном подходе, скорее, *околонаучный смысл: оккультизм, алхимия, астрология, магия, психургия.*

Практики эзотерического знания неотождествимы с конкретно-социологическими, конкретно-политическими, культурологическими исследованиями. Например, рассмотрим аннотацию на книгу Б.М. Моносова «Большая книга практической магии. Техника огненного шара. Файербол» [2016, с. 4]: «Специальные упражнения, заклинания; работа с энергиями, активизация арканов Таро помогут вам овладеть скрытыми в вас способностями, научат управлять энергетическими потоками, считывать информацию из тонкого мира, воздействовать на ситуации и конкретных людей, исполняя свои желания и создавая мир, в котором вы хотите жить…» «Психопрактики являются неотъемлемым культурным феноменом, присущим человечеству на всех этапах его развития… рассмотрены такие вопросы, как место измененных состояний сознания в культуре и религии, роль религии в формировании и поддержании социотипа, культурное значение эзотерических практик» [Сафронов, 2010, с. 4].

Заявленная тема статьи, основанная на характеристике эзотерического и социального знания, исходит из того, что оба вида познания являются обращением к культурному наследию человеческого знания. Названные виды знания следует понимать как сумму всех культурных достижений общественной жизни, его исторический опыт, сохраняющийся в арсенале общественной памяти, когда процесс познания внутреннего и внешнего мира человека развивается в процессе эволюции научного знания. Об эзотерическом знании можно говорить как о протонаучном этапе становления познавательной теории и практик, лежащих в познании внутреннего мира человека и способности влиять собственными мыслями на судьбу человека, не сводящегося к психологическому, психоаналитическому и психиатрическому подходам. Иначе, каким образом можно объяснить, что на борт самолета не являются пассажиры в случае авиационной катастрофы, в процентном отношении превышающие количество отказавшихся от полета, когда авиационные рейсы протекали нормально.

Стоит заметить, что, конечно, трудно объяснимы с точки зрения официальной науки явления экстрасенсорики: предсказания событий будущего, «видение» прошлого и настоящего не знакомых экстрасенсу людей, а также явления деструктивного магического воздействия на человека, таких как порча, сглаз, проклятие, или конструктивного: «мате-

риализация мыслей», воплощение мечты средствами иррационального, не объяснимого с точки зрения науки, характера.

Практически у каждого народа испокон веков существовали свои языческие культы. Например, славянское язычество на Руси, викканство в европейских странах, магия «вуду» в Африке и т.д. (см. более подробно: [Казаков, 2016; Саргасян, 2017]).

Мистические практики в языческих традициях основаны на культе веры предков, на идее многобожия, идее обожествления сил природы, особом уважении ко всей массе стихий.

Однако в течение эволюции человечества языческие традиции утратили свою значимость, уступив место религии. Однако неоязычество успешно развивается, возрождает забытые традиции предков. На основе языческих традиций в настоящее время существует магия стихий, деревенская магия, ритуалика.

Названные научные подходы в изучении внутреннего мира являются релятивистским пределом познания личности. Диалектический материализм, а именно этой методологии придерживаются авторы, признает относительность познания в том смысле, что каждая историческая ступень познания ограничена данным уровнем развития производительных сил и уровнем современной науки.

Эзотерические знания находятся во взаимодействии психологических и духовных переживаний, неотделимых от внешних факторов анализа социальной жизни.

Методология эзотерического знания и практик является подсистемным аспектом целостного понимания культурного наследия человечества, а именно методологии научного познания мира в целом, вне зависимости от того, о каких науках идет речь: от социогуманитарных до дисциплин естественнонаучного цикла.

Библиографический список

Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий. Введение // Избранное. Образ общества. М., 1994. 704 с.

Ионин Л.Г. Социология культуры: учеб. пособие. 2-е изд. М., 1998. 278 с.

Казаков В.С. Мир славянских богов. М., 2016. 240 с.

Капитонов Э.А. История и теория социологии: учеб. пособие для вузов. М., 2000. 368 с.

Карташев В.А. Система систем: очерки общей теории и методологии. М., 1995. 325 с.

Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. С. 64–104.

Моносов Б.М. Большая книга практической магии. Техника огненного шара. Файерболл. М., 2006.

Папюс. Первоначальные сведения по оккультизму. М., 1993. 271 с.

Саргасян А. Круг года: викканские праздники, их атрибуты и значение. СПб., 2017. 304 с.

Сафронов А.Г. Психопрактики в мистических традициях от архаики до современности: монография. Харьков, 2010.

A.V. Krotov[1], M.V. Melekhina[2], V.A. Melekhin[2]

[1]Altai State University, Barnaul, Russia;
[2]Polzunov Altai State Technical University, Barnaul, Russia

ESOTERIC KNOWLEDGE AS AN ELEMENT OF THE METHODOLOGY OF SOCIAL STUDY OF CULTURAL HERITAGE

The article is devoted to the study of the methodological problem of the social study of the cultural heritage, with the use of esoteric knowledge. The role and significance of esoteric knowledge within the framework of a broader understanding of the surrounding world is shown. Esoteric systems takes origins from the very beginning of human civilization and are spiritually and culturally associated with daily experience of human existence. There is some connection between the religious worldview in Buddhism and mystical practices. This religion deals with the mystical context of the worldview. The article gives the vision of the world that is constructed through myths by religion; analyzes the role of the eastern meditative tradition in inner world of the man; characterizes the main practices of esoteric knowledge. It is argued that esoteric knowledge should be considered like a kind of protoscientific stage in the development of cognitive theory and practice. The authors carry out analytical work in the article with the usage of dialectical materialism. In conclusion, the idea of recognizing esoteric knowledge as an important part of a holistic understanding of the cultural heritage of humanity is approved.

Key words: cultural heritage, esoteric knowledge, religion, myth, culture, worldview.

УДК 902(571.1/.5)

Н.А. Кузнецов

МАУК Музей-заповедник «Кузнецкая крепость», Новокузнецк, Россия

ОБ ОДНОЙ ИЗ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ ЮЖНОЙ СИБИРИ

По материалам исследований в Кузнецкой котловине, погребальный обряд верхнеобской культуры включал в себя несколько этапов, одним из которых являлось длительное хранение тела умершего до полного его разложения, перед кремацией. Таким этапом выступал обычай «воздушного погребения», следы которого фиксируются у народов Саяно-Алтая вплоть до начала XX в. Такое открытое погребение имеет явное сходство с зороастрийскими ритуалами. Внешнее сходство с зороастрийскими традициями позволило средневековым арабским географам говорить об «огнепоклонниках» на Иртыше. Однако совершенно невозможно напрямую связывать погребальные обряды, включающие кремацию костей умершего человека с зороастрийскими традициями, где такое обращение с огнем считается большим грехом. Их объединяет только «подготовительный этап», когда останки человека отдавали на съедение птицам и насекомым. Зороастрийская идеология, возможно, оказала некоторое влияние на мировоззрение тюрков Южной Сибири, но, в целом, это совершенно иная традиция.

Ключевые слова: верхнеобская культура, зороастризм, кремация, воздушные погребения, Южная Сибирь.

Погребальный обряд верхнеобской культуры удивительно сложен. Долгое время считалось, что погребальным обрядом этих племен были кремация на стороне и захоронение в могиле пепла сожженного человека. Однако по деталям погребений в Кузнецкой котловине удается проследить, что обряд был сложнее. Очевидно, что количество пепла сожженного человека в захоронениях резко не соответствует количеству пепла, который должен оставаться от кремации тела. Количество пепла в погребении может колебаться от нескольких килограммов до нескольких граммов. Это обусловлено как тем, что сжигалось не тело, а освобожденные от мягких тканей кости, так и тем, что кости, возможно, до кремации доходили не в полном составе. В некоторых случаях удалось проследить, что в погребения вместе с остатками кремации попадали не побывавшие в огне отдельные кости, которые, по-видимому, были собраны с места воздушного погребения позже огненной церемонии, но до церемонии сооружения кургана. Также фиксируется разная сохранность элементов одежды, что позволяет утверждать, что часть одежды погребенного человека была сожжена, а часть в огне не была.

Без сомнения, погребальный обряд включал в себя несколько этапов, одним из которых являлось длительное хранение тела умершего перед кремацией. Таким этапом выступал обычай «воздушного погребения», следы которого фиксируются в Южной Сибири вплоть до начала XX в.

В.М. Кимеев, ссылаясь на сведения Вербицкого и Дыренковой, пишет, что шорцы до распространения православия, вместо гроба, тело покойника зашивали в кусок кендыря или в пластину бересты и подвешивали в ветвях кедра или оставляли на специальном помосте, установленном на четырех столбах. Еще в начале XX в. встречались детские воздушные захоронения в деревянном ящике, укрепленном прутьями или веревками на дереве. При наземном захоронении долбленый гроб оставляли в лесу и заваливали валежником или делали на поверхности сруб, куда помещали тело умершего с вытянутыми вдоль тела руками и прикрывали сруб куском бересты [Кимеев, Копытов, 2018, с. 440].

Этот же ритуал, очевидно, зафиксирован на карте Дженкинсона. Многократно издававшаяся разными издателями карта «Руссии, Московии и Тартарии» 1562 г., составленная Дженкинсоном, содержит очень любопытные сведения. Следует указать, что Энтони Дженкинсон был первым полномочным послом Британской короны в России и более того, ему было поручено найти путь в Китай через Сибирь. Дженкинсон даже предпринял путешествие в Бухару в рамках поиска пути в Китай. Поэтому его карта заслуживает определенного доверия. Самый «северо-восточный» участок карты занимают «Колмаки» (Colmack). Рядом с территорией «колмаков» находится изображение деревьев, увешанных людьми. Подпись на латыни сообщает, что «народ киргизский живет толпами, т.е. в ордах… Когда кто-нибудь из них умирает, то вместо погребения его вешают на дерево».

Традиция вешать умерших на деревья фиксируется на значительной части Северной Азии. Синь Тан Шу отмечает этот обычай у киданей. Идес и Брандт указывают на существование такого обычая у тунгусов. Многочисленные мусульманские компиляторы приводят сведения о том, что кыргызы не хоронят своих умерших, а вешают их на деревья.

Мы считаем, что сведения арабских и персидских географов об огнепоклонниках среди тюркских племен являются как раз объяснением подобных погребальных церемоний. Например, Ал-Идриси сообщает: «Кимаки – народ большой, многочисленный, они – маги, поклоняются огню. Среди них есть зиндики [манихеи]» [Кумеков, 2018, с. 111].

Страну кимаков по Ал-Идриси достаточно легко локализовать – это Верхний Иртыш, а более узко – территория Алтайских предгорий, Обь-Иртышское междуречье. Территория, которая входит в единую историко-культурную зону с Кузнецкой котловиной. «Маги» – огнепоклонники, или зороастрийцы, действительно, пытались проповедовать свою религию среди тюрков. Известно, что в ставке тюркских каганов на Орхоне присутствовали миссионеры-проповедники из Ирана. Но никак нельзя напрямую связывать погребальные обряды, включающие кремацию костей умершего человека, с зороастрийскими традициями, где такое обращение с огнем считается страшным грехом. Их объединяет только «подготовительный этап», когда останки человека отдавали на съедение птицам и насекомым. Очевидно, именно эта стадия погребального обряда зафиксировалась на Северном Алтае как традиция «вешать умерших на деревья».

После того, как птицы и животные освобождали кости от мягких тканей, их собирали и сжигали на сильном огне. Кальцинированные кости (пепел) хоронили в кургане. Дно ямы выстилали вареной берестой, укрепляли деревянной рамой. Возможно иногда, подобно таштыкским погребальным традициям, пепел зашивали в куклу, имитирующую тело человека, потому что некоторые могильные ямы выкапывались по размеру тела, а сопроводительный инвентарь расположен аналогично тому, как он мог быть расположен при захоронении по обряду ингумации. Однако фиксируется в погребениях и пепел в берестяном туеске, и равномерно рассыпанные кальцинированные кости по площади могильной ямы. Пепел помещали в могилу вместе с вещами покойного. Часть металлических деталей имеет следы сильного огня (бронза плавится, костяные изделия сгорают), а часть аналогичных предметов, например, половина поясных накладок, в огне не были. На краю могилы совершались какие-то ритуалы, о чем свидетельствуют угольки, зубы лошади, следы деревянных столбиков. Таким образом, прослеживается некоторое внешнее сходство с зороастрийскими традициями, что позволило мусульманским географам говорить об «огнепоклонниках» на Иртыше.

Библиографический список

Кимеев В.М., Копытов А.И. Горная Шория: История и современность: историко-этнографические очерки. Кемерово, 2018. 600 с.

Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972. 153 с.

N.A. Kuznetsov

"Kuznetsk Fortress" Museum-Reserve, Novokuznetsk, Russia

ABOUT ONE OF THE FUNERAL TRADITIONS OF SOUTH SIBERIA

The burial rite of Verhneobskaya culture included several stages, one of which was the long-term storage of the body of the deceased until its complete decomposition. This stage was the practice of "air burial", the traces of which are recorded among the peoples of Sayano-Altai until the beginning of the 20th century. Such "air burial ritual" has a clear resemblance to the Zoroastrian rituals. The external similarity with the Zoroastrian traditions allowed the early Muslim geographers to speak about the "fire worshipers" on the Irtysh region. However, we cannot directly associate funeral rites, including cremation of the bones of a deceased person, with Zoroastrian traditions, where such handling of fire is considered a great sin. They are united only by the "preparatory stage", when human remains were given to be eaten by birds and insects. Zoroastrian ideology may have had some influence on the worldview of the Siberian Turks, but in general, this is a completely different tradition.

Key words: Verkhneobskaya culture, Zoroastrianism, cremation, air burials, South Siberia.

УДК 902«631/634»(571.150)

А.Л. Кунгуров

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

НОВЫЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ КАМЕННОГО ВЕКА В АЛТАЙСКОМ РАЙОНЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

В последние годы в Алтайском районе Алтайского края были зафиксированы три новых местонахождения каменного века, расположенные в долинах рек Сараса (пещеры Пролетарка и Большая Кыркалинская) и Каменка (Нижнекаменская Сопка-4). Все археологические находки обнаружены в ходе экскурсионных маршрутов. Основные исследования в Алтайском районе в последние годы проводились, преимущественно, в долине Катуни, а работы в окрестностях сел Алтайское и Нижнекаменка не проводились [Кунгуров, 2004]. Вместе с тем данный регион чрезвычайно перспективен для поиска и изучения памятников различных хронологических периодов. Это подтверждается находками, анализу которых посвящена настоящая статья. Нижнекаменская Сопка-4 обнаружена выпускником АлтГУ Д.С. Раднером в 2007 г. В пещерах Большая Кыркылинская и Пролетарская артефакты обнаружены автором при осмотре их особенностей в 2008 г.

Ключевые слова: Алтайский район, пещера, стоянка, скол, отщеп, керамика, галерея.

Три памятника с каменными изделиями обнаружены в Алтайском районе Алтайского края в ходе экскурсионного осмотра участков долины Каменки и посещения пещер на р. Сараса в 2007–2008 гг.

В физико-географическом районировании долины Каменки (левый приток Катуни, длина водотока 110 км) и Сарасы (правый приток Каменки, длина водотока 37 км) относятся к Сарасинскому району северо-западной Алтайской провинции Алтайской области страны Горы Южной Сибири. Долины Каменки и Сарасы разделяют северо-западные отроги Семинского хребта и северо-восточные склоны Чергинского хребта.

Нижнекаменская Сопка-4. 52°01′27.63″ с.ш.; 85°22′45.41″ в.д. Высота – 259 м над у.м., 9–12 м над уровнем поймы Каменки. Нижнекаменская сопка, сложенная интрузивными девонскими образованиями (граниты, адамелиты) и перекрытая чехлом суглинков и супесей, является северо-западной оконечностью Семинского хребта. Здесь распространены низкогорные эррозионно-денудационные степные ландшафты. Представлены слаборасчлененные пологосклонные низкогорья с покровом дефлюкционных и делювиальных суглинков с разнотравно-злаковыми луговыми степями и остепненными лугами на горных выщелоченных черноземах. В долинах рек ландшафты недренированные (гидроморфные) луговые. Распространены пойменные песчано-галечниковые террасы с разнотравно-злаковыми лугами и кустарниковыми зарослями боярышника и жимолости, иногда с тополевыми приречными лесами на слоистых аллювиальных почвах [Алтайский край, 1978].

На Нижнекаменской сопке, имеющей высоту 475 м над у.м., в начале 2000-х гг. были обнаружены три стоянки конца палеолитической эпохи – начала мезолита, отражающие какие-то аспекты охотничьей инфраструктуры региона, так как они находятся на вершине горы в месте, непригодном для проживания, но удобном для проведения охоты (рис. 1) [Кунгуров, Раднер, 2003].

Цокольный мыс, выделенный небольшими водотоками, берущими начало в распадках возвышенности, частично разрушен на окончании оползнем. В осыпи были подняты 11 каменных артефактов из черного и темно-серого кварцита: мелкий вторичный отщеп, пять пластинчатых сколов и пять орудий. Все предметы изготовлены из среднеокатанных валунов, подобранных древними мастерами камнеобработки в аллювии Каменки, о чем свидетельствуют остатки внешней поверхности отдельностей на четырех артефактах. Сколы представлены средними (рис. 2.-*3, 4*), крупными (рис. 2.-*2, 5*) пластинчатыми отщепами и крупным реберчатым сколом (рис. 2.-*1*). Все изделия достаточно массивны, один из сколов имеет признаки архаичной технологии расщепления – подтреугольные очертания, продольную изогнутость и остаток фасетированной ударной площадки на проксимальном торце (рис. 2.-*5*). Орудия представлены сколами с ретушью средних (рис. 2.-*10*) и крупных (рис. 2.-*6*)

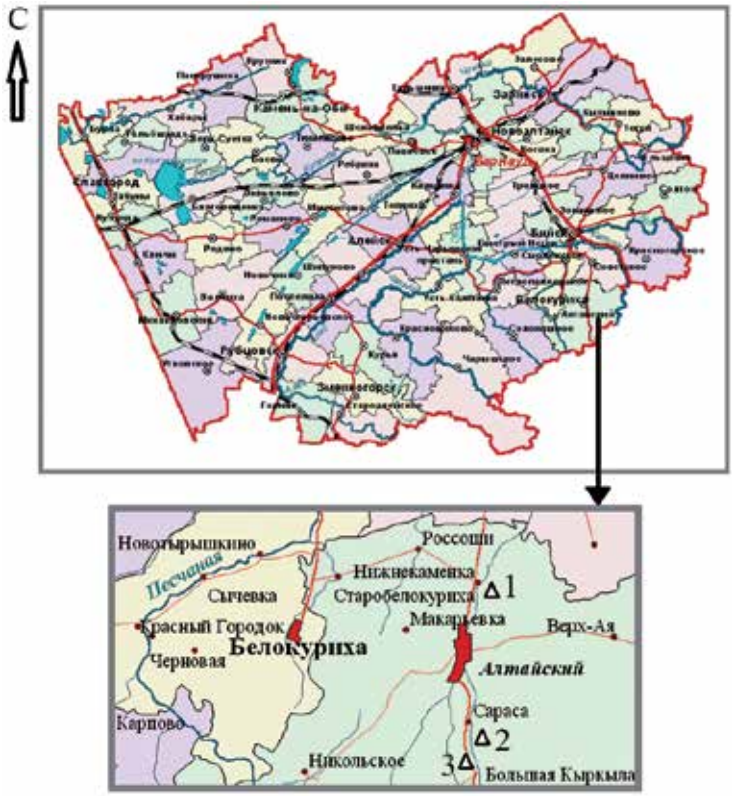


Рис. 1. Расположение новых памятников каменного века в Алтайском районе Алтайского края: *1* – Нижнекаменская Сопка-4; *2* – пещера Пролетарская; *3* – пещера Большая Кыркылинская

размеров, обломком бифаса, обушковым и зубчато-выемчатым изделиями. Обломок двусторонне обработанного орудия – фрагмент довольно крупного, видимо, рубящего инструмента, расколовшегося по внутренней трещине, инициировавшейся во время его использования (рис. 2.-*8*). Орудие-нож имеет уплощенные боковые плоскости без видимых признаков характера стороны скола (подобные формы исследователи иногда именуют «бивентральными» или скол типа комбева) и искусственно оформленным поперечным раскалыванием обушком, который дополнительно выровнен уплощающими сколами с одного из углов. Режущая кромка, сформированная сходящимися плоскостями, не обработана, но несет заметные следы утилизации в виде двусторонних микровыщерблин (рис. 2.-*9*). Для изготовления зубчато-выемчатого изделия была использована расколотая угловатая слабоокатанная отдельность или скол

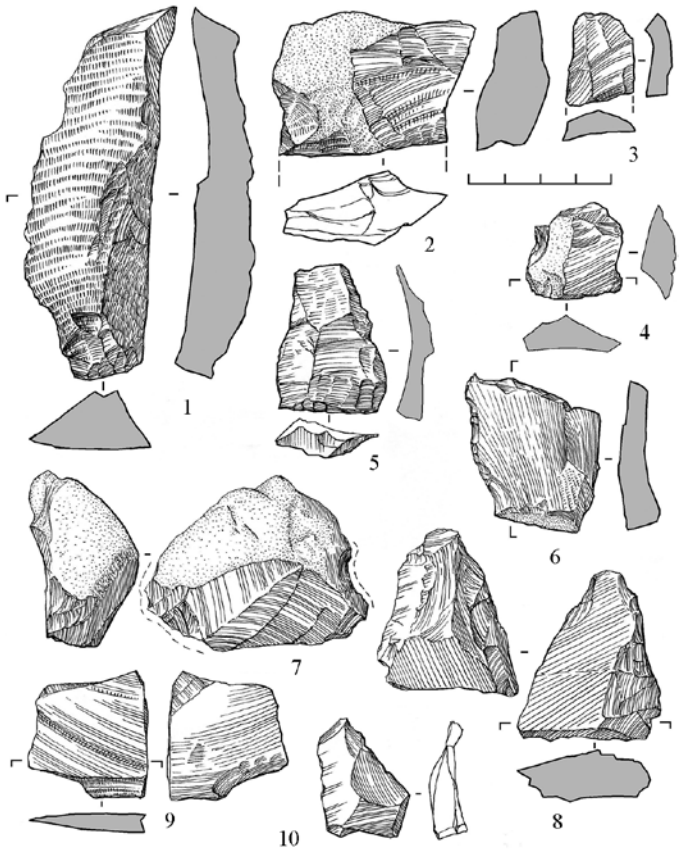


Рис. 2. Каменные изделия со стоянки Нижнекаменская Сопка-4

с неровного валуна. Рабочие кромки выделены на противолежащих проксимальным кромках заготовки, сохраняющей на дорсале валунную корку. Левый представляет собой анкош (оформляющий скол нанесен с вентрала) с доработкой крутой ретушью (рис. 2.-*7*). Правый – угловатое зубчатое лезвие, сформированное аккуратными сколами, удаляющими валунную поверхность.

Общий облик комплекса позволяет отнести его к верхнепалеолитическому времени. Ближайшими стоянками, имеющими подобный облик каменной индустрии, включающей в себя обушковые, зубчато-выемчатые формы и бифасы, характерные для нижнекатунской культуры, являются Ульяновка-3 в окрестностях Белокурихи [Кунгуров, Папин, Федорук, 2018] и комплекс памятников, расположенный севернее в Советском районе (Урожайная, Талицкая) [Кунгуров, 2015].

Большая Кыркылинская. 51°46′10.32″ с.ш.; 85°20′56.75″ в.д. Высота – 659 м над у.м. (около 200 м над урезом реки). Долина Сарасы пересекает массивы известняков различного возраста. Ландшафты низкогорные эррозионно-денудационные лесные. Распространены слаборасчлененные пологосклонные низкогорья с покровом дефлюкционных и делювиальных суглинков с осиново-березовыми и лиственнично-березовыми лесами на горно-лесных темно-серых почвах с разнотравно-злаковыми кустарниковыми луговыми степями на горных черноземах.

Памятник природы краевого значения пещеры Кыркылинские расположены в окрестностях с. Большая Кыркыла Алтайского района, по левому берегу Сарасы, в 4,5 км выше с. Пролетарка (рис. 1). Это две близко расположенные пещеры – Большая и Малая Кыркылинские. Они находятся на левом берегу Сарасы, вблизи с. Кыркыла, на северном склоне безымянной горы: Большая Кыркылинская – в 40 м от вершины, Малая Кыркылинская – в 50 м к востоку-северо-востоку от Большой. Вход в Большую Кыркылинскую пещеру имеет треугольную форму шириной 7 м, высотой 4 м и обращен на север. Сама пещера представляет собой галерею длиной 90 м с достаточно большими расширениями и высоким залом в конце [Вистингаузен, 1998]. При описании карстового объекта В.К. Вистингаузен отмечал, что археологических находок в пещере неизвестно, однако там встречается большое количество костей ископаемых животных. В отвале шурфа Н.Д. Оводова 1973 г., расположенного в освещенной предвходовой части, автором обнаружена керамика без орнамента и пять мелких вторичных отщепов. Характер керамики – светло-коричневый ангоб; плотное однородное тесто с добавлением песка и мелкодробленого шамота, качественный, возможно восстановительный, обжиг позволяют предположить ее датировку ранним железным веком. Отщепы темно-серого кварцита как-либо достоверно идентифицировать нельзя.

Пролетарская. 51°48′36.40″ с.ш.; 85°21′20.21″ в.д. Высота – 431 м над у.м. Расположена на северной окраине с. Пролетарка, на западном склоне горного хребта, на высоте 25–30 м от уровня Сарасы по ее правому берегу. Пещера хорошо заметна с дороги Алтайское–Черга, проходящей по левому берегу реки. Вход в пещеру широкий, затем постепенно сужается и через 10 м переходит в коридор высотой 3 м. Коридор также постепенно сужается, и в его конце пещера разветвляется на два узких лаза диаметром 30–40 см. Общая длина пещеры – 60 м [Вистингаузен, 1998]. На поверхности в предвходовой части пещеры при ее осмотре в 2006 г. собраны керамика, аналогичная находкам в Большой Кыркылинской, и мелкие вторичные отщепы без обработки.

Библиографический список

Алтайский край: атлас. М., 1978. 222 с.

Вистингаузен В.К. Природно-исторические пещерные памятники Алтайского района // В предгорьях Алтая: очерки истории и культуры. Барнаул; Алтайское, 1998. С. 35–62.

Кунгуров А.Л. Палеолитическая стоянка Урожайная в предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2015. Вып. XXI. С. 133–141.

Кунгуров А.Л., Папин Д.В., Федорук А.С. Коллекция каменных изделий поселения Ульяновка-3 // Теория и практика археологических исследований. 2018. №1 (21). С. 17–23.

Кунгуров А.Л., Раднер Д.С. Разведочные работы в левобережье Нижней Катуни // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2003. Т. IX, ч. 2. С. 392–395.

A.L. Kungurov

Altai State University, Barnaul, Russia

NEW LOCATIONS OF THE STONE AGE IN THE ALTAI DISTRICT OF THE ALTAI TERRITORY

In recent years, three new Stone Age sites have been recorded in the Altai District of the Altai Territory, located in the valleys of the Sarasa rivers (Proletarka and Bolshaya Kyrkylinskaya caves) and Kamenka (Nizhnekamenskaya Sopka 4). All archaeological finds were discovered during excursion routes. The main research in the Altai district in recent years was carried out mainly in the Katun river valley, while in villages Altaiskoye and Nizhnekamenka neighborhood no excavations were carried out [Kungurov, 2004]. At the same time, this region is extremely promising for searching and studying the sites of various chronological periods. This fact is confirmed by the findings, the analysis of which the present article is devoted to. Nizhnekamenskaya Sopka 4 discovered by a graduate of AltSU D.S. Radner in 2007. The author discovered artifacts in Bolshaya Kyrkylinskaya and Proletarskaya caves while checking their features in 2008.

Key words: Altai district, cave, camp, secondary flake, flake, ceramics, gallery.

УДК 903.226(571.150)

А.Л. Кунгуров, С.П. Грушин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

НАХОДКА БРОНЗОВОГО КИНЖАЛА ИЗ ЦЕЛИННОГО РАЙОНА АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Статья посвящена публикации случайной находки бронзового кинжала. Предмет был обнаружен в 2018 г. местным жителем на улице Набережной в с. Целинном Целинного района Алтайского края. Черенковый кинжал имел листовидный клинок, оформленный переход от клинка к черенку, в виде сужения, по центру – нервюру, которая переходит на черен.

Подобные кинжалы относятся исследователями к «срубно-андроновскому» типу. На основании привлеченных аналогий делается вывод о том, что формирование кинжалов с широким клинком с максимальным расширением в его центральной части, с нервюрой происходило в сейминско-турбинское время. Позднее такие изделия продолжали широко использоваться в андроновское

и постандроновское время наряду с изделиями различных морфологических модификаций. В районе известно большое количество памятников андроновской культуры, не исключено, что публикуемая случайная находка бронзового кинжала связана с андроновским населением бронзового века региона.

Ключевые слова: бронзовый кинжал, случайная находка, андроновская культура, Салаир.

Весной 2018 г. при вспашке огорода на ул. Набережной (правый берег р. Яма) жителем с. Целинного Целинного района Алтайского края был обнаружен бронзовый кинжал (рис. 1; 2). Находка имеет, несомненно, характер «случайной». Напротив места обнаружения находится северо-восточная оконечность отрога горы, ее местное название – «Целинная сопка» (высота 408 м над у.м.). Отрог в форме длинного понижающегося до высоты 264 м над у.м. (около 20–24 м над урезом реки) мыса образован врезанными в склон горы логами. Мыс огибается левым притоком

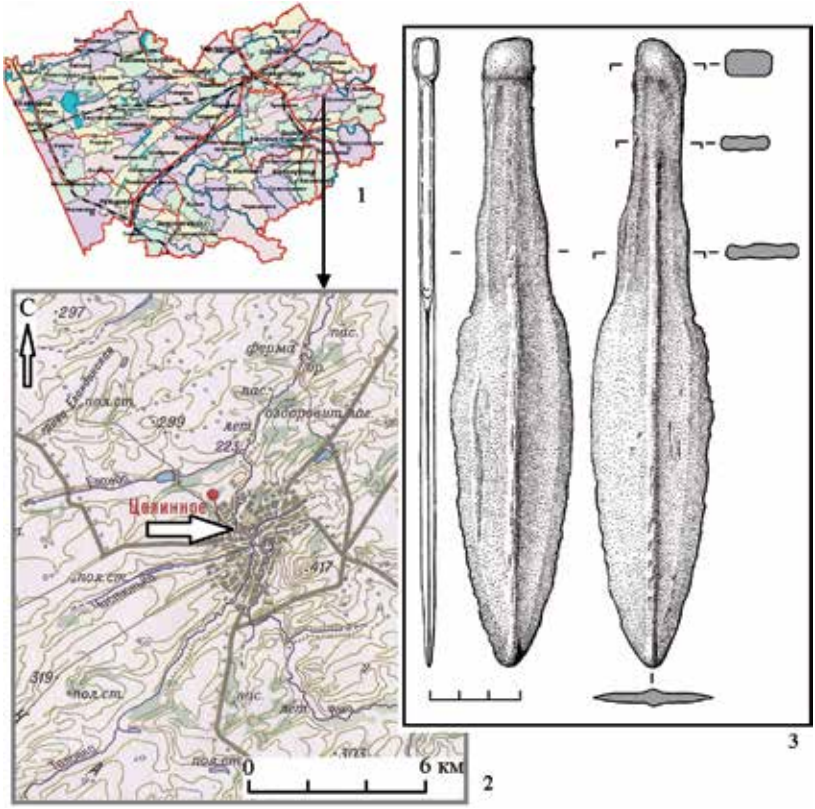


Рис. 1. Место находки на карте Алтайского края (1),
с. Целинное (2), бронзовый кинжал (3)

Чумыша р. Яма. Левый борт долины Ямы, на котором совершена находка, – это пологая терраса, понижающаяся от уровня 30 м до 1–2 м на кромке, обрывающейся к руслу.

По физико-географическому районированию регион относится к Яминскому району Заобской правобережной подпровинции Верхнеобской провинции Западно-Сибирской страны. В этом месте расположен стык юго-западных отрогов Салаирского кряжа с юго-восточной окраиной Бийско-Чумышской возвышенности. Регион разделен на две ландшафтные зоны. Первая – водораздельные пространства дренированного (элювиального) лугово-степного характера. Это увалистые эрозионно-денудационные цокольные предгорные равнины, перекрытые плащом лёссовидных суглинков с разнотравно-злаковыми-ковыльными степями на выщелоченных и типичных черноземах. Вторая ландшафтная зона – долина рек, в том числе р. Яма. Это низинный недренированный (гидроморфный) лугово-солончаковый ландшафт. Он представлен низкими речными террасами и высокими поймами с голофитными разнотравно-злаковыми лугами на солонцах, луговых и солончаковых почвах [Алтайский край..., 1978].

Рис. 2. Фото случайной находки бронзового кинжала из с. Целинного

Описание предмета. Черенковый кинжал с оформленным переходом от клинка к черенку, в виде сужения клинка. Черенок венчает «навершие» в форме четырехугольного утолщения. Плоский в разрезе клинок лавролистной формы, по центру присутствует оформленная нервюра, которая переходит на черен. Общая длина изделия – 20 см, длина клинка – 15 см, его максимальное расширение в центральной части – 5 см, длина рукояти – 5 см.

Подобные кинжалы относятся исследователями к так называемому срубно-андроновскому типу, характерной чертой которого является наличие «выемок» при переходе к черенку, образующих своеобразное перекрестие [Гришин, 1971, с. 15], по терминологии Е.Н. Черных [1970, с. 63] – «ножи с перехватом», «ножи с перехватом и перекрестием», «ножи с перекрестием». Отметим, что на кинжале из Целинного выемки оформлены в виде сужения клинка.

Кинжалы данного типа распространены достаточно широко. Они встречены в комплексах срубной, андроновской, культур периода поздней бронзы. Аналогии бронзовому кинжалу происходят с памятника Малый Койтас [Черников, 1960, с. 14], случайная находка у с. Усть-Таловка [Арсланова, 1973, с. 166], могильник Самарка-4 [Грушин, Леонтьева, 2013,

рис. 3.-3], Черноозерье-I [Генинг, Стефанова, 1994, рис. 13.-2], Сопка-II [Молодин, 1985, с. 61] и др. Стоит отметить, что кинжалы этого типа с так называемой *выемкой* в клинке при его переходе к черенку достаточно вариативны по другим параметрам и признакам. Н.А. Аванесова [1991, с. 23] на основании морфологического анализа выделила шесть типов двулезвийных ножей. Среди них, на наш взгляд, важное значение имеют наличие нервюры по центру клинка и относительно широкое перо клинка.

Такой признак, как наличие нервюры или ребра жесткости на срубно-андроновских кинжалах, исследователи чаще рассматривают как поздний признак. Н.А. Аванесова [1991, с. 23–24], в комплексе с другими параметрами, такие предметы относит к федоровскому времени, датируя их XIV–XII вв. до н.э. Такой же точки зрения придерживаются Н.А. и А.А. Ткачевы [2008, с. 265]. Предметы с нервюрой найдены в могильнике Зевакино в Восточном Казахстане [Аванесова, 1991, рис. 6.-39], Еловка-II в Приобье [Матющенко, 2004, рис. 416.-13].

Особенностью кинжала из Целинного является также и оформление черенка в виде рукояти с навершием в форме утолщения. Один целый кинжал такого типа и навершие происходят из могильника Сопка-II [Молодин, 1985, рис. 29.-4, 5]. В.И. Молодин [1985, с. 61] относит такие изделия к промежуточному типу кинжалов между черенковыми с перехватом и кинжалами с цельнометаллической рукояткой.

Наиболее полной аналогией, на наш взгляд, кинжалу из Целинного является находка из могильника Ростовка в Омском Прииртышье [Матющенко, Синицына, 1988, рис. 28.-1]. Оба предмета объединяют такие параметры, как широкий клинок, наличие нервюры, расширение окончания черенка, что создает впечатление о навершии. Автор раскопок могильника Ростовка В.И. Матющенко относит такие изделия к 1-му классу пластинчатых ножей срубного типа. Отдавая приоритет западным аналогиям, прежде всего в Турбинском и Сейминском могильниках, исследователь связывает такой тип изделий с западными, а не с восточными районами [Матющенко, Спицына, 1988, с. 76].

На наш взгляд, формирование кинжалов с широким клинком с максимальным расширением в его центральной части, с нервюрой происходило в сейминско-турбинское время, об этом свидетельствуют не только находки этих предметов в могильниках Ростовка, Сейма, Турбино, но и морфологическое сходство оформления клинка с пером сейминско-турбинских наконечников копий, наличие нервюры у обоих категорий оружия. Сформировавшись в сейминско-турбинское время, такие изделия продолжили широко использоваться в андроновское и постандроновское время наряду с изделиями различных морфологических модификаций.

В долине Ямы разведочные археологические работы не проводились, однако есть сведения об андроновском поселении на южной окраине с. Целинного на левом борту Ямы (устное сообщение Е.В. Григорова). Кроме того, в районе известно достаточно большое количество

памятников андроновской культуры, представленных как поселенческими, так и погребальными памятниками, не исключено, что публикуемая случайная находка бронзового кинжала связана с андроновским населением бронзового века региона.

Библиографический список

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент, 1991. 201 с.

Алтайский край: атлас. М.; Барнаул. 1978. Т. 1. 224 с.

Арсланова Ф.Х. Памятники андроновской культуры из Восточно-Казахстанской области // Советская археология. 1973. №4. С. 160–169.

Геннинг В.Ф., Стефанова Н.К. Черноозерье I – могильник эпохи бронзы Среднего Прииртышья: препринт. Екатеринбург, 1994. 67 с.

Гришин Ю.С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы // Свод археологических источников. М., 1971. Вып. В3. 12. 88 с.

Грушин С.П., Леонтьева Д.С. Новые материалы андроновской культуры с территории Лесостепного Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: мат. XIX науч.-практ. конф. Барнаул, 2013. С. 121–128.

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть вторая: Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск, 2004. 468 с.

Матющенко В.И., Синицина Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск, 1988. 135 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985. 175 с.

Ткачева Н.А., Ткачев А.А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. Новосибирск, 2008. 304 с.

Черников С.С. Восточный Казахстан с эпоху бронзы // Материалы и исследования по археологии. 1960. №88. 272 с.

Черных Е.Н. Древнейшие металлурги Урала и Поволжья. М., 1970. 180 с.

A.L. Kungurov, S.P. Grushin

Altai State University, Barnaul, Russia

THE FINDING OF A BRONZE DAGGER IN THE TSELINNY DISTRICT OF THE ALTAI TERRITORY

The article is devoted to the publication of a random find of a bronze dagger. The object was discovered in 2018 by a local resident on the Naberezhnaya street of the Tselinnoye village in the Tselinny district of the Altai territory. The helve dagger had a leaf-shaped blade, a decorated conversion from the blade to the helve in the form of a contraction, and a rib in the center that passes to the helve.

Similar daggers are attributes by researchers to the "frame-grave-Andronovo" type. On the basis of the analogies drawn, it is concluded that the formation of daggers with a wide blade with a maximum expansion in its central part and with a rib took place in the Seima-Turbino time. Later such products continued to be widely used in Andronovo and post-Andronovo time along with products of various morphological modifications. The area is known for a large number of sites of Andronovo culture, it is possible that the published random finding of a bronze dagger is associated with the Andronovo population of the Bronze Age of the region.

Key words: bronze dagger, random finding, Andronovo culture, Salair.

УДК 903.211.3(571.1)

А.Л. Кунгуров[1], Я.В. Фролов[1], О.Г. Филиппова[2]

[1]Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
[2]Алтайский государственный краеведческий музей, Барнаул, Россия

КАМЕННЫЕ СВЕРЛЕНЫЕ ТОПОРЫ ИЗ ДОЛИНЫ р. ЧАРЫШ (Алтай)

В 2017 г. С.В. Солдатовым на косе левого берега Чарыша, между селами Маралиха и Белое, был найден сверленый каменный топор. Подобные изделия традиционно относятся исследователями к энеолитической афанасьевской культуре. Эта находка оказалась уже четвертой в долине реки от Маралихи до Усть-Кумира. Все они совершены в низине Чарыша в его среднем течении (общая длина водотока 547 км, среднее течение – от 182 до 364 км от истока), от долины р. Кумир (устье в 468 км от истока) до устья р. Белой (335 км от истока). Здесь присутствуют афанасьевские некрополи, поселения на открытых террасах и в пещере Чагырской. Все топоры являются случайными находками, как и большинство подобных артефактов на территории горно-предгорного Алтая, за исключением «недосверленного» топора из насыпи афанасьевского кургана могильника Пещеркин Лог-1 в верховьях Ануя [Деревянко, Молодин, Маркин, 1987].

Ключевые слова: Краснощековский район, Чарышский район, пещера, рудник, поселение, афанасьевская культура, сверленый шлифованный топор.

Долина среднего течения Чарыша, в рамках которой обнаружены четыре сверленых топора, в физико-географическом районировании охватывает несколько регионов. Начиная с находки на руднике в окрестностях с. Владимировка, немного ниже по течению Чарыша устья Кумира (рис. 1), – это Бащелакский, Инско-Сентелекский и Чарышский районы Северо-Западной Алтайской провинции и Среднечарышский район Северо-Предалтайской провинции Алтайской области страны Горы Южной Сибири.

Северо-западная часть Среднего Причарышья имеет крутосклонный глубокорасчлененный скалистый и каменисто-осыпной среднегорный лесной рельеф, к юго-востоку распространены маломощные покровы валунной морены и дефлюкционных суглинков. В пониженной части региона встречаются лиственничные и березово-лиственничные леса на горных лесных черноземовидных почвах в сочетании с сухими злаковыми кустарниковыми степями, занимающими склоны южной экспозиции. Гористее обычны кедрово-еловые леса и лесные луга на горно-лесных бурых почвах. Юго-восточную часть долины Чарыша составляют низкогорные эрозионно-денудационные степные ландшафты – крутосклонные среднерасчлененные скалистые низкогорья с маломощным суглинисто-щебнистым покровом. Водораздельные пространства сформированы пологоувалистыми пенепленизированными низкогорьями с мощным покровом суглинков различного генезиса. Широко распространены злаковые и кустарниковые луговые степи. Долины рек имеют

эрозионно-аккумулятивные лесо-лугово-степные ландшафты. Присутствуют ущелья, V-образные и террасированные долины с комплексом песчано-валунно-галечниковых толщ. Обычны разнотравно-злаковые остепненные луга [Алтайский край…, 1978]. В целом рельеф и ландшафт Среднего Причарышья соответствует «вертикальной» (яйлажной) системе скотоводства, распространенной у населения афанасьевской культуры, о чем свидетельствуют некрополи и поселения, известные на описываемой территории [Грушин, Кунгуров, Леонтьева, 2016; 2017; Деревянко, Маркин, Зыкин, Кунгуров, 2008; Чарышский район…, 2002; Шульга, 2000] (рис. 1).

Крайняя юго-восточная находка сверленого топора происходит с вершины горы, расположенной в 5 км юго-западнее левобережного с. Владимировка Усть-Канского района Республики Алтай. Сам объект находится на территории Алтайского края. С горы стекает р. Прямая Стрелка, впадающая в Чарыш на западной окраине села. Находки на руднике, локализованном на вершине горы, сделаны во время исследований Казихинской партии №43 Западно-Сибирского геологического управления в 1953 г. [Кирюшин, Кунгуров, Тишкин, 2002]. Материалы

Рис. 1. Расположение памятников и находок
афанасьевской культуры в долине Среднего Чарыша

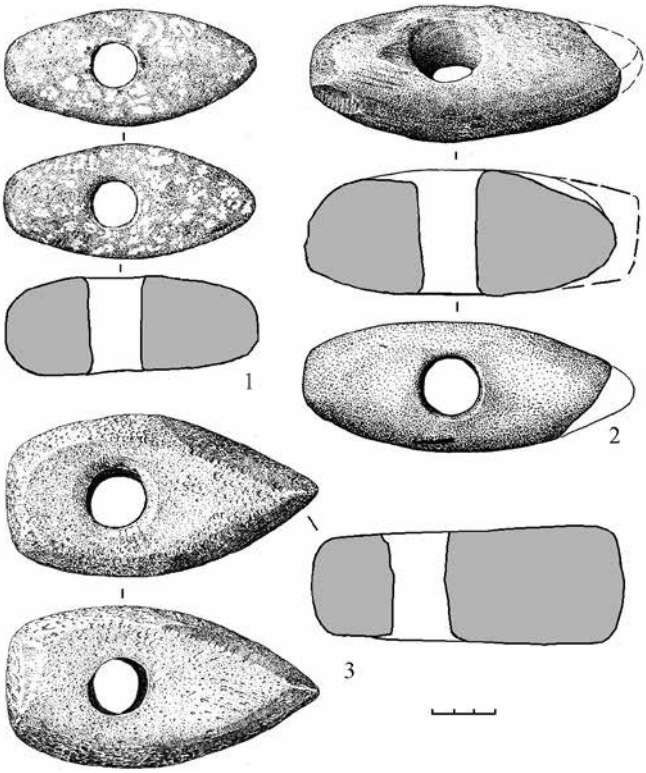


Рис. 2. Каменные сверленые топоры с Чарыша:
1, 2 – предположительно, р. Сентелек; *3* – рудник у с. Владимировка

хранятся в Музее археологии и этнографии Сибири ТГУ (колл. №6745). Одним из предметов является каменный сверленый топор (рис. 2.-*3*). Длина изделия 15 см, максимальная ширина 7,5 см, толщина в центре 5 см, длина лезвия 5,7 см, размеры обуха 5,3×4,3 см, диаметр сверлины 3,1 и 2,7 см. По сообщению находчиков, топор был найден в щели скалы. Орудие изготовлено из темно-синевато-серой вязкой метаморфической породы (7,5–8 ед. твердости по шкале Мооса) способом пикетажа и последующей абразивной шлифовки. Поверхность частично отполирована. Верхняя и нижняя части изделия ровные и плоские, переход к округлым боковым сторонам плавный. Лезвие не заострено, поэтому топор для рубки дерева не предназначен, а мог использоваться как дробящее оружие, колун или молот. Отверстие для насадки на рукоять образовано двумя сверлинами, которые имеют легкий конусовидный уклон и «встречаются» по середине тела орудия. При этом они не совсем совпадают, образуя уступ, позднее сглаженный вторичной

обработкой. Форма изделия в плане усеченно-линзовидная, продольный разрез подтрапециевидный со скругленными углами, поперечный – подпрямоугольно-овальный. Наибольшая вертикальная высота приходится на лезвие. Орудие могло использоваться двояко – как оружие и в качестве молота.

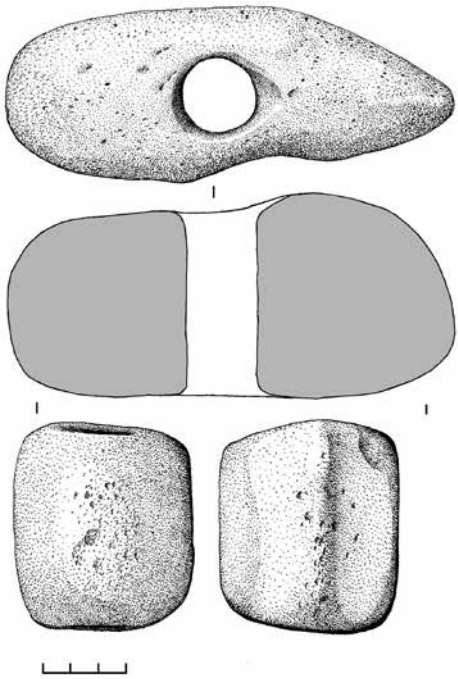


Рис. 3. Каменный сверленый топор, найденный между селами Маралиха и Белое

Два следующих артефакта хранятся в краеведческом районном музее (с. Чарышское). Предположительное место находки этих предметов – долина р. Сентелек (левый приток Чарыша, длина водотока 29 км). Более мелкий топор (колл. шифр Ф-1245-ЧКМ; рис. 2.-*1*) имеет следующие параметры: длина 12 см, максимальная ширина 5,6 см, максимальная толщина 4,4 см, лезвие заужено и заовалено, его вертикальная длина около 2 см, обух частично заужен, его размеры 2×2,2 см. Сырье – андезитовый порфирит (скорее всего, отдельность в виде крупного валуна) [Кирюшин, Грушин, Семибратов, Тюрина, 2010, с. 52]. Вертикальная сверлина имеет верхний диаметр 2,7 см, нижний – 2,5 см. Форма в плане усеченно-овальная (усечение, как и в других случаях, осуществлено за счет обуха). Продольный разрез удлиненно-овальный, более высокий к обуху, поперечный разрез подквадратный со скругленными углами. Топор представляет собой исключительно предмет вооружения, в качестве дробящего инструмента совершенно нефункционален. Второе орудие (колл. шифр Ф-151-ЧКМ; рис. 2.-*2*) частично обколото в районе лезвия (утрачено около 1 см). Общая длина без учета разлома 14,9 см. Максимальная ширина 6,2 см, толщина 6 см. Возможная длина лезвия около 4 см. Обух также поврежден, параметры 2,8×2,2 см. Лезвие заужено по ширине и высоте. Отверстие для рукояти, как и у предыдущих топоров, смещено к обуху. Диаметр верхнего отверстия сверлины составляет 2,9 см, нижнего – 2,5 см. Артефакт изготовлен из удлиненного валуна темно-серой вязкой и твердой окремненной осадочной породы. Форма в плане вытянуто-овальная, усечена с обуха

и лезвия (скол). Продольный разрез асимметрично-овальный – верхняя плоскость более выпуклая. Поперечный разрез подквадратный со скругленными углами. Как и предыдущий, данный топор является боевым изделием, сужения обуха и лезвия предназначены для увеличения поражающего дробящего эффекта.

Последнее изделие найдено Сергеем Владимировичем Солдатовым во время рыбалки на галечниковой отмели левого берега Чарыша, между селами Маралиха и Белое (рис. 1). Общая длина топора 16,1 см, максимальная ширина 6,2 см, толщина 7,4 см. Лезвие заовалено, хотя ближе к нижней части сформирован угловатый выступ (рис. 3). Обух округло-овальный, размерами 5×3 см. Просверленное отверстие расположено практически посередине орудия, диаметр верхней части сверлины 2,6 см, нижней – 2,5 см. Сырье – вязкая метаморфическая криптокристаллическая порода темно-серого цвета, сама отдельность представляла до модификации пикетажем и шлифовкой удлиненный валун. Частичная окатанность предмета удалила особенности вторичной обработки. Форма топора в плане неровно-овальная с выемкой на одном крае и приострением к лезвию. Выемка, – скорее всего, дефект естественной отдельности, которая в остальном для изготовления артефакта вполне подходила. Продольный разрез также неровно-овальный с увеличением толщины орудия ближе к лезвию. Поперечный разрез неровно-подпрямоугольный (рис. 3). В целом орудие могло использоваться не только в качестве дробящего оружия, но и как молот.

Подводя итоги описания находок каменных шлифованных топоров из долины Среднего Чарыша, можно отметить следующее.

1. Существенно различается уровень умений и навыков мастеров камнеобработки афанасьевской культуры. Наиболее качественными и симметричными являются изделия с рудника из окрестностей с. Владимировка и малый боевой топор из Чарышского музея.

2. Основой для изготовления орудий служили слабоокатанные валуны из аллювия Чарыша, представляющие собой отдельности плотной твердой мелкозернистой интрузивной метаморфической породы.

3. Сверление отверстий осуществлялось с двух сторон, при этом сверлины не всегда совпадали. Перед началом процесса сверления при помощи кварцевого или гранатного песка и полой трубчатой кости на верхней и нижней плоскостях мастером намечались и оформлялись пикетажем пологие выемки, превышающие диаметр сверлины на 1–1,3 см.

4. Диаметр верхнего отверстия сверлины всегда чуть превышает нижний. Это позволяет предположить оставление мастером камнеобработки пространства для осуществления расклинивания древка топора.

Находки демонстрируют достаточно высокий уровень этого типа камнеобработки и включают в себя все инновационные навыки мастеров афанасьевской культуры, которые уже отмечались ранее [Кунгуров, 2006]: модификация исходной отдельности до необходимых форм

микрооббивкой и пикетажем, грубая абразивная шлифовка и полировка поверхности, высокий навык сверления твердых пород камня, предусматривание пропорции для крепления рукояти.

Библиографический список

Алтайский край: атлас. Москва; Барнаул, 1978. Т. 1. 222 с.

Грушин С.П., Кунгуров А.Л., Леонтьева Д.С. Новые материалы с памятника Озерки на р. Чарыш // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2016. Вып. XXII. С. 75–78.

Грушин С.П., Кунгуров А.Л., Леонтьева Д.С. Новые находки каменных орудий на неолитических поселениях Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2017. Вып. XXIII. С. 73–78.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Зыкин В.С., Кунгуров А.Л. Пещера Чагырская – новая стоянка среднего палеолита Северо-Западного Алтая // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул, 2008. С. 275–278.

Деревянко А.П., Молодин В.И., Маркин С.В. Археологические исследования на Алтае в 1986 г. (предварительные итоги советско-японской экспедиции) // Советско-японские археологические исследования на Алтае. Новосибирск, 1987. 76 с.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Семибратов В.П., Тюрина Е.А. Афанасьевские погребальные комплексы Средней Катуни. Барнаул, 2010. 80 с.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Коллекция древних орудий горнорудного дела с Алтая // Труды музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. Томск, 2002. Т. I. С. 21–38.

Кунгуров А.Л. Каменная индустрия афанасьевского поселения Узнезя-1 // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006. С. 95–119.

Чарышский район: страницы летописи. Барнаул, 2002. 217 с.

Шульга П.И. Афанасьевские памятники в северо-западных предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000. Вып. XI. С. 108–112.

A.L. Kungurov[1], Ya.V. Frolov[1], O.G. Filippova

[1]Altai State University, Barnaul, Russia;
[2]Altai State Museum of Regional Studies, Barnaul, Russia

DRILLED STONE AXES FROM THE CHARYSH RIVER VALLEY (Altai)

In 2017 S.V. Soldatov found a drilled stone axe on the foreland of the left bank of the Charysh river between the Maralikha and Beloye villages. Such items traditionally refer to the Eneolithic Afanasyevskaya culture. This find was already the fourth one in a section of the valley of this river from Maralikha to Ust-Kumir. All of them were found in the section of the Charysh valley in its middle course (total length of the watercourse is 547 km, the average current is from 182 to 364 km from the river head) from the valley of the Kumir river (river mouth in 468 km from the river head) to the mouth of the White river (335 km from the head). At this section of the valley there are Afanasyevo necropolises and settlements on open terraces and in the Chagyrskaya

cave. All axes are accidental finds, as well as the majority of similar artifacts in the territory of the Altai mountain and foothill, except the “under-drilled” axe from the mound of the Afanasyevsky tumulus of the Pescherkin Log-1 cemetery in the reaches of Anuy [Derevyanko, Molodin, Markin, 1987].

Key words: Krasnoshchekovsky district, Charyshsky district, cave, mine, settlement, Afanasyevskaya culture, drilled polished axe.

УДК 904(571.1/.5)

А.И. Куулар

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, Кызыл, Россия

ИЗВАЯНИЕ С р. ШЕМИ (проблема идентификации памятника по исследовательской документации прошлых веков)

Статья посвящена известному тувинскому каменному изваянию с р. Шеми в Дзун-Хемчикском районе. Оно может быть атрибутировано как памятник уйгурского периода в истории Тувы. В разных работах, посвященных каменным изваяниям Тувы, приводится его рисунок, выполненный Л.А. Евтюховой. Между тем изваяние было обнаружено и зарисовано еще в 1881 г. первооткрывателем многих археологических памятников Тувы А.В. Адриановым [1886]. Возможно, своеобразное графическое воспроизведение исследователем и приблизительно указанное местонахождение памятника послужили причиной тому, что это изваяние не было позднее идентифицировано другими исследователями.

Ключевые слова: каменные изваяния, графическая фиксация, местонахождение, уйгуры, Тува.

Одной из проблем в изучении каменных изваяний Тувы является идентификация памятников по графической документации прошлых веков. Зарисовки исследователей зачастую существенно различаются, что затрудняет идентификацию памятника, который впоследствии фиксируется исследователями как вновь обнаруженный. Кроме различающихся рисунков, путаницу вносят и разные указания местонахождения одного и того же изваяния.

В Национальном музее им. Алдан-Маадыр Республики Тува экспонируется каменное изваяние уйгурского периода (рис. 1), установленное на открытом воздухе в Стелярии, который находится на цокольном этаже. Его изображение приводится в работах по средневековой истории Центральной Азии и в публикациях, посвященных каменным изваяниям на территории Тувы. В работах оно значится как изваяние с р. Шеми.

В специальной публикации А.О. Дыртык-оол о каменных изваяниях в коллекции Национального музея им. Алдан-Маадыр указано, что изваяние с р. Шеми было обнаружено в 1947 г. Л.А. Евтюховой, а в фонд музея сдано С.И. Вайнштейном [Дыртык-оол, 2013, с. 123].

По мнению автора настоящей статьи, изваяние было обнаружено в 1881 г. А.В. Адриановым [2007, с. 138, рис. 7], который зарисовал его (рис. 2). Исследователь сообщил следующие данные о месте нахождения памятника: «…в верстах 7 от р. Джаргакы (Чыргакы. – *А.К.*), на степи, в долине р. Шимисук (Шеми-суг. – *А.К.*) (верстах в 5 от ее устья и около версты в сторону от ее левого берега)» [Адрианов, 2007, с. 137].

Изваяние с р. Шеми на рисунке А.В. Адрианова выглядит похожим на другое, известное под названием «Чингисхан», рисунок которого был также сделан исследователем (рис. 3).

Через 33 года после обнаружения изваяния с р. Шеми А.В. Адриановым в 1914 г.

Рис. 1. Изваяние с р. Шеми в Стелларии музея. *Фото автора*

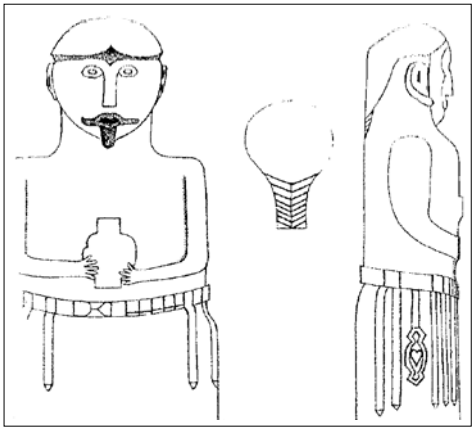


Рис. 2. Рисунок изваяния с р. Шеми (по: [Адрианов, 2007, с. 138, рис. 7])

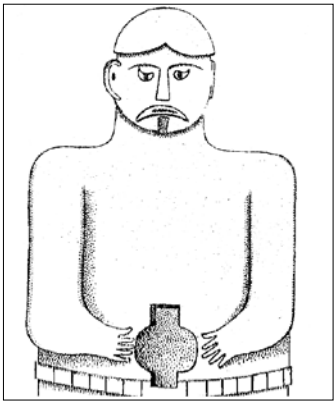


Рис. 3. Каменное изваяние «Чингисхан» (по: [Адрианов, 2007, с. 137, рис. 4])

оно было вновь найдено и обследовано С.Р. Минцловым. При этом С.Р. Минцлов [1916, с. 300] указывает другие «координаты» памятника: «к югу – верстах в двух-трех от фактории Леоновых». Как установлено нами, эта фактория располагалась поблизости от р. Чыргакы, упомянутой в описании А.В. Адрианова.

С.Р. Минцлов сфотографировал изваяние с передней и тыльной сторон (рис. 4).

Рис. 4. Фотография изваяния близ фактории Леоновых (с р. Шеми) (по: [Минцлов, 1914, с. 39])

Рис. 5. Изваяние с р. Шеми (по: [Грязнов, Шнейдер, 1929, с. 85, рис. 63])

Рисунок и данные об изваянии с р. Шеми публикуются также в работе М.П. Грязнова и Е.Р. Шнейдера (рис. 5). Авторы приводят такие сведения о месте нахождения памятника: «Танну-Тувинская республика. Джидан, в 10 верстах от ставки б. Хемчикского нойона. По Минцлову в 2 верстах от фактории Леоновых» [Грязнов, Шнейдер, 1929, с. 85]. Так же, как на фотографии Минцлова, на рисунке в статье М.П. Грязнова и Е.Р. Шнейдера изваяние показано наклоненным на левый бок.

Известная исследовательница каменных изваяний Южной Сибири Л.А. Евтюхова [1952, с. 85] в своей

Рис. 6. Изваяние с р. Шеми
(по: [Евтюхова, 1952, с. 85, рис. 20])

работе опубликовала рисунок изваяния с р. Шеми (изваяние №36), на котором оно воспроизведено со всех четырех сторон (рис. 6), и составила подробное его описание, указав о месте нахождения следующую информацию: «левый берег р. Шеми, близ ее впадения в Хемчик».

Если в 1940–1950-х гг. Л.А. Евтюхова исследовала изваяние в месте его первоначального нахождения, то через несколько лет, в 1953 г., А.Д. Грач [1955, с. 421] обнаружил это изваяние в степи Маннайлыг-Хову, лежащим около автодороги Кызыл–Кызыл-Мажалык (рис. 7).

С.И. Вайнштейн [1974, с. 68] в монографии, посвященной народному искусству Тувы (1974),

Рис. 7. Фотография изваяния с р. Шеми
(по: [Грач, 1955, с. 421, рис. 18])

описал изваяния, хранящиеся в Тувинском республиканском музее (ныне – Национальный музей им. Алдан-Маадыр). Исследователь начал с памятника с р. Шеми, охарактеризовав его как наиболее известное тувинское изваяние [Вайнштейн, 1974, с. 68]. В книге С.И. Вайнштейна [1974, с. 64, рис. 42] приведен рисунок изваяния, выполненный Л.А. Евтюховой.

Таким образом, можно утверждать, что первооткрывателем изваяния с р. Шеми был А.В. Адрианов (1881), но схематическое воспроизведение изваяния и первоочередное указание р. Чыргакы в описании места нахождения затруднили идентификацию опубликованного Адриановым памятника последующими исследователями.

Библиографический список

Адрианов А.В. Путешествие на Алтай и Саяны, совершенное в 1881 г. по поручению Императорского Русского географического общества членом-сотрудником А.В. Адриановым. СПб., 1886. 276 с.

Адрианов А.В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. // Урянхай. Тыва дептер: антология: в 7 т. М., 2007. Т. 3. С. 98–160.

Вайнштейн С.И. История народного искусства Тувы. М., 1974. 224 с.

Грач А.Д. Каменные изваяния Западной Тувы // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1955. Т. 16. С. 401–431.

Грязнов М.П., Шнейдер Е.Р. Древние изваяния Минусинских степей // Материалы по этнографии. Л., 1929. Т. IV, вып. 2. С. 63–93.

Дыртык-оол А.О. Коллекция каменных изваяний в Национальном музее Республики Тува // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. 2013. №3 (23). С. 121–123.

Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // Материалы и исследования по археологии. 1952. №24. С. 72–120.

Минцлов С.Р. Памятники древности в Урянхайском крае. Петроград, 1916. 22 с.

Минцлов С.Р. Секретное поручение. Путешествие в Урянхай: фотоальбом. Дневник поездки в Туву в 1914 г. Абакан, 1914. 256 с.

A.I. Kuular

Tuva Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research, Kyzyl, Russia

THE STATUE FROM THE SHEMI RIVER (Problem of the site identification on the research documentation of the past centuries)

The article is devoted to the famous Tuvan stone statue from the Shemi river in Dzun-Khemchik district. This statue can be attributed as a site of the Uighur period in the history of Tuva. In different works devoted to the stone statues of Tuva, there is a drawing of this statue made by L.A. Evtyukhova. Meanwhile, the statue was discovered and sketched in 1881 by the discoverer of many archaeological sites of Tuva A.V. Adrianov. Perhaps a specific graphic reproduction of the statue by the researcher and the approximate location of the site was the reason why this statue had not been identified by other researchers.

Key words: stone statues, graphic documenting, location, Uighurs, Tuva.

УДК 903.22«638»(571.150)

О.С. Лихачева

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

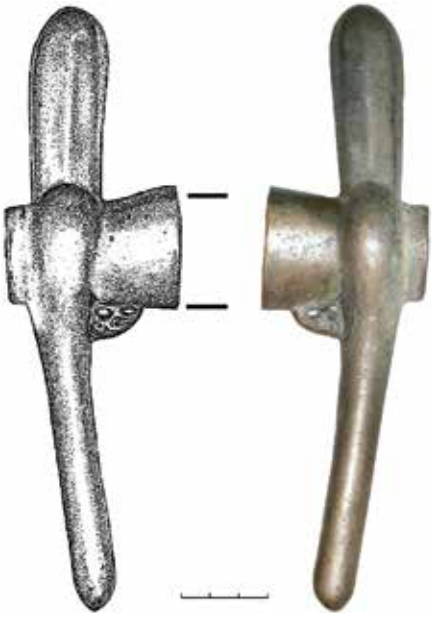
ЧЕКАН РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ИЗ БИЙСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Одним из наиболее совершенных видов оружия ближнего боя являются чеканы. Они получают широкое распространение с начала I тыс. до н.э. у кочевых племен Центральной Азии, встречаясь на территории Лесостепного Алтая в материалах трех археологических культур: большереченской, каменской и быстрянской. В рамках данной работы переопубликовывается экземпляр, хранящийся в Бийском краеведческом музее. Приводится подробное описание изделия, в том числе его метрические показатели, не ясные по предыдущим публикациям. Уточнение данной информации позволяет более обоснованно определить его хронологические позиции и культурную принадлежность.

Ключевые слова: чекан, вооружение, ранний железный век, Лесостепной Алтай, быстрянская культура, древковое оружие.

Чеканы – одно из наиболее совершенных видов оружия ближнего боя, благодаря своей высокой проникающей способности. Они получают широкое распространение с I тыс. до н.э. у кочевых племен Центральной Азии [Горелик, 2003, с. 48]. На территории Лесостепного Алтая чеканы фиксируются в материалах таких культур раннего железного века, как большереченская, каменская и быстрянская [Лихачева, 2013, с. 52–54; 2015, с. 16]. Часть изделий происходит из закрытых комплексов, но многие не связаны с конкретными памятниками. Одна из таких случайных находок, относящаяся к рассматриваемому виду вооружения, хранится в Бийском краеведческом музее им. В.В. Бианки. В 2013 г. чекан экспонировался на витрине «Эпоха ранних кочевников». Благодаря помощи сотрудника музея Л.И. Чегодаевой автору статьи удалось произвести визуальное ознакомление, обмеры, фотосъемку и отрисовку этого предмета. Ранее он публиковался Г.Е. Ивановым [1987, с. 18, рис. 6.-1]. Но, поскольку данная работа была посвящена в целом комплексу вооружению племен Лесостепного Алтая в раннем железном веке, рассматриваемое изделие упоминалось вскользь, без подробного описания морфологических особенностей и размеров. Рисунок, в свою очередь, также не дает исчерпывающей информации из-за небольших размеров и отсутствия масштаба. Представленная нами работа призвана уточнить сведения по этому образцу, тем более, что чеканы не представлены большим числом находок на территории Лесостепного Алтая, следовательно, любая информация расширяет сведения о развитии данного вида оружия в рассматриваемом регионе.

Чекан изготовлен из цветного металла (вероятно, бронза) и имеет втульчатый способ насада. Общая форма втулки представляет усечен-



Чекан раннего железного века из Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки

ный конус. В верхней части, на одной линии с бойком и обухом, находится широкое валикообразное утолщение. Обух и боек изделия находятся под углом относительно втулки. Обух имеет овально-прямоугольный абрис, овальное сечение и скругленный торец. Боек изделия стержневидной формы, округлого сечения и незначительно приострен на окончании. Особенностью этого экземпляра является орнитоморфное изображение (голова хищной птицы или грифона) между бойком и втулкой. Хорошо читается глаз, обрамленный валиком в форме полумесяца с выпуклой точкой-зрачком по центру. Ярко выражен загнутый клюв, на котором каплевидным углублением обозначена ноздря. Ближе к углу между бойком и втулкой находится «щека». На изделии читаются незначительные следы коррозии и литейные браки, патины нет (рис.). Чекан обладает следующими параметрами: боек – 10,3×1,5×1,5 см; втулка – 4,9×3,9×3,9 см; обух – 7×2×2 см.

Коротко остановимся на происхождении данного вида оружия и рассмотрим аналогии публикуемому изделию. Прототипами чеканов считаются боевые кирки Месопотамии, которые появились в III тыс. до н.э. и распространились по всему Ближнему Востоку, но не получили дальнейшего развития. Чеканы в своей «классической» форме стали производиться только в последние века II тыс. до н.э. в степях Центральной Азии и Китае. Первые изделия изготавливались из бронзы и на данных территориях применялись до IV–III вв. до н.э. [Горелик, 2003, с. 48–49, табл. XXVIII.-70, 82–83, 106–107, 112].

Втульчатый способ насада встречается у чеканов с XII–XI вв. до н.э., происходящих из северных областей Китая и из Забайкалья. Экземпляры с таким способом насада встречаются в материалах Тувы конца IX–VIII в. до н.э., Южного Зауралья VII–VI вв. до н.э., Уральско-Волжского региона VII–V вв. до н.э., Хакасско-Минусинской котловины VII–III вв. до н.э., Горного Алтая 2-й половины V в. до н.э. – 3-й четверти IV в. до н.э. [Горелик, 2003, с. 48–49]. Большое распространение получают втульчатые

чеканы в VI–V вв. до н.э. у носителей ананьинской культуры [Васильев, 2004, рис. 17.-2, 3; 19.-4].

Наклонные обух и боек характерны для изделий культур Южной Сибири, Южного Зауралья, а также Среднего Поволжья. Они встречаются у тагарских чеканов VII–III вв. до н.э., раннесакских VII–VI вв. до н.э., ананьинских VI–V вв. до н.э. и пазырыкских VI–IV вв. до н.э. [Членова, 1967, табл. 8; Степанова, 1987, с. 183, рис. 5.-1; Могильников, 1992, табл. 72.-62, 78.-35; Мандельштам, 1992, табл. 63.-1; Горелик, 2003, табл. XXVIII.-88–96; Васильев, 2004, рис. 17.-2, 3; 19.-4; Таиров, 2007, рис. 2.-19].

Скругленный торец обуха и стержневидный боек известны у раннесакского чекана из могильника второй половины VII в. до н.э. Иртяш-14 [Таиров, 2007, рис. 2.-19]. Такое же оформление этих деталей имеют тагарские образцы VI–V вв. до н.э. [Членова, 1967, табл. 8]. В это же время рассматриваемые признаки фиксируются у изделий, происходящих с городища Кара-Обыз и из Новоуфимского могильника, относящихся к ананьинской культуре [Васильев, 2004, рис. 17.-2, 3; 19.-4]. Встречаются они и у пазырыкского чекана из памятника V в. до н.э. – 3-й четверти IV в. до н.э. Кастахта [Степанова, 1987, с. 183, рис. 5.-1].

Особым элементом у экземпляра из Бийского краеведческого музея является, как отмечалось выше, орнитоморфное изображение. Возникновение традиции помещать между бойком и втулкой головку хищной птицы исследователи относят к VIII в. до н.э. и связывают с территорией современных Хакасии и Тувы, считая, что именно из этих районов чеканы с таким признаком распространяются в другие регионы [Курочкин, Субботин, 1993, с. 60–61]. Встречается этот элемент у изделия из раннесакского могильника Иртяш-14 2-й половины VII в. до н.э. и среди тагарских изделий VI–V вв. до н.э. [Членова, 1967, табл. 8; Таиров, 2007, рис. 2.-19]. Наиболее близкие стилистически орнитоморфные изображения фиксируются у чеканов ананьинской культуры VI–V вв. до н.э. [Васильев, 2004, рис. 17.-2, 3; 19.-4]. В целом, наиболее близкими аналогиями рассматриваемому экземпляру являются изделия, происходящие из памятников VI–V вв. до н.э. Кара-Обыз и Новоуфимский могильник [Васильев, 2004, рис. 17.-2, 3; 19.-4].

Исходя из приведенных аналогий рассматриваемое изделие типологически может быть датировано VI–V вв. до н.э.

Более сложным является вопрос культурной принадлежности данного чекана. Его местонахождение связывают с территорией Бийска, более точных сведений о нем в музее не имеется. Данная область входит в ареал двух культур, в материалах которых есть этот вид древкового оружия: большереченская (VIII–VI вв. до н.э.) и быстрянская (VI–III вв. до н.э.). Стоит отметить, что все изделия, соотносимые с большереченской культурой, являются случайными находками. Те же чеканы, которые происходят из ее ареала и типологически датируются време-

нем ее бытования, имеют иной набор признаков: прямые обух и боек, граненую боевую часть, уплощенный обух со спрямленным торцом. В свою очередь, по памятникам быстрянской культуры пока известны только вотивные образцы бронзовых чеканов. В то же время даже у этих уменьшенных копий можно отметить схожие с рассматриваемым изделием черты: округлое сечений бойка и овальное сечение обуха [Казаков, Семибратов, Редников, Матренин, Григоров, 2015, рис. 1.-8; Казаков, Семибратов, Ситников, Матренин, Григоров, 2016, рис. 1.-2]. Кроме того, время бытования большереченской культуры ограничивается VI в. до н.э., а верхняя дата рассматриваемого изделия доходит до V в. до н.э. Таким образом, на наш взгляд, более вероятно связать его с материалами быстрянской культуры.

Таким образом, чекан из Бийского краеведческого музея им. Бианки может быть отнесен к раннему комплексу вооружения быстрянской культуры. Его типологическая датировка определяется VI–V вв. до н.э. Это изделие расширяет представления о военном деле населения северных предгорий Алтая в раннем железном веке, в частности о видовом и типовом составе древкового оружия ближнего боя.

Библиографический список

Васильев Ст.А. Ананьинский звериный стиль. Истоки, основные компоненты и развитие // Археологические вести. СПб., 2004. Вып. 11. С. 275–297.

Горелик М.В. Оружие Древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.). СПб., 2003. 336 с.

Иванов Г.Е. Вооружение племен Лесостепного Алтая в раннем железном веке // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 6–27.

Казаков А.А., Семибратов В.П., Редников А.А., Матренин С.С., Григоров Е.В. Исследование погребального комплекса быстрянской культуры Каменка в Советском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2015. Вып. XXI. С. 103–109.

Казаков А.А., Семибратов В.П., Ситников С.М., Матренин С.С., Григоров Е.В. Новые исследования погребений быстрянской культуры на могильнике Каменка в Советском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2016. Вып. XXII. С. 126–132.

Курочкин Г.Н., Субботин А.В. Боевые чеканы (клевцы) с головкой хищной птицы между бойком и втулкой в азиатской и европейской частях скифского мира (к проблеме происхождения и распространения) // Античная цивилизация и варварский мир. Новочеркасск, 1993. Ч. II. С. 59–64.

Лихачева О.С. Комплексы вооружения и развитие тактики боя у населения Лесостепного Алтая во второй половине I тыс. до н.э. // КСИА. М., 2013. Вып. 231. С. 49–59.

Лихачева О.С. Вооружение и военное дело населения Лесостепного Алтая в раннем железном веке (VIII–I вв. до н.э.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2015. 24 с.

Мандельштам А.М. Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Археология СССР. Т. 11: Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 178–196.

Могильников В.А. Саргатская культура // Археология СССР. Т. 11: Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 292–311.

Степанова Н.Ф. Могильник скифского времени Кастахта // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 168–183.

Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э. Челябинск, 2007. 274 с.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. 268 с.

O.S. Likhacheva

Altai State University, Barnaul, Russia

AXE OF THE EARLY IRON AGE FROM THE BIYSK MUSEUM OF LOCAL LORE

One of the most advanced types of melee weapons are battle picks. They are widely distributed since the beginning of the 1st millennium BC among the nomadic tribes of Central Asia in the territory of the forest-steppe Altai in the materials of three archaeological cultures: Bolsherechenskaya, Kamenskaya and Bystryanskaya. The article republishes the product which is kept in the Biysk Local Lore Museum, gives a detailed description of the product, including its metric indicators which are not clear from previous publications. Refining this information allows us to more reasonably determine its chronological position and cultural affiliation.

Key words: battle pick, weapon, early iron age, forest-steppe Altai, Bystrianskaya culture, flagon weapons.

УДК 902«638»(571.1)

Л.С. Марсадолов

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

ВОСТОЧНЫЕ БАЛБАЛЫ И ЗАПАДНЫЕ ПОМИНАЛЬНИКИ КАК ВАЖНЫЕ СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ ОРГАНИЗАЦИИ САКРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В ПАЗЫРЫКЕ НА АЛТАЕ

После исследований С.И. Руденко, М.П. Грязнова и С.С. Сорокина в 1920–1960-е гг. более десяти лет археологические памятники в урочище Пазырык в научной литературе не рассматривались, хотя обследовались многими археологами и любителями истории.

Во время небольших археологических разведок в 1979, 1980 и 1995 гг. особое внимание автор уделил уточнению топографии больших курганов в Пазырыке, составлению планов различных выкладок вокруг них, измерению расстояния между ними, а также камням-балбалам, расположенным с восточной стороны от больших курганов.

Разнообразные по форме каменные объекты вместе с балбалами и большими курганами образуют сложную обрядовую погребальную систему органи-

зации сакрального пространства в Пазырыке, связанную с древней «картиной мира» кочевников Алтая.

Ключевые слова: Алтай, Пазырык, Башадар, балбалы, поминальные объекты.

Балбалы. Как уже ранее отмечали М.П. Грязнов и С.И. Руденко, с восточной стороны от 2-го, 1-го, 3-го и 4-го больших Пазырыкских курганов находятся вертикально установленные каменные плиты-балбалы [Руденко, 1953, с. 26], но подробного их описания с размерами камней они не сделали.

В процессе новых исследований было установлено, что почти у всех балбалов верхний край плит обломан, поэтому реконструировать их первоначальную высоту ныне не всегда представляется возможным. Наиболее сохранившиеся обломки плит выступают из земли на высоту 0,3–0,4 м (табл.). Около кургана Пазырык-2 выявлено восемь балбалов, вытянутых в «цепочку» на расстояние около 45 м. Почти такой же длины и «цепочка» из семи балбалов около кургана Пазырык-1. Гораздо меньшее число балбалов зафиксировано около курганов Пазырык-3 (их пять, общая длина «цепочки» около 30 м) и Пазырык-4 (три балбала длиной «цепочки» около 20 м) [Марсадолов, 1981; 1984; 1991].

Длина «цепочки» балбалов, вероятно, зависела от социального ранга и возраста погребенного. Во 2-м Пазырыкском кургане были погребены мужчина 50–60 лет ярко выраженного монголоидного типа и женщина старше 40 лет европеоидного облика. В кургане Пазырык-4 были погребены молодой человек в возрасте 20–35 лет со слабо выраженными монголоидными чертами лица и юная европеоидная женщина в возрасте около 15 лет. Они были погребены в одинарном, а не в двойном срубе, как в остальных больших курганах в Пазырыке. В 3-м кургане также был захоронен молодой мужчина в возрасте 20–35 лет. Молодой возраст погребенных в 4-м и 3-м курганах отразился и в малом числе установленных балбалов (5 и 3), по сравнению с пожилым вождем из Пазырыка-2 (8 балбалов).

Около ранних 2-м и 1-м Пазырыкских курганов находится наибольшее количество балбалов – 7 или 8 плит с длиной «цепочки» 45–48 м. У более поздних 3-го и 4-го курганов длина «цепочки» равна 20–30 м, а число балбалов сократилось до 3–5. Около самого позднего 5-го Пазырыкского кургана балбалов совсем нет. Этот вывод подтверждается и данными дендрохронологии о последовательности сооружения больших курганов Пазырыка, произведенных И.М. Замоториным и Л.С. Марсадоловым.

Каждая из плит-балбалов в Пазырыке своей узкой гранью ориентирована на восток. Первый камень-балбал отстоит от насыпи кургана на 10–18 м. При измерении расстояний между отдельными балбалами выявлен древний метрический модуль, близкий к косой сажени, равной 2–2,2 м, и ее производным – одному большому («царскому») локтю, равному около 0,52 м (табл.). Выявлены закономерности в разметке между балбалами, кратные **5** – 10–15–35–90 локтям около кургана Пазырык-1,

Алтай, Пазырык. Каменные балбалы
с восточной стороны от больших курганов

№ п/п	Расстояние от насыпи		Размеры, м			Повреждения	Примечания
	в м	в локтях (0,52 м)	высота	толщина	ширина		
Пазырык-2							
1	17,5	33	0,05	0,2	0,4	обломан до уровня земли	
2	2,2	4	0,05	0,12	0,3	обломан	
3	2,9	6	0,08	0,09	0,28	÷	в форме клина
4	4,2	8	0,07	0,15	0,2	÷	в форме треугольника
5	3,5	7	0,35	0,13	0,36	÷	хорошо виден
6	2,1	4	0,16	0,1	0,18	÷	
7	5,6	11	0,10	0,1	0,52	÷	
8	6,9	13	0,15	0,48	0,52	÷	белый округлый камень
Общая длина	44,9	86					
Пазырык-1							
1	18,3	35	0,04	0,1	0,2	обломан	в форме треугольника
2	5,3	10	0,07	0,07	0,24	÷	
3	5,2	10	0,21	0,12	0,22	÷	
4	2,6	5	0,05	0,05	0,2	÷	
5	2,6	5	0,2	0,18	0,2	÷	
6	7,8	15	0,42	0,15	0,3	÷	обломок рядом
7	5,7	11	0,2	0,1	0,4	÷	
Общая длина	47,5	91					
Пазырык-3							
1	13	2,5	–	0,2	0,3	обломан	лежит на дороге
2	4,9	9	–	0,1	0,2	÷	
3	3,2	6	–	0,09	0,13	÷	
4	5,3	10	–	0,1	0,22	÷	
5	3,55	7	–	0,2	0,5	÷	овальный камень
Общая длина	29,95	57					
Пазырык-4							
1	9,5	18	0,3	0,25	0,25	обломан	серый камень
2	6,3	12	0,1			÷	красный камень
3	3,2	6	0,1			÷	серый камень
Общая длина	19,5	36					

а также **6** – 12–18–36 локтей около кургана Пазырык-4. При установке балбалов около курганов Пазырык-2 и 3, возможно, использовались близкие, но иные модули, равные около 1,8 м и среднему локтю около 0,45 м.

Большинство плит имеет серый или красноватый цвет, но «цепочка» балбалов завершалась белым округлым камнем около кургана Пазырык-2 или овальным – около Пазырыка-4.

«Поминальники». С западной стороны у большинства алтайских курганов пазырыкского времени, на небольшом расстоянии от них, обычно расположены два-три ряда выкладок. Выкладки сооружены на уровне древней дневной поверхности.

Первые три выкладки «скифского» или древнетюркского времени в виде круга из семи камней раскопал В.В. Радлов в 1865 г. на первом Катандинском могильнике. «Под камнями грунт был здесь не тронут…, следовательно, каменные круги служили не гробницами, но, по всей вероятности, местами жертвоприношений» [Радлов, 1896, с. 35].

В 1911 г. А.В. Адрианов [1916, с. 13, 52, 56–72] зафиксировал и частично раскопал большое число разнообразных по форме выкладок в западной части Алтая.

В 1924 г. С.И. Руденко раскопал на Пазырыкском могильном поле одну округлую выкладку из камней диаметром в 10 м и две каменных прямоугольных оградки. В 1929 г. М.П. Грязнов исследовал две плоские насыпи и одно кольцо из камней. В итоговой монографии по Пазырыку С.И. Руденко [1953, с. 26] сделал вывод: «Круги из 6–8 валунов, частично погруженные в почву, неоднократно раскапывались на Алтае А.В. Адриановым и мною, но не дали никаких находок, по которым можно было бы судить об их назначении и времени сооружения».

Только после исследований в 1960–1990-е гг. разнообразных выкладок и «колец» в разных районах Алтая, раскопанных С.С. Сорокиным, Д.Г. Савиновым, В.Д. Кубаревым, Л.С. Марсадоловым, В.А. Могильниковым, Ю.Ф. Кирюшиным, Ю.Т. Мамадаковым, А.А. Тишкиным, Н.В. Полосьмак, В.И. Молодиным, П.И. Шульгой, П.К. Дашковским и другими археологами, стало понятным их поминальное назначение. Подробно семантику внекурганных сооружений Алтая, в том числе и поминальников скифского времени, рассмотрел С.С. Сорокин [1981, с. 23–39]. Не исключено, что поминальными выкладками является и так называемый некоторыми авторами ряд «курганов-кенотафов», где под сплошной каменной насыпью/вымосткой округлой или овальной формы не было могильной ямы.

В Пазырыке к западу от больших и малых курганов расположены два-три ряда, вероятно, поминальных сооружений из камней в виде округлых «колец», насыпей и т.д. (часть объектов находится в лесу). Как и в других могильниках Алтая, размеры выкладок и количество камней в поминальных «кольцах» уменьшаются с востока на запад. Это вполне объяснимо с этнографической точки зрения, когда в последующих поми-

нальных обрядах через определенный срок времени принимало участие все меньшее и меньшее число сородичей [Марсадолов, 1981; 1984; 1991].

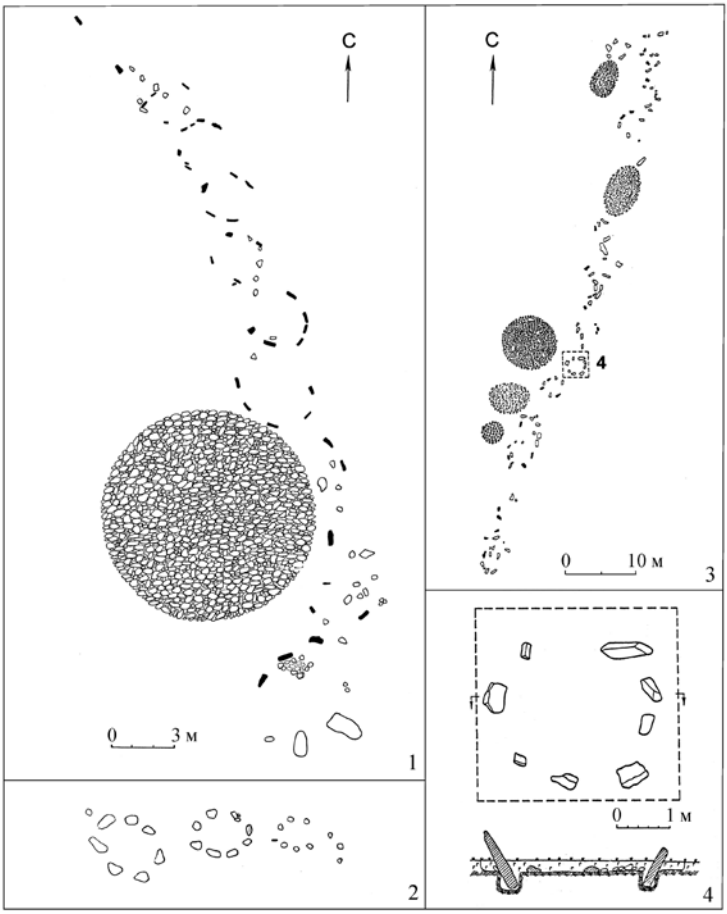
Поминальные выкладки в Пазырыке разнообразны по форме и размерам: одиночные или примыкающие друг к другу «кольца» из восьми и более камней-валунов или вертикально установленных плит; округлые или подовальные «насыпи-выкладки» из камня; разнообразные сочетания «колец» и «насыпей» и т.п. Наиболее сложные, сильно задернованные поминальные сооружения были зафиксированы автором к северо-западу от 3-го Пазырыкского кургана – ряды «колец» из больших вертикально поставленных плит, округлые выкладки и т.д. (рис.-*1*). Здесь вокруг небольшого каменного кургана или выкладки диаметром около 9 м и высотой 1,2 м с восточной и северной сторон расположено около 10 подовальных и округлых выкладок из вертикально поставленных плит. Размеры выкладок и количество камней в каждой из них уменьшаются с юга на север, выклиниваясь до одиночной вертикально поставленной плиты.

Подобные выкладки из вертикально поставленных плит были исследованы автором около курганов в Башадаре [Марсадолов, 1997]. Западнее большого кургана Башадар-2 находится 15–16 оградок, вытянутых «дугой/цепочкой» по линии С–Ю на расстояние около 75 м (рис.-*3*).

Каждая из оградок образована пятью-восемью отдельно стоящими по окружности, вертикально врытыми плитами-стелами, возвышающимися над уровнем современной поверхности на высоту 0,5–0,8 м. Средний диаметр оградки – 3–4 м. Оградки обычно расположены рядом друг с другом, на расстоянии от 1 до 3 м. В 2–3 м с западной стороны от оградок обычно находятся округлые вымостки из камней. В 2,5 м к северу от последней выкладки лежит валун из белого кварцита, как и на завершении «цепочки» балбалов около кургана Пазырык-2.

У оградки, раскопанной в 1985 г. около кургана Башадар-2, была выявлена следующая конструкция (рис.-*4*). По окружности диаметром около 2,6 м, на расстоянии 0,6–0,8 м друг от друга, было вкопано 7–8 плит (на глубину 0,3–0,4 м). К двум вертикальным восточным плитам вплотную примыкала плоская выкладка (размерами 1,2×1,2 м), сложенная из больших и малых камней. Под дерновым слоем, над и под камнями оградки никаких предметов, костей, пятен не было обнаружено. На расстоянии 2 м к западу от этой оградки находится самая большая в этой группе задернованная округлая плоская вымостка-выкладка, образованная сплошной укладкой камней и плит по площади круга диаметром 7,5–8 м (рис.-*3*) [Марсадолов, 1997].

Вероятно, эта оградка является поминальной и относится ко времени, близкому к дате сооружения 2-го Башадарского кургана – к VI в. до н.э., а близкие по конструкции оградки около кургана Пазырык-3 – к концу V в. до н.э. В будущем следует обратить особое внимание на генетические и социально-культурные связи погребенных из Башадара-2 и Пазырыка-3.



Алтай. Поминальные объекты на «могильных полях» в Пазырыке (1–2) и Башадаре (3–4): *1* – около кургана Пазырык-3; *2* – около кургана Пазырык-1; *3* – около кургана Башадар-2; *4* – раскопанное «кольцо» из вертикально поставленных плит с западной стороны от большого кургана Башадар-2. *По материалам экспедиций Л.С. Марсадолова (1–4)*

Организация сакрального погребального пространства в пазырыкской культуре на Алтае может быть реконструирована в виде следующей обрядовой системы, входящей составной частью в более сложную древнюю «картину мира» кочевников.

В центре *круглого* кургана из камней *(символа Неба)* сооружали углубленную *подквадратную* яму – *символ Земли. В южной* наиболее сакральной части ямы находилось *погребение человека, а в северной* –

захоронение взнузданного и оседланного коня. Напомним, что в элитных и рядовых курганах пазырыкского времени большинство *погребенных лежали головой на восток* и были ориентированы в сторону восхода солнца. Пальцы рук и одежда ряда вождей и рядовых кочевников были украшены изображениями петуха, птицей, которая одна из первых встречает и криком приветствует солнечный восход.

Юг был связан с наивысшей полуденной точкой неба – *Зенитом, а север* – с наивысшей точкой ночного неба – центральной областью незаходящих *Звезд*. Поэтому и «цепочки» курганов сооружали *с юга на север. Восточные вертикально поставленные каменные балбалы*, вероятно, символизировали возрождение вождей в будущем, были связаны *с Восходом Солнца на Востоке и Жизнью*, а большинство плоских *горизонтальных выкладок и «колец» с западной стороны* от курганов были предназначены для проводов и поминаний умерших, семантически связаны *с Заходом Солнца на Западе и Смертью* [Марсадолов, 2014].

Заключение. Вероятно, как в длине «цепочек» плит балбалов, так и в общем числе поминальных выкладок около больших курганов отразились временные и социальные факторы, что способствовало общей организации сакрального пространства на курганном поле в Пазырыке.

Как правило, ближайшие к кургану западные поминальные выкладки имеют сложную конструкцию: одну или несколько небольших округлых или подпрямоугольных сплошных каменных вымосток/выкладок, а иногда с прилегающими к этой выкладке одним или несколькими «кольцами», обычно из восьми речных валунов/булыжников или вертикально поставленных каменных плит. Второй и третий ряд поминальников гораздо проще по конструкции, что, вероятно, связано с тем, что число участников поминальных обрядов уменьшалось из года в год.

Библиографический список

Адрианов А.В. К археологии Западного Алтая (из поездки в Семипалатинскую область в 1911 г.) // Известия Археологической комиссии. Пг., 1916. Вып. 62. 92 с.

Марсадолов Л.С. Исследования в Онгудайском и Улаганском районах Горного Алтая // Археологические открытия 1980 г. М., 1981. С. 195–196.

Марсадолов Л.С. О последовательности сооружения пяти больших курганов в Пазырыке на Алтае // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1984. Вып. 25. С. 90–98.

Марсадолов Л.С. Археологическая разведка в Улаганском районе Горного Алтая в 1980 г. // Древние памятники культуры на территории СССР. СПб., 1991. С. 49–59, 118–123.

Марсадолов Л.С. Исследования в Центральном Алтае (Башадар, Талда). Саяно-Алтайская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа. СПб., 1997. Вып. 1. 56 с.

Марсадолов Л.С. Жертвоприношения на сакральных путях-направлениях у древних кочевников Саяно-Алтая // Актуальные проблемы изучения архаики: мат. теорет. семинара «Теория и методология архаики». 1996–2012 гг. СПб., 2014. С. 365–387.

Радлов В.В. Сибирские древности. Из путевых записок по Сибири. Отдельный оттиск из VII тома Записок Императорского Русского археологического общества: пер. с нем. яз. СПб., 1896. 70 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. 403 с.

Сорокин С.С. К вопросу о толковании внекурганных памятников ранних кочевников Алтая // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1981. Вып. 22. С. 23–39.

L.S. Marsadolov

The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia

EASTERN BALBALS AND WESTERN FUNERAL REPAST AS IMPORTANT COMPONENTS OF THE ORGANIZATION OF THE SACRAL SPACE IN THE PAZYRYK IN ALTAI

After research in the 1920–1960 (S.I. Rudenko, M.P. Gryaznov and S.S. Sorokin), archaeological sites in the Pazyryk valley were not considered in scientific literature for more than ten years, although they were examined by many archaeologists and historians.

Particular attention was paid to the refinement of the topography of large mounds, drawing up plans, measuring the distance between them, and the study of balbal-stones located on the eastern side of large mounds, during small archaeological studies of the author in 1979, 1980 and 1995 in Pazyryk.

Stone objects of various shapes, together with balbals and large barrows form a complex ceremonial burial system in Pazyryk. This system of organization of sacral space was associated with the ancient “world view” of the nomads of Altai.

Key words: Altai, Pazyryk, Bashadar, balbals, memorial objects.

УДК 903.5(571.151)

С.С. Матренин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ СЯНЬБИЙСКО-ЖУЖАНСКОГО ВРЕМЕНИ

Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ
(проект №16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»)

В публикации представлен свод коллективных погребений сяньбийско-жужанского времени (II–V вв. н.э.) с территории Алтая. Проанализированы материалы раскопок 35 могил из тринадцати памятников, содержавших останки 78 человек. В результате выявлены общие, особенные и единичные характеристики данных объектов. Установлено, что по признакам обряда и сопро-

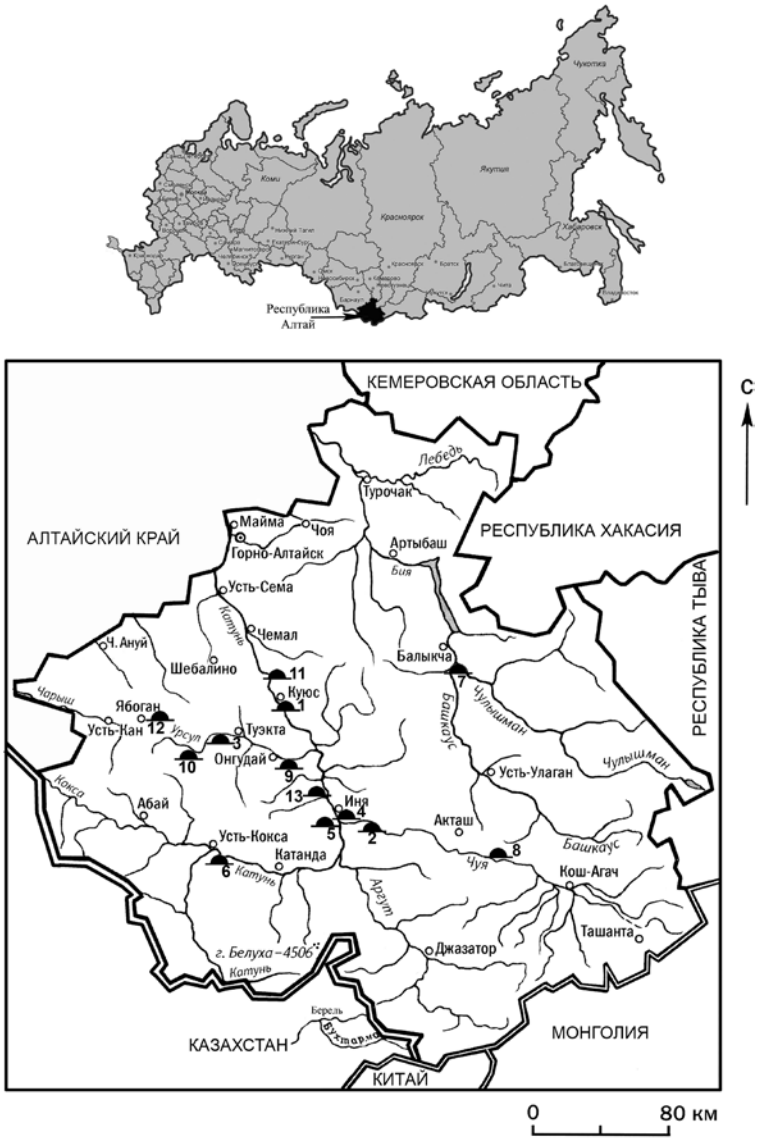
водительного инвентаря они не отличаются от погребений с индивидуальной ингумацией. Парные захоронения соотносятся с «улуг-чолтухской», «карбанской», «яломанской», «айрыдашской», «курайской» погребальными традициями населения булан-кобинской культуры. Большинство взрослых людей были снабжены сопроводительным инвентарем, характерным для средней и бедной прослоек рядового населения булан-кобинской культуры. Обращено внимание на отсутствие индивидов с высоким социальным статусом. В итоге сделан вывод, что практика помещения в одну могилу нескольких человек, вероятнее всего, обусловлена обстоятельствами смерти и (или) близким родством покойных. Представленные археологические материалы расширяют источниковую базу для разностороннего изучения системы жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая периода поздней древности.

Ключевые слова: Алтай, булан-кобинская культура, сяньбийско-жужанское время, коллективное захоронение, ингумация, сопроводительный инвентарь.

На Алтае в период поздней древности основным способом погребения была одиночная ингумация. У населения региона в хуннуско-сяньбийско-жужанское время (II в. до н.э. – V в. н.э.) она представлена различными традициями [Матренин, 2005; Матренин, Тишкин, 2007; Серегин, Матренин, 2016]. Однако в отдельных случаях носители булан-кобинской культуры практиковали трупоположение в одной могиле двух и более человек. Для выяснения причин совершения данных захоронений требуется обстоятельно изучить все известные материалы раскопок таких объектов. Настоящая статья посвящена реализации этой задачи.

При работе с опубликованными и не введенными в научный оборот результатами исследований памятников булан-кобинской культуры были собраны и проанализированы сведения о коллективных погребениях из тринадцати курганных могильников (рис.). Все данные свидетельства относятся к сяньбийско-жужанскому периоду (II–V вв. н.э.).

Айрыдаш-I. Погребально-поминальный комплекс находится в Чемальском районе Республики Алтай, в 3 км к юго-востоку от с. Куюс. Экспедицией ГАНИИИЯЛ под руководством А.С. Суразакова [1984; 1986; 1990] вскрыто 163 погребения булан-кобинской культуры, относящихся ко 2-й половине III – IV в. н.э. Среди них 14 коллективных захоронений [Соенов, 2003]. Умершие укладывались на спину в вытянутом положении, головами преимущественно (12 случаев) в противоположные стороны (на северо-северо-запад и юго-юго-восток), иногда в одном направлении (на северо-северо-запад). В девяти парных могилах похоронены мужчины (три случая), мужчина и женщина (три случая), женщина и ребенок (один случай), взрослые с неустановленным полом (один случай), взрослый и ребенок (один случай). В «тройных» погребениях центральное положение занимал взрослый человек, обращенный головой на северо-северо-запад: в трех случаях это мужчина, в двух – женщина, пол одного субъекта не установлен (определения А.Р. Кима и С.С. Тур). Его сопровождали двое детей (реже ребенок и подросток), которые помещались в разных местах: один сбоку, головой на севе-



Карта-схема расположения могильников Алтая
с коллективными погребениями сяньбийско-жужанского времени:
1 – Айрыдаш-I; *2* – Белый-Бом-II; *3* – Боочи; *4* – Бош-Туу-I;
5 – Булан-Кобы-IV; *6* – Верх-Уймон; *7* – Кок-Паш; *8* – Курайка;
9 – Степушка; *10* – Улита; *11* – Улуг-Чолтух-I; *12* – Ябоган-III; *13* – Яломан-II

ро-северо-запад, другой в ногах, головой обычно на юго-юго-восток и юго-восток. У двух взрослых индивидов зафиксирована декапитация (обезглавливание). Судя по обнаруженному инвентарю, среди покойных были представители рядового населения булан-кобинского общества*.

Белый-Бом-II. Погребально-поминальный комплекс располагается в Онгудайском районе Республики Алтай на левом берегу Чуи, в 2,5–3 км к юго-востоку от с. Белый Бом. Экспедициями АлтГУ на памятнике раскопано более двух десятков могил преимущественно развитого этапа булан-кобинской культуры (II – 1-я половина IV в. н.э.). Два парных погребения исследованы Г.Д. Глобой [1983, с. 118]. В погребении 1 кургана №12 в каменном ящике находились скелеты детей, уложенных на спину в вытянутом положении, головами на юго-юго-восток и юго-восток. Вещей при них не обнаружено. Курган №13 содержал костные останки двух мужчин в каменном ящике. Умершие размещались на спине с выпрямленными ногами, головами на юго-юго-восток. При них найден разнообразный инвентарь (луки, железные и костяные наконечники стрел, боевые и бытовые ножи, поясная гарнитура и др.).

Булан-Кобы-IV. Памятник был зафиксирован в Онгудайском районе Республики Алтай на левом берегу Катуни, в 5,5 км к югу от с. Иня недалеко от места впадения Чуи. Под руководством Ю.Т. Мамадакова [1990а–б] экспедицией АлтГУ на памятнике раскопано 69 могил, датирующихся в основном концом III – серединой IV в. н.э. Исследовано три коллективных погребения [Мамадаков, 1990б, с. 180, 188, 193]. Одно из них содержало захоронение мужчины 30–35 лет и ребенка 8–9 лет (здесь и далее определения А.Р. Кима) в сопровождении верхового коня, уложенного на перекрытие каменного ящика. Взрослый человек покоился на спине вытянуто, головой на восток с небольшим отклонением к северу. Ребенок лежал на спине с прямыми ногами, головой на запад-юго-запад. Инвентарь присутствовал только у мужчины (роговые накладки на лук и костяные наконечники стрел). В двух других погребениях в каменных ящиках похоронены дети, уложенные на спину в вытянутом положении, головами в восточный сектор. В одной могиле (дети 3 года и 4–5 лет) обнаружен железный нож, в другой (дети 3–4 лет и 5–6 лет) – железный нож, бусы, косметическая щеточка, трубочка, застежка из кости.

Боочи. Комплекс погребальных и поминальных сооружений исследовался к северо-западу от одноименного села в Онгудайском районе Республики Алтай. Под руководством Ю.Т. Мамадакова [1990б; 1997] раскопано несколько погребений булан-кобинской культуры III–IV вв. н.э., в том числе два коллективных захоронения. Одно из них содержало останки двух взрослых людей, по-видимому, в каменной обкладке, уложенных на спину с прямыми и слабо согнутыми ногами, головами – по восточному сектору. Точными сведениями о найденном инвентаре мы

* Материалы исследований памятника Айрыдаш-I были любезно показаны автору А.С. Суразаковым в 2003 г.

не располагаем[*]. Во второй могиле зафиксирована ингумация в каменном ящике мужчин 30–35 и 50–60 лет (определения Д.В. Позднякова), уложенных на спину с прямыми и слегка согнутыми ногами, головами на восток. У южного скелета обнаружен лук и наконечник стрелы, у северного – бронзовые пряжки.

Бош-Туу-I находится в Онгудайском районе Республики Алтай, в 1–1,5 км на северо-северо-запад от с. Малая Иня у подножия горы Хрустальной. Экспедициями ИА АН СССР и ГАНИИИЯЛ, а также отдельной экспедицией АлтГУ на могильнике раскопано 59 погребений бело-бомского этапа (II – 1-я половина IV в. н.э.) [Мамадаков, 1990б; Могильников, Суразаков, 1995]. Среди объектов, исследованных под руководством Ю.Т. Мамадакова [1990б], было безынвентарное захоронение двух мужчин в возрасте 25–30 и 30–35 лет (определения А.Р. Кима) в деревянном ящике. Умершие лежали вытянуто на спине, головами на восток-юго-восток и запад-северо-запад.

Верх-Уймон. Памятник выявлен на западной окраине одноименного села Усть-Коксинского района Республики Алтай. Из 40 объектов 2-й половины IV – V в. н.э., раскопанных экспедицией ГАГУ под руководством В.И. Соенова [2017, с. 118–119], один содержал захоронение мужчины 35–40 лет (определения С.С. Тур) и ребенка в каменном ящике. Они были похоронены в сопровождении верхового коня, уложенного вдоль длинной (северной) стенки ямы[**]. Умершие лежали вытянуто на спине, головами в западный сектор. С мужчиной найден немногочисленный воинский инвентарь, а с ребенком – поясная пряжка.

Кок-Паш. Погребально-поминальный памятник в Улаганском районе Республики Алтай расположен в месте слияния Чулышмана и Башкауса. Алтайским отрядом Южно-Сибирской археологической экспедиции КемГУ раскопаны 43 погребения жужанского времени (2-я половина IV – V в. н.э.) [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 175]. В кургане №8 внутри каменного ящика находились двое детей, уложенные вытянуто на спине, головами на юго-восток[***]. Сопроводительный инвентарь представлен железным черешковым ножом.

[*] Информация получена из графической документации, хранящейся в архиве Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ. Антропологические определения опубликованы Т.А. Чикишевой и Д.В. Поздняковым [2000]. Результаты раскопок погребений булан-кобинской культуры по полевым отчетам не проведены.

[**] Автор благодарен В.И. Соенову за возможность ознакомиться с неопубликованными объектами могильника Верх-Уймон.

[***] Согласно описи из журнала половозрастных определений А.Р. Кима, хранящегося в кабинете антропологии АлтГУ, на некрополе Кок-Паш обнаружены две парные могилы: в кургане №18 (дети в возрасте 3–4 и 5–6 лет) и кургане №24 (женщина 30–35 лет и ребенок 5–6 лет). Курган №8 в итоговом издании материалов комплекса в книге «Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII вв. н.э.)» мог быть объектом №18 по полевой документации.

Курайка. Памятник находится в Кош-Агачском районе Республики Алтай, в 2 км к северо-востоку от с. Курай, на правом берегу Курайки. На некрополе раскопан 51 объект (49 могил) 2-й половины III – IV в. н.э. [Богданов, Новикова, 2018, с. 229–223]. Экспедицией ГАГУ под руководством В.И. Соенова исследовано погребение двух детей в деревянном ящике (курган №6). Они лежали вытянуто на спине, головами на северо-запад. У восточного скелета обнаружена бусина, у западного – две бусины и четыре клыка-подвески [Соенов, Эбель, 1998, с. 113, 118].

Степушка. Памятник зафиксирован в Онгудайском районе Республики Алтай, в окрестностях одноименного (ныне нежилого) селения, на правом берегу Урсула. Полностью раскопанный комплекс включал 63 погребения, относящихся к финалу бело-бомского – началу верх-уймонского этапа булан-кобинской культуры [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 163, 196]. Два объекта содержали захоронения нескольких человек. В кургане №15 комплекса Степушка-I находилось захоронение мужчины 35–40 лет и ребенка в возрасте двух лет (здесь и далее определения С.С. Тур) в каменном ящике. Умершие лежали вытянуто на спине с прямыми ногами, головами ориентированы на северо-запад. Ребенок располагался с левой стороны от взрослого. С мужчиной обнаружены два железных наконечника от стрел, наборный пояс с небольшим количеством гарнитур, нож, пробой, костяная застежка. При детском костяке вещи отсутствовали [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 33–34, 189, 192]. На черепе и посткраниальном скелете взрослого человека зафиксированы летальные боевые травмы [Матренин, Тур, 2017; Тур, Матренин, Соенов, 2018, с. 135]. В кольце №17 комплекса Степушка-2 обнаружено погребение женщины 35–30 лет и ребенка 11 лет, ориентированных головами на северо-восток. В изголовье могилы стояла каменная плита, имитировавшая ящик. Женщина покоилась вытянуто на спине. На тазовых костях расчищены фрагменты железа, а в области ступней – обломки керамической посуды. Ребенок размещался слева от женщины, на правом боку. Инвентарь при нем отсутствовал [Соенов, Константинов, Трифанова, 2015, с. 10–11, рис. 4, 5].

Улита. Погребально-поминальный комплекс располагается в Онгудайском районе Республики Алтай, в 3,5–4 км к юго-юго-востоку от с. Ело. Экспедицией АлтГУ под руководством Ю.Т. Мамадакова вскрыты 34 могилы сяньбийского времени (III–IV вв. н.э.). В кургане №25 находилось погребение двух взрослых людей (судя по вещам, один из них мужчина) в сопровождении верхового коня, уложенного на приступку вдоль северной стенки могильной ямы. Оба умерших располагались на спине с прямыми нижними конечностями, головами на запад. Предметный комплекс немногочисленный (лук, железные и костяные наконечники стрел, пряжки, нож) [Мамадаков, 1990а, с. 7, 15–18; 1990б, с. 225].

Улуг-Чолтух-I. Памятник расположен в Чемальском районе Республики Алтай, в 0,8 км к западу от с. Эдиган. Южно-Сибирским отрядом

Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИАЭТ СО РАН и НГУ под руководством Ю.С. Худякова изучено более 50 погребальных объектов, датирующихся 2-й четвертью I тыс. н.э. В кургане №1 находились два взрослых человека, уложенные вытянуто на спине, головами на восток [Худяков, 2002]. Судя по инвентарю (железные наконечники стрел, детали поясного набора, нож), один покойный являлся мужчиной. Курган №37 содержал ярусное захоронение трех взрослых человек, в каменных конструкциях (ящик и его имитация). Два индивида лежали вытянуто на спине, головами на восток. Скелет из второго яруса, судя по обнаруженным деталям головного убора, принадлежал женщине [Худяков, 2007]. В краткой заметке о результатах работ на памятнике упоминается погребение женщины с подростком, ориентированных в противоположные стороны (взрослый человек на восток) [Худяков, 2009, с. 402].

Ябоган-III. Погребальный комплекс в Усть-Канском районе Республики Алтай зафиксирован в 4 км к востоку от районного центра, неподалеку от места слияния Ябогана и Кырлыка. Экспедициями ГАНИИИЯЛ и ИА АН СССР в шести курганах скифо-сакского времени исследованы десять разновременных впускных могил булан-кобинской культуры. В трех погребениях зафиксированы остатки нескольких человек [Могильников, Суразаков, 2003, с. 26, 27, рис. 7, 10, 11, 12]. Погребение 1 из кургана №2 содержало останки четырех индивидов: два взрослых и два подростка. Взрослые люди лежали в центре вытянуто на спине, ориентированы головами в противоположные стороны (на юго-юго-запад и северо-северо-восток). Подростки размещались у них по бокам. Скелет, ориентированный на юго-юго-запад, судя по инвентарю (лук, трубочки-рукояти нагаек, поясная пряжка, железный нож), являлся мужским. В 0,2 м ниже рассмотренного захоронения расчищены два костяка с сильно согнутыми в коленях ногами, черепами на восток (погребение 2). Северный скелет принадлежал взрослому человеку с утраченной левой нижней конечностью. Вещи при покойных отсутствовали. В погребении 2 из кургана №2 обнаружены беспорядочно перемешанные скелеты двух человек. Среди костей найдены фрагменты керамики.

Яломан-II. Погребально-поминальный комплекс в Онгудайском районе Республики Алтай находится на левом берегу Большого Яломана, в 420 м к северо-западу от моста, по которому проходит Чуйский тракт. Яломанской экспедицией АлтГУ под руководством А.А. Тишкина на памятнике раскопано шесть элитных погребений верх-уймонского этапа (2-я половина IV – V в. н.э.) булан-кобинской культуры [Тишкин, 2007; 2017]. Курган №33 содержал захоронение двух детей (могила-1) со шкурами лошадей (каждая с головой и конечностями), уложенными на перекрытии каменного ящика. Умершие лежали «валетом»: сначала в могилу был помещен ребенок 6–7 лет (здесь и далее определения Д.В. Позднякова) вытянуто на спину, головой на северо-запад, поверх него – ребенок 9–10 лет также в вытянутом положении, головой на

юго-юго-восток [Тишкин, 2011, рис. 5]. У детей найден многочисленный инвентарь, в том числе редкие вещи (наборные пояса с большим количеством гарнитур, детали узды, седла, серьги).

В представленном своде содержится информация о 35 коллективных могилах булан-кобинской культуры, раскопанных на тринадцати памятниках в разных районах Алтая. Они относятся к бело-бомскому (II – 1-я половина IV в. н.э.) и верх-уймонскому (2-я половина IV – V в. н.э.) этапам развития обозначенной общности. Значительное количество данных объектов (40%) приходится на некрополь Айрыдаш-I (составляют 8,5% захоронений данного памятника). В выборке известных и доступных нам 838 погребений хуннуско-сяньбийско-жужанского времени из 47 памятников Алтая удельный вес коллективных захоронений составляет 4,2%.

Среди рассмотренных захоронений 32 были совершены в курганах с выкладкой (крепидой или стенкой), как правило, в неглубоких ямах внутри каменных (37,5%), деревянных (9%), каменно-деревянных (6%) ящиков, а также без внутримогильных конструкций (21,8%). В нескольких случаях (18,7%) погребальные камеры имели плохую сохранность (прослежены древесный тлен и развал каменной «обкладки»). Зафиксировано три впускных коллективных погребения без внутримогильных сооружений (Ябоган-III). Представленное количественное распределение вариантов оформления сакрального пространства для умершего человека в целом совпадает со статистикой по объектам, содержащим индивидуальную ингумацию [Серегин, Матренин, 2016, с. 35–38].

В 18 (51%) из 35 погребений усопшие были ориентированы головами в одну сторону с разными отклонениями в рамках восточного (десять случаев) и западного (семь случаев) сектора горизонта. Среди 17 погребений с ориентацией покойных головами по антитезе («валетом») 12 зафиксированы на могильнике Айрыдаш-I. Только в четырех парных погребениях обнаружен верховой конь на перекрытии каменного ящика (два случая) или вдоль длинной, северной, стенки ямы (два случая). Данные свидетельства происходят из памятников Центрального Алтая (Булан-Кобы-IV, Верх-Уймон, Улита, Яломан-II). Можно сделать вывод, что коллективные захоронения соотносятся с «улуг-чолтухской», «карбанской», «яломанской», «айрыдашской», «курайской» погребальными традициями населения булан-кобинской культуры [Серегин, Матренин, 2016, с. 158–163].

Анализ сведений о половозрастном составе людей из коллективных погребений дал следующие результаты. В 15 (42,8%) могилах были похоронены только взрослые индивиды (в шести случаях – мужчины, в трех – мужчина и женщина, в шести – субъекты с не установленной половой принадлежностью), в восьми (22,8%) – взрослый человек (одинаково часто разного пола) с одним ребенком или подростком, в трех (8,5%) – мужчина с двумя детьми, в одной (2,8%) – женщина с двумя детьми. В остальных трех захоронениях находились взрослый человек

с неустановленным полом и пара детей; два взрослых (один мужчина) и два подростка; три взрослых индивида, один из которых женщина. Парные погребения детей происходят только из пяти памятников: Белый-Бом-II, Булан-Кобы-IV, Яломан-II, Курайка, Кок-Паш.

С учетом половозрастных определений из 78 умерших людей 39,7% составляют дети и подростки (31 чел.), 33% – мужчины (26 чел.), 6,4% – женщины (5 чел.). Пол 16 (20,5%) взрослых индивидов не установлен. Мужчины количественно превосходят женщин почти в четыре раза (на большинстве могильников булан-кобинской культуры численность мужских захоронений обычно не превышает 2/3 всей совокупности погребений). Зафиксированный процент умерших детей также выглядит несколько больше аналогичного параметра, характерного для одиночной ингумации [Матренин, 2006, с. 99; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 184].

Во многих коллективных погребениях булан-кобинской культуры обнаружен сопроводительный инвентарь.

Мужчины в своей значительной массе (19 из 26 человек) были снабжены луками и/или стрелами с железными наконечниками, обычно простыми и наборными поясами с небольшим количеством гарнитур, часто орудиями труда (нож, костяные наконечники стрел). Четверо мужчин, помимо оружия дальнего боя, имели боевой нож. Один мужчина похоронен без оружия (но с бронзовыми пряжками), два – без вещей.

Сведения по захоронениям пяти женщин демонстрируют, что у трех имелись головные уборы с немногочисленными металлическими украшениями (в основном бронзовые бляхи и накосники) и другие изделия (в одном случае – серьга и подвеска; в другом – нож, бусина, поясная пряжка). Инвентарь одной женщины представлен железным предметом (пряжкой?). Две женских могилы вещей не содержали.

Таким образом, у большинства взрослых людей обнаружены наборы предметов, характерные для средней и бедной прослоек рядового населения булан-кобинской культуры. Обращает на себя внимание отсутствие индивидов с высоким социальным статусом. Важно заметить, что общее количество мужчин, женщин и индивидов с неустановленным полом, похороненных без инвентаря (11 из 47 человек – 23%) практически совпадает с показателем (25%) по 450 взрослым захоронениям из памятников Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. [Матренин, 2005, с. 138, 200, 207, 209].

Сопроводительный инвентарь детей и подростков отличается неустойчивым качественным составом. В рассматриваемой выборке у 29% детей (9 из 31) обнаружены единичные социально невыразительные предметы (нож, бусы, подвеска, поясная пряжка). Престижные вещи зафиксированы у четырех (13%) индивидов: подросток с гривной (Айрыдаш-I); дети 6–7 и 9–10 лет с серьгами, наборными поясами, снаряжением верхового коня (Яломан-II); ребенок 5–6 лет с ножом, бусиной, косметической щеточкой, орнаментированной трубочкой и костяной застежкой (Булан-Кобы-IV). У значительного количества детей и подростков (45%) инвентарь

отсутствовал, что является нормой погребального обряда для данных категорий населения Алтая во II в. до н.э. – V в. н.э. [Матренин, 2005, с. 192, 195; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 188].

Основываясь на приведенных выше наблюдениях, можно констатировать, что по признакам обряда и сопроводительного инвентаря коллективные захоронения населения Алтая сяньбийско-жужанского времени не отличаются от курганных и впускных погребений с индивидуальной ингумацией. Практика данных погребений у носителей булан-кобинской культуры не зависела от социального статуса и происхождения покойных. Помещение в одну могилу двух и более человек, вероятнее всего, обусловлено обстоятельствами смерти и близким родством покойных. В связи с этим показательным выглядит достаточно большой процент таких свидетельств на памятнике Айрыдаш-I, в материалах которого зафиксированы многочисленные проявления вооруженного насилия (смертельные травмы от оружия на костях мужчин, женщин и детей, кенотафы с женским инвентарем) со стороны культурно/этнически чужеродных групп населения [Тур, Матренин, Соенов, 2018, с. 138]. Не случайным является и то, что большинство коллективных погребений булан-кобинской культуры относится ко 2-й половине III – V в. н.э., когда в регионе заметно возрастает частота межперсональных и межгрупповых конфликтов.

Библиографический список

Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII вв.). Новосибирск, 2003. 224 с.

Богданов Е.С., Новикова О.И. К вопросу о культурной принадлежности могильника Курайка // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2018. Т. XXIV. С. 229–233.

Глоба Г.Д. Раскопки курганного могильника Белый Бом-II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. Горно-Алтайск, 1983. С. 116–126.

Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1990а. 19 с.

Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э.: дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1990б. 317 с.

Мамадаков Ю.Т. Аварийные раскопки у с. Боочи // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1997. Вып. VIII. С. 150–153.

Матренин С.С. Социальная структура населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени (по материалам погребальных памятников булан-кобинской культуры II в. до н.э. – V в. н.э.): дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2005. 557 с.

Матренин С.С. Палеодемографический анализ и реконструкция половозрастной структуры населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2006. Вып. 2. С. 98–109.

Матренин С.С., Тишкин А.А. Опыт выделения локально-территориальных групп населения Горного Алтая хуннуского времени (по материалам погребальных памятников) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2007. Вып. 3. С. 102–115.

Матренин С.С., Тур С.С. Детские погребения сяньбийско-жужанского времени из могильника Степушка-I в Центральном Алтае // Известия Алтайского государственного университета. 2017. №2 (94). С. 234–241.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки курганов гуннского времени у с. Малая Иня в Горном Алтае // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М., 1995. С. 62–74.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки памятников Ябоган-III // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск, 2003. Вып. 1. С. 26–63.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. – XI в. н.э. Барнаул, 2016. 272 с.

Соенов В.И. Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ). Горно-Алтайск, 2003. 160 с.

Соенов В.И. Нарушенное воинское погребение на могильнике Верх-Уймон // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2017. №8 (20). С. 117–142.

Соенов В.И., Константинов Н.А., Трифанова С.В. Детские погребения могильника Степушка-II // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск, 2015. Вып. 3 (16). С. 9–27.

Соенов В.И., Эбель А.В. Исследования на могильнике Курайка // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1998. №3. С. 113–135.

Суразаков А.С. Раскопки у сел Куюс и Кокоря в Горном Алтае // АО 1982 года. М., 1984. С. 232–233.

Суразаков А.С. Могильник Айрыдаш-I в Горном Алтае // АО 1984 года. М., 1986. С. 203.

Суразаков А.С. Раскопки в долине Айрыдаш // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск, 1990. С. 197–200.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007. 356 с.

Тишкин А.А. Деревянные находки из памятника Яломан-II // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2011. Вып. 6. С. 165–176.

Тишкин А.А. Результаты радиоуглеродного датирования курганов жужанского времени памятника Яломан-II (Центральный Алтай) // Вестник Томского университета. Сер.: История. 2017. №49. С. 54–59 DOI: 10.17223/19988613/49/10

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул, 2018. 368 с. (Археологические памятники Алтая. Вып. 3).

Тур С.С., Матренин С.С., Соенов В.И. Вооруженное насилие у скотоводов Горного Алтая гунно-сарматского времени // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. №4 (46). С. 132–139.

Чикишева Т.А., Поздняков Д.В. Антропология населения Горного Алтая в гунно-сарматское время // Археология, этнографии и антропологии Евразии. 2000. №3 (3). С. 116–131.

Худяков Ю.С. Раскопки могильника Улуг-Чолтух-I в 2002 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2002. Т. VIII. С. 472–478.

Худяков Ю.С. Раскопки могильника Улуг-Чолтух в 2007 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2007. Т. XIII. С. 388–391.

Худяков Ю.С. Археологические исследования в долине реки Эдиган в 2009 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2009. Т. XV. С. 401–404.

S.S. Matrenin

Altai State University, Barnaul;
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul

COLLECTIVE BURIALS OF THE POPULATION OF ALTAI IN THE XIANBEI – ROURAN TIME

The publication presents a set of collective burials of the Xianbei – Rouran time (the 2nd – 5th centuries AD) from the territory of Altai. The materials of excavation of 35 graves from thirteen sites with the remains of 78 people have been analyzed. As a result, the general, special and individual characteristics of these objects have been revealed. It was established that according to the signs of the rite and the accompanying equipment, they do not differ from the burials with individual inhumation. Paired burials correspond to the Ulug-Choltukh, Karban, Yaloman, Ayridash, Kurai burial traditions of the population of the Bulan-Kobin culture. Most of the adults were provided with accompanying equipment, characteristic of the middle and poor strata of the ordinary population of the Bulan-Kobin culture. Attention is drawn to the absence of individuals of high social status. As a result, it was concluded that the practice of placing several people in one grave is most likely due to the circumstances of the death and (or) close relationship of the deceased. The presented archaeological materials expand the source base for a comprehensive study of the life support system of the nomadic societies of Altai from the late antiquity.

Key words: Altai, Bulan-Kobin culture, Xianbei – Rouran time, collective burial, inhumation, accompanying equipment.

УДК 903.4(571.1)

Г.А. Миляев[1], С.П. Грушин[1], А.В. Фрибус[2]

[1]Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
[2]Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

ИССЛЕДОВАНИЕ РАЗНОВРЕМЕННОГО ПОСЕЛЕНИЯ МЕЛЬНИЧНАЯ-1 В ПРИСАЛАИРЬЕ

Работа выполнена при частичной поддержке государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (проект №33.2597.2017/ПЧ (КемГУ))

Статья посвящена исследованиям поселения Мельничная-1 в Западном Присалаирье. Поселение открыто в 2016 г., располагается на северо-востоке Алтайского края, в Залесовском районе. Результаты работ 2017 г. позволяют сделать вывод о наличии трех культурно-хронологических горизонтов: неолит, ранняя (елунинская культура) и поздняя бронза (ирменская культура).

Ключевые слова: Салаирский кряж, Залесовский район, культурно-хронологические горизонты, елунинская культура, ирменская культура, неолит, поселение.

В ходе археологической разведки в 2016 г. в Залесовском районе было открыто древнее поселение Мельничная-1 [Грушин, Миляев, Вальков, 2017]. Памятник располагается в 10,5 км к юго-западу от с. Муравей Залесовского района Алтайского края, в 0,5 км к востоку от

устья р. Мельничная при впадении ее в Чумыш, и в 0,3 км к юго-востоку от могильника Чумыш-Перекат (рис. 1.-*1, 2*). Участок, где располагается памятник, представляет собой закрытую и удобную для проживания древнего населения ровную площадку, слабо наклоненную к югу, и лежит у основания мысовидной террасы, на которой расположен разновременный могильник Чумыш-Перекат (рис. 1.-*2*).

В 2016 г. было вскрыто 8 кв. м площади памятника, удалось выявить 42 находки, из которых 12 экз. – это орнаментированные фрагменты стенок сосудов, 26 фрагментов керамики без орнамента, 1 кость, 3 камня, среди которых одно каменное изделие – призматическая пластина. Предварительно памятник Мельничная-1 был отнесен нами к эпохе неолита и датирован V–IV тыс. до н.э. [Грушин, Миляев, Вальков, 2017, с. 81–82].

В 2017 г. Залесовским отрядом Алтайского государственного университета были организованы археологические раскопки на поселении Мельничная-1 для дальнейшего изучения планиграфии, стратиграфии и условий залегания находок по слоям памятника. При наличии разнокультурных комплексов необходимо было проследить их тщательную пространственную и стратиграфическую локализацию, а также перед нами стояла задача культурно-хронологической атрибуции этого памятника. Данная статья посвящена публикации результатов исследования памятника Мельничная-1 в полевой сезон 2017 г.

Размеры раскопа в 2017 г. составили 8×4 м. Стратиграфическая колонка поселения Мельничная-1 выглядит следующим образом: в верхней части разреза фиксировался слой гумусированного дерна мощностью 3–15 см, ниже залегал светло-серый слой иллювиального суглинка мощностью 8–24 см. Глубже залегал слой темного элювиального суглинка мощностью 20–65 см; в данном горизонте было зафиксировано большинство артефактов, что позволило отнести его к культурному слою. Под ним фиксировался карбонатный светло-серый слой с включениями конкреций мощностью 6–18 см. В нижней части стратиграфической колонки залегал материк – стерильный в археологическом отношении слой светло-желтого суглинка.

Массовый материал, полученный на поселении Мельничная-1 в 2017 г., представлен 143 фрагментами керамики, 4 фрагментами костей животных, 1 кусочком руды, 1 фрагментом каменного скола (всего 149 экземпляров). В ходе анализа керамической коллекции было выявлено несколько культурно-хронологических горизонтов, описание которых приводится ниже.

Культурно-хронологический комплекс эпохи неолита. Наиболее ранний хронологический этап относится к эпохе неолита. Керамика данной группы характеризуется орнаментом, нанесенным мелким гребенчатым штампом в виде елочки, которая отходит параллельными линиями от двух центральных полосок, сделанных в технике прочерчивания (рис. 2–*9, 18*). Орнамент, зафиксированный на керамике, име-

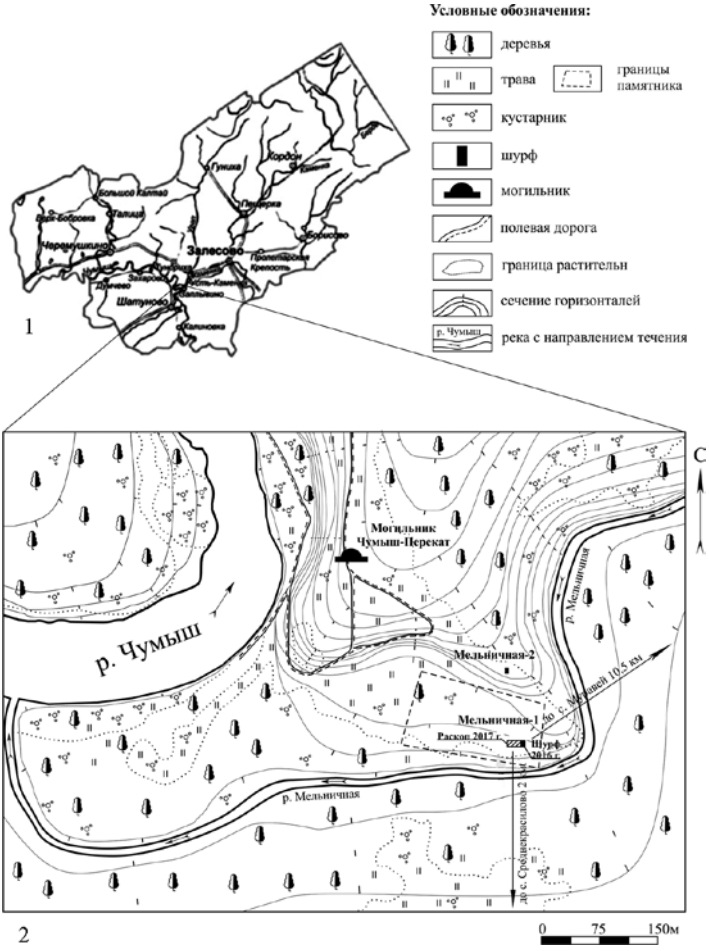


Рис. 1. Поселение Мельничная-1 на карте Залесовского района:
1 – карта Залесовского района Алтайского края; *2* – топографический план месторасположения памятников в устье р. Мельничной, с указанием раскопов 2016 и 2017 гг. на поселении Мельничная-1

ет параллели в различных неолитических комплексах Западной Сибири и в Присалаирье, в частности [Зах, Еньшин, 2015, рис. 3.-1–16, с. 34–43]. Малочисленность керамического комплекса на данном этапе исследования не позволяет связать неолитический комплекс поселения Мельничная-1 с какой-либо из известных культур региона.

Культурно-хронологический комплекс эпохи ранней бронзы. Другой этап функционирования данного памятника, по нашему мнению, мо-

жет быть связан с *эпохой ранней бронзы*. Правда, на данный момент был зафиксирован единичный фрагмент керамики, который был украшен орнаментом в виде гребенчатой качалки (рис. 2.-*21*). Аналогии подобному типу орнаментации можно найти в материалах елунинской археологической культуры Верхнего Приобья. В частности, на таких памятниках эпохи ранней бронзы Алтая, как Березовая Лука [Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005, с. 130–134, 165–194, рис. 92, 93, 98, 100], Колыванское-I [Грушин, Шайхутдинов, Мерц, 2010, с. 186–190, рис. 1] и др.

Культурно-хронологический комплекс эпохи поздней бронзы. Верхняя граница функционирования Мельничная-1 на данном этапе исследования диагностируется *эпохой поздней бронзы*. Большая часть керамики, найденной на памятнике, может быть отнесена к ирменской культуре (рис. 2.-*1–3, 7, 10, 12, 14, 15, 19, 20*). Аналогии можно найти в материалах памятника Саратовка-6, который находится очень близко – в Гурьевском районе Кемеровской области, практически на границе с Алтайским краем [Ковалевский, Илюшин, 2008, с. 18–32, рис. 1, 2, 5]. Подобная керамика была зафиксирована на позднебронзовом поселении Жарково-3, которое располагается в Баевском районе Алтайского края [Кирюшин, Папин, Федорук, 2008, с. 5–17, рис. 4.-9], Березовый Остров-1 [Мыльникова, Дураков, 2008, с. 56–68, рис. 6] и др. Таким образом, на поселении Мельничная-1, на наш взгляд, очень четко выделяется пласт эпохи поздней бронзы, который можно отнести к ирменской археологической культуре и датировать в пределах XIV–X вв. до н.э.

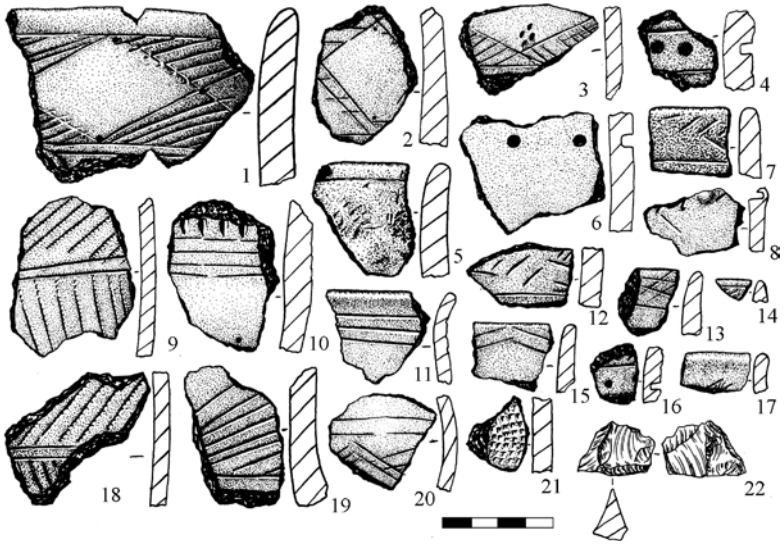


Рис. 2. Поселение Мельничная-1. Артефакты:
1–13 – фрагменты керамических сосудов; *22* – каменный скол

Также в 2017 г. была исследована яма. Объект был обнаружен при вскрытии 1 и 2 горизонтов. Еще при зачистке одного пласта фиксировалось скопление обожженных деревянных плашек и несколько неорнаментированных фрагментов керамики. Пятно ямы, в плане подовальной формы, вытянуто по линии СЗ–ЮВ, его размеры 110×87 см. Профиль ямы зафиксирован по линии А–А', перерезая объект с северо-запада на юго-восток. Он имел длину по верху 110 см, по дну ямы – 49 см. Северо-западная стенка плавно понижалась ко дну, а юго-восточная имела выступ в виде ступеньки длиной 20 см. Дно ямы чашевидной формы с плавным понижением в центральной части. Заполнение ямы представлено темной коричневой супесью с крупными включениями прокаленного суглинка оранжевого цвета. При выборке ямы артефактов зафиксировано не было. Данное обстоятельство позволяет интерпретировать зафиксированный объект как остатки кострища (?), в верхней части которого располагались фрагменты из обожженного дерева и керамики, а в нижней части фиксировалась яма, заполнение которой представлено прокалом, появившемся, по всей видимости, в результате воздействия огня при функционировании. Так как находок в яме обнаружено не было, ее датировка затруднительна. Стратиграфическое залегание объекта в верхних слоях позволяет его отнести ко времени не ранее позднего бронзового века вплоть до современности.

Таким образом, итогом дальнейшего исследования материалов поселения Мельничная-1 в 2017 г. стало выявление его разновременного характера. Зафиксировано три культурно-хронологических горизонта: эпоха неолита (V–IV тыс. до н.э.), эпоха ранней бронзы (елунинская культура – XXII–XVIII вв. до н.э.) и эпоха поздней бронзы (ирменская культура – XIV–X вв. до н.э.).

Существует большая вероятность того, что материалы поселения Мельничная-1 связаны с разновременным некрополем Чумыш-Перекат, который располагается в 300 м к северо-западу на высокой мысовидной террасе. Данный могильник находится в непосредственной близости и представлен несколькими культурно-хронологическими комплексами, которые также были обнаружены и на поселении Мельничная-1. На объекте Чумыш-Перекат были зафиксированы неолитические погребения [Фрибус, Грушин, 2017а, с. 188–192; 2017б, с. 20], захоронения эпохи бронзы (андроновская и ирменская археологические культуры), а также могилы эпохи раннего железа и раннего средневековья [Фрибус, Грушин, 2015; Фрибус, Грушин, Сайберт, Трусова, 2018; Фрибус, Грушин, Фролов, 2018].

Таким образом, мы допускаем, что могильник Чумыш-Перекат и поселение Мельничная-I были оставлены единым населением, однако этот вопрос требует глубокой проработки. Всестороннее исследование данного памятника позволит расширить источниковую базу для изучения истории древнего населения, проживавшего на протяжении длительного времени в контактной зоне между Приобьем и Присалаирьем.

Библиографический список

Грушин С.П., Миляев Г.А., Вальков И.А. Результаты археологической разведки в долине р. Мельничной Залесовского района Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: сб. науч. ст. Барнаул, 2017. Вып. XXIII. С. 78–83.

Грушин С.П., Шайхутдинов В.М., Мерц И.В. Исследование памятников раннего бронзового века на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат. итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск, 2010. С. 186–190.

Зах В.А., Еньшин Д.Н. К вопросу о неолитизации в лесостепи Западной Сибири // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 6, №2 (62). С. 34–43.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи ранней бронзы в Алейской степи. Барнаул, 2005. Т. I. 288 с.: ил.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С. Предварительные итоги исследования поселения эпохи поздней бронзы Жарково-3 // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул, 2008. С. 5–17.

Ковалевский С.А., Илюшин А.М. Керамический комплекс эпохи поздней бронзы поселения Саратовка-6 // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул, 2008. С. 18–32.

Мыльникова Л.Н., Дураков И.А. Производственная площадка поселения Березовый остров // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул, 2008. С. 56–58.

Фрибус А.В., Грушин С.П. Культурно-хронологические комплексы грунтового могильника Чумыш-Перекат (предварительное сообщение по результатам работ 2014 г.) // Человек и север: антропология, археология, экология. Тюмень, 2015. С. 196–199.

Фрибус А.В., Грушин С.П. Неолитический комплекс могильника Чумыш-Перекат // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. 2017а. Т. I. С. 188–192.

Фрибус А.В., Грушин С.П. Перья птиц в системе оформления неолитического костюма (по материалам могильника Чумыш-Перекат на юге Западной Сибири) // Записки Института истории материальной культуры РАН. 2017б. №16. С. 20–31.

Фрибус А.В., Грушин С.П., Сайберт В.О., Трусова Е.В. Проблемы хронологии древних и средневековых комплексов могильника Чумыш-Перекат в Западном Присалаирье // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2018. Вып. 2. С. 42–47.

Фрибус А.В., Грушин С.П., Фролов Я.В. Могильник Чумыш-Перекат – новый памятник скифского времени на границе Барнаульского Приобья и Присалаирья // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: Исторические науки и археология. 2018. №2 (100). С. 194–202.

G.A. Milyaev[1], S.P. Grushin[1], A.F. Fribus[2]

[1]Altai State University, Barnaul, Russia;
[2]Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

RESEARCH INTO THE FOOTHILLS OF THE SALAIR RIDGE

The article is devoted to research of the Melnichnaya 1settlement in Western foothills of the Salair ridge. Located in the North-East of the Altai region, in the Zalesovsky district, the site was discovered in 2016. The results of the 2017 research

season allow us to conclude about the presence of 3 cultural-chronological horizons: the Neolithic, Early (Elyninskaya culture) and Late Bronze Age (Irmenskaya culture).

Key words: Salair ridge, Zalesovsky district, cultural-chronological horizons, Elyninskaya culture, Irmenskaya culture, Neolithic, settlement.

УДК 55:94(571.151)

Л.Н. Мукаева

Горно-Алтайский государственный университет,
Горно-Алтайск, Россия

ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ (Республика Алтай)

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ
и Правительства Республики Алтай (проект №18-49-040005 р_а)

В статье рассматривается историческое и культурное значение памятников горного дела, появившихся в результате горнопромышленного освоения полезных ископаемых Горного Алтая в различные эпохи. Предпринята попытка рассмотреть реальное содержание геологического и горного наследия и его роли в популяризации Республики Алтай как особого уникального региона, являющегося геологическим музеем «под открытым небом». Это сохранившиеся чудские копи, древние медные и железные рудники, вольфрамовые и ртутные рудники, мраморные каменоломни, асбестовая фабрика, ртутный завод, золотые прииски, памятники монументального искусства. В Горном Алтае находится первый памятник, установленный в нашей стране, геологу Г.Г. Петцу. Одним из основных условий сохранения и популяризации памятников горного дела является использование геологического наследия в сфере туризма.

Ключевые слова: культурное наследие, горнопромышленное освоение, рудники, предприятия, памятники горного дела.

Республика Алтай богата не только природными красотами и достопримечательностями, но и культурно-историческими памятниками, которые широко можно использовать в различных сферах туристического бизнеса, в том числе и в рамках научно-познавательного туризма, развивая его такое направление, как геологический туризм. Для сохранения культурно-исторического наследия региона необходимо в ряду других памятников истории и культуры тщательно изучать сохранившиеся памятники горно-поискового дела и горной промышленности. В научно-познавательном отношении привлекательными регионами Республики Алтай являются высокогорные Усть-Коксинский, Кош-Агачский, Улаганский, среднегорный Онгудайский районы. На территории этих районов от разных эпох сохранились различные горные объекты, представляющие историко-культурный и туристический интерес. Это чудские копи, оставшиеся от металлургической деятельности древних горняков,

среди которых самым известным является медный рудник Владимировка, открытый советскими геологами в 1955 г. Интересные сведения об одной чудской копи на территории современного Усть-Коксинского района сообщил кабинетский геолог Н.Н. Кокшаров, проводивший во 2-й половине 1880-х гг. геологические изыскания в Горном Алтае. По его сведениям, в «Сухом логу» Уймонской степи еще в начале XIX в. крестьянами старообрядческого с. Верхний Уймон были обнаружены остатки плавильных печей и глубокие ямы с рудою, но оползень (по словам старообрядцев – «земляная оплывина») засыпал это место, заслуживающего дальнейшего исследования. Остатки древней «чудской» медной плавки он обнаружил на одном из правых притоков Аргута, а также во многих других местах [ГААК, ф. 3, оп. 1, д. 243, л. 5; Мукаева, 2016, с. 113]. В разных местах Горного Алтая геологами и археологами зафиксированы центры древнего металлургического производства: медеплавильного и черно-металлургического [Природно-культовые объекты…, 2015, с. 80–131]. Большой познавательный интерес представляют горные разработки кабинетских геологов, производившиеся в XVIII – начале XX в. До сих пор сохранились остатки асбестовых рудников в горах Катунского и Теректинского хребтов, разрабатывавшихся в начале XX в., золотых приисков по притокам Лебедя [Мукаева, 2009, с. 194–195].

Особый интерес представляют памятники, связанные с периодом горнопромышленного освоения Горного Алтая в советское время. Это, в первую очередь, расположенные на плато Укок вольфрамовые Калгутинский и Чиндагатуйский рудники, ныне заброшенные. Вольфрам с Калгутинского рудника в годы Великой Отечественной войны поставляли на главный «Танкодром» страны – Челябинск. Сохранившиеся шахты и штольни вольфрамовых рудников вызывают неподдельный интерес у всех туристов, посещающих плато Укок. В наше время не действуют ртутный рудник и ртутный завод в Акташе Улаганского района. В свое время Акташское ртутное месторождение являлось крупнейшим в Западной Сибири, а добываемая ртуть была ценным стратегическим сырьем для экономики страны. Заброшенные ртутные рудник и завод находятся на высоте 2300–2800 м над уровнем моря [Мукаева, 2018, с. 54–58; 2019, с. 153–154]. С недавнего времени к ним пролегает один из увлекательнейших и экстремальных туристических маршрутов в этой части высокогорья Горного Алтая. Маршрут проходит по узкой опасной дороге на головокружительной высоте. Выше ртутных предприятий располагается Акташский ретранслятор, установленный на вершине горы, с которой прекрасно видны раскинувшийся во всю ширь Северо-Чуйский хребет, Курайская степь с бывшим геологическим поселком Кураем, в хорошую погоду вдали виднеется двуглавая Белуха и другие вершины Катунского хребта. На территории Чемальского района находится Ороктойский мраморный карьер, разработка которого прекратилась в 1950-х гг. Ороктойские каменоломни в свое время поставляли

огромные монолиты превосходного высокохудожественного мелкозернистого мрамора розовой, белой и золотисто-палевой расцветки. До сих пор на месте мраморных карьеров высятся целые скалы этого высокохудожественного цветного камня и рядом брошенные мраморные блоки [Мукаева, 2018, с. 66]. От советского периода геологического и горнопромышленного освоения в различных местах Республики Алтай остались штольни, канавы, шурфы, остатки гидротехнических сооружений: недостроенная Чуйская для Акташского завода, Еландинская ГЭС, представляющие в наше время интересные туристические объекты.

Одним из интереснейших памятников по истории горно-поискового дела на Алтае является памятник, установленный на месте трагической гибели российского геолога Г.Г. фон Петца, работавшего в Рудном и Русском Алтае по программе геологических исследований Геологической части Кабинета Его Императорского Величества. Биография геолога, погибшего в горах Алтая, была типичной для молодого человека из дворянской семьи скромного достатка. Он происходил из семьи морского офицера немецкого происхождения. Родился он в 1867 г., учился в историко-филологической гимназии, рано стал подрабатывать уроками, в том числе давая уроки сыновьям видного российского географа и путешественника П.П. Семенова-Тян-Шанского. Вполне возможно, что тесное знакомство молодого Петца со знаменитым академиком-географом повлияло на его научные предпочтения. Он рано стал интересоваться естественными науками и проявлять склонность к научно-исследовательской деятельности. Не случайно, после окончания гимназии он поступил на естественный факультет Санкт-Петербургского университета, который закончил в 1891 г. Талантливого молодого человека оставили в университете для чтения лекций по геологии и минералогии. На следующий год он стал хранителем Геологического кабинета университета. В 1894 г. состоялось судьбоносное событие для Г.Г. Петца, предопределившее его профессиональную и научную карьеру геолога и, как позже выяснилось, дальнейший жизненный путь и его завершение [Мукаева, 2012, с. 47–48]. Он был приглашен на постоянную работу в только что созданную 23 марта 1894 г. Геологическую часть Кабинета под управлением профессора геологии А.А. Иностранцева. Геологическая часть Кабинета учреждалась для проведения систематических ежегодных изысканий по выяснению запасов полезных ископаемых на территории Алтайского горного округа. Ближайшей задачей деятельности нового геологического учреждения было проведение геологической съемки и составление геологической карты Алтая [Мукаева, 2008, с. 393].

Впервые Г.Г. Петц как сотрудник Геологической части кабинетского ведомства побывал на Алтае в 1895 г. И с этого времени он практически каждый год приезжал на Алтай для проведения геологических исследований. В конце XIX в. занимался изучением угленосных бассейнов и золотоносных районов в северо-восточной части округа. Именно проблемы

алтайской геологии стали темой магистерской диссертация Г.Г. Петца, которую он защитил в 1901 г. Его диссертация была полностью опубликована в одном из томов «Трудов Геологической части Кабинета». Всего им издано 18 крупных научных работ, из них 10 по геологии Алтая. По итогам экспедиций 1896, 1900, 1901 гг. в 6-м томе «Трудов Геологической части Кабинета» была опубликована монография, посвященная геологическому описанию западной части Алтайского округа, включавшая листы геологической съемки: Змеиногорск, Кабанью, Белоглазово и Локтевку. Этот солидный труд Г.Г. Петца стал серьезным вкладом в развитие геологической мысли Алтая XX в. Кроме того, он составил самую полную дореволюционную геологическую библиографию Алтайского округа, материалами которой пользовались исследователи нескольких поколений. В Рудном и Горном Алтае он выполнял геологическую съемку и занимался составлением геологической карты.

Обстоятельства его гибели в Алтайских горах достаточно подробно описаны в исследовательской литературе [Мукаева, 2012, с. 47–51]. В начале XX в. исследования Геологической части Кабинета охватили юго-западную часть округа, т.е. Рудный Алтай, включая западную часть Горного Алтая. На лето 1908 г. Геологическая часть Кабинета поручила Г.Г. Петцу провести геологическое обследование и геологическую съемку Холзунского хребта. Исследовательские экспедиции в Алтайских горах были трудным и опасным делом. Кабинетским геологам с каждым годом приходилось все дальше забираться в самое сердце Алтая с его верховыми тропами и, как упоминалось в некрологе на смерть Г.Г. Петца, мыедвежьими тропинками вместо дорог, стремительными кручами и бурными горными реками. Лето 1908 г. оказалось неблагоприятным для проведения экспедиций подобного рода, так как в этой части Алтая шли проливные дожди, которых не помнили даже старожилы. Дороги и горные тропы размыло, большие и малые реки Горного Алтая сильно вздулись. Погода была настолько плохой, что Г.Г. Петцу, который 13 июня 1908 г. прибыл в рудничный поселок Риддерск (ныне – г. Риддер Восточного Казахстана), откуда должна была трогаться экспедиция, пришлось здесь задержаться на 9 дней в ожидании хотя бы частичного прекращения дождя. Только 22 июня экспедиция Г.Г. Петца двинулась по первому из намеченных геологических маршрутов по окрестностям Риддерска, которые геологи обследовали шесть дней. Исследователи прошли через верховья р. Тургусун и Грамотухи, Ивановские белки и остановились для отдыха в дер. Поперешной. 30 июня 1908 г. началась экспедиция на Холзунский хребет Горного Алтая, которая стала для Г.Г. Петца роковой и последней в его жизни.

По составу экспедиция была небольшой, в нее входили руководитель Г.Г. Петц, его помощник – сотрудник Геологического Кабинета Санкт-Петербургского университета В. Сидоров и два проводника из с. Абая. Маршрут Холзунской экспедиции пролегал через р. Палевую,

Второй Тургусун, верховья Черной Убы, Коксу, Карагайки, Каир-Кума (ныне – речка Банная Усть-Коксинского района Республики Алтай) и водораздел между Каир-Кумом и Краснояркой. Этим водоразделом Г.Г. Петц рассчитывал спуститься к среднему течению катунского притока – Коксу, примерно в районе дер. Абай, куда его вели проводники, и оттуда подниматься к р. Поперешной. 4 июля путешественники прибыли на ручей Каир-Кум, являвшемся в обычное время мелкой речкой, которую легко перебродили в любом месте. Но из-за многодневных проливных дождей Каир-Кум разлился примерно на 22 м ширины и глубиной до 1,5–2 м. На берегу Каир-Кума геологи остановились на ночлег. На следующий день в 10-м часу утра экспедиция переправилась через Каир-Кум и стала подниматься на высокий водораздел в направлении к дер. Красноярке, до которой намеревалась дойти за день. Но в этот день разыгралось сильное ненастье – дождь со снегом при бурном ветре и резком понижении температуры. Геологи пытались идти дальше, но люди выбились из сил. Тогда Г.Г. Петц принял решение: вернуться назад по пройденному маршруту. В 7-м часу вечера экспедиция вернулась назад к Каир-Куму. Вместо того чтобы здесь переночевать, геологи после короткого отдыха стали переправляться на другой берег к месту своего бывшего лагеря на лошадях. Впереди двигались проводники, за ними В. Сидоров, последним верхом ехал Г.Г. Петц. Точная причина катастрофы осталась неизвестной. По одной версии, лошадь поскользнулась и скинула седока, по другой Г.Г. Петц допустил неосторожность и упал в реку. В некрологе сообщалось, что, видимо, у геолога закружилась голова, поскольку в этой экспедиции он часто жаловался на головокружение [Леман, 1915, с. 191–192]. Когда его помощник В. Сидоров, услышав шум, оглянулся, то он увидел, что Г.Г. Петца и лошадь уносила бурная река. В. Сидоров кинулся за ним в воду, но сильным течением реки его сбило и тоже стало уносить. Проводники бежали по берегу, надеясь спасти геологов. Помощнику кое-как удалось выбраться на берег. Погибшего Г.Г. Петца проводники вытащили мертвым уже на отмели, куда его прибило на 200 м ниже переправы. На разбитых во время падения часах геолога стрелки остановились на 18.30.

Осиротевшая экспедиция пять суток оставалась на месте трагедии, пока из Абая не прибыл урядник. Он распорядился доставить тело на волокушах на заимку Аксас, располагавшуюся в 20 верстах ниже по течению Каир-Кума. Это маленькое поселение, состоявшее из двух крестьянских и двух алтайский семей, стало местом последнего «упокоения» Г.Г. фон Петца. Здесь его похоронили в простом гробу из алтайского кедра, на могиле поставили деревянный крест, позже его заменили каменным памятником [Мукаева, 2012, с. 49]. О погибшем в Алтайских горах геологе вышли некрологи, опубликованные в «Ежегоднике геологии и минерологии России», в восьмом томе «Трудов Геологической части Кабинета Его Императорского Величества». Бывший когда-то его

учеником В.П. Семенов-Тян-Шанский написал статью-некролог под названием «Памяти Петца». Автор одного из некрологов на смерть геолога-ученого В.Н. Леман [2015, с. 192–193] обратился к погибшему со словами: «Спи спокойно теперь в твоей далекой и одинокой могиле. Да будет легка тебе почва сурового Алтая, изучению которой ты отдал так много ... свою жизнь».

Так, трагедия, разыгравшаяся в Алтайских горах 5 июля 1908 г., прервала научные исследования талантливого геолога на 42-м году жизни. Смерть Г.Г. Петца стала одним из трагических моментов в истории горно-поисковых работ на Алтае в досоветское время [Мукаева, 2008, с. 317]. В 1909 г. вдова Г.Г. Петца при поддержке друзей, Императорского Кабинета и коллег покойного мужа из Санкт-Петербургского университета собрала деньги на памятник-обелиск. Проект памятника выполнил петербургский архитектор Гоген, а изготовили его камнерезы Колыванской шлифовально-гранильной фабрики. Памятник установили летом 1909 г. На место захоронения геолога 14 рабочих из Горной Колывани доставили на лошадях гранитные блоки и другие части памятника. Сам обелиск представлял собой пирамиду высотой более 4 м, установленную на широком квадратном постаменте с мемориальной табличкой-посвящением, выполненной из ревневской яшмы.

В советское время место захоронения Г.Г. Петца в Алтайских горах и самого геолога забыли. Остались его научные работы, но о нем на Алтае никто не вспоминал. Его имя даже не вошло в двухтомную энциклопедию Алтайского края, изданную в 1995–1996 гг., и другие справочные издания. Небольшая заметка о нем была опубликована лишь в «Сибирской советской энциклопедии» (1929 г.). За долгие годы памятник на затерянной могиле геолога обветшал. Кроме того, его неоднократно подкапывали, пытаясь добраться до могилы геолога, в которой, по одним слухам, было захоронено богатое ружье, по другим – ценные золотые часы. Гранитные блоки с могилы увезли на хозяйственные надобности. Ценная яшмовая табличка с посвящением Г.Г. Петцу со временем исчезла. Могила стояла забытой и неизвестной, обелиск на ней в реестрах страны не значился, имя Г.Г. Петца никто не помнил. О том, что в Алтайских горах находится поистине уникальный памятник монументального искусства, знали лишь очень немногие специалисты [Мукаева, 2012, с. 49–50].

На забытую могилу Г.Г. Петца случайно наткнулась группа школьников со станции юных туристов Рубцовска, совершавшая в начале 1990-х гг. поход по Холзунскому хребту. Обелиск, затерянный в глухом горно-таежном месте на берегу Банной, заинтересовал руководителя туристической группы Г.С. Королева. Он стал о нем собирать материалы, выяснил имя похороненного геолога в этой могиле, но ничего, кроме некрологов, опубликованных в досоветское время, и короткой энциклопедической статьи в «Сибирской советской энциклопедии» он не нашел. Итогом его собственных изысканий стали заметка «Забытый обелиск»

в газете «Алтайская правда» от 28 июля 1994 г. и статья «Прерванный маршрут (к 90-летию со дня гибели геолога Г.Г. Петца», опубликованная в материалах конференции «300 лет горно-геологической службе России» в 2000 г. [Королев, 2000, с. 96–102]. Видимо, эта статья Г.С. Королева заинтересовала организаторов этой конференции – ученых географического факультета Алтайского государственного университета. Во время летней студенческой практики в Усть-Коксинском районе Республики Алтай доктор географических наук Г.Я. Барышников со студентами побывал на месте захоронения Г.Г. Петца. По его инициативе, поддержанной учеными географического факультета Горно-Алтайского государственного, и при поддержке Колыванского камнерезного завода памятник был восстановлен в 2008 г. – как раз к 100-летию трагической гибели Г.Г. Петца в Алтайских горах. Колыванские камнерезы, как мастера гранильной фабрики за сто лет до них, изготовили плиты из гранита. На памятнике установили новую табличку с надписью-посвящением Г.Г. Петцу. Рядом с памятником поставили две гранитные плиты. На одной можно прочесть, что первоначально памятник был установлен в 1909 г. по проекту архитектора Гогена, а на другой, что он восстановлен в 2008 г. по инициативе профессора Алтайского госуниверситета Г.Я. Барышникова и профессора Горно-Алтайского госуниверситета А.М. Маринина (ныне покойного) с помощью студентов географических факультетов АлтГУ и ГАГУ [Малолетко, 2008, с. 3–15; Мукаева, 2012, с. 50].

До недавнего времени мемориальный комплекс возле дер. Банной Усть-Коксинского района являлся единственным в стране монументальным памятником, возведенным российскому геологу. В настоящее время он силами преподавателей и студентов географических факультетов АлтГУ и ГАГУ превращен в ландшафтно-монументальный участок геолога Кабинета Его Императорского Величества Г.Г. фон Петца. Монумент и место захоронения Г.Г. фон Петца утверждены в качестве памятника природы республиканского значения.

Таким образом, сохранившиеся в Республике Алтай памятники горно-поискового и горного дела являются геологической составляющей историко-культурного наследия Республики Алтай и могут быть широко востребованы как туристические объекты, обладающие повышенной туристической привлекательностью.

Библиографический список

Королев Г.С. Прерванный маршрут (к 90-летию со дня гибели геолога Г.Г. Петца) // 300 лет горно-геологической службе России: история горнорудного дела, геологическое строение и полезные ископаемые Алтая: мат. регион. науч.-практ. конф. Барнаул, 2000. С. 96–102.

Леман В.Н. Некролог Г.Г. фон Петца // Труды Геологической части Кабинета. СПб., 1915. Т. VIII, вып. II. С. 181–193.

Малолетко А.М. Геолог Герман Германович фон Петц (к 100-летию гибели) // Герман Германович фон Петц: биобиблиографический указатель / Алтай-

ский государственный университет; Русское географическое общество. Бийское отделение; сост. и автор вступ. ст. А.М. Малолетко. Томск, 2008. С. 3–15.

Мукаева Л.Н. Горно-поисковое дело Кабинета на Алтае в досоветское время. Горно-Алтайск, 2008. 344 с.

Мукаева Л.Н. Горнопромышленное освоение Горного Алтая в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2009. №324. С. 194–195.

Мукаева Л.Н. Из истории геологических изысканий Г.Г. Петца на Алтае и в Горном Алтае в конце XIX – начале XX в. // История и современность Республики Алтай: мат. республ. науч.-ист. конф. Горно-Алтайск, 2012. С. 47–51.

Мукаева Л.Н. Из истории геологических изысканий Н.Н. Кокшарова в Горном Алтае во второй половине XIX в. // Алтай – Россия: через века в будущее: мат. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 260-летию добровольно вхождения алтайского народа в состав Российского государства и 25-летию образования Республики Алтай: в 2 т. Горно-Алтайск, 2016. Т. 1. С. 110–115.

Мукаева Л.Н. Из истории горно-разведочных работ в Горном Алтае в 1920–1930-е гг. Создание горнодобывающих предприятий // Экономическое развитие Горного Алтая. Динамика развития в архивных документах: мат. II межрегион. архивных чтений Республики Алтай, посвящ. 100-летию Гос. архивной службы России. Горно-Алтайск, 2018. С. 50–69.

Мукаева Л.Н. Горнодобывающее производство Горно-Алтайской автономной области в послевоенное время (к постановке проблемы) // Политическое и социально-экономическое развитие Сибири и сопредельных территорий в 40–90-х гг. XX в.: мат. Всерос. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения сов. гос. и полит. деятеля Михаила Васильевича Карамаева. Горно-Алтайск, 2019. С. 152–162.

Природно-культовые объекты и археологические памятники Республики Алтай / Э.В. Екеева, Н.А. Константинов, Е.А. Константинова, А.В. Эбель; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова». Горно-Алтайск, 2015. 232 с.

L.N. Mukaeva

Gorno-Altaisk State University, Gorno-Altaisk, Russia

GEOLOGICAL COMPOMONENT OF HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF THE ALTAI MOUNTAINS (Altai Republic)

In article considers the historical and cultural significance of mining sites which appeared as a result of mining development of minerals in the Altai Mountains in different eras. An attempt is made to consider the real content of the geological and mountain heritage and its role in the popularization of the Altai Republic as a special unique region, which is a geological museum "under the open sky". These are preserved ancient mines, ancient copper and iron mines, tungsten and mercury mines, marble quarries, asbestos factory, mercury plant, gold mines, monuments of monumental art. In the Altai Mountains there is the monument to geologist – G.G. Petz, which is the first monument in our country. One of the main conditions for the preservation and promotion of mining monuments is the use of geological heritage in tourism.

Key words: cultural heritage, mining development, mines, enterprises, mining monuments.

УДК 94(571.151)

Н.В. Неверова

Горно-Алтайский государственный университет,
Горно-Алтайск, Россия

ПОЛЬСКИЕ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В ГОРНОМ АЛТАЕ: СОХРАНЕНИЕ НАСЛЕДИЯ

Статья посвящена проблеме депортаций в военные и послевоенные годы СССР и их влиянию на место высылки. Особое внимание уделено изучению вопроса по польским спецпереселенцам в Ойротской автономной области, бывшей в тот период времени частью Алтайского края. В работе представлены основные положения относительно причин депортации польского населения с западных территорий Белорусской ССР, Украинской ССР и Литовской ССР, вошедших в состав СССР с началом войны. Указаны социальные группы, подвергшиеся депортациям, их экономическое и политическое положение в ссылке, отношение с местными жителями и администрацией. Помимо вышесказанного, дается краткий обзор процесса реабилитации депортированных и их репатриации. Труд основан на обширном исследовательском и источниковом материале.

Ключевые слова: депортации, спецпереселенцы, осадники, репатриация, политические репрессии.

Составной частью историко-культурного наследия Алтайского края и Республики Алтай является наследие польской диаспоры, сохранившей свое этнокультурное своеобразие. Поляки оказались на территории Горного Алтая в рамках различных процессов: от добровольных переселений до депортации. Депортация народов в годы Великой Отечественной войны остается одним из наиболее дискуссионных вопросов в исторической науке. Историки различных политических взглядов имеют собственную оценку событий, происходивших в 1940-е гг., с кардинально разными подходами к рассмотрению проблемы. Наиболее радикальный подход характерен для западных историков. В отечественной же истории вопрос депортаций народов практически не затрагивался до конца 1980-х гг. В конце XX – начале XXI в. начинают выходить крупные работы, посвященные данной проблеме, публикуются сборники архивных материалов, нормативные документы, ведется статистический подсчет пострадавших [Козлов, 2011, с. 35].

Польское население было выслано с территорий, вошедших в состав СССР с началом Второй мировой войны: западных областей БССР и УССР, а также Литовской ССР. Поляки, издавна проживавшие на этих территориях, часто выступали против Советского Союза, что, по мнению советского руководства, превращало их в потенциальных противников советской власти, порождало опасность шпионажа с их стороны в пользу врага, сепаратизма и иных видов подрывной деятельности. Эффективным решением проблемы с точки зрения власти стала депортация наиболее неблагонадежных слоев населения и их семей [www.scepsis.net/library/id_1237.html].

Крупнейшим актом выселения поляков стала депортация в феврале 1940 г., проводившаяся в условиях строжайшей секретности, без

предупреждения и с нарушением имущественных прав [www.old.memo.ru/history/POLAcy/g_1.htm]. Первоначально ссыльные делились на две основные категории: «осадников», в число которых входили бывшие военнослужащие польской армии, чины полиции и администрации, и «лесников» – служащих лесной охраны. По указу наркома внутренних дел Л.П. Берии они размещались в районе лесозаготовок Кировской, Вологодской, Пермской, Новосибирской, Свердловской, Омской областей, Красноярском, Алтайском краях и Коми АССР [Иосиф Сталин…, 1992, с. 5]. Позднее, к числу осадников и лесников присоединились и «беженцы», т.е. поляки, прибывшие в западные области УССР и БССР с территорий, оккупированных немцами. Всего, по подсчетам В.Н. Земскова [1990, с. 7], на момент 1941 г. было выслано 96593 поляка, из них осадники составили большую часть (88654 чел.), остальные же числились в качестве беженцев (7939 чел.). В Алтайском крае было размещено 9886 чел., в том числе 5926 осадников и 3960 беженцев. Следует отметить, что не все из них являлись поляками. В Ойротской автономной области депортированных поляков было относительно немного. В 1943 г. их насчитывалось 312 чел., большая часть из которых проживала в Ойрот-Туре [Политические репрессии..., 2017, с. 194]. По данным исследователя В.А. Скубневского [2005, с. 109], 6 мая 1944 г. в Ойротской области проживало 309 поляков.

Летом 1941 г. депортация была проведена на территории Прибалтики: в Эстонии, Латвии и Литве. Депортированные размещались в Кировской, Новосибирской областях, Красноярском и Алтайском краях, Коми АССР, а также в Казахстане. В Алтайском крае преимущественно были поселены спецпереселенцы из Литвы численностью 7462 чел., большуя часть из которых (3940 чел.) отправили в Бийск [Политические репрессии..., 2017, с. 195]. Среди депортированных из Литвы были как литовцы, так и поляки. Поселенцы размещались по положениям, установленным для осадников. Согласно докладной записке на имя заместителя начальника ГУЛАГа НКВД СССР майора Г.Б. Завгороднего от 3 ноября 1942 г. в Алтайском крае насчитывалось 1394 семьи ссыльнопоселенцев из Прибалтики, из которых только 1486 чел. были трудоспособными, остальные являлись инвалидами или детьми до 16-ти лет. Расселили же их в 33 районах Алтайского края и Ойротской автономной области для работы в совхозах [Иосиф Сталин…, 1992, с. 189].

Условия жизни спецпереселенцев на Алтае были тяжелыми. Поляки сложно адаптировались к местным сибирским условиям. Поселенцам было запрещено общаться с местными жителями, местное население к ссыльным относилось настороженно. Старики, дети и инвалиды очень тяжело переносили тяготы ссылки. Переселенцам недоставало продовольствия, медикаментов. Большая часть ссыльных привлекались к работам на лесозаготовке, изготовлении кирпича, полевым работам и прочим хозяйственным работам. Однако производительность труда была крайне низкой. Это было

связано и с отсутствием необходимых жилищных условий для поселенцев. Так, в с. Куташ в двух бараках ютилось 208 чел. [Спецзаписка начальника УНКВД…]. Бараки не отапливались. Сами депортированные не старались поддерживать чистоту в своей среде обитания. Скученность, грязь, антисанитария, все вместе взятое приводило к тому, что люди в бараках постоянно болели. В Теньгинском совхозе «Овцевод» Ойротской автономной области поселенцы были размещены в квартирах без бытовых условий, а часть – в помещениях для скота [Спецзаписка начальника УНКВД…]. Не случайно, множество ссыльных погибло зимой 1941 г.

С установлением союзнических отношений СССР с Польшей в декабре 1944 г. практически прекращается высылка поляков. Начинается процесс репатриации. Всего, по данным на 17 июня 1945 г., в лагерях и тюрьмах находилось 25047 чел. польского происхождения [Иосиф Сталин…, 1992, с. 217]. Л.П. Берия обратился к И.В. Сталину с просьбой о частичном освобождении поляков, взятых в плен в составе немецкой армии, из лагерей [Иосиф Сталин…, 1992, с. 217]. Для тех, кто остался в СССР, улучшались условия проживания. Несмотря на проведение нескольких акций по репатриации спецпереселенцев в послевоенные годы, массовым это явление становится лишь после смерти И.В. Сталина. С 1954 г. поляков, как и остальных спецпереселенцев, начинают снимать с учета, а в дальнейшем дают свободу перемещения. До 1960 г. ссыльные поляки в основной массе вернулись в Польшу [Земсков, 1990].

Поляки – это лишь часть от большого числа народов, подвергшихся депортациям [www.scepsis.net/library/id_1237.html]. Депортации были продиктованы условиями военного времени, в которых даже малейшее подозрение в возможности пособничества врагу давало «право» на высылку «неблагонадежных». Военное время накладывало ограничения на условия, в которых проживали спецпереселенцы. Продовольствие, одежда, обувь, табак направлялись на фронт, о снабжении заключенных не думали. Однако лишь войной невозможно оправдать все те действия, которые проводило советское руководство в отношении разных народов и социальных групп. Депортации наносили ущерб экономике и полностью противоречили конституционным основам СССР.

В настоящее время в Республике Алтай проживают потомки депортированных поляков и добровольные переселенцы. Часть поляков или людей, имевших смешанное польско-литовское происхождение, навсегда связали свою жизнь с Алтаем. Многие репатрианты, уже проживая на родине в Литве и Польше, не забывают Горный Алтай, где они провели самые трудные годы в своей жизни. В настоящее время поляки Горного Алтая создали национально-культурное объединение «Родник» (Здруй), костяком которого являются преподаватели Горно-Алтайского государственного университета, а идейным вдохновителем и одним из создателей – Н.Э. Гартман-Ягелло. Польское общество и поляки Горного Алтая в целом активно участвуют в культурной жизни г. Горно-Алтайска и Рес-

публики Алтай, охотно принимают участие во всех мероприятиях. Не забывая трагические события пребывания своих земляков на Алтае, они популяризируют польскую культуру, активно взаимодействуют с историко-культурными сообществами Польской Народной Республики, посещают Польшу с визитами, участвуют в выполнении различных историко-культурных проектов. Задачами общества в настоящее время являются сохранение памяти о польских спецпереселенцах, поиск и увековечивание имен, сбор информации о местах расселения поляков, их численности и социально-бытовых условиях [Вохменцева, 2015, с. 65].

Силами польского национально-культурного объединения «Родник» сохраняются памятники, посвященные депортированным, такие как памятный крест ссыльным литовцам в Горно-Алтайске и памятник польско-литовским ссыльным на месте массового захоронения депортированных в с. Куташ [Вохменцева, 2015, с. 66]. Для гостей из Польши устраиваются экскурсии по памятным местам. В число таких мест входят с. Куташ, Горно-Алтайск и с. Турочак, где отбывал ссылку будущий президент Польши Войцех Ярузельский. Поляки охотно посещают исторические места, где первоначально расселяли депортированных людей, от того времени остались следы бараков польско-литовских поселенцев, а сейчас стоят памятники жертвам политических репрессий. Из мемориальных памятников, связанных с В. Ярузельским, наибольшей популярностью пользуется памятник его отцу Владиславу Ярузельскому в Бийске. Из памятных мест, связанных с польско-литовской ссылкой в Горном Алтае, следует назвать захоронения в селах Ябоган, Кара-Коба, Озерное, Усть-Кан, Куташ [Спецпереселенцы…].

Таким образом, являясь частью современного многонационального народа Республики Алтай, современные поляки представляют собой особую историко-культурную и этноисторическую группу, отличающуюся историко-культурным своеобразием и вносящую свой вклад в этническое разнообразие Республики Алтай.

Библиографический список

Бугай Н.Ф. Депортация народов [Электронный ресурс] // Научно-просветительский журнал «Скепсис». URL: www.scepsis.net/library/id_1237.html

Гурьянов А.Э. Польские спецпереселенцы в СССР [Электронный ресурс] // НИПЦ «Мемориал». URL: www.old.memo.ru/history/POLAcy/g_1.htm

Вохменцева Н.В. Поляки в Горном Алтае в 30–50-е годы XX века в документах и фактах // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2015. № 3 (9). С. 62–67.

Земсков В.Н. Спецпоселенцы (по документации НКВД – МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 3–17.

Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...»: документы, факты, комментарии. М., 1992. 288 с.

Козлов Н.Д. Депортация в годы Великой Отечественной войны в отечественной историографии // Царскосельские чтения. 2011. № 15. С. 34–38.

Политические репрессии в Горном Алтае (1922–1953 гг.): колл. монография. Горно-Алтайск, 2017. 280 с.

Скубневский В.А. Польские спецпереселенцы в Алтайском крае в годы Второй мировой войны // Краеведческие записки. Барнаул, 2005. Вып. 6. С. 103–112.

Спецзаписка начальника УНКВД по Алтайскому краю К.С. Волошенко заместителю наркома внутренних дел В.В. Чернышеву об устройстве спецпереселенцев в Алтайском крае [Электронный ресурс] / Архив Александра Н. Яковлева. URL: www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1021575

Спецпереселенцы в Горном Алтае [Электронный ресурс] URL: https://история.авра.рф/index.php/Спецпереселенцы_в_Горном_Алтае.

N.V. Neverova

Gorno-Altaski State University, Gorno-Altaysk, Russia

POLISH FORCED SETTLEMENTS IN THE ALTAI MOUNTAINS: PRESERVATION OF HERITAGE

The article is devoted to the problem of deportations during the World War II and postwar years in the USSR. Particular attention is paid to the issue of the Polish forced settlements in the mountain area of the Oirot Autonomous Region (the region was a part of the Altai Krai in USSR). The work illustrates the main issues on the reasons of deportations of the Polish people from the Western territory of the Byelorussian, Ukrainian, and Lithuanian SSR which were parts of the USSR before the outbreak of war.

The paper indicates the social groups which were deported; their economic and political situation and the relations with the local residents and administration. This document gives an overview of the rehabilitation and repatriation of Polish forced settlements. The article is based on the extensive research material.

Key words: deportations, forced settlements, osadniks, repatriation, political repression.

УДК 902(571.150):5

Т.С. Паршикова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ПРИМЕНЕНИЕ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ НА АЛТАЕ (1940–1960-е гг.)

Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ в рамках реализации проекта №16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»

В статье осуществлено обобщение сведений о применении методов естественных наук в ходе исследований на Алтае в 1940–1960-е гг. Этот период рассматривается как этап первоначального освоения и внедрения методов естественных наук в изучение археологических материалов. На основании историо-

графических и архивных данных продемонстрировано, когда и каким образом ученые стали использовать естественнонаучные методы для комплексных реконструкций историко-культурных процессов на Алтае в древности. Продемонстрирована роль исследователей, внесших существенный вклад в развитие методик археологических изысканий с помощью новых технологий. Отмечается, что первый опыт применения естественнонаучных методов к материалам из памятников Алтая реализован С.И. Руденко. Полученные при этом данные предоставили возможность осуществлять реконструкции и делать заключения, которые ранее не имели доказательной базы. Кроме этого, отмечается важность научных контактов местных археологов со специалистами из исследовательских центров Сибири, Москвы и Ленинграда, что позволило первым включить методы естественных и технических наук в свою полевую и камеральную работу.

Ключевые слова: археология, Алтай, экспедиции, естественнонаучные методы, история науки.

Процесс применения данных естественных наук в гуманитарных исследованиях уже имеет свою историю. Особый интерес представляет начальный этап использования их в археологии. В 1940–1960-е гг. по инициативе отдельных ученых исследования некоторых памятников Алтая (ставших впоследствии базовыми для территории Центральной Азии) стали строиться на широком применении металлографии, радиоуглеродного, спектрального, пыльцевого, дендрохронологического и ряда других методов. Опыт анализа применения данных естественных наук при изучении алтайских комплексов кратко представлен в настоящей публикации.

В 1940–1950-е гг. на Алтае проводились масштабные раскопки знаменитых курганов с мерзлотой на памятниках Пазырык, Башадар и Туэкта под руководством С.И. Руденко. Необходимость всестороннего изучения уникальных материалов поставила перед ученым задачу поиска новых методов их изучения и сохранения. Немаловажную роль имело то, что в 1944 г. С.И. Руденко получил степень доктора технических наук [Шмидт, 2006, с. 22] и стремился расширить возможности изучения древних предметов с помощью естественнонаучных знаний. Для реализации таких исследовательских программ в Ленинграде под его руководством с 1953 г. действовала Лаборатория археологической технологии [Зайцева, 2014, с. 262]. Наибольшее внимание удалялось вопросам датирования комплексов. После раскопок на Алтае велась дискуссия о возрасте больших курганов. В связи с этим развивалось несколько направлений исследований. В 1955 г. в рамках Лаборатории археологической технологии была создана первая в стране радиоуглеродная лаборатория, которую возглавил авторитетный специалист в области радиохимии И.Е. Старик [Зайцева, 2007, с. 95]. В рамках ее работы С.В. Бутомо получил несколько датировок по ^{14}C для ряда памятников Алтая. Им были установлены абсолютные даты для бревен перекрытий из Второго и Пятого Пазырыкских, Катандинского, Первого Туэктинского курганов, а также Шибе [Бутомо, 1963, с. 26].

В 1956–1957 гг. хорошо сохранившиеся деревянные изделия и конструкции из курганов Алтая стали основой построения первой в истории отечественной археологии дендрохронологической шкалы [Слюсаренко, 2010, с. 4]. Это позволило с точностью до одного года установить очередность сооружения курганов [Замоторин, 1959; Марсадолов, 1996, с. 31]. Таким образом, методы естественных наук позволили более точно определить датировку комплексов. Стоит отметить, что в ходе обработки материалов из больших курганов Алтая были проведены исследования по ботанике, палеоботанике, палеозоологии, гиппологии, антропологии, трасологии. Часть металлических изделий из Пазырыкских и Большого Катандинского курганов изучена с помощью спектрального и металлографического анализов [Руденко, 1953, с. 250; Гаврилова, 1954, л. 6]. Всесторонне изучались найденные в курганах разнообразные ткани, в том числе древнейший в мире ворсовый ковер, а также проводились анализы шерсти, пуха, остеологических материалов [Руденко, 1960, с. 153]. Немаловажное значение придавалось вопросам консервации и реставрации полученных находок. В 1950-е гг. при раскопках Катандинских курганов в отряде под руководством А.А. Гавриловой для составления детального плана памятника использовались методики геодезии [Гаврилова, 1954, л. 2]. Применяемые С.И. Руденко методы исследования археологических предметов разительно отличались от всех изысканий, проводимых в то время в Сибири и в целом в стране. Опыт, накопленный в ходе работы одной из ведущих лабораторий по применению естественнонаучных методов в гуманитарных исследованиях [Колчин, Шер, 1969, с. 84], помог значительным образом расширить диапазон сведений, получаемых от археологических источников. Полученные результаты стали важным источником для построения исторических реконструкций. До сих пор материалы из раскопок больших курганов Алтая привлекают внимание специалистов. Особенно актуально обращение к истории их изучения и интерпретации в настоящее время. Это связано с возобновлением раскопок на памятнике Пазырык в 2017 г. и возможностью новых открытий [Константинов и др., 2018].

Сотрудничество в области применения естественнонаучных методов в археологии осуществлялось и в исследовательских учреждениях Сибири, главным образом, в Новосибирске. В 1966 г. в структуре СО АН СССР был выделен Институт истории, филологии и философии под руководством А.П. Окладникова. Одним из ведущих направлений работы этого комплексного учреждения стала археология. Территориальная консолидация большого количества академических институтов давала возможность привлечения к исследованиям специалистов различных областей. Существенным образом расширился диапазон применяемых в археологических изысканиях методов. В конце 1960-х гг. А.П. Окладников при проведении исследований на памятнике Улалинка в вопросах датирования оперировал данными, полученными методами естествен-

ных наук (регионально-геологического, палеомагнитного, термолюминесцентного) [Окладников и др., 1985, с. 80]. Кроме того, известный археолог на постоянной основе сотрудничал с местными специалистами – А.П. Уманским и Б.Х. Кадиковым. Научное взаимодействие сыграло существенную роль в развитии археологии Алтая. Вместе с тем общие тенденции использования региональными специалистами методов естественных наук проявились в первую очередь в привлечении антропологических знаний: находки А.П. Уманского [1978, с. 133, 162] из Тугозвоново анализировал крупнейший специалист того времени – М.М. Герасимов. Сотрудница Алтайского краевого краеведческого музея Э.М. Медникова материалы из раскопок Бобровского грунтового могильника отправляла для определения антропологу из Томска В.А. Дремову [Годовой отчет…, 1969, л. 21–24]. Он же проводил анализ антропологических материалов раскопок Б.Х. Кадикова из Усть-Иши и Большого Мыса.

Период до 60-х гг. XX в. в историографии рассматривается как этап первоначального освоения и применения методов естественных наук при изучении памятников древних культур [Колчин, Шер, 1969, с. 85]. Исследовательские работы с применением таких подходов преследовали цель получить конкретный результат, демонстрировали те возможности, которые новые методы открывают перед археологами. Главный импульс в изучении алтайских памятников с применением методов естественных наук придали работы С.И. Руденко и его деятельность в Лаборатории археологической технологии, что давало возможность использовать передовые технологии при изучении полученных находок. Немногочисленные специалисты-археологи в регионе, благодаря научным контактам, имели возможность перенимать опыт у коллег из центральных учреждений в ходе совместных экспедиций. Это способствовало тому, что методы естественных наук стали применяться ими в рабочем порядке, хотя и в гораздо меньших объемах.

Библиографический список

Бутомо С.В. Применение радиоуглеродного метода в археологии // Новые методы в археологических исследованиях. М.; Л., 1963. С. 9–31.

Гаврилова А.А. Отчет о раскопках Большого и Малых Катандинских курганов. 1954 г. // Научный архив Института истории материальной культуры РАН. Рукописный архив. Ф. 35. Д. 59. 1954. 25 л.

Годовой отчет о работе Алтайского краеведческого музея за 1969 г. // Государственный архив Алтайского края. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 675. Барнаул, 1969. 63 л.

Зайцева Г.И. Радиоуглеродная группа ИИМК РАН: история создания, современное состояние // Записки ИИМК РАН. №2. 2007. С. 93–141.

Зайцева Г.И. Лаборатория археологической технологии и ее радиоуглеродная группа: история создания и современное состояние // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб., 2014. С. 261–279.

Замоторин И.М. Относительная хронология Пазырыкских курганов // СА. 1959. №1. С. 20–30.

Колчин Б.А., Шер Я.А. Некоторые итоги применения естественнонаучных методов в археологии // КСИА. 1969. Вып. 118. С. 83–101.

Константинов Н.А., Степанова Е.В., Урбушев А.У., Васильева Н.А., Шаблавина Е.А., Эбель А.В., Куюков Р.В. Работы на Пазырыкском могильнике в 2017 г. // Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье (археология, этнография, устная история). Горно-Алтайск, 2018. Вып. 13. С. 30–34.

Марсадолов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV вв. до н.э. (от истоков до начала 80-х гг. XX в.). СПб., 1996. 100 с.

Окладников А.П., Рагозин Л.А., Поспелов Г.А., Гнибиденко З.Н., Шлюков А.И. К вопросу о возрасте Улалинского местонахождения галечной культуры на Алтае // Известия АН СССР. Серия геологическая. 1985. №7. С. 74–82.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. 402 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. 360 с.

Слюсаренко И.Ю. Дендрохронологическое датирование археологических памятников скифской эпохи Алтая: автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2010. 34 с.

Уманский А.П. Погребение эпохи «Великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 129–163.

Шмидт О.Г. Археологические исследования С.И. Руденко в Северной Азии: автореф. дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2006. 24 с.

T.S. Parshikova

Altai State University, Barnaul, Russia

APPLICATION OF SCIENTIFIC METHODS IN ARCHAEOLOGICAL RESEARCH IN ALTAI (the 1940–1960s)

The article summarizes the information on the application of scientific methods in research in Altai in the 1940–1960s. This period is considered as a stage of the initial development and implementation of such approach in the study of archaeological materials. On the base of historiographic and archival data the author demonstrates when and how scientists began to use scientific methods for complex reconstructions of historical and cultural processes in Altai in antiquity. The article concerns the role of researchers who have made a significant contribution to the development of archaeological research techniques using new technologies. It is noted that the first experience of applying scientific methods to materials from Altai sites were carried out by S.I. Rudenko. The data obtained in this case made it possible to carry out reconstructions and draw conclusions that previously did not have evidence. In addition, the importance of scientific contacts of local archaeologists with specialists from research centers of Siberia, Moscow and Leningrad is noted, which allowed including the methods of science and technology to field and office work.

Key words: archaeology, Altai, expeditions, scientific methods, history of science.

УДК 903.21:67/68

С.А. Пилипенко

Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Россия

БЕРЕСТА В ОФОРМЛЕНИИ НОЖЕН САБЕЛЬ-ЧЕЧУГ XVII–XVIII вв.

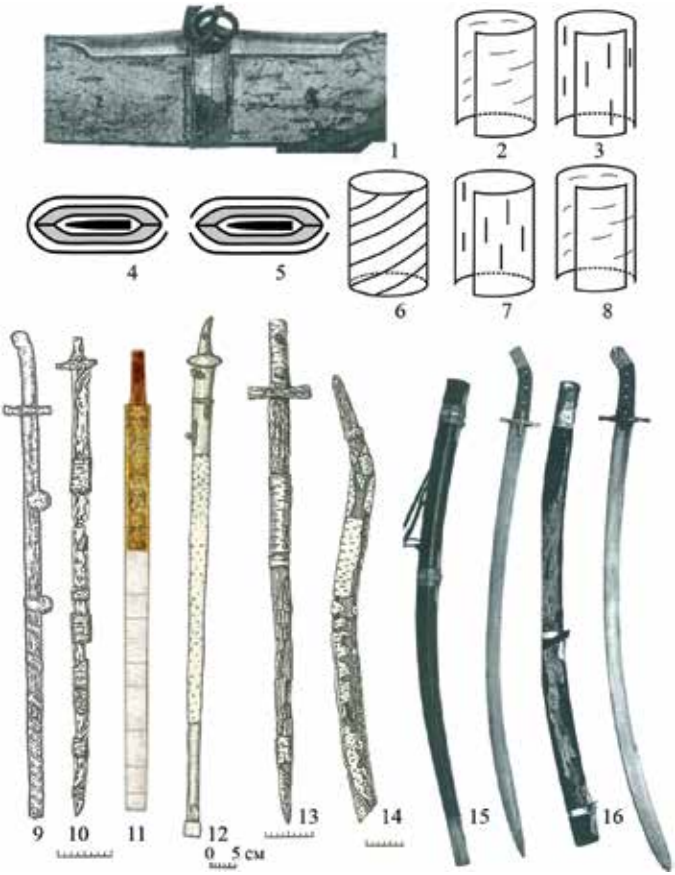
Эта работа продолжает линейку тезисов, посвященных различным аспектам применения бересты в конструкции ножен разного типа и размера народов Евразии от эпохи средневековья [Пилипенко, 2014, с. 167] до этнографической современности [Пилипенко, Мушинская, 2018, с. 233]. Более поздний период развития ножен в эпоху Новой истории еще слабо изучен и не актуализирован в рамках технологии обработки бересты, и представляется нам весьма перспективным для изучения. Выявление технологических признаков обработки бересты в Новое время ставит ряд вопросов, связанных не только с местом бересты в конструкции ножен, но и с приемами и традициями оформления ножен берестой в предыдущие исторические эпохи. Выявление и атрибуция клинков с ножнами с берестой позволит нам создать более общую картину распространения или пресечение традиции применения бересты в конструкции ножен. Сабли-чечуги являлись неотъемлемой частью кочевой среды и вполне могли сохранить более ранние традиции в изготовлении аксессуаров для них.

Ключевые слова: ножны, береста, берестяной промысел, чечуга, пластовый метод, бутероль.

Цель данной работы – обобщение разрозненной информации о применении бересты как конструктивного элемента при изготовлении различных категорий предметов быта, оружия и конской упряжи. Данные тезисы продолжают исследования особенностей ножен с применением бересты в их конструкции [Пилипенко, 2014, с. 167; Пилипенко, Мушинская, 2018, с. 233]. Эта работа посвящена ножнам оружия ближнего боя: саблям и палашам. Здесь надо отметить, что мы не связываем различия или сходства в конструкции ножен, с формой, кривизной или типом клинков, так как главной функцией ножен во всех случаях является защита клинка, не важно, боевой он или парадный, от влаги, грязи и пыли.

В XVII–XVIII вв. в европейской части Евразии были в ходу сабли-чечуги с ножнами из бересты. Они и стали предметом нашего изучения.

Эти сабли получили значительное распространение на территории Северного Кавказа, России, Польши, Турции и Ирана. Сабли-чечуги имели своеобразное скрепление деревянных частей ножен фигурными «обоймами с крылышками», оформление которых имело широкое распространение среди тюркоязычного населения Малой Азии и Северного Кавказа (рис.-*1*). Они встречаются как в археологических памятниках, так и в собраниях коллекций музеев России, Турции, Украины и других стран Восточной Европы [Прокопенко, 2017, с. 246–247]. Нижняя часть ножен также скреплена металлической бутеролью (рис.-*15, 16)*.



Применение бересты в конструкции ножен сабель и мечей: *1* – фрагмент ножен сабли-чечуги из собрания Королевской сокровищницы (Швеция) (по: [Горбунов, 2006]); технологические приемы оборачивания ножен берестой: *2* – из цельного куска бересты рисунком коры поперек листа; *3* – из двух слоев бересты рисунком коры вдоль листа; *4* – из цельного листа рисунком коры вдоль листа; *6* – из спирально вырезанной ленты рисунком коры вдоль листа; *7* – из цельного куска рисунком коры вдоль листа; *8* – из двух листов рисунком коры поперек листа (4 – покрытие деревянных ножен цельным куском бересты; 5 – покрытие деревянных ножен двумя отдельными слоями бересты с двух сторон); *9* – палаш из кургана №4 мог. Ибыргыс-Кисте (по: [Худяков, 2004]); *10* – меч из кургана №4 мог. Сростки-1 (по: [Горбунов, 2006]); *11* – меч из погребения 11 кургана №11 мог. Яблони (по: [Комар, 2018]); *12* – сабля из кургана №4 мог. Бековo (по: [Илюшин, 1993]); *13* – меч из мог. Прудской (по: [Горбунов, 2006]); *14* – сабля-муляж (?) из мог. Кармацкий (по: [Горбунов, 2006]); сабли-чечуги: *15* – из собрания Королевской сокровищницы (Швеция) (по: [Прокопенко, 2017]); *16* – из коллекции Болеслава Оржечовича (по: [Прокопенко, 2017])

Неотъемлемой частью сабли являются ножны. Среди введенных в научный оборот сабель-чечуг выделяются два экземпляра сабель с ножнами, имеющими в оформлении берестяное покрытие [Прокопенко, 2016, рис. 9.-в, 10.-г].

Первая из них (рис.-*15*) происходит из Королевской сокровищницы (швед. *Livrustkammaren*), Стокгольм, Швеция. «Сабля-чечуга» XVII в. (собрание КС, сабля №7376, ножны 7377) приобретена Арсеналом в 1862 г. Общая ее длина – 964 мм, длина лезвия – 825 мм, ширина лезвия у основания – 32 мм, вес – 0,7 кг, длина ножен – 916 мм, ширина ножен – 43 мм, вес ножен – 0,37 кг. Материал обойм – позолоченная латунь, длина плечиков – около 123 мм» [Прокопенко, 2016, с. 272].

Вторая сабля (рис.-*16*) «из коллекции Болеслава Оржечовича (хранилась во Львове, утеряна (?)) Общая длина – 918 мм. На клинке находится армянская надпись с годом изготовления (выковки) – «1696 г.»… Вся обойма украшена растительным орнаментом. Можно предположить, что сабля и ее оправа были созданы армянскими мастерами Львова [Прокопенко, 2016, с. 273].

Ножны обеих сабель обернуты прямоугольными сегментами бересты, на поверхность которой наложена кожа. Можно допустить, что использовали два способа покрытия ножен: из двух кусков бересты (рис.-*5*) и из цельного куска с полным оборачиванием вокруг ножен (рис.-*4*). Возможны также вариации по длине накладываемых сегментов бересты, из коротких и более длинных, доходящих до точек, перекрываемых металлическими обоймами, скреплявшими всю конструкцию воедино.

Покрытия изготавливались из бересты, снятой пластовым способом: узкими полосками шириной до 10 см и рисунком коры вдоль листа (рис.-*3, 7*). После обработки коры ножом (скобление и выравнивание деталей) фрагменты наклеивались на деревянную основу ножен белой стороной к дереву (рис.-*1*).

Покрытие ножен сабель берестой имеет давнюю традицию, уходящую в эпоху раннего средневековья. Один из самых ранних образцов колюще-рубящего оружия с берестяными элементами ножен найден на Украине (рис.-*11*) из кургана №11 погребения 11 могильника Яблони [Комар, 2018, рис.-2], датируемого VII–VIII вв. Они покрыты однослойными листами бересты, снятыми пластовым методом и приклеенными к ножнам, рисунок коры расположен поперек листа, белой стороной к деревянной основе (рис.-*2*). Отличительной особенностью этого меча является его орнаментальная полоса в зоне, прилегающей к его устью. Факт орнаментации оружия говорит о традиции не покрывать ножны с берестой кожей или другими материалами. На момент публикации, это единственно известные нам ножны колюще-рубящего оружия в степях Евразии с орнаментацией. Из этнографии известны случаи орнаментации ножен для ножей у народов Сибири. Например, у хантов, как из собрания Новосибирского областного краеведческого музея НОКМ ОФ 564/ОР 167 [Пилипенко, Мушинская, 2018, с. 237, рис. 1.-2].

Следующие по времени находки колюще-режущего оружия найдены на территории Сибири, датируются IX–X вв. Из Хакасии происходит палаш из могильника Ибыргыс-Кисте (рис.-*9*), нижняя часть ножен которого скреплена узкой берестяной лентой, наклеенной на деревянную основу. Берестяная лента была вырезана из листов, снятых с березы значительного диаметра (рис.-*6*). Лента охватывает ножны по спирали, плотно стягивая деревянные половинки ножен [Худяков, 2004, с. 61]. Такой технологический способ оформления ножен пока единичен для ножен сабель и палашей и чаще встречается при обмотке древков стрел эпохи средневековья. Благодаря ему, плотнее фиксируются деревянные части изделий. Единственным аналогом этой технологии служат ножны для ножа из Орловского могильника в Восточном Казахстане, датированного VII–XI вв. [Арсланова, 1969, с. 46, табл. 1].

Основная масса находок – это юг Западной Сибири на территории Кемеровской области Алтайского края. В Кемеровской области в могильнике Бековo в кургане №4 был найден палаш (рис.-*12*), датированный X–XII вв. Ножны палаша покрыты однослойными листами бересты рисунком поперек листа, белой стороной к деревянной основе. Листы сняты пластовым методом и наклеены большими кусками.

IX–XII вв. датируются палаш из кургана №4 могильника Сростки-1 (рис.-*10*), меч из могильника Прудской (рис.-*13*) и сабля-муляж из Кармацкого могильника (рис.-*14*), датированная XII–XIV вв. Ножны всех перечисленных находок оформлены берестой в одной технике (рис.-*2*) – с оборачиванием листом бересты всей поверхности рисунком коры поперек листа. Однако в случае с палашом из Бековo допускаем возможность применения и другой схожей техники (рис.-*8*). Следует упомянуть еще один палаш из могильника Кудыргэ [Горбунов, 2006, рис. 50.-3], ножны которого были стянуты в четырех местах берестяными лентами.

Проведенная нами работа позволяет сделать несколько выводов.

1. Технологический анализ конструкции археологических находок мечей и палашей эпохи средневековья показывает широкую географию распространения традиции применения бересты в конструкции ножен и оформлении рукоятей (могильник Прудской) от степей Украины до Восточной Сибири в IX–XIV вв. н.э.

2. При анализе конструкции ножен было выявлено пять вариантов оформления ножен берестой. Четыре – на основе пластового снятия коры (рис.-*2, 3, 7, 8*) и один – на основе спирального способа фиксации (рис.-*6*).

3. В одном случае установлено отсутствие покрытия берестяного слоя кожей и другими материалами (ткань, войлок) из-за орнаментации лицевой плоскости меча.

4. Большая концентрация находок на юге Западной Сибири позволяет предполагать не только лучшие условия сохранности, но и возможный центр зарождения или «консервации» традиции применения бересты в конструкции ножен.

5. Оформление ножен берестой в средние века становится традиционным и совпадает с областью происхождения и распространения сабель-чечуг в XVII–XVIII вв. Этим объясняется наличие бересты в конструкции ножен. Единственным отличием является расположение бересты рисунком коры вдоль листа (рис.-*1, 7*), что отличает его от эпохи средневековья (рис.-*2*). Возможно, это объясняется локальными особенностями традиций изготовления ножен в зоне Причерноморья.

Таким образом, мы не только выявили круг аналогий колюще-рубящего оружия от эпохи средневековья до нового времени, но и разнообразие технологии оформления ножен берестой.

Библиографический список

Арсланова Ф.Х. Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969. С. 43–57.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие): монография. Барнаул, 2006. 232 с.

Илюшин А.М. Курганы средневековых кочевников долины р. Бачат. Кемерово, 1993. С. 116.

Комар А.В. Берестяная отделка ножен раннесредневекового меча из Яблони // Древности. Исследования. Проблемы. Кишинев; Тирасполь, 2018. С. 409–507.

Пилипенко С.А. Реконструкция средневековых берестяных ножен из топовских курганов Колыванского района НСО // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: сб. науч. ст. Барнаул, 2014. Вып. XX. С. 167–171.

Пилипенко С.А., Мушинская Ю.С. Этнографические берестяные ножны из собрания музеев Новосибирской и Иркутской областей // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: сб. науч. ст. Барнаул, 2018. Вып. XXIV. С. 233–239.

Прокопенко В.М. «Обоймы с крылышками» – один из типов обойм сабельных ножен XV–XVIII вв. // Історія давньої зброї. Дослідження 2016: зб. наук. пр. Київ, 2017. С. 243–283.

Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск, 2004. 150 с.

S.A. Pilipenko

Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk

BIRCH BARK IN THE DECORATION OF THE SCABBARD OF THE CHECHUGA TYPE SOWRD IN THE 17th–18th CENTURIES

This work continues the theses on various aspects of the use of birch bark in the construction of a scabbard of various types and sizes of Eurasian peoples from the Middle Ages [Pilipenko, 2014, p. 167] to the ethnographic present [Pilipenko, Mushinskaya, 2018, p. 233]. The later period of the development of the scabbard in the epoch of New History is still poorly studied and not updated in the framework of the technology of birch bark processing and thus seems very promising. The identification of technological signs of birch bark processing in the New Time raises a number of questions related not only to the place of the birch bark in the scabbard design, but also the techniques and traditions of the design of the scabbard in previous historical periods. Identifying and attributing blades with birch bark scabbard will allow us to create a more general picture of the spread or suppression of the tradition of using birch bark in the scabbard.

The Chechuga swords are an integral part of the nomadic environment and could well keep the earlier traditions in the manufacture of accessories for them.

Key words: scabbard, birch bark, chechuga sword, reservoir method, bouterolle.

УДК 904(571.150)

И.А. Савко, Н.Р. Дьяков, Н.С. Гульчак

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

МОНИТОРИНГ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПРАВОБЕРЕЖЬЯ ГИЛЕВСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА В АВГУСТЕ 2018 г.

Статья посвящена результатам визуального мониторинга памятников археологии правобережья Алея в районе Гилевского водохранилища в Третьяковском районе Алтайского края, который проводил в августе 2018 г. студенческий археологический отряд АлтГПУ. В ходе обследования берега от Мехтока СПК–Корболиха до устья Корболихи в месте ее впадения в водохранилище было осмотрено восемь памятников археологии группы Чекановский Лог. Помимо осмотра комплексов на предмет разрушения, в ходе мониторинга были сняты метрические показания объектов, ранее не известные GPS-координаты, сделано общее описание современного состояния памятников, а также собран подъемный материал, который представлял собой керамику развитого и позднебронзового века, кости, шлак, фрагменты бронзового изделия. По результатам проведенных охранных мероприятий существенных разрушений береговой линии не выявлено. Весь подъемный материал был обнаружен уже на ранее разрушенных участках размывающегося берега.

Ключевые слова: Гилевское водохранилище, Верхний Алей, поселение, могильник, развитая бронза, поздняя бронза.

Памятники археологии, находящиеся на территории Верхнего Алея, в силу своего пограничного географического положения между степной и лесостепной частью Обь-Иртышского междуречья и Горным Алтаем представляют большой интерес для изучения этнокультурной истории региона. Значительная часть известных комплексов, сконцентрированных на данной территории, находится в районе современного Гилевского водохранилища, где учтено более 50 памятников археологии, относящихся к различным хронологическим эпохам (стоянки каменного века, поселения и могильники эпохи развитой и поздней бронзы, раннего железного века и средневековья). Проведение масштабных спасательных раскопок продолжалось здесь на протяжении более 15 лет (с 1995 по 2011, 2013 г.) экспедицией БГПУ (ныне – АлтГПУ) под руководством д.и.н. М.А. Демина и к.и.н. С.М. Ситникова [Демин, Ситников, 2007, с. 7]. Аварийное состояние комплексов обусловлено интенсивным обрушением берега, что вызвано такими факторами, как подъем воды вследствие весенних и осенних паводков, изменение объема водохранилища путем накопления и сброса воды, а также наличием крутого, осыпаемого берега.

В августе 2018 г. студенческий археологический отряд АлтГПУ проводил визуальный мониторинг памятников историко-культурного значения правобережья Алея в районе Гилевского водохранилища в Третьяковском районе Алтайского края. Цель проведенных мероприятий – мониторинг аварийных памятников археологии, расположенных на береговой линии водохранилища общей протяженностью около 5 км.

Помимо осмотра комплексов на предмет разрушения, в ходе мониторинга были сняты метрические показания объектов, ранее не известные GPS-координаты, сделано общее описание современного состояния памятников, а также собран подъемный материал.

Обследование берега шло от Мехтока СПК–Корболиха до устья Корболихи в месте ее впадения в водохранилище (рис. 1). Со слов местных жителей, в 2018 г. уровень воды в водохранилище был необычайно высок, из-за чего большая часть песчаных участков была затоплена. Поэтому основной маршрут разведки шел по незатопленной береговой зоне, в большинстве своем заросшей деревьями и мелким кустарником.

Рис. 1. Месторасположение обследуемых памятников: *1* – поселение Чекановский Лог-1; *2* – могильник Чекановский Лог-2; *3* – могильник Чекановский Лог-10; *4* – курганный могильник Чекановский Лог-11; *5* – памятники Чекановский Лог-4, 10А; *6* – местонахождение Чекановский Лог-6; *7* – могильник Чекановский Лог-9А. Пунктиром показан маршрут разведки

Ближайшим от Мехтока памятником является поселение Чекановский Лог-1 (эпоха поздней бронзы), расположенное на правом берегу Гилёвского водохранилища в 3–3,2 км юго-восточнее с. Корболиха (координаты объекта по GPS-навигатору Garmin eTrex Legend: N 51°04,699’; E 082°00,383’) (рис. 1.-*1*). Памятник исследовался с 1997 по 2000 г., основная часть раскопа общей площадью более 600 кв. м заросла мелким кустарником и постепенно уходит в берег водохранилища, обрыв на данном участке как таковой отсутствует, склон пологий. Очертания рекультивированных квадратов раскопа выявляются только в западной части памятника. Расстояние до воды более 20 м. Подъемного материала не обнаружено. В 20 м к западу от раскопа, на периферии поселения, в обрыве на глубине 35 см, были обнаружены кости животного.

Далее примерно в 300 м от поселения Чекановский Лог-1 расположен могильник андроновской культуры Чекановский Лог-2 (N 51°04,729’; E 082°00,289’), который исследовался с 1997 по 2004 г. Раскоп общей площадью более 1000 кв. м, в отличие от предыдущего памятника, виден четко. С момента окончания работ, по-видимому, разрушения берега были незначительны (рис. 1.-*2*). Высота обрыва 341 см. На берегу, ближе к воде, обнаружены фрагмент неорнаментированной керамики и небольшие камни, вероятно, размытые еще до аварийных раскопок.

Из-за большого лесного массива возле ручья Чекановский, высокого уровня воды и болотистого берега осмотр поселения Чекановский Лог-3 был невозможен. Поэтому дальнейшее обследование началось с могильника андроновской культуры Чекановский Лог-10, который располагается в 1,5–1,7 км к востоку–юго-востоку от с. Корболиха (N 51°05.126’; E 081°51.563’). Границы раскопа видны невооруженным глазом, общая площадь более 1000 кв. м, заросшая мелким кустарником (рис. 1.-*3*). В раскопе и на берегу найдены фрагменты костей, предположительно новорожденного ребенка, кальцинированные кости, фрагмент шлака темного цвета, а также обломки керамики, один из фрагментов имеет оттиск гладкого штампа (рис. 2.-*8–15*). Возможно, предметы были случайно выброшены из могильника во время раскопок. Высота обрыва берега в западной части раскопа – 348 см. Некрополь был фактически полностью исследован к 2013 г., поэтому угрозы его уничтожения нет.

В 50 м к востоку от погребального комплекса Чекановский Лог-10 (координаты объекта по GPS-навигатору: N 51°05,098’; E 081°59,596’) на берегу возле обрыва найдены обломки керамики темного цвета с резным орнаментом, мелким гребенчатым штампом и каннелюрами; обожженный фрагмент кости; неорнаментированная керамика бежевого цвета; фрагмент гальки (рис. 2.-*1–7*). Артефакты могли быть вымыты из периферийной части могильника, однако их культурную принадлежность выявить сложно и предположительно можно отнести к андроновской культуре.

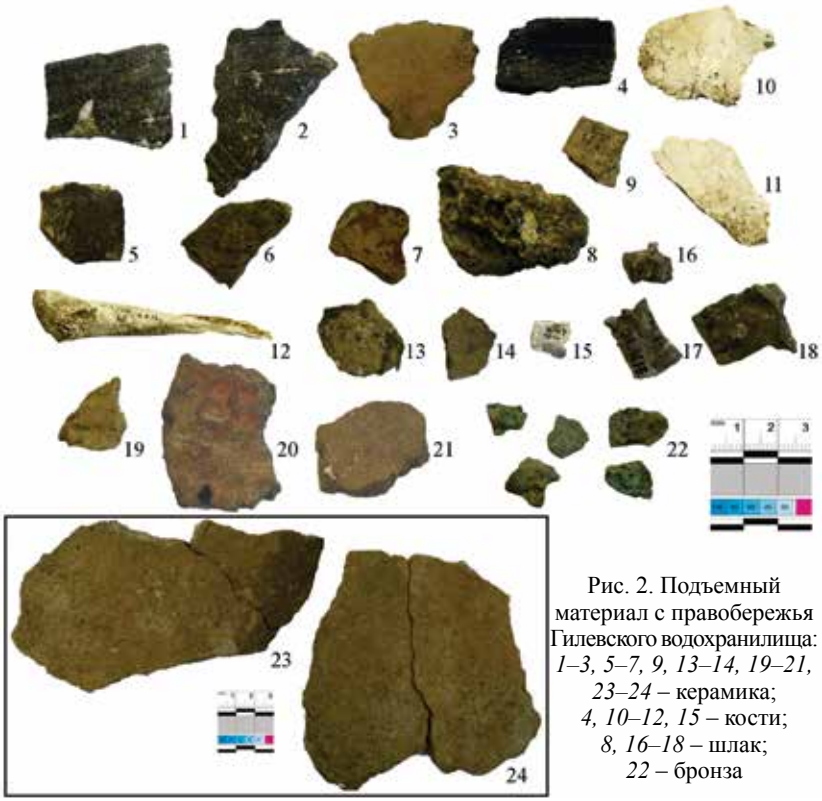


Рис. 2. Подъемный материал с правобережья Гилевского водохранилища: *1–3, 5–7, 9, 13–14, 19–21, 23–24* – керамика; *4, 10–12, 15* – кости; *8, 16–18* – шлак; *22* – бронза

В дальнейшем был осмотрен курганный могильник Чекановский Лог-11. Курган №1 (N 51°05,149’; E 081°59,577’) находился в 50 м к северо-западу от андроновского могильника, диаметр насыпи около 15 м. В 220 м к северу располагался курган №2 (координаты объекта по GPS-навигатору: N 51°05,277’; E 081°59,595’), визуально больших размеров, чем предыдущий (рис. 1.-*4*). При обследовании насыпей курганов встречены большие окатанные и рваные камни. Центральная часть насыпей курганов поросла кустарником и имеет отличную от сенокоса растительность. Грабительских воронок не зафиксировано.

В дальнейшем обследование берега шло вдоль косы, где находились ранее учтенные памятники Чекановский Лог-4, 6 и 9 (рис. 1.-*5, 6*).

В 100 м к северо-западу от могильника Чекановский Лог-10 встречены остатки от двух рекультивированных раскопов, врезающихся в обрыв, которые были соотнесены с могильником скифского времени Чекановский Лог-10А (координаты объекта по GPS-навигатору:

N 51°05,176’; E 081°59,545’). В этом же месте находилось местонахождение Чекановский Лог-4, где в 1996 г. были обнаружены фрагменты керамики и каменные орудия (рис. 1.-*5*). Во время разведки нами были найдены фрагменты растекшегося металла (шлак?) и неорнаментированной керамики, по-видимому, ранее вымытые с памятника (рис. 2.-*16–19*). Далее, еще примерно через 100 м к западу от Чекановского Лога-10А, встречен фрагмент керамики без орнамента.

В районе предполагаемого местонахождения Чекановский Лог-6, расположенного примерно в 800 м к северо-западу от Чекановского Лога-10 (N°51 05,413’; E 081°59,345’), на небольшом пяточке песчаного пляжа между заболоченными участками было обнаружено более 30 фрагментов керамики, один из них орнаментирован вдавлениями и ямкой (рис. 1.-*6*; рис. 2.-*20–22*). Похожие по орнаментации фрагменты были найдены в 1997 г. примерно в том же месте С.М. Ситниковым [1998, с. 34] и отнесены им к эпохе поздней бронзы.

В районе могильников раннего железного века Чекановский Лог-9А и могильника поздней бронзы Чекановский Лог-7, расположенных южнее на 500 м от предыдущего местонахождения (N 51°05,446’; E 081°59,062’), на длинном песчаном берегу найдены крупные неорнаментированные фрагменты керамики и металлический шлак (рис. 2.-*23–24*), скорее всего, относящиеся к уже разрушенному могильнику поздней бронзы Чекановский Лог-7 (рис. 1.-*7*). Непосредственно возле некрополя, где ранее располагались каменные конструкции, обнаружены фрагменты бронзового изделия (рис. 2.-*22*).

В ходе обследования участка оставшегося берега до с. Корболиха не выявлено каких-либо древних культурных остатков. Осмотр этой местности был весьма затруднителен из-за высокого уровня воды в водохранилище, болотистой местности и непроходимых кустарников.

Таким образом, в ходе обследования правобережья Гилевского водохранилища был осуществлен мониторинг ранее известных памятников группы Чекановский Лог, находящихся в аварийном состоянии. По итогу проведенных охранных мероприятий существенных разрушений береговой линии не выявлено. Весь подъемный материал был обнаружен уже на ранее разрушенных участках размывающегося берега. Помимо естественных причин разрушения памятников археологии, необходимо отметить значительное антропогенное воздействие, связанное с тем, что прибрежные земли используются для сельскохозяйственных нужд (заготовка сена, выпас скота). Кроме того, в последнее время Гилевское водохранилище стало излюбленным местом отдыха не только для жителей Алтайского края, но и людей, приезжающих из других уголков России, что неизбежно сказывается на состоянии береговой зоны. В связи с этим считаем, что необходима организация археологического надзора над территориями с известными памятниками историко-культурного наследия.

Библиографический список

Демин М.А., Ситников С.М. Материалы Гилевской археологической экспедиции. Барнаул, 2007. Ч. 1. 274 с.

Ситников С.М. Отчет о раскопках и разведках в Локтевском и Третьяковском районах Алтайского края в 1997 г. // Архив УНИЛ «Историческое краеведение» АлтГПУ. Барнаул, 1998. 80 с.

I.A. Savko, N.R. Dyakov, N.S. Gulchak

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

MONITORING OF ARCHAEOLOGICAL SITES OF THE RIGHT-COASTAL OF THE GILEVSKOYE WATER RESERVE IN AUGUST 2018

The article is devoted to the results of visual monitoring of archaeological sites of the right bank of the Aley river in the area of the Gilevskoye reservoir in the Tretyakovsky district of the Altai Territory, which was conducted in August 2018 by the student archaeological detachment of AltGPU. The survey of the coast from Mekhtok SPK-Korbolikha to the mouth of the Korbolikha, at the place of its confluence with the reservoir, revealed eight sites of archaeology of the Chekanovsky Log group.

In addition to examining the complexes for damage, while monitoring, metric readings of the objects were taken; previously unknown GPS coordinates were stated; a general description of the current state of the sites was given and lifting material that presented the ceramics of the developed and late Bronze Age, bones, slag, fragments of bronze ware was collected. According to the results of the security measures taken, no significant damage to the coastline has been identified. All lifting material was found already on previously destroyed parts of the eroding shore.

Key words: Gilevskoye reservoir, Upper Alei, settlement, burial ground, middle Bronze, late Bronze.

УДК 903.5(571)

Н.Н. Серегин, С.А. Васютин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС АЛТЫ-ТАШ (Центральный Алтай): по материалам работ А.С. Васютина

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ (проект «Алтай в эпоху Великого переселения народов и раннем средневековье: комплексное историко-археологическое исследование», МК-6555.2018.6)

В статье представлены некоторые результаты разведочных работ, осуществленных Алтайским отрядом Южносибирской археологической экспедиции Кемеровского государственного университета под руководством А.С. Васютина в 1980–1981 гг. Введены в научный оборот сведения о сооружениях погребально-поминального комплекса Алты-Таш, расположенного в Онгудайском районе

Республики Алтай. В ходе обследования выявлены восемь групп объектов, локализованных в различных частях памятника. Осуществлены небольшие раскопочные работы, направленные на уточнение времени установки двух стел. Анализ фиксируемых визуально конструкций позволил предварительно заключить, что формирование комплекса Алты-Таш происходило на протяжении длительного хронологического периода. Выделяются курганы эпохи энеолита (афанасьевская культура), объекты скифо-сакского времени (пазырыкская культура), а также «поминальные» сооружения раннего средневековья. Дальнейшие полевые исследования на памятнике позволят получить значительный объем информации о выявленных комплексах.

Ключевые слова: Центральный Алтай, погребально-поминальный комплекс, полевые исследования, курган, стела.

Археологический комплекс Алты-Таш расположен на узкой левой надпойменной террасе, в 500–600 м от русла Каракола, в 4,5 км к северу от с. Кулада Онгудайского района Республики Алтай. Данный памятник был выявлен и зафиксирован в 1980 г. в ходе работ Алтайского отряда Южносибирской экспедиции Кемеровского государственного университета под руководством А.С. Васютина [1981а–б]. В данной статье представлено описание результатов осуществленных исследований.

Памятник включает несколько групп объектов, локализованных в разных частях погребально-поминального комплекса (рис. 1).

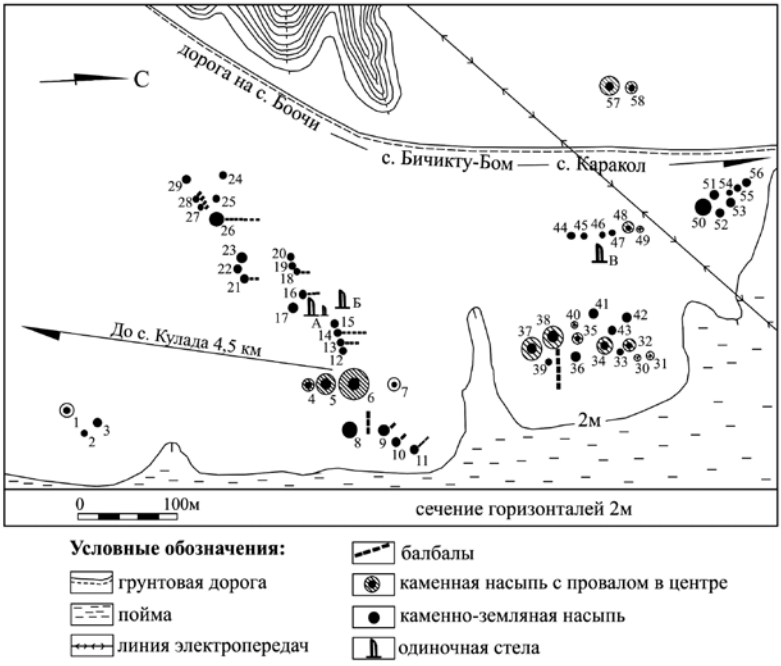


Рис. 1. План комплекса Алты-Таш

Группа I (объекты №1–3) расположена в юго–юго-восточной части комплекса Алты-Таш. Включает два типа сооружений. Тип 1 (№1) – сферическая насыпь овальной формы из булыжников и обломочных пород, слабо задернована, диаметром 18 м, высотой 0,8 м. Тип 2 (№2–3) – каменно-земляные плоские насыпи округлой формы, сильно задернованы, диаметром 7 и 10 м, высотой 0,2–0,3 м.

Группа II (объекты №4–7) выявлена в 180 м к северу от группы I. Курганы устроены в цепочку по линии север–юг. Наземные сооружения представлены сферическими округлыми в плане насыпями из булыжников и обломочных пород, с воронкообразными провалами в центре, слабо задернованы. Центральное положение занимает курган №6, диаметром 29 м и высотой 1,4 м, с балбалами с восточной стороны. Диаметр насыпей объектов №4, 7 составляет 12 м, высота – 0,3–0,4 м; кургана №5 – 22 м и 0,8 м соответственно.

Группа III (объекты №8–11) расположена в 30–35 м к востоку–северо-востоку от группы II. Представлена уплощенными округлыми сильно задернованными насыпями из булыжников и речной гальки. Диаметр наземных сооружений составляет 6–12 м, высота – 0,2–0,4 м. У части насыпей с северо-западной стороны зафиксированы балбалы.

Группа IV (объекты №12–29) находится к юго–юго-западу от группы III. Включает серию сооружений, расположенных цепочкой по линии юго-запад–северо-восток. Представлена каменно-земляными сильно задернованными насыпями округлой формы диаметром от 6–8 до 16 м, высотой 0,1–0,3 м. У части сооружений выявлены балбалы.

Группа V (объекты №30–43) представлена сооружениями, расположенными цепочкой по линии север–юг в 100 м к северу от группы II. Включает два типа объектов. Тип 1 (№30–32, 34, 36, 38–39) – сферические округлые насыпи из булыжников и обломочных пород, с воронкообразными углублениями в центре, слабо задернованы. Диаметр большей части конструкций составляет 12 м, высота – 0,1–0,2 м. Выделяются курганы №38–39 и 34, размеры которых достигают 23–24 и 19 м, и высота – 0,4–0,5 и 0,3 м соответственно. Тип 2 (№35, 41, 43) – каменно-земляные плоские округлые насыпи, сильно задернованы, диаметром 6–8 м, высотой не более 0,1 м.

Группа VI (объекты №44–49) расположена в 80–85 м к югу от группы V. Включает сооружения двух типов, локализованные цепочкой по линии С–Ю. Тип 1 (№48–49) – сферические округлые насыпи из булыжников и обломочных пород, с воронкообразными провалами в центре, слабо задернованы, диаметром 12 и 6,5 м, высотой 0,3 и 0,2 м соответственно. Тип 2 (№44–47) – каменно-земляные плоские насыпи округлой формы, сильно задернованы, диаметром 6–8 м, высотой 0,1–0,2 м.

Группа VII (объекты №50–56) находится в 50 м к северо–северо-западу от группы VI. Включает сильно задернованные каменно-земляные насыпи округлой формы, устроенные цепочкой по линии ЮЮВ–ССЗ. Наиболее

крупным является объект №50, диаметр которого составляет 20 м и высота – 0,4 м. Размеры остальных курганов – 6–8 м и 0,1–0,2 м соответственно.

Группа VIII (объекты №57–58) выявлена в 100–110 м к западу от группы VI. Представлена слабо задернованными округлыми сферическими насыпями из булыжников и обломочных пород, с воронкообразными провалами в центре. Диаметр курганов составляет 22 и 12 м, высота – 0,4 и 0,2 м соответственно.

В рамках работы Алтайского отряда Южносибирской экспедиции в 1981 г. предпринято исследование стел А–В, которые хорошо фиксируются на площади погребально-поминального комплекса [Васютин, 1982; 1983] (рис. 2). Данные объекты планиграфически привязаны к описанным группам IV и VI и сооружены из буровато-коричневых плит глинистого сланца. Все стелы широкими гранями ориентированы по линии Ю–С.

Стела А-1 размерами 2,7×0,53×0,28 м (рис. 3). На восточной узкой грани стелы в 1,5 м от современной поверхности зафиксированы знаки рунической письменности, процарапанные предметом с толщиной лезвия не более 1 мм. Знаки нанесены в одну ломаную строку длиной 19,5 см.

Стела А-2 устроена в 0,8 м к северу от стелы А1. Ее размеры – 1,0×0,36×0,18 м, верхняя часть обломана.

Стела Б расположена в 30 м к северу от объектов А-1–2. Ее размеры – 3,28×0,54×0,46 м (рис. 4). В основании на южной грани стелы точечной техникой по контуру выбита фигурка козла с саблевидным рогом, крупной подпрямоугольной головой, короткой шеей, длинным узким туловом и двумя схематично показанными ногами (рис. 5). На юго-западной грани стелы Б при тщательном осмотре ее поверхности выявлено плохо фиксируемое гравированное изображение человеческой головы. Сужающаяся к подбородку овальная форма головы с клиновидной бородкой, свисающие усы, единая линия бровей и носа и серьга в левом ухе сближают стелу с тюркскими изваяниями.

Рис. 2. Алты-Таш. Вид с востока на стелы А-1–2 и Б

Рис. 3. Алты-Таш. Стела А-1.
Вид с юго-востока

Рис. 4. Алты-Таш. Стела Б.
Вид с юга

Рис. 5. Алты-Таш. Нижняя часть южной грани стелы Б с рисунком козла

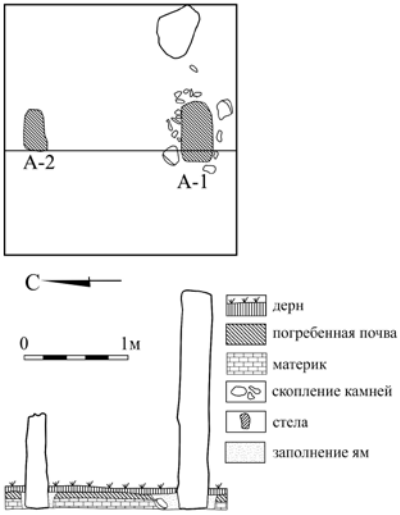


Рис. 6. Алты-Таш.
План и разрез раскопа у стел А-1–2

Стела В находится в 36 м от группы VI. Ее размеры – 2,8×0,6×0,23 м.

Для уточнения времени возведения объектов вокруг стел А-1–2 заложен небольшой раскоп (рис. 6). Осуществлена расчистка вскрытой площади до уровня чуть ниже материка. Какие-либо дополнительные сооружения или находки не выявлены.

Фиксируемые визуально характеристики конструкций погребально-поминального комплекса Алты-Таш свидетельствуют о том, что формирование данного памятника происходило на протяжении длительного хронологического периода. Предварительно выделяются курганы эпохи энеолита (афанасьевская культура), объекты скифо-сакского времени (пазырыкская культура), а также «поминальные» сооружения раннего средневековья. Нет сомнений, что дальнейшие полевые исследования на погребально-поминальном комплексе Алты-Таш позволят получить значительный объем информации об объектах различных хронологических периодов.

Библиографический список

Васютин А.С. Отчет о результатах разведки археологических памятников в бассейне рек Кокоря и Каракол Кош-Агачского и Онгудайского районов Горно-Алтайской автономной области в 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №8681. 1981а. 76 л.

Васютин А.С. Поиски ритуальных сооружений в Горном Алтае // Археологические открытия 1980 г. М., 1981б. С. 171.

Васютин А.С. Отчет о раскопках и разведке древнетюркских оградок в Горном Алтае в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №8571. 1982. 105 л.

Васютин А.С. Исследования древнетюркских оградок в Горном Алтае // Археологические открытия 1981 г. М., 1983. С. 192.

N.N. Seregin, S.A. Vasyutin

Altai State University, Barnaul, Russia;
Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

FUNERAL ORBITUARY COMPLEX ALTY-TASH (Central Altai): based on the materials of A.S. Vasyutin

The article concerns some of the results of exploration work carried out by the Altai detachment of the South-Siberian archaeological expedition of Kemerovo State University under the leadership of A.S. Vasyutin in 1980–1981. The authors present information on the objects of the Alty-Tash complex, located in the Ongudai region of the Altai Republic. The survey revealed eight groups of objects located in various parts of the site. A small excavation work was carried out to clarify the installation time of two stelas. The analysis of the structures fixed visually allowed us to conclude that the formation of the Alty-Tash complex took place over a long chronological period. The barrows of the Eneolithic era (Afanasyevo culture), objects of the Scythian-Saka time (Pazyryk culture), and "memorial" buildings of the early Middle Ages are distinguished. Further field studies on the site will provide a significant amount of information about the complexes of different chronological periods.

Key words: Central Altai, funeral and funeral complex, field research, mound, stela.

УДК 903.57«638»(571.150)

Н.Н. Серегин, С.С. Радовский

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

БАЗА ДАННЫХ НЕКРОПОЛЕЙ БЫСТРЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ АЛТАЯ: СТРУКТУРА И ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №18-78-00083 «Социальные системы номадов Алтая раннего железного века и средневековья: статистический и контекстуальный анализ археологических материалов»)

В статье представлен опыт разработки и наполнения базы данных, включающей разноплановую информацию о некрополях северных предгорий Алтая скифо-сакского времени. При формировании информационного ресурса учтены все известные авторам материалы раскопок захоронений быстрянской культуры – как опубликованные объекты, так и не введенные в научный оборот памятники, охарактеризованные в отчетах о полевых исследованиях. В рамках базы данных обобщены сведения о 138 погребениях, раскопанных на 27 некрополях. Подробно представлена структура информационного ресурса с перечнем его тематических разделов. Продемонстрированы возможности использования базы данных в работе исследователей (историков, археологов) и музейных сотрудников. Использование базы данных станет основой для дальнейшей работы по изучению общих и особенных характеристик обрядовой практики, а также реконструкции социальной истории населения северных предгорий Алтая скифо-сакского времени. Предполагается расширение базы данных с появлением новых или не известных ранее материалов, а также последующее ее размещение в открытом доступе.

Ключевые слова: быстрянская культура, некрополи, база данных, Алтай, скифо-сакское время, погребальный обряд, социальная история.

К настоящему времени в результате работ нескольких поколений исследователей накоплен значительный объем археологических материалов, демонстрирующих особенности историко-культурных и этногенетических процессов на территории Алтая в скифо-сакское время. Различным аспектам анализа результатов раскопок комплексов этого периода посвящена серия обобщающих монографий [Руденко, 1960; Могильников, 1997; Феномен алтайских мумий, 2000; Полосьмак, 2001; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003; Население Горного Алтая…, 2003; Тишкин, Дашковский, 2003; Кирюшин, Степанова, 2004; Фролов, 2008; и др.]. Вместе с тем, учитывая увеличивающийся объем сведений, а также новые возможности изучения уже имеющихся материалов, очевидны перспективы дальнейших изысканий. Актуальным направлением работ является разноплановый анализ некрополей быстрянской культуры, информационный потенциал которых реализован весьма фрагментарно, по сравнению с уже полученными результатами исследований синхронных комплексов пазырыкской, староалейской и каменской культур рассматриваемого региона. В настоящей статье представлен опыт систематизации материалов раскопок погребальных памятников северных предгорий Алтая скифо-сакского времени в формате создания электронной базы данных.

Использование методов информатики в исторических исследованиях в последние несколько десятилетий стало уже обычным явлением. В частности, определенное распространение получил опыт хранения и обработки значительных объемов информации в виде баз данных [Владимиров, Колдаков, 2011; Гарскова, 2012]. Вполне закономерно, что такая практика нашла применение и при систематизации археологических материалов, которые зачастую отличаются массовым характером и требуют учета большого количества различных показателей [Митько, Тетерин, Борисенко, 2007, с. 3–6; Лысов, 2012, с. 107–119; Тарасова, 2012, с. 112–117; Тишкин, Лукерина, 2014, с. 74–86; Серегин, Леонов, 2018, с. 40–44]. Важно отметить, что формат базы данных предоставляет значительные возможности для анализа погребального обряда древних и средневековых обществ, в рамках которого большое значение имеет статистическая обработка результатов раскопок некрополей.

При формировании базы данных «Погребальные комплексы скифо-сакского времени в северных предгорьях Алтая» были учтены все известные авторам материалы раскопок захоронений быстрянской культуры – как опубликованные памятники, так и не введенные в научный оборот сведения, содержащиеся в отчетах о полевых исследованиях. Исключение составили полностью разрушенные объекты, не содержащие необходимой информации. В рамках рассматриваемого информационного ресурса обобщены сведения о 138 погребениях, раскопанных на 27 некрополях. Первоначально весь объем материалов формировался в программе Microsoft Office Excel, что было необходимо для осуществления соответствующих статистических операций, а затем импортировался в стандартный программный пакет Microsoft Office Access. К настоящему времени база данных прошла процедуру официальной регистрации (рис.).

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

СВИДЕТЕЛЬСТВО

о государственной регистрации базы данных

№ 2019620082

Погребальные комплексы скифо-сакского времени в северных предгорьях Алтая

Правообладатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный университет» (RU)

Авторы: Радовский Святослав Сергеевич (RU), Серегин Николай Николаевич (RU)

Заявка № 2018621971
Дата поступления 26 декабря 2018 г.
Дата государственной регистрации в Реестре баз данных 15 января 2019 г.

Руководитель Федеральной службы по интеллектуальной собственности

Основой базы данных является таблица из 29 полей и трех тематических разделов. Сведения в полях представлены как в текстовом, так и в цифровом формате. В том случае если о каких-то показателях сведения не указаны авторами раскопок или они не

были зафиксированы, то ставится знак «?». Строки расположены в алфавитном порядке по названиям памятников.

Первый тематический раздел – «Общая характеристика объектов». В его составе объединены семь полей, созданных в текстовом формате. Первое поле присваивает каждому объекту свой личный порядковый номер.

Второе поле указывает на название памятника, взятое из опубликованных данных. В случае, если в литературе встречается несколько наименований одного и того же некрополя, они приводятся в скобках. Использование данного раздела позволяет полностью ознакомиться с материалами раскопок конкретных комплексов. Без использования базы данных это затруднительно, так как многие объекты исследовались в течение нескольких лет и зачастую с большим промежутком времени и соответственно опубликованы в разных изданиях.

Третье поле – «Место расположения», предоставляет информацию о географической локализации погребальных комплексов быстрянской культуры, включая регион, район и конкретное местонахождение с привязкой к крупным географическим объектам или населенным пунктам. В рамках работы с этим разделом базы данных возможна выборка памятников по конкретной территории.

Четвертое поле называется «Год исследования» и содержит либо конкретное значение, если оно указано в источнике, либо диапазон лет, в случае, когда раскопки проводились непрерывно и опубликованы одним комплексом.

Пятое поле – «Автор раскопок», соответственно, указывает одного или нескольких руководителей раскопок, если сведения о держателе Открытого листа отсутствуют. Данное и предыдущее поля дают возможность осуществлять выборку объектов по годам и авторам исследований, что актуально в рамках работы по изучению истории археологических раскопок.

Шестое поле – «Место хранения материалов», содержит сведения о местонахождении коллекций из рассматриваемых погребальных комплексов быстрянской культуры в музейных учреждениях.

Седьмое поле, последнее в данном разделе, включает информацию о месте публикации рассматриваемых материалов.

В целом, первый тематический раздел базы данных позволяет пользователям получить оперативную и полную информацию общего плана о некрополях быстрянской культуры Алтая, включая специальные сведения, необходимые для подготовки историографических обзоров, сводов памятников, характеристики музейных коллекций и др.

Следующий тематический раздел базы данных получил название «Характеристика погребальных конструкций». Он содержит 12 полей, связанных с описанием наземных и внутримогильных сооружений некрополей быстрянской культуры.

Первое поле включает сведения о планиграфии раскопанных объектов с учетом всех зафиксированных вариантов группировки сооружений: цепочка, микроцепочка, микрогруппа, одиночный объект, а также

хаотичное расположение курганов. В случае отсутствия такой информации ставится знак «?».

Второе поле – «Ограбленность», фиксирует факты нарушения захоронения или отсутствие подобных свидетельств.

Третье поле отмечает наличие или отсутствие специальных поминальных сооружений и следов тризны. В последнем случае указывается их конкретная локализация на площади объекта.

Четвертое поле характеризует насыпь кургана или ее отсутствие. Наличие насыпи уточняется ее типом: земляная, каменная или каменно-земляная. Если насыпь не зафиксирована, то последующие три поля не заполняются.

Пятое поле – «Размеры насыпи», отражает параметры наземной конструкции в метрах. Отметим, что учет данного показателя имеет особое значение при определении важности такого признака, как объем трудозатрат в ходе социальных реконструкций по археологическим материалам, в том числе в рамках статистической обработки сведений.

Шестое поле именуется «Высота насыпи» и также учитывается в метрах. Следует отметить условность фиксации данного показателя, как и значений, указанных в предыдущем поле. Это связано как с антропогенным (ограбление, распашка), так и с природным воздействием на наземные конструкции. При заполнении полей использовались значения, приведенные авторами раскопок.

Седьмое поле указывает на наличие или отсутствие каменной выкладки по периметру насыпи. Кроме того, учтена возможность наличия рва, зафиксированного в двух случаях. Последний показатель также включен в рассматриваемое поле и приведен в текстовом формате.

Восьмое поле – «Ориентировка могилы», указывает на расположение погребения длинной осью относительно сторон света: восток–запад, юго-запад – северо-восток и т.д.

Девятое поле включает сведения о размерах могильной ямы, учитываемых по фиксируемому контуру.

Десятое поле содержит значение глубины могилы в метрах. В тех случаях, когда в публикациях или отчетах имелись сведения об особенностях фиксации данного показателя (от уровня погребенной почвы, от высшей точки кургана, от современной поверхности и т.д.), это нашло отражение и в базе данных.

Одиннадцатое поле – «Внутримогильная конструкция», указывает на особенности устройства могильной ямы, включая такие варианты, как подбой, приступка, материковая перегородка и др.

Двенадцатое поле фиксирует разновидности устройства погребальной камеры: каменный ящик, деревянный ящик, каменная обкладка, деревянная обкладка, колода и др. В случаях, когда точную конструкцию зафиксировать не удалось, но сохранились следы от деревянного тлена или разрозненные камни, явно относящиеся к погребальной камере, в данном поле приведена соответствующая информация («остатки деревянной конструкции» или «остатки каменной конструкции»).

Третий тематический раздел – «Характеристика погребального ритуала», включает 10 полей, содержащих сведения о позе умершего, его ориентировке, наличии инвентаря, сопроводительном захоронении лошади и др.

Первое поле указывает положение погребенного человека: на спине, скорченно на правом или левом боку, вытянуто на боку и др.

Второе поле фиксирует ориентировку человека головой в определенный сектор горизонта.

Третье поле содержит сведения о половой принадлежности умершего человека.

Четвертое поле – «Возраст погребенного», включает информацию о/или примерном возрасте умерших. Отметим, что включение третьего и четвертого полей в данный тематический раздел связано с тем, что пол и возраст умершего в значительной степени определяли вариабельность погребального ритуала населения быстрянской культуры. Учет этих показателей имеет большое значение для последующего исследования различных аспектов социальной истории, в том числе реконструкции демографической ситуации в северных предгорьях Алтая в скифо-сакское время.

Пятое поле отмечает наличие или отсутствие сопроводительного захоронения лошади, а также количество животных. В том случае, если данный показатель не зафиксирован, то следующее поле остается пустым.

Шестое поле – «Расположение лошади рядом с человеком», показывает местонахождение животного относительно покойного.

Седьмое поле содержит сведения о положении захороненной лошади. Обычно встречено три показателя: на животе, на правом или левом боку.

Восьмое поле фиксирует ориентировку лошади в определенный сектор горизонта.

Девятое поле включает информацию о наличии или отсутствии сопроводительного инвентаря.

Последнее десятое поле указывает на наличие следов огня в погребении. Необходимость фиксации данного показателя объясняется довольно частой встречаемостью отмеченного элемента обрядности в традициях культур скифо-сакского круга.

Представляется возможным утверждать, что второй и третий тематические разделы базы данных включают исчерпывающие систематизированные сведения о погребальном обряде населения быстрянской культуры. Возможности информационного ресурса позволяют осуществлять необходимые операции по поиску и обработке как конкретных показателей, так и групп признаков. Использование базы данных станет основой для дальнейшей работы по изучению общих и особенных характеристик обрядовой практики, а также реконструкции социальной истории населения северных предгорий Алтая скифо-сакского времени. Кроме того, значение рассматриваемого информационного ресурса определяется актуальностью его применения в музейной деятельности. Предполагается расширение базы данных с появлением новых или не известных ранее материалов, а также последующее ее размещение в открытом доступе.

Библиографический список

Владимиров В.Н., Колдаков Д.В. Базы и банки данных в исторических исследованиях // Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности. Барнаул, 2011. Т. 1. С. 5–24.

Гарскова И.М. Базы данных в исторических исследованиях: опыт и перспективы // Базы данных в исторических исследованиях. Барнаул, 2012. С. 3–13.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни. Барнаул, 2004. 292 с.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул, 2003. 234 с.

Лысов М.Ю. База данных «Предметы вооружения Алтая и сопредельных территорий скифо-сакского времени» // Базы данных в исторических исследованиях. Барнаул, 2012. С. 107–119.

Митько О.А., Тетерин Ю.В., Борисенко А.Ю. Значение базы данных о русском оружии эпохи позднего средневековья и нового времени из Сибирского региона на сайте информационного центра «Военное дело народов Сибири и Центральной Азии» и возможности использования археологических информационных ресурсов в преподавании археологии // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2007. Т. VI, №3. С. 3–6.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине–второй половине I тыс. до н.э. М., 1997. 195 с.

Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики) / В.И. Молодин, М.И. Воевода, Т.А. Чикишева и др. Новосибирск, 2003. 286 с.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск, 2001. 336 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. 360 с.

Серегин Н.Н., Леонов А.С. База данных тюркских изваяний Алтая из музейных коллекций // Значение природного и культурного наследия в современном обществе. Горно-Алтайск, 2018. С. 40–44.

Тарасова А.С. Необходимость создания базы данных по аппликациям пазырыкской культуры и возможности ее использования в музейной и экскурсионно-туристической деятельности // Ломоносовские чтения на Алтае. Барнаул, 2012. Ч. IV. С. 112–117.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул, 2003. 430 с.

Тишкин А.А., Лукерина Я.Е. Формирование базы данных о лошадях Сибири поздней древности и средневековья // Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности. Барнаул, 2011. Т. 1. С. 74–86.

Феномен алтайских мумий / В.И. Молодин, Н.В. Полосьмак, Т.А. Чикишева и др. Новосибирск, 2000. 320 с.

Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул, 2008. 479 с.

N.N. Seregin, S.S. Radovsky

Altai State University, Barnaul, Russia

DATABASE OF THE NECROPOLIS OF THE BYSTRYANSKAYA CULTURE IN ALTAI: STRUCTURE AND POSSIBILITIES OF USE

The article presents the experience of the development and filling of the database, including diverse information about the necropolises of the northern foothills of Altai in the Scythian-Saka time. In forming the information resource, all materials from the excavations of the burials of the Bystryanskaya culture known to the authors have been taken into account – both published sites and information not introduced into scientific use that were kept in the reports on field studies. The database summarizes information on 138 burials excavated at 27 necropolises. The structure of the information resource with a list of its thematic sections has been described in detail. The possibilities of using the database in the work of researchers (historians, archaeologists) and museum staff have been demonstrated. The use of the database will be the basis for further work on the study of the general and special characteristics of ritual practice and the reconstruction of the social history of the population of the northern foothills of the Altai in the Scythian-Saka period. It is intended to expand the database with the new or previously unknown materials and subsequently place it in the public domain.

Key words: Bystryanskaya culture, necropolis, database, Altai, Scythian-Saka time, burial rite, social history.

УДК 903.5(571.151)

Н.Н. Серегин, Н.Ф. Степанова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

МОГИЛЬНИК ГОРНЫЙ-10 (ПРЕДГОРНЫЙ АЛТАЙ): история исследований и перспективы изучения материалов

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №18-78-00083 «Социальные системы номадов Алтая раннего железного века и средневековья: статистический и контекстуальный анализ археологических материалов»)», а также в рамках выполнения государственного задания Алтайского государственного университета (проект №33.867.2017/ПЧ «Реконструкции технологических приемов и методов производств древних обществ Северной Азии»)

В статье представлены итоги и перспективы исследования некрополя Горный-10, который в настоящее время может рассматриваться как опорный археологический комплекс для изучения истории племен Лесостепного Алтая в эпоху Тюркских каганатов. Представлена краткая характеристика процесса исследования данного памятника, опыта интерпретации полученных материалов, а также обозначены дальнейшие перспективы изучения имеющихся данных. В полевых сезонах 1997, 2000–2003 гг. экспедициями под руководством М.Т. Абдулганеева

на некрополе вскрыты 75 могил раннего средневековья, локализованных на площади 2214 кв. м. Кроме того, в 2014 г. серия объектов комплекса, часть которых может также относиться к обозначенному хронологическому периоду, исследована Г.В. Кубаревым. Накопленные материалы демонстрируют как общие, так и весьма специфичные характеристики погребальной обрядности и предметного комплекса населения, оставившего могильник Горный-10. Реализация целенаправленного междисциплинарного изучения имеющихся данных позволит на новом уровне рассматривать исторические судьбы раннесредневековых племен региона в контексте сложных процессов, характеризующих периферию кочевых империй Центральной Азии в эпоху Тюркских каганатов.

Ключевые слова: некрополь, эпоха Тюркских каганатов, Лесостепной Алтай, история исследований, погребальный обряд, предметный комплекс.

Одним из слабо изученных периодов в истории населения Лесостепного Алтая остается время существования Тюркских каганатов. Во 2-й половине VI – 1-й половине VIII в. н.э. рассматриваемый регион представлял собой периферию кочевых империй Центральной Азии, что определило полное отсутствие каких-либо сведений в письменных источниках о процессах, происходивших на данной территории. Количество исследованных археологических комплексов этого периода также весьма ограничено. Помимо поселений, известна весьма небольшая серия раскопанных некрополей, относящихся к выделенным осинкинскому и акутихинскому этапам одинцовской культуры [Тишкин, Горбунов, 2002, с. 83–84; Казаков, 2018, с. 6]. Они представлены захоронениями, изученными на памятниках Ближние Елбаны-XVI [Абдулганеев, Горбунов, Казаков, 1995, с. 245–246], Осинки [Савинов, 2000; Савинов, Новиков, Росляков, 2008, с. 30–32], Страшный Яр [Горбунов, Тишкин, Фролов, 2017; Тишкин, Горбунов, Фролов, 2018], Чумыш-Перекат [Фрибус и др., 2018, с. 44–47, рис. 1], а также подъемным материалом с площади грунтового могильника Заломное-1 [Горбунов, Рудометов, 2003, с. 52–55, рис. 1.-1–50].

Среди обозначенных комплексов особое место занимает некрополь Горный-10, который представляется возможным рассматривать как опорный памятник для реконструкции сложных историко-культурных и этносоциальных процессов, происходивших на территории Лесостепного Алтая в эпоху Тюркских каганатов. В настоящей статье представлена краткая характеристика процесса исследования данного памятника, опыта интерпретации полученных материалов, а также обозначены дальнейшие перспективы изучения имеющихся данных.

Могильник Горный-10 расположен на мысу правого берега Иши, в 1,3 км к западу–северо-западу от устья Карагужа, в 0,6 км к северо-западу от пос. Горный Красногорского района Алтайского края (рис. 1). Сведения о наличии памятника появились еще в 1960-е гг., а в 1970 г. отдельные находки из погребений некрополя, разрушенных силосными ямами и скотомогильником, поступили в Бийский краеведческий музей им. В.В. Бианки [Абдулганеев, Папин, Семибратов, 1998, с. 161]. Первое обследование территории комплекса осуществлено в 1997 г. экспедицией Алтайского

государственного университета в рамках работ по картографированию археологических памятников Красногорского района, реализованных по поручению НПЦ «Наследие». В том же году раскопаны четыре могилы, две из которых были практически не потревожены. Уже в первой публикации результатов этих исследований предварительно определена хронология изученных объектов в рамках VII–VIII вв., а также представлена краткая характеристика зафиксированных элементов обряда и обнаруженных предметов инвентаря [Абдулганеев, Папин, Семибратов, 1998, с. 161].

Учитывая очевидную перспективность дальнейших работ на некрополе Горный-10, а также аварийный характер комплекса, исследования на этом памятнике были продолжены. В 2000 г. участниками Предгорной археологической экспедиции Алтайского государственного университета и НПЦ «Наследие» под руководством М.Т. Абдулганеева раскопаны 17 погребений, локализованных на вскрытой площади 400 кв. м, а также установлено, что раннесредневековые захоронения были сооружены на месте поселения раннего железного века Горный-3 [Абдулганеев, 2001, с. 128; Абдулганеев и др., 2001, с. 96].

Рис. 1. Карта-схема расположения могильника Горный-10

Материалы, полученные в первый год целенаправленных исследований на могильнике Горный-10, позволили сделать ряд важных заключений об особенностях погребальной обрядности населения, оставившего некрополь, а также о культурно-хронологической принадлежности

памятника. Предварительные заключения были представлены в отдельной статье руководителя раскопок [Абдулганеев, 2001, с. 128–130], а также в публикации общего плана по результатам полевых исследований [Абдулганеев и др., 2001, с. 96–97]. Автор этих работ отметил возможность того, что первоначально над могилами возводились какие-то конструкции, впоследствии расплывшиеся и разрушенные. Большая часть изученных погребений были одиночными, но наряду с ними раскопаны три захоронения в сопровождении лошади, отличавшиеся своеобразным расположением животного. М.Т. Абдулганеев [2001, с. 130] подчеркнул, что большая часть датирующих находок, а также отдельные элементы погребального обряда находят аналогии в объектах кудыргинского этапа, исследованных на территории Республики Алтай. Кроме того, отдельные предметы схожи с образцами, получившими распространение на Верхней и Средней Оби. Датировка комплекса определена археологом в рамках VI–VII вв. Сделано заключение о наличии, по крайней мере, двух компонентов в традициях населения, оставившего некрополь [Абдулганеев, 2001, с. 130; Абдулганеев и др. , 2001, с. 97].

Важным результатом дальнейших работ на памятнике, осуществленных в 2001 г., стало установление границ раннесредневекового некрополя и определение занимаемой им территории. В этом году участниками экспедиции изучено 31 захоронение, которые выявлены на двух раскопах общей площадью более 1200 кв. м [Абдулганеев, Степанова, 2001, с. 216]. Еще 21 могила раскопана на комплексе Горный-10 в 2002 г. и одна – в 2003 г. [Абдулганеев, Степанова, 2002, с. 220–221]. Всего за все годы раскопок вскрыто 2214 кв. м площади памятника и 75 могил [Абдулганеев, 2007].

Общая характеристика полученных материалов осуществлена авторами раскопок уже в предварительных публикациях. С накоплением материалов стали возможными наблюдения об особенностях планиграфии некрополя. Так, выявлены участки комплекса с преобладанием различных ориентировок умерших, отмечена концентрация мужских и женских захоронений в определенных частях могильника [Абдулганеев, Степанова, 2001, с. 216–217]. Среди характерных особенностей похоронной практики населения, оставившего некрополь, обозначена традиция создания вторичных погребений, а также обычай посмертной трепанации черепов [Абдулганеев, Степанова, 2002, с. 220]. Большое значение имело выделение захоронений людей, при жизни отличавшихся высоким или особым социальным статусом, о чем свидетельствовали специфичный состав сопроводительного инвентаря и некоторые детали обрядности [Абдулганеев, Степанова, 2002, с. 221].

Материалы раскопок некрополя Горный-10 были использованы М.Т. Абдулганеевым [2007, с. 295–296] при подготовке очерка истории Красногорского района в древности и средневековье. В данной работе приведены некоторые сведения, расширяющие сделанные ранее заключения. Археолог отметил наличие целого ряда различных ритуальных действий,

совершаемых над телами умерших, а также возможное распространение традиции помещения в могилы специальных «кукол». Значительный интерес представляет информация об имеющихся антропологических определениях, которые подтверждают сделанные ранее наблюдения о двух основных компонентах в составе населения, оставившего некрополь: самодийском, отличавшемся преобладанием монголоидных черт, и тюркском, близком по своим европеоидным чертам к номадам Горного Алтая [Абдулганеев, 2007, с. 295]. При этом М.Т. Абдулганеев [2001, с. 296] подчеркнул мирный характер сосуществования выделенных двух групп населения.

К сожалению, по различным причинам результаты раскопок некрополя Горный-10 пока не опубликованы, за исключением отдельных иллюстраций и описаний общего плана. Вместе с тем яркие материалы данного комплекса в последующие после полевых исследований годы неоднократно привлекались целым рядом специалистов при изучении различных аспектов истории населения Лесостепного Алтая в раннем средневековье.

Наибольшее внимание исследователей привлек яркий предметный комплекс, зафиксированный в ходе раскопок некрополя Горный-10. Отдельные предметы вооружения из погребений памятника были использованы В.В. Горбуновым [2006, рис. 25.-35–41] при характеристике пано-плии населения одинцовской культуры Лесостепного Алтая. На основе анализа наконечников стрел, а также, очевидно, учитывая и другие материалы некрополя, археолог определил хронологию комплекса в рамках VI – 1-й половины VIII в. [Горбунов, 2006, с. 126]. Находка, обнаруженная в одной из могил памятника Горный-10, привлечена С.В. Панковой [2003, с. 271, рис. 1.-7] в рамках анализа группы металлических предметов, условно называемых «подвесками-псевдопряжками». Китайские монеты, зафиксированные в ряде захоронений рассматриваемого памятника, учитывались В.В. Серовым [2002, с. 48–49] при выделении и характеристике этапов распространения таких изделий на Алтае. В недавней монографии, посвященной демонстрации результатов изучения поселений майминской культуры, Н.Ю. Кунгуровой рассмотрена возможность соотношения керамики, обнаруженной на поселении Горный-3, с материалами раннесредневекового некрополя [Кунгурова, Абдулганеев, 2019, с. 62–64].

Результаты раскопок могильника Горный-10 нашли отражение в обобщающих работах, посвященных построению культурно-хронологических схем и реконструкции процессов, происходивших на территории Лесостепного Алтая в раннем средневековье. В концепции, представленной в статье А.А. Тишкина и В.В. Горбунова [2002], материалы памятника отнесены к осинкинскому (VI – 1-я половина VII в.) и акутихинскому (2-я половина VII – 1-я половина VIII в.) этапам в развитии одинцовской культуры. Три погребения некрополя Горный-10, совершенные по обряду ингумации с конем, использованы В.В. Горбуновым при характеристике процессов тюркизации юга Западной Сибири в раннем средневековье. По мнению исследователя, обозначенные объекты

Рис. 2. Могильник Горный-10: *1* – вид на раскоп 2; *2* – план некрополя; *3* – силосная яма в центральной части памятника; *4* – вид на раскоп 1 из силосной ямы (по: [Абдулганеев, Пугачев, Степанова, 2005]

свидетельствуют о переосмыслении обряда захоронения с лошадью, традиционного для тюркоязычного населения, и принадлежность обозначенных могил тюркам маловероятна [Горбунов, 2003, с. 40]. Данное заключение приведено и в более поздней работе, подготовленной при участии археолога [Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 45].

В 2014 г. Г.В. Кубаревым [2016, с. 363–364] предприняты раскопки на площади комплексов Горный-3 и Горный-10. Участниками Чуйского отряда Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИАЭТ СО РАН под руководством археолога вскрыта площадь около 400 кв. м, включавшая 41 объект, часть которых отнесена к VI–VII вв. Несмотря на то, что погребения не были исследованы, Г.В. Кубаревым был получен определенный объем информации о такой специфичной черте обрядовой практики раннесредневекового населения, как совершение ритуальных захоронений животных к западу от могил людей.

В последующие годы полевые исследования некрополя Горный-10 продолжены не были. При этом полученные ранее материалы использованы Г.В. Кубаревым при обосновании выделения особой «кудыргинской» культуры, существовавшей параллельно с «катандинской» и связанной с особой группой населения [Зубова, Кубарев, 2015, с. 86–87]. По мнению археолога, погребения «кудыргинцев» родственны носителям верхнеобской культуры Новосибирского Приобья, и при этом они являются пришлой группой, происхождение которой связано с территорией Забайкалья и Монголии [Зубова, Кубарев, 2015, с. 91]. К сожалению, более подробное обоснование данной концепции, предполагающей значительный пересмотр существующих представлений культурно-хронологического характера, не осуществлено ее автором.

Нет сомнений, что информационный потенциал материалов, полученных в ходе раскопок некрополя Горный-10, до сих пор остается практически не реализованным. Обозначим наиболее перспективные направления в изучении имеющихся данных.

Принципиальное значение для дальнейшего эффективного использования материалов комплекса Горный-10 в историко-культурных реконструкциях имеет построение относительной и абсолютной хронологии объектов некрополя. Представительный набор предметов сопроводительного инвентаря позволяет в значительной степени детализировать датировку как отдельных могил, так и всего памятника. Создание внутренней хронологии некрополя должно основываться также на радиоуглеродном датировании антропологических и остеологических материалов из захоронений. Реализация комплекса мероприятий в указанном направлении будет не только способствовать определению места могильника Горный-10 в кругу синхронных памятников Лесостепного Алтая и сопредельных территорий, но также станет основой для понимания процессов формирования некрополя.

Значительные перспективы связаны с комплексным исследованием антропологических материалов некрополя. Изучение предварительно за-

фиксированных следов трепанации, скальпирования, а также выявленного обычая создания вторичных погребений и других ритуальных действий будет способствовать реконструкции целого ряда аспектов системы мировоззренческих представлений раннесредневекового населения региона, которые остаются практически не исследованными. Определенное значение имеет уточнение сделанных ранее выводов о многокомпонентном составе социума, оставившего некрополь. В этом плане перспективными представляются палеогенетические исследования, реализация которых позволит серьезным образом расширить представления об исторических судьбах рассматриваемого раннесредневекового общества.

С обозначенным направлением тесно связаны исследования, предполагающие социальную интерпретацию материалов раскопок некрополя Горный-10. На могильнике практически в равных пропорциях раскопаны мужские, женские и детские захоронения, что позволяет в полной мере реализовывать возможности рассмотрения демографической структуры раннесредневекового социума. Корреляционный анализ качественно-количественного состава сопроводительного инвентаря, показательных элементов погребального обряда, а также результатов антропологических и палеогенетических исследований предоставляет практически беспрецедентные для раннесредневековой археологии региона возможности реконструкции различных аспектов организации общества, оставившего некрополь.

Реализация этих и других направлений в исследовании материалов раскопок некрополя Горный-10 позволит на новом уровне рассматривать исторические судьбы раннесредневекового населения региона в контексте сложных процессов, характеризующих периферию кочевых империй Центральной Азии в эпоху Тюркских каганатов.

Библиографический список

Абдулганеев М.Т. Могильник Горный-10 – памятник древнетюркской эпохи в северных предгорьях Алтая // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, 2001. С. 128–131.

Абдулганеев М.Т. Красногорский район в древности // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2007. Вып. XVI. С. 237–304.

Абдулганеев М.Т., Горбунов В.В., Казаков А.А. Новые могильники второй половины I тысячелетия н.э. в урочище Ближние Елбаны // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово, 1995. С. 243–252.

Абдулганеев М.Т., Папин Д.В., Семибратов В.П. Картографирование археологических памятников Красногорского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998. Вып. IX. С. 157–162.

Абдулганеев М.Т., Пугачёв Д.А., Степанова Н.Ф. Исследования поселений эпохи железа у с. Карагуж на р. Иша (Северный Алтай) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2005. Вып. 2. С. 51–64.

Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф. Исследования на могильнике Горный-10 (Северный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2001. Т. VII. С. 216–219.

Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф. Раскопки у пос. Горный на Северном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2002. Т. VIII. С. 220–223.

Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф., Служак И.В., Чекрыжова О.И. Раскопки аварийных памятников на р. Иша // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2001. Вып. XII. С. 93–97.

Горбунов В.В. Процессы тюркизации на юге Западной Сибири в раннем средневековье // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. I. С. 37–42.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. 232 с.

Горбунов В.В., Рудометов П.Л. Средневековые памятники в окрестностях с. Киприно // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2003. Вып. XIII. С. 52–57.

Горбунов В.В., Тишкин А.А., Фролов Я.В. Редкое погребение одинцовской культуры на памятнике Страшный Яр-1 в Барнаульском Приобье // Культуры и народы Северной Евразии: взгляд сквозь время. Томск, 2017. С. 106–110.

Зубова А.В., Кубарев Г.В. Краниологическая характеристика раннесредневекового населения Горного Алтая по материалам могильника Кудыргэ // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. №4 (31). С. 80–87.

Казаков А.А. Опубликованные памятники I–II тысячелетий с территории Алтайского края: (справочник). Барнаул, 2018. 194 с.

Кубарев Г.В. Раскопки в северных предгорьях Алтая // Археологические открытия 2014 г. М., 2016. С. 363–364.

Кунгурова Н.Ю., Абдулганеев М.Т. Майминская культура: по материалам поселений Салаира и Предалтайской равнины 1-й пол. I тыс. н.э. Барнаул, 2019. 214 с.

Панкова С.В. «Подвески-псевдопряжки» в средневековых памятниках Сибири // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2003. Кн. II. С. 271–274.

Савинов Д.Г. Кудыргинский предметный комплекс на Северном Алтае (по материалам Осинкинского могильника) // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск, 2000. С. 170–177.

Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск, 2008. 424 с.

Серов В.В. О причинах появления первых монет на Алтае // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция. М., 2002. С. 48–49.

Степанова Н.Ф., Абдулганеев М.Т. Раскопки на Северном Алтая // АО 2002 года. М., 2003. С. 407–408.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2002. №9. С. 82–91.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г. Алтай в эпоху средневековья: иллюстрированный исторический атлас. Барнаул, 2011. 136 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Фролов Я.В. Комплексный анализ наборного пояса из самодийского погребения VI–VII вв. на памятнике Страшный Яр-1 в Барнаульском Приобье // Археология Евразийских степей. 2018. №6. С. 235–240.

Фрибус А.В., Грушин С.П., Сайберт В.О., Трусова Е.В. Проблемы хронологии древних и средневековых комплексов могильника Чумыш-Перекат в Западном Присалаирье // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2018. Вып. 2. С. 42–47.

N.N. Seregin, N.F. Stepanova

Altai State University, Barnaul, Russia;
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia

GORNY-10 BURIAL GROUND (ALTAI FOOTHILLS): history of research and prospects for studying materials

The article presents the results and prospects of the study of the Gorny-10 burial ground, which at present can be considered as a reference archaeological complex to study the history of the tribes of the Forest-Steppe Altai in the era of the Turkic kaganates. The authors present a brief description of the process of researching of this site, the experience of interpreting the materials obtained, and further prospects for studying the available data. In the field seasons 1997, 2000–2003 expeditions under the leadership of M.T. Abdulganeev opened 75 graves of the early Middle Ages on the burials, located on the area of 2214 square meters. In addition, in 2014 a series of objects of the complex, some of which may also refer to a designated chronological period, was investigated by G.V. Kubarev. The accumulated materials demonstrate both the general and very specific characteristics of the funerary rites and the subject complex of the population that left the Gorny-10 burial ground. The implementation of a focused interdisciplinary study of available data will allow considering the historical fate of the early medieval tribes of the region on the new level in the context of complex processes that characterize the periphery of the nomadic empires of Central Asia in the era of the Turkic kaganates.

Key words: burial ground, the era of the Turkic kaganates, Forest-Steppe Altai, history of research, funeral rite, subject complex.

УДК 902(571.151)

Н.Н. Серегин[1], А.А. Тишкин[1], С.С. Матренин[1,2], Т.С. Паршикова[1]

[1]Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
[2]Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

НОВЫЕ НАХОДКИ КОЛЧАННЫХ КРЮКОВ СЯНЬБИЙСКО-ЖУЖАНСКОГО ВРЕМЕНИ С ТЕРРИТОРИИ АЛТАЯ

Работа выполнена при частичной финансовой поддержке РФФИ (проект №18-09-00536а, «Хронология археологических комплексов Алтая хуннуско-сяньбийского времени и раннего средневековья (II в. до н.э. – XI в. н.э.)»)

В статье осуществлена публикация трех колчанных крюков, обнаруженных в ходе раскопок курганов №31а, 32 и 34а погребально-поминального комплекса Чобурак-I. Обозначенный памятник располагается на правом берегу Катуни, в 3,6 км к югу от с. Еланда Чемальского района Республики Алтай. Представлена развернутая характеристика морфологии найденных изделий, а также приведены сведения об особенностях размещения данных предметов в погребениях. Суммирована информация об аналогиях колчанным крюкам с поперечной планкой из памятников булан-кобинской культуры, относящихся

ко 2-й четверти I тыс. н.э. Вводимые в научный оборот материалы расширяют источниковую базу для разностороннего изучения снаряжения населения Алтая сяньбийско-жужанского времени, а также для продолжения исследований, направленных на детализацию этапов эволюции материальной культуры кочевников региона рубежа периода поздней древности и раннего средневековья.

Ключевые слова: Алтай, Чобурак-I, сяньбийско-жужанское время, булан-кобинская культура, снаряжение, колчанный крюк, хронология.

На сегодняшний день снаряжение кочевников Алтая представлено разнообразными и многочисленными категориями артефактов из археологических памятников поздней древности и средневековья. Среди них имеется серия находок, обозначаемых как «колчанные крюки». Такие изделия применялись главным образом для закрепления футляров, в которые помещалось стрелковое оружие (лук, стрелы). Кроме того, они могли выполнять функцию застежек для отдельных саадачных поясов.

В монографическом издании источников по воинскому снаряжению кочевников Алтая II в. до н.э. – V в. н.э., подготовленном одним из авторов статьи, учтено не менее 36 экземпляров колчанных крюков из 13 погребальных комплексов булан-кобинской культуры: Айрыдаш-I, Балыктыюль, Белый-Бом-II, Булан-Кобы-IV, Верх-Уймон, Дялян, Кам-Тытугем, Кокса, Кок-Паш, Кызыл, Тянгыс-Тыт, Степушка, Яломан-II [Матренин, 2017, с. 9–11]. Данные предметы входили в состав сопроводительного инвентаря относительно небольшой группы захоронений лиц мужского пола (в том числе подростков) и не встречались в могилах женщин и детей. Современная практика классификации и типологии колчанных крюков оказалась результативной для установления датировки памятников рассматриваемого региона сяньбийско-жужанского времени (II–V вв. н.э.). Некоторые модификации застежек приобрели статус хронологических индикаторов для обоснования стадий эволюции материальной культуры номадов [Мамадаков, 1990; Николаев, 2000; Матренин, 2011, 2017; Тишкин, Матренин, 2012; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018].

Несмотря на имеющийся к настоящему моменту репрезентативный корпус находок колчанных крюков булан-кобинской культуры, обнаружение новых экземпляров таких вещей в раскапываемых закрытых археологических комплексах имеет большое значение для продолжения разностороннего изучения снаряжения населения Алтая рубежа поздней древности и раннего средневековья.

В настоящей публикации в научный оборот вводятся колчанные крюки, обнаруженные в ходе исследования погребально-поминального комплекса Чобурак-I на территории Северного Алтая. Обозначенный памятник располагается на правом берегу Катуни, в 3,6 км к югу от с. Еланда Чемальского района Республики Алтай (рис. 1). В полевые сезоны 2015–2019 гг. Чемальская археологическая экспедиция Алтайского государственного университета под руководством одного из авторов статьи исследовала более 30 объектов, отражающих особенности мате-

риальной и духовной культуры населения данной части региона в энеолите – раннем средневековье [Серегин, Горбунов, Тишкин, 2016; Серегин и др., 2018а–б; и др.]. Отдельную группу изученных сооружений демонстрирует серия погребений эпохи Великого переселения народов. Остатки саадачных поясов, представленные железными крюками-застежками, присутствовали в трех мужских захоронениях.

Рис. 1. Место расположения археологического комплекса Чобурак-I. Карта-схема

Предлагаемое ниже описание зафиксированных элементов воинской экипировки осуществлялось в рамках следующего набора морфологических показателей: материал изделия; оформление основания крюка (главная часть корпуса в виде стержня или пластины); наличие или отсутствие поперечной планки (перекладины) на язычке (резко загнутый конец основания крюка в виде стержня или пластины, предназначенный для фиксации свободного конца ремня); оформление поперечной планки (прямое, фигурное) и окончания язычка без планки (простое, зооморфное); конструкция щитка (место неподвижного соединения крюка с ремнем, четко выделенное или плавно переходящее в основание); форма (абрис) щитка. В дополнение к указанным параметрам учитывались размеры элементов конструкции рассматриваемых изделий.

Курган №31а. Железный крюк (рис. 2.-*1*) лежал около левого плеча человека в непосредственной близости от скопления наконечников стрел, помещенных в колчан (древки и органическая основа футляра

полностью истлели). Основание крюка выполнено из прогнутого стрежня (размерами 0,7×0,35 см), имеющего прямоугольное и трапециевидное поперечное сечение. Общая длина сохранившейся части изделия составляет 5,4 см. Окончание язычка снабжено V-образной поперечной планкой (перекладина имеет сильный прогиб посередине) длиной 3,3 см. Щиток представляет собой пластину плохой сохранности шириной 1,1 см, плавно переходящую в основание и фиксирующуюся к ремню с помощью вставного шпенька-заклепки. Абрис щитка напоминает трапецию с непараллельными длинными сторонами.

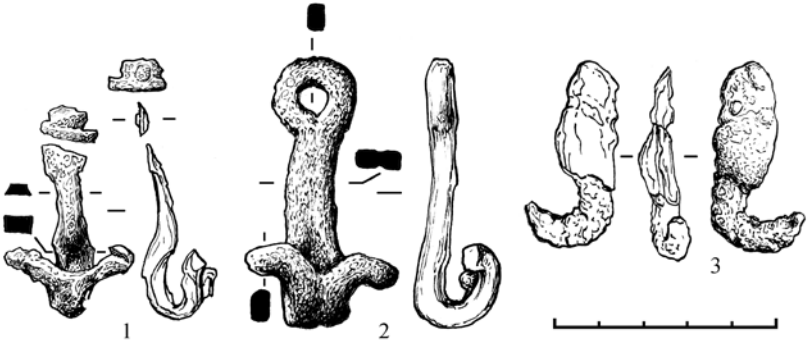


Рис. 2. Железные колчанные крюки из комплекса Чобурак-I:
1 – курган №31а; *2* – курган №34а; *3* – курган №32

Курган №32. Железный крюк (рис. 2.-*3*) располагался на ребрах человека. Основание его выполнено из прямого стержня плохой сохранности. Длина сохранившейся части изделия – 4,7 см. Окончание язычка простое (без поперечной планки). Щиток сильно поврежден коррозией, что не позволяет говорить о его конструкции, форме и способе соединения с ремнем.

Курган №34а. Железный крюк (рис. 2.-*2*) зафиксирован у левого плеча человека. Рядом с данной застежкой размещался набор наконечников стрел (древки и органический материал колчана не сохранились). Основание крюка в виде прогнутой пластины (размерами 1,1×0,4 см) выполнено из двух скованных стержней, о чем свидетельствует сохранившийся продольный «желобок», идущий по всей длине основания. Общая длина предмета – 7 см. Окончание язычка имеет V-образную поперечную планку длиной 3,9 см. Щиток представляет собой сомкнутую петлю округлой формы диаметром около 2 см, ориентированную просветом на лицевую сторону основания.

Все публикуемые крюки зафиксированы отдельно от основных поясов. В двух случаях они лежали рядом с колчанами у левого плеча, что является достаточно редкой ситуацией размещения таких застежек в захоронениях булан-кобинской культуры Алтая. Отсутствие в погребениях кожаной основы и элементов колчана, выполненных из органи-

ческих материалов, не позволяет указать способ подвижного соединения крюка, пояса и футляра для стрел.

Полученные вещественные материалы из памятника Чобурак-I расширяют серию колчанных крюков с поперечной планкой булан-кобинской культуры до 24 экземпляров. Находки изделий данной группы за пределами Алтае-Саянской горной страны происходят преимущественно из комплексов IV–V вв. н.э. [Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984, с. 170, табл. VI.-8; XVIII.-1–3, 6; XX.-10; XXIII.-2; Кожомбердиев, Худяков, 1987, рис. 2.-10, 11; Худяков, 1991, рис. 30.-1–3, 5–7, 9; Засецкая, 1994, табл. 5.-12; 37.-21; 46.-19; Левина, 1994, рис. 139.-37; Yu Junyu, 1997, fig. 9.-3; Троицкая, Новиков, 1998, рис. 23.-9; Кириллов И.И., Ковычев, Кириллов О.И., 2000, рис. 75.-5; 76.-2; 80.-10; Боталов, Таиров, Любчанский, 2006, с. 112, рис. 37.-6; Дашибалов, 2011, рис. 21.-10]. Изучение археологических источников Восточного Забайкалья (памятники дуройского типа), Тувы (могильники Аймырлыг-XXXI и Кокэль), предгорий Кузнецкого Алатау (Усть-Абинский могильник) и обширной коллекции предметов с территории Алтая позволяет предполагать более раннее их появление (по-видимому, в конце III в. н.э.). Период использования колчанных крюков с поперечной планкой населением булан-кобинской культуры приходится на 2-ю четверть I тыс. н.э. [Матренин, 2017, с. 12–13]. Верхнюю хронологическую границу бытования подобных изделий на Алтае маркирует появление памятников кызыл-ташского этапа (2-я половина V – 1-я половина VI в.) культуры тюрок [Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 9, 19–21; Тишкин, Серегин, 2011, с. 24].

Колчанный крюк из кургана №31а памятника Чобурак-I по конструкции и форме щитка обнаруживает сходство с находками из Восточного Забайкалья (позднесяньбийский могильник Дурой-I, не ранее III в. н.э.) и Северного Китая (погребение из Чаояна начала IV в. н.э.) [Yu Junyu, 1997, fig. 7.-3; Зюзин, 2008, с. 168]. Близкие по облику крюки, но снабженные прямой планкой, имеются в погребениях 2-й половины IV – V в. н.э. памятников Степушка-I (курган №19) и Яломан-II (курган №31) [Тишкин, Матренин, 2012; Матренин, 2017, с. 11, рис. 2.-8, 9; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, табл. 14.-2].

Колчанный крюк из кургана №34а комплекса Чобурак-I обнаруживает максимальное сходство с экземплярами из памятников Восточного Забайкалья, Тянь-Шаня и Восточного Приаралья, датирующихся не ранее IV в. н.э. [Кожомбердиев, Худяков, 1987, рис. 2.-10; Худяков, 1991, рис. 30.-5; Левина, 1994, рис. 139.-37]. В материалах булан-кобинской культуры близкие по оформлению образцы, отличающиеся абрисом щитка, происходят из погребения 2-й половины IV – V в. н.э. некрополя Яломан-II (курган №29) и скального захоронения на р. Кам-Тытугем [Худяков, Эбель, Кочеев, 1998; Тишкин, Матренин, 2012; Матренин, 2017, с. 11, рис. 2.-10, 11].

Железный крюк без поперечной планки с простым окончанием язычка из кургана №32 памятника Чобурак-I имел обломанный щиток.

Сравнительное изучение крюков с подобным оформлением язычка даже хорошей сохранности демонстрирует их невыразительность в плане хронологической интерпретации. Известные находки таких предметов происходят из памятников булан-кобинской культуры, датирующихся II–V вв. н.э. Данные изделия генетически не связаны с местными гарнитурами скифо-сакского времени.

В заключение следует отметить, что вещественные материалы из комплекса Чобурак-I в очередной раз подтверждают популярность у населения Алтая сяньбийско-жужанского времени крюков с поперечной планкой. Данные застежки являются одним из хронологических индикаторов поздней стадии бело-бомского этапа (конец III – середина IV в. н.э.), а также показательным элементом воинской экипировки верх-уймонского (2-я половина IV – V в. н.э.) этапа булан-кобинской культуры.

Библиографический список

Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья (по материалам погребений). Новосибирск, 1984. 201 с.

Боталов С.Г., Таиров А.Д., Любчанский И.Э. Курганы с «усами» урало-казахстанских степей. Челябинск, 2006. 232 с.

Дашибалов Б.Б. Древности хори-монголов: хунно-сяньбийское наследие Байкальской Сибири. Улан-Удэ, 2011. 174 с.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V в. н.э.). СПб., 1994. 224 с.

Зюзин А.В. Предметы вооружения из сяньбийского могильника Дурой-I в Восточном Забайкалье // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций. Барнаул, 2008. С. 168–169.

Кириллов И.И., Ковычев Е.В., Кириллов О.И. Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье. Новосибирск, 2000. 176 с.

Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С. Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 75–106.

Левина Л.М. Могильники Алтынасар-4 // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. IV: Джетыасарская культура. Ч. 3–4: Могильники Алтынасар. М., 1994. 312 с.

Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э.: дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 317 с.

Матренин С.С. Колчанные крюки кочевников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени (II в. до н.э. – V в. н.э.): классификация и типология // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. 2011. №4/2 (72). С. 141–149.

Матренин С.С. Снаряжение кочевников Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.). Новосибирск, 2017. 142 с.

Николаев Н.Н. Поясные наборы могильника Кокэль // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. СПб., 2000. С. 70–85.

Серегин Н.Н., Горбунов В.В., Тишкин А.А. Раскопки ритуальных объектов на комплексе Чобурак-I (Северный Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2016. Вып. XXII. С. 174–182.

Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Горбунов В.В., Лянжэнь Ч., Паршикова Т.С. Продолжение археологических работ в урочищах Чобурак и Бике (Северный Алтай) // Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье

(археология, этнография, устная история). 2017 год. Горно-Алтайск, 2018а. Вып. 13. С. 70–75.

Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Горбунов В.В., Матренин С.С. Начало исследований некрополя сяньбийско-жужанского времени на комплексе Чобурак-I (Северный Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2018б. Вып. XXIV. С. 136–144.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г. Алтай в эпоху средневековья: иллюстрированный исторический атлас. Барнаул, 2011. 136 с.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Колчанные крюки булан-кобинской культуры из памятника Яломан-II (Центральный Алтай) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11, №7. С. 125–133.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул, 2018. 368 с. (Археологические памятники Алтая. Вып. 3).

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Предметный комплекс из памятников кызылташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI в. н.э.): традиции и новации // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2011. Вып. 6. С. 14–32.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1998. 152 с.

Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991. 190 с.

Худяков Ю.С., Эбель А.В., Кочев В.А. Лук и стрелы из погребения на реке Кам-Тыттукем в Горном Алтае // Актуальные вопросы истории Сибири. Научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. Барнаул, 1998. С. 279–288.

Yu Junyu. Relics of the Former Yan Unearthed at Sanhecheng, Chaoyang // Wenwu. 1997. №11. P. 42–48 (на кит. яз.).

N.N. Seregin[1], A.A. Tishkin[1], S.S. Matrenin[1,2], T.S. Parshikova[1]

[1]Altai State University, Barnaul, Russia;
[2]Barnaul Law Institute of the Russian Interior Ministry, Barnaul, Russia

NEW FINDS OF QUIVER HOOKS OF XIANBEI-ROURAN TIME FROM THE TERRITORY OF ALTAI

The article publishes three quiver hooks discovered during the excavations of barrows no.31a, 32, 34a of the funeral-memorial complex Choburak-I. This site is located on the right bank of the Katun river, 3.6 km to the south of the Elanda village in the Chemal district of the Altai Republic. The article presents a detailed description of the morphology of the products found, and the information on the features of the placement of these objects in burials. The authors provide information on the analogies to quiver hooks with a transverse bar from the sites of Bulan-Kobinskaya culture dating back to the 2nd quarter of the 1st millennium AD. The materials introduced into scientific use expand the source base for a comprehensive study of the equipment of the Altai population of the Xianbei-Rouran time and continue research on detailing the stages of the evolution of the nomads' material culture in the region at the turn of the era of late antiquity and early Middle Ages.

Key words: Altai, Choburak-I, Xianbei-Rouran time, Bulan-Kobinskaya culture, equipment, quiver hook, chronology.

УДК 902(517.3)

Н.Н. Серегин, Ц. Турбат

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
Институт истории и археологии АН МНР, Улаанбаатар, Монголия

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ЖУЖАНСКОГО ВРЕМЕНИ И РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ НА ТЕРРИТОРИИ МОНГОЛИИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
и Министерства культуры, образования, науки и спорта Монголии
в рамках научного проекта №19-59-44013

Представлены ключевые результаты изучения некрополей середины I – начала II тыс. н.э., расположенных на территории Монголии. Обозначены проблемы, связанные с выявлением и раскопками погребальных памятников жужанского времени в разных частях страны, а также охарактеризованы основные аспекты интерпретации известных немногочисленных объектов. Несмотря на то, что Монголия продолжает оставаться «белым пятном» на археологической карте комплексов IV – 1-й половины VI в., изученных в различных частях Центральной Азии, обзор имеющихся материалов позволил сделать ряд предварительных наблюдений. В частности, отмечено отсутствие системного сходства археологических памятников жужанского времени Монголии и объектов сопредельных территорий, прежде всего, наиболее полно изученных некрополей Алтае-Саянского региона. Установлено, что в разных частях страны раскопаны около 50 погребений тюрок, демонстрирующих существование сложного общества на протяжении 2-й половины I тыс. н.э. Охарактеризованы перспективы, связанные с выявлением и исследованием других групп некрополей раннего средневековья – «элитных» мавзолеев периода зависимости тюрок от Китая, захоронений уйгуров, а также скальных объектов.

Ключевые слова: Монголия, жужанское время, раннее средневековье, погребальные памятники, тюрки, уйгуры, междисциплинарные исследования.

Важными историческими периодами в истории Монголии, определившими роль этого обширного региона в исторических судьбах многих народов Евразии, является жужанское время и раннее средневековье. В распоряжении исследователей имеется довольно представительный корпус письменных источников различного происхождения, позволяющих рассматривать ключевые явления политической истории номадов в середине – 2-й половине I тыс. н.э. Гораздо менее однозначной остается ситуация в области изучения археологических материалов. Так, во многих обобщающих работах неоднократно подчеркивалось практически полное отсутствие памятников жужанского времени на территории Монголии [Крадин, 2007; Цэвэндорж, Баяр, Цэрэндагва, Очирхуяг, 2008; и др.]. До сих пор весьма фрагментарно используются материалы раскопок некрополей обозначенного региона периода раннего средневековья, однако в данном случае основной причиной является не отсутствие таких объектов, а их публикация, в большинстве случаев на мон-

гольском языке и зачастую в местных изданиях, недоступных широкому кругу специалистов. В связи с этим большое значение имеет обобщение имеющихся сведений и определение возможностей и перспектив полноценного включения результатов исследований погребальных комплексов середины – 2-й половины I тыс. н.э. в информационное поле исторических реконструкций сложных процессов, происходивших в это время.

В последние десятилетия отмечается серьезное развитие археологической науки в Монголии, что связано как с работами совместных экспедиций с участием зарубежных специалистов из целого ряда научных центров, так и с активными самостоятельными изысканиями местных ученых. В результате этих исследований получен значительный объем новых материалов, демонстрирующих особенности развития обществ номадов на различных этапах их истории. Несмотря на эти очевидные успехи, следует признать, что Монголия продолжает оставаться «белым пятном» на археологической карте комплексов IV – 1-й половины VI в., изученных в различных частях Центральной Азии. Однако определенный объем сведений, полученных монгольскими исследователями, все же позволяет сделать ряд наблюдений.

Археологические комплексы жужанского времени, представленные немногочисленными захоронениями, к настоящему времени выявлены и раскопаны практически во всех частях страны (в Западной, Центральной и Восточной Монголии), за исключением южных территорий [Цэвэндорж, Цэрэндагва, Эрдэнэ-Очир, 2003; Цэвэндорж, Баяр, Цэрэндагва, Очирхуяг, 2008, с. 176, рис. 79; Эрэгзэн, Ишцэрэн, 2014; Батсүх и др., 2016; Очир, Анхбаяр, 2016; Төрбат и др., 2010; Тувшинжаргал, Баярсайхан, 2017; и др.]. Эти памятники демонстрируют вариабельность норм обрядовой практики; при этом во всех известных нам случаях погребения совершены по обряду одиночной ингумации, без сопроводительного захоронения лошади. Довольно представительный и разнообразный предметный комплекс, полученный в ходе раскопок, отражает широкие контакты населения Монголии жужанского времени. Особо отметим целый ряд аналогий предметам вооружения, конского снаряжения, а также украшениям в материальной культуре когурё Кореи, а также в позднесяньбийских комплексах Маньчжурии и Юго-Восточного Забайкалья.

В целом, имеющиеся результаты археологических исследований подтверждают ситуацию, зафиксированную в письменных источниках. Согласно имеющимся сведениям, объединение жужаней включало различные группы кочевого населения обширного региона [Кычанов, 2010, с. 91–95; Крадин, 2007, с. 146–173], которые могли характеризоваться вариабельностью норм духовной и материальной культуры. Важно отметить, что на имеющихся материалах не фиксируется какого-либо системного сходства археологических комплексов жужанского времени Монголии и памятников сопредельных территорий, прежде всего, наиболее полно изученных некрополей Алтае-Саянского региона. Данное

обстоятельство не позволяет подтвердить или опровергнуть выдвигаемые ранее предположения о связи с жужанями отдельных раннесредневековых памятников – главным образом, известного могильника Кудыргэ [Гаврилова, 1965, с. 59–60, 105; Кубарев, 2000; и др.]. Нет сомнений, что только реализация комплекса мероприятий, направленного на выявление и точечные раскопки объектов жужанского времени на территории Монголии, позволит приблизиться к пониманию сложных историко-культурных и этносоциальных процессов, происходивших в регионе в данный период.

Гораздо больший объем материалов связан с исследованием некрополей периода раннего средневековья в различных частях Монголии. Первые раскопки таких комплексов относятся еще к 20-м гг. прошлого столетия [Боровка, 1927]. Наиболее информативными в кругу погребальных памятников 2-й половины I – начала II тыс. н.э. являются захоронения раннесредневековых тюрок. К настоящему времени на территории Монголии исследованы не менее 50 таких объектов, демонстрирующих существование сложного общества на разных этапах его истории.

На сегодняшний день накоплен определенный опыт анализа различных характеристик погребального обряда раннесредневековых тюрок Монголии. В большинстве случаев имеющиеся наблюдения носят отрывочный характер и связаны с рассмотрением конкретных объектов. Вместе с тем в последнее десятилетие начинают появляться работы обобщающего характера, демонстрирующие результаты систематизации сведений о захоронениях тюрок Монголии и опыт изучения обрядовой практики номадов [Төрбат, 2005, 2014; Баярхуу, 2015а–б, 2016; Серегин, 2014, 2016а–б, 2017а; и др.]. Важно отметить, что с каждым годом объем имеющихся материалов увеличивается, что не только позволяет более подробно рассматривать характеристики погребальных комплексов кочевников, но и предоставляет основания для культурно-хронологической и этносоциальной интерпретации памятников.

Картография некрополей тюрок показывает, что большая часть объектов раннего средневековья раскопана в центральных и северных районах Монголии (Архангайском, Баянхонгорском, Булганском, Селенгинском, Уверхангайском, Центральном аймаках). Кроме того, известна довольно представительная серия памятников в западной части страны (Баян-Улэгейский, Убсунурский и Ховдский аймаки), а также зафиксированы отдельные объекты на северо-востоке. При этом очевидно, что такая локализация тюркских погребальных комплексов лишь отчасти объясняется объективными причинами и спецификой расселения кочевников. В большей степени территориальные рамки распространения известных памятников обусловлены степенью интенсивности полевых исследований в разных частях страны. Потому в ходе будущих археологических работ в Монголии зафиксированная ситуация может измениться.

Анализ материалов раскопок раннесредневековых погребальных комплексов Монголии позволяет продемонстрировать высокую степень

сходства зафиксированных традиций с показателями, характерными для обрядовой практики тюрок 2-й половины I тыс. н.э. на сопредельных территориях. Учитывая, в целом, аналогичный характер сопроводительного инвентаря, имеются все основания рассматривать некрополи тюрок Монголии и Алтае-Саянского региона в рамках одной общности кочевников раннего средневековья и связывать их с «восточными» тюрками, известными по письменным источникам. Немногочисленность памятников Монголии, учитывая количество объектов, исследованных на Алтае, в Туве и Минусинской котловине, может объясняться лишь отсутствием опыта проведения целенаправленных и массовых раскопок погребений рассматриваемой общности, а также сравнительно низкой степенью изученности обозначенной территории в целом. Осуществление систематических археологических исследований в различных районах Монголии, своевременная публикация полученных материалов, а также введение в научный оборот результатов работ прошлых лет позволят наполнить фактическим материалом исторические построения, до сих пор основанные преимущественно на сведениях письменных источников.

Значительные перспективы связаны с изучением отдельных показательных объектов, которые позволяют по-новому рассматривать некоторые аспекты раннесредневековой археологии Монголии. Наиболее ярким примером таких памятников, раскопанных в последнее десятилетие, являются комплексы Шороон Дов (Шороон Бумбагар-I) [Очир, Данилов и др., 2013] и Шороон Бумбагар-II (Майхан-уул) [Очир, Эрдэнэболд и др., 2013]. Нет сомнений, что изучение результатов раскопок этих объектов, не имеющих аналогий в раннесредневековой археологии, только начинается, а интерпретация полученных материалов является предметом отдельной работы. Вместе с тем уже накоплен определенный опыт анализа обозначенных комплексов [Серегин, 2017б]. Судя по имеющимся сведениям, эти памятники не оставлены непосредственно тюрками – по крайней мере, первый из упомянутых объектов, в ходе изучения которого зафиксирована эпитафия, выполненная китайскими иероглифами и обнаруженная на двух плитах перед входом в погребальную камеру [Очир, Данилов и др., 2013, с. 97–126; Эрдэнэболд, Цэрэндорж, 2015, с. 457–462]. Анализ текста позволил установить, что гробница была возведена для главы племени Пугу, находившегося на службе у танского императора и имевшего довольно высокий военно-административный статус. Вместе с тем «элитные» памятники могут быть использованы для рассмотрения общих тенденций истории обществ номадов в середине – 3-й четверти VII в.

Материалы раскопок обозначенных объектов не просто демонстрируют высокую степень влияния китайской культуры на кочевников Монголии, но и по сути являются скорее китайскими. Конструктивные особенности комплексов (крупная земляная насыпь, длинный и довольно глубокий коридор-дромос, ведущий в подземный склеп, общая меридиональная ориентировка с входом на юге и др.), глиняные и дере-

вянные фигурки стоящих людей и всадников, изображения на стенах дромоса и др. – все это весьма характерно для погребальных традиций элиты Поднебесной империи. «Кочевнический» облик имеют лишь некоторые предметы инвентаря из мавзолея Шороон Бумбагар-II (Майхан-уул) [Очир, Данилов и др., 2013, рис. 58].

Обозначенные характеристики «элитных» погребальных комплексов Монголии в полной мере отражают историческую ситуацию, зафиксированную в письменных источниках. Судя по всему, эти объекты были сооружены для представителей высшего уровня иерархии в областях, населенных кочевниками, но находившихся в подчинении у императоров Поднебесной империи. Детализировать процессы взаимодействия номадов с Китаем позволит дальнейший анализ эпитафии из мавзолея Шороон Дов (Шороон Бумбагар-I), а также исследование других подобных объектов.

Значительные перспективы связаны с изучением погребальных комплексов кочевников последней четверти I тыс. н.э. Хорошо известно, что одной из ключевых проблем раннесредневековой археологии не только Монголии, но и сопредельных территорий Алтае-Саянского региона остается исследование археологических памятников уйгуров. На сегодняшний день большинством специалистов признается уйгурская принадлежность городищ, раскопанных или выявленных в Монголии и Туве [Данилов, 2004, с. 150–153; Эрдэнэбат, Хюттель, Цэвээндорж, 2010; Крадин, 2011; Тулуш, 2011; и др.]. Идентификация же погребальных комплексов до сих пор остается неоднозначной. В научной литературе представлены несколько концепций и точек зрения специалистов (см. обзор: [Серегин, Тишин, 2019]), наиболее перспективной из которых представляется позиция монгольских археологов, основанная на новых результатах раскопок, главным образом, в Центральной Монголии [Очир и др., 2008; Ochir et al., 2010; Эрдэнэбат и др., 2011; Эрдэнэбат, Батсайхан, Дашдорж, 2012; и др.]. Дальнейшие комплексные исследования памятников, предварительно связываемых с культурой раннесредневековых уйгуров, призваны заполнить имеющуюся лакуну в понимании процессов этнокультурного взаимодействия в рассматриваемом регионе.

Весьма показательные материалы, демонстрирующие специфику обрядовой практики номадов Монголии последних столетий I – начала II тыс. н.э., которые получены в ходе раскопок серии скальных погребений в разных частях страны [Хурэлсух, Мунхбаяр, 2004; Хурэлсух, 2008, 2012; Törbat et al., 2009; Турбат, Батсух, Батбаяр, 2010; Талын морьтон дайчдын өв соёл, 2014; Мөнхбаяр, 2017; и др.]. Вопрос о соотношении этих комплексов с конкретными группами населения пока остается дискуссионным [Серегин, 2018]. Вместе с тем высокая степень сохранности материалов, зафиксированных в ходе изучения рассматриваемых объектов, предоставляет значительный спектр возможностей для реализации междисциплинарных исследований, призванных на новом уровне рассматривать различные аспекты истории номадов.

Таким образом, полученные результаты в области исследования археологических памятников Монголии уже позволили специалистам обратиться к решению целого ряда вопросов, связанных с реконструкцией этнокультурной и социально-политической истории кочевников жужанского времени и раннего средневековья. Сравнительно слабая степень изученности комплексов региона, а также высокая интенсивность проводимых в настоящее время полевых работ позволяют рассчитывать на получение новых материалов в ближайшие годы.

Библиографический список

Батсүх Д., Эрдэнэ Б., Энхбаяр Г., Төрбат Ц., Дюшен С., Николаева Д. Монгол-Францын хамтарсан «Тамир» төслийн 2015 оны хээрийн судалгааны ажлын үр дүнгээс // Монголын археологи–2015. Улаанбаатар, 2016. Т. 155–157.

Баярхүү Н. Монгол натуг дахъ морьтой оршуулгын судалгаа (VI–X зуун) // Эртний турэгийн туух, соёл. Улаанбаатар, 2015а. Т. 161–171.

Баярхүү Н. Эртний түрэгийн үеийн морьтой оршуулгууд // Монгол-Францын археологийн нээлтүүд. Хорин жилийн хамтын ажиллагаа. Эрдэм шинжилгээний үзэсгэлэнгийн каталоги. Улаанбаатар, 2015б. Т. 133–137.

Баярхүү Н. Турэгийн морьтой оршууга // Монголын эртний булш оршуулга. Улаанбаатар, 2016. Т. 212–221.

Боровка Г.И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 г. Л., 1927. С. 43–88.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. 146 с.

Данилов С.В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ, 2004. 202 с.

Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. Алматы, 2007. 416 с.

Крадин Н.Н. Города в средневековых кочевых империях монгольских степей // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. М., 2011. Вып. 72 (1–2). С. 330–351.

Кубарев Г.В. История изучения проблемы происхождения авар // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2000. Т. VI. С. 560–566.

Кычанов Е.И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). СПб., 2010. 364 с.

Мөнхбаяр Ч. Узуур гялангийн хадны оршуулгын археологийн малтлага судалгаа // Хадан гэрийн соёл. Улаанбаатар, 2017. Т. 29–33.

Очир А., Анхбаяр Б. Жужаны уейн булш // Монголын археологийн өв. Боть III: Монголын эртний булш оршуулга. Улаанбаатар, 2016. Т. 190–195.

Очир А., Данилов С.В., Эрдэнэболд Л., Цэрэндорж Ц. Эртний нүүдэлчдийн бунхант булшны малтлага судалгаа. Төв аймгийн Заамар сумын Шороон бумбагар дурсгалын малтлага судалгаа. Улаанбаатар, 2013. 165 т.

Очир А., Эрдэнэболд Л., Одбаатар Ц., Анхбаяр Б. Уйгурын язгууртны бунхант булш // Археологийн суудлал. 2008. Т. XXVI. Т. 328–368.

Очир А., Эрдэнэболд Л., Харжаубай С., Жантегин Х. Эртний нүүдэлчдийн бунхант булшны малтлага судалгаа: Булган Аймгийн Баяннуур Сумын Улаан хэрмийн Шороон бумбагарын малтлагын тайлан. Улаанбаатар, 2013. 290 т.

Серегин Н.Н. Изучение и интерпретация погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Монголии: (историографический аспект) // Теория и практика археологических исследований. 2014. №1 (9). С. 101–114.

Серегин Н.Н. Погребальные сооружения тюрок Монголии (2-я половина I тыс. н.э.) // Теория и практика археологических исследований. 2016а. №1 (13). С. 91–109.

Серегин Н.Н. Погребальный ритуал раннесредневековых тюрок Монголии // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. 2016б. Вып. IX. С. 66–85.

Серегин Н.Н. Погребальный обряд тюрок Монголии (2-я половина I тыс. н.э.): систематизация, анализ, интерпретация // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда. Барнаул, 2017а. Т. II. С. 133–136.

Серегин Н.Н. «Элитные» погребальные комплексы тюркского времени в Монголии: итоги и перспективы исследований // Теория и практика археологических исследований. 2017б. №2. С. 60–74.

Серегин Н.Н. Скальные погребения Алтая и сопредельных территорий раннего средневековья: культурно-хронологическая и этносоциальная интерпретация // Поволжская археология. 2018. №2 (24). С. 41–51.

Серегин Н.Н., Тишин В.В. Об уйгурском компоненте в сложении кимакского племенного союза // Этнографическое обозрение. 2019. №1. С. 117–133.

Талын морьтон дайчдын өв соёл: VII–XIV зууны Монголын хадны оршуулгын шилмэл хэрэглэгдэхүүн. Улаанбаатар, 2014. 304 т.

Тувшинжаргал Т., Баярсайхан Ж. Урд улаан унээт уулын хадны оршуулга: эмээлийн туухэн хогжлийн асуудалд // Нуудэлчдийн ов судлал. 2017. Т. XVIII. Т. 79–93.

Тулуш Д.К. Средневековые городища-крепости Тувы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. №2 (46). С. 39–44.

Төрбат Ц. Эртний тэрэгийн жирийн булшны судалгааны зарим асуудал (К вопросу о тюркских рядовых курганах) // Археологийн судлал. 2005. Т. XXIII. Т. 96–103.

Төрбат Ц. Түрэгийн үеийн археологийн соёл // Талын морьтон дайчдын ов соёл. Улаанбаатар, 2014. Т. 27–43.

Турбат Ц., Батсух Д., Батбаяр Т. Скальное захоронение с музыкальным инструментом в Монгольском Алтае (предварительные оценки) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ, 2010. С. 264–265.

Хурэлсух С. Монгол нутах дахъ агуйн эртний оршуулгын судалгааны байдал // Археологийн судлал. 2008. Т. XXVI. Т. 293–310.

Хурэлсух С. Хадны оршуулгын судалгааны зарим асуудлал. Улаанбаатар, 2012. 144 т.

Хурэлсух С., Мунхбаяр Л. Рашаантын Ам ба Цанхирын агуйн оршуулгууд // Acta Historica. 2004. Т. V. Т. 20–30.

Цэвэндорж Д., Баяр Д., Цэрэндагва Я., Очирхуяг Ц. Археология Монголии. Улаанбаатар, 2008. 239 с.

Цэвэндорж Д., Цэрэндагва Я, Эрдэнэ-Очир Н. Санамсаргуй хондогдсон нэгэн булшны тухай // Туухийн сэтгуул. 2003. Т. IV. F. 2. Т. 23–28.

Эрдэнэбат У., Батсайхан З., Дашдорж Б. Архангай аймгийн Хотонт сумын нутаг Олон довд 2011 онд явуулсан археологийн судалгаа // Археологийн суудлал. 2012. Т. XXXII. С. 229–258.

Эрдэнэбат У., Батсайхан З., Дашдорж Б., Амарбилэг Ч. Архангай аймгийн Хотонт сумын нутаг Олон дов хэмээх газар 2010 онд хийсэн археологийн шинжилгээ // Археологийн суудлал. 2011. Т. XXX. Т. 147–190.

Эрдэнэбат У., Хюттель Х.-Г., Цэвээндорж Д. Уйгурын нийслэл Хаар Балгасыг археологийн талаар шинжлэн судалсан тойм // Археологийн судлал. 2010. Т. XXIX. Т. 302–324.

Эрдэнэболд Л., Цэрэндорж Ц. Исследование гробниц с захоронениями вельмож аймака «Пугу» // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии. Иркутск, 2015. С. 455–462.

Эрэгзэн Г., Ишцэрэн Л. Худгийн халзангийн олдворын холбогдох он цаг ба Жужаны археологийн дурсталын судалгааны асуудалд // Археологийн судлал. 2014. Б. XXXIV, д. 1–31. Т. 264–276.

Ochir A., Odbaatar T., Ankhbayar B., Erdenebold L. Ancient Uighur Mausolea Discovered in Mongolia // The Silk Road. 2010. V. 8. P. 16–26.

Törbat Ts., Batsükh D., Bemmann J., Höllmann T.O., Zieme P. A Rock Tomb of the Ancient Turkic Period in the Zhargalant Khairkhan Mountains, Khovd Aimag, with the Oldest Preserved Horse-head Fiddle in Mongolia – a Preliminary Report // Current Archaeological Research in Mongolia. Bonn, 2009. P. 365–383.

N.N. Seregin, C. Turbat

Altai State University, Barnaul, Russia;
Institute of History and Archaeology, Academy of Sciences of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia

RESULTS AND PROSPECTS OF RESEARCH INTO FUNERAL COMPLEXES OF ROURAN TIME AND EARLY MIDDLE AGES IN THE TERRITORY OF MONGOLIA

The article presents the key results of the study of the necropolis of the middle of the 1st – beginning of the 2nd millennium AD, located in the territory of Mongolia. Characteristics are given to the problems associated with the identification and excavation of the burial monuments of Rouran time in different parts of the country, and also the main aspects of the interpretation of the few known objects. Despite the fact that Mongolia continues to be a "white spot" on the archaeological map of complexes of the 4th – first half of the 5th centuries studied in various parts of Central Asia, a review of the available materials made it possible to make a number of preliminary observations. In particular, the absence of systemic similarity of the archaeological sites of the Rouran time of Mongolia and objects of adjacent territories, first of all, the most fully studied necropolises of the Altai-Sayan region, was noted. It was established that about 50 burials of the Turks were excavated in different parts of the country, demonstrating the existence of a complex society during the second half of the 1st millennium AD. The prospects associated with the identification and study of other groups of early Middle Ages necropolises – the "elite" mausoleums of the period of the dependence of the Turks on China, the burial places of the Uighurs, and rock objects are characterized.

Key words: Mongolia, Rouran time, the early Middle Ages, funerary monuments, Turks, Uigurs, interdisciplinary research.

УДК 903.222(571.1)

В.И. Соенов, С.В. Трифанова

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ ИЗ КОЛЛЕКЦИЙ СЛУЧАЙНЫХ НАХОДОК НА АЛТАЕ

Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки РФ (проект госзадания №33.1971.2017/4.6 «Хозяйственная и социальная адаптация человека к природно-климатическим условиям Алтайских гор во второй половине голоцена»)

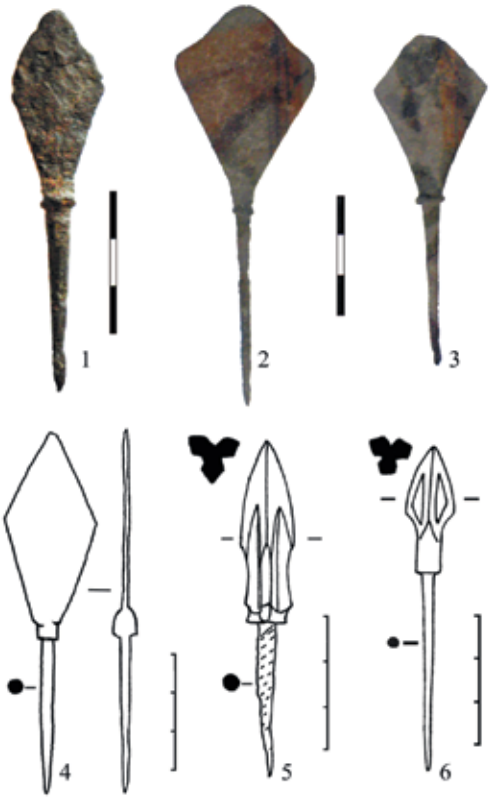
В научный оборот вводятся железные плоские и трехгранно-трехлопастные наконечники стрел, случайно найденные местными жителями на территории трех районов Республики Алтай в разные годы. Большинство публикуемых изделий хранится в фондах и экспозиции Краеведческого музея Шебалинского района. Хотя наконечники оторваны от археологического контекста, тем не менее благодаря типологическому разнообразию они представляют несомненный интерес для пополнения сведений о комплексе средневекового алтайского оружия дальнего боя. Кроме того, такие артефакты имеют важное значение для реконструкции военного дела и общей характеристики материальной культуры населения Алтая в период средневековья. Наконечники датированы нами различными периодами в рамках середины I – 2-й половины II тыс. н.э.

Ключевые слова: Алтай, средневековье, вооружение, случайные находки, железные наконечники стрел.

В фондах и экспозициях музеев Республики Алтай различного статуса и подведомственности хранится и демонстрируется значительное количество древних и средневековых предметов, составляющих основу вещественных коллекций этих учреждений, наряду с алтайскими этнографическими изделиями. Практически все археологические предметы, попавшие в муниципальные, сельские, школьные и частные музеи, представляют собой случайные находки, многие из которых не имеют даже конкретных сведений об условиях и месте находки. Исключение составляют Национальный музей им. А.В. Анохина и Музей археологии и этнографии Горно-Алтайского государственного университета, где, несмотря на наличие существенной доли случайных находок, основа археологических коллекций сформирована за счет поступления материалов из раскопок и разведок, осуществленных специалистами Горно-Алтайска, Барнаула, Новосибирска, Кемерово, Москвы и других городов. Разумеется, даже оторванные от археологического контекста предметы представляют определенный интерес, поэтому случайные находки, если они не связаны с деятельностью «черных копателей», мы постепенно вводим в научный оборот (см. например: [Соенов, Эбель, 1995, с. 54–58; Соенов, 2001, с. 54–56; 2004, с. 111–115; 2017, с. 142–150; Соенов, Исов, 1999, с. 182–186; Соенов, Очурдяпов, 2003, с. 130–132; Соенов, Трифанова, 2006, с. 150–156; Константинов, Соенов, 2016, с. 139–142; Соенов, Константинов, 2017,

с. 62–70; и др.]). В настоящей заметке публикуются шесть железных наконечников стрел, найденных на территории трех районов Республики Алтай, происхождение которых удалось установить.

1. Железный плоский ромбический наконечник стрелы (рис.-*1*). Найден в 2008 г. местным жителем Сергеем Алексеевичем Крюковым у подножья горы в окрестности с. Топучая Шебалинского района. Хранится в фондах Краеведческого музея Шебалинского района. Без инвентарного номера. Наконечник имеет плоское ромбическое перо с едва заметным ребром посередине и черешок с упором в основании. Общая длина – 8 см, длина черешка – 4 см, ширина пера – 2 см, толщина пера – 0,2 см. Наиболее ранние плоские железные черешковые наконечники разных типов известны в Центральной Азии у сюнну в конце I тыс. до н.э. [Коновалов, 1976, табл. 1.-2–7, 10; Худяков, 1986, рис. 6.-2–9]. На Алтае самые ранние плоские наконечники зафиксированы в памятниках IV–V вв. н.э. [Горбунов, 2006, рис. 38], но наибольшее их применение в нашем регионе было в конце I тыс. н.э. – II тыс. н.э. [Гаврилова, 1965, табл. XXV.-4, 5, 8–10; Худяков, 1988, рис. 8, 10, 11; Кочеев, 1983, рис. 1.-3; 2.-1–5; Кирюшин, Неверов, Степанова, 1990, рис. 3.-1–4; 4.-1, 2; Соенов, Очурдяпов, 2003, рис. 1.-1–6; Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 17.-1–3; Горбунов, 2006, рис. 38; Бобров, Худяков, 2008, с. 95–109; Тишкин, 2009, рис. 132.-4–8; и др.]. Плоские наконечники монгольского и последующего времени имели преимущественно крупные размеры и несколько иные пропорции, но наряду с ними использовались и небольшие экземпляры, схожие



Средневековые наконечники стрел
из коллекций случайных находок на Алтае:
1 – Топучая; *2* – Верх-Черга; *3* – Шебалино;
4 – Беш-Озек; *5* – Куюс; *6* – Джазатор

по своим параметрам с публикуемым наконечником. Поэтому до изучения технологии изготовления изделия невозможно узко датировать наконечник из Топучей. Он может быть отнесен как к I, так и ко II тыс. н.э.

2. Железный плоский овально-крылатый наконечник стрелы (рис.-*2*). Найден одним из местных жителей в окрестности с. Верх-Черга Шебалинского района. Дата обнаружения и имя находчика неизвестны. Первоначально хранился в музее сельской школы, затем был передан в Краеведческий музей Шебалинского района, где выставлен в экспозиции. Без инвентарного номера. Наконечник имеет плоское овальное острие, выступающие крылья, округлые плечики и черешок с упором в основании. Примерные размеры изделия (измерения сделаны через стекло витрины): общая длина – 13,5 см, длина черешка – 6,5 см, ширина пера – 5 см. Железные плоские овально-крылатые наконечники стрел начали использоваться в Южной Сибири и Центральной Азии во 2-й половине I тыс. н.э. [Худяков, 1986, рис. 64.-40; 96], но широко распространились в предмонгольское и, особенно, в монгольское время [Худяков, 1991, рис. 64] и продолжали применяться в последующий период [Бобров, Худяков, 2008, рис. 1.-5; Худяков, Бобров, 2004, рис. 1.-11, 12]. Судя по параметрам, публикуемый наконечник из Верх-Черги можно отнести к XIII–XIV вв. н.э.

3. Железный плоский асимметрично-ромбический наконечник стрелы (рис.-*3*). Найден местным жителем Павлом Николаевичем Клепиковым на приусадебном участке в с. Шебалино (в конце ул. Советской). В настоящий момент выставлен в экспозиции Краеведческого музея Шебалинского района. Без инвентарного номера. Наконечник имеет частично несохранившееся тупоугольное острие, пологие плечики и черешок с упором в основании. Примерные размеры изделия (измерения сделаны через стекло витрины): общая длина – 10,5 см, длина черешка – 5 см, ширина пера – 3,5 см. Железные плоские асимметрично-ромбические наконечники стрел небольших размеров первоначально появились в Центральной Азии у сюнну в конце I тыс. до н.э., широко распространились в период монгольских завоеваний, но в более крупных размерах [Худяков, 1991, рис. 64] и продолжали использоваться до этнографического времени [Бобров, Худяков, 2008, с. 96]. Судя по параметрам, публикуемый наконечник стрелы предварительно можно датировать XIII–XIV вв. н.э.

4. Железный плоский ромбический наконечник стрелы (рис.-*4*). Найден в 2000-х гг. местным жителем Петром Тайтаковым на своем приусадебном участке в с. Беш-Озек Шебалинского района. Хранится в Агентстве по культурно-историческому наследию Республики Алтай. Наконечник имеет плоское ромбическое перо без ребра и черешок с упором в основании. Общая длина – 9,3 см, длина черешка – 4 см, ширина пера – 2,3 см, толщина пера – 0,15 см. Изделие типологически близко к вышеописанному наконечнику №1 из Топучей, но различается с ним в деталях формы пера и черешка, а также более тщательным изготовлением. Данный наконечник предварительно может быть также отнесен как к I, так и ко II тыс. н.э.

5. Железный трехгранно-трехлопастной наконечник стрелы (рис.-*5*). Найден в 1978 г. местным жителем Павлом Ковязиным в окрестности с. Куюс Шебалинского района (с 1992 г. с. Куюс относится к Чемальскому району). В настоящий момент выставлен в экспозиции Краеведческого музея Шебалинского района. Без инвентарного номера. Наконечник имеет остроугольное острие, выделенную боевую головку и черешок с упором в основании. На черешке заметны насечки для лучшего закрепления в древке. Общая длина – 7,8 см, длина черешка – 3,7 см, ширина пера – 1,1 см. Боеголовковые железные трехгранно-трехлопастные наконечники стрел имеют специализированное бронебойное назначение, благодаря высоким проникающим и баллистическим свойствам. В Южной Сибири и Центральной Азии они были наиболее характерны для культуры енисейских кыргызов периода раннего средневековья [Худяков, 1980, с. 88], но встречаются и в памятниках Алтая тюркского времени [Васютин, Елин, Илюшин, 1987, рис. 2.-10, 15; Худяков, Кочеев, Моносов, 1996, рис. 1.-2–15; Горбунов, 2006, рис. 38]. Исходя из времени использования данного типа изделий, наконечник из Куюса датируется 2-й половиной VIII – XII в. н.э.

6. Железный трехгранно-трехлопастной наконечник стрелы (рис.-*6*). Найден в окрестностях с. Джазатор Кош-Агачского района. Дата обнаружения и имя находчика неизвестны. До середины 1990-х гг. хранился в школьном музее с. Ортолык. Наконечник имеет остроугольную монолитную боевую головку, выемки на гранях головки, удлиненную шейку и плавно заостренный черешок. Общая длина – 7,5 см, длина черешка – 4,5 см, ширина пера – 1,1 см. Боеголовковые железные трехгранно-трехлопастные наконечники стрел данного типа довольно редки в Южной Сибири и Центральной Азии, они не имели распространения на Алтае. Единичные экземпляры известны на сопредельных территориях в памятниках сросткинской культуры [Ширин, 1994, рис. 2.-11] и культуры кимаков [Худяков, 1986, рис. 82.-19]. Исходя из датировки аналогий [Худяков, 1986, рис. 91; Горбунов, 2006, рис. 38], джазаторскую находку можно датировать 2-й половиной VIII – X в. н.э.

Рассмотренные нами железные наконечники стрел в силу типологического разнообразия важны для пополнения сведений о комплексе алтайского оружия дальнего боя I–II тыс. н.э. Они также имеют значение для реконструкции военного дела периода средневековья и общей характеристики материальной культуры населения Алтая.

Библиографический список

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб., 2008. 776 с.

Васютин А.С., Елин В.Н., Илюшин А.М. Новые находки предметов вооружения в древнетюркских оградках Горного Алтая // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 107–114.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. 144 с.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. 232 с.

Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Курганный могильник Верх-Еланда-I в Горном Алтае // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск, 1990. С. 224–242.

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ, 1976. 248 с.

Константинов Н.А., Соенов В.И. Случайные находки железных предметов (из фондов Музея археологии ГАГУ) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2016. Вып. XXII. С. 139–142.

Кочеев В.А. Погребение II тыс. н.э. у с. Ело // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. Горно-Алтайск, 1983. С. 153–162.

Соенов В.И. Новое поступление бронзовых изделий в фонды ГАРКМ // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2001. №7. С. 54–56.

Соенов В.И. Шлем из Сымылты // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск, 2004. Вып. 2. С. 111–115.

Соенов В.И. Находка железного палаша на Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2017. Вып. XXIII. С. 142–150.

Соенов В.И., Исов А.В. Позднесредневековые кольчуги из Горного Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1999. №4. С. 182–186.

Соенов В.И., Константинов Н.А. Бронзовый сосуд-ковш для сакральных напитков из долины Кадрина (Центральный Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2017. №1(17). С. 62–70. DOI: 10.14258/tpai(2017)1(17).-05.

Соенов В.И., Очурдяпов С.Н. Коллекция железных наконечников стрел из Ортолыка // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2003. №10. С. 130–132.

Соенов В.И., Трифанова С.В. Два котла и наконечник копья с Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2006. Вып. 3–4. С. 150–156.

Соенов В.И., Эбель А.В. Случайные находки бронзовых изделий // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1995. №1. С. 54–58.

Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул, 2009. 208 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул, 2005. 200 с.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск, 1980. 175 с.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Алтая в первой половине II тыс. н.э. // Археология Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988. С. 168–202.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. 268 с.

Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991. 190 с.

Худяков Ю.С., Бобров Л.А. Вооружение джунгар и халха-монголов в эпоху позднего средневековья // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 2004. Вып. 1. С. 113–128.

Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов В.М. Балтарганские находки // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. №3. С. 46–53.

Ширин Ю.В. Новые исследования многослойного памятника Степной Чумыш-2 // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1994. Вып. 2. С. 122–129.

V.I. Soenov, S.V. Trifanova

Gorno-Altaisk State University, Gorno-Altaisk, Russia

MEDIEVAL ARROWHEADS FROM THE COLLECTIONS OF ACCIDENTAL FINDS IN ALTAI

The article introduces into the scientific use flat and triangular three-wing arrowheads which were accidentally discovered by the local residents in the territory of three districts in the Altai Republic in different years. Most of the published items are kept in the collections and the exposition of the Local History Museum of the Shebalinsky District. Despite the fact that the arrowheads are cut off from the archaeological context, nevertheless, due to the typological diversity, they are of undoubted interest to get more information about the complex of the medieval Altai ranged weapons. In addition, such artifacts are important for the reconstruction of military affairs and for the general characteristics of the material culture of the Altai population in the medieval period. We relate the arrowheads to periods in the framework of the mid-1st – the second half of the 2nd millennium AD.

Key words: Altai, Middle Ages, armament, accidental discoveries, iron arrowheads.

УДК 902«637»(571.1)

С.В. Сотникова

ООО «Центр археологических исследований», Надым, Россия

К ВОПРОСУ О ПАРНЫХ РАЗНОПОЛЫХ ПОГРЕБЕНИЯХ АНДРОНОВСКОГО (ФЕДОРОВСКОГО) НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ

В статье рассматриваются материалы с территории Алтая, прежде всего, опубликованные погребения федоровской культуры из могильника Фирсово-XIV, среди которых обнаружено пять парных разнополых погребений взрослых индивидов. Автор выделяет два основных вида погребений: парные разнополые захоронения лицом друг к другу, которые имеют достаточно близкие аналогии на западной окраине андроновского мира, в срубно-алакульских и алакульско-федоровских (кожумбердынских) комплексах; парные разнополые погребения, в которых женский костяк находится за спиной мужского. Возможно, такие погребения отражают влияние федоровской традиции юга Западной Сибири. Высказано предположение, что подхоронение мужского костяка к женскому можно считать особенностью неодновременных парных разнополых погребений взрослых индивидов могильника Фирсово-XIV. Однако в этом случае также нельзя исключать влияния кожумбердынской традиции. Необходимо также отметить наличие в парных погребениях могильника Фирсово-XIV украшений алакульского облика.

Ключевые слова: Алтай, эпоха бронзы, алакульская культура, федоровская культура, парные разнополые погребения.

Федоровская культура восточных районов входит в андроновскую культурно-историческую общность и занимает территорию юга Западной Сибири. Она отличается от федоровской западной группы, прежде всего, по способу захоронения. В восточной группе преобладает

трупоположение, в западной – кремация на стороне и помещение кремированных останков в могилу. В восточной федоровской группе для одиночных погребений было характерно трупоположение в скорченном положении, на левом боку, головой на юго-запад, что аналогично традиции алакульского населения. Парные разнополые погребения взрослых индивидов восточной федоровской группы существенно отличаются от алакульских. Для алакульского и предшествующего ему синташтинского населения характерно одновременное захоронение мужчины и женщины лицом друг к другу, в том числе в «позе объятия»: мужчины – на левом, женщины – на правом боку. Для федоровского восточного населения характерны одновременные парные захоронения разнополых взрослых индивидов на левом боку, скорченно, головой на юго-запад, женский костяк располагался за спиной мужского. Таким образом, парные разнополые погребения восточной группы федоровского населения демонстрируют совершенно самостоятельную традицию, отличающуюся от алакульской. Женщины сопровождаются украшениями, характерными для федоровского населения. Особенно отчетливо эта традиция проявляется в федоровских памятниках енисейских степей [Комарова, 1961, с. 40, 42–44; Максименков, 1978, с. 14].

Значительный интерес представляют материалы с территории степного и лесостепного Алтая, прежде всего, опубликованные погребения федоровской культуры из могильника Фирсово-XIV, среди которых обнаружено пять парных разнополых погребений взрослых индивидов.

1. Несомненный интерес представляют парные разнополые захоронения лицом друг к другу (могилы-7, 213, 311) [Федорук, 2015, с. 194], что соответствует алакульской традиции. В могиле-7 мужчина и женщина в возрасте 20–25 лет были захоронены скорченно, лицом друг к другу, головами на юго-запад, женщина – на левом боку, мужчина – на правом. Кисти рук и колени погребенных, очевидно, соприкасались. Данное погребение являлось одновременным. С женским костяком связано большое количество украшений. В районе ушных раковин обнаружено два набора составных украшений из бронзы, покрытой золотой фольгой. В каждый набор входили серьги-подвески в 1,5 оборота, височное кольцо, лапчатая подвеска трапециевидной формы, гофрированные трубчатые пронизи, конусовидные подвески. На костях рук женщины находились бронзовые браслеты со спиралевидными окончаниями. В районе таза – бронзовая листовидная подвеска и золотая обоймочка – остатки накосного украшения. В головах погребенных – два сосуда [Погребальный обряд…, 2015, с. 8–9, 23, 189]. В парных погребениях 213, 311 мужчина также был захоронен на правом боку, а женщина – на левом. Во всех случаях женщины были снабжены головными украшениями. Погребение 311 имеет важную отличительную особенность. Оно было неодновременным, костяк мужчины был подхоронен позже в уже существующую могилу [Федорук, 2015, с. 194]. К сожалению, материалы

могил-213 и 311 с парными захоронениями пока не опубликованы, поэтому дать их подробную характеристику не представляется возможным.

Парные одновременные разнополые захоронения взрослых индивидов лицом друг к другу в федоровской культуре юга Западной Сибири встречаются достаточно редко. В могильнике Титово (Кузнецкая котловина) могила с парным разнополым захоронением обнаружена в кургане №11. Могильная яма прямоугольной формы была углами ориентирована по сторонам света, ее размеры – 1,7×1,4×0,9 м. На дне могилы находились три костяка. Почти всю площадь дна занимали скелеты мужчины в возрасте 25–30 лет и женщины 20–25 лет. Они были захоронены в скорченном положении, лицом друг к другу, мужчина – на левом боку, женщина – на правом, головами на юго-запад. Около черепа женщины стоял сосуд с орнаментом. В ногах погребенных вдоль северо-восточной стенки был положен ребенок 5–6 лет. Он захоронен скорченно, на правом боку, головой на северо-запад. В головах – небольшой баночный сосуд с орнаментом, идентичным первому [Бобров, Михайлов, 1989, с. 20–21, рис. 15.-2]. Титовское парное захоронение совершено в полном соответствии с алакульской традицией, а также предшествующих ей петровской и синташтинской: оно одновременное, пары составлены из взрослых людей, близких по возрасту (входящих, вероятно, в одну возрастную группу), мужчина захоронен на левом боку, а женщина – на правом.

Парное погребение 7 из могильника Фирсово-XIV также имеет значительное сходство с алакульской традицией. Оно одновременное, в нем представлены разнополые индивиды примерно одного возраста. Кроме того, накосник и часть украшений головного убора из этого погребения широко представлены в алакульской среде (серьги-подвески в 1,5 оборота, височные кольца, листовидная подвеска). Однако другие украшения из набора (лапчатые подвески трапециевидной формы, гофрированные трубчатые пронизи, конусовидные подвески) являются отличительной чертой алтайской и некоторых восточно-казахстанских групп андроновцев. Основным отличием погребения 7 и двух других фирсовских захоронений (213, 311) взрослых разнополых индивидов лицом друг к другу от алакульской традиции заключается, прежде всего, в том, что мужчины захоронены на правом боку, а женщины – на левом. Аналогии обряду, зафиксированному в Фирсово-XIV, имеются в срубно-алакульском кургане №1 Селивановского-II могильника (Южное Зауралье). Под насыпью кургана находилось 14 могил, шесть из которых содержали парные захоронения костяков мужского и женского пола примерно одного возраста лицом друг к другу, в том числе в «позе объятий», причем на левом боку захоронены женщины, а на правом – мужчины [Рафикова, 2008, с. 75–77].

Значительный интерес представляет погребение 311, где, помимо того, что в паре мужчина захоронен на правом боку, а женщина – на левом, это погребение неодновременное, мужской костяк подхоро-

нен к женскому. Аналогии такому обряду имеются в кожумбердынских (алакульско-федоровских) комплексах на западе ареала андроновской культурно-исторической общности, где подобных захоронений также немного. Одно из таких – погребение 1 кургана №6 Березовского-V могильника. Костяк 1 принадлежал женщине 20–25 лет, которая была уложена в скорченном положении на левом боку, головой на северо-восток. Костяк 2, принадлежащий мужчине 30–35 лет, представлял собой скопление костей, уложенных с попыткой соблюдения приблизительного анатомического порядка. Череп уложен на правый бок, лицевой частью к северо-востоку. Анатомическая связь черепной коробки с нижней челюстью сохранилась. Остальные кости лежали продолговатой грудой, вытянутой вдоль женского костяка в направлении ЮЗ–СВ. Все позвонки, ключицы и часть ребер были сосредоточены в верхней части скопления костей, обе тазовые кости и крестец – в середине, на уровне таза женского костяка. Кости конечностей также были уложены, в основном, соответственно их анатомическому положению, за исключением бедренных и малоберцовых, находившихся в верхней части груди, и плечевых – в нижней. Я.В. Рафикова, исследовавшая этот памятник, отмечает, что «женщине было придано положение “объятий” с мужским костяком: левая кисть подсунута под череп мужского костяка, правая уложена на его условное “плечо”». Кроме того, она отмечает, что «обстоятельство сохранности анатомической связи черепа с нижней челюстью как будто может свидетельствовать в пользу того, что… останки мужчины не были скелетированы естественным образом, а были очищены от мягких тканей и сложены в виде “пакета”» [Рафикова, 2018, с. 57]. Ряд наблюдений не позволил исследовательнице признать одновременность погребения. Она считает, что кости мужчины были захоронены раньше женского костяка [Рафикова, 2018, с. 57]. С этим согласиться довольно сложно. Наличие «пакета» делает ситуацию неоднозначной. Во-первых, нельзя исключать варианта, что захоронение женского костяка и «пакета» произошло одновременно. Если же исходить из факта неодновременности захоронения, то следует учесть, что неровные, изогнутые вовне продольные стенки могилы, которые, вероятно, свидетельствуют о повторном вторжении в яму, расположены со стороны мужского “пакета”. К тому же череп мужчины располагался на левой кисти женщины. Эти обстоятельства позволяют рассматривать вариант с подхоронением мужского костяка (в виде «пакета») к женскому, как вполне возможный. В таком случае мы имеем достаточно близкое соответствие фирсовскому погребению 311, где в паре мужчина захоронен на правом боку, а женщина – на левом, помимо того, погребение неодновременное и мужской костяк подхоронен к женскому.

Таким образом, парные разнополые погребения взрослых индивидов лицом друг к другу из могильника Фирсово-XIV имеют достаточно близкие аналогии на западной окраине андроновского мира, в зоне кон-

тактов, где памятники демонстрируют смешение различных традиций: срубно-алакульских и алакульско-федоровских (кожумбердынский тип).

2. В могильнике Фирсово-XIV значительный интерес представляют парные разнополые погребения 29 и 26, в которых женский костяк находился за спиной мужчины. В могиле-29 мужчина в возрасте около 40 лет и женщина 40–45 лет были захоронены в скорченном положении, на левом боку, головой на юго-запад. Анатомический порядок женского скелета (№1) не был нарушен. В районе висков женского черепа обнаружены бронзовые подвески в 1,5 оборота, на щиколотках – бронзовые бусины. За черепом женского костяка – 2 сосуда. Мужской скелет (№2) частично перекрывал кости женского (№1). Но при этом мужской костяк отличался плохой сохранностью и находился во фрагментарном состоянии. Положение погребенного мужчины охарактеризовано как «сильно скорченное», при этом «кости рук и ног были смещены так, как если бы их плотно прижали к телу и зафиксировали. В результате позвонки и ребра также оказались перемещены относительно первоначального положения». Кроме того, в ногах женского костяка находился крестец, вероятно, относящийся к мужскому скелету. По мнению исследователей, поскольку мужской скелет (№2) частично перекрывал женский (№1), то можно предположить, что он помещен в могилу позднее, по истечении некоторого времени. На факт подхоронения указывает также то, что часть перекрытия, находящаяся над мужским скелетом, отсутствовала [Погребальный обряд…, 2015, с. 14–15, 23, 191]. Таким образом, парное захоронение в могиле-29 совершено в соответствии с федоровской традицией юга Западной Сибири (женщина за спиной мужчины, оба на левом боку), но костяки захоронены неодновременно. Учитывая тот факт, что женский скелет сохранился лучше мужского, можно предполагать, что мужчина, возможно, умер раньше, и для транспортировки к месту захоронения его связали и плотно спеленали (в шкуру животного – ?). Либо было совершено перезахоронение мужского костяка из одной могилы в другую. По-видимому, подхоронение мужского костяка произошло через короткий промежуток времени, пока связки женского костяка не разложились. Таким образом, данное захоронение можно рассматривать как условно одновременное. Несомненный интерес представляет тот факт, что парное захоронение было создано из индивидов одного возраста, что является характерной чертой алакульского населения. Кроме того, украшения из этого погребения (подвески в 1,5 оборота) характерны для алакульского населения.

Особый интерес представляет парное разнополое погребение 26. В этом погребении мужчина в возрасте около 45 лет и женщина в возрасте 30–35 лет были захоронены в скорченном положении, головой на юго-запад, спиной друг к другу, женщина – на правом, а мужчина – на левом боку, причем женский костяк (№2) находился за спиной мужского (№1). Кроме того, мужской скелет частично перекрывал женский, не нарушая анатомического порядка последнего. Женский костяк сохранился заметно хуже,

некоторые кости явно смещены. Женщина была снабжена значительным количеством украшений. Головной убор состоял из биметаллических деталей: подвески в 1,5 оборота, кольцевидные серьги, конусовидные подвески. На костях рук находились бронзовые браслеты со спиралевидными окончаниями, бронзовые бусины, пастовые и золотые пронизи. У мужского костяка в области висков зафиксированы биметаллические украшения: кольцевидные серьги и фрагмент подвески в 1,5 оборота. В головах погребенных – 4 сосуда [Погребальный обряд…, 2015, с. 13–14, 23]. Таким образом, в погребении 26, как и в погребении 29, мужчина был подхоронен к женщине. Учитывая сохранность женского костяка, подхоронение мужчины могло быть совершено намного позже. Кроме того, подхоронение мужчины было осуществлено таким образом, что женский костяк оказался за спиной мужского, что в целом соответствует федоровской традиции. Однако захоронение мужчины на левом боку, а женщины на правом более характерно для алакульской традиции, к тому же украшения при обоих костяках имеют алакульский облик.

Таким образом, с определенной долей вероятности можно предположить, что парные разнополые захоронения взрослых индивидов лицом друг к другу в могильнике Фирсово-XIV могли сформироваться под влиянием алакульской (срубно-алакульской, алакульско-федоровской) традиций. Парные разнополые погребения этого могильника, в которых женский костяк находился за спиной мужчины, возможно, отражают влияние федоровской традиции юга Западной Сибири. По-видимому, подхоронение мужского костяка к женскому можно считать особенностью неодновременных парных разнополых погребений взрослых индивидов могильника Фирсово-XIV. Однако и в этом случае нельзя исключать влияния кожумбердынской традиции. Необходимо также отметить наличие в парных погребениях могильника Фирсово-XIV украшений алакульского облика.

Библиографический список

Бобров В.В., Михайлов Ю.А. Памятники андроновской культуры Обь-Чулымского междуречья // Деп. В ИНИОН, 26.06.1989, №38518. Кемерово, 1989. 10 п.л.

Комарова М.Н. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак // Археологический сборник. Л., 1961. Вып. 3. С. 32–73.

Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. Л., 1978. 192 с.

Погребальный обряд древнего населения Барнаульского Приобья: материалы раскопок 2010–2011 гг. грунтового могильника Фирсово-XIV. Барнаул, 2015. 208 с.

Рафикова Я.В. Срубно-алакульский курган Селивановского-II могильника из Южного Зауралья и проблема парных погребений эпохи бронзы // Российская археология. 2008. №4. С. 72–83.

Рафикова Я.В. Неодновременные парные погребения из алакульских могильников Южного Урала и Западного Казахстана // Мужской и женский мир в отражении археологии: мат. Всерос. с междунар. участием науч. конф. Уфа, 2018. С. 50–62.

Федорук О.А. Совместные захоронения в андроновских могильниках степного и лесостепного Алтая // Человек и Север: Антропология, археология, экология. Тюмень, 2015. Вып. 3. С. 193–196.

S.V. Sotnikova

"Center for ArchaeologicalRresearch", Nadym, Russia

THE BURIALS OF DIFFERENT GENDER COUPLES OF THE ANDRONOVO (FEDOROVO) POPULATION OF ALTAI

The article deals with the materials from the Altai territory, first of all published burials of the Fedorovo culture from the Firsovo-XIV burial ground, among which five burials of different-gender pairs of adults were found. The author distinguishes two main types of burials: burials of different-gender couples facing each other, that have a sufficiently close analogies in the western outskirts of the Andronovo world in the Srubno-Alakul and Alakul-Fedorovo (Kozhumberdy) complexes; burials of different-gender couples where the female skeleton was behind the male. It is possible that such burials reflect the influence of Fedorovo traditions of the South of Western Siberia. It was suggested that the later burial of the female body to the male body was typical for non-simultaneous burials of Firsovo-XIV. However, in this case the influence of the Kozhumberdyn tradition also cannot be excluded. It is also necessary to note the presence Alakul-type adornments in the paired burials of Firsovo-XIV.

Key words: Altai, Bronze Age, Alakul culture, Fedorovo culture, burials of different-gender couples.

УДК 903.02(571.151)

Н.Ф. Степанова[1], А.А. Казаков[2]

[1]Алтайский государственный университет, Институт археологии и этнографии СО РАН, Барнаул, Россия;
[2]Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

ОБ ОСОБЕННОСТИ ОРНАМЕНТАЦИИ КЕРАМИКИ МАЙМИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЯ МАЙМА-1 (предварительные итоги)

Работа выполнена в рамках госзадания Министерства образования и науки РФ (проект №33.867.2017/4.6 «Реконструкция технологических приемов и методов производств древних обществ Северной Азии»)

Статья посвящена публикации предварительных итогов изучения особенностей нанесения орнамента и реконструкции рабочего края инструмента для нанесения узора керамического комплекса майминской археологической культуры поселения Майма-1, расположенного в предгорной зоне Республики Алтай. В результате обобщения данных визуальных наблюдений и проведенного эксперимента был выявлен ряд особенностей способов нанесения наиболее распространенного орнаментального элемента – ямок. Установлено, что отсутствие жемчужин на внутренней поверхности сосуда не является следствием их удаления заглаживанием, а объясняется применением специального приема при нанесении орнамента. Для нанесения ямок на майминскую керамику использовались, в основном, однотипные предметы, так называемые *цельные* орнаментиры. Наличие орнамента, нанесенного полым предметом, необычно для данной коллекции.

Дальнейшие исследования применения подобных орнаментиров при нанесении ямок и способов нанесения узора на других комплексах майминской керамики позволят, видимо, считать этот признак одним из культурно-диагностирующих.

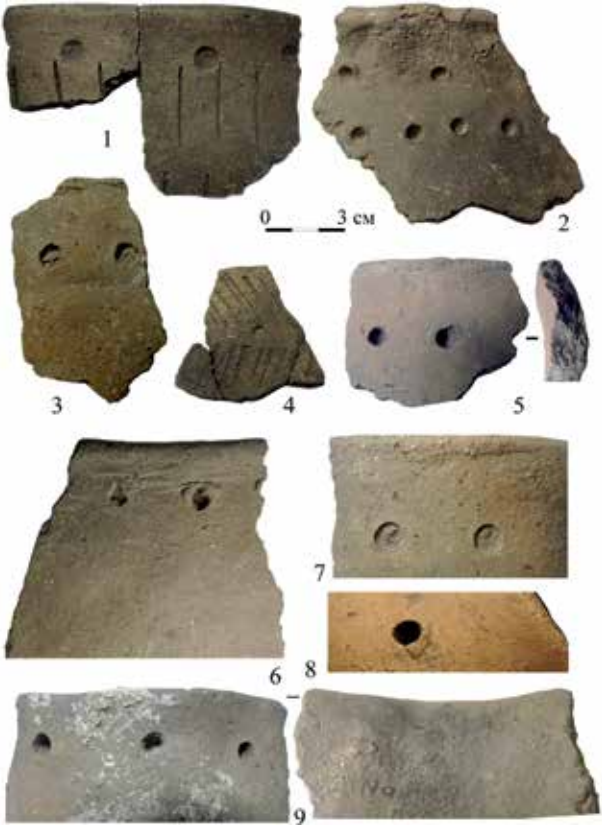
Ключевые слова: майминская культура, керамика, орнамент, ямки, жемчужины, орнаментир, эксперимент.

В последнее время возрос интерес к изучению майминской археологической культуры. Связано это как с необходимостью обобщения и осмысления достаточно большой источниковой базы, накопленной в предшествующие годы, так и особым местом этого культурного образования в древней и раннесредневековой истории одного из важнейших очагов культурогенеза на территории Южной Сибири [Казаков, Казакова, 2016]. Об этом свидетельствует достаточно большое количество как аналитических и историографических работ, посвященных изучению этого культурно-хронологического образования [Кунгурова, Абдулганеев, 2019; Казаков, Казакова, 2019; Казаков, 2018; Казаков, Казакова, 2018; Киреев, 2018; Соенов В.И., Соенов Д.В., Константинов, 2016; и др.], так и появление работ, направленных на исследование более частных особенностей керамического комплекса майминской культуры, основанных на использовании методов технико-технологического анализа [Степанова, Казаков, 2018]. Предлагаемая работа направлена на публикацию предварительных выводов, полученных при изучении орнамента майминской керамики эпонимного памятника – поселения Майма-1.

Поселение Майма-1 находится в Майминском районе Республики Алтай. Расположено в 3 км к северу от с. Майма, в северо-западной предгорной зоне Российского Алтая, на южном склоне террасы Катуни, в 1,5 км к востоку от реки. Памятник открыт в 1956 г. Б.Х. Кадиковым, а исследования его в разные годы проводили А.П. Окладников, С.С. Зяблицкий, А.С. Суразаков, В.И. Молодин, В.А. Кочеев, С.М. Киреев, М.Т. Абдулганеев, А.П. Бородовский и др. [Бородовский, Бородовская, 2013; Киреев, 2018]. Общая площадь, раскопанная на поселении А.С. Суразаковым (36 кв. м в 1977 г.), М.Т. Абдулганеевым (796 кв. м в 1991–1993 гг.), С.М. Киреевым (156 кв. м в 1991 и 2001 гг.), составила 988 кв. м [Киреев, 2018, с. 55–57]. Наиболее масштабные полевые работы на поселении были проведены М.Т. Абдулганеевым. На памятнике получен разновременный керамический комплекс.

Изучение керамики майминской культуры с поселения Майма-1 было проведено по коллекции из нескольких десятков фрагментов керамики, которая была отобрана М.Т. Абдулганеевым для технико-технологического анализа. Удалось выделить интересные детали в нанесении орнамента, которые послужили поводом для дальнейших исследований особенностей нанесения узора и реконструкции рабочего края инструментов для нанесения орнамента на керамике майминской культуры в целом. Прежде всего, исследование образцов керамики с поселения Майма-1 показало наличие на подавляющем большинстве сосудов такого орнаментального элемента, как ямки, которые различались между собой (рис.).

Наиболее полное описание керамического комплекса поселения Майма-1 содержится в монографии Н.Ю. Кунгуровой [Кунгурова, Абдулганеев, 2019, с. 43–45, 132–135]. Даже предварительный просмотр иллюстративного материала подтверждает почти повсеместное использование ямок при украшении сосудов, причем этот орнаментальный элемент может выступать как самостоятельно, так и в сочетании с другими элементами орнамента. Н.Ю. Кунгуровой отмечается большое разнообразие этого орнаментального элемента. Она выделяет «…крупные ямки, диаметром до 0,9–1 см, ямки с язычком посредине, ямки с внутренними рисками, циркульный штамп» [Кунгурова, Абдулганеев, 2019, с. 44]. Кроме того, ею отмечается и такая особенность, как «…внутренний выступ ямок на большей части сосудов выровнен» [Кунгурова, Абдулганеев, 2019, с. 45]. К сожалению, в иллюстративном материале эти особенности данного элемента орнамента не представлены.



Керамика майминской культуры с поселения Майма-1

Еще до выхода монографии большая вариабельность ямок была отмечена и авторами данной публикации. Кроме того, было обращено внимание на отсутствие жемчужин на внутренней поверхности сосудов, которые образуются при нанесении ямок на внешней стороне сосуда. Изучение внутренней поверхности с использованием оборудования, дающего большое увеличение, показало, что такой технологической операции, как специальное заглаживание жемчужин с внутренней стороны сосуда или их дополнительное выравнивание, не проводилось. Тем не менее при нанесении ямок на лицевую сторону сосуда жемчужины на внутренней его поверхности не образовывались. Это обстоятельство позволило предположить наличие особой технологии нанесения наиболее распространенного орнаментального элемента на майминской керамике, что послужило поводом для его отдельного изучения. Экспериментальным путем удалось установить, что подобное отсутствие жемчужин на внутренней стороне сосуда достигается простым способом: при надавливании инструмента на поверхность сосуда достаточно придержать влажную стенку изделия с другой стороны пальцем или специальным инструментом. Происходит уплотнение формовочной массы, и на внутренней стороне сосуда практически нет «жемчужин», лишь иногда образовывались небольшие выпуклины (рис.-*9*), в то же время излишек глины очень редко прослеживается на внешней поверхности сосудов (рис.-*6, 8*).

Как уже отмечено выше, ямки на разных сосудах различаются по ряду признаков: глубине и диаметру отпечатков (диаметр ямок варьирует от 3 до 9 мм, глубина отпечатков – от 2,5–3 до 6–7 мм). В одном случае зафиксирован отпечаток глубиной около 1 мм (рис.-*4*). Продольный разрез показывает, что ямки обычно сужаются, но иногда стенки остаются параллельными. Выявленные различия связаны в первую очередь с оформлением рабочего края орнаментира. Как правило, инструмент, которым наносились ямки, – цельный, сужающийся. Однако в трех случаях, когда стенки ямок оказались параллельными, рабочий край инструмента был другого типа. Кроме того, как исключение, использовались предметы, полые внутри.

При нанесении ямок с использованием полого орнаментира по диаметру полученного отпечатка прослеживается замкнутая, образующая круг, канавка, которая углублена в глину по отношению к дну ямки (рис. 1.-*3*). Никаких выпуклин или жемчужин на внутренней поверхности не наблюдается. Возможно, отчасти это обусловлено и тем обстоятельством, что лишняя глина проникала в полость орнаментира, а затем извлекалась из ямки вместе с инструментом. Остается неясной глубина полости орнаментира.

Суммируя данные, отметим, что для нанесения ямок использовались разные предметы. Так называемые *цельные* инструменты для нанесения орнамента, вероятнее всего, могли быть грифельными косточками животных или подобными предметами. Более сложно ответить на вопрос

об орнаментирах с полостью внутри (они же трубчатые). В отдельных случаях, возможно, были использованы обрезанные трубчатые косточки мелких грызунов или птиц. Не исключено, что применялись и другие твердые предметы. Например, установлено, что керамику неолита – ранней бронзы украшали отпечатками пера птицы [Кирюшин, Степанова, 2017, рис. 4.-1, 9]. Однако на Майме-1 отпечатки круглые, следовательно, перо должны были обрезать. По мнению А.С. Суразакова [1987, с. 10], например, на некоторых афанасьевских сосудах орнамент нанесен стеблем растения. Проведение эксперимента не исключило возможности нанесения орнамента стеблем растения [Степанова, 2012]. Безусловно, если для украшения майминской керамики были использованы растения, то это только стебли диаметром 5–9 мм и очень прочные. В целом необходимо отметить, что для нанесения ямок на майминскую керамику применялись, в основном, однотипные предметы, так называемые *цельные* орнаментиры, похожие на грифельные косточки животных. Наличие орнамента, нанесенного полым предметом, необычно для данной коллекции.

Подводя итог, отметим, что, несмотря на то, что ямки являются крайне распространенным элементом орнамента на керамических комплексах практически всех культурно-хронологических периодов, в настоящее время такая особенность, как использование полых орнаментиров, отмечена лишь на керамическом комплексе поселения Майма-1. Вполне вероятно, эта особенность будет выделена и на керамике других поселений майминской культуры: Новозыково-3, Ушлеп-5, городище Курлап [Казаков, Казакова, 2018; Абдулганеев, Кунгурова, Пугачев, 1995; Кунгуров, Горбунов, 1993; Скопинцева, 1993; и др.], что позволит считать подобный технологический прием одним из культурно-диагностирующих признаков майминской керамики.

Последующее всестороннее детальное изучение особенностей нанесения орнамента, реконструкция рабочего края орнаментиров с поселения Майма-1 и других памятников позволят сделать ряд выводов, которые будут способствовать как дальнейшему изучению майминской культуры, так и могут быть использованы в качестве методологической основы при исследовании других культурно-хронологических образований.

Библиографический список

Абдулганеев М.Т., Кунгурова Н.Ю., Пугачев Д.А. Раскопки и разведки в северных предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1995. Ч. 2. С. 129–133.

Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археологические памятники горной долины нижней Катуни в эпоху палеометалла. Новосибирск, 2013. 220 с.

Казаков А.А. Керамический комплекс майминской археологической культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии (сетевое издание). Тюмень, 2018. №4 (43). С. 74–83. URL: http://www.ipdn.ru

Казаков А.А., Казакова О.М. О центрах культурогенеза на юге Западной Сибири в первом тысячелетии // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: Исторические науки и археология. 2016. №4 (92). С. 238–243.

Казаков А.А., Казакова О.М. Поселение Новозыково-3 (история исследования, планиграфия, вещевой комплекс) // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: Исторические науки и археология. 2018. №2 (100). С. 158–166.

Казаков А.А., Казакова О.М. Поселение Новозыково-3 (комплекс раннего средневековья) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2019. №1 (23) С. 124–135.

Киреев С.М. История изучения и краткие итоги исследования хронологии и культурного определения материалов поселения Майма-1 на Северном Алтае // Значение природного и культурного наследия в современном обществе: мат. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 100-летию со дня основания Бюджетного учреждения Республики Алтай «Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина» / отв. ред. Р.М. Еркинова. Горно-Алтайск, 2018. С. 54–64.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Керамика неолита – ранней бронзы поселения Алексеевка-I (результаты технико-технологического анализа и изучения орнамента) // Теория и практика археологических исследований. 2017. Вып. 4. С. 29–39.

Кунгуров А.Л., Горбунов В.В. Средневековое поселение Ушлеп-5 // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 99–107.

Кунгурова Н.Ю., Абдулганеев М.Т. Майминская культура. По материалам поселений Салаира и Предалтайской равнины 1-й пол. I тыс. н.э. Барнаул, 2019. 214 с.

Скопинцева Г.В. Новые памятники первой половины I тыс. н.э. в предгорьях Алтая // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 62–71.

Соенов В.И., Соенов Д.В., Константинов Н.А. Древние городища Алтая. Горно-Алтайск, 2016. 244 с.

Степанова Н.Ф. Первые результаты изучения инструментов для нанесения орнамента по их отпечаткам на афанасьевской керамике (по материалам погребальных комплексов из Горного Алтая) // Игорь Геннадьевич Глушков: сб. науч. ст. Ханты-Мансийск, 2012. С. 43–50.

Степанова Н.Ф., Казаков А.А. Керамика с поселения Новозыково-3 из предгорного Алтая // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии: сб. науч. ст. / отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул, 2018. Вып. 2. С. 36–42.

Суразаков А.С. Афанасьевские памятники Горного Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1987. С. 3–22.

N.F. Stepanova [1], A.A. Kazakov [2]

[1]Altai State University, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Barnaul, Russia;
[2]Barnaul Law Institute of the Russian Interior Ministry, Barnaul, Russia

FEATURES OF ORNAMENTATION OF CERAMICS OF THE MAYMINSKY CULTURE ON THE MATERIALS OF THE MAYMA-1 SETTLEMENT (preliminary results)

The article is devoted to the publication of the preliminary results of studying the ornament application features and reconstructing the working edge of the tool for applying the pattern on ceramics made in the Maiminskaya archaeological culture, settlement Maima-1 located in the foothills of the Altai Republic. As a result of analyzing the data gained by visual observation and after the experiment there have been revealed a number of features of how the most widespread ornamental element –

pits – was made. It has been found out that the absence of pearls on the inner surface of the vessel is not a consequence of their removal by smoothing, but can be explained by the use of a special technique when applying the ornament. To make pits on the Maima ceramics, the so-called "whole" ornamentary objects were mostly used. The presence of an ornament applied with a hollow object is unusual for this collection. Further studies of such ornaments use in the application of pits and methods of applying the pattern on other items of the Maima ceramics can lead to considering this sign as one of diagnostic factors for the culture.

Key words: Maima culture, ceramics, ornamental pattern, pits, pearls, ornamentary object, experiment.

УДК 902(571.1)

О.В. Стяжкина

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ЭКСПЕДИЦИЯ М.П. ГРЯЗНОВА НА АЛТАЙ В 1939 г.: ЗАДАЧИ И ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №19-49-220006 «Крупные курганы элиты древних и средневековых кочевников на территории Алтайского края как объекты экскурсионно-туристической деятельности: историко-археологические и естественно-научные исследования»)

Представлены и рассмотрены основные итоги экспедиции Государственного Эрмитажа, осуществленной в 1939 г. под руководством Михаила Петровича Грязнова. Исследования проводились на территории Усть-Канского аймака Ойротской автономной области, входившей в Алтайский край (ныне Усть-Канский район Республики Алтай). Приведены полученные результаты, а также обозначены перспективы дальнейшего изучения всех сохранившихся материалов. Среди них важное значение имеют сведения о крупном кургане периода ранних кочевников, который отличался от погребальных объектов пазырыкской культуры. Дана информация и о раннесредневековых объектах. Настоящее сообщение может использоваться в экскурсионно-туристической деятельности.

Ключевые слова: Алтай, М.П. Грязнов, экспедиция, археологические памятники, раскопки.

В 1937 г. М.П. Грязнов возвратился в Ленинград после трехлетней ссылки, проведенной им в г. Кирове (Вятке) из-за ложного обвинения по «Делу славистов». При поддержке М.И. Артамонова ему удалось устроиться в Государственный Эрмитаж и полностью погрузиться в научную работу [Пшеницына, Боковенко, 2012, с. 12]. В 1939 г. была организована экспедиция Государственного Эрмитажа для проведения археологических исследований на Алтае. Помимо руководителя М.П. Грязнова [1940, с. 17], в ней приняли участие научные сотрудники Б.З. Рабинович и А.М. Виноградова. Экспедиция имела следующие задачи: во-первых, изучение древних памятников Алтая, а во-вторых, пополнение собраний Эрмитажа новыми коллекциями.

Участниками экспедиции были произведены археологические разведки в пределах Усть-Канского аймака Ойротской автономной области, входившей с 1937 г. в Алтайский край (ныне Усть-Канский район Республики Алтай). Обследования осуществлялись в долинах рек Чарыш, Кан, Ябоган, Кырлык. В результате был выбран объект для раскопок – курганный могильник Яконур. В ходе предпринятых работ вскрыто 17 погребений, относящихся к разным историческим периодам: от раннего железного века до средневековья [Тишкин, Горбунов, 2003].

О результатах произведенных исследований М.П. Грязнов [1940] опубликовал небольшую заметку в «Сообщениях Государственного Эрмитажа» – ежегодном периодическом издании музея. В той работе он условно разделил исследованные курганы на две группы.

Первая отнесена ко II в. до н.э. – I в. н.э. Наиболее привлекательные находки оказались в кургане №8. Даже несмотря на тот факт, что ранее могила была разграблена. Удалось обнаружить около 60 небольших украшений из золотой фольги. Сопроводительный инвентарь, а также способ погребения позволили определить раскопанный объект шибинским этапом эпохи ранних кочевников [Грязнов, 1940, с. 18]. Другой курган того же периода отличался в первую очередь устройством могилы, не характерным для памятников Алтая. Под обширной земляной насыпью находилась катакомба в виде глубокой овальной ямы с подбоем в западной стенке и с широким ограждением из бревен на поверхности земли. В самой катакомбе, в большой колоде, было обнаружено погребение пожилой женщины. Судя по скелету, она лежала на спине в вытянутом положении, головой на север. Среди обнаруженных находок наиболее важными являются украшения головного убора, вырезанные из толстого листового золота, и роговой орнаментированный гребень. По мнению М.П. Грязнова [1940, с. 18], орнаментальные мотивы украшений аналогичны художественным изделиям Китая эпохи Хань, но не исключено, что они были сделаны местными мастерами по китайским образцам. Все вышеперечисленные характеристики (катакомба, положение, ориентация головой на север и отсутствие в могиле коня) необычны для элитных погребений ранних кочевников, исследованных на Алтае. Однако сопроводительный инвентарь позволил утверждать то, что женщина принадлежала к богатому роду. Вероятно, она являлась представительницей другого племени, но оказалась захоронена на кладбище мужа по обычаям своего народа [Грязнов, 1940, с. 18].

Вторая группа исследованных археологических объектов, по мнению М.П. Грязнова [1940], датируется VIII–X вв. н.э. Из них особое внимание в указанной публикации уделено кургану №1. В нем находился долбленый деревянный ящик с перегоревшими костями и предметами вооружения внутри. Особенность этого погребения заключалась в том, что оно находилось всего лишь в 30 см от уровня современной почвы. Все известные на Алтае могилы кочевой знати эпохи средневековья пре-

имущественно имеют небольшую насыпь. Полное отсутствие предметов роскоши в исследованном погребении не позволило говорить о том, что там захоронен представитель знатного сословия, а вероятнее всего, это был военачальник. Таким образом, отмечал М.П. Грязнов [1940, с. 20], «…мы получили новый важный факт для освещения одного из периодов истории Алтая».

Несмотря на тот факт, что в ходе раскопок и обследований был получен достаточно разнообразный материал, результаты оказались лишь кратко освещены в упомянутой заметке в «Сообщениях Государственного Эрмитажа» в 1940 г. Полная публикация всех материалов при жизни ученого так и не состоялась [Тишкин, Горбунов, 2003]. Некоторые объекты Яконура упоминались отдельными учеными в своих работах. В частности, А.А. Гаврилова [1965, с. 54] в монографии «Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен» при классификации типов могил упоминала впускное погребение, изученное М.П. Грязновым на памятнике Яконур. Имеются и другие примеры. Существенным шагом на пути введения в научный оборот части неопубликованных материалов и их детального анализа стала статья А.А. Тишкина и В.В. Горбунова «Раннетюркское погребение на могильнике Яконур (по материалам раскопок М.П. Грязнова)». В ней опубликована коллекция находок, обнаруженных при раскопках впускного погребения на могильнике Яконур и хранящаяся в Государственном Эрмитаже [Тишкин, Горбунов, 2003].

Подводя итог результатов экспедиции М.П. Грязнова на Алтай в 1939 г., можно утверждать, что поставленные задачи тогда были выполнены. Раскопки помогли выявить некоторые исторические наблюдения и дали новые научные сведения для решения ряда задач, в том числе о состоянии культуры и социальных отношениях у ранних кочевников Алтая. Они позволили существенно заполнить пробел в сибирских коллекциях Эрмитажа. Однако на сегодняшний день далеко не все материалы введены в научный оборот, поэтому существует необходимость публикации всех находок, полученных в ходе исследования памятника Яконур. В этом процессе важное значение будут иметь изыскания в архивах, где хранятся фонды М.П. Грязнова.

Библиографический список

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. 145 с.

Грязнов М.П. Раскопки на Алтае // Сообщения Государственного Эрмитажа. 1940. Вып. I. С. 17–21.

Пшеницына М.Н., Боковенко Н.А. Вклад Михаила Петровича Грязнова в мировую археологическую науку // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб., 2012. Кн. 1. С. 11–24.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Раннетюркское погребение на могильнике Яконур (по материалам раскопок М.П. Грязнова) // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2003. №10. С. 107–117.

O.V. Styazhkina

Altai State University, Barnaul, Russia

THE EXPEDITION OF M.P. GRYAZNOV IN ALTAI IN 1939: OBJECTIVES AND MAIN RESULTS

The paper presents and reviews the main results of the expedition of the State Hermitage carried out in 1939 under the leadership of Mikhail Petrovich Gryaznov. The studies were conducted on the territory of the Ust-Kansky aimak of the Oirot Autonomous Region, which was part of the Altai Territory (now the Ust-Kansky District of the Altai Republic). The article presents the obtained results and indicates the prospects for further study of all preserved materials. Among them, of the most importance is the information on the large barrow of the early nomadic period, which differs from the burial sites of the Pazyryk culture. The information is given on early medieval objects. This message can be used in excursion and tourist activities.

Key words: Altai, M.P. Gryaznov, expedition, archaeological sites, excavations.

УДК 39(571.151)

Н.А. Тадина[1], А.А. Иркитова[2], Э.В. Уханова[2]

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

О СОХРАНЕНИИ РОДОВОГО СОСТАВА СЕЛ АЛТАЙЦЕВ (Шебалинский район Республики Алтай)

В статье освещен родовой состав четырех сел алтайцев, расположенных по среднему течению Катуни и в долине р. Песчаной. На основе собранных сведений изложен регион формирования и распространения сёоков в период коллективизации. Обращено внимание на важность сложившегося образа речной долины как родины определенных родов. Этнографический материал проиллюстрирован сохранившимся преданием о происхождении родоначальников знатных сёоков. Приведен список фамилий жителей современных сел алтайцев Шебалинского района с указанием их родовой принадлежности. Показаны конкретные примеры образования фамилий и топонимов логов от названий сёоков жителей. Сведения о современном родовом составе алтайских сел подкреплены сравнительным историческим материалом статистических данных С.П. Швецова, опубликованных в начале прошлого столетия.

Ключевые слова: алтайцы, сёок-род, село, родовой состав, Шебалинский район.

Территория Шебалинского района входит в регион расселения алтай-кижи – группы южных алтайцев. Говоря о месте проживания, обычно называют не только село, но и речную долину, в котором оно расположено. Это правило можно объяснить тем, что традиционной формой поселения было проживание нескольких семей в ложбине, потому что основным занятием в горно-таежной местности было скотоводство – разведение та-

бунов лошадей и отар овец, а также охотничий промысел. В одной речной долине формировалась не только этнокультурная особенность, прослеживаемая в говоре, менталитете, облике, ритуалах и пр., но и сложился определенный родовой состав [Тадина, 2007, с. 153–154]. Села появились с приходом русских переселенцев и становились миссионерскими станами, в которых поселялись крещеные алтайцы. В период образования колхозов стали появляться небольшие русско-алтайские и алтайские села из переселившихся семей с ближайших ложбин.

Одним из них является село Каспа, окруженное Семинским хребтом: с северной стороны – горой Сойок, с северо-западной – горой Чанкыр, с южной – горой Межелик. По территории села протекает речка Каспа, образующаяся при слиянии нескольких ручьев из логов Эпшен, Кадыргат и Кызылгат. О любом алтайском селе известно, какие сёоки являются многочисленными, а представителей каких сёоков меньшинство. Каспа и соседнее село Апшуяхта относятся к региону, в котором фамилия образована от названия сёока ее носителя. По сведениям наших информаторов, в послевоенные годы в с. Каспа стал преобладать сёок иркит, сменив по численности сёок кергил. В с. Апшуяхта многочисленными являются сёоки мундус, майман, кергил.

Эти сведения подтверждают данные переписи, проведенные в начале прошлого века под руководством С.П. Швецова, исследователя XIX в.: по р. Каспа и Кара-Су в 1890-е гг. было 30 аилов. По сёокам их жители распределялись следующим образом: тодош – 2 хозяйства (4 мужчины, 2 женщины); алмат – 1 хозяйство (1 мужчина, 3 женщины); кергил – 12 хозяйств (37 мужчин, 40 женщин); мундус – 1 хозяйство (7 мужчин, 4 женщины); төлөс – 2 хозяйства (5 мужчин, 5 женщин); иркит – 7 хозяйств (36 мужчин, 38 женщин); майман – 2 хозяйства (6 мужчин, 3 женщины); меркит – 1 хозяйство (5 мужчин, 6 женщин); каал – 1 хозяйство (1 женщина) [Швецов, 1900, с. 410–423].

Каспа стало центральным селом колхоза «*Тан Чолмон*» («Утренняя Звезда»), когда колхозники переехали из с. Конош в 1930 г. Затем колхоз был преобразован под названием «*Јан-ы Јурт*» («Новое Село»). В годы войны его возглавляла Торкочы Табачыновна Самыкова (Тодошева). Она родилась в 1917 г. в с. Верх-Апшуяхта. С 1920 по 1928 г. вместе с матерью, Базар Мамаковной, и братом, Токшыном, жили в с. Ороктой. В 1928 г. ее семья переехала в Каспу. С 1930 г. Торкочы Табачыновна начала работать чабаном в колхозе, затем дояркой, телятницей. Училась в вечерней школе. В годы Великой Отечественной войны работала председателем колхоза, в 1945 г. – бригадиром овцеводческой фермы, затем почтальоном. Награждена медалью «За трудовую доблесть» [Иркитова и др., 2006, с. 172].

Т.Т. Самыкова из сёока чапты – самый старший информатор. Она была свидетелем развития с. Каспа, знала родословные сёоков почти всех жителей села. Ее по праву можно назвать хранительницей традиций и обычаев своего народа, она до преклонных лет шила националь-

ную одежду. Вместе с мужем Тордой Самыковичем Самыковым из сёока кергил вырастили и воспитали пятерых детей. Их сыновья Паслей и Борис (сёок кергил) – известные алтайские поэт и писатель.

Село Каспа – родина известных писателей и артистов: Кугей Тёлёсов (сёок тёёлёс), Вениамин Тадинов (сёок комдош), Николай и Александр Майамановы (сёок майман), Михаил Мундусов (сёок мундус).

Другие два моноэтнические алтайские села – Шыргайты и Беш-Озёк – расположены в долине р. Песчаной. Эти соседние села различаются по родовому составу жителей. В с. Шыргайты – большинство сельчан из сёока иркит, коболы и сойон, а в с. Беш-Озёк –из сёока тодош. Этот же родовой состав был зафиксирован статистическими сведениями С.П. Швецова [1900, с. 427–434].

До образования сел местные жители проживали по ложбинам, причем в определенном составе. Например, в логу Куберги жили семьи Таркрашевых, Боделуковых и Чалчиковых из сёока иркит; Рыжкиных и Какпаковых – из сёока кыпчак. Как правило, сёок семьи указывается по сёоку отца семейства, передаваемому его детям, лишь сыновья являются продолжателями патрилинейного сёока. В логу Кубаш проживали семьи Баянкиных и Тюмешевых из сёока коболы, Чапыевых и Торбоковых из сёока тонжоон. В логу Акуна – Кырмаковы и Бадакины из сёока коболы и Куденовы из сёока мундус. В ложбине Шыргайты жили предки Сопоновых и Мундукиных из сёока коболы. Здесь были пастбища зайсана Тууты Мултушева из сёока коболы.

С установлением советской власти началась коллективизация. В 1930 г. был создан колхоз под названием «Большевик». В него вошли жители ложбин Акуны, Кубаша, Верхней и Нижней Шыргайты, Азалу и Курманты. Тогда же в логу Куберги организовали колхоз «Новый путь», позже объединенный с колхозом «Большевик». На общем собрании было принято решение: «центр колхоза основать в долине Шыргайты». Здесь было несколько аилов и один дом. В нем позже размещалась контора, затем школа. Первым председателем колхоза «Большевик» был Јашканак Бадакин, затем Тату Иркитович Таркрашев. Из разных урочищ люди стали постепенно съезжаться в долину Шыргайты. Жили в аилах, вперемешку с рублеными маленькими избушками [Иркитова и др., 2006, с. 195–196].

В книге «Шебалинский район: история, события, люди» авторы сообщают, что в военные годы председателем колхоза «Большевик» был Баит Матвеевич Могулчин, а бригадиром работала Ечиш Кеденовна Лапасова. Несмотря на трудности, колхоз считался одним из передовых. Не хватало рабочих рук, не было ни одного транспорта и даже не хватало тягловой силы – лошадей. Приходилось пахать на быках, которыми управляли подростки. Урожай убирали вручную, вязали снопы, на каждого человека отводилась норма: дневная норма – шестьсот снопов, а ночная – пятьдесят. Отборные сорта пшеницы отправлялись на фронт, другая часть – на трудодни колхозникам, третья оставлялась на семена.

Зерно, которое отправляли на фронт, доставлялось на бричках в с. Чергу. Перед отправкой его помещали в сушилку, где работала Алгыйчы Ташкыновна Борбуева.

А.Т. Борбуева была старейшим жителем с. Шыргайты – 1894 г.р., из сёока тонжоон, родилась в логу Корзюн, недалеко от современного села Барагаш Шебалинского района. В 1990-е гг. мы записали ее сведения о родословных сёоков коболы, тонжоон, иркит. Она помнила родовые дразнилки нескольких родов, рассказывала историю села и создания колхозов в долине р. Песчаной, о погибшем первом муже в гражданскую войну, втором муже, не вернувшимся с фронтов Великой Отечественной войны. Она запомнилась приветливой хозяйкой и знатоком народной культуры долины р. Песчаной.

В 1928 г. на базе коммун, образованных в соседних логах с. Беш-Озёк, был создан колхоз «*Кызыл Ойрот*» («Красный Ойрот»). После окончания войны он был преобразован под названием «*Кызыл Алтай*» («Красный Алтай»).

Река Песчаная, ее алтайское название *Беш*, что означает «пять», образуется при слиянии пяти рек, названных по ложбинам: Аккем, Адаткан, Верх-Кудаты, Нижняя Кудаты и Шиберти. В окрестностях ложбин расположен ряд логов. Названия их образованы от имен проживавших там людей. Например, в Адаткане лог Кулак Jурты свидетельствует о том, что там проживал человек по имени Кулак из сёока меркит. Его потомки сейчас живут в Усть-Канском районе. В местности Тошпок Одузы проживал Тошпок из сёока кыпчак (потомки живут в с. Шыргайты). У горы Текей Межелик жил Текей из сёока иркит (сын Маташ – его сын Анчы – его сын Кичеш). Предки Лапасовых, Илюшкиных и Илюкиных из сёока тонжоон жили в логу Каргысту, Борбуевых из сёока коболы – в ложбине Аккем. Самые состоятельные скотоводы-баи Майчык и Боронды из сёока тодош жили в верховьях р. Беш [Долина Беш, 2012, с. 22].

Предание объясняет, почему в с. Беш-Озёк большинство сельчан из сёока тодош: «В долине р. Каргысту до недавнего времени стояла лиственница. На ней спасся маленький ребенок по имени Чолтыгаш. Его мать, спасаясь от погони, оставила колыбель с ребенком на этой лиственнице. Большинство представителей из рода тодош, живущих в селе, произошли от 9-ти сыновей Чолтыгаша. Родословная Чолтыгаша – Ыргай – Боргой – Макайла – Быдалык – Аксак. Сыновья Чолтыгаша – Такаш, Табай, Ченкуреш, Олjош, Серке, Очош, Адыш, Бобок, Малташ» [Долина Беш, 2012, с. 21].

На основе собранных сведений освещен родовой состав алтайских сел Шебалинского района, расположенных по среднему течению Катуни и в долине р. Песчаной. В них проживает большинство представителей многочисленных сёоков алтай-кижи, встречаемых в соседних районах. К таковым сёокам относятся майман, иркит, тодош, кергил, коболы. По сохранившимся преданиям, существует представление о формировании и расселении сёоков. Местными сёоками считаются сёоки кергил, чапты и тонжоон, распространившиеся с территории низовья Катуни [Тадина, 1997, с. 248].

Библиографический список

Долина Беш: (историко-этнографический очерк) / сост. В.П. Ойношев. Горно-Алтайск, 2012. 104 с.

Иркитова А.А., Соёнов В.И., Яжанкина С.И. Шебалинский район: история, события, люди. Горно-Алтайск, 2006. 220 с.

Тадина Н.А. Соотношение этнокультурных ориентаций у алтай-кижи Средней Катуни // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск, 1997. С. 248–253.

Тадина Н.А. Река как образ родины у алтайцев // Реки и народы Сибири: сб. науч. ст. СПб., 2007. С. 151–159.

Швецов С.П. Горный Алтай и его население. Т. I: Кочевники Бийского уезда. Барнаул, 1900. Вып. 1. 561 с.

N.A. Tadina, A.A. Irkitova, E.V. Ukhanova

Gorno-Altaisk State University, Gorno-Altaisk, Russia

ON THE CONSERVATION OF THE CLAN COMPOSITION OF THE ALTIIANS (the Shebalinsky district of the Altai Republic)

This article highlights the clan composition of four Altai villages located along the middle course of the Katun river and in the valley of the Peschanaya river. On the basis of the information collected, the region of formation and Syok distribution during the collectivization period is described. Attention is drawn to the importance of the established river valley image as the birthplace of certain clans. The ethnographic material is illustrated by a preserved legend about the origin of the noble Syoks founders. A list of the modern villagers' names (the Altaians) of the Shebalinsky district is given, with an indication of their tribal affiliation. The article draws specific examples of the names and homonyms based based on the names of the Syok people. The information on the modern tribal composition of the Altai villages is reinforced by comparative historical material of statistical data by S.P. Shvetsov, published at the beginning of the last century.

Key words: Altai, Syok-tribe, village, clan composition, Shebalinsky district.

УДК 902«637»(571.150)

А.Н. Телегин, И.А. Савко, Н.Р. Дьяков

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

НОВЫЕ НАХОДКИ ИЗ РАЗРУШЕННОГО ПОГРЕБЕНИЯ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В АЛЕЙСКОМ РАЙОНЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Публикуются случайные находки из погребения андроновской (федоровской) культуры, обнаруженные в июле 2018 г. близ с. Малахово Алейского района Алтайского края. Первый находчик, местный житель С.И. Будянский, обнаружил недалеко от с. Малахово кости скелета человека. После сообщения С.И. Будянского о сделанной им находке в отдел внутренних дел Алейска сотрудники полиции выехали

на место события, сняли часть грунта на месте находки и обнаружили разрозненные кости человека, фрагменты керамики и бронзового предмета. В сентябре того же года работниками АлтГПУ было проведено обследование места обнаружения находок. Помимо осмотра объекта на предмет разрушения, в ходе мониторинга были сняты метрические показатели памятника, ранее не известные GPS-координаты, сделано общее описание современного состояния могильника, а также собраны фрагменты костей. Предположительно коллекция костей является останками мужчины. Артефакты, обнаруженные С.И. Будянским, представлены фрагментами двух керамических сосудов (баночного и горшковидного) и остатками бронзового браслета со спиралевидными окончаниями. Найденные находки отнесены к андроновской (федоровской) культуре. На сегодняшний день участок мыса, где находится некрополь, постепенно съезжает вниз, что представляет угрозу памятнику и объективно вызывает необходимость принятия мер по его сохранению.

Ключевые слова: федоровская культура, андроновская культура, Малаховский могильник, случайная находка, Алейский район.

В июле 2018 г. нам поступила информация от старшего оперуполномоченного отдела уголовного розыска Межмуниципального отдела Министерства внутренних дел России «Алейский» майора полиции С.А. Бородина о том, что на лугу у старицы Алея, в 1 км к северу от с. Малахово (Алейский р-н Алтайского края) жителем Алейска С.И. Будянским были обнаружены кости, предположительно, человека.

В августе 2018 г. Н.Р. Дьяковым был проведен опрос С.А. Бородина, в результате которого выяснилось, что во время осмотра места находки представители полиции сняли часть грунта и обнаружили костные останки человека (фрагменты черепа, нижнюю и верхнюю челюсти, лопатку, ребра, грудину, лучевую кость, локтевую кость, позвонки, берцовые кости, кости стопы и фаланги пальцев ног), которые лежали в «случайном порядке». Вместе с костями были найдены орнаментированные обломки керамических сосудов и небольшие фрагменты металлических предметов, покрытые окислами зеленого цвета. Указанные находки были переданы в Алейский Межрайонный следственный отдел следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Алтайскому краю (далее – Алейский МСО СУ СК РФ).

В начале августа 2018 г. Н.Р. Дьяков, руководствуясь информацией, полученной от С.И. Будянского, осуществил выезд к месту находки костей и артефактов. Во время визуального обследования береговой линии старицы Алея им были обнаружены два позвонка человеческого скелета.

В сентябре 2018 г. группа археологов АлтГПУ (А.Н. Телегин, И.А. Савко, Н.Р. Дьяков и А.Ю. Дьяченко) осуществила еще один выезд к месту находки костей и артефактов, с целью сбора более подробной информации об условиях их обнаружения.

В результате проведенных работ было установлено, что место, где С.И. Будянским были сделаны находки, расположено в 1,5 км к северо-востоку от с. Малахово (координаты места по GPS-навигатору: N 52°25.392’; E 082°45.300’), на западном склоне мысовидного участка

правого берега старицы Алея (рис. 1). В этом месте грунт склона, видимо, постепенно съезжает вниз, в пользу чего говорят горизонтальные трещины на поверхности земли и слабый травяной покров.

На месте находки сотрудниками полиции был заложен небольшой раскоп, глубиной 0,94 м от поверхности (видимо, на этом уровне они и обнаружили кости). Осуществленные нами осмотр этого раскопа и зачистка части склона террасы не увенчались новыми находками. Более успешным оказался осмотр той части склона, которая расположена значительно ниже места раскопа, у самого берега старицы. Здесь были обнаружены несколько ребер, зуб и фаланги пальцев ног человека. Вероятнее всего, эти части скелета были случайно выброшены вместе с отвалом сотрудниками МО МВД России «Алейский» во время раскопок.

В октябре 2018 г. сотрудники Алейского МСО СУ СК РФ по Алтайскому краю передали имеющиеся у них находки в музейные фонды лаборатории «Историческое краеведение» АлтГПУ. Находки представляли собой:

1. Фрагменты сосуда №1 горшечной формы, диаметром по горловине 16 см (рис. 2.-*2*). На венчике располагался ряд штрихованных мелкогребенчатым штампом прямоугольных и ряд равнобедренных треугольников, подчеркнутых каннелюрой и двумя рядами мелкогребенчатого штампа. Плечико украшено разомкнутым линейным меандром. Тулово сосуда не сохранилось. Придонная часть орнаментирована мелкой гребенкой в виде сомкнутого горизонтального зигзага («качалка»). Подобные богато украшенные сосуды характерны для могильников андроновской (федоровской) культуры Верхнего Приобья (Фирсово-XIV, Кытманово, Нижняя Суетка) [Кирюшин, Папин, Федорук, 2015, с. 51].

2. Фрагменты сосуда №2 горшечно-баночной формы, диаметром 15,5 см (рис. 2.-*3*). Венчик и тулово были украшены рядами горизонтального зигзага, нанесенного среднегребенчатым штампом. Аналоги таким сосудам хорошо известны из памятников федоровской культуры степного и Лесостепного Алтая [Кирюшин, Папин, Федорук, 2015, с. 51].

3. Два фрагмента бронзового изделия. Один из них представляет собой конусообразно закрученную в шесть завитков спираль, другой – кусок выпукло-вогнутой пластинки. Можно с уверенностью предположить, что оба эти артефакта являются частями одного предмета, а именно – браслета со спиралевидными окончаниями (рис. 2.-*1*). Подобные украшения встречаются в основном в женских погребениях на памятниках андроновской культуры юга Западной Сибири, Восточного, Северного, Центрального и Западного Казахстана. Данные изделия *in siti* фиксировались в районе запястья рук погребенных [Демин, Запрудский, Ситников, 2011, с. 29, 55]. Хронологические рамки бытования таких браслетов простираются от нижней даты существования андроновской культуры до времени начала распространения общности культур валиковой керамики [Ковтун, 2016, с. 79].

На сегодняшний день в Алейском районе выявлен только один некрополь андроновской (федоровской) культуры – грунтовый могиль-

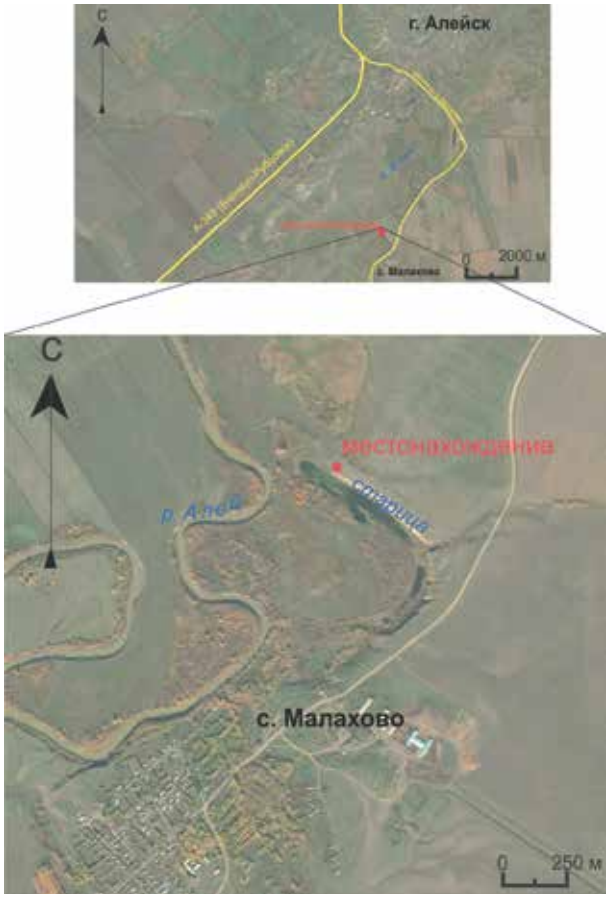


Рис. 1. Местонахождение погребения на спутниковой карте

ник Малаховский, обнаруженный сотрудниками АлтГУ в 2001 г. между селами Малахово и Зеленая Поляна [Тишкин, Позднякова, 2001, с. 462]. То обстоятельство, что публикуемые материалы были найдены на берегу старицы Алея, а могильник Малаховский, судя по публикации его находчиков, расположен на берегу Алея, не позволило нам на первых порах отнести публикуемые находки к указанному могильнику [Кирюшин, Тишкин, Позднякова, 2002, с. 342].

Однако в ходе устной беседы с С.П. Грушиным, одним из участников экспедиции АлтГУ 2001 г., было установлено, что речь в данном случае идет все-таки о находках из одного памятника – могильника Малаховский, правильной географической локализацией которого следует считать берег старицы Алея.

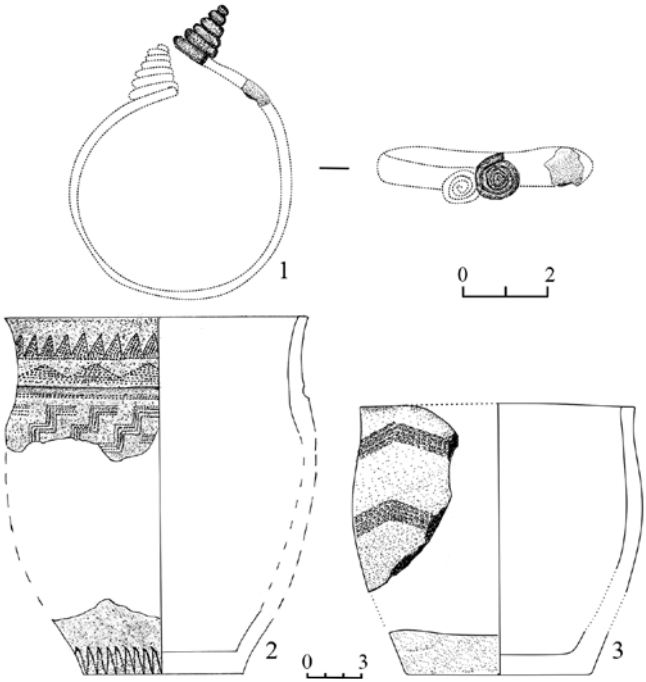


Рис. 2. Находки из погребения близ с. Малахово: *1* – реконструкция браслета со спиралевидным коническим навершием; *2* – сосуд №1; *3* – сосуд №2

Не вызывает сомнений, что обнаруженные летом 2018 г. находки с могильника Малаховский являются остатками разрушенного погребения андроновской (федоровской) культуры. Аналогичная участь грозит и остальным захоронениям могильника, если в ближайшее время не будут предприняты усилия по их сохранению.

Библиографический список

Демин М.А., Запрудский С.С., Ситников С.М. Андроновские украшения Гилевского археологического микрорайона. Барнаул, 2011. 128 с.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук О.А. Андроновская культура на Алтае (по материалам погребальных комплексов). Барнаул., 2015. 108 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Позднякова О.А. Малаховский грунтовый могильник эпохи бронзы в Алтайском крае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат. Годовой сессии Ин-та археологии СО РАН. Новосибирск, 2002. Т. 8. С. 342–344.

Ковтун И.В. Андроновский орнамент (морфология и мифология). Казань, 2016. 547 с.

Тишкин А.А., Позднякова О.А. Новые материалы андроновской культуры с территории Лесостепного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2001. Т. VII. С. 460–464.

A.N. Telegin, I.A. Savko, N.R. Dyakov

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

NEW FINDS FROM THE DESTRUCTED BURIAL OF THE ANDRONOVO CULTURE IN THE ALEY DISTRICT OF THE ALTAI TERRITORY

The article publishes random finds from the burial of the Andronovskaya (Fedorovskaya) culture, found in July 2018 near the village of Malakhovo, the Alei District of the Altai Territory. The first find, skeletal bones of man, was discovered not far from the Malakhovo village by a local resident S.I. Budyansky.

After the message of S.I. Budyansky about the discovery made by him to the department of internal affairs of Aleisk, officers left for the place of the event, removed part of the ground at the site of the discovery and found scattered human bones, fragments of pottery and a bronze object. In September of the same year, employees of the AltGPU conducted a survey of the place of discovery of the finds. In addition to inspecting the object for destruction, during the monitoring, the metric indicators of the site, previously unknown GPS coordinates, were stated, a general description of the modern state of the cemetery was made, and fragments of bones were collected. Presumably the collection of bones is the remains of a man. The artifacts discovered by S.I. Budyansky are represented by fragments of two ceramic vessels (canned and pot-shaped) and the remains of a bronze bracelet with spiral ends. The finds are attributed to the Andronovo (Fedorovskaya) culture. Today, the site of the cape, where the necropolis is located, is gradually moving down, which is a threat to the site and objectively necessitates the adoption of measures for its preservation.

Key words: Fedorovskaya culture, Andronovo culture, Malakhovsky burial ground, random find, Aley district.

УДК 902:903.211.8(571.150)

А.А. Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

РЕНТГЕНОФЛЮОРЕСЦЕНТНЫЙ АНАЛИЗ ДВУХ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ НОЖЕЙ (случайные находки с территории Алтайского края)

Работа выполнена в рамках госзадания Министерства науки и высшего образования РФ (проект №33.867.2017/4.6 «Реконструкция технологических приемов и методов производств древних обществ Северной Азии»)

Зона ленточного бора у Барнаула до сих пор специалистами детально не обследовалась. Обнаружение металлического ножа у с. Власихи, находящемся в административном подчинении столицы Алтайского края, свидетельствует о перспективности выявления древних памятников по кромке леса и в долинах ближайших речек. Случайная находка была передана местным жителем в Алтайский государственный университет. Она изучалась с помощью рентгенофлюоресцентного спектрометра. В результате зафиксирован качественный бронзовый

сплав, демонстрирующий сформировавшуюся металлургическую традицию. Нож был согнут, клинок сильно сточен, а острие обломано. Он имеет ряд хорошо фиксируемых особенностей оформления, характерных для периода поздней бронзы. Второе изделие случайно обнаружено в Залесовском районе Алтайского края в ходе золотодобычи и имеет хорошую сохранность. Оно тестировалась разными спектрометрами. Эти результаты и другие сведения представлены в данной статье.

Ключевые слова: Алтайский край, случайная находка, металлический нож, рентгенофлюоресцентный анализ, период поздней бронзы.

В ходе археологических раскопок древних погребальных и поселенческих комплексов исследователи обнаруживают изделия из цветных металлов разной сохранности. Как правило, они покрыты окислами, а процессы коррозии изменили формы предметов или даже разрушили их. При изучении находок в таком состоянии трудно получить объективные сведения, касающиеся химического состава сплава, и зафиксировать характерные детали, которые могли бы способствовать реконструкции технологии производства определенной категории инвентаря. Необходимую информацию чаще всего можно получить при работе со случайными находками. Они в большинстве случаев сохраняются значительно лучше, но имеют другие недостатки, касающиеся отсутствия связи с конкретным археологическим объектом. Преодоление кратко обозначенных проблем видится в комплексном изучении серии аналогичных артефактов. Для этого необходима реализация схожей программы изучения древних изделий, одним из пунктов которой должен стать рентгенофлюоресцентный анализ.

В данной статье речь пойдет о двух находках металлических ножей, случайно обнаруженных в разных местах Алтайского края. Основной целью публикации является введение их в научный оборот с демонстрацией количественного химического состава сплава, из которого изготовлены эти орудия труда.

Первый нож был найден весной 2017 г. в районе с. Власиха (рис. 1), находящемся в административном подчинении столицы Алтайского края. Он был передан на кафедру археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета (АлтГУ) жителем Барнаула М.Н. Никишиным, по сообщению которого предмет был им замечен на обочине лесной дороги у опушки бора и лежал в песке на глубине 5–10 см от современной поверхности. Нож оказался согнутым примерно под углом 90°. Находчик его выпрямил. В таком виде данный артефакт здесь и представляется. Стоит отметить, что окончание клинка было обломано еще в древности, о чем свидетельствует наличие окислов. На оставшейся части хорошо видны следы заточки. По всей видимости, нож долго эксплуатировался и часто заострялся, так как даже с учетом отсутствующей части клинок слишком мал по отношению к рукояти, которая имеет практически полноценные размеры (рис. 2). Длина находки в момент описания составляла 15,2 см[*]. Рукоять имеет

[*] Все приводимые размеры получены с помощью штангенциркуля.

Рис. 1. Место находки древнего металлического ножа у с. Власиха.
Снимок из космоса

округлое кольцевое навершие с заглаженной поверхностью. Внешний диаметр этой части по центру составляет 2,45 см. Ширина кольца – около 0,5 см, толщина – в среднем 0,4 см. Внутреннее отверстие навершия имеет диаметр 1,6 см. Там остались хорошо заметные следы литейного шва. На участке внешней поверхности этой части ножа фиксируется небольшой изъян в виде слома или недолива. Возможно, это след от ликвидированного литника. Он также покрыт патиной. Рукоять отделена от клинка выделяющимся выступом и двумя параллельными маленькими валиками с двух сторон, имеет длину 10,2 см, ширину в центре 1,75 см и толщину там же до 0,6 см. Ее форма постепенно меняется от кольцевого навершия к клинку, что отражено в характерном изгибе, чуть заметном расширении (от 1,65 до 1,85 см) и утолщении (от 0,5 до 0,7 см). Торцы рукояти (рис. 2.-*3*) оформлены по-разному. На одном хорошо виден орнамент в виде параллельных слегка изгибающихся насечек разной длины и ширины в зависимости от места расположения (рис. 2.-*3а*), а на другом – в виде косых линий (рис. 2.-*3б*). Не исключено, что такая ребристая поверхность могла служить опорой при использовании кожаной обмотки или имела функциональное назначение (чтобы рука не соскальзывала при работе ножом). В центре рукояти от изгиба кольца до двух линий, маркирующих начало клинка, выделяется тонкий валик (рис. 2.-*1–2*). С одной стороны он более-менее ровный, а с другой – слегка извилистый. Есть и другие нюансы оформления рукояти, отмеченные на представленных изображениях (рис. 2). Совокупность этих данных

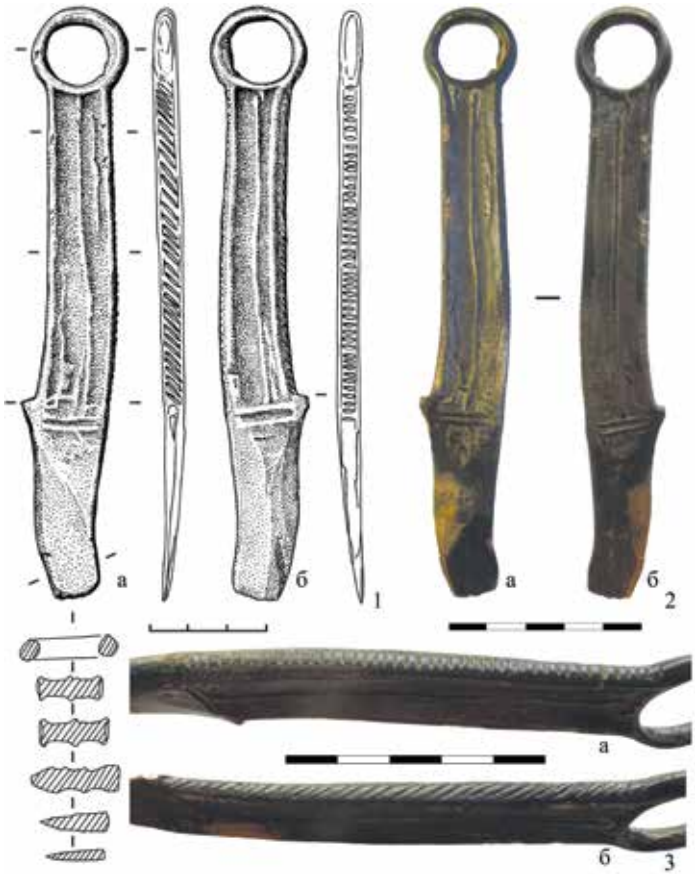


Рис. 2. Бронзовый нож из Власихи (*рисунки (1) выполнены А.Л. Кунгуровым, фотоснимки (2, 3) сделаны А.А. Тишкиным*)

свидетельствует о мастерстве изготовителя. Что касается клинка, то он, по всей видимости, имел вогнутый обух и более широкое полотно с лезвием и острием. Утраты произошли, как уже было отмечено, в ходе длительной или интенсивной эксплуатации. Возможно, потеря полноценного функционального назначения клинка послужила причиной исключения его из деятельности.

Для установления химического состава сплава, из которого был сделан нож, в Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая АлтГУ автором статьи произведены исследования с помощью портативного рентгенофлюоресцентного спектрометра ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США). Для

получения количественных поэлементных показателей использовалась специальная аналитическая программа. Сначала тестировалась поверхность рукояти, покрытая патиной. Получены следующие результаты: Cu (медь) – 78,39%; Sn (олово) – 21,16%; Fe (железо) – 0,39%; Pb (свинец) – 0,06%. Затем исследовался участок у лезвия клинка, где находчик удалил окислы при попытке заточки: Cu – 84,34%; Sn – 15,54%; Pb – 0,12%. Далее трижды в разных местах изучалось место, где механическим путем был снят темный налет. Зафиксированы очень схожие наборы данных, свидетельствующие о качественном бронзовом сплаве: 1) Cu – 82,27%; Sn – 17,63%; Pb – 0,1%; 2) Cu – 82,14%; Sn – 17,77%; Pb – 0,09%; 3) Cu – 82,66%; Sn – 17,24%; Pb – 0,1%.

Подробно представленная находка свидетельствует о перспективности выявления древних памятников по кромке ленточного бора в районе Барнаула, а также в долинах ближайших речек. Изученное изделие может быть предварительно датировано периодом поздней бронзы [Членова, 1972, табл. 6–7, 10; 1994, рис. 1–3; Ковалевский, 2006; и др.]. Более детальное определение хронологии можно будет сделать отдельно при сопоставлении серии аналогичных ножей. Результаты спектрального анализа дополняют материалы, полученные ранее по находкам из памятников эпохи бронзы Западной и Южной Сибири [Черных, Кузьминых, 1989; Бобров, Кузьминых, Тенейшвили, 1997; и др.].

Следующий нож был доставлен на кафедру археологии, этнографии и музеологии АлтГУ заведующим отделом систематики растений Южно-Сибирского ботанического сада АлтГУ С.В. Смирновым. Древнее изделие хорошей сохранности было обнаружено во время золотодобычи драгой около бывшего села Березовский в Залесовском районе Алтайского края (рис. 3.-1). Географические координаты места находки получены с помощью GPS-приемника: N –54°109.015`; E – 85°485.271`. Изделие покрыто патиной коричневого цвета. Его длина – 21 см, из которой на рукоять, включая выступ-упор и навершие, приходится 10,2 см, а на клинок – 10,8 см (рис. 3.-2–3). Нож плоский, толщиной до 0,5 см, выгнутообушковый. Навершие рукояти имеет овальную форму. Оно деформировано в ходе отливки. Внешние размеры кольцевого оформления – 2,45×2,0 см, параметры внутреннего отверстия – 1,3×0,8 см. Рукоять от навершия к клинку постепенно расширяется (от 1,4 до 1,9 см) до подтреугольного выступа, маркирующего ее завершение. Клинок имеет ширину до 2,2 см, окончание его не острое, что предполагало в основном режущие функции.

Определение химического состава сплава, из которого был сделан нож, осуществлялось дважды разными приборами. Сначала находчики отправили его на экспертизу в ООО «СпецПромЛит» (Барнаул), которое имеет лабораторию спектрального анализа. Опираясь на представленный отчет, продемонстрируем полученные результаты. Ввиду ценности древнего изделия замеры производились в одной точке (на рукояти у навершия) с зачисткой поверхности перед каждой проделанной опе-

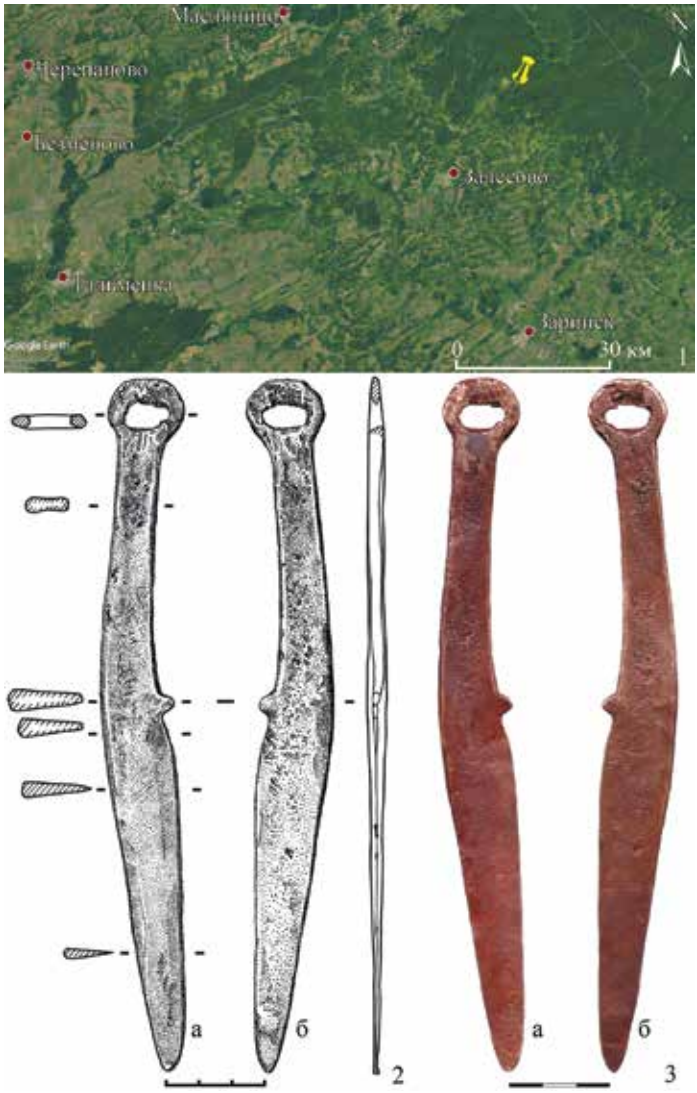


Рис. 3. Бронзовый нож из Залесовского района и место его обнаружения (*рисунки (2) выполнены А.Л. Кунгуровым, фотоснимки (3) сделаны А.А. Тишкиным*)

рацией. С помощью программного обеспечения спектрометра SP VL.61 и аналитической методики 04.07.2017 г. получены следующие показатели сплава на местной основе, отраженные в таблице:

Результаты спектрального анализа

	Cu	Al	Mn	Zn	Sn	Pb	Fe	Ni	Si	P	Sb
1	95.8	–0.1	<0.01	<3	3.5	<0.5	0.3	0.04	0.1	0.04	0
2	96.4	–0.1	<0.01	<3	3.1	<0.5	0.1	0.03	0.1	0.07	0
3	96.3	0.0	<0.01	<3	3.2	<0.5	0.1	0.06	0.0	0.07	0
Среднее	96.2	–0.1	<0.01	<3	3.2	<0.5	0.2	0.04	0.1	0.06	0

По мнению исполнителей, некоторый «разброс» показателей по содержанию элементов вызван химической неоднородностью металла (ликвацией), что вполне допустимо.

Тот же нож из Залесовского района тестировался автором статьи с помощью вышеуказанного портативного рентгенофлюоресцентного спектрометра ALPHA SERIES™. Сначала в центре исследовалась поверхность изделия, покрытая патиной. Получен такой поэлементный ряд: Cu – 88,34%; Sn – 7,66%; Fe – 2,4%; Ag (серебро) – 0,88%; As (мышьяк) – 0,34%; Zn (цинк) – 0,21%; Pb – 0,17%. Затем трижды в разных местах исследовался участок, где механически были легко удалены окислы: Cu – 89,03%; Sn – 7,83%; Fe – 1,71%; Ag – 0,91%; As – 0,36%; Pb – 0,16%; 2) Cu – 89,83%; Sn – 7,74%; Fe – 1,02%; Ag – 0,92%; As – 0,36%; Pb – 0,13%; 3) Cu – 90,06%; Sn – 7,52%; Fe – 1,06%; Ag – 0,85%; As – 0,32%; Pb – 0,19%. Отдельно изучалось навершие, где также снимались окислы: Cu – 90,57%; Sn – 7,48%; Fe – 1,01%; Ag – 0,83%; Pb – 0,11%. Все полученные определения свидетельствуют о медно-оловянном сплаве, в котором существенное место занимают железо и серебро.

Отличия представленных результатов указывают на разную настройку приборов и используемых программ, что обусловлено задачами их применения.

Исследованный нож по своей форме представляет собой образец орудий труда, бытовавших в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку [Членова, 1972, табл. 10; и др.]. Для Залесовского района это редкая находка. Она также свидетельствует о необходимости проведения обследований в этой местности.

В заключение следует указать, что представленные бронзовые ножи планируется передать на хранение в Алтайский государственный краеведческий музей (Барнаул).

Библиографический список

Бобров В.В., Кузьминых С.В., Тенейшвили Т.О. Древняя металлургия Среднего Енисея (лугавская культура). Кемерово, 1997. 99 с.

Ковалевский С.А. Ирменские бронзовые ножи из погребальных комплексов Кузнецкой котловины // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул, 2006. С. 54–64.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989. 320 с.

Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972. 248 с.

Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. М.; Пущино, 1994. 170 с.: ил., карт.

A.A. Tishkin

Altai State University, Barnaul, Russia

X-RAY FLUORESCENT ANALYSIS OF TWO METAL KNIVES (random finds from the Altai Territory)

The area of pine forest Barnaul has not yet been fully examined. The detection of a metal knife near the Vlasikha village which is administratively subordinate to the capital of the Altai Territory, indicates that identifying ancient sites along the edge of the forest and in the valleys of the nearest rivers is a promising area. An accidental find was given by a local resident to Altai State University. It was studied with the help of an X-ray fluorescence spectrometer. As a result, a high-quality bronze alloy was documented, demonstrating the formed metallurgical tradition. The knife was bent, the blade was sharpened, and the tip was broken off. It has a number of evident design features specific for the Late Bronze Age. The second item was accidentally discovered in the Zalesovsky district of the Altai Territory during gold mining and is in good condition. It was tested by different spectrometers. These results and other information are presented in this article.

Key words: Altai Territory, accidental find, metal knife, X-ray fluorescence analysis, late Bronze period.

УДК 904.65:902.2(5)

А.А. Тишкин, П.К. Дашковский, А.Н. Ожиганов

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ БАЗЫ ДАННЫХ О ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКАХ АЛТАЯ АРЖАНО-МАЙЭМИРСКОГО ВРЕМЕНИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект №19-59-15001 «Лошади и их значение в жизни древнего населения Алтая и сопредельных территорий: междисциплинарные исследования и реконструкции»)

В настоящее время для успешного выполнения исследовательского проекта в области археологии нужно представлять его потенциал, опираясь на репрезентативные источники в виде материалов из раскопанных объектов. Такие сведения, как правило, разбросаны по разным публикациям, а некоторые даже не введены в научный оборот должным образом. Для их обобщения и систематизации используются разные варианты баз данных (БД), процесс разработки и наполнения которых может занять длительное время. Однако эффект от такой деятельности всегда ощутимый. Поэтому при реализации проекта Российского фонда фундаментальных исследований «Лошади и их значение в жизни древнего населения Алтая и сопредельных территорий: междисциплинарные исследования и реконструкции» запланирована последовательная подготовка баз данных о погребальных памятниках крупных хронологических отрезков поздней древности. Данная статья посвящена формированию сведений об отдельных объектах археологических комплексов Алтая аржано-майэмирского времени. В части курганов обнаружены остеологические останки лошадей, которые требуют комплексного изучения.

Ключевые слова: Алтай, погребальные памятники, аржано-майэмирское время, раскопки, база данных, курган, лошадь, конское снаряжение.

Изучение археологических комплексов Алтая аржано-майэмирского времени (конец IX – 2–3-я четверть VI в. до н.э.) уже имеет довольно длительную историю. Несмотря на то, что результаты исследований опубликованы в нескольких монографиях, часть подробных сведений отражена в большом количестве статей, отчетов, сообщений, материалов и тезисов докладов конференций. Кроме этого, появляется новая информация, так как раскопки и обследования на территории Алтайского края, Республики Алтай, восточной части Казахстана, а также на севере Монгольского Алтая продолжаются. К настоящему времени на указанной территории выделены две археологические культуры: бийкенская и майэмирская (майемерская). Численность раскопанных памятников, относимых к ним, различная. Наиболее изученной является бийкенская общность. При этом в курганах обеих культур обнаружены захоронения лошадей, что является специальным предметом исследований в рамках вышеобозначенного гранта. Для отражения адекватного контекста обнаружения останков таких животных по отношению к другим археологическим материалам и обязательным фиксациям намечена и реализуется программа по созданию базы данных. Она направлена на обобщение имеющейся информации, а также на выявление потенциальных возможностей для реконструкции роли и значения лошадей в жизни древнего населения Алтая и сопредельных территорий. На это была направлена работа по формированию структуры базы данных и для ее наполнения. В результате комплекс данных выглядит следующим образом:

1. Памятник (название).

2. Автор раскопок (ФИО), название экспедиции и учреждения, в котором она была организована (при наличии сведений).

3. Год раскопок памятника (по возможности с учетом года раскопок конкретного объекта).

4. Административная привязка (страна, субъект (край, область, республика), район, село с указанием направления и км от него до памятника).

5. Географическая привязка (ближайшая река, гора, урочище, особенности расположения (терраса, долина, водораздел, какой берег и т.п.)).

6. GPS-координаты (при наличии в источниках или при поиске соответствующего места в программе Google Earth).

7. № объекта, его тип (курган, жертвенник, выкладка и др.), параметры (диаметр, высота), особенности устройства.

8. Культурная принадлежность объекта.

9. Датировка (археологическая, радиоуглеродная или дендрохронологическая (при наличии)).

10. Погребение (одиночное, парное, коллективное) или кенотаф.

11. Пол и возраст каждого погребенного (при наличии половозрастных определений, сделанных антропологом).

12. Наличие или отсутствие лошади, количество таких животных и следующие характеристики, полученные специалистами: пол, возраст, рост в холке, категория массивности костей (тонконогие, полутонконо-

гие, средненогие и др.), зафиксированные болезни, отклонения, патологические изменения; палеогенетические определения (при наличии) и другая возможная информация.

13. Место лошади в реализованном погребальном обряде (в каменном ящике или другой конструкции, в могиле, за пределами кургана и др.) и его целостность (полный скелет, часть скелета, ноги и череп, только череп и т.д.).

14. Конское снаряжение (наличие/отсутствие): удила, псалии (роговые, металлические и т.д.), пряжка и/или застежка для узды; подпружные пряжки; украшения и функциональные детали узды (наносник, налобная бляха, пронизи, ворворки, бляхи и др.); украшения и функциональные детали седла и его частей (бляхи, пронизи, подвески и др.).

15. Автор (ы) публикации/отчета.

16. Полные библиографические описания публикаций, отчетов, архивных сведений.

Для наибольшего удобства памятники должны располагаться по алфавиту, а объекты – по порядковой нумерации. Наполнение базы данных имеющимися сведениями займет определенное время. Кроме этого, информация будет уточняться и дополняться. Это объективный процесс. Стоит надеяться, что представленная разработка будет востребована другими заинтересованными исследователями, а также использоваться в учебном процессе. Предполагается ее официальная регистрация и размещение в электронном виде на информационно-аналитическом портале «Археология Алтая» (http://archaeology.asu.ru).

A. Tishkin, P.K. Dashkovsky, A.N. Oziganov

Altai State University, Barnaul, Russia

FORMING A DATABASE ABOUT THE FUNERAL SITES OF ALTAI IN THE ARZHAN-MAYEMIR TIME

Currently, for the successful implementation of a research project in the field of archaeology, it is necessary to represent its potential, relying on representative sources in the form of materials from excavated objects. Such information, as a rule, is scattered across various publications, and some is not even properly introduced into scientific use. For its their generalization and systematization, different versions of databases (DBs) are used: its development and filling up can take a long time. However, the effect of such activities is always tangible. Therefore, when implementing the project of the Russian Foundation for Basic Research "Horses and Their Significance in the Life of the Ancient Population of Altai and Adjacent Territories: Interdisciplinary Research and Reconstruction", it is planned to prepare databases on funeral sites of large chronological sections of late antiquity. This article is devoted to the formation of data about individual objects of the Altai archaeological complexes of the Arzhan-Mayemir time. In the part of the barrows, discovery was made of osteological remains of horses which require a comprehensive study.

Key words: Altai, funerary sites, Arzhan-Mayemir time, excavations, database, barrow, horse, horse equipment.

УДК 902.2(517.3)

А.А. Тишкин[1], Т. Идэрхангай[2], В.В. Горбунов[1], Н.Н. Серегин[1], Т.С. Паршикова[1]

[1]Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
[2]Улаанбаатарский государственный университет, Улаанбаатар, Монголия

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В БАЯН-УЛЬГИЙСКОМ АЙМАКЕ МОНГОЛИИ (краткие результаты работ 2018 г.)

Работа выполнена при частичной финансовой поддержке РНФ (проект №16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»)

Систематические обследования, проводившиеся на протяжении многих лет на территории Баян-Ульгийского аймака Монголии, позволили выявить значительное количество археологических памятников, большинство которых хорошо фиксируются визуально. Среди них выделяются своеобразные объекты периода раннего Средневековья. Значительный объем сведений отражен в сводной монографии, посвященной археологии указанного аймака. Однако с каждым годом количество вновь выявленных памятников увеличивается. Этому способствуют в том числе результаты работ по реализации международных проектов. В августе 2018 г. совместной экспедицией двух университетов из Барнаула и Улаанбаатара были проведены раскопки в урочище Хурээ зуслан, расположенном в Алтай сомоне на высокогорном участке. В статье представлены краткие результаты раскопок, а также даны сведения о ближайших зафиксированных памятниках. Полученные материалы будут способствовать процессу изучения системы жизнеобеспечения кочевников Алтая.

Ключевые слова: Монголия, Баян-Ульгийский аймак, Хурээ зуслан, археологические памятники, раскопки, тюркское время, керамическая посуда, радиоуглеродный анализ.

Уже на протяжении нескольких десятилетий на территории Монгольского Алтая регулярно работают археологические экспедиции, в том числе международные. Несмотря на систематические исследования, данный ключевой регион по-прежнему считается еще недостаточно изученным, хотя многие древние и средневековые памятники хорошо идентифицируются даже при визуальном обследовании по планиграфическим и конструктивным особенностям каменных сооружений. При этом следует отметить наличие редких и оригинальных объектов, а также отдельные участки и крупные зоны, где сплошные разведки еще не проводились. Совсем мало известно поселений и городищ. Существенные изменения данной ситуации пока не предвидятся. Но процесс накопления важной научной информации продолжается, и он дает определенные результаты.

В августе 2018 г. совместная археологическая экспедиция Алтайского государственного университета (г. Барнаул, Россия) и Улаанбаатарского государственного университета (г. Улаанбаатар, Монголия) продолжила

запланированные работы в Баян-Ульгийском аймаке Монголии. Основной задачей являлось исследование своеобразного археологического объекта, который внешне напоминал так называемый элитный поминальный комплекс тюркского времени. Раскопки проводились в Алтай сомоне, к северо-востоку от оз. Чигиртэй нуур, в урочище Хурээ зуслан (рис. 1.-*1*). Памятники в указанной местности уже были выявлены в ходе реализации проекта, связанного с составлением и публикацией археологической карты Баян-Ульгийского аймака. В обобщенном издании им дана очень сжатая характеристика [Төрбат и др., 2009, т. 201]. Эти сведения учитывались в ходе работы российско-монгольской экспедиции в 2018 г.

В данной публикации представлены предварительные результаты нескольких реализованных мероприятий. Следует отметить, что отдельная информация уже нашла краткое отражение в одном из монгольских изданий [Идэрхангай и др., 2019]. Поэтому главный акцент будет сделан на описании археологического комплекса, получившего обозначение Хурээ зуслан-I. Он находится на платообразной террасе, окруженной с севера и юга двумя ручьями (Хурээ зуслангийн булаг и Улаан гулуут булаг), текущими со снежников в р. Хар нуурын гол (рис. 1.-*2*). К северу от этого места выделяется гора Улаан шонхор.

Перед проведением раскопок осуществлялось детальное обследование памятника. Производилась фотофиксация каждого объекта, составлен полуинструментальный план (рис. 2) и делалось описание. Эти сведения будут изложены ниже.

Объект №1 находился почти в центре указанной террасы. С помощью GPS-приемника получены следующие географические координаты в центре своеобразной конструкции: N – 48°18.570′: E – 89°22.447′ (±4 м). Высота над уровнем моря выявлена тем же прибором и составила 2291 м. Рассматриваемое сооружение представляло собой земляную подквадратную платформу (размерами 7,7×7,65 м), обложенную камнями. Вокруг этой платформы просматривался ров такой же формы. В южной части он был выражен четче, и ширина составляла 1,4 м, в западной – 1,25 м, в восточной – 1,1 м, а в северной – 1,17 м. Валы по внешнему контуру рва визуально не проявлялись. Следует отметить, что объект возведен рядом с цепочкой пазырыкских курганов, к востоку от них (рис. 2 и 3). Глубина рва определялась с помощью нивелира и рейки. На юге она составила 0,16 м, на западе – 0,13 м, на востоке – 0,13 м, на севере – 0,16 м. Высота в центре платформы была всего 0,05 м, а высота самого выступавшего камня – 0,18 м. Задернованность поверхности конструкции оказалась разной. Во рву она была мощнее, чем на насыпи. Объект до раскопок фиксировался фотоаппаратами с разных сторон, а также с квадрокоптера (рис. 3). Камни разного размера и цвета были покрыты рыжими и зеленоватыми лишайниками. Просматривались плиты, уложенные рядами. В центре платформы камней было сравнительно меньше. Исследованный своеобразный комплекс и полученные

находки, среди которых основную массу составляли фрагменты гончарной керамики, требуют специального изучения. Эти результаты будут представлены в отдельной публикации.

К северо-западу от объекта №1 находится цепочка курганов, ориентированная примерно по линии ЮЗ–СВ. Нумерация курганов дана с учетом уже сделанного обозначения. Описание приводится в более детальном виде, чем для других сооружений, зафиксированных на рассматриваемом памятнике, что связано с лучшей сохранностью.

Рис. 1. Месторасположение археологического микрорайона в урочище Хурээ зуслан (Алтай сомон, Баян-Ульгийский аймак, Монголия):
1 – на фрагменте карты; *2* – на фотоснимке из космоса

Курган №2 находится в 6 м к западу-северо-западу от раскопанного раннесредневекового комплекса и в 15 м к северу от крайнего северо-западного сооружения современного казахского кладбища (рис. 2), выделяющегося высокими погребальными конструкциями (рис. 3), для возведения которых, по всей видимости, использовались плиты и камни археологических объектов, в частности тюркских оградок. Каменная насыпь округлой формы имеет следующие размеры: по линии Ю–С – 10 м, по линии З–В – 11 м. Высота – 0,3 м. В центре кургана просматривается западина подпрямоугольной формы (длиной 3 м, шириной 2 м, глубиной 0,5 м), ориентированная длинной осью по линии ЮВ–СЗ. По периметру насыпи просматриваются местами более крупные камни крепиды. Для сооружения насыпи использовались в основном окатанные камни разных размеров и цветов. Западина, вероятнее всего, демонстрирует провал деревянной внутримогильной конструкции или результаты ограбления, что определить пока сложно. Курган задернован. Камни в основном покрыты зеленоватым лишайником, но на некоторых есть рыжие популяции.

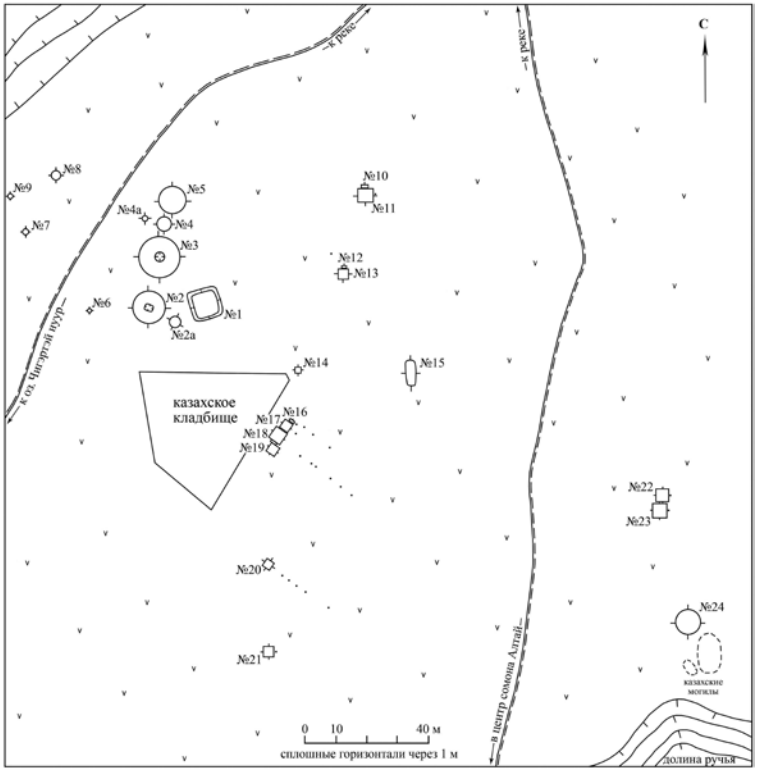


Рис. 2. Хурээ зуслан-I. План-схема памятника

Рис. 3. Хурээ зуслан-I. Вид на археологические объекты

Объект №2а находится в 1,5–2 м к юго-востоку от кургана №2 и представляет собой выкладку подовальной формы размерами 3,0×2,8 м. Определить назначение сооружения проблематично. Часть камней к северо-западу (между курганом и выкладкой) лежит беспорядочно. В центре их почти нет. Неровное кольцо вытянуто по линии ЮВ–СЗ. Высота выделяющихся камней выкладки зафиксирована на отметке 0,15 см, остальные ниже (в основном 0,1 м).

Курган №3 располагается в 4 м к северу–северо-востоку от кургана №2. Диаметр округлой каменной насыпи составил 13 м, высота – 0,45 м. В центре надмогильного сооружения хорошо видна западина диаметром около 3 м. Но она не совсем округлая, а ближе к подчетырехугольной форме, скорее всего, повторяющей провал обрушившейся внутримогильной деревянной конструкции, которая ориентирована по линии ЮВ–СЗ. Глубина западины – 0,48 м. Крепида по периметру каменной насыпи не просматривается. Видны следы выборки камней из насыпи, которая по структуре аналогична наброске кургана №2.

Курган №4 находится в 2 м к северо-востоку от предыдущего объекта в той же цепочке. Он хорошо задернован. Размеры каменной надмогильной конструкции: по линии З–В – 4,8 м, по линии Ю–С – 4,5 м (т.е. она слегка вытянута, подовальной формы). Крепида по периметру сооружения не выделяется. Насыпь плоская, высотой 0,2 м. Западина четко не фиксируется, хотя ясно, что верхушка каменной наброски просела из-за разрушения деревянной внутримогильной конструкции. Судя по всему, курган не ограблен. К северо-западу от него в 4 м расположен поминальник в виде полуразрушенной подовальной выкладки размерами 1,6×1,3 м, высотой 0,07 м. Этот объект получил обозначение «№4а».

Курган №5 находится в 2 м к северо-востоку от предыдущего кургана. Каменная насыпь округлой формы, имеет диаметр 9,5 м и высоту 0,3 м. Она плоская, хорошо задернована, западины или провала не видно, хотя в центре местами камни отсутствуют. Скорее всего, их брали для сооружения более поздних объектов. Это самый северный курган в цепочке. Крепида по периметру насыпи не просматривается. В одном месте, примерно в 1 м от восточного края, выделяется полукруг из крупных валунов. Структура насыпи такая же, как у предыдущих объектов, но присутствуют и рваные камни.

Объект №6 (поминальник) обнаружен в 13 м к западу от кургана №2. Он представляет собой кольцевую выкладку подовальной формы из одиночных камней (размерами 1,5×1,2 м, высотой 0,1 м). Несколько камней сдвинуты со своего первоначального места.

Объект №7 (поминальник) зафиксирован в 37 м к западу-северо-западу от кургана №3. Форма кольцевой выкладки округлая (диаметр 1,5 м, высота 0,1 м).

Объект №8 (поминальник) находится в 32,5 м к западу от кургана №5. Он крупнее всех аналогичных сооружений, частично разрушен, лишь некоторые камни кольцевой подовальной выкладки сохранили свое первоначальное положение. Размеры объекта по линии Ю–С – 3 м, по линии З–В – 2,5 м. Высота – 0,15 м.

Объект №9 (поминальник) располагается между двумя предыдущими, но дальше от цепочки курганов и ближе к краю террасы. Он представляет собой выкладку округлой формы диаметром 1,6 м, высотой 0,12 м и, возможно, связан с курганом №4 или со всем пазырыкским комплексом. Рядом находятся два скопления камней. Одно диаметром 0,55 м, другое – 0,45×0,3 м.

Объекты №7–9 отмечены за дорогой, которая идет в долину ручья Хурээ зуслангийн булаг (рис. 2).

К востоку, юго-востоку и югу от исследованного объекта №1 располагаются тюркские оградки и другие каменные конструкции (рис. 2). Ниже приводится их краткая характеристика. Первоначальный вид раннесредневековых объектов существенно нарушен.

Оградка №10 пристроена к более крупному аналогичному сооружению (№11). Ее длина по линии З–В – 1,5 м, ширина по линии Ю–С – 1,1 м, высота – 0,17 м.

Оградка №11 имеет подквадратную форму размерами 4,3×4,3 м (здесь и далее параметры даны с учетом сохранившихся стенок из плит). Ее высота достигает 0,18 м. У восточной стенки фиксируется часть (высотой 0,4 м) сломанного наклонно стоявшего «изваяния».

Оградка №12 представляет собой каменный ящик размерами 0,95×0,75 м, сделанный из плиток и засыпанный камнями. Высота сооружения около 0,15 м. К югу располагается более крупный объект, получивший следующий порядковый номер.

Оградка №13 имеет размеры 3,4×3,4 м. Высота 0,15 м.

Оградка №14 располагалась отдельно. Рядом с ней (в 3 м) находится крайнее погребение казахского кладбища. Объект полностью раскопан. Сведения об этом кратко опубликованы [Идэрхангай и др., 2019]. Подготовлена и полная публикация. Размеры оградки до раскопок были такие: по линии Ю–С – 2 м, по линии З–В – 1,6 м. Отмечены балбалы и своеобразное «изваяние» из валуна.

Объект №15 представляет собой остатки сооружения аморфной формы размерами 5,75×2,7, высотой 0,12 м.

Оградка №16 вместе с другими аналогичными объектами составляет единый комплекс (рис. 2), который существенно пострадал при использовании камней и плит для сооружения казахских надмогильных сооружений. Размеры сохранившейся конструкции 1,3×1,3 м, высота 0,07 м. От восточной стенки в 1 м к востоку находится обломанный балбал высотой 0,2 м. Балбал №2 располагается в 4 м, он повален. Балбалы №3 и 4 также повалены и зафиксированы в 8,7 м и 15,8 м, соответственно.

Оградка №17 выступает на 1,3 м к западу от предыдущего объекта. Ее размеры 3,4×3,4 м. Отмечен один обломанный балбал высотой 0,1 м.

Оградка №18 выступает к западу на 1,6 м от предыдущего объекта. Ее размеры 4×4 м. Сохранилась линия из шести балбалов, направленных на юго-восток. Обломанный сверху балбал №1 (высотой 0,4 м) находится в 7,75 м. Балбал №2 (длиной 0,58 м) повален и располагается в 11,4 м от юго-восточной стенки оградки. Балбал №3 также лежит на боку. Он зафиксирован в 13,4 м и имеет длину 0,35 м. Балбал №4 выявлен в 20,4 м, балбал №5 (длиной 0,6 м) – в 24,1 м, балбал №6 (длиной 0,7 м) – в 28,9 м.

Оградка №19 выступает к востоку на 1,8 м от предыдущего объекта. Ее размеры 3×3 м.

Оградка №20 размерами 3,2×3,2 м также разрушена. Отмечены остатки от сломанного «изваяния». К юго-востоку фиксируется цепочка сохранившихся балбалов. Балбал №1 находится в 4,4 м, повален и задернован. Балбал №2 расположен в 6,8 м в наклоненном состоянии, его высота 0,27 м. Балбал №3 отмечен в 10 м. Он сломан, сохранившаяся часть имеет высоту 0,25 м. Балбал №4 выявлен в 13,15 м поваленным (длина 0,45 м). Балбал №5 оказался в наклонном положении, но, судя по всему, он целый и имеет высоту чуть больше 0,27 м.

Оградка №21 разрушена. Судя по сохранившимся углам, ее размеры были 3,5×3,5 м. «Изваяние» тоже сильно пострадало, осталось только основание высотой 0,18 м.

Следующая группа объектов располагалась еще дальше на восток и юго-восток за полевой дорогой (рис. 2). Размеры тюркской оградки №22 по линии З–В – 3,6 м и по линии Ю–С – 3,2 м. Рядом с восточной стенкой (в 0,15 м) находилось «изваяние». Оно сломано. Сохранившаяся часть имеет высоту 0,25 м.

Оградка №23 выступает на 1 м к западу. Ее размеры: 4,5×4,5 м. «Изваяние» стояло вплотную к стенке. Оно сломано. Сохранившееся основание имеет высоту 0,25 м. Расстояние между оградками №22 и 23 составляет 1 м.

Курган №24 находится к югу от оградки №23. Размеры его насыпи по линии Ю–С – 8 м, по линии З–В – 7,6 м. Крепида просматривается. От южной полы кургана №24 на юг до границы террасы – около 22 м.

Представленные описания, план-схема и фотоснимок свидетельствуют о том, что памятник Хурээ зуслан-I разновременный. Преобладают тюркские оградки, а также курганы пазырыкской культуры. Есть объекты, идентификация которых затруднительна. Это в определенной мере относится и к раскопанному объекту №1. Полная публикация его еще предстоит после детального изучения обнаруженного керамического комплекса. В настоящее время уже получена радиоуглеродная дата по остаткам плохо сохранившейся древесины от имевшейся конструкции. Таким же методом по древесным углям установлена хронология исследованной тюркской оградки №14.

В заключение следует указать, что фиксировались и другие близлежащие археологические комплексы, находящиеся поблизости и получившие обозначения Хурээ зуслан-II, III и IV. Однако графические планы их не делались.

Памятник Хурээ зуслан-II состоит из двух цепочек пазырыкских курганов, в каждой из которых по три объекта. Северо-восточная цепочка по центру имеет следующие географические координаты: N – 48°18.518′; E – 89°22.348′ (±4 м), а юго-западная – N – 48°18.439′; E – 89°22.316′ (±3 м). Высота над уровнем моря – 2298 м. Самый западный объект этого памятника – тюркская оградка. Ее координаты также выявлены GPS-приемником: N – 48°18.394′; E – 89°22.192′ (±3 м). Высота над уровнем моря – 2298 м. Между этой оградкой и предыдущей цепочкой располагаются херексур и другие объекты, а к юго-западу находятся постройки зимника и следующий памятник – Хурээ зуслан-III, на котором есть один пазырыкской курган со стелой к востоку. Он находится в центре, его координаты: N – 48°18.187′; E – 89°21.901′ (±3 м). Высота над уровнем моря – 2312 м. К юго-западу от указанного кургана расположены выкладки так называемого цэнгэльского типа. Есть тюркские оградки, а также другие менее понятные объекты (их немного). Весь памятник находится на небольшом всхолмлении и отделен от предыдущих ложбиной, по которой течет вода специально сделанного арыка.

Следующий археологический комплекс находится на другом берегу ручья Хурээ зуслангийн булаг, но в том же урочище, поэтому есть смысл дать ему аналогичное название Хурээ зуслан-IV. В небольшой ложбинке почти в центре террасы находится пазырыкский курган №1. Его GPS-координаты: N – 48°18.786′; E – 89°22.290′ (±3 м). Высота над уровнем моря – 2295 м. Курганная насыпь сложена из валунов средних размеров, взятых со склона террасы. Крепида не просматривается. Западины не видно. Северо-восточная часть выбрана современными животноводами для своих хозяйственных нужд. Насыпь в центре имеет характерные провалы, возможно, за счет таяния промерзшего грунта заполнения могильной ямы. Ее размеры: по линии Ю–С – 9,3 м, по линии З–В – 9,1 м. Высота в со-

хранившейся западной части – 0,45 м. К западу расположен, скорее всего, поминальник (объект №2) подпрямоугольной формы. Размеры этого сооружения по линии Ю–С – 2,8 м, по линии З–В – 3,5 м. Часть камней установлена вертикально. В 14,25 м к востоку от кургана располагается стела высотой 0,38 м. Возможно, что были и другие вертикально поставленные камни, но их повалили или убрали. В 35 м к северо-западу от кургана находится тюркская оградка. Она ориентирована по сторонам света. У восточной стенки лежит плита (изваяние?). Размеры оградки №3 – 2×2 м, высота 0,2 м. К востоку от предыдущих объектов, но уже не в ложбине, а на небольшой возвышенности находится херексур диаметром 14,5 м, высотой 0,9 м. Это место оказалось почти на окончании мыса, где соединяются р. Хар нуурын гол и Хурээ зуслангийн булаг. С насыпи херексура тоже брали камень для современных построек.

Таким образом, представленные древние и средневековые памятники, а также другие близлежащие археологические объекты [Төрбат и др., 2009, т. 201] демонстрируют своеобразный археологический микрорайон, имеющий перспективы для дальнейшего комплексного изучения.

Библиографический список

Идэрхангай Т., Тишкин А.А., Горбунов В.В., Серегин Н.Н., Өнөрбаяр Б., Цэнд Д., Батчимэг Б., Эрдэнэпүрэв П. Монгол-Оросын хамтарсан “Төв Азийн археологийн шинжилгээ-2” хээрийн шинжилгээний ангийн Баян-Өлгий аймгийн Алтай сумын нутагт ажилласан малтлага судалгааны ажлын үр дүнгээс // Монголын археологи – 2018: Эрдэм шинжилгээний хурлын эмхэтгэл. Улаанбаатар, 2019. Т. 231–236.

Төрбат Ц., Баяр Д., Цэвээндорж Д., Баттулга Ц., Баярхүү Н., Идэрхангай Т., Жискар П.Х. Монгол Алтайн археологийн дурсгалууд-I, Баян-Өлгий аймаг. Улаанбаатар, 2009. 424 т.

A.A. Tishkin[1], T. Iderkhangai[2], V.V. Gorbunov[1], N.N. Seregin[1], T.S. Parshikova[1]

[1]Altai State University, Barnaul, Russia;
[2]Ulaanbaatar State University, Ulaanbaatar, Mongolia

ARCHAEOLOGICAL RESEARCH IN THE BAYAN-ULGIY AIMAK OF MONGOLIA (brief results of the work in 2018)

Systematic surveys conducted over many years on the territory of the Bayan-Ulga aimag of Mongolia revealed a significant number of archaeological sites most of which can be visualized. Among them are peculiar objects of the early Middle Ages. A significant amount of information is reflected in the monograph on the archaeology of the aimak. However, every year the number of newly discovered sites increases due to the results of work on the implementation of international projects. In August 2018 a joint expedition of two universities from Barnaul and Ulaanbaatar carried out excavations in the Khuree Zuslan area located in the Altai Somon on the highland area. The article presents brief results of excavations and the information about the nearest recorded sites. The obtained materials will contribute to the process of studying the life support system of Altai nomads.

Key words: Mongolia, Bayan-Ulga aimag, Khuree zuslan, archaeological sites, excavations, Turkic time, ceramics, radiocarbon analysis.

УДК 902.2(235.226)

А.А. Тишкин[1], Т. Идэрхангай[2], Н.А. Пластеева[1,3], Н.Н. Серегин[1], В.В. Горбунов[1]

[1]Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
[2]Улаанбаатарский государственный университет, Улаанбаатар, Монголия;
Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург, Россия

ЗАХОРОНЕНИЕ ЛОШАДИ В ТЮРКСКОЙ ОГРАДКЕ №5 ПАМЯТНИКА ХУЖИРТ-I (Монгольский Алтай)

Работа выполнена при частичной финансовой поддержке РНФ (проект №16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»)

В ходе плановых работ на территории Монгольского Алтая летом 2019 г. осуществлялись раскопки на памятнике Хужирт-I, который находится неподалеку от небольшого одноименного поселка в Муст сомоне Ховдского аймака, на остепненном участке левобережья Бодонча. На указанном археологическом комплексе в 2010 г. уже проводилось документирование «оленных» камней участниками Буянтской российско-монгольской археологической экспедиции. Новой задачей стало изучение тюркской оградки №5. Несмотря на то, что объект оказался частично разрушенным, удалось зафиксировать ряд важных особенностей раннесредневекового сооружения. Для изготовления лицевого изваяния использовался перевернутый «оленный» камень. От него был сформирован ряд из восьми балбалов. Под каменным полом оградки обнаружена яма, в которой располагался неполный скелет одной особи лошади (без черепа и нижней челюсти). В статье представлены результаты археозоологических определений остеологического материала. Немногочисленная группа тюркских оградок с конскими захоронениями датируется в рамках 2-й половины V – 1-й половины VII в. н.э.

Ключевые слова: Монголия, Ховдский аймак, Хужирт-I, раскопки, захоронение лошади, тюркское время, археозоологические определения.

Археологический памятник Хужирт-I находится в долине Бодонча, в его верхнем течении. Это территория относится к высокогорной части Монгольского Алтая. В административном плане указанный комплекс располагается неподалеку от поселка Баян зурх (у бывшей бригады Хужирт) в Муст сомоне Ховдского аймака Монголии (рис. 1). Он уже фиксировался в ходе обследований, осуществленных Буянтской российско-монгольской археологической экспедицией в сентябре 2010 г. [Тишкин, Шелепова, 2014], а также был известен и ранее, так как находится у основной автомобильной дороги. Необходимо отметить, что в 1980-е гг. исследования в указанном районе осуществлял хорошо известный отечественный археолог В.В. Волков [2002, с. 111], который кратко представил зафиксированную им ситуацию таким образом: «…В юго-восточной (степной) части долины Мухар асхат находится не

менее 12 тюркских оградок. Иногда они стоят парами и даже по четыре в ряд. От многих из них тянутся ряды балбалов. В 5 случаях в начале рядов балбалов стояли оленные камни, выполняющие, видимо, функции тюркских каменных баб. Они небольших размеров (высотой до 1 м), все общеевразийского типа: без фигурок животных…». Согласно информации В.В. Волкова, в указанной долине им были осмотрены шесть «оленных» камней. Кроме этого, отмечено наличие довольно большого количества других «разнообразных памятников».

Работы, предпринятые летом 2019 г. совместной археологической экспедицией Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия) и Улаанбаатарского государственного университета (Улаанбаатар, Монголия), позволили осуществить полуинструментальную съемку и получить план-схему памятника (рис. 2). Имевшиеся ранее описания до-

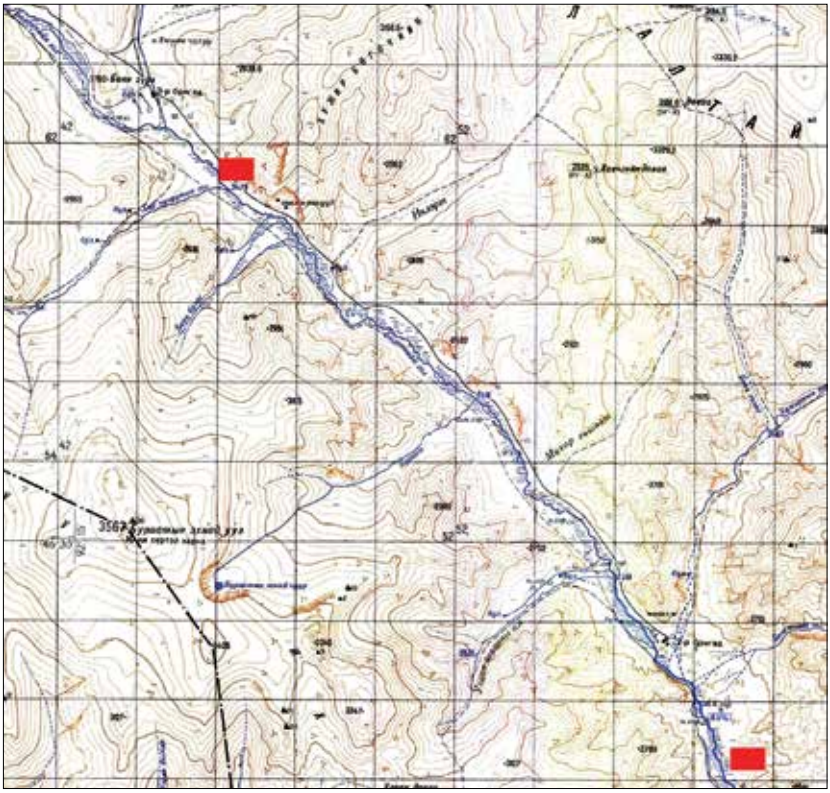


Рис. 1. Фрагмент карты с нанесением мест работы Буянтской археологической экспедиции в долине Бодонча в 2019 г. (верхний красный квадрат – комплекс «оленных» камней у пос. Баян зурх, нижний – памятник Хужирт-I)

полнены и уточнены. Проведена всесторонняя фотофиксация. Памятник состоит из девяти объектов. Уже упомянутый комплекс из четырех тюркских оградок с «оленными» камнями вместо изваяний и цепочками балбалов [Волков, 2002, с. 111; Тишкин, Шелепова, 2014, с. 223–235] имеет следующие географические координаты, полученные GPS-приемником: N – 46°27.561′; E – 092°27.897′ (±5 м). Высота над уровнем моря, отмечен-

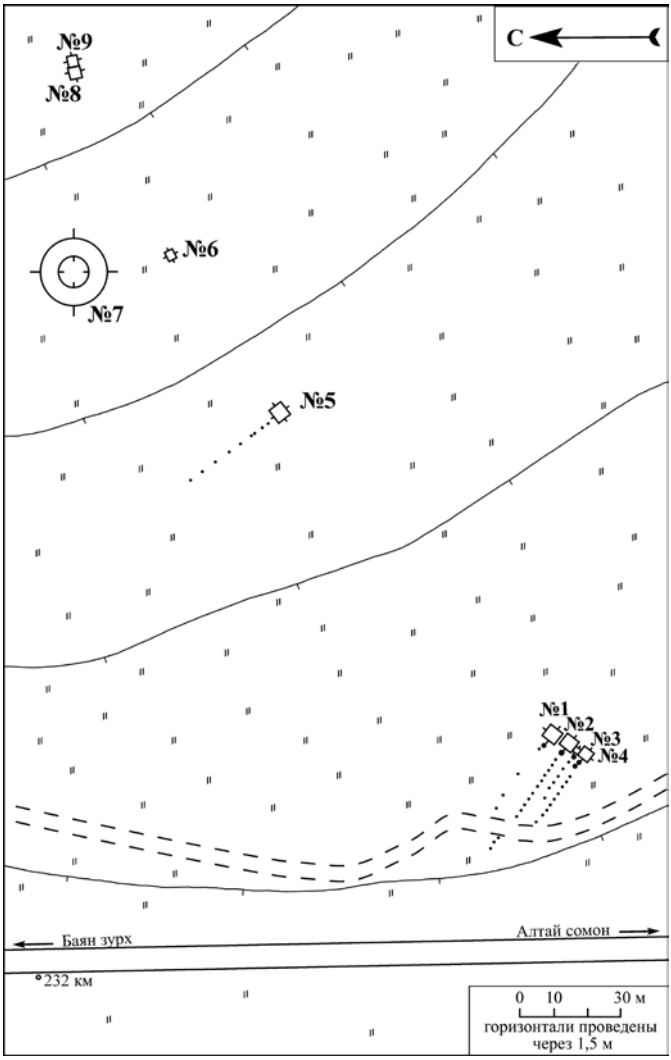


Рис. 2. Хужирт-I. План-схема памятника

ная тем же прибором, составила около 2323 м. Кроме тюркских оградок, имеется херексур, получивший номер 7. Его диаметр по линии Ю–С – 20,5 м, по линии З–В – 20 м. Высота – около 2 м. Верхушка насыпи почти плоская, имеется небольшая западина, но явные следы грабительских проникновений не наблюдаются. Скорее всего, с него брали камни для сооружения оградок и хозяйственных целей. В 7 м от основания этого кургана найден еще один ранее неизвестный «оленный» камень, засыпанный землей. Координаты херексура №7: N – 46°27.650′; E – 092°27.989′ (±4 м).

Раскапывалась одиночная оградка №5, у которой к северо-западу находилось изваяние, сделанное из перевернутого «оленного» камня, и далее на 30 м располагался ряд из восьми балбалов (рис. 3). Объект находился в 126,5 м к северо-востоку от группы из четырех оградок №1–4 (рис. 2). До раскопок он представлял собой частично разрушенное четырехугольное каменное сооружение, ориентированное углами по сторонам света. Весь комплекс исследовался раскопом Т-образной формы (рис. 3). Расчистка оградки выявила конструкцию, основу которой составляли стенки из вертикально установленных плит. Юго-восточная стенка длиной 4,25 м сформирована из нескольких плит. Одна отсутствовала. Северо-восточная стенка имела длину 4,5 м. В ней сохранились все шесть плит. Юго-западная стенка почти полностью разрушена (сохранились только три плиты). Судя по всему, ее длина равнялась 4,6 м. От северо-западной стенки на месте остались две крайние плиты. Судя по ним, ее длина была около 4 м. Размеры оградки по центральным осям составляли 4,5×4,5 м. Скорее всего, первоначально каждая стенка состояла из шести плит. С внешней стороны оградка забутовывалась мелким камнем и местами подперта более крупными булыжниками и плитами. Внутреннее заполнение состояло из крупных камней и плит, уложенных плаш-

Рис. 3. Хужирт-I. Раскоп оградки №5

Рис. 4. Хужирт-I, Оградка №5. Кости скелета лошади в яме

мя на пол в два или три слоя. Промежутки между ними были засыпаны мелкими камнями, а местами шел слой из средних и других камней.

У юго-западной стенки оградки, за пределами внешней забутовки, найден позвонок овцы, а внутри у плит – скол ребра животного (лошадь?). По центру оградки, ближе к юго-западной стенке, выявлена яма с неровными краями из-за крупной норы, прорезавшей этот объект. На уровне материка она имела каплевидную форму (размерами 2,5×1,4 м). В заполнении ямы находились мелкие и средние камни, а также одна плита размерами 0,7×0,25×0,1 м. Среди них обнаружены многочисленные кости лошади, которые лежали беспорядочно на разном уровне (рис. 4). Наибольшая глубина ямы в материке составила 0,27 м.

Обнаружение указанного остеологического материала в тюркской оградке стало необычным научным фактом для археологии Монголии. Поэтому было проведено его археозоологическое изучение и привлечена информация о подобных находках в других регионах. Эти и другие факты позволили предположить дату сооружения исследованного объекта.

В оградке №5 находился неполный скелет одной особи лошади, без черепа и нижней челюсти. Представлены непарные (лопатка, плечевая) и парные (лучевые, локтевые, тазовые, бедренные, большеберцовые) кости, две пястные и одна плюсневая, а также отдельные позвонки,

ребра и кости дистальных отделов передних и задних конечностей. Все они имеют приросшие эпифизы, в том числе позвонки, что указывает на возраст от 6 лет и старше. Значительных патологических изменений на костях не выявлено, однако отмечены аномалии суставных отростков поясничных позвонков. Сращение суставных отростков соседних позвонков, наблюдаемое у лошади из оградки, приводило к ограничению подвижности поясничных позвонков и являлось реакцией на прижизненные физические нагрузки. Такие патологические изменения возникают из-за неравномерного распределения веса всадника на спине лошади и обычно проявляются во второй половине жизни животного (после 10 лет).

Отсутствие черепа и нижней челюсти не позволяет установить пол животного и точный индивидуальный возраст.

Рост лошади в холке определялся по длине пястной и плюсневой кости (табл. 1), а также по длине трубчатых костей конечностей (табл. 2). Полученные результаты согласуются между собой и показывают, что лошадь из ритуально-поминального сооружения имела рост 128–136 см, что соответствует категории ниже среднего роста по классификации В.О. Витта [1952].

Таблица 1

Абсолютные размеры пястной и плюсневой костей лошади из заполнения оградки №5 памятника Хужирт-I (мм)

Элемент скелета	Сторона тела	**1**	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**
Пястная кость	прав.	216,4	35,6	26,1	50	31,9	47,5	35,1
Плюсневая кость	прав.	255,8	33,2	30,8	46,3	36,8	49,2	36,8

Признаки: 1 – длина кости наибольшая, 2 – ширина диафиза, 3 – поперечник диафиза, 4 – ширина проксимального конца, 5 – поперечник проксимального конца, 6 – ширина дистального конца, 7 – поперечник дистального конца.

Таблица 2

Абсолютные размеры трубчатых костей лошади из заполнения оградки №5 памятника Хужирт-I (мм)

Элемент скелета	Сторона тела	1	2	3	4	5
Плечевая кость	лев.	285	36,9	44,5	–	73,5
Лучевая кость	лев.	323	40,6	26,5	80,3	61,8
Бедренная кость	лев.	390	41,0	49,4	119,6	88,8
Большеберцовая кость	лев.	345	42,6	33,0	94,2	68,4

Признаки: 1 – длина кости наибольшая, 2 – ширина диафиза, 3 – поперечник диафиза, 4 – ширина проксимального конца, 5 – ширина дистального конца.

Для определения грацильности скелета использовано соотношение длины пястной кости к ширине ее диафиза [Браунер, 1916]. Значение индекса тонконогости у изученной особи составляет 16,45%. Это позволяет отнести ее к группе средненогих лошадей.

В настоящее время имеется небольшое число «поминальных» объектов тюрок с захоронениями коней. Основным регионом распространения традиции помещения лошади в оградку является Алтай, где выявлена серия таких сооружений на памятниках Булан-Кобы-IV, Кара-Коба-I, Кишнег-Атудар, Мендур-Соккон-I [Мамадаков, 1994; Могильников, 1994; Соенов, Эбель, 1997; Худяков, Борисенко, Кыпчакова, 2001]. Аналогии подобным памятникам фиксируются в материалах раскопок археологических комплексов тюрок на сопредельных территориях. Несколько оградок с конскими захоронениями выявлены в Кыргызстане на могильниках Беш-Таш-Короо-I и II [Табалдиев, 1996, с. 73–74, рис. 33–34; Табалдиев, Йылмаз Аныл, 2006, с. 194–195]. Кроме того, имеется информация о раскопках захоронений лошадей в четырехугольных рядом стоявших оградках на территории Тувы [Маннай-оол, 1963, с. 243–245; Килуновская и др., 2017, с. 175, рис. 56–58].

Судя по имеющимся материалам, захоронения лошадей в оградках следует рассматривать как маркер ранних комплексов, относящихся к начальным этапам формирования культуры тюрок [Серегин, Шелепова, 2015, с. 72–74]. Своеобразной характеристикой значительной части таких объектов, в том числе оградки №5 памятника Хужирт-I, является устройство внеоградных сооружений (стелы, балбалы и др.) с западной и/или северной стороны. Другой общей характеристикой, выявленной в ходе раскопок нескольких памятников, можно считать отсутствие черепа животного. В целом, хронология «поминальных» комплексов тюрок с конскими захоронениями определяется рамками 2-й половины V – 1-й половины VII в. н.э.

Таким образом, результаты, полученные при раскопках на памятнике Хужирт-I, позволяют считать Монгольский Алтай территорией формирования раннетюркской культуры, а полученные костные остатки могут способствовать получению объективной информации при реализации современных естественно-научных методов.

Библиографический список

Браунер А.А. Материалы к познанию домашних животных России. I. Лошадь курганных погребений Тираспольского уезда Херсонской губернии // Записки Общества сельского хозяйства Южной России. Одесса, 1916. Т. 86, кн. 1. 184 с.

Витт В.О. Лошади Пазырыкских курганов // Советская археология. 1952. №16. С. 163–205.

Килуновская М.Е., Боковенко Н.А., Лазаревская Н.А., Садыков Т.Р., Семенов Вл.А., Смирнов Н.Ю. Исследования археологических памятников в урочище Бай-Булун в 2015 г. (Тувинская археологическая экспедиция ИИМК РАН) // Бюллетень ИИМК РАН. 2017. №6. С. 151–182.

Мамадаков Ю.Т. Ритуальные сооружения булан-кобинской культуры // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 58–63.

Маннай-оол М.Х. Итоги археологических исследований ТНИИЯЛИ в 1961 г. // Ученые записки ТНИИЯЛИ. 1963. Вып. X. С. 238–246.

Могильников В.А. Культовые кольцевые оградки и курганы Кара-Кобы-I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 94–116.

Серегин Н.Н., Шелепова Е.В. Тюркские ритуальные комплексы Алтая (2-я половина I тыс. н.э.): систематизация, анализ, интерпретация. Барнаул, 2015. 168 с.

Соенов В.И., Эбель А.В. Ритуальные сооружения могильника Мендур-Сокон-I // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. Вып. 2. С. 103–115.

Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек, 1996. 256 с.

Табалдиев К.Ш., Йылмаз Аныл. Истоки, трансформации и инновации поминальных традиций в среде кочевников Тянь-Шаня // Современные проблемы археологии России. Новосибирск, 2006. Т. II. С. 194–196.

Тишкин А.А., Шелепова Е.В. Об использовании «оленных» камней при сооружении тюркских оградок Монгольского Алтая // Известия Алтайского государственного университета. 2014. №4 (84). С. 221–229. DOI 10.14258/izvasu(2014)4.1-37

Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кыпчакова К.Ы. Изучение древнетюркских поминальных комплексов в бассейне р. Эдиган // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2001. Т. VII. С. 456–470.

A.A. Tishkin[1], T. Iderkhangai[2], N.A. Plasteeva[1,3], N.N. Seregin[1], V.V. Gorbunov[1]

[1]Altai State University, Barnaul, Russia;
[2]Ulaanbaatar State University, Ulaanbaatar, Mongolia;
[3]Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

HORSE BURIAL IN TURKIC ENCLOSURE №5 OF KHUZHIRT-I SITE (Mongolian Altai)

During the planned work, in the summer of 2019, excavations were carried out on the territory of the Mongolian Altai at the Khuzhirt-I site, which is located near the small village of the same name in Muston of the Khovd aimag, on a stepped section of the left bank of the Bodonch river. The research of the deer stones on that the archaeological complex was already conducted in 2010 by the participants of the Buyant Russian-Mongolian archaeological expedition. A new task was to study Turkic enclosure №5. Despite the fact that the object had been partially destroyed, it was possible to reveal a number of important features of the early medieval structure. An inverted deer stone was used to make a facial sculpture. A row of eight balbals was placed nearby. A hole was found under the stone floor of the fence, in which an incomplete skeleton of one horse (without a skull and lower jaw) was located. The paper presents the results of archaeozoological definitions of osteological material. A small group of Turkic enclosures with horse burials dates from the 2nd half of the 5th – the 1st half of the 7th centuries AD.

Key words: Mongolia, Khovd aimag, Khuzhirt-I, excavations, the burial of horses, Turkic time, archaeozoological definitions.

УДК 903.53(571.150)+06.076:379.85(571.150)

А.А. Тишкин, Т.В. Тишкина, Я.В. Фролов

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СВЕДЕНИЙ О КРУПНЫХ КУРГАНАХ НА ТЕРРИТОРИИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В ЭКСКУРСИОННО-ТУРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект 19-49-220006 «Крупные курганы элиты древних и средневековых кочевников на территории Алтайского края как объекты экскурсионно-туристической деятельности: историко-археологические и естественно-научные исследования»)

В настоящее время в Алтайском крае большое значение придается развитию туризма как одной из важных социально-экономических сфер деятельности. Однако в данный процесс в основном вовлечены некоторые города, отдельные горные и предгорные районы. Что касается степных и лесостепных территорий, то они в должной мере не задействованы. Тем не менее наличие объектов историко-культурного наследия, в том числе в виде значительного количества археологических памятников, позволяет решать данную проблему. Результаты историко-археологических исследований имеют существенный потенциал для реализации экскурсионно-туристической и музейно-просветительной работы. Наиболее привлекательными могут стать крупные и грандиозные курганы скифо-сарматского времени и периода раннего Средневековья, расположенные в южной части Обь-Иртышского междуречья. В данной статье представлены основные направления реализации проекта, связанные с выполнением исследований и созданием информационной базы для дальнейшего использования в вышеперечисленных сферах социально-экономического развития региона.

Ключевые слова: Алтайский край, крупные курганы, скифо-сарматское время, раннее Средневековье, экскурсионно-туристическая деятельность.

Сведения об археологических памятниках Алтая стали более-менее систематически публиковаться с конца XIX в. и начала XX в. в отчетах участников различных экспедиций. Они представлены в изданиях Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела РГО и других публикациях [Тишкина, 2010, с. 77–136].

Ранее обширные материалы о курганах собрал барнаульский краевед Степан Иванович Гуляев [Демин, 1989, с. 66; Тишкина, 2010, с. 15–41]. На основе собственных наблюдений и разнообразной информации, полученной от своих корреспондентов, он подготовил следующие рукописные работы, ныне хранящиеся в архиве Российского этнографического музея (РЭМ): «Раскопки древних курганов юга Сибири»; «О буграх или курганах в Сибири»; «Заметки о чудских буграх» [Тишкина, 2010, с. 25]. В этих рукописях С.И. Гуляев указывал и на крупные объекты рассматриваемого плана. В частности, им отмечено, что в Нижне-Кулундинской волости имелись три таких кургана. Один из них, высотой в пять сажень (более 10,5 м), назывался «Мокрый» и находился между деревнями Корчино и Ермачиха. Свое название данный объект получил из-за того, что попыткам местных

жителей раскопать его препятствовали поднимавшиеся грунтовые воды. На расстоянии 10 верст (10,67 км) от предыдущего располагался курган «Кокуй». Его высота достигала четырех сажень (около 8,5 м). Такое обозначение кургана связано с тем, что в его окрестностях по ночам слышались крики кукушки, считавшиеся необычными. Следующий курган также имел собственное название («Большой») из-за значительных размеров. Диаметр насыпи оказался 30 сажень (64 м), а высота достигала четырех сажень (8,53 м). Этот объект находился в 32 верстах (34,14 км) от д. Гонохово.

Особое внимание С.И. Гуляев уделил описанию крупного кургана, встреченного в Бурлинской волости. Он имел в диаметре до 25 сажень (около 53 м) и высоту до семи сажень (около 15 м). Курган находился на болотистом лугу в окрестностях д. Масляхи. Вокруг курганной насыпи не прослеживался ров, однако были зафиксированы остатки гати, проходившей от окраины увала до кургана. С.И. Гуляев предположил, что грунт для сооружения курганной насыпи доставлялся по ней со склона близлежащего холма.

Также своими крупными размерами выделялся земляной курган, находившийся в 20 верстах (21,3 км) от станции Калманка по направлению к одноименной речке. Он был окружен рвом и имел диаметр около 17 саженей (36,6 м). В 19 верстах (20,3 км) к северу по дороге к д. Половинкиной на высоком увале располагалась курганная группа «Злыдыри», состоявшая из семи объектов. Там же неподалеку, вблизи урочища Черный Камень, находилась группа больших курганов. Диаметр некоторых из них достигал до 25 сажень (53,3 м), высота – до четырех сажень (8,53 м). В настоящее время упомянутые курганы «Злыдыри» соотнесены с известным памятником Бугры, на котором проводились археологические раскопки экспедициями АлтГУ и Государственного Эрмитажа [Тишкин, Чугунов, 2008]. Название «Злыдыри» эта группа курганов получила потому, что при трудоемких раскопках местным жителям не удалось обнаружить ценных предметов. Стоит отметить, что о кургане, прозванном «Злыдарь», который оказался для «бугровщиков» пустым, сообщал Г.И. Спасский, указывая, что он находился в 20 верстах (21,3 км) от другого крупного объекта [Демин, 1995, с. 72–73], расположенного близ берега р. Золотухи. В отличие от первого, он получил название «Золотарь», так как при его раскопках якобы было обнаружено множество предметов из золота. Данный объект вызывал интерес не только у «бугровщиков». Его фиксировали путешественники и исследователи с XVIII в. Сведения об этом процессе подробно изложены М.А. Деминым [1995], который соотнес имеющиеся материалы с конкретным археологическим памятником. С.И. Гуляев отметил в своих рукописях, что курган «Золотарь», имевший диаметр более 15 сажень (32 м), находился в 60 верстах (64 км) от Локтевского завода по дороге к Николаевскому руднику на берегу Золотухи. Он также указал, что в насыпи кургана имелась глубокая яма, на дне которой просматривались каменные плиты.

Крестьяне Алтайского горного округа считали, что верным признаком наличия в кургане «богатства» служат огоньки, время от времени

появлявшиеся над его насыпью. Если в результате раскопок ожидаемое «богатство» не было обнаружено, то данная ситуация крестьянами объяснялась по-разному в зависимости от фантазии рассказчиков. Так один из жителей д. Инюшевой сообщил С.И. Гуляеву о том, что крестьяне не раз пытались раскопать крупный курган, расположенный между деревнями Мостовой и Суенга. По преданию, в нем находилось «несметное богатство». Однако добравшись к закату солнца «до камней западни», они оставляли работы на кургане, а по утрам якобы находили его целым. Объяснялась такая метаморфоза тем, что курган был сооружен «…с наговором, чтобы никому богатства не достались» [Тишкина, 2010, с. 33]. Со слов местных жителей С.И. Гуляев зафиксировал несколько вариантов предания о происхождении крупных курганов, сооруженных племенем «Чудь» [РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 213. Л. 1–2].

Своеобразными являются легенды, связанные с Масляхинской сопкой. Их зафиксировал Н.М. Ядринцев [1883, с. 184–185], отметив, что этот курган способствовал сложению нескольких мифов у местных крестьян, которые он изложил следующим образом: «…Говорят, что проезжающие копали здесь землю и откопали золотую телегу, но она ушла в землю. Другой рассказ сообщает, как одному крестьянину-рыбаку во сне явился старец и приказал копать курган, где он за тремя чугунными дверями должен был увидеть красавицу и нагресть золота и серебра, сколько угодно. Когда рыбак начал копать курган, то действительно встретил в подземелье сидящую красавицу, окруженную сокровищами, которая приказала ему отыскать трех Иванов и Ивановичей, детей одного отца, принести голову одного из Иванов, и тогда должны были ему достаться сокровища. Рассказ этот существует и на Иртыше и связан с мифом о белой змее, которая упоминается у Гримма. Один беглый, поевший с голоду мясо белой змеи, получает дар понимать язык растений и животных и подслушивает, как ворон ворону рассказывает предание о кургане. Здесь также играет роль девица-царевна, которую, окруженную сокровищами, схоронил ее отец-хан. Она сидит на золотом стуле, с распущенными волосами и золотым гребнем в руках. Она так прекрасна, что увидевший ее не может уже выйти, если поцелует, – и в этом заключается его гибель. Едва он дотрагивается до гребня и кольца, как раздается гром, и кладоискатель по-прежнему остается у кургана с заступом».

Представленные материалы свидетельствуют о наличии занимательной информации, которая может заинтересовать во время экскурсий и знакомства с памятниками историко-культурного наследия на территории Алтайского края. Кроме изложенных историй и легенд, привлекательны сведения об исследователях и любителях старины. Краткий очерк об археологическом изучении Алтая со 2-й половины XVII в. помещен в книге А.П. Уманского [1959, с. 8–11] «Памятники культуры Алтая». В нем перечислены путешественники, коллекционеры, краеведы, а также профессионалы-исследователи, которые работали в нашем регионе. Особое внимание было уделено советскому периоду. Существенный труд по воссозданию последовательности археологического изуче-

ния Алтая был предпринят М.А. Деминым [1989], что нашло отражение в реконструкции процесса исследования алтайских древностей. Освещению истории открытия и изучения наиболее значимых памятников различных культурно-хронологических периодов Алтая посвящен ряд научных трудов, подготовленных в том числе с участием авторов статьи [Марсадолов, 1996; Кирюшин, Тишкин, 1997; Тишкин, 2007; Тишкина, 2010; и др.], в которых отражены сведения о крупных курганах.

Следует отметить, что тема «царских» или «элитных» курганов на территории степного и лесостепного Алтая специально не рассматривалась, в отличие от Горного Алтая [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003]. Но некоторые аспекты отражены в контексте общего изучения древних памятников [Тишкина, 2010]. В Алтайском крае известны больше сотни памятников, в составе которых имеются крупные курганы (диаметром более 30–50 м и высотой от 2 м и выше). Самые значительные по размерам достигают 100 м и более с существенными показателями высоты. Например, курган №1 курганной группы Бугры в Рубцовском районе оказался вместе со рвом диаметром 115 м [Тишкин, Чугунов, 2008]. Подобный объект на могильнике Пятков Лог-1 в Волчихинском районе имеет диаметр 111 м. Аналогичные курганы есть в Мамонтовском районе [Иванов, 2000]. В этих крупных погребальных сооружениях были захоронены представители правящей элиты кочевых обществ древности. Под насыпями отдельных крупных курганов зафиксированы бревенчатые шатровые конструкции, как, например, на могильнике Михайловский-VI (Михайловский район) [Шамшин, Демин, Навротский, 1992; Фролов, Шамшин, 1999]. Совсем недавно опубликована статья об исследованных на территории Алтайского края крупных курганах сросткинской культуры периода раннего Средневековья [Горбунов, Тишкин, 2018].

Авторами статьи формируется сводка памятников, на которых обнаружены крупные и грандиозные курганы (уже отмечено более 70 памятников), которые являются не только маркером социальной дифференциации в древности и средневековье, но и демонстрируют центры крупных кочевых объединений. Данная работа базируется на традиционных методах, характерных для археологии, а также на привлечении результатов космической съемки, картографировании, получении GPS-координат и геофизических изысканиях (см., например: [Тишкин и др., 2017]). Важной составляющей при выполнении вышеуказанного гранта является разработка пробных маршрутов для реализации возможной экскурсионно-туристической деятельности. Для этого рассматривается имеющийся зарубежный и отечественный опыт, а также формируются методические рекомендации по реализации экскурсий. Основные задачи реализации проекта связаны с выполнением большой изыскательной работы, направленной на создание источниковедческой базы для дальнейшего использования полученных данных в вышеперечисленных сферах деятельности. Содержание работ включает следующее:

– подготовка перечня всех выявленных (либо упомянутых) на территории Алтайского края археологических памятников, на которых

зафиксированы крупные («царские») курганы скифо-сарматского времени и периода раннего Средневековья, с указанием информации о местонахождении, истории открытия и изучения (с предполагаемой или известной культурно-хронологической атрибуцией);

– формирование иллюстративного материала (карты-схемы, фотоснимки, доступные снимки из космоса, планы, рисунки и др.) для демонстрации проделанных историко-археологических исследований;

– составление списка литературы, архивных и других источников по теме проекта;

– написание краткого очерка об историко-культурной ситуации на юге Обь-Иртышского междуречья во 2-й половине I тыс. до н.э., а также в последней четверти I тыс. н.э. и в начале II тыс. н.э.;

– создание глоссария (перечень понятий, дат, фамилий, географических и других использованных названий);

– оформление рекомендаций по использованию результатов историко-археологических исследований в экскурсионно-туристической деятельности;

– описание пробных экскурсионно-туристических маршрутов и оценка предполагаемого социально-экономического эффекта.

Проведение историко-археологических исследований может иметь серьезные перспективы, в том числе и для дальнейшей реализации крупной научно-инновационной программы. Реализация указанных направлений также даст возможность внести уточнения и дополнения в современные хронологические схемы и периодизацию археологических культур юга Западной Сибири и Алтая, что представляется актуальным в условиях дискуссионности многих вопросов такого характера и отсутствием изложения целостной картины. Существенным шагом в решении проблем будет использование междисциплинарного подхода с привлечением методов естественных наук.

Библиографический список

Горбунов В.В., Тишкин А.А. «Элитные» курганы сросткинской культуры рубежа I/II тыс. н.э. на Приобском плато // Археология Евразийских степей. 2018. №6. С. 81–88.

Демин М.А. Первооткрыватели древностей. Барнаул, 1989. 120 с.

Демин М.А. Курган «Золотарь» // Археология Сибири: историография. Омск, 1995. Ч. 1. С. 67–74.

Иванов Г.Е. Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района (к 220-летию с. Мамонтово). Барнаул, 2000. 160 с.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул, 2003. 234 с.: ил.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997. 232 с.: ил.

Марсадолов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV вв. до н.э. (от истоков до начала 80-х гг. XX в.). СПб., 1996. 90 с.: ил.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007. 356 с.

Тишкин А.А., Фирсов А.П., Злыгостев И.Н., Савлук А.В., Колесов А.С., Шеремет А.С. Магнитометрическая съемка «царского» кургана и ближайшей территории на археологическом памятнике Урочище Балчикова-3 с помощью беспилотного летательного аппарата // Теория и практика археологических исследований. 2017. №4 (20). С. 103–111.

Тишкин А.А., Чугунов К.В. Начало исследований курганов на памятнике Бугры в предгорьях Алтая // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. II. С. 86–88.

Тишкина Т.В. Археологические исследования на Алтае (1860–1930-е гг.). Барнаул, 2010. 288 с.: ил.

Уманский А.П. Памятники культуры Алтая. Барнаул, 1959. 252 с.

Фролов Я.В., Шамшин А.Б. Курганный могильник Михайловский-VI на юге Кулунды и некоторые вопросы, связанные с интерпретацией курганов скифского времени с шатровыми деревянными конструкциями под насыпью // Михайловский район: очерки истории и культуры. Барнаул, 1999. С. 42–50.

Шамшин А.Б., Демин М.А., Навротский П.И. Раскопки курганного могильника Михайловский-VI на юге Кулунды // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 60–68, 195–197.

Ядринцев Н.М. Описание сибирских курганов и древностей. Путешествие по Западной Сибири и Алтаю в 1878 и 1880 гг. // Древности: Труды Императорского Московского археологического общества. М., 1883. Т. IX, вып. II–III. С. 181–205.

A.A. Tishkin, T.V. Tishkina, Y.V. Frolov

Altai State University, Barnaul, Russia

OPPORTUNITIES FOR USING LARGE BARROWS IN THE TERRITORY OF ALTAI REGION IN EXCURSION-TOURIST ACTIVITIES

Currently, in the Altai Territory great importance is attached to the development of tourism, as one of the important socio-economic areas of activity. However, the process mainly involves some cities, individual mountain and foothill areas. As for the steppe and forest-steppe territories, they are not fully involved. Nevertheless, the presence of objects of historical and cultural heritage, including a significant number of archaeological sites, allows us to solve this problem. The results of historical and archaeological research have significant potential for the implementation of excursion, tourist, museum and educational work. The most attractive may be large barrows of Scythian-Sarmatian time and the early Middle Ages, located in the southern part of the Ob-Irtysh interfluve. This article presents the main directions of the project related to the implementation of research and the creation of an information base for further use in the above areas of socio-economic development of the region.

Key words: Altai Territory, large mounds, Scythian-Sarmatian times, the early Middle Ages, excursion and tourist activities.

УДК 903.53«653»(575.3)

А.А. Тишкин[1], Т.Г. Филимонова[2], В.В. Горбунов[1], Н.Н. Серегин[1]

[1]Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
[2]Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша, Душанбе, Таджикистан

ШОХИДОН – АВАРИЙНЫЙ МОГИЛЬНИК РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ТАДЖИКИСТАНЕ

Работа выполнена при частичной финансовой поддержке РНФ (проект №16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»)

При археологическом изучении системы жизнеобеспечения раннесредневековых кочевников одним из аспектов является фиксация процесса их взаимодействия с оседлыми группами населения. Такая возможность обозначилась при изучении могильника Шохидон, который располагается на территории с. Сари-Хосор в Бальджуанском районе Хатлонской области Республики Таджикистан. Данный памятник находится в аварийном состоянии из-за постоянной разработки карьера по добыче грунта. Несмотря на то, что там производились охранные раскопки, опасность разрушения важного историко-культурного объекта остается. За последние годы срыта большая часть холма, на котором выявлены захоронения раннего средневековья. В ходе этих работ уже пострадали участки бывших раскопок. Были уничтожены отдельные погребения. Об этом свидетельствуют археологические материалы, поступившие в музей села. В статье представлены результаты обследования памятника и сохранившиеся находки.

Ключевые слова: Таджикистан, Шохидон, могильник, кочевники, раннее средневековье, музей, конское снаряжение, меч, керамическая посуда.

Аварийный раннесредневековый памятник Шохидон находится на южной окраине с. Сари-Хосор в Бальджуанском районе Хатлонской области Республики Таджикистан. Он был обнаружен в 2011 г. в ходе разработки местными жителями карьера для добычи грунта в строительных целях. Это место представляет собой лёссовый останец в долине горной реки Сурхоб. Охранные раскопки и антропологические исследования на выявленном могильнике производились в 2012–2015 гг. [Филимонова, Ахметзянов, 2016; Дубова, Куфтерин, 2016; Филимонова, 2019; Дубова и др., 2019]. Обнаружены своеобразные раннесредневековые захоронения, в том числе с конем. Полученный предметный материал частично введен в научный оборот В.С. Соловьевым [2018]. Однако он требует детального представления и дальнейшего изучения. Неопубликованными оставались материалы, которые экспонируются в музее с. Сари-Хосор. С целью продолжения раскопок могильника Шохидон в августе 2019 г. авторами статьи были проведены обследования памятника. Несмотря на все заверения местной администрации по охране объекта культурно-исторического наследия, разработка карьера продолжается (рис. 1.-*1*), причем активными темпами. Рядом работает мини-заводик по производству

строительных блоков (рис. 1.-*2*). Используется техника для добычи грунта. Нижняя часть останца практически полностью срыта. Уже частично пострадали участки бывшего археологического раскопа (рис. 1.-*3*). В такой ситуации необходимость продолжения археологических исследований очевидна. Для организации экспедиционных работ потребуются усилия сотрудников Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша и Министерства культуры Республики Таджикистан.

Рис. 1. Разработка карьера на лёссовом останце в с. Сари-Хосор (Таджикистан), где зафиксирован раннесредневековый могильник Шохидон

В музее с. Сари-Хосор были зафиксированы и описаны хранящиеся там находки, которые происходят из разрушенных погребений. Основная задача статьи заключается в том, чтобы представить их для дальнейшей систематизации всего археологического материала с могильника Шохидон. Следует отметить, что сам памятник отражает традиции кочевников раннего средневековья, которые находились в непосредственном контакте с земледельческим населением. Об этом свидетельствуют обнаруженные находки. Среди публикуемых экспонатов есть предметы вооружения и конского снаряжения, а также керамическая посуда, две крупные бусины, пинцет из цветного металла и обломанное изделие из глины с отверстием (рис. 2).

Оружие представлено железным мечом. От него сохранился прямой клинок длиной 71,9 см, острие и основание которого обломаны (рис. 2.-*1*). Местами на полотне клинка остались следы древесины от ножен. Ширина клинка у основания – 3,3 см, а у окончания – 2,2 см. Большая часть клинка снабжена лезвием с одной стороны, а другая его сторона раскована в виде спинки, постепенно сужающейся к окончанию. Ее толщина от 0,4 до 0,9 см без учета поверхностной коррозии. В нижней части, на расстоянии 9 см от окончания, клинок раскован на два лезвия. В поперечном сечении однолезвийное полотно клинка имеет килевидную форму, а его двухлезвийная часть – форму линзы. Помимо клинка, сохранился небольшой фрагмент железного черена, который, вероятно, был наклонным (рис. 2.-*2*). Его нижний край обломан, длина 6,8 см, ширина 1,9 см и толщина 0,6 см без учета коррозии. На черене остались следы дерева от обкладки рукояти, а ближе к верхнему краю он снабжен штифтом для ее крепления.

Также с мечом можно связать две железные П-образные скобы и другие фрагменты железных изделий (рис. 2.-*3*–*6*). Скобы должны были крепиться к его ножнам возле устья и посередине, для продевания портупейных ремней пояса. У одной скобы лишь немного обломано загнутое окончание (рис. 2.-*3*). Ее длина 5,6 см, высота 2 см, толщина стержня без учета коррозии 0,4–0,5 см. От второй скобы (рис. 2.-*5*) сохранилась половина изделия с параметрами, близкими более целому образцу. Использование таких скоб в качестве деталей ножен клинкового оружия подтверждается находкой на могильнике Шохидон боевого ножа с наклонным череном и перекрестием, у основания клинка которого располагалась аналогичная П-образная железная скоба [Соловьев, 2018, рис. 3.-1].

Рассматриваемый меч – не единственный образец длинноклинкового оружия на памятнике Шохидон. В результате раскопок там был найден еще один железный меч с однолезвийным клинком, наклонным череном и прямоугольным перекрестием [Соловьев, 2018, рис. 3.-8]. Его клинок обломан на длине 42,5 см, поэтому невозможно установить: имел ли он второе лезвие у острия? В целом мечи могильника Шохидон по всем признакам вполне сопоставимы с тюркским длинноклинковым оружием. У тюрок однолезвийные мечи с наклонной рукоятью и прямоугольным перекрестием появились во 2-й половине VII в., а мечи с полуторалезвийными клинками не ранее середины VIII в. [Горбунов, 2014, с. 396–397].

Конское снаряжение из разрушенного погребения комплекса Шохидон, находящееся в музее, представлено парными стременами и комплектом удил с псалиями. Все предметы изготовлены из железа. В настоящее время изделия сильно корродированы и требуют проведения реставрационных работ. Тем не менее фиксирующиеся характеристики вещей позволяют осуществить довольно точную их атрибуцию.

Рис. 2. Вещевой комплекс из разрушенных погребений могильника Шохидон:
1–2 – железо, древесина; *3–9* – железо; *10–13* – глина;
14 – цветной металл; *15* – камень (?); *16* – стекло

Железные двусоставные однокольчатые удила в одном из внешних концов звеньев имеют дополнительное кольцо, предназначенное для крепления повода (рис. 2.-*7*). Очевидно, второе такое кольцо не сохранилось. Гладкие стержни звеньев имеют длину 7,8 и 9,6 см. В комплект с удилами входили стержневые псалии длиной 11,2 и 12,3 см, изготовленные из прута округлого сечения, толщиной 0,6–1 см. К каждому псалию крепилась подквадратная скоба, одна из которых оказалась частично отломана. Представленный вариант оформления конской узды крайне редко фиксируется в раннесредневековых комплексах Центральной и Средней Азии [Грач, 1982, рис. 95; Kenk, 1982, abb. 16.-19]. Вместе с тем изделия со схожими характеристиками, наиболее показательными из которых являются стержневые псалии со скобами, а также дополнительное внешнее кольцо, получили довольно широкое распространение в памятниках Восточной Европы 2-й половины I тыс. н.э. [Eisner, 1952, obr. 8.-3, 15.-8; Kovrig et al., 1975, fig. 3, 20; Erdelyi I., 1977, pl. X.-13; Frigyes, 2015, tab. XXII; и др.]. Наличие нескольких идентичных комплектов в комплексе Шохидон [Соловьев, 2018, рис. 4.-7] предоставляет возможности для дальнейшего более детального изучения особенностей использования подобных изделий раннесредневековым населением долины р. Сурхоб.

Первое стремя (рис. 2.-*8*) относится к группе изделий с пластинчатым ушком-петлей. Общая высота предмета – 12,9 см; максимальная ширина – 12,5 см. Толщина дужек, изготовленных из прута округлого сечения, достигает 1,3 см. Дужки образуют проем подовальной формы. Пластина стремени не выделена и имеет подтрапециевидную форму. Ее размеры такие: высота – 2,8 см, ширина – 3,3 см, толщина – до 0,8 см. В ушке-пластине проделано отверстие прямоугольной формы для ремня путлища, которое плохо фиксируется из-за сильной коррозии. Параметры отверстия: ширина – 1,25 см, высота – 0,9 см, толщина – до 0,8 см. Ширина подножки с выделенной нервюрой достигает 3 см.

Второе стремя (рис. 2.-*9*) по основным характеристикам практически идентично описанному выше изделию. Оно относится к группе стремян с пластинчатым ушком-петлей. Общая высота предмета – 12,9 см; максимальная ширина – 12,6 см. Толщина дужек, изготовленных из прута округлого сечения, достигает 1,3 см. Дужки образуют проем подовальной формы. Пластина стремени не выделена и имеет подтрапециевидную форму. Ее размеры следующие: высота – 2,4 см, ширина – 3,8 см, толщина – до 0,7 см. В ушке-пластине проделано отверстие прямоугольной формы для ремня путлища. Параметры отверстия: ширина – 1,5 см, высота – 0,6 см, толщина – до 0,8 см. Ширина подножки с выделенной нервюрой достигает 3,1 см.

Архаичным признаком рассматриваемых изделий является невыделенная пластина без шейки, наиболее характерная для комплексов Центральной и Средней Азии начиная со 2-й половины V в. и вплоть до 1-й половины VII в. [Грач, 1982 рис. 2.-6–7; Цэвэндорж, Цэрэндагва, Эрдэнэ-Очир, 2003, т. 28; Дашибалов, 2006, с. 136, рис. 1–2; Худя-

ков, Табалдиев, 2009, рис. 66; Тишкин, Серегин, 2011, рис. 2.-1, 3–5; и др.]. Самые ранние экземпляры с таким элементом оформления имеют Т-образную подножку. Однако определенное распространение получили изделия с довольно широкой подножкой, снабженной нервюрой [Евтюхова, Киселев, 1941, рис. 26; Спришевский, 1951, рис. 3.-2; Гаврилова, 1965, табл. XXIII.-9; Худяков, Табалдиев, 2009, рис. 84; и др.]. Именно последний признак, а также трапециевидная форма ушка-пластины являются «поздними» показателями для стремян из разрушенного погребения могильника Шохидон. Отметим, что подобный же облик имеет ряд других предметов данной категории из обозначенного памятника [Соловьев, 2018, рис. 4.-3–4]. В целом хронология рассматриваемых находок может быть определена в рамках VII – 1-й половины VIII в.

Следующий музейный экспонат – кувшин (рис. 2.-*10*), поврежден во время добычи грунта экскаватором. Его высота – 25,8 см. Диаметр тулова – 15,5 см, горлышка – 3,7 см, днища – 8,8 см. Сосуд имеет оформленный слив (по центру длиной 9 см, шириной 3,5 см) и ручку шириной 2,9 см. Сделан на гончарном круге и, по всей видимости, ангобирован. Подобные кувшины были не только показательным типом в керамическом производстве раннего средневековья, но и широко распространены в культурах земледельческого населения Среднеазиатского междуречья. Исследуемый кувшин дополняет комплекс аналогичных находок из погребений Шохидона, характеризующихся признаками, которые присущи этим культурам. К кочевникам они попадали в результате торговли или обмена с местными жителями. Следующие обнаруженные сосуды (рис. 2.-*11–12*) – лепные, низкого качества, с повреждениями. Один из них имеет высоту 7,3 см, диаметр венчика – 8,6 см, тулова – 8,7 см, дна – 8,2 см. Ширина ручки у него составляет 1,6 см. Второй сосуд оказался с обломанным горлышком. Высота сохранившейся нижней части – 9,9 см, диаметр тулова – 7,1 см, днища – 7,2 см. Диаметр местами оставшегося горлышка фиксируется в пределах 3 см. Ручка рассматриваемого кувшина крупная, ширина ее – 1,4 см. Эти два сосуда изготовлены кочевниками. Они существенно отличаются от группы изделий, производившихся местным земледельческим населением.

Еще одно глиняное изделие в виде «толкушки» (рис. 2.-*13*) имеет высоту 7,9 см. Диаметр его основания – 6,9 см, по центру – 4 см. В верхней части находится отверстие диаметром 0,8 см. Экспонат поврежден. Найденный пинцет сломан на две хорошо соединяющиеся части (рис. 2.-*14*). Его длина – 8 см, ширина основания лопасти – 1,4 см, а толщина 0,1 см. Внешний диаметр кольца для подвешивания – 0,6 см, внутренний – 0,2 см. Изделие сильно покрыто окислами. Крупная бусина относительно белого цвета с одной стороны уплощена (рис. 2.-*15*). Ее размеры 2,2×2 см. Диаметр отверстия до 0,3 см. Бусина черная оказалась разбитой на две соединяющиеся половинки (рис. 2.-*16*). Длина ее – 2,2 см, толщина по центру – 1,4 см. Отверстие для нанизывания – округлое, диаметром до

0,4 см. Эти представленные вещи (рис. 2.-*13–16*) на рассматриваемом памятнике найдены впервые. Детальный анализ их еще предстоит сделать.

В заключение следует указать, что состояние археологического памятника Шохидон, а также имеющие сведения о раскопках и находках позволяют определить дальнейшую программу его тщательного изучения.

Библиографический список

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. 146 с.

Горбунов В.В. Длинноклинковое оружие тюркской конницы // Война и оружие. Новые исследования и материалы: тр. Пятой Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2014. Ч. I. С. 385–401.

Грач В.А. Средневековые впускные погребения из кургана-храма Улуг-Хорум в Южной Туве // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 156–168.

Дашибалов Б.Б. Ранние стремена из Забайкалья: к вопросу о связях хори-монголов (сяньби) и корейцев // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. Т. 5, вып. 3: Археология и этнография. 2006. С. 136–140.

Дубова Н.А., Куфтерин В.В. Предварительные результаты исследования антропологических материалов из раскопок 2012–2013 гг. в Бальджуанском районе // Археологические работы в Таджикистане. Душанбе, 2016. Вып. XXXVIII. С. 67–80.

Дубова Н.А., Сатаев Р.М., Куфтерин В.В., Сатаева Л.В. Первые результаты археоэкологических исследований на могильнике Шохидон. Археологические работы в Таджикистане. Душанбе, 2019. Вып. XXXX. С. 272–279.

Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды ГИМ. 1941. Вып. 16. С. 75–117.

Соловьев В.С. Материалы из раскопок могильника Шахидон в Таджикистане // Filo Ariadne. 2018. №2. URL: filoariadne.esrae.ru/12-209 (дата обращения: 02.10.2019).

Спришевский В.И. Погребение с конем середины I тыс. н.э., обнаруженное около обсерватории Улугбека // Труды Музея истории народов Узбекистана. Ташкент, 1951. Вып. 1. С. 33–42.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Предметный комплекс из памятников кызылташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI в. н.э.): традиции и новации // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2011. Вып. 6. С. 14–32.

Филимонова Т.Г. Бальджуанская археологическая экспедиция. Раскопки и разведки 2013–2014 гг. Археологические работы в Таджикистане. Душанбе, 2019. Вып. XXXX. С. 252–266.

Филимонова Т.Г., Ахметзянов М.Р. Отчет об археологических работах в Бальджуанском районе (2012 г.) // Археологические работы в Таджикистане. Душанбе, 2016. Вып. XXXVIII. С. 315–316.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. Новосибирск, 2009. 293 с.

Цэвэндорж Д., Цэрэндагва Я., Эрдэнэ-Очир Н. Санамсаргуй хондогдсон нэгэн булшны тухай // Туухийн сэтгуул. 2003. Т. IV. F. 2. Т. 23–28.

Eisner J. Děvínská Nová Ves: Slovanské pohřebiště. Bratislava, 1952. 413 s.

Erdelyi I. Les anciens Hongrois et les ethnies voisines a l'Est. Budapest, 1977. 359 p.

Frigyes S. Avar kori temetők nagyvenyimről // Alba Regia. 2015. №43. P. 15–64.

Kenk R. Frühmittelalterliche Graber aus West-Tuva. München, 1982. 100 s.

Kovrig I., Garam E., Szabo J.G., Torok G. Avar finds in the Hungarian National Museum (Cemeteries of the Avar period). Budapest, 1975. 368 p.

A.A. Tishkin[1], T.G. Filimonova[2], V.V. Gorbunov[1], N.N. Seregin[1]

[1]Altai State University, Barnaul, Russia;
[2]A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography, Dushanbe, Tajikistan

SHOKHIDON – COLLAPSING NECROPOLIS OF THE EARLY MIDDLE AGES IN TAJIKISTAN

The study of the process of the interaction with settled population is an important aspect for the research of the life support system of early medieval nomads. This possibility was identified when studying the Shokhidon burial ground which is located in the Sari-Khosor village in the Baljuan district of the Khatlon region of the Republic of Tajikistan. This site is being destroyed due to the constant development of a clay quarry. Despite the fact that guarding excavations have been carried out there, the danger of destruction of an important historical and cultural object remains. In recent years, a large part of the hill has been torn down, where the burials of the early Middle Ages have been identified. In the course of this work, places of former excavations have already been affected. Some burials have been destroyed. This is evidenced by archaeological materials received in the village museum. The article presents the results of a survey of the site and preserved finds.

Key words: Tajikistan, Shokhidon, burial ground, nomads, earlier Middle Ages, museum, horse equipment, sword, ceramics.

УДК 902(571.150)

А.С. Федорук

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

НОВЫЕ НАХОДКИ КЛАДОИСКАТЕЛЕЙ С ТЕРРИТОРИИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ (по материалам сайта www.ReviewDetector.ru)

Свободный доступ населения к металлодетекторам в последние десятилетия привел к широкому распространению кладоискательства. В результате резко выросло количество случаев незаконного изъятия археологических предметов из культурного слоя памятников. Отсутствие реального контроля в сфере поиска и оборота археологических предметов и безнаказанность кладоискателей привели к утрате огромного массива важной для научного сообщества информации. В 2018 г. автор уже обращался к данной проблеме – тогда внимание было обращено на 14 бронзовых изделий (девять наконечников стрел, два кельта, кинжал, звено удил, долото) с форума кладоискателей www.ReviewDetector.ru. Более детальное знакомство с разделами форума в 2018–2019 гг. позволило обнаружить информацию еще о шести археологических предметах с территории Алтайского края. Это бронзовые наконечник дротика, фрагмент кинжала, кельт, отливка наконечника стрелы, бляха, наконечник ремня. Информация о большинстве этих предметов появилась в течение 2018 г. Таким образом, несмотря на ужесточение законодательства в области охраны культурного наследия, проблема остается –

отсутствие со стороны государственных структур реальной работы по борьбе с разграблением памятников археологии любителями металлопоиска привело к тому, что кладоискательство в крае продолжается, имеет место и продажа обнаруженных предметов через Интернет.

Ключевые слова: Алтайский край, археологические предметы, кладоискательство, эпоха бронзы, раннескифское время, средневековье.

Появление в свободном доступе металлодетекторов привело к широкому распространению кладоискательства в нашем регионе. Следствием этого стали многочисленные случаи обнаружения и незаконного изъятия из культурного слоя древних предметов. Судьба таких находок в большинстве случаев одна – стать частью личных коллекций любителей металлопоиска или быть проданными через специализированные сайты сети Интернет другим коллекционерам. Отсутствие реального контроля в этой сфере, безнаказанность кладоискателей привели к тому, что значительная доля находок, в том числе уникальные предметы, имеющие большую научную ценность, оказываются либо полностью утрачены для науки, либо теряют информацию о месте и условиях обнаружения и не известны научному сообществу. В таких условиях исследователям остается изучать не памятники и сами предметы, а содержимое сайтов кладоискателей в поисках информации о находках.

В 2018 г. автор уже обращался к материалам форума кладоискателей www.ReviewDetector.ru [Федорук, 2018]. Тогда внимание было обращено на 14 бронзовых изделий (девять наконечников стрел, два кельта, кинжал, звено удил, долото), опубликованных в одном из подразделов форума. Последующее более детальное знакомство с разделами сайта позволило обнаружить еще информацию об археологических предметах с территории Алтайского края. Кроме того за 2018 г. «ассортимент» находок на форуме пополнился серией изделий. Это заставляет вновь вернуться к данной тематике.

Наконечник дротика (рис.-*1*). Найден форумчанином «АИК» (тема «Наконечники стрел, дротиков, копий. Определение, коллекция, обсуждение» сообщение №6168 от 02.06.2018). Место находки не указано, вероятно, Алтайский край. Наконечник втульчатый, с широким листовидным пером и большими подовальными вырезами на лопастях, окаймленных выступающими валиками. Втулка короткая, в сечении круглая, как минимум с одним отверстием в нижней части втулки для крепления к древку. Судя по фото, длина наконечника составляет около 11,5 см, максимальная ширина лопастей – до 5 см, внешний диаметр по краю втулки – около 2,3 см. Сохранность предмета хорошая, патинирован. Аналогии известны в материалах памятников XII – 1-й половины VIII в. до н.э. степной и лесостепной полосы Евразии от Приднепровья и Причерноморья до Казахстана, Алтая и Енисея [Кузьминых, 1983, с. 95–101; Аванесова, 1991, с. 48; рис. 42.-9, 11, 12; Гришин, 1971, с. 19; Тихонов, 1960, с. 34–36; Кузьмина, 1966, с. 30–31; Трофимов, 2004,

с. 185, рис. 1]. С территории Алтайского края и Республики Алтай происходят два однотипных экземпляра – из с. Буканское Мамонтовского района и с. Чепош Чемальского района [Иванов, 2000, с. 15, рис. 2.-1; Абдулганеев, Кирюшин, Кадиков, 1982, рис. 6.-12; Грушин и др., 2009, с. 95–97, рис. 11.-2, 3].

Фрагмент кинжала (рис.-*2*). Найден форумчанином «АИК» (тема «Наконечники стрел, дротиков, копий. Определение, коллекция, обсуждение» сообщение №6169 от 02.06.2018). Место находки не указано, вероятно, Алтайский край. Опубликован на фото вместе с втульчатым двулопастным с прорезями наконечником дротика, что позволяет предполагать одно место находки данных предметов. Информация о размерах изделия отсутствует. Судя по фото, длина сохранившейся части изделия составляет около 15 см, в том числе черешка – около 6 см, ширина клинка – до 10 см. Имеется нервюра и так называемый *уступ с выкружками* при переходе черешка в клинок. Сохранность предмета хорошая, он патинирован. Изделие относится к широко распространенному типу кинжалов эпохи

Бронзовые изделия с форума кладоискателей www.ReviewDetector.ru

поздней бронзы, датирующихся в регионе в рамках XIII–VIII вв. до н.э. [Маргулан, 1979, с. 78, рис. 47; Кадырбаев, Курманкулов, 1992, рис. 30, с. 232; Папин, Ченских, Шамшин, 2000, с. 154, рис. 3–4; Кирюшин и др., 2002, с. 331–332, рис. 1.-3; Иванов, 2005, с. 71, рис. 1].

Кельт (рис.-*3*). Найден участником «АИК» (тема «Бронзовый топор. Определение и оценка» от 06.03.2018). Место находки не указано. Можно предположить, что находка также сделана в Алтайском крае. Информация о размерах изделия отсутствует. Судя по фото, длина составляет 7,5–7,6 см, ширина в районе втулки – 4,8 см, лезвийной части – до 5,2 см. Кельт имеет лобное ушко. В центральной части – сквозное отверстие подквадратной формы размерами примерно 3×2,8 мм. По боковым граням в районе втулки сохранились литейные швы. Сохранность изделия хорошая, оно покрыто равномерной патиной. Подобные кельты присутствуют в погребальных комплексах Барнаульского Приобья VII–V вв. до н.э. [Фролов, Шамшин, 1999, с. 223; Фролов, 2008, с. 110, рис. 72.-4; 82.-2; 137.-6]. В марте 2018 г. изделие было выставлено на продажу на внутреннем аукционе сайта (тема «КЕЛЬТ втульчатый топор, окончание 12.03.2018 22:00; закрыт» от 8.03.2018 раздела «Аукцион» – «Архив»).

Отливка втульчатого наконечника стрелы (рис.-*4*). Найдена участником «seregabarnaul» (тема «Наконечники стрел, дротиков, копий. Определение, коллекция, обсуждение» сообщение №6220 от 13.06.2018). Длина изделия – 6,5 см, глубина втулки – 3 см. Наконечник подтреугольной в плане формы с наибольшим расширением лопастей к краю втулки. Имеет скрытую (обрезанную) втулку и ромбовидное сечение. С одной стороны на втулке есть сквозной недолив – литейный брак. Предмет хорошей сохранности, покрыт патиной. Наиболее близок достаточно распространенному в Лесостепном Алтае в VIII–VI вв. до н.э. типу ромбических в плане и сечении наконечников стрел со скрытой втулкой [Иванов, 1993, с. 57, рис. 1.-4–6; Папин, Шамшин, 2005, с. 28, рис. 12.-27].

Бляха (рис.-*5*). Найдена участником «АИК» (тема «Голова волка. Помощь в определении» от 25.04.2016). Место находки – Алтайский край, «в поле». Размеры изделия 10,6×9,5 см. Очевидно, это нашивная бляха с орнито-зооантропоморфным изображением «птицевидного» идола с медвежьей (?) головой и человеческой личиной на груди. Изделие хорошей сохранности, покрыто ровной патиной. В верхней части имеет, очевидно, обломленные или недолитые при изготовлении ушки для крепления и просверленные отверстия под ними. В районе шеи идола, видимо, также присутствует литейный брак (недолив). По стилистике изображения и особенностям изготовления бляха находит многочисленные аналогии в материалах раннего железного века обширного региона от Приуралья до Оби [Могильников, 1964, рис. 2.-5; Грибова, 1975, с. 4, табл. I.-2, VI.-1]. Территориально наиболее близкие аналогии известны в серии культовых изделий саровского этапа кулайской культуры (I в. до н.э. – V в. н.э.) [Чиндина, 1984, с. 73–74].

Наконечник ремня (рис.-*б*). Найден участником «АИК» (темы «Бляшка? Накладка? В позолоте. Помощь в определении» от 07.04.2016; «Ременный наконечник в позолоте, Помощь в определении периода» от 08.03.2018). Место находки – Алтайский край. Судя по фото, размеры изделия 3,2×2,2 см. По верхнему краю имеется выемка, на внешней стороне – растительный орнамент с остатками позолоты. На внутренней стороне присутствуют три шпенька для крепления. Подобные бляхи-накладки с территории края В.В. Горбуновым [2009, с. 123–126] выделены в тип 7а и датированы грязновским этапом сросткинской культуры (2-я половина IX – 1-я половина X в. н.э.).

Подводя итог, можно констатировать, что проблема кладоискательства весьма актуальна для нашего края. Несмотря на ужесточение законодательства в области охраны культурного наследия, недостаточное внимание властных структур к проблеме разграбления памятников археологии любителями металлопоиска привело к процветанию кладоискательства. Более того, имеет место продажа обнаруженных археологических предметов через Интернет, что прямо нарушает п. 3 ст. 49 ФЗ №73 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», гласящий, что «объекты археологического наследия, а также все археологические предметы, залегающие на поверхности земли, в земле или под водой, находятся в государственной собственности, и попадает под ст. 7.15.1 КоАП РФ, предполагающую «наложение административного штрафа на граждан … с конфискацией археологических предметов…» за «совершение сделок с археологическими предметами в нарушение требований, установленных законодательством Российской Федерации».

Библиографический список

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 52–77.

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент, 1991. 200 с.

Грибова Л.С. Пермский звериный стиль (проблемы семантики). М., 1975. 148 с.

Гришин Ю.С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы // Свод археологических источников. М., 1971. Вып. В3-12. 108 с.

Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул, 2009. 160 с.

Горбунов В.В. Поясные бляхи-накладки сросткинской культуры // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2009. Вып. 5. С. 120–130.

Иванов Г.Е. Новые находки оружия раннего железного века в лесостепном Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 56–62.

Иванов Г.Е. Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района (к 220-летию с. Мамонтово). Барнаул, 2000. 160 с.

Иванов Г.Е. Бронзовый кинжал из с. Островного и некоторые вопросы развития военного дела населения саргаринско-алексеевской культуры // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2005. Вып. XIV. С. 66–72.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата, 1992. 248 с.

Кирюшин Ю.Ф., Косинцев П.А., Папин Д.В., Шамшин А.Б. Исследования Рублевского археологического микрорайона на юге Кулундинской степи в 2002 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2002. Т. VII. С. 330–335.

Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии // Свод археологических источников. М., 1966. Вып. В4-09. 152 с.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. М., 1983. 257 с.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979. 363 с.

Могильников В.А. Васюганский клад // Советская археология. 1964. Вып. 2. С. 227–231.

Папин Д.В., Ченских О.А., Шамшин А.Б. Материалы эпохи поздней бронзы из Южной Кулунды // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000. Вып. XI. С. 152–155.

Папин Д.В., Шамшин А.Б. Барнаульское Приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. Барнаул, 2005. 202 с.

Тихонов Б.Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1960. №90. С. 3–115.

Трофимов Ю.В. Копье из окрестностей деревни Красная Горка // Шестые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 2004. С. 182–185.

Федорук А.С. Находки бронзовых изделий с территории Алтайского края (по материалам сайта www.reviewdetector.ru) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2018. Вып. XXIV. С. 188–195.

Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул, 2008. 479 с.

Фролов Я.В., Шамшин А.Б. Могильники раннего железного века Фирсовского археологического микрорайона (Фирсово-III, XI, XIV) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 219–226.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск, 1984. 256 с.

A.S. Fedoruk

Altai State University, Barnaul, Russia

NEW ARTIFACTS OF TREASURE HUNTERS FROM THE TERRITORY OF THE ALTAI REGION (based on materials from www.ReviewDetector.ru)

Free public access to metal detectors in recent decades has led to widespread treasure hunting. As a result, the number of cases of illegal removal of archaeological objects from the cultural layer of sites has sharply increased. The lack of real control over the search and circulation of archaeological objects and the impunity of treasure hunters led to the loss of a vast array of important information for the scientific community. In 2018, the author has already addressed this problem – then attention was paid to 14 bronze items (nine arrowheads, two celts, a dagger, a link, and a chisel) from the treasure-hunters forum www.ReviewDetector.ru. A more detailed acquain-

tance with the sections of the forum in 2018–2019 allowed finding information about six more archaeological artifacts from the territory of the Altai Territory. They are a bronze dart tip, a fragment of a dagger, a celt, an arrowhead casting, a plaque, a belt tip. Information on most of these items appeared during 2018. Thus, despite the tightening of legislation in the field of protection of cultural heritage, the problem remains: the lack of real work by government agencies to combat the looting of archaeological sites by diggers has resulted in the fact that that treasure hunting in the region continues, and the sale of discovered objects via the Internet takes place.

Key words: Altai region, archaeological artifacts, treasure hunting, Bronze Age, Early Scythian time, Middle Ages.

УДК 903.57(571.150)

Я.В. Фролов, О.Г. Филиппова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
Алтайский государственный краеведческий музей, Барнаул, Россия

НЕКРОПОЛЬ ЭЛИТЫ ПОЗДНЕЙ ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ИВАНОВКА-I В ШЕЛАБОЛИХИНСКОМ РАЙОНЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ: ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Работа выполнена при частичной финансовой поддержке РФФИ (проект №19-49-220006 «Крупные курганы элиты древних и средневековых кочевников на территории Алтайского края как объекты экскурсионно-туристической деятельности: историко-археологические и естественно-научные исследования»)

Территории большинства курганных могильников в Алтайском крае интенсивно распахиваются. Данный фактор затрудняет изучение планиграфии и архитектуры некрополей, а также сохранение подобных памятников. Возникают серьезные проблемы при определении площади распаханных курганных могильников. Распашка снижает ценность этих памятников как объектов культурного туризма. Представленные проблемы продемонстрированы на примере одного из крупных некрополей в Шелаболихинском районе Алтайского края – памятника Ивановка-I. В ходе многолетних обследований памятника прослежена динамика разрушений на этом могильнике. Изучение космоснимков позволило выявить на памятнике более десяти не обнаруженных ранее курганов, насыпи которых почти полностью уничтожены распашкой. Одним из решений, способствующим сохранению могильников на пахотных полях, является разработка документации с учетом буферной зоны. Эта зона должна включать наиболее вероятные участки местоположения распаханных курганов и предполагать особый режим использования данной территории, предусматривающий необходимость работ по археологическому наблюдению при строительстве.

Ключевые слова: могильник, курган, Алтайский край, сохранение памятников.

Проблемы сохранения курганных некрополей на территории Алтайского края стали обсуждаться уже на первых конференциях, посвященных изучению культурного наследия Алтая: «Охрана и исполь-

зование археологических памятников Алтая» (1990 г.) и «Охрана и исследования археологических памятников Алтая» (1991 г.) [Кирюшин, 1990; Бородаев, 1991]. Спустя четверть века к моменту проведения очередной XXV конференции «Сохранение и изучение культурного наследия Алтая» ситуация с состоянием памятников этого типа в Алтайском крае только ухудшилась. Могильники продолжают распахиваться, и все больше земляных курганных насыпей исчезает на глазах. Оставшиеся нераспаханными в последние годы отдельные курганы подвержены постоянным разрушениям: это и опашка их краев, и активизировавшаяся жизнедеятельность норных животных. Именно в оставшихся единичных нераспаханных земляных курганных насыпях в настоящее время наиболее массово, спасаясь от работающей на полях техники, селятся норные животные. И чем меньше останется нетронутых насыпей, тем плотнее будет их заселение.

Степень разрушения памятников влияет на их изучение: интерпретацию данных по планиграфии некрополей и исследования их архитектуры (внешнего вида и устройства насыпей). Возникают серьезные проблемы в определении площади распаханных курганных могильников, одного из необходимых условий при составлении охранной документации.

Следует подчеркнуть, что курганные некрополи – это практически единственный для территории Лесостепного Алтая ресурс, позволяющий использовать древние памятники в сфере культурного туризма, без серьезных финансовых вложений. Только курганные могильники позволяют без специальных работ визуально осмотреть древние памятники. Постоянные новые разрушения на их площади, происходящие в результате периодической распашки, снижают их атрактивность и ценность как объектов культурного туризма.

Все вышеперечисленные проблемы можно продемонстрировать на примере одного из крупных некрополей в Шелаболихинском районе – памятника Ивановка-I (рис. 1–2). Этот объект хорошо знаком большинству археологов и многим жителям Алтайского края, потому что находится рядом с автомобильной трассой Барнаул–Камень-на-Оби. Три крупных нераспаханных кургана некрополя Ивановка-I хорошо видны с автодороги. Курган №1 данного могильника располагается в 25 м к югу от края трассы. Некрополь Ивановка-I – один из немногих археологических памятников в Алтайском крае, который находится в прямой видимости с оживленной автомагистрали и может легко использоваться в сфере культурного туризма, так как здесь до предела облегчена логистика – существуют хорошие подходы к частично сохранившимся объектам памятника. Большинство остальных курганов на этом могильнике распахано. Более детальное описание памятника позволит представить его современное состояние.

Памятник поставлен на государственную охрану под названием: «Ивановка-I, курганная группа». Он находится в Шелаболихинском районе Алтайского края, в 2,2 км к северу от с. Ивановка. Могильник располо-

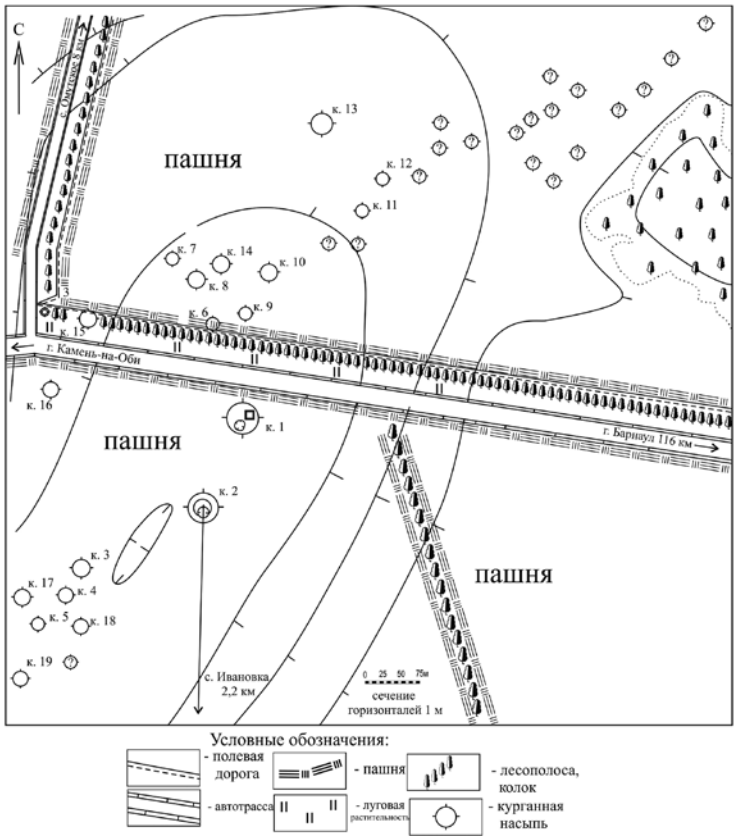


Рис. 1. План курганного могильника Ивановка-I

жен на ровном возвышенном участке в центре водораздела между р. Ермачихой и р. Кучук. Через центральную часть памятника с запада на восток проходит автотрасса Камень-на-Оби–Барнаул. Территория памятника используется как пашня. В ходе последнего обследования могильника при проведении мониторинга памятников в рамках работы НПЦ «Наследие» в 2009 г. в его составе зафиксировано 19 курганов, 16 из которых распаханы. Насыпи курганов №1–3 опахиваются и сохранились частично. В них имеются грабительские западины. Самый крупный из них – №1 – диаметром 40×43 м и высотой 2,5–3 м. В северо-восточной части насыпи кургана №1 размещается квадратная площадка триангуляционного пункта. Курган №2 – диаметром 35×22 м и высотой 1,2 м. Курган №3 –25×18 м. Остальные распаханные курганы имеют такие размеры: №4 – д. 20, в. 0,5; №5 – д. 17, в. 0,4; №6 – д. 18, в. 0,4; №7 – д. 20, в. 0,3; №8 – д. 24, в. 0,5;

№9 – д. 19, в. 0,4; №10 – д. 24, в. 0,5; №11 – д. 18, в. 0,4; №12 – д. 17, в. 0,3; №13 – д. 30, в. 0,7; №14 – д. 24, в. 0,5; №15 – д. 23, в. 0,3; №16 – д. 22, в. 0,3; №17 – д. 23, в. 0,3; №18 – д. 19, в. 0,4; №19 – д. 21, в. 0,4.

Достаточно долгая история изучения могильника Ивановка-I позволяет проследить процесс разрушения некрополя. Информация о памятнике впервые была зафиксирована С.И. Гуляевым во 2-й половине XIX в. По его сведениям, между деревнями Батурово и Мезенцево располагались 50 курганов, два из которых выделялись значительными размерами: 15 сажень (32 м) в диаметре и до четырех сажень (8,53 м) в высоту. В число этих курганов входил, по-видимому, и могильник, получивший в дальнейшем название Ивановка-I [Тишкина, 2009, с. 29].

В 1974 г. могильник обследовался В.А. Могильниковым и А.П. Уманским. В отчете В.А. Могильникова он значится под названием «Курганный могильник у д. Новоильинки» [Могильников, 1975, с. 71]. В учетных карточках на археологические памятники Алтайского края, хранящихся в Лаборатории исторического краеведения АлтГПУ, данный некрополь назван «Ново-Ильинка, курганный могильник №1» (Архив ЛИК АлтГПУ. Учетн. карт. арх. пам. Павловский р-н, б/н, л. 58). В.А. Могильниковым [1975, с. 71] в 1974 г. на площади могильника зафиксированы 15 курганов: 12 – к северу и 3 – к югу от дороги.

В 1985 г. памятник обследован А.Б. Шамшиным, в отчете которого он назван «Ивановка-I, курганная группа». Под этим же названием памятник был поставлен на государственную охрану. А.Б. Шамшиным [1985, с. 8–9] зафиксировано 13 курганов: 5 – к югу и 8 – к северу от автотрассы. Последний раз некрополь обследовали Я.В. Фролов и О.Г. Филиппова в 2009 г. в ходе мониторинга объектов археологии НПЦ «Наследие». В 2009 г. было зафиксировано 19 курганов, к обнаруженным предыдущими исследователями добавилась группа из 3 насыпей в южной и 3 курганов в западной частях некрополя.

В выявлении слабо читающихся в рельефе распаханных насыпей помогают космоснимки. Их анализ позволил выявить еще несколько курганных насыпей на памятнике, располагающихся как в северной, так и в южной частях могильника. Причем в северной группе в северо-восточной части памятника прослеживаются две длинные цепочки, ориентированные в направлении юго-запад–северо-восток и насчитывающие еще около 16 пятен, возможно, являющихся насыпями курганов. Также анализ космоснимков позволил выявить не читающийся в рельефе кольцевой ровик вокруг кургана №1. Его диаметр достигает 50 м.

В связи с новыми данными о составе памятника, полученными в ходе анализа космоснимков, установленные в 2009 г. предварительные границы некрополя следует уточнить.

По сути дела, практически на всех могильниках, где имеются распаханные курганные насыпи, границы, определяемые только по визуальным признакам (присутствию выделяющихся в рельефе насы-

Рис. 2. Фотографии курганного могильника Ивановка-I (2009 г.):
1 – курганы №1 и 2 (снято с севера); *2* – нора животного на кургане №1

пей курганов), являются условными, так как вероятность наличия уже полностью распаханных курганов очень высока. Данное обстоятельство касается большинства расположенных на пахотных полях курганных могильников в лесостепной и степной зоне Алтайского края.

Кроме трудностей в определении границ распаханных курганных групп, на примере могильника Ивановка-I, прослеживаются и другие факторы разрушения некрополей. Насыпи оставшихся нераспаханными курганов опахиваются и ежегодно разрушаются. Уменьшается их площадь, изменяется визуальный облик. В настоящее время насыпи курганов №1–3 могильника Ивановка-I имеют подовальную форму – полы курганов с се-

вера и юга в значительной степени срезаны по ходу основного направления распашки поля, на котором они находятся. Кроме того, курганы серьезно повреждены норами животных. На насыпи кургана №1 могильника Ивановка-I можно привести наглядный пример того, насколько разрушительна жизнедеятельность животных на земляных насыпях. Чаще всего барсуки и лисы селятся в центральной части кургана и копают норы в районе погребений, где сохраняется более рыхлый грунт. В случае с курганом №1 могильника Ивановка-I была зафиксирована очень крупная нора, разрушившая древние деревянные конструкции, имеющиеся внутри кургана. В 2009 г. в выкиде из этой норы обнаружены обожженные части деревянных погребальных конструкций, фрагменты керамики и костей.

В связи со всем вышесказанным, на мой взгляд, стоит разработать дополнительные рекомендации по определению границ курганных некрополей. В настоящее время границы подобных памятников определяются по существующим методикам в 25 м от фиксирующихся в рельефе объектов. В ходе этих работ необходимо учитывать наличие распаханных курганов, место расположения которых можно выявлять по космоснимкам, в ходе геофизических исследований и по ряду других признаков. Кроме того, для границ распахиваемых курганных некрополей необходимо предусмотреть буферную зону, включающую наиболее вероятные участки местоположения распаханных курганов, тянущиеся по гребням водоразделов, на которых чаще всего располагаются подобные некрополи на Приобском плато. Зона должна предполагать особый режим использования территорий и необходимость работ по археологическому наблюдению при строительстве.

Оставшихся нераспаханными курганов на могильниках в Лесостепном Алтае немного, в своем большинстве они хорошо известны и хотелось бы, чтобы у государственных органов, занимающихся охраной культурного наследия в Алтайском крае, появилась решимость остановить антропогенные разрушения хотя бы сохранившихся курганных насыпей. На самом деле это не такая уж и неразрешимая задача. Необходимо остановить распашку и опашку курганов и установить на них информационные знаки. Аргументы в пользу того, что знаки будут привлекать грабителей, неубедительны, потому что «черные копатели» без труда сами могут найти курганы в полях. Наличие знака в случае разрушения памятника позволит правоохранительным органам надлежащим образом наказать нарушителей.

Библиографический список

Бородаев В.Б. Курганы на полях: вывод из землепользования или плата за распашку? // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 8–12.

Кирюшин Ю.Ф. Охрана и исследования археологических памятников Алтая // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С. 3–5.

Могильников В.А. Отчет о работах в зоне строительства Кулундинского магистрального канала, Кулундинской и Бурлинской оросительных систем в 1974 г. // Научный архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. Д. 5954.

Тишкина Т.В. Археологические исследования на Алтае: 1860–1930-е гг.: дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2009. 349 с.

Шамшин А.Б. Отчет об археологических исследованиях Приобской археологической экспедиции летом 1985 г. в Алтайском крае // Научный архив МАЭА АлтГУ. №72.

Y.V. Frolov, O.G. Filippova

Altai State University, Barnaul, Russia;
Altai State Museum of Regional Studies, Barnaul, Russia

NECROPOLIS OF THE ELITE OF LATE ANCIENT PERIOD AND MIDDLE AGES IVANOVKA-I IN THE SHELABOLIKHINSKY DISTRICT OF THE ALTAI TERRITORY: PROBLEMS OF PRESERVATION AND USE

The territories of most of the kurgan necropolises in the Altai Territory are intensively plowed open. This factor makes it difficult to study the architecture of such burial grounds. There are serious problems in determining the boundaries of the kurgan groups when plowing their territory. Plowing reduces the value of these sites as objects of cultural tourism. The presented problems are demonstrated by the example of the Ivanovka-I burial ground. This site is located in Shelabolikhinsky district of the Altai Territory. During a long period of inspection of the site, the dynamics of its destruction has been traced. The study of space images allowed identifying more than 10 mounds on the sites. These objects have not been previously detected. Their mounds are almost completely destroyed by plowing. In order to keep the burial grounds on the arable fields, documentation should be developed with the consideration of the buffer zone. This zone should include the most probable areas of the location of the plowed up burial mounds and assume a special regime for the use of this territory which implies the need for archaeological observation during construction.

Key words: burial ground, mound, Altai Territory, preservation of sites.

УДК 903.2(4/5)1391.7

В. Хорват

Научно-исследовательский институт истории и культуры Венгрии, Будапешт, Венгрия

УКРАШЕНИЯ ИЗ ОРГАНИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ В КУЛЬТУРАХ ЕВРАЗИИ В IX–VII вв. до н.э.

В статье рассматриваются вопросы культурной и хронологической интерпретации костяных и клыковых бляшек, являющихся незаменимым индикатором, установленным в переходном периоде от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку. В результате анализа материалов выяснилось, что эти украшения возникли на основе культурных пластов позднебронзового века на юге Восточной Европы в X–VIII вв. до н.э. и за короткое время распространились на восток и запад евразийских степей в пределах VIII в. до н.э. Среди них не менее

важное место занимают уздечные наборы камер №1 и 26 комплекса Аржан-1, содержащие сложившиеся варианты бляшек уздечных ремней. Курган, по радиоуглеродным определениям, датируется в пределах IX–VIII вв. до н.э., однако переднеазиатские, восточноевропейские и центральноевропейские аналогии бляшек, которые относятся к середине – третьей четверти VIII в. до н.э., побуждают переоценить культурное и хронологическое определение этих украшений.

Ключевые слова: бабочко- и пуговицевидные бляшки, уздечные наборы, Аржан-1, черногоровская культура, междуречье Волги и Дона, Северный Кавказ.

Введение. В течение многодесятилетних исследований на востоке и западе Евразии зафиксирован ряд археологических памятников, относящихся к переходу эпохи поздней бронзы и раннему железному веку. Несмотря на широкомасштабные сведения и доступные публикации о материалах, отражающих культурное разнообразие по регионам, анализ их пока не доведен до конца. В настоящей статье автор дает исчерпывающую картину о не менее важных индикаторах, об украшениях из органических материалов (кости и клыка кабана), обратив особое внимание на вопросы о культурной и хронологической интерпретации изделий.

Вопросы культурной и хронологической интерпретации бляшек. Обнаруженные в камерах №1 и 26 кургана Аржан-1 бляшки по составу считаются единичными не только в закрытом археологическом контексте внутри комплекса, но и в центральноазиатской культурной сфере начала скифского времени (табл. 1–2). В монографии 1980 г. М.П. Грязнов искал аналогии аржанских бляшек среди причерноморских материалов VIII–VII вв. до н.э., указав на разновидность украшений. Однако он не обратил внимания на контекст соответствующих аналогий. В то же время дата кургана определена по радиоуглеродным анализам – 820±50 г. до н.э. [Грязнов, 1980, с. 54–55], которая подтверждена в дальнейшем анализами [Евразия в скифскую эпоху, 2005, с. 67–102; Зайцева и др., 2007, с. 646] и на которую археологи часто опираются. В 1983 г. ученый выделил аржано-черногоровскую фазу развития скифо-сибирских культур по восточноевропейским памятникам, в том числе по украшениям из органических материалов [Грязнов, 1983, с. 4–5]. По результатам естественно-научных анализов Аржана-1 Н.А. Боковенко [1995, с. 89] определил клыковые украшения кургана №17 могильника Баданка-IV немного более ранними, чем аржанские бляшки, при отсутствии резных орнаментов (табл. 3.-*I*). Д.Г. Савинов [2002, с. 39] назвал такие же бляшки аржанскими типами без всякого анализа предметов. В недавно раскопанном кургане №4 Елеке сазы в Восточном Казахстане также найдены предметы раннесакского времени [Ахметов, Самашев и др., 2019, с. 9–13], в том числе пуговицевидные бляшки из кости (табл. 3.-*VI*), однако исследователями эти материалы отнесены к середине IX в. до н.э.

Восточноевропейские украшения впервые собраны в археологическом контексте в монографии А.И. Тереножкина [1976, с. 37–99]. Затем О.Р. Дубовская систематизировала характеристики памятников черно-

горовской культуры. Выделила эльтонский, жирноклеевский, красногоровский и луганский комплекты из наборов черногоровского типа и отнесла их к всадническим комплексам Северо-Восточной зоны черногоровских комплексов. Однако исследовательница тщательно не проанализировала происхождение и развитие костяных и клыковых бляшек из Приднепровья и с территорий на восток от Днепра с учетом контекста изделий [Дубовская,

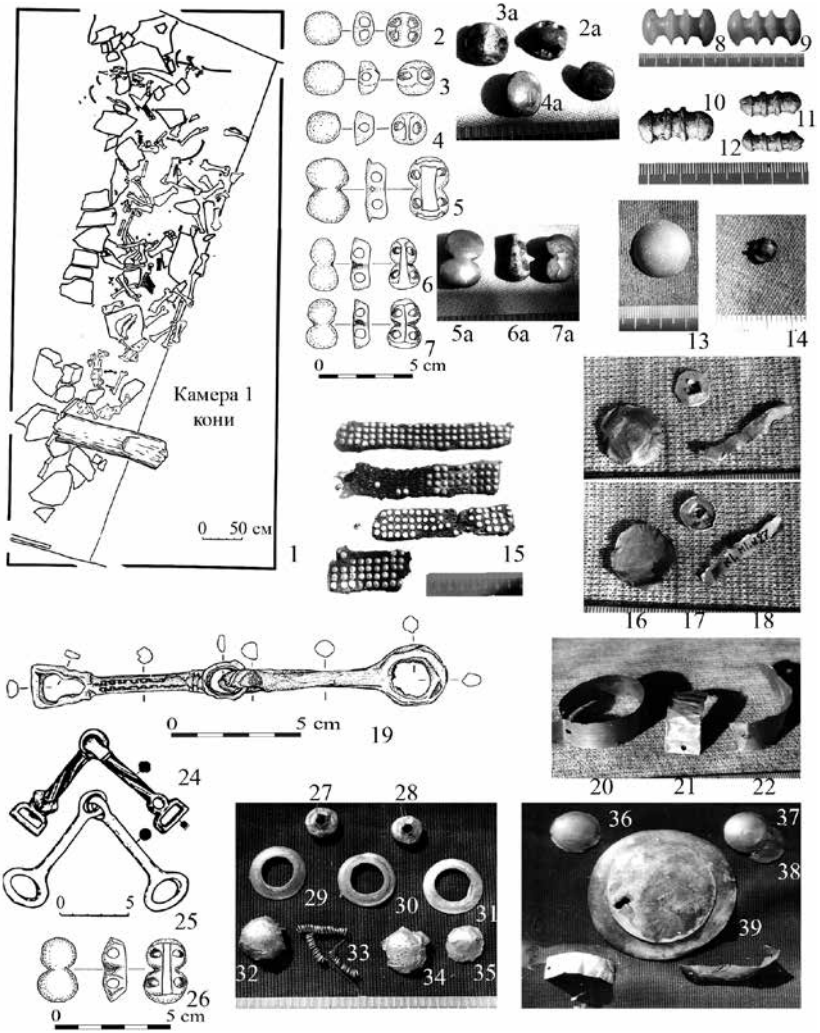


Табл. 1. Разрушенное захоронение лошадей, Аржан-1,
восточный сектор центральной камеры

1993, рис. 73; 1994, с. 24–25]. В то же время И.Г. Бабешко и В.В. Потапов при исследовании памятников могильника Красногоровка-III (табл. 3.-*VIII*) пришли к такому же выводу, что и О.Р. Дубовская. Причем авторы попытались определить функциональность украшений, отнеся их к уздечным наборам – по содержанию типа бляшек и присутствию конского снаряжения [Потапов, Бабешко, 1994, с. 125–128]. Хотя важно отметить, что ни в одном

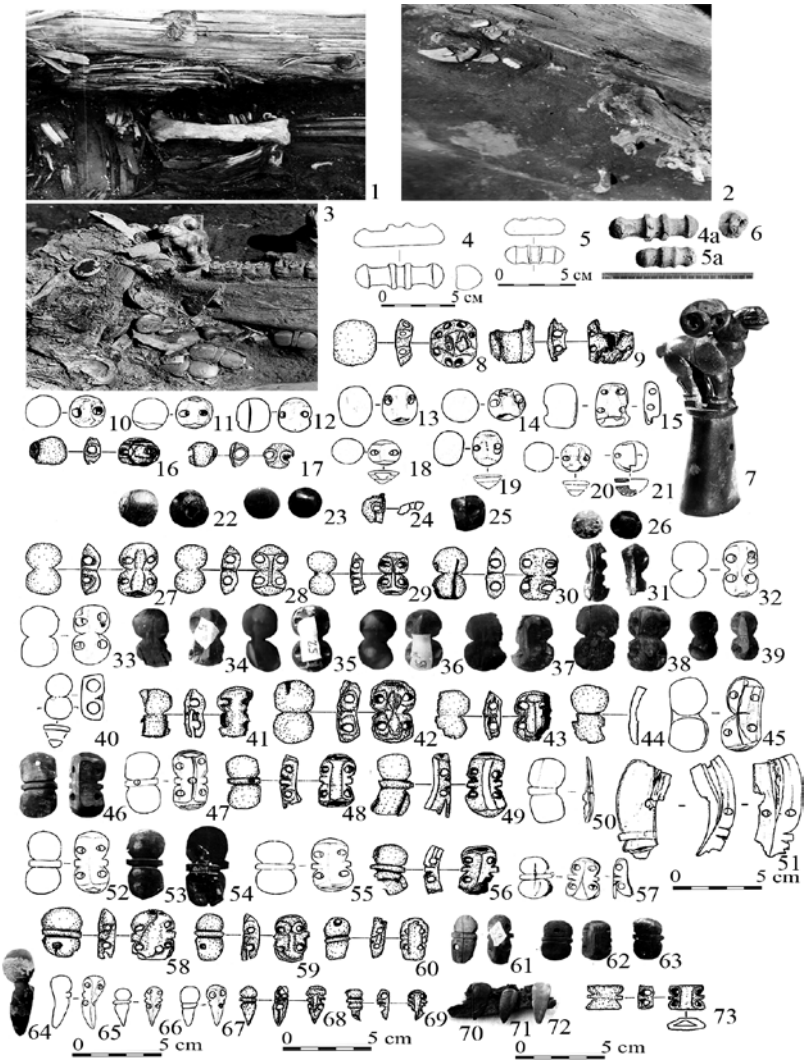


Табл. 2. Захоронение лошади в камерах №26а и 26б кургана Аржан-1

зафиксированном погребении не было захоронения лошади. Каждое погребение впускное, и большинство памятников разрушено.

Табл. 3. Комплекты предскифского и раннескифского времен Восточной, Центральной Европы и Центральной Азии, содержащие бляшки из кости и клыка кабана

В масштабной публикации С.Б. Вальчак, В.И. Мамонтов и А.А. Сазонов сделали классификацию и исследовали происхождение восточно- и центральноевропейских бляшек. Прототипы украшений они связывают с белозерской, позднечернолесской и синхронными им культурами юга Восточной Европы. Овальные бляшки с двумя отверстиями известны из Субботовского городища [Тереножкин, 1961, с. 101, рис. 67.-7–9; Гершкович, 2016, с. 127–128, рис. С19.-7–8], из пос. Сахарна [Тереножкин, 1976, рис. 62.-20]. Просверленные бляшки в виде треугольника и лунницы обнаружены во впускном погребении 1 кургана №5 могильника Подгорный позднесрубного времени в Волгоградской области и, в отличие от комплектов предскифского времени, найдены вместе с фрагментом нижней челюсти лошади [Вальчак, Мамонтов, Сазонов, 1996, с. 30–31]. Следует упомянуть шлемовидную фигурную бляшку из погребения 1 кургана №5 могильника Гордеевка-II, которая находилась здесь вместе с фрагментом костяного псалия и навершием железного ножа. По сведениям В.И. Клочко и С.С. Березанской, время погребения охватывает период Re BD-Ha B, XI в. до н.э. [Berezanskaja, Kločko, 1998, с. 19, 33], но К. Мецнер-Небельсик уточнила хронологию по статистическим анализам – X–VIII вв. до н.э. [Metzner-Nebelsick, 2005, с. 304–310]. Это совпадает и с датировкой овальной клыковой бляшки из пос. Славута, найденной вместе с лепной посудой, украшенной валиковыми орнаментами под венчиком, и железными однокольчатыми удилами с окончаниями в виде треугольников [Березанька, Прясецький, 1978, с. 52–54, рис. 6, 2]. Проанализировав морфологические характеристики бляшек, С.Б. Вальчак, В.И. Мамонтов и А.А. Сазонов [1996, с. 32] не предполагали такой долговременный разрыв между позднебронзовыми и черногоровскими формами. Эти археологи наблюдали за формированием и вхождением бляшек предскифского периода по развитию сопровождающих типов псалиев и удил.

Однокольчатые удила, как это заметили В.В. Потапов и И.Г. Бабешко [1994, с. 124–125], носят надкультурный характер, распространены они в евразийских степях и прилегающих регионах в IX–VII вв. до н.э. (табл. 3.-*VIII, X*). Костяные трехдырчатые псалии типов Веселая Долина (табл. 3.-*IX*) и Жирноклеевский-2 (табл. 3.-*VII*), по мнению ученых, считаются воплощением бронзового псалия типа Красная Деревня (табл. 3.-*X*), подтвердив гипотезу однонаправленного развития псалиев из кости и бронзы. Авторы объяснили свою точку зрения прекращением металлопроизводства и отсутствием связей с центрами металлообработки, которые постепенно могли быть нормализированы. По мнению ученых, к этому относится появление бронзовых псалиев в погребальных комплексах отдаленных регионов, где они не имели прототипов в предшествующих культурах [Вальчак, Мамонтов, Сазонов, 1996, с. 37–38; Вальчак, 2009, с. 65]. В отличие от концепции С.Б. Вальчака и соавторов, И.В. Бруяко [2017, с. 319–322] отрицал преемственность между псалиями типов Жирноклеевский-2, Веселая Долина и Красная

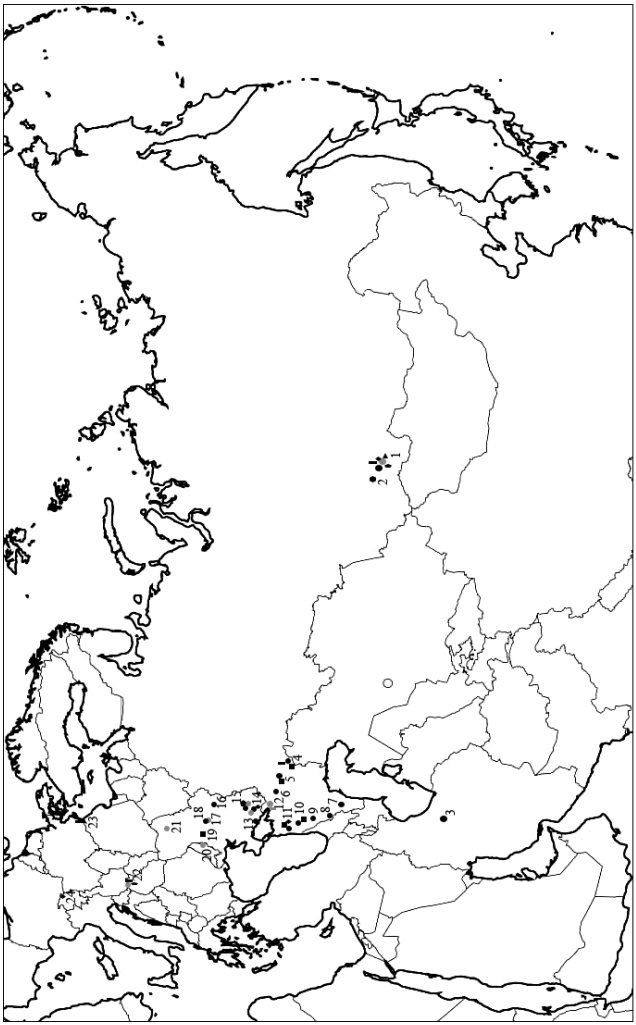
Деревня и считал эльтонские бронзовые псалии восточноевропейской репликой центральноазиатских образцов, определив их время по радиоуглеродной датировке Аржана-1 в пределах IX–VIII вв. до н.э.*

Среди бронзовых трехдырчатых псалиев С.Б. Вальчак, В.И. Мамонтов и А.А. Сазонов отметили бронзовые псалии из камеры №26 кургана Аржан-1, несмотря на то, что в комплексах предскифского времени Восточной Европы подобных псалиев в комплектах с украшениями из органических материалов не было найдено. Ученые относили время камеры №26 к развитому этапу черногоровской культуры, ко 2-й четверти – концу VIII в. до н.э. На этом основании предложена датировка эльтонского комплекта не позднее аржанских памятников [Вальчак, Мамонтов, Сазонов, 1996, с. 37–38].

В своем исследовании авторы изучали ход развития шлемовидных фигурных бляшек, в том числе изделий из органических материалов. Как и у вышепредставленных псалиев, здесь также прослежено однонаправленное технологическое развитие шлемовидных украшений из кости и бронзы [Вальчак, Мамонтов, Сазонов, 1996, с. 32–35]. Предыдущая форма такой бляшки известна из погребения 1 кургана №5 могильника Гордеевка-II, но варианты предскифского времени больше характерны для междуречья Волги и Дона и предгорий Северного Кавказа (табл. 3.-*VII, X, XI, XIV*; рис.). Примечательно, что этот тип бляшек вовсе не найден в центральноазиатских наборах, поэтому возникает вопрос о самостоятельном формировании уздечных наборов камер №1 и 26 кургана Аржан-1. Причем отсутствуют они и в переднеазиатских комплектах.

С.Б. Вальчак и соавторы, хотя подробно изучили большинство соответствующих материалов и публикаций относительно украшений из органических материалов, но не упомянули труд Х. Хюттела 1981 г. Немецкий исследователь считал бляшки из клыка кабана камеры №26 Аржана-1 уздечными украшениями, опираясь на датировку комплекса по ^{14}C (IX–VIII вв. до н.э.). Однако он заметил «опоздание» аржанских

* Стоит отметить, что трехдырчатые бронзовые псалии с изогнутым стержнем и грибовидным или ложковидным окончанием, кроме вышеуказанного псалия типа Красная Деревня, встречены еще на территории Центральной Европы, Средней Азии, предгорного Алтая (см.: [Szabó, Horváth и др., 2019, с. 84–87]), а также в Синьцзяне [Чугунов, 2017, с. 490–492, рис. 4, 8]. Судя по археологическому контексту аналогичных псалиев, ни один из этих комплектов не датирован ранее первой половины VIII в. до н.э. В рассуждениях И.В. Бруяко о бронзовых трехдырчатых псалиях типа Красная Деревня показываются некоторые нюансы в культурной и хронологической синхронизации алтайских, среднеазиатских и восточноевропейских памятников. Сначала он правильно относил алтайские параллели к семисартскому этапу бийкенской культуры (2-я половина VIII – 1-я половина VII в. до н.э.). Затем условно определил эльтонский комплект в пределах IX–VIII вв. до н.э., который совпадает с датировкой по анализам ^{14}C кургана Аржан-1, и адаптировал тот же промежуток времени «равно и на далекие азиатские (алтайские) аналогии» [Бруяко, 2017, с. 317, 319].



Распространение типов украшений, изготовленных из органических материалов

украшений уздечных ремней, по сравнению с восточноевропейскими экземплярами, выделив вопрос о происхождении и направлении распространения бляшек [Hüttel, 1981, с. 30–31, 42–43].

Ввиду этого, близкая морфологическая параллель тувинских бляшек из Меригена позднее датирована 2-й половиной VIII в. до н.э., а другая, найденная у Меллентина, определена не позже этого же столетия [Hüttel, 1981, с. 32–34]. Случайные экземпляры, хранящие в Венгрии, также относятся к этому периоду [Kemenczei, 1999/2000].

Хюттел предположил связи между аржанскими, восточноевропейскими и переднеазиатскими бляшками, в сечении которых поставил памятники погребения 15 могильника Сиалк Б. Там уздечные наборы содержали не менее трех типов бляшек, среди которых только одна пуговицевидная клыковая бляшка, просверленная два раза одним отверстием, считается тождественной изделиям камеры №26 Аржана-1. Другие трехкомпонентные и бабочковидные варианты закреплены бронзовым кольцом на задней стороне [Hüttel, 1981, Abb. 2.-5–6]. Причем после опубликования точек зрения С.Б. Вальчака и соавторов в 1996 г. Хюттел обследовал атрибуты псалиев черногоровского типа среди наборов погребения 15. В этом контексте ирано-переднеазиатское происхождение псалиев черногоровского типа однозначно исключено, и возникает вопрос о происхождении псалиев на востоке или на западе евразийских степей [Hüttel, 1981, с. 32–34].

Дата украшений аржанских уздечных ремней основывается частично на хронологии бляшек погребения 15 могильника Сиалк Б, которая оформлена преимущественно по изображениям рельефов и фрескам ассирийского дворца Саргона II в Дур-Шаррукине VIII–VII вв. до н.э. Однако Хюттел обратил внимание на датировку с чрезвычайной осторожностью из-за неточностей и нечеткостей в представлении уздечных принадлежностей [Hüttel, 1981, с. 35]. Поэтому нужно с некоторыми оговорками подходить к утверждению С.Б. Вальчака и соавторов [1996, с. 28] и Н.Ю. Смирнова [2012, с. 426–427], считающих, что бляшки украшали нагрудник лошади, использованный в колесничной упряжке.

Р.М. Боехмер и П. Калмейер датировали погребение №15 2-й половиной VIII в. до н.э., в точном интервале: 770/760–690/680 гг. до н.э. [Boehmer, 1965, с. 802–822; Calmeyer, 1969]. В этом пункте Хюттел согласился на синхронизацию датировки бляшек погребения №15 могильника Сиалк Б с бляшками камер №1 и 26 кургана Аржан-1, но не исключил, что украшения черногоровской культуры относятся к IX в. до н.э. [Hüttel, 1981, с. 35]. Таким образом, ученый считал короткое временное перекрытие между сиалковским и аржанскими бляшками. Учитывая хронологию Р.М. Боехмера и возможное степное происхождение псалиев черногоровского типа, появившихся чуть позже в комплексе Аржана-1, ученый пришел к выводу, что данный курган относится к 1-й половине – 3-й четверти VIII в. до н.э. [Hüttel, 1981, с. 41–42; см. Ман-

дельштам, 1992, с. 182; Молодин, 1998, с. 225; Шульга, 2005, с. 493–496; Horvath, 2018, с. 1226–1234]*.

Самыми поздними вариантами пуговицевидных украшений из органического материала, просверленных двумя большими отверстиями, считают бляшки, случайно найденные у с. Пруссы (ныне – Михайловка) Черкасской области [Ханенко Б.И., Ханенко В.Н., 1900, табл. LII. №534] (табл. 3.-*XIX*) и в заполнении землянки №3-12-1958/59 западного укрепления Бельского городища. В последнем случае фрагмент костяного трехдырчатого псалия, имеющего врезанный орнамент в виде копита, а также верхняя хронологическая граница костяных и клыковых бляшек относятся к концу VII – VI в. до н.э. [Шрамко, 1987, с. 43] (табл. 3.-*XX*).

Заключение. Проанализировав бляшки и вопросы об их культурной и хронологической интерпретации, можно сделать следующие выводы. Украшения из органических материалов широкомасштабно распространились по евразийской степи, в то же время количества комплексов недостаточно для репрезентативных анализов.

В восточноевропейских регионах наблюдается культурное разнообразие по сосуществованию множества типов уздечного набора в переходном периоде от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку. Было доказано, что черногоровские атрибуты сложились на позднесрубной основе, которые чуть позже распространились на восток [Вальчак,

* По материалам погребения №15 могильника Сиалк Б выделены бронзовые бабочковидные бляшки уздечного комплекта №1, обнаруженного *in situ* в последнем слое поселения Хасанлу-IV В. Важно отметить, что с самого начала возникали проблемы в интерпретации и датировке памятника. В своих публикациях К.В. Чугунов [2017, с. 492; 2018, с. 272] указал на сходство аржанских бабочковидных бляшек с украшениями уздечного ремня, найденного на пос. Хасанлу-IV В, и без всестороннего анализа и ссылки на сообщения материалов, «независимо от радиоуглеродных определений», датировал бляшки IX–VIII вв. до н.э. К.В. Чугунов ссылался на монографию А.И. Иванчика [2001, с. 214–216], в которой, хотя немного сомнительно, но также указал дату поселения – конец IX в. до н.э. Важно выделить, что А.И. Иванчик опирался на работы М. Сцауенсе, Р.Х. Дысона и О.В. Мускарелла [1988, №110], которые издали первоначальные сообщения о памятниках, полно сохранивших уздечные комплекты. Главным нюансом считается повторяющее заимствование датировки IX–VIII вв. до н.э., которое, на самом деле, основывается на опубликованных в 1972 г. итогах радиоуглеродных определений [Dyson, 1972]. Эти подробности совпадают с датой бронзовых бляшек, происходящих из Урартско-Маннского региона с конца IX в. до н.э., однако такие украшения появились в Ассирии только в середине VIII в. до н.э. [de Schauensee, Dyson 1983, с. 63–64]. Зато, к сожалению, не было подготовлено репрезентативной иллюстрации о структуре бронзовых бляшек, поэтому только по краткому описанию считается очевидным то, что на задней стороне бронзовых бляшек закреплено бронзовое кольцо [de Shauensee, 1989, с. 37–59, Fig. 6]. На основании этого можно предполагать, что бабочковидные украшения из Хасанлу-IV В больше связаны с бронзовыми бляшками погребения №15 могильника Сиалк Б и менее сходны с аржанскими клыковыми бляшками.

Мамонтов, Сазонов, 1996, с. 28–42]. Х.Г. Хюттел также считал, что комплекты камер №26 Аржан-1 относятся к развитой фазе украшений, указав на синхронность между комплектами погребения №15 могильника Сиалк Б и аржанскими материалами. Он, прежде всего, не исключил датировку бляшек черногоровской культуры IX в. до н.э. [Hüttel, 1981, с. 35–43]. Судя по этому взгляду, стоит переоценить появление и культурное место клыковой бляшки кургана №17 могильника Баданка-IV [Боковенко, 1995, с. 89; Бруяко, 2005, с. 118]. Н.Л. Членова [1997, с. 9], указав на сильные различия между аржанскими и чернороговскими клыковыми и костяными бляшками, отказалась от использования термина «аржано-черногоровский» и обозначила параллели аржанских предметов среди памятников предскифского и раннескифсого времени.

При анализе памятников возникают вопросы о технологической преемственности совпадающих уздечных деталей, которые включают в себя не только устаревшую концепцию однонаправленного технологического развития предметов из кости в бронзу [Вальчак, Мамонтов, Сазонов, 1996, с. 37–38], но и предполагают сосуществование костяных и бронзовых вариантов, даже использование этих материалов в результате изменения в приобретении сырья [Hüttel, 1981, с. 42; Бруяко, 2017, с. 319–322]. В дальнейшем стоит отдельно выделить развитие технологических атрибутов украшений, а также сам материал – клык кабана, имеющих единичное значение в духовной культуре населений эпохи поздней бронзы и начала раннего железа Восточной Европы, Передней Азии и Центральной Азии.

Табл. 1. Разрушенное захоронение лошадей, Аржан-1, восточный сектор центральной камеры: *1* – захоронение лошадей (научный архив ИА РАН, Р-1 №4833а/71 [Грязнов, 1973]); *2–7* – восьмеркообразные и пуговицевидные бляшки (Национальный музей Республики Тыва им. Алдан-Маадыр, КП 5479/26 кам. 1. №41, КП 5479/26 (1971 г.), КП 5479/25 кам. 1. №30 (1971 г.), КП 5479/25 кам. 1 (1971 г.). *Рисунки автора* (3а–7а – научный архив ИА РАН, Р-1 №4833а/121-122 [Грязнов, 1973]); *8–18, 20–22, 27–39* – уздечные детали (научный архив ИА РАН, Р-1 №4833а/111–115а, 115, 117–120 [Грязнов, 1973]); *19, 24–25* – бронзовые удила [19 – Horvath, 2018, Fig. 3A]; 24–25 – ФО НА ИИМК РАН, колл. О. 2928. отп. 2–3); *26* – восьмеркообразная бляшка из камеры №16 (?) (Национальный музей Республики Тыва им. Алдан-Маадыр, КП 6032/15 К16. №1). *Рисунок автора*

Табл. 2. Захоронение лошади в камерах №26а и 26б кургана Аржан-1: *1* – захоронение лошади в камере №26а (научный архив ИА РАН, Р-1 №5579а/51 [Грязнов, 1974]); *2–3* – остатки захоронений лошадей в камере №26б (научный архив ИА РАН, Р-1 №5579а/74–75 [Грязнов, 1974]); *4–7* – находки близ скелетов лошадей в камере №26б (Национальный музей Республики Тыва им. Алдан-Маадыр, КП 6032/50 К26 «б» №29 и 31. *Рисунки автора*; научный архив ИА РАН, Р-1 №5579а/89, 93 [Грязнов, 1974]); *8–73* – украшения уздечного ремня, вырезанные из клыка кабана

(8–9, 16–17, 24, 27–30, 41–44, 48–49, 56, 58–60, 68–69 – Национальный музей Республики Тыва им. Алдан-Маадыр, КП 6032/40 К26 «б» №42/8, №59/3, №42/4, №42/7, №59/1, №59/3, КП 6023/43 К26 «б» №43, КП 6032/41 К26 «б» №57/4, №57/3, КП 6032/40 К26 «б» №42/3, КП 6032/41 К26 «б» №42/6, №42/4, №42/5, №42/8, КП 6032/42 К26 «б» №42/14, №12, №42/15, №42/9, №32/2, №44, КП 6032/45 К26 «б» №34, №42/19, КП 6032/44 К26 «б» №43/7. *Рисунки автора*; 10–15, 18–21, 32–33, 40, 45, 47, 50–52, 55, 57, 65–67, 73 – Национальный музей Республики Тыва им. Адлан-Маадыр, КП 6032/40 К26 «б» №42/6, №57/2, КП 6032/41 К26 «б» №58/2, КП 6032/40 К26 «б» №42/6, КП 6032/39 К26 «б» №44/2, КП 6032/41 К26 «б» №57/1, К26 «б», КП 6032/40 К26 «б» №59/2, №42/7, №42/3, КП 6032/41 К26 «б» №47, КП 6032/40 К26 «б» №42/5, КП 6032/40 К26 «б» №44, №44/10, №42/10, КП 6032/38 К26 «б» №44/1, КП 6032/43 К26 «б» №43/3, КП 6032/42 К26 «б» №42/13, №42/11, КП 6032/43 К26 «б» №42/17, КП 6032/45 К26 «б» №42/22, КП 6032/46 К26 «б» №33. *Рисунки Н.А. Боковенко*; 22–23, 25–26, 31, 34–39, 46, 53–54, 61–64, 70–72 – научный архив ИА РАН, Р-1 №5579а/97–98, 101–109, 118 [Грязнов, 1974])

Табл. 3. Комплекты предскифского и раннескифского времен Восточной и Центральной Европы, Центральной Азии, содержащие бляшки из кости и клыка кабана: *I* – мог. Баданка-IV, К17 [Боковенко, 1995, рис. 2, рис. 4.-1–5]; *II* – Мериген [Hüttel, 1981, Abb. 1.-6]; *III* – Меллентин [Hüttel, 1981, Abb. 1.-8]; *IV* – Велемсентвид [Miske, 1907, V. tábla, 28–29, VII. tábla, 5; Kemenczei, 1999–2000, Abb. 3.-14–18; Махортых, 2003, рис. 24.-14–18]; *V* – Луганское, Стрижена Могила [Шаповалов, 1971, с. 192]; *VI* – Елеке сазы, к. №4 [Ахметов, Самашев и др., 2019, рис. 4]; *VII* – хут. Жирноклеевский, погр. 9 к. №6 [Смирнов, 1961, рис. 13.-3–11]; *VIII* – гр. Красногоровка-III, к. №12 [Потапов, Бабешко, 1994, рис. 1–2; Лукьяшко, 1999, рис. 38]; *IX* – Веселая Долина, погр. 2 [Татаринов, 1982, рис. 2]; *X* – Элтон, Красная Деревня, погр. 5 к. №7 [Лукашов, 1984, с. 158]; *XI* – мог. Николаевский, погр. 31 [Анфимов, 1961, табл. 3.-1, 3, 6]; *XII* – хут. Кузнецовский-II, погр. 2 к. №1 [Лукьяшко, 1999, рис. 68.-1–2]; *XIII* – мог. Приморский-I, погр. 5 к. №2 [Махортых, 2008, рис. 28.-11]; *XIV* – мог. Пшиш-I, погр. 93 [Сазонов, 1995, рис. 1]; *XV* – мог. Терезе, погр. 1 [Козенкова, 1982а, рис. 9]; *XVI* – мог. Терезе, погр. 2 [Козенкова, 1982а, рис. 5.-4, 6.-8]; *XVII* – мог. Зандакский, погр. 15 [Козенкова, 1982, XXIV.-12; Марковин, 2002]; *XVIII* – Пруссы [Ханенко Б.И., Ханенко В.Н., 1900, табл. LII.-№534]; *XIX* – мог. Верхний Кобан [Уварова, 1900, табл. XL.-10]; *XX* – Бельское городище, Западное укрепление, зольник №3–12–1958/59 [Шрамко, 1987, рис. 15.-9].

Распространение типов украшений, изготовленных из органических материалов: *1* – Аржан-1; *2* – мог. Баданка-IV, к. №17; *3* – мог. Елеке сазы, к. №4; *4* – мог. Сиалк Б, погр. 15; *5* – Элтон, Красная Деревня, погр. 5 к. №7; *6* – хут. Жирноклеевский, погр. 9 к. №6; *7* – мог. Кузнецовский-II, погр. 2 к. №1; *8* – мог. Зандакский, погр. 15; *9* – мог. Верхний Кобан; *10* – мог. Терезе, погр. 1–2; *11* – мог. Николаевский, погр. 31; *12* – мог. Пшиш-I, погр. 93;

13 – гр. Красногоровский-III, погр. 1 к. №12; *14* – мог. Приморский-I, погр. 5 к. №2; *15* – Луганское, Стрижена Могила; *16* – Веселая Долина, к. №1; *17* – Бельское городище; *18* – Субботовское городище; *19* – Пруссы; *20* – Гордеевка-II, погр. 1 к. №5; *21* – пос. Сахарна; *22* – пос. Славута; *23* – Велемсентвид; *24* – Меллентин; *25* – Мериген

Библиографический список

Анфимов Н.В. Протомеотский могильник с. Николаевского // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп, 1961. Т. II. С. 103–121.

Ахметов Д., Самашев З., Кариев Е., Чотбаев А., Онгар А., Умиткалиев У., Жунисханов А., Нускабай А., Рахманкулов Е., Каирмагамбетов А., Кызырханов М., Киясбек Г., Ерболатов С., Толегенов Е., Оралбай Е., Самашев С., Ахмадиев Ж., Құрманғалиев А., Мұсырманқұл П., Адельчанов Қ., Жармухаметов Д., Александров С., Боковенко Н.А., Большаков Д., Гасанов З., Ташагыл А., Кутлу М., Ергожа Л., Айткали А., Чобан Г., Флегонтов П., Подушкин А.Н. Культурное наследие саков и великих тюрков в Восточном Казахстане: вопросы комплексного изучения, сохранения и музеефикации // Алтай – золотая колыбель тюркского мира. АЛТАЙ – ТҮРКІ ӘЛЕМІНІҢ АЛТЫН БЕСІГІ / под ред. Д. Ахметова. Өскемен, 2019. С. 8–33.

Березанська С.С., Пясецький В.К. Зольники білогрудівського типу на р. Горині під Славутою // Археологія. 1978. №27. С. 48–55.

Боковенко Н.А. Новый памятник аржанского этапа в центре Азии // Археологические изыскания. 1995. №24. С. 85–90.

Бруяко И.В. Ранние кочевники в Европе в X–V вв. до Р.Х. Кишинев, 2005. 344 с.

Бруяко И.В. Коллекция псалиев предскифского времени из Картала // Stratum Plus. 2017. №3. С. 311–327.

Вальчак С.Б., Мамонтов В.И., Сазонов А.А. Ранние памятники черногоровского этапа в Восточной Европе: происхождение и хронология // Историко-археологический альманах. Армавир; М., 1996. №2. С. 23–45.

Вальчак С.Б. Конское снаряжение в первой трети I-го тыс. до н. э. на юге Восточной Европы. М., 292 с.

Гершкович Я.П. Субботовское городище. Киев, 2016. 509 с.

Грязнов М.П. Аржан. Фото и чертежи раскопок 1971–1972 гг. // Научный архив ИА РАН. Р-1. №4833а. 1973.

Грязнов М.П. Аржан. Фото и чертежи раскопок 1973 г. // Научный архив ИА РАН. Р-1. №5579а. 1974.

Грязнов М.П. Аржан – «царский» курган раннескифского времени. Л., 1980. 67 с.

Грязнов М.П. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1983. Вып. 12. С. 3–18.

Дубовская О.Р. Вопросы сложения инвентарного комплекса черногоровской культуры // Археологический альманах. Донецк, 1993. №2. С. 137–159.

Дубовская О.Р. Локальные зоны чернороговской культуры (по материалам скорченных погребений) // Российская археология. 1994. №2. С. 15–29.

Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб., 2005. 290 с.

Зайцева Г., Чугунов К.В., Алексеев А.Ю., Дергачев В.А., Васильев С.С., Семенцов А.А., Кук Г.Т., Скотт Е.М., Ван дер Плихт Х., Боковенко Н.А., Кулькова М.А., Бурова Н.Д., Лебедева Л.М., Юнгер Х., Соннинен Э. История и результаты радиоуглеродного датирования кургана Аржан // Радиоуглерод в археоло-

гических и палеоэкологических исследованиях. (мат. конф., посвящ. 50-летию радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН). СПб., 2007. С. 251–262.

Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. Kimmerier und Skythien. Степные народы Евразии. Steppenvölker Eurasiens. Band II. Hrsg.: H. Parzinger, A. Ivantschik. М.; Берлин, 2001. 324 с.

Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. Б2-5. М., 1982а. 200 с.

Козенкова В.И. Обряд кремации в кобанской культуре Кавказа // Советская археология. 1982б. №3. С. 14–34.

Лукашов А.В. Новый памятник VIII–VII вв. до н.э. в Заволжье // Древности Евразии в скифо-сарматское время / под ред. А.И. Мелюковой, М.Г. Мошковой, В.Г. Петренко. М., 1984. С. 157–161.

Лукьяшко С.И. Предскифский период на Нижнем Дону // Донские древности. Азов, 1999. Вып. 7. 240 с.

Мандельштам А.М. Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время / под ред. В.А. Рыбакова. М., 1992. С. 178–195.

Марковин В.И. Зандакский могильник эпохи раннего железа на р. Ярык-Су (Северо-Восточный Кавказ). М., 2002. 160 с.

Махортых С.В. Культурные контакты населения Северного Причерноморья и Центральной Европы в киммерийскую эпоху. Киев, 2003. 140 с.

Махортых С.В. Культура и история киммерийцев Северного Причерноморья: дис. … д-ра ист. наук. 07.00.04 – Археология. Киев, 2008. 582 с.

Молодин В.И. Рец. на кн.: Членова Н.Л. Центральная Азия и Скифы. 1. Датировки кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. М., 1997 // Российская археология. 1998. №4. С. 223–225.

Потапов В.В., Бабешко И.Г. Черногоровское всадническое погребение Красногоровка-III // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1992 г. Азов, 1994. Вып. 12. С. 118–132.

Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культурогенез. СПб., 2002. 204 с.

Сазонов А.А. Ранняя группа конских жертвоприношений протомеотского могильника Пшиш-I // Археология Адыгеи. Майкоп, 1995. С. 84–107.

Смирнов К.Ф. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей // Советская археология. 1961. №1. С. 46–72.

Смирнов Н.Ю. На чем ездил аржанский «царь»? // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб., 2012. С. 424–431.

Татаринов С.И. Раннескифское погребение из Приазовья // Советская археология. 1982. №1. С. 227–229.

Тереножкин А.И. Предскифский период на Днепровском правобережье. Киев, 1961. 250 с.

Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976. 219 с.

Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа: мат. археологии Кавказа. М., 1900. Вып. VIII. 381 с.

Ханенко Б.И., Ханенко В.Н. Древности Приднепровья. Эпохи предшествующие и Великого переселения народов. Ч. 2: Antiquités de la région du Dnepre. Époque antérieure á la grande émigration des peuples. Киев, 1900. Т. II. 63 с.

Членова Н.Л. Центральная Азия и скифы I. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. М., 1997. 98 с.

Чугунов К.В. Проблемы датирования азиатских материалов эпохи ранних кочевников и вопросы синхронизации их с древностями Восточной Европы // Старожитності раннього залізного віку. Археологія і давня історія України. Київ, 2017. Вип. 2 (23). С. 484–498.

Чугунов К.В. Трансконтинентальные связи Европы и Азии в предскифское время: старые проблемы и новые данные // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древностях и средневековье. XXX «Крупновские чтения»: мат. Междунар. науч. конф. Карачаевск, 2018. С. 272–276.

Шаповалов Т.А. Погребение предскифского времени в кургане Стрижена Могила // Археологические исследования на Украине в 1968 г. Киев, 1971. С. 191–193.

Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (г. Гелон). Киев, 1987. 182 с.

Шульга П.И. К вопросу об относительной хронологии кургана Аржан-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат. Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск, 2005. С. 493–497.

Berezanskaja S.S., Kločko V.I. Das Gräberfeld von Gordeevka. Archäologie in Eurasien 5. Radhen/Westfalia, 1998. 132 c.

Boehmer R.M. Zur Datierung der Nekropole B von Tepe Sialk // Archäologischer Anzeiger. 1. 1965. C. 802–822.

Calmeyer P. Datierbare Bronzen aus Luristan und Kirmanshah. Berlin, 1969. 202 c.

De Schauensee M. Horse Gear from Hasanlu // Expedition. 1989. №31. 2–3. C. 37–52.

De Schauensee M., Dyson R.H. Hasanlu Horse Trapping and Assyrian Reliefs // Essays on Near Eastern Art and Archaeology in Honor of Charles Kyrle Wilkinson. New York, 1983. C. 59–77.

Dyson R.H. Jr. The Hasanlu Project 1961–1967 // The Memorial Volume of the 5th International Congress of Iranian Art and Archaeology. Tehran, 1972. C. 39–58.

Horvath V. The Bronze Horse Bit from the Central Burial Chamber ot the Kurgan Arzhan-1 // Вестник СПбГУ. Сер.: История. 2018. Т. 63, вып. 4. С. 1221–1237.

Hüttel H.-G. Riemenbesätz vm Typ Aržan: Eine „kimmerische" Leitform // Beiträge zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie. München: C.H. Beck sche Verlagsbuch Handlung. Band 3. 1981. C. 29–44.

Kemenczei T. Zum früeisenzeitlichen Pferdegeschirr in Mitteleuropa // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 51. 1999/2000.

Metzner-Nebelsick C. Das bronzezeitliche Gräberfeld von Hordeevka am Südlichen Bug im Spannungsfeld seiner auswärtigen Bezüge // Interpretationsraum Bronzezeit. Hrsg.: Horejs B., Jung R., Kaiser E. Teržan B. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH. 2005. C. 293–315.

Miske K. A Velem Szt. Vidi őstelep. I. Wien, 1907. 87 c.

Muscarella O.W. Bronze and Iron. Ancient Near Eastern Artifacts in the Metropolitan Museum of Art. New York, 1988. 509 c.

Szabó G., Horváth V., Barkóczi P., Erdélyi Z., Juhász L., Gyöngyösi Sz. Keleti tárgyak vagy nyugati utánzatok? Újabb eredmények, kérdésfelvetések a Kr. e. 9–7. századi bronztárgyak archeometallurgiai vizsgálatainak tükrében. Eastern objects or western imitations? New results and questions raised in light of the archaeometallurgical investigations of bronze objects from the 9th–7th century B.C. // Archaeometriai Műhely. XV/2. 2018. C. 77–116.

Horvath Veronika

Research Institute of History and Culture of Hungary, Budapest, Hungary

DECORATIONS OF ORGANIC MATERIALS IN CULTURES OF EURASIA IN THE 9th – 7th CENTURIES BC

The article presents the issues of cultural and chronological interpretation of the bone and canine plaques, which are one of the most significant indicators set in the transition from the late Bronze Age to the Early Iron Age. As a result of the analysis of the materials, it was established that these decorations originated on the basis of the Late Bronze Age cultural layers in the south of Eastern Europe in the 9th–8th c. BC and in a short time spread to the east and west of the Eurasian steppes within the 8th c. BC. Among them, an important place is occupied by the bridle sets of chambers No.1 and 26 of the Arzhan-1 complex, containing the most developped variants of the plaques ornamented bridle. The date of the barrow was attributed by the radicarbon analyzes to the turn of the 9th–8th c. BC, however, the Middle Eastern, Eastern European and Central European analogies, relating to the middle – third quarter of the 8th c. BC, encourage to overestimate the cultural and chronological definition of these decorations.

Key words: butterfly and button-shaped plaques, bridle sets, Arzhan-1, Chernogorovka culture, interfluve of the Volga and Don rivers, North Caucasus.

УДК 72(571.150)

М.А. Целищева

Алтайская региональная краеведческая общественная организация «Наследие Алтая», Барнаул, Россия

ПАМЯТНИК ПРОМЫШЛЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ «БАРНАУЛЬСКИЙ КОЖЕВЕННЫЙ ЗАВОД» (конец XIX – начало XX в.): ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

Рассматривается краткая история появления на территории Сибири в конце XIX – начале XX в. таких промышленных объектов, как кожевенные заводы. Здания заводов значительно выделяются среди других построек дореволюционного периода своим объемом и архитектурным решением. Они являются образцами промышленной архитектуры и оказали значительное влияние на застройку городов Сибири в начале XX в. На основе архивных документов автор рассказывает о барнаульском кожевенном заводе.

Ключевые слова: промышленная архитектура, культурное наследие, памятник архитектуры, объекты культурного наследия.

В Алтайском горном округе до отмены крепостного права частной кожевенной промышленности практически не существовало. Первый кожевенный завод был открыт Казною в 1790 г. для выделки кож, употребляемых для горных водоотливных машин и снабжения мастеровых дешевой обувью, а также приемки кож от частных лиц для выделки за

определенную плату. Сыромятная кожа приобреталась от подрядчиков, доставлявших мясо в госпитали и заводы. Вместо дубовой употреблялась ивовая кора, заготовкой которой занимались отставные мастеровые за вознаграждение. На заводах изготавливались юфть, опоек, подошва, а также сыромять, но все это по качеству было хуже привозимого из Европейской России и с частных заводов Томска. В 1851 г. казенных кожевенных заводов на Алтае было пять [Гагемейстер, 1854, с. 484]. По данным исследования арендного хозяйства в Алтайском округе, проведенного С.П. Швецовым, в середине 90-х гг. XIX в. в городах и селениях Алтайского округа было уже 174 кожевенных заведения с 291 рабочим, годовая производительность которых составляла 128 тыс. руб., в том числе в Барнаульском округе работало 53 кожевенных предприятия с производительностью в 52 тыс. руб. в год [Материалы…, 1896, с. 166]. Кожевенная промышленность в Алтайской губернии в основном была мелкокустарной и только после 1900 г. к промышленному типу можно было отнести несколько кожевенных заводов в Барнауле, Бийске и Змеиногорске.

Барнаульский кожевенный завод был одним из старейших частных заводов в Алтайском округе. Основанный в середине XIX в. в удобном для производства месте на берегу Оби и вблизи города, путем нескольких перепродаж до 1893 г. он стал принадлежать купчихе Перецкой. Оборудован был пятью дубильными чанами при наличии 6–8 рабочих. Фактическая выработка его была не более 1800 крупных кож в год. В 1893 г. завод был приобретен барнаульским купцом П.Д. Суховым, после чего новый хозяин приступил к сносу прежних строений и возведению новых помещений для завода. Так, им было построено двухэтажное деревянное здание, где на первом этаже разместился завод, а на втором – сушильня, отделочная и сапожная мастерские. Оборудование завода заключалось в двух отмочных ларях (летом отмочка кож производилась в реке), пяти зольных и пятнадцати дубильных чанах (промывка зольных кож также производилась в реке), емкостью на 120 кож каждый [ГААК. Ф.Р. 119. Оп. 1. Д. 27. Л. 4]. При заводе имелось два дома: в одном жил управляющий заводом, в другом – дача владельца, в которой никто никогда не жил. Кроме того, были четыре избы для рабочих. Стоимость завода с имеющимися при нем службами владелец определял в 3000 руб., завод не был застрахован, все постройки были деревянные. Все заводчики кожевенных производств Барнаула покупали кожи на городском базаре, куда привозили их крестьяне из окрестных сел. Завод работал круглый год, лишь в летние месяцы на время страды несколько сокращал производство. Продолжительность рабочего дня на заводе была разной: зимой работали по 14 часов, летом – по 16 часов в сутки, с перерывом на обед соответственно на 1 и 2 часа. Летом работы начинались в 4 часа утра, зимой – в 6 часов, заканчивались в 8 часов вечера. Число рабочих, занятых обработкой кожи в квасильном и дубильном отделениях: зимой – до 10 человек, летом – 4–6 человек. Окончательную отделку кож получали

на заводе – изготавливали так называемый *гамбургский товар*. На заводе имелся мастер, приглашенный из Румынии, который занимался всей технической стороной производства. Он получал 300 руб. в год, пользовался квартирой и отоплением. На заводе, как и на других предприятиях, была большая текучка кадров, несмотря на то, что рабочие, занятые обработкой кожи, получали по 6–8 руб. в месяц и были на хозяйском содержании (одежда своя). Поштучно по 3 руб. с каждой кожи получал мастер-румын, выделывающий у Сухова гамбургский товар, – за эту плату он должен был окончательно отделать кожу и раскроить ее известным образом. При заводе была толчея для измельчения корья, употребляемого при дублении кожи, рабочие получали по 7–9 коп. с каждого пуда размельченного корья. На толчее одновременно работали двое взрослых и один подросток при четырех лошадях. В день перерабатывалось до 50 пудов коры.

При осмотре в 1890-х гг. статистическим отделением Главного управления Алтайского округа лучшего в округе кожевенного завода Сухова владелец дал объяснение, что если бы при заводе не было сапожной мастерской, где изготавливалась базарная обувь, то завод давал бы чистый убыток. Как побочные продукты при кожевенном производстве получали шерсть и клей. Продажа этих товаров составляла доходную статью завода. Выполнялась эта работа женщинами и подростками, нанимаемыми поденно по 15–25 коп. в день со своим содержанием. П.Д. Сухов сам вывозил шерсть в очищенном виде на Нижегородскую ярмарку [Материалы…, 1896, с. 168–176]. В 1903 г. Павел Дмитриевич Сухов построил здание для дубильного отделения с 16 дубильными чанами и с установкой паровой машины для обслуживания корьедробилки и промывного барабана. С таким оборудованием завод стал вырабатывать в год от 8 до 10 тыс. крупных кож. В это время на заводе работало 35 человек. В 1909 г. за свою продукцию завод получил две медали на сельскохозяйственных выставках: золотую – в Поневежье и серебряную – в Криворожье. Завод вырабатывал подошвенную, сыромятную и мерейную кожи; юфть черную гладкую и шагреневую, черную и цветную кяхтинскую; опойки, бараны и козлины, черные и цветные; вытяжки и голенища сапожные разных сортов и размеров, принимал заказы на выделку кожевенных товаров, производил покупку сырья. Из полученного фабриката особенный сбыт имели кяхта для китайцев, чирочная кожа и выросток для местных крестьян. В Барнауле у П.Д. Сухова имелись две лавки и один оптовый магазин, где продавались кожи с его завода. Одна из лавок находилась на базарной площади в своем доме (ул. М. Тобольская), отделение было в Камне в доме Чистякова на Большой улице. В 1916 г. П.Д. Сухов построил новый деревянный корпус. А в 1917 г. барнаульский купец продал Товариществу «Алтайский Союз кооперативов» деревянный в два этажа кожевенный завод со всем оборудованием, с вновь выстроенным зданием в два этажа и всеми имеющимися постройками, находящийся в 5-м участке г. Барнаула под Большим Гляденом. Предприятие распола-

галось на арендованной земле у Главного управления Алтайского округа по договору от 5 сентября 1900 г. и на момент продажи принадлежало барнаульскому городскому обществу. Завод был продан за 52,5 тыс. руб. [ГААК. Ф.Р. 216. Оп. 1. Д. 1724. Л. 4].

Новый собственник приступил в том же году к оборудованию заводского корпуса, было установлено 30 дубильных чанов, 6 ларей, 5 подпольных бетонных чанов, начаты работы по установке 5 дубильных барабанов. В 1918 г. планировалось строительство большого кирпичного здания кожевенного завода с расчетом, чтобы была возможность выработки в нем до 120 тыс. крупных кож в год. Первый этаж здания с железобетонными потолками был закончен в том же году, работы по достройке здания продолжались в 1919 г. После оборудования новых помещений с устройством раскройно-посадочной и пошивочной мастерской производительность завода резко поднялась: с 10 тыс. до 24,5 тыс. крупных кож в год. Производственных рабочих на заводе было уже 50 человек и во вспомогательных мастерских работало до 180 человек [ГААК. Ф.Р. 119. Оп. 1. Д. 27. Л. 4об.]. Полное название предприятия в этот период – «Барнаульский кожевенный завод им. Аксенова». В 1920 г. государственные кожевенные заводы, работавшие под контролем и по заказу губернского Совнархоза, выделывали до 120 тыс. штук кожи и на складах имелось дополнительно невыделанного сырья до 300 тыс. кож. Вся продукция, вырабатываемая кожевенными заводами, приобреталась местным населением.

Крупных заводов в Сибири, кроме Алтайской губернии, было только два: в Иркутске – с производительностью до 5 тыс. кож в месяц и в Омске – с производительностью до 8 тыс. кож в месяц. В апреле–мае 1922 г. были обследованы условия труда, быта и медицинское обследование подростков и малолетних, занятых на промышленных предприятиях Алтайской губернии. На барнаульском кожевенном заводе работало 76 подростков, в том числе 55 мужского и 21 женского пола. Из них 15 человек (м.) от 14–15 лет, 28 (м.) и 16 (ж.) подростков от 16–17 лет, 12 (м.) и 5 (ж.) 18-летних. На 1 июля 1922 г. на государственном кожевенном заводе Алтайгубсовнархоза работало 420 рабочих и 27 служащих, предприятие занималось выделкой кож и пошивкой обуви. В составленных списках промышленных предприятий Алтайской губернии на 1922/23 хозяйственный год числился и барнаульский государственный кожевенный завод (владелец «Кожтрест»), главные предметы производства – выделка кож и шитье обуви, численность работников на 1 октября 1922 г. – 266 рабочих и 31 служащий, на 1 октября 1923 г. соответственно – 266/27. За 1922–1923 гг. было обработано кож разных 138 378 штук, отделано кож 27 464 штук [Алтайский ежегодник…, 1924, с. 277, 282].

На основании декрета СНК от 17 июля 1923 г. «О местных трестах» в Новосибирске создается Западно-Сибирский краевой трест кожевенной промышленности «Запсибкожтрест» Наркомата легкой промышленности СССР. «Сибкожтрест» находился в непосредственном ведении Сиб-

крайсовнархоза. Несмотря на неблагоприятную обстановку – отсутствие необходимых мастеров, припасов и др., барнаульский завод достраивал помещения и приобретал оборудование по намеченному плану, и параллельно с этим проводились работы по улучшению и расширению производства. Прибыль за 1923–1924 г. составила 58246,59 руб. [Отчет…, 1925, с. 156]. В 1925 г. намеченная годовая производственная программа по выработке до 80 тыс. крупных кож была выполнена [ГААК. Ф.Р. 119. Оп. 1. Д. 27. Л. 5]. Значительному росту способствовали наличие сырья и материалов и близость непосредственного потребителя – крестьянства. До 15 января 1925 г. завод принадлежал Алтайскому губернскому совету народного хозяйства (Алтгубсовнархоз). В январе 1925 г. он был куплен Алтайским губернским исполкомом и передан в ведение Алтайского губернского отдела местного хозяйства (АлтГОМХ). Полное название предприятия на данный период – «Кожевенный завод им. Аксенова». Предприятие находилось по адресу: Барнаул, рабочий поселок «Ильича» (быв. Большой Гляден), форма управления – единоличная (директор завода). Основание – приказ отдела местного хозяйства. Годом основания завода считался 1918. Площадь предприятия составляла 13 800 кв. саж. (62 850,35 кв. м) [ГААК. Ф.Р. 119. Оп. 1. Д. 27. Л. 21, 26].

В 1925 г. на заводе работало 370 человек, из них 106 рабочих основного, 133 – вспомогательного производства, 39 – подсобных, 25 хозяйственных рабочих, 30 – младший обслуживающий персонал [ГААК. Ф.Р. 119. Оп. 1. Д. 27. Л. 31]. Все цеха имели силовые установки: 1 локомобиль фирмы «Ланц», 1 локомобиль мальцевского завода, 2 динамо-машины, 6 электромоторов. Оборудование на заводе в данный момент было следующее: 18 отмочных, 26 зольных, 2 промывных, 2 кисельных чанов, 12 гашпилей, 6 ларей нажорных, 56 чанов дубильных, 5 барабанов дубильных, 1 барабан мелкий и 3 промывных, 2 шерстомойки, 1 лощильный станок и 2 подошвопрокатных станка [ГААК. Ф.Р. 119. Оп. 1. Д. 27. Л. 6–6об.]. В 1926/27 г. на заводе запланировали достроить производственные помещения и закупить необходимое оборудование. В плане на четвертый год пятилетки (1927/28) – достройка завода, покупка 8 дубильных барабанов, 2 жировальных барабанов и 2 промывных барабанов. В 1928/29 г. была запланирована достройка завода, приобретение оборудования паровой клееварки, постройка ремонтной мастерской, устройство фильтра и др. [ГААК. Ф.Р. 119. Оп. 1. Д. 27. Л. 2, 6 об.–7]. Для пополнения кадров квалифицированными рабочими на заводе в разных цехах обучались подростки, которые ежегодно отправлялись на курсы обучения кожевенному делу. При заводе имелись клуб с киноаппаратом, библиотека и читальня, ясли и детский сад [ГААК. Ф.Р. 119. Оп. 1. Д. 27. Л. 12 об., 15–16].

6 ноября 1926 г. был составлен акт по осмотру кожевенного завода №2 на пос. Ильича «Сибкожтреста». В акте было отмечено, что в отмочном отделении дверь пришла в негодность, во многих цехах не застеклены окна, из-за чего в помещениях холодно. В дубильном от-

делении стены загрязнены краской, в посадочном отделении недостает баков для хранения питьевой воды, вытяжной вентиляции в посадочном цехе недостаточно, в кухне общежития над плитой нет вытяжной трубы [ГААК. Ф.Р. 119. Оп. 1. Д. 85. Л. 10].

Предприятия краевого значения, находящиеся в подчинении Сибирского треста (такие как барнаульский кожевенный завод), свою продукцию сбывали через управления трестов. Дефицит кожтоваров в 1925–1926 гг. на местном рынке свидетельствовал о том, что значительная часть товаров вывозилась за пределы Сибирского округа. Из оборудования в этот период на предприятии не доставало машин для посадочно-отделочной мастерской, а также завод не имел соковарки и экстрактоварки, необходимых для выработки мягкого товара местными дубителями (ивовое сырье) [Барнаульский округ, 1927, с. 272–275]. В 1927 г. кожевенный завод представлял современное механизированное предприятие с мощностью до 150 тыс. крупных кож в год [ГААК. Ф.Р. 119. Оп. 1. Д. 85. Л. 43, 63]. Особая зависимость кожевенного производства от импортных дубителей (экстракт и прочие экстрактовые материалы), необходимых для выработки кож, побуждала в это время изыскивать меры к использованию местных дубителей. С этой целью при заводах Сибири были оборудованы специальные соковаренные отделения для выварки соков из местных дубителей. К числу местных дубителей, имеющих широкое применение в кожевенном производстве, относились ива, ель, лиственница и бадан. Государственный кожевенный завод №2 им. тов. Аксенова, «Сибкожтреста» в Барнауле (пос. Ильича) в 1928–1929 гг. переработал 225,9 тыс. крупных кож, на предприятии работало 435 человек. Пропускная способность завода составляла в данный период до 300 тыс. крупных кож в год [ГААК. Ф.Р. 333. Оп. 1. Д. 15. Л. 251].

К началу 1930-х гг. назрела необходимость коренного реформирования всей системы руководства промышленностью. В январе 1932 г. ЦИК принял постановление о перестройке управления промышленностью, в соответствии с которым вместо ВСНХ СССР создавались три отраслевых промышленных Наркомата СССР: тяжелой, легкой и лесной промышленности. 10 марта 1932 г. постановление СНК СССР определило состав отраслей промышленности, передаваемых в ведение Наркомата легкой промышленности, в том числе кожевенно-обувную промышленность. В результате преобразования совнархозов в соответствующие управления легкой промышленности в апреле 1932 г. в системе Западно-Сибирского крайисполкома было образовано краевое управление легкой промышленности, в подчинение которого перешел организованный в 1923 г. «Запсибкожтрест». Из годового отчета Государственного кожевенного завода №2 «Запсибкожтреста» за 1932 г. мы можем узнать, что оценка имущества на 1 января 1932 г. составила 1 699,1 тыс. руб., а на 1 января 1933 г. – 1 741,3 тыс. руб., на капитальный ремонт зданий и сооружений за год было направлено 22 424,53 руб. Из-за недостатка топлива в течение года, особенно в 1-м

и 4-м кварталах, а также ивового корья, нехватки рабочей силы и перебоев в снабжении производственным материалом план за 1932 г. был выполнен только на 84,8% [ГААК. Ф.Р. 119. Оп. 1а. Д. 39. Л. 1, 3, 39, 47, 50, 79]. В 1935 г. на заседании объединенного Пленума Барнаульского горсовета и горкома партии был заслушан отчет Краснознаменного кожевенного завода. Годовой план предприятие выполнило досрочно к 5 ноября 1935 г., выдав продукции сверх плана на 800 тыс. руб. В области культурно-бытовых мероприятий завод в 1935 г. добился значительных достижений: построил двухэтажный жилой дом для рабочих; отремонтировал рабочие квартиры; сдал в эксплуатацию три цеха и заканчивал строительство еще двух цехов; проведен водопровод в дома рабочих; были установлены звуковое кино и паровое отопление в клубе и др. На улучшение питания рабочих и служащих администрацией было отпущено 37,0 тыс. руб. Рабочие и служащие имели в индивидуальном пользовании 176 коров, 60 свиней. 43% рабочих и служащих работали на заводе более 10 лет [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 1а. Д. 7. Л. 66]. Общая жилая площадь, принадлежащая заводу по состоянию на 1 июля 1937 г., составила более 2000 кв. м, дополнительно на балансе предприятия числились больница, ясли, детсад, магазин, клуб и др. [ГААК. Ф.Р. 119. Оп. 1а. Д. 1. Л. 87–88]. Но, несмотря на заботу о рабочих, из-за тяжелых условий труда была большая текучка кадров. Так, в 1936 г. за год было принято 196 человек, а уволено за данный период 183 человека [ГААК. Ф.Р. 119. Оп. 1а. Д. 1. Л. 34]. В 1937 г. на заводе было развернуто стахановское движение. Так, на 20 июня 1937 г. в стахановском движении участвовало 215 человек, ударников было 66 человек, среднее выполнение норм стахановцами – 109%. Основной продукцией предприятия являлись юфим яловая, мостовье конское, мостовье свиная, юфть свиная черная, сыромять яловая и др. За 1937 г. завод выполнил план по валовой продукции на 110,2% к 1936 г., но качество продукции почти по всем видам снизилось [ГААК. Ф.Р. 119. Оп. 1а. Д. 44. Л. 1, 37].

В конце 1937 г. в связи с разделением Западно-Сибирского края на Новосибирскую область и Алтайский край «Запсибкожтрест» ликвидировали. Входившие в его состав барнаульский кожевенный и овчинно-шубный заводы, новосибирский кожевенный завод выделились из состава треста на правах автономных предприятий. 29 июля 1938 г. на заседании Президиума Барнаульского городского Совета был заслушан вопрос о реконструкции кожевенного завода. Депутаты рекомендовали при проведении реконструкции запроектировать усиление строящейся электростанции кожзавода до потребительской мощности. Необходимо было включить в первоочередное строительство подъездные пути [ГААК. Ф.Р. 119. Оп. 1а. Д. 3. Л. 4–6, 8, 12]. В 1939 г. завод работал в три смены [ГААК. Ф.Р. 119. Оп. 1а. Д. 3. Л. 145, 174].

Алтайский край внес значительный вклад в победу советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Война потребовала перестройки работы всего хозяйства региона [Целищева, 2017, с. 190].

В годы Великой Отечественной войны барнаульский кожевенный завод в основном выпускал продукцию для армии. В 1942 г. план по выпуску продукции был выполнен лишь на 80,6%, численность работников предприятия составила 389 человек. В этом же году было построено овощехранилище, землянки для эвакуированных рабочих, а также провели капитальный ремонт в здании общежития для инженерно-технических работников, началась реконструкция завода [ГААК. Ф.Р. 119. Оп. 1а. Д. 17. Л. 3, 17, 33]. В конце 1949 г. на заводе сменился директор. При передаче от бывшего директора Н.И. Чеснокова новому директору Госкожзавода А.И. Будинову был составлен передаточный акт от 30 октября 1949 г. [ГААК. Ф.Р. 119. Оп. 2. Д. 43. Л. 245–246]. Государственный план за 9 месяцев 1949 г. по выпуску готовой продукции был выполнен лишь на 95,1%, в основном из-за отсутствия сырья на складах завода «Главкожшерстьсырье» [ГААК. Ф.Р. 119. Оп. 2. Д. 43. Л. 246об.].

В 1951 г. завод подчинялся «Союзглавкож», а в 1953 г. предприятие называлось «Барнаульский кожевенный завод «Главкож» Министерства легкой промышленности СССР» [ГААК. Ф.Р. 119. Оп. 2. Д. 43. Л. 111, 189]. В 1950–1960-е гг. была произведена реконструкция завода, механизирован труд в основных цехах. В ноябре 1953 г. опять сменился руководитель предприятия. Новым директором Барнаульского госкожзавода Министерства промышленных товаров широкого потребления СССР был назначен А.М. Омельянович. В это время на территории завода была проложена железнодорожная узкоколейка протяженностью 1,6 км, которая соединяла главный корпус, дубильный цех, склад химикатов и котельную [ГААК. Ф.Р. 119. Оп. 2. Д. 58. Л. 2, 3–4, 8]. На 1 ноября 1953 г. на заводе работало 585 человек, в том числе 273 женщины и 53 инженерно-технических работника [ГААК. Ф.Р. 119. Оп. 2. Д. 58. Л. 11–12, 14]. За 1954 г. план по валовой продукции заводом был выполнен только на 81,55% [ГААК. Ф.Р. 119. Оп. 2. Д. 43. Л. 2, 26]. В январе 1956 г. от А.М. Омельяновича предприятие перешло к вновь назначенному директору Барнаульского кожевенного завода Управления легкой промышленности Алтайского края Министерства легкой промышленности РСФСР А.Н. Банникову. В передаточном акте было отмечено, что в основном все заводские здания были в удовлетворительном состоянии. Дополнительно на балансе завода числились 28 жилых одно- и двухэтажных домов, баня, гараж и др. [ГААК. Ф.Р. 119. Оп. 2. Д. 63. Л. 50–53].

На 1 января 1956 г. на заводе работало 536 человек, в том числе 250 женщин, 51 служащий. За 1955 г. было принято 87 человек, а уволилось 124 человека [ГААК. Ф.Р. 119. Оп. 2. Д. 63. Л. 57, 59, 62]. В 1960 г. на заводе под руководством директора А.Н. Банникова были построены новая кузница и будка под скважину, запланировали построить очистные сооружения, приобрести новое оборудование [ГААК. Ф.Р. 119. Оп. 2. Д. 90. Л. 1, 43]. В этот период на предприятии числилось 511 человек, оно находилось по адресу: г. Барнаул, ул. Ленинская, 130 [ГААК. Ф.Р. 119. Оп. 2.

Д. 82. Л. 42, 85–86]. В 1965 г. на заводе было построено новое здание проходной и отдела кадров, в 1968 г. – первичный отстойник и канализация насосная №2, позже канализация насосная №1, в 1971 г. – конюшня. Структура завода в 1972–1973 гг. (директор И.Г. Фролов) включала в себя 10 отделов. В 1980 г. на заводе работало 409 человек, директором был В.П. Зубарев. В 1990 г. на предприятии было произведено 30,6 млн кв. дм юфти. За счет внедрения современных технологий и оборудования производственный цикл обработки кож был сокращен со 180 до 14 дней при улучшении качества продукции. Были освоены дубление шорно-седельной юфти синтетическими дубителями, выпуск одежного хрома. В 1992 г. полное название предприятия – «Барнаульский кожевенный завод» (кожзавод), который был расположен по адресу: г. Барнаул, ул. Красноярская, 230, собственность – федеральная, организационно-правовая форма – государственное предприятие. Среднесписочная численность работающих на 1 января 1992 г. составляла 292 человека, на 1 октября 1992 г. – 236 человек. Балансовая стоимость основных фондов – 3 762 тыс. руб. В 1992 г. завод выпускал 250 тыс. юфтевых кож в год. С 1993 г. кожевенный завод был переименован в АО «Алтайкожа», на 1 июля 1993 г. на заводе числилось 232 человека [Хороших, 1997, с. 55–56].

В 1997 г. специалисты НПЦ «Наследие» в присутствии директора АО «Алтайкожа» В.С. Феноберова обследовали комплекс памятников промышленной архитектуры «Барнаульский кожевенный завод», в который вошли главный производственный корпус, два жилых дома, проходная и здание больницы. На момент осмотра и составления акта главный корпус находился в неудовлетворительном состоянии, здание требовало проведения реставрационных работ и противоаварийных мероприятий. В 2000-х гг. директором барнаульского кожевенного завода «Алтайкожа» работал А.В. Карпов. Предприятие производило кожи сыромятные, кожи сыромятные для шорно-седельных изделий, кожи хромовые одежные, кожи юфтевые для верха обуви, кожи юфтевые для низа обуви. 5 ноября 2001 г. решением арбитражного суда Алтайского края ОАО «Алтайкожа» было объявлено банкротом и в отношении его открыли конкурсное производство. В 2004 г. предприятие перешло к трем собственникам, а в 2008 г. было подписано соглашение о реальном разделе и прекращении общей долевой собственности. На 12 декабря 2008 г. стоимость завода составляла 10 564,2 тыс. руб.

В 2011 г. специалисты НПЦ «Наследие» вновь осмотрели завод, который находился в собственности у И.Н. Вялова, Н.Н. Названова и Д.М. Татаринова. В акте было отмечено, что объект культурного наследия расположен на излучине реки Обь в северо-восточной части города, состоит из нескольких разновременных и разноэтажных объектов. Основные постройки комплекса были возведены в 1917–1918 гг. из красного кирпича лицевой кладки, имели богатый кирпичный декор. Верхний ярус восточных объемов был устроен в виде деревянного мансардного этажа с элемен-

тами накладной резьбы. Фронтоны корпусов криволинейной формы были декорированы с помощью лекального кирпича. В период эксплуатации завода корпуса неоднократно приспосабливались. В 1932 г. в северной части комплекса были пристроены одно- и двухэтажные оштукатуренные объемы, выполненные в общей стилистике комплекса. В период с 1960–1990-х гг. к зданию примкнули различные одноэтажные объекты, в первоначальных корпусах были заменены перекрытия на монолитные железобетонные, на ряде объемов возведен второй этаж. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. фасады основных корпусов еще сохраняли свой первоначальный вид. К объекту культурного наследия относились постройки литера А (1918 г.), к предмету охраны – фасады здания. На момент осмотра было установлено, что большинство корпусов находится в руинированном состоянии, часть построек утрачена полностью, эксплуатировался только корпус литера А6. На территории памятника были возведены современные постройки производственного назначения. Специалисты НПЦ «Наследие» рекомендовали трем собственникам объекта культурного наследия воссоздать внешний вид корпусов «Комплекс: Барнаульский кожевенный завод» (части корпусов) на основании проекта реставрации и воссоздания памятника с приспособлением его для современного использования. В 2013 г. барнаульский предприниматель И.Н. Вялов пытался найти нового хозяина для принадлежащего ему кожевенного завода. В связи с отсутствием средств и желания содержать предприятие бизнесмен через СМИ готов был отдать его в «хорошие руки» бесплатно. В настоящее время здания барнаульского кожевенного завода находятся в руинированном состоянии.

Объект культурного наследия «Комплекс: Барнаульский кожевенный завод», расположенный по адресу: Алтайский край, г. Барнаул, ул. Красноярская, 230, является памятником промышленной архитектуры конца XIX – начала XX в., согласно постановлению Алтайского краевого Законодательного Собрания от 28.12.1994 №169, в стиле эклектика с использованием элементов модерна и классики.

Комплекс включен в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации с присвоением регистрационного номера 221721083020005.

Библиографический список

Алтайский ежегодник за 1922/23 хоз. год / РСФСР; Алт. губ. исполнит. комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Второй год издания. Барнаул, 1924. XV. 425 с.

Барнаульский округ: стат.-эконом. обзор / Барнаульский окружной исполнит. комитет. Барнаул, 1927. VIII. 343 с.

Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири / сост. по высочайшему Его Императорского Величества повелению, при Сибирском комитете, действительным статским советником Гагемейстером. СПб., 1854. Ч. II. С. 484–486.

Материалы по исследованию арендного хозяйства в Алтайском округе / Стат. отд-е Главного управления Алтайского округа; Частная обрабатывающая промышленность в Алтайском округе; сост. С.П. Швецов. Барнаул, 1896. Т. I. С. 164–180.

Отчет Алтайского губернского исполнительного комитета 7-му очередному губернскому съезду Советов за 1923/24 хозяйственный год и I-ю кварту 1924/25 г. / РСФСР; Алтайский губернский исполнительный комитет. Барнаул, 1925. 281 с.

Хороших Г.М. Барнаульский кожевенный завод // Энциклопедия Алтайского края: в 2 т. / [отв. ред. В.Т. Мищенко]. Барнаул, 1997. Т. 2. С. 55–56.

Целищева М.А. Памятники Великой Отечественной войны на территории Алтайского края: вопросы сохранения и популяризации // Достояние Сибири: история, современность, перспективы: мат. межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию Новосибирской области и 300-летию города Искитима (Искитим, 12 октября 2017 г.). Новосибирск, 2017. С. 190–196.

M.A. Tselishcheva

Altai Regional Local History Non-Government Organization "Altai Heritage", Barnaul, Russia

MONUMENT OF INDUSTRIAL ARCHITECTURE "THE BARNAUL TANNERY" (THE END OF THE 19th CENTURY – THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY): HISTORY AND MODERN USE

The article focuses on brief history of the industrial facilities located in Siberia in the late of 19th – early 20th century, such as tanneries. The buildings are significantly distinguished among other buildings of the pre-revolutionary period by their scope and architectural design. Being the samples of industrial architecture they had a significant influence on urban development of Siberia in the early 20th century. The history of Barnaul tannery based on archival records is shown in the article.

Key words: industrial architecture, cultural heritage, architectural landmark, objects of cultural heritage.

УДК 72(571.150)

М.А. Целищева, М.А. Дышлюк

Алтайская региональная краеведческая общественная организация «Наследие Алтая», Барнаул, Россия

БАРНАУЛЬСКАЯ ГОРОДСКАЯ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ – ПАМЯТНИК ПРОМЫШЛЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ НАЧАЛА XX в.

В статье изложена краткая история появления на территории Сибири в конце XIX – начале XX в. промышленных объектов, таких как электростанции, здания которых значительно выделялись среди других построек дореволюционного периода. Они являются образцами промышленной архитектуры и оказали значительное влияние на застройку городов Сибири в начале XX в. На основе архивных документов показана история первой городской электростанции.

Ключевые слова: промышленная архитектура, культурное наследие, памятник архитектуры, объекты культурного наследия.

В конце XIX в. в Сибири быстро развивается промышленность. В связи с этим в Барнауле купцы и предприниматели стали строить на своих усадьбах частные электростанции для освещения жилых до-

мов, магазинов и мелких предприятий. В 1898 г. в доме барнаульского купца П.Д. Сухова появилась первая в городе частная электростанция. Она была размещена на первом этаже каменного двухэтажного жилого дома на ул. Большой Тобольской (с 1910 г. – ул. Л. Толстого). В 1900 г. на территории своей усадьбы на Пушкинской улице предприниматель И.К. Платонов также построил электростанцию (на месте современного магазина «Ультра») [Целищева, 2013, с. 429]. От электростанции отходили пять двухпроводных магистральных цепей – для освещения дома и усадьбы Платонова, магазинов Смирнова, Сковородова, Флягина, Федулова и других купцов и двух Собраний – Общественного и Алтайского. А также питались четыре дуговых фонаря – первый в городе уличный свет [ГААК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 158. Л. 33–36, 66]. В дальнейшем в Барнауле были сооружены и другие частные электростанции. Так, в 1906 г. собственную электростанцию построил купец 1-й гильдии И.Ф. Смирнов. В 1907 г. барнаульский купец 1-й гильдии И.И. Поляков также получил разрешение построить электростанцию во дворе своей усадьбы, которая находилась на углу Московского проспекта и Гоголевской улицы [Целищева, 2006, с. 128]. К 1910–1912 гг. все центральные магазины, банки, учреждения, многие дома состоятельных горожан, отдельные промышленные предприятия, кинотеатры имели электрическое освещение. Но не была решена проблема освещения улиц и площадей города, к 1914–1915 гг. только 32 дуговых фонаря освещали улицы Барнаула [Сибирский торгово-промышленный ежегодник…, 1914, с. 55].

Накануне Первой мировой войны городская Дума планировала построить городскую электростанцию и водопровод. В 1913–1914 гг. томский инженер Б. Гецен разработал проект объединенной электро-водопроводной станции, но данный проект не был принят. В 1914 г. проект Гецена был переделан и передан для оценки в комиссию профессоров Томского технологического института, которая нашла его не вполне удовлетворительным и в том же году представила в барнаульскую городскую Управу свой проект на сооружение электро-водопроводной станции. С этого времени Управа возбудила вопрос о выделении ссуды на постройку станции и пригласила инженера А.Ф. Ильина [ГА РФ. Ф.Р. 4041. Оп. 6. Д. 383. Л. 29]. В 1914–1915 гг. Барнаулу разрешили заем на сумму 1400 тыс. руб. на устройство водопровода, ломбарда, общественного банка, на постройку пассажа, электростанции и скотобойни [Сибирский торгово-промышленный ежегодник…, 1914, с. 56]. 27 июля 1915 г. городская Дума постановила отвести под постройку центральной электрической станции место на берегу Оби от бечевника до улицы напротив ночлежного дома в размере, какой окажется в натуре, с тем, чтобы в дальнейшем этот участок был увеличен до 1000 кв. саж. [ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 19. Л. 50]. Электростанцию начали строить 1 сентября 1915 г. на берегу Оби (современная ул. Промышленная, ранее ул. Набережная). В конце 1915 – начале 1916 г. были выполнены заказы на приобретение первоначального оборудова-

ния, в том числе в России: котлы, экономайзеры, электронасосы, кабель, трансформаторы, трубы, пожарные краны и др., и частично должны были приобрести оборудование за границей, в том числе в Англии и Америке – турбогенераторы и распределительное устройство [ГА РФ. Ф.Р. 4041. Оп. 6. Д. 383. Л. 29]. Однако к 1917 г. из-за Первой мировой войны строительство электростанции так и не завершилось. А 2 мая 1917 г. в Барнауле произошел большой пожар, в котором пострадало много жилых и административных построек [Целищева, Слуцкий, 2013, с. 430]. В пожаре сгорело новое здание электростанции и прибывшее из-за границы оборудование электрической станции [Алтайский ежегодник…, 1924, с. 411]. Но работа по налаживанию энергоснабжения города, по восстановлению недвижимого имущества, унесенного пожаром, продолжалась. Так, городская Дума приняла решение перезаказать сгоревшее оборудование прежним фирмам. 6 июня 1917 г. заведующий строительством инженер А.Ф. Ильин доложил на заседании исполкома Барнаульского городского народного собрания (№143) о восстановлении водопровода [ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 3. Л. 145, 190, 274]. В 1917–1919 гг. городская Дума частично восстановила электрическую (350 куб. саж.) и водопроводную (660 куб. саж.) станции, последняя находилась в полуподвальном здании [ГААК. Ф.Р. 10. Оп. 1. Д. 298. Л. 20; Ф.Р. 16. Оп. 3. Д. 54. Л. 131]. Первоначально электромощности на станции не хватало. Так, в конце августа 1919 г. электростанция на три недели отключила энергию своим абонентам в связи с ремонтом большой паровой машины. Но в помещения, имеющие общественное значение, энергия подавалась. 8 сентября 1919 г. на заседании городской Думы (№232) был рассмотрен вопрос о повышении платы за электроэнергию. А в октябре инженер Ильин поставил перед депутатами вопрос о покупке машин для электро-водопроводной станции [ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 14. Л. 8–13; 78–82]. В 1919 г. городская власть, рассмотрев вопрос о постройке электростанции, направила заказы на приобретение оборудования в Англию, Америку и Японию. Заказы фирмами были выполнены и в сентябре оборудование начало прибывать во Владивосток, но из-за отсутствия валюты оборудование не смогли доставить в Барнаул и 1 декабря 1919 г. работы по постройке электростанции были прекращены [ГА РФ. Ф.Р. 4041. Оп. 6. Д. 383. Л. 29]. В начале 1920 г. Сибэлектроотдел взял на себя заботы по доведению постройки до конца и изысканию недостающего оборудования. 20 февраля 1921 г. был рассмотрен вопрос о достройке водопроводно-электрической станции. С докладом выступил А.Ф. Ильин. В итоге Сибирское бюро ВСНХ утвердило разработанное Сибэлектроотделом положение и инструкцию по организации управления по достройке водопроводно-электрической станции в Барнауле, назначив Ильина заведующим указанного управления и подчинив последнее Алтгубэлектроотделу [ГААК. Ф.Р. 14. Оп. 1. Д. 296. Л. 12].

В 1921 г. на заседании плановой комиссии (№47) рассмотрели вопрос об убыточности предприятий электростанции и водопровода Бар-

наула, ввиду установленной минимальной платы. А уже 29 декабря 1921 г. городская плановая комиссия приняла решение (№28) об установлении платы за отпускаемую воду из водопровода. Так, норма на 1 работающего и членов их семей составляла по талону 1 ведро на человека, в том числе 250 руб. за ведро полагалось получить с государственного учреждения и их работников и служащих и 400 руб. за ведро воды со всех остальных граждан Барнаула [ГААК. Ф.Р. 97. Оп. 1. Д. 1. Л. 44, 63]. В 1922 г. водопровод перевели на хозрасчет [ГААК. Ф.Р. 97. Оп. 1. Д. 3. Л. 19]. 5 мая 1922 г. на заседании губернской плановой комиссии вновь был заслушан доклад Губсовнархоза о достройке электро-водопроводной станции в Барнауле. Заключение технической комиссии и инженера Носовича об ускорении достройки станции приняли единогласно [ГААК. Ф.Р. 97. Оп. 1. Д. 3. Л. 21]. Из списка промышленных заведений Алтайской губернии на 1 июля 1922 г. мы можем узнать, что на городской электростанции в этот период работало 38 рабочих и 15 служащих. А по сведениям за 3-й квартал 1922 г. на барнаульской центральной электростанции под управлением В.М. Бухаловского работало 37 рабочих и 20 служащих, предприятие было автономное, подчинялось Алтайскому губернскому Совнархозу. В период с 1 апреля по 1 октября 1922 г. электростанция выработала электроэнергию только на 36,3% (56 808 кВт/ч), подача воды была осуществлена на 96,8% (8 837 000 ведер) [Алтайский ежегодник…, 1923, с. 360, 343, 347].

Население города росло быстрыми темпами. Так, если в 1910 г. в городе числилось 46 071 жителей, в 1917 г. – 56 007, то в 1923 г. проживало уже 72 059 человек [ГААК. Ф.Р. 86. Оп. 1. Д. 64. Л. 17]. В 1922–1923 гг. всего было выработано на барнаульской городской электростанции 289,5 тыс. кВт/ч электроэнергии, или 100% от плана. На освещение домов и учреждений было затрачено 87,3% всего объема выработанной электроэнергии, на нужды коммунальных учреждений – 1,2%, на нужды промышленности – 0,7%, на освещение улиц – 0,8%. На выработку этого количества электроэнергии ушло 130 тыс. пудов каменного угля, на электростанции в этот период работало 32 рабочих и 16 служащих [Алтайский ежегодник…, 1924, с. 410]. На 1 января 1923 г. все гражданские и искусственные сооружения по строительству станции – здание, резервуары были закончены, кроме мелких недоделок. По электростанции было выполнено: установка парового котла №2, паротурбогенератора, смонтировано вчерне распределительное устройство высокого напряжения, уложен подземный кабель сети высокого напряжения, построены трансформаторные киоски. С 1915 по 1922 г. на работы по строительству электроводопроводной станции была затрачена сумма в размере 40 000 руб. золотом [ГА РФ. Ф.Р. 4041. Оп. 6. Д. 383. Л. 29об.]. В этот период мощность двух паровых котлов электростанции, при условии установки конденсации турбины, доходила до 350 кВт, подземная кабельная сеть высокого напряжения имела протяженность 6,5 версты с подключенными к ней се-

мью трансформаторами. Протяженность воздушной электрической сети равнялась 91 версте. Общее количество абонентов электростанции было 1 424, установленных у абонентов лампочек – 3 360 штук [Алтайский ежегодник…, 1924, с. 411]. 27 октября 1923 г., на основании приказа Алтгубкомхоза (№8/3) о ликвидации старой электростанции (бывшей Платонова), была создана комиссия под председательством В.М. Бухаловского [ГААК. Ф.Р. 14. Оп. 1. Д. 478. Л. 15]. По мнению А.Ф. Ильина, оборудование на старой электростанции было плохое и его нельзя было в дальнейшем эксплуатировать [ГА РФ. Ф.Р. 4041. Оп. 6. Д. 383. Л. 30].

7 ноября 1923 г. в шестую годовщину Октябрьской революции работы по достройке электро-водопроводной станции и ее оборудованию были закончены [ГААК. Ф.Р. 16. Оп. 3. Д. 54. Л. 131]. Электростанция была переведена в новое, специально построенное здание. На торжественном заседании по поводу открытия электро-водопроводной станции, по предложению барнаульского городского Совета и губернского Совета профсоюзов, званием Героя труда наградили строителя станции инженера А.Ф. Ильина, механика Попъеля и чернорабочего Чусовитина. В ноябре 1923 г. доход электростанции от продажи электроэнергии для бронированной сети составил 1 500 руб., от продажи рабочим и служащим госучреждений – 2 500 руб., от продажи электроэнергии госучреждениям не торгово-промышленного характера – 2 083,34 руб., госучреждениям и госпредприятиям торгового характера – 625 руб., от продажи частным лицам – 416,67 руб., от уличного освещения – 100 руб., от присоединения абонентов – 30 руб. Расход ЦЭС за месяц составил на текущий ремонт 720,33 руб., на капитальный – 466,66 руб. [ГААК. Ф.Р. 14. Оп. 1. Д. 478. Л. 19–20]. Отдел коммунального хозяйства в Барнауле был упразднен в декабре 1923 г. Функции Алтайского губернского коммунального хозяйства (Алтгубкомхоз) были переданы Алтгубсовнархозу. На базе коммунальных предприятий бывшего Алтгубкомхоза было создано управление «Водосвет» в составе электро-водопроводной и телефонной станций. Из составленного списка сотрудников Управления электро-водопроводной станции и телефонной станции Барнаула мы можем узнать, что управляющим станцией работал А.Ф. Ильин, его заместителем был В.М. Бухаловский. В 1924 г. в управление электроводопроводной и телефонной станции входило три предприятия: водопровод (4 артезианские скважины на 80 тыс. ведер в сутки, сеть 20 верст, 25 домовых ответвлений, 18 водопроводных будок, 2 ж/б водонапорных резервуара на 70 тыс. ведер), электростанция (турбогенератор 500 киловатт, 3300 вольт) и телефон (4 коммутатора по 100 абонентов) [Вся Сибирь…, 1924, с. 246]. На электро-водопроводной станции в этот период работало 75 рабочих и 23 служащих. За период с 1 октября 1923 г. по 1 марта 1924 г. ЦЭС выработала электроэнергии 163 308,48 кВт (54,5%), себестоимость составляла 37 коп./кВт, прибыль за пять месяцев – 5 000 руб., убыток – 13 125,27 руб. [ГААК. Ф.Р. 14. Оп. 1. Д. 478. Л. 135–136]. После ликвидации Алтгубсовнархоза в 1924 г. функции по управлению коммунальными

предприятиями были переданы Алтайскому губернскому отделу местного хозяйства. В августе 1924 г. на заседании Алтайского губисполкома (№41) рассмотрели вопрос о выделении отделу местного хозяйства (ОМХа) ссуды в сумме 30 тыс. руб. на достройку электростанции. В итоге постановили выделить ссуду в размере 20 тыс. руб. [ГААК. Ф.Р. 16. Оп. 4. Д. 8. Л. 154]. В пояснительной записке 1924 г. к эскизам проектов сооружений по восстановлению Барнаула Алтайгуботдел местного хозяйства предложил программы проведения всех восстановительных работ, в том числе обводнение и освещение окраин города. Предложено было увеличить уличные фонари с 81 до 185 шт. [ГААК. Ф.Р. 86. Оп. 1. Д. 64. Л. 25об.–27, 9–12, 14–15]. До 1925 г. ЦЭС работала с большой недогрузкой, достигшей в 1924/25 г. 60% мощности турбогенератора без конденсации и почти исключительно на освещение, при ничтожном отпуске энергии для силовых целей. С 1925/26 г. моторная нагрузка значительно возросла благодаря принятому совместному решению Алтайским губисполкомом и барнаульским горисполкомом о начале электрификации промышленности города. К концу 1925 г. были электрифицированы заводы «Серп и молот», пимокатный, кожевенный. В 1925 г. директором управления электропроводной и телефонной станции был В.М. Бухаловский, управление с июня 1925 г. подчинялось коммунальному тресту города. На территории электро-водопроводной станции в этот период находился Кузбасстрест «Сибторгуголь» [Вся Сибирь…, 1925, с. 316, 323]. В 1925–1926 гг. производственное оборудование ЦЭС состояло из турбогенератора, динамо-машины постоянного тока – 230 вольт (125 кВт). Последняя была соединена через ременную передачу с паровой машиной вертикальной завода «Лонг» 200 л/с с конденсацией. Для одновременной работы обе машины не были приспособлены, так как электроэнергия проходила по одним и тем же проводам, к одним и тем же потребителям. Оборудование на электростанции имелось в одном комплекте, причем турбогенератор был сильно изношен и нуждался в капитальном ремонте. Число рабочих на 1 октября 1926 г. на электро-водопроводной станции составило 95 человек. В 1926 г. электроэнергией пользовались лишь четверть барнаульцев – на всех мощности не хватало [Барнаульский округ, 1927, с. 76–77, 281]. На 1 июня 1928 г. был составлен список учреждений Барнаула неплательщиков за электроэнергию и воду. Всего задолженность по городу за электроэнергию составила 14 161,64 руб. [ГААК Ф.Р. 166. Оп. 1. Д. 178. Л. 22–23].

23 октября 1928 г. был утвержден устав городского треста «Водосвет». Главное направление деятельности треста – выработка электроэнергии для городских нужд и снабжение города водой из артезианских скважин посредством электронасосов. Трест «Водосвет» находился на улице Льва Толстого, 1. Там же находились электростанция и водопроводная станция. В организационном отношении трест подчинялся городскому отделу коммунального хозяйства. В 1931 г. мощность электростанции составляла 840 кВт при потребности 1042 кВт, 73% вырабатываемой электроэнергии потребляла промышленность, и только 27% отпускалось

на освещение города. В 1933 г. с пуском третьей по счету паровой турбины мощность электростанции составила 1840 кВт. В октябре 1933 г. была составлена статистическая карточка учета рабочих и членов союза по электро-водостанции треста «Водосвет» Западно-Сибирского края, расположенной по адресу: ул. Республики, 1. Основная продукция предприятия – вырабатывать электроэнергию и воду. Работающих на станции в этот период было 220 человек, членов профсоюза – 198 человек [ГААК. Ф.Р. 333. Оп. 1. Д. 37. Л. 531]. В 1936 г. была введена в строй первая турбина ТЭЦ-1 мощностью 4 тыс. кВт. Станция предназначалась, прежде всего, для обеспечения работы Барнаульского текстильного комбината. Даже после начала работы ТЭЦ-1 первая городская электростанция продолжала играть важную роль в электроснабжении города. В июне 1938 г. на Пленуме барнаульского городского Совета депутатов трудящихся был рассмотрен вопрос о состоянии электростанции и городского водопровода. В итоге депутаты постановили обязать заведующего Горкомхозом и директора треста «Водосвет» провести ремонт турбины, установить и пустить ее в эксплуатацию не позднее 1 ноября 1938 г. [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 1а. Д. 7. Л. 315]. В конце 1930-х гг. увеличился объем вырабатываемой электроэнергии, изменилась структура ее потребления: почти половина (49%) выработанной электроэнергии шла на нужды коммунальной промышленности, 22,7% – на освещение города и квартир, 8% – на работу водопроводной станции, 2,7% было отпущено на нужды железной дороги, 1% – на нужды речной пристани. Потери в сетях составили 6,8% от всего объема выработанной электроэнергии. В 1941 г. по плану электростанция должна была выработать 10 864 тыс. кВт/ч. В феврале 1941 г. было отмечено, что за два месяца произошло 26 аварий, в том числе по вине обслуживающего персонала – 18. В связи с тем, что электросети были старые и требовали ремонта, город недополучил электроэнергии за январь 1941 г. – 10 000 кВт/ч., за февраль – 1 400 кВт/ч. [ГААК. Ф.П. 411. Оп. 1. Д. 14. Л. 7]. В марте 1941 г. на заседании крайисполкома (№1725) утвердили план ремонта городской электростанции на сумму 113,6 тыс. руб., в том числе на ремонт здания выделили 34 тыс. руб. и на ремонт оборудования – 79,6 тыс. руб. Ремонт должны были провести хоз. способом [ГААК. Ф.Р. 784. Оп. 1. Д. 1. Л. 221, 223, 238]. 31 марта 1941 г. был составлен список на выделение дополнительных ассигнований за счет бюджета на капитальный ремонт коммунальных предприятий Алтайского края. Барнаульской электростанции выделили 297,4 тыс. руб., из них 188 тыс. руб. на приобретение запчастей, ремонт 4 котлов, градирни и крыши ЦЭС и 109,4 тыс. руб. – на прочие расходы [ГААК. Ф.Р. 784. Оп. 1. Д. 1. Л. 232]. В мае 1941 г. рассмотрели вопрос о ремонте турбины, было отмечено, что на ремонт котлов отпущено 77 тыс. руб. В то же время было отмечено, что с 1932 по 1933 г. в городе было установлено 140 столбов уличного освещения, которые за данный период пришли в аварийное состояние и требовали замены.

Перестройка экономики города на военный лад предъявляла повышенные требования в первую очередь именно к энергетике. В Барнауле было размещено несколько эвакуированных заводов. Все это требовало значительного возрастания объемов вырабатываемой электроэнергии. Резко сократился отпуск электроэнергии бытовым потребителям, сами электроустановки были переведены в режим непрерывной, безостановочной работы. В июне 1941 г. на собрании треста «Водосвет» рассмотрели вопрос о простоях вагонов на территории ЦЭС. В июле отметили, что ремонт турбины и котлов выполнен только на 28%. Население не дополучило освещение в домах из-за недостаточной мощности на ЦЭС. По плану в ближайшее время необходимо было отремонтировать крышу здания электростанции. В октябре 1941 г. угрожающе встал вопрос по снабжению ЦЭС углем [ГААК. Ф.П. 411. Оп. 1. Д. 14. Л. 13–14, 22, 30, 47]. 23 октября 1941 г. вновь заслушали вопрос о капитальном ремонте ЦЭС. В связи с нехваткой материалов ремонт турбины №3 был затянут [ГААК. Ф.П. 411. Оп. 1. Д. 18. Л. 94]. К концу войны из-за большой нагрузки участились аварии силовых агрегатов, трансформаторов, воздушных и кабельных линий. В июле 1944 г. на заседании крайисполкома (№793) вновь рассмотрели вопрос о капитальном ремонте электростанции. План капитального ремонта за счет амортизационных отчислений по барнаульской ЦЭС составил 99 тыс. руб., необходимо было отремонтировать 4 паровых котла, 3 паровые турбины и 3 электрогенератора. А из местного бюджета дополнительно должны были выделить 100 тыс. руб. на ремонт здания и сооружений ЦЭС, а также электросетей [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 1а. Д. 94. Л. 90–91]. В августе 1944 г. подвели итоги работы за 1-е полугодие. План ЦЭС выполнила только на 49,6%. В январе–феврале на станции не было топлива. В этот период был закончен ремонт помещений и приступили к ремонту крыши ЦЭС. Были закончены работы на одном генераторе, капитальный ремонт турбины №1 был выполнен на 70% [ГААК. Ф.П. 411. Оп. 1. Д. 16. Л. 17]. В сентябре 1944 г. рассмотрели вопрос о ходе капитального ремонта электростанции и электросетей. Было отмечено, что здание станции медленно ремонтируется, рамы стеклятся только внутренние, в конденсационном помещении плохо настелили пол, отсутствовали штукатуры, которых Горстройтрест должен был привлечь к ремонту ЦЭС [ГААК. Ф.П. 411. Оп. 1. Д. 16. Л. 10]. В 1945 г. были подведены итоги выполнения плана по местному хозяйству Барнаула, где заслушали отчет и о работе городской электростанции и водопровода. Городская электростанция при мощности 10 565 тыс. кВт/ч должна была вырабатывать по плану 1945 г. 5 256 тыс. кВт/ч электроэнергии, но план был выполнен только на 68,7%. Из-за этого ЦЭС не смогла обеспечить подачу необходимого количества электроэнергии промышленным предприятиям, социальным и культурным учреждениям и населению города. В связи с такой низкой выработкой электроэнергии городской электростанцией, не обеспечивающей нужд города, в 1945 г.

городом было дополнительно получено 3 734 тыс. кВт/ч электроэнергии от ТЭЦ меланжевого комбината [ГААК. ФР. 312. Оп. 1а. Д. 132. Л. 6об., 8].

В годы войны значительно возросла площадь города. Обновление материально-технической базы возможно было лишь при увеличении ассигнований как из централизованных, так и из местных источников. За 1946 г. план ЦЭС был выполнен на 80,2% в связи с отсутствием угля и из-за частых аварий на электростанции в основном по вине обслуживающего персонала. В это время на предприятии работало 219 человек, за 1946 г. было принято на работу 172 человек, уволено 69 человек. Ремонтом здания, сооружений и оборудования занимались недостаточно из-за отсутствия материалов. Работа в 1-м квартале 1947 г. проходила плохо, случались частые простои из-за поломок, работали 3 котла и 2 турбины. В ноябре 1947 г. были подведены итоги работы электростанции за 10 месяцев. План был выполнен на 89,8%, ремонт в котельной – на 79%, отремонтирован котел №3. За 8 месяцев 1948 г. план по выработке электроэнергии был выполнен на 88,7%, капитальный ремонт задерживался, имелся большой пережог топлива [ГААК. Ф.П. 411. Оп. 1. Д. 18. Л. 11, 23, 44, 80, 100, 113]. В 1953 г. себестоимость продукции по электроэнергии была снижена с 32 до 28 коп., отпуск электроэнергии за 1-й квартал был выполнен на 142%. Но был срыв выполнения плана по капитальному ремонту и новому строительству – за 1-й квартал 1953 г. освоили денег на сумму 13,5 тыс. руб. вместо плановых 35 тыс. руб. [ГААК. Ф.П. 411. Оп. 1. Д. 26. Л. 102]. В сентябре 1959 г. было заслушано сообщение, что капитальный ремонт по электросетям идет медленно из-за отсутствия материалов. По плану до конца года необходимо было установить более 100 светильников на улицах города [ГААК. Ф.П. 411. Оп. 1. Д. 41. Л. 51, 86].

В связи с организацией в городе барнаульского винодельческого завода (Постановление Совнархоза Молдавской ССР от 12.10.1961 №146) и в целях создания материально-технической базы городские депутаты в ноябре 1961 г. решили (№635) передать на баланс барнаульского винодельческого завода Управления винодельной промышленности Молдавского совнархоза здание бывшей электростанции, с закреплением за заводом земельного участка. Эксплуатацию железнодорожного тупика предложено было осуществлять совместно – тресту «Водосвет» и винодельческому заводу. Для обеспечения своевременной реконструкции здания бывшей электростанции и приспособления его под винодельческий завод обязали директора треста «Водосвет» (Виноградова) в срок до 1 декабря 1961 г. произвести демонтаж оборудования в здании и вывезти его [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 6. Д. 10. Л. 112–113]. Предприятие «Молдаввино» Молдавской ССР просуществовало в этом здании до начала 1990-х гг., до распада СССР.

В 1994 г. на момент постановки здания электростанции на государственный учет оно находилось на балансе базы «Алтайрыбтреста» и использовалось как котельная управления треста. В последние десятилетия здание электростанции не использовалось по назначению и на-

ходилось на территории Барнаульского речного порта. Сегодня здание выглядит так же, как и почти век назад.

Электростанция расположена в исторической части Барнаула на улице Промышленной. Здание прямоугольной конфигурации в плане, одноэтажное, кирпичное, оштукатуренное, южным фасадом обращено к Оби. Скаты крыши со стороны южного и восточного фасадов образуют разновеликие фронтоны. Большой аттиковый фронтон южного фасада имеет пять небольших проемов арочной формы. Северный фасад завершается полукруглыми «закомарами». Декоративное убранство южного и восточного фасадов составляют разноуровневый карниз, широкий фриз, пилястры в простенках окон и на углах, квадровый руст, филенки под окнами. Крупные арочные окна обрамлены архивольтами с замками в вершинах. Прямоугольные окна дополнены веерными замками. Западный фасад не имеет декоративного оформления. Здесь только оконные и дверной проемы. Окна крупные арочные и одно прямоугольное с мелкой расстекловкой. В комплекс электростанции входит кирпичная труба, расположенная рядом со зданием, со стороны его северного фасада. По низу труба оформлена аркатурным поясом. В верхней части (с восточной стороны) выложена дата «1918 г.» [Архив НПЦ «Наследие»].

Здание, расположенное по адресу: Алтайский край, г. Барнаул, ул. Промышленная, 10 (8), является объектом культурного наследия регионального значения «Электростанция», начала XX в., согласно постановлению Алтайского краевого Законодательного Собрания от 28.12.1994 №169, а также памятником промышленного зодчества и представляет ценность как первая городская электростанция, построенная в неоклассическом стиле. Комплекс включен в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации с присвоением регистрационного номера 221711081460005.

Библиографический список

Алтайский ежегодник за 1921/22 хоз. год / РСФСР; Алт. губ. эконом. совещание. Первый год издания. Барнаул, 1923. XVI. С. 360, 343, 347.

Алтайский ежегодник за 1922/23 хоз. год / РСФСР; Алт. губ. исполнит. комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Второй год издания. Барнаул, 1924. XV, 425. С. 410–411.

Барнаульский округ: стат.-эконом. обзор / Барн. окружной исполнит. комитет. Барнаул, 1927. VIII. С. 76–77, 281.

Вся Сибирь: справочная и адресная книга на 1924 г.: с приложением карты азиатской части СССР и планов: расположения рудников Кузнецкого бассейна и городов Новониколаевска, Омска, Читы и Благовещенска. Л., 1924. С. 246.

Вся Сибирь, с включением Уральской области: справочная и адресная книга на 1925/26 г.: с приложением карты азиатской части СССР и планами городов Новониколаевска, Омска, Томска, Барнаула, Красноярска, Иркутска, Читы, Благовещенска, Владивостока и Свердловска. М., 1925. С. 316, 323.

Сибирский торгово-промышленный ежегодник на 1914–1915 гг.: справочное издание [СПб.], 1914. Отд. IV. С. 55–56.

Целищева М.А. Усадьба купца И.И. Полякова // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2006. Вып. XV. С. 126–132.

Целищева М.А., Слуцкий М.А. Усадьба Платоновых (г. Барнаул, ул. Пушкина, 40) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2013. Вып. XVIII–XIX. С. 429–437.

M.A. Tselishcheva, M.A. Dyshlyuk

Altai Regional Local Lore Non-Government Organization "Altai Heritage", Barnaul, Russia

THE BARNAUL URBAN POWER STATION AS AN INDUSTRIAL ARCHITECTURE LANDMARK OF THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

The article focuses on brief history of the industrial facilities located in Siberia in the late of 19th – early 20th century, such as power stations, which were significantly distinguished among other buildings of the pre-revolutionary period. Being the samples of industrial architecture they had a significant influence on urban development of Siberia in the early 20th century. On the basis of the archival records the article shows the history of the first Barnaul urban power.

Key words: industrial architecture, cultural heritage, architectural landmark, objects of cultural heritage.

УДК 37:94(571.150)

М.А. Целищева, М.А. Слуцкий

Алтайская региональная краеведческая общественная организация «Наследие Алтая», Барнаул, Россия

К ИСТОРИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ БАРНАУЛА: ГОРНОЕ ОКРУЖНОЕ И РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩА

На основе архивных документов исследуется история барнаульского горного окружного училища ведомства Кабинета Его Императорского Величества, преобразованного на основании Высочайшего повеления от 29 мая 1897 г. в семиклассное реальное училище ведомства Министерства народного просвещения. Рассматривается также история двух зданий, в которых находились данные учебные заведения.

Ключевые слова: городское училище, школа, общественная архитектура, культурное наследие, памятники истории и культуры, объекты культурного наследия.

Во второй половине XVIII в. в связи с бурным развитием горнозаводского производства на Алтае местные рудники и заводы испытывали недостаток в техниках и инженерах. Поэтому в 1779 г. Кабинет принял решение об открытии в г. Барнауле Горного училища, учебного заведения с 5–6-летним сроком обучения на базе начальной школы. 20 февраля 1818 г. по инициативе начальника Колывано-Воскресенского горного округа П.К. Фролова Горный Совет принял решение построить в Барнауле

здания госпиталя, училища с сиротским приютом, богадельни с церковью и памятника 100-летия горнозаводского дела на Алтае – это стало началом создания ансамбля Демидовской площади. Первый проект горного училища начал готовить в 1827 г. заводской архитектор Л.И. Иванов, а в следующем году проект был завершен. В альбоме к книге К.Ф. Ледебура есть гравюра с проекта. Здание намечалось построить на северной стороне площади и ему отводилось центральное положение в ансамбле. 1 августа 1828 г. П.К. Фролов одобрил проект здания горного училища следующими словами: «По сему плану построить Горное училище с горносиротским отделением» [Долнаков и др., 1982, с. 54]. В 1828 г. была забита часть свай. На устройство свайного фундамента ушло 2105 лиственничных бревен длиной две-три сажени. Но вскоре после отъезда П.К. Фролова в Санкт-Петербург строительство было практически прекращено. Из 34 тыс. руб., выделенных на сооружение училища, к 1835 г. фактически была израсходована лишь малая часть. В 1841 г. стройка была прекращена по велению сверху. Значительные улучшения в работе Горного училища были связаны с деятельностью П.К. Фролова. При его непосредственном участии разрабатывался проект «Положения об учебных заведениях Колывано-Воскресенских заводов». Согласно этому положению, учебный план Горного училища приближался к плану гимназии, но отличался от него профессиональной направленностью. Весь срок обучения делился на четыре ступени (отделения). На двух младших отделениях изучались общеобразовательные дисциплины, на третьем – дополнительно минералогия. На четвертом, высшем, отделении изучались специальные предметы, такие как пробирное и горное искусство, металлургия, маркшейдерское дело, механика, архитектура, законоведение заводских и горных учреждений. Предметы практического назначения вели опытные инженеры. Учебное заведение по тому времени было хорошо оснащено лабораторным оборудованием, регулярно снабжалось необходимой литературой. Завершив обучение, воспитанники получали серьезную общеобразовательную подготовку, дающую возможность продолжать учебу на старших 7–8 курсах Петербургского кадетского корпуса и приобрести профессию инженера.

В 1836 г. Горное училище было преобразовано в окружное училище, а заводская школа стала его подготовительным классом. Окружное училище было приспособлено на 80 казенных учеников. Все ученики получали от училища казенный стол и обмундирование, но в здании училища жили только ученики, не имевшие родителей в Барнауле. Прочие ночевали у родителей, а в училище приходили ежедневно в 7 часов утра и были до 9 часов вечера. В окружное училище поступали лучшие ученики частных училищ. Заведовать училищем поручалось особому горному инженеру. В 1837 г. инспектор учебной части окружного училища представил проект о введении в число предметов преподавание физики и географии, но штаб корпуса горных инженеров 25 ноября 1837 г. ответил, что физика и география излишни, так как училище было основано не для приготовления

ученых людей, для этого есть другие высшие заведения, а для образования сведущих или достаточно грамотных делопроизводителей к замещению низшего разряда заводских должностей по части письменной, хозяйственной и технической [Няшин, 1928, с. 17]. В это время окружное училище все еще не имело своего здания и находилось в здании богадельни (современный адрес: пр. Красноармейский, 4). Одноэтажное здание с мезонином, украшенное в центре фасада портиком из четырех дорических колонн, было построено по проекту заводского архитектора Я.Н. Попова. Первый проект двухэтажного здания богадельни составил архитектор Л.И. Иванов в 1827 г., но из-за плохих в этом месте гидрогеологических условий его отклонили. Педагогов в училище почти всегда не хватало, многие из них были вынуждены вести несколько предметов. Так, 24 августа 1840 г. от горного начальника Колывано-Воскресенских заводов полковника Злобина поступил рапорт на имя главного начальника Алтайских горных заводов с тем, что горный межевщик Корепин, переведенный из Екатеринбургских заводов для занятий в классах окружного училища, приступил к преподаванию алгебры, геометрии и геодезии. Но, кроме этих предметов, остались не занятыми классы черчения, геогнозии и горного искусства. Поэтому инспектор учебной части Алтайского округа просил передать дополнительно классы черчения межевщику Корепину, «весьма искусному в этом предмете для занятия с учениками 2 класса» [ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 337. Л. 1]. В 1843 г. в Барнаул с ревизией прибыл Главный начальник Алтайских горных заводов генерал-майор Татаринов. По его распоряжению было решено построить на месте училища здание для Алтайского горного правления и «музеума». В 1846 г. проект здания для горного правления и музея, которое должны были возвести на сваях, забитых под фундамент горного училища еще в 1828 г., составил архитектор Я.Н. Попов. Но ученый комитет корпуса горных инженеров его не утвердил. После переработки в 1847 г. Попов представил третий проект, но и он не был утвержден, после чего в 1851 г. архитектор ушел в отставку. 19 марта 1849 г. из штаба корпуса горных инженеров С-Петербурга поступило разрешение определить в должности управляющего Барнаульским окружным училищем штабс-капитана Васильева [ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 867. Л. 6]. По данным за 1850 г., в окружном училище обучалось 84 ученика, из них детей чиновников, служащих и служивших при заводах было: дворян – 7, обер-офицеров – 3. Детей нижних чинов, мастеровых и других горного ведомства людей – 70. Детей лиц посторонних, горному ведомству не принадлежащих, – 4 [ГААК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 6611. Л. 9]. В 1850 г. в окружном училище преподавались следующие предметы: русская грамматика и правописание, арифметика, алгебра и геометрия, делопроизводство и счетоводство, чистописание, черчение, рисование, немецкий и французский языки, а также физика, химия, приготовление моделей, пробирное искусство, практическая горная механика [ГААК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 6611. Л. 10; Оп. 1. Д. 1427. Л. 8–10]. Первые три класса учащиеся обучались вместе, без различия сословий. Дальше детей

«низшего звания» готовили для работы на заводах и рудниках. В частности, им не преподавали иностранные языки, географию и литературу. Эти предметы преподавали детям горных офицеров, как приличествующие их состоянию, им давали возможность поступать в высшие учебные заведения. В 1851 г. переработка проекта Я.Н. Попова для Алтайского горного правления и «музеума» была доверена академику скульптуры И.Н. Шрейберу. Он взял за основу последний вариант проекта архитектора Попова, однако кое-что видоизменил в нем. Композицию фасада Шрейбер решил в стиле эклектики. В апреле 1855 г. уже по его проекту начали кладку первого этажа. Строил здание новый архитектор завода титулярный советник И.М. Злобин. 2 декабря 1858 г. был заслушан рапорт исполняющего должность инспектора учебной части Алтайского округа подполковника Богданова. В рапорте, в частности, указывалось, что на содержание окружного училища в здании богадельни и преподавателям разных наук было выделено 3840,55 руб. [ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1427. Л. 8]. В 1861 г. новое здание было в основном построено. 19 декабря 1862 г. помощник архитектора Руммель и подполковник Васильев приняли по акту новое здание. В начале 1863 г. в здание переселилось Алтайское горное правление, которое находилось в нем до 1872 г. А с 1872 г. после переселения правления в здание богадельни его заняло Барнаульское окружное училище (современный адрес: пр. Красноармейский, 21/ул. Пушкина, 82). Но новое здание было сырым и холодным, в классных комнатах не было вентиляции, помещения почти не отапливались, размещенный на первом этаже музей оказался заброшенным. В 1886 г. в окружном училище обучалось 176 человек [Барнаул…, 1994, с. 88]. Закрытое окружное училище существовало до 1897 г., затем оно было преобразовано в реальное училище.

С начала 1897/98 учебного года барнаульское окружное училище ведомства Кабинета Его Императорского Величества на основании Высочайшего повеления от 29 мая 1897 г. было преобразовано в 7-классное реальное училище ведомства Министерства народного просвещения. На 1 января 1898 г. число учащихся окружного училища составляло 81, реального училища – 69 человек [ГААК. Ф. 43. Оп. 1. Д. 6. Л. 13]. А на 1 января 1899 г. количество учащихся реального училища возросло почти в два раза – 121 человек [ГААК. Ф. 43. Оп. 1. Д. 11. Л. 5]. 30 декабря 1897 г. попечитель Западно-Сибирского учебного округа сообщил, что министр народного просвещения разрешил учредить при барнаульском реальном училище стипендию бывших воспитанников барнаульского горного окружного училища. На процент от капитала, собранного в дни празднования 50-летнего юбилея барнаульского горного окружного училища в 1886 г. бывшими воспитанниками этого училища, учреждалась стипендия, которой присваивалось наименование «Юбилейной стипендии бывших воспитанников барнаульского горного окружного училища». Основной капитал в сумме 1773 руб. хранился в окружном казначействе в числе специальных средств реального училища и оставался навсегда

неприкасаемым. С этой суммы шел процент в виде платы за обучение одной, двух или нескольких стипендий воспитанникам, имеющим хорошие успехи и поведение, притом исключительно детям горнослужащих и рабочих Алтайского округа [ГААК. Ф. 43. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–2]. В январе 1898 г. попечитель Западно-Сибирского учебного округа сообщил, что 23 декабря 1897 г. государь император соизволил присвоить барнаульскому реальному училищу наименование «Барнаульское реальное училище Императора Николая II». В связи с этим событием 1 февраля 1898 г. в реальном училище состоялся молебен о здравии государя императора [ГААК. Ф. 43. Оп. 1. Д. 8. Л. 1]. Директором реального училища был назначен статский советник Константин Николаевич Рябинин, окончивший курс в императорском Казанском университете, инспектором – титулярный советник В.Н. Галанин, окончивший С-Петербургский университет [ГААК. Ф. 43. Оп. 1. Д. 9. Л. 17]. В апреле 1899 г. главное управление Алтайского округа уведомило, что для присутствия на испытаниях по специальным предметам в не преобразованных классах барнаульского окружного училища уполномочены следующие чины главного управления: горный инженер статский советник Биль – по металлургии, геогнозии, маркшейдерскому и горному искусствам и механике, межевой инженер коллежский асессор А.А. Лесневский – по геодезии, надворный советник Н.Н. Давидович-Нащинский – по химии, бухгалтерии и пробирному искусству, коллежский советник Дорошевский – по лесоводству [ГААК. Ф. 43. Оп. 1. Д. 11. Л. 9]. По данным из ведомости о распределении уроков между преподавателями в не преобразованных классах окружного училища на 1899/1900 учебный год следовало, что законоучитель реального училища священник Горетовский вел предмет Закон Божий, преподаватель реального училища Г.Н. Антонов – геометрию и алгебру. Горный инженер А.А. Бобятинский преподавал неорганическую химию, аналитическую химию, пробирное искусство, горное искусство, металлургию. Н.Н. Давидович-Нащинский вел физику, межевой инженер А.Д. Сегедей – геодезию и маркшейдерское искусство. Ученый-лесовик С.М. Вашколюд – лесоводство, инженер-технолог С.А. Гаврилов – механику, У.П. Выдрин – минералогию, геологию и геогнозию. А.Н. Роганов вел ремесла, бухгалтерию, черчение. Вакансия была по предмету история. А вот как распределились уроки между преподавателями в реальном училище в 1899/1900 учебном году: директор училища К.Н. Рябинин преподавал географию, инспектор В.Н. Галанин – арифметику, В.Н. Малюга вел русский язык, Г.Ф. Фрейберг – немецкий язык, А.Е. Игумнова преподавала французский язык, Г.Н. Антонов – математику, А.В. Евреинов – рисование и чистописание. Вакансии были по русской истории и естественной истории [ГААК. Ф. 43. Оп. 1. Д. 19. Л. 16–17, 21].

Из отчета о состоянии реального училища за 1899/1900 учебный год следовало, что в реальном училище на данный момент было пять классов и из классов горного училища остается не преобразованным только послед-

ний – пятый класс. Учебно-воспитательный персонал состоял из директора, инспектора, законоучителя, четырех учителей и одной учительницы (французский язык), воспитателя и двух помощников классных наставников. Кроме того, при училище состоял врач, учитель пения, учитель гимнастики и учитель музыки. В не преобразованном классе горного училища, находящемся под одним управлением с реальным, состояло преподавателями четыре лица из штата реального училища, а также чины главного управления Алтайского округа. Инспектор, преподаватели и воспитатели реального училища, согласно Уставу училища, создали под председательством директора педагогический совет. Инспектор и преподаватели не преобразованного класса горного училища также под председательством директора реального училища образовали педагогическую комиссию. Для решения хозяйственных дел при училище находился хозяйственный комитет, состоящий из директора, инспектора, трех преподавателей по выбору педагогического совета реального училища и представителя Алтайского округа (коллежский советник А.А. Бобятинский). В этот период в училище обучался 191 учащийся, из них детей дворян, чиновников, почетных граждан и военных – 72 (37%), городских сословий – 100 (52,4%), духовного звания – 3 (1,6), сельского сословия – 16 (8,4%). К 17 октября 1899 г. в не преобразованных классах горного (окружного) училища обучался 31 человек, из них во втором отделении 4-го класса –15 и в 5-м классе – 16 [ГААК. Ф. 43. Оп. 1. Д. 180. Л. 10–12]. Из отчета следовало, что реальное училище занимает каменное здание, переданное ему при преобразовании горного (окружного) училища в реальное. Еще в 1896 г. был составлен проект плана на перестройку здания, занимаемого Алтайским горным правлением для гимназии, музеума и самого правления, который предполагал переделать печи, дымоходы, заложить одни дверные проемы и сделать входы в кабинеты в другом месте [ГААК. Ф. 50. Оп. 11. Д. 264]. В апреле 1898 г. составили смету на ремонт здания [ГААК. Ф. 43. Оп. 1. Д. 413. Л. 7–12]. В связи с тем, что почти половину здания занимал интернат, училище нуждалось в расширении помещений – рисовального зала, комнаты для 7-го класса, комнаты для физического кабинета, приемного класса, классной комнаты для внеклассных работ, квартир для инспектора и эконома, для служителей, расширение шинельной. В июне 1900 г. на заседании педагогического совета был поставлен вопрос о расширении помещений для учащихся и приняли решение ходатайствовать об отпуске средств из государственного казначейства [ГААК. Ф. 43. Оп. 1. Д. 34. Л. 44–45].

В марте 1900 г. на заседании хозяйственного комитета было заслушано сообщение, что училищу уступлено в безвозмездное пользование, кроме участка земли, переданного в 1897 г. вместе со зданием, дополнительно участок земли, находящийся рядом с усадьбой училища с юго-западной стороны, между Кузнецкой (Гоголевской) и Пушкинской улицами, который служил проездом между этими улицами [ГААК. Ф. 43. Оп. 1. Д. 435. Л. 8]. В декабре 1900 г. на заседании хозяйственного комитета

училища был рассмотрен предварительный проект на сооружение при существующем здании нового двухэтажного каменного здания и некоторых деревянных построек во дворе. Баню решено было перенести из нижнего этажа в новое деревянное здание во дворе училища. Для больницы также решили построить отдельный деревянный флигель во двор. А для физического кабинета решено было приспособить помещение в одной из комнат рекреационного зала (верхний этаж здания), обращенной окнами в училищный двор [ГААК. Ф. 43. Оп. 1. Д. 435. Л. 44–46; Д. 446. Л. 18].

При открытии реального училища в 1897 г. была установлена очень умеренная плата за полное содержание пансионера (продовольствие, белье, обувь, фирменное платье, учебные книги и пособия и другие учебные принадлежности) в размере 200 руб. в год. В 1898 г. из этих денег за квартиру инспектору заплатили 360 руб. и эконому – 180 руб. За вознаграждение за заведование пансионом директору училища заплатили 300 руб. и инспектору – 240 руб. Всего 1080 руб. В 1901 г. по смете с частных пансионеров должно было поступить 8450 руб. В виду предстоящего открытия 6-го и 7-го классов училища должно было увеличиться и число пансионеров. Так, если в начале 1901 г. их было 39, то во второй половине 1901 г. предполагалось уже 45 человек. Но самое большое число пансионеров, которое может быть принято в училище, составляло 75 человек, из них 25 – пансионеры Кабинета Его Императорского Величества [ГААК. Ф. 43. Оп. 1. Д. 446. Л. 7]. В мае 1903 г. ученическая баня была перенесена из здания училища во вновь отстроенный деревянный флигель [ГААК. Ф. 43. Оп. 1. Д. 457]. На 1 января 1905 г. училище занимало двухэтажное здание, один фасад был обращен на юг, другой – на восток. При здании имелся обширный двор. Вечернее освещение было керосиновое [ГААК. Ф. 43. Оп. 1. Д. 216. Л. 25]. В начале 1907 г. в училище рассмотрели вопрос о ремонте печей. Так, в помещении пансионата находилось 25 голландских печей, 3 русские печи и 7 плит. В помещениях училища – 33 голландских печи, 2 плиты, 1 русская печь [ГААК. Ф. 43. Оп. 1. Д. 496. Л. 4, 7]. В связи с необходимостью устроить химическую лабораторию для прохождения курса химии в 5-м классе и практических занятий учеников 6-го класса в июне 1907 г. хозяйственный комитет рассмотрел вопрос о ремонте здания [ГААК. Ф. 43. Оп. 1. Д. 496. Л. 19]. Из ведомости о числе учебных заведений и учащихся в Томской губернии за 1908 г. следовало, что в реальном училище обучалось 322 человека [ГААК. Ф. 43. Оп. 1. Д. 496. Л. 19]. В этот период в барнаульском реальном училище директором работал статский советник Валериан Николаевич Галанин, инспектором – коллежский советник Григорий Николаевич Антонов, законоучителем был священник Иоанн Горетовский, историю, географию и естествоведение преподавал надворный советник В.И. Верещагин [Памятная книжка…, 1908, с. 165]. Из отчета за 1909 г. следовало, что реальное училище состоит из 6 нормальных классов и 7-го дополнительного, при 2, 3 и 4 классах имелись параллели. В 1911 г. здание реального училища было оценено в 31 200 руб. [ГААК. Ф. 52. Оп. 1.

Д. 15. Л. 3]. Летом 1912 г. предполагалось провести капитальный ремонт печей, дымовых труб. В связи с устройством новой парадной двери хозяйственный комитет признал необходимым устроить над дверью и каменной площадкой перед ней железный зонт [ГААК. Ф. 43. Оп. 1. Д. 520. Л. 4–5]. 8 июня 1912 г. реальному училищу было предписано: в целях пожарной безопасности устроить широкую железную лестницу с поручнями из окна верхнего коридора во дворе, заменить деревянные перила лестницы черного хода прочными железными перилами [ГААК. Ф. 43. Оп. 1. Д. 520. Л. 7]. В апреле 1913 г. на заседании городской Думы на новый трехлетний срок Почетным попечителем реального училища был избран межевой инженер статский советник А.А. Лесневский [ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 12. Л. 235]. В апреле 1915 г. Почетным попечителем реального училища на новый трехлетний срок был избран В.К. Моравский [ГААК. Ф. 43. Оп. 1. Д. 437. Л. 51].

В апреле 1916 г. хозяйственный комитет реального училища при участии гражданских инженеров И.Ф. Носовича и Е.А. Мозгалевского, инженера-технолога А.Ф. Ильина, а также врача училища Н. Завадовского произвели осмотр усадьбы и здания училища, и оказалось следующее: почва усадьбы училища была заболочена, намечались болотные кочки, видны лужи, покрытые плесенью. Это являлось следствием высокого уровня грунтовых вод, которые не имели естественного стока. При осмотре комиссия обнаружила, что прилегающие к поверхности земли ряды кирпичей разрушались и эти разрушения, если здание останется в тех же условиях, будут прогрессировать. Сырость по стенам здания поднималась вверх. Из-за этого в здании наблюдались на стенах сырые пятна, покрытые плесенью. Это грозило, если не принять необходимые меры, разрушительным распространением домового грибка [ГААК. Ф. 43. Оп. 1. Д. 437. Л. 58–59]. В январе 1919 г. училищу был предъявлен счет за пользование электроэнергией от городской электростанции на освещение училища на сумму 500 руб. Директором училища в это время был Г.Н. Антонов, помощником директора – В.И. Верещагин [ГААК. Ф. 43. Оп. 1. Д. 527. Л. 13, 42].

В начале 1919 г. здание было передано под воинский постой, часть помещений занимали беженцы, другую часть отвели под больничные палаты лазарета [ГААК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 4. Л. 90]. В июле 1919 г. директор училища Антонов довел до сведения господина уполномоченного Министерства народного просвещения, что начать прием испытания 11 августа училище не сможет. Хоть из здания училища и были выведены все солдаты, но нары не убирались, военные власти говорили, что здание еще понадобится для постоя войск и размещения беженцев. На необходимый ремонт после постоя, по его мнению, понадобится не менее месяца, по этой причине учебный год не может начаться 1 сентября [ГААК. Ф. 43. Оп. 1. Д. 539. Л. 33]. В декабре 1919 г. старший врач госпиталя, размещенного в здании реального училища, в письме в отдел народного образования обратил внимание на опасность, угрожающую

учащимся, помещение которых было отделено от палаты с заразными больными 2-миллиметровыми дощатыми перегородками в дверях [ГААК. Ф. 43. Оп. 1. Д. 542. Л. 2]. В это же время врач реального училища также обратился с письмом в городской отдел народного здравия. Он просил основательно изолировать зал от лазарета хотя бы промазкой дверей [ГААК. Ф. 43. Оп. 1. Д. 542. Л. 4]. 30 декабря 1919 г. в училище был избран председателем педагогического совета В.И. Верещагин [ГААК. Ф. 43. Оп. 1. Д. 542. Л. 9]. В 1920 г. Чрезвычайная жилищная комиссия постановила: помещения, занимаемые в данное время отделом народного образования, освободить для лазарета [ГААК. Ф.Р. 166. Оп. 1. Д. 112. Л. 127]. В январе 1920 г., по приказу губернского отдела народного образования, ввиду существования в городе тифозной эпидемии и крайне антисанитарных условий школьной жизни все учебные заведения в Барнауле были закрыты [ГААК. Ф.Р. 593. Оп. 6. Д. 2. Л. 33].

19 марта 1920 г. комиссия по обследованию городских строений в отношении пожарной безопасности произвела осмотр бывшего здания реального училища по Пушкинской улице и Конюшенному переулку и нашла следующее: здание каменное двухэтажное, крытое железом, имеет из нижнего этажа два выхода с несгораемыми лестницами и третий запасный выход по железной лестнице из окна здания. С одной стороны дома к саду, в помещении лаборатории из окна второго этажа устроена деревянная лестница, непрочная по конструкции. В итоге комиссия пришла к заключению, что для обеспечения пожарной безопасности здания следует исправить указанные в акте дефекты [ГААК. Ф.Р. 216. Оп. 1. Д. 1755. Л. 56]. С 1920 г. в бывшем здании реального училища находились отделы губернского исполкома, а также школа III Интернационала, музей и педагогический техникум. По данным справочного бюро за 1921 г., в бывшем здании реального училища на углу ул. Пушкинской и Конюшенного переулка (совр. пр. Красноармейский) находились губернский подотдел записей гражданского состояния, губернская милиция, отделы управления, народного образования, здравия, земельный и сельхозстатистики [ГААК. Ф.Р. 207. Оп. 1. Д. 16. Л. 69–71]. 8 мая 1924 г. губернский инженер сообщил в президиум Алтайского губисполкома, что на ремонт здания бывшего реального училища, согласно сметным исчислениям, потребуется 18 091,78 руб. [ГААК. Ф.Р. 29. Оп. 1. Д. 64. Л. 2]. В перечне строительных работ за 1924 г. по Алтайской губернии, обследуемых комиссией при Алтгуб РКИ в марте 1925 г., на ремонт здания бывшего реального училища фактически было израсходовано 18 223 руб. [ГААК. Ф.Р. 29. Оп. 1. Д. 88. Л. 20]. По данным списка национализированных строений по Барнаульскому округу, составленных согласно декрету ВЦИК и СНК от 30.11.1925, двухэтажное здание по ул. Пушкинская, 82 было занято школой [ГААК. Ф.Р. 102. Оп. 1. Д. 155. Л. 14]. 23 ноября 1927 г. комиссией из представителя окружного инженера, заведующего школой им. III Коминтерна, заведующего физическим кабинетом был сделан осмотр произведенного

ремонта в физическом кабинете [ГААК. Ф.Р. 529. Оп. 1. Д. 409]. В 1928 г. городской комиссией были обследованы коммунальные дома на предмет определения необходимого ремонта. Так, на ремонт здания бывшего реального училища по смете было выделено 1 462,27 руб. Комиссия посчитала, что смету необходимо пересмотреть, дополнительно произвести ремонт в нижнем этаже: исправить печи, двери и пол, сделать навес над входной дверью со двора [ГААК. Ф.Р. 166. Оп. 1. Д. 141. Л. 2].

В годы Великой Отечественной войны в здании размещался госпиталь для раненых воинов. 11 октября 1943 г. исполком Алтайского краевого Совета депутатов трудящихся рассмотрел вопрос о предоставлении помещения филиалу Пушкинского сельскохозяйственного института в Барнауле для организации агрономического и зоотехнического факультетов. Первоначально институт разместили в здании по пр. Ленина, 17, и лишь в 1944 г. здание по ул. Пушкина, 82 было передано эвакуированному из г. Пушкина сельхозинституту. В составленном акте от 21 ноября 1944 г. было отмечено, что здание Коминтерна (бывшее горное училище) занято сельхозинститутом. При осмотре комиссия нашла, что конструкции здания находятся в удовлетворительном состоянии, лишь требуется произвести переоборудование водопровода и электросети [ГААК. Ф.Р. 1041. Оп. 1. Д. 3. Л. 56]. В настоящее время в здании находится аграрный университет.

Два здания, в которых размещались горное окружное и реальное училища, поставлены на государственную охрану как памятники архитектуры федерального значения: «Богадельня заводская» (пр. Красноармейский, 4) и «Горное училище» (пр. Красноармейский, 21/ул. Пушкина, 82), и входят в ансамбль Демидовской площади.

Библиографический список

Барнаул. Летопись города. Барнаул, 1994. Ч. 1. С. 88.

Долнаков А.П., Долнакова Е.А., Зотеева Л.А., Степанская Т.М. Памятники архитектуры Барнаула. Барнаул, 1982. С. 54.

Няшин Г.Д. Некоторые моменты истории Барнаула. Барнаул, 1928. С. 17.

Памятная книжка Томской губернии на 1908 г. Томск, 1908. С. 165.

M.A. Tselishcheva, M.A. Slutsky

Altai Regional Local History Non-Government Organization "Altai Heritage", Barnaul, Russia

THE HISTORY OF BARNAUL EDUCATION INSTITUTIONS: COUNTRY MINING COLLEGE AND TECHNICAL SCHOOL

The article is based on the analysis of the archival documents of the history of the country mining college which fell within the jurisdiction of Nicholas II royal administration. In 1897 the college was reorganized to technical school of the Ministry of Public Education. The article considers the history of two buildings which housed those education institutions in the past.

Key words: city college, school, public architecture, cultural heritage, monuments of history and culture, objects of cultural heritage.

УДК 904:903.27(571.52)

Л.Д. Чадамба

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, Кызыл, Россия

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОХРАНЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА ТУВЫ

В статье рассматриваются природный и антропогенный факторы, оказывающие негативное влияние на сохранность наскальных изображений Тувы. Результаты многолетних исследований и мониторинга состояния местонахождений петроглифов, проведенных автором в составе Тувинской археологической экспедиции ИИМК РАН (г. Санкт-Петербург), показывают, что древние изображения на скалах республики одновременно пострадали как от природных факторов, так и во многом от деятельности человека. Природный фактор разрушения во многом был спровоцирован созданием искусственного водохранилища, изменившего климатические условия на огромной территории, где сосредоточены уникальные рисунки, относящиеся к различным историческим периодам. К сожалению, реставрация разрушающихся памятников и использование их в различных целях на сегодняшний день невозможны в силу отсутствия достаточного финансирования и заинтересованных лиц.

Ключевые слова: петроглифы, зона затопления, Саяно-Шушенская ГЭС, посетительские надписи, природный и антропогенный факторы.

Одним из регионов России, насыщенных памятниками наскального искусства, является Республика Тува. Местонахождение скал с древними рисунками приурочено в основном к руслам рек.

В Кызыле, столице республики, реки Бии-Хем и Каа-Хем, соединяясь, образуют Улуг-Хем – Енисей, который, протекая в западном направлении, сливается с р. Хемчик и уходит на север, в Минусинскую котловину. Берега рек Улуг-Хем и Хемчик издревле были очень благоприятны для жизни людей, поэтому они наиболее богаты археологическими объектами. Среди них особенно интересны местонахождения с древними рисунками.

Петроглифы Тувы стали известны еще с конца XIX в., благодаря работам исследователя древностей Сибири А.В. Адрианова [1888, с. 404–405].

К сегодняшнему дню в Туве археологами из Санкт-Петербурга, Москвы, Кемерово, а также местными специалистами в разной степени изучено более 70 памятников наскального искусства. На каждом памятнике присутствуют изображения, оставленные древними и средневековыми кочевниками. В каждое историческое время сюжеты и изобразительные приемы перекликаются в разных местонахождениях петроглифов, что говорит о различных миграционных процессах, влияниях и заимствованиях различных культур. При этом на территории республики наравне с выраженными тенденциями культурных контактов и взаимовлияний проявляются и самостоятельные направления развития наскального искусства. Об этом можно судить по многочисленным рисункам на скалах Тувы.

В настоящее время состояние большинства памятников наскального искусства Тувы вызывает большую тревогу. Многолетний монито-

ринг показывает, что творения древних художников исчезают в результате влияния природных и антропогенных факторов.

К сожалению, древние изображения, являясь частью скальных массивов, зависимы от внешних климатических процессов, и камни с петроглифами испытывают систематическое воздействие деструктивного характера.

Наибольшее количество местонахождений наскального искусства, подвергающихся уничтожению, сосредоточено в Саянском каньоне Енисея, в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС.

Из-за ежегодного затопления водами Саяно-Шушенской ГЭС, с последующим замерзанием влаги в трещинах, скальные поверхности расслаиваются, разрушаются, вместе с ними уничтожаются древние петроглифы.

Водохранилище начинает заполнять огромные территории в конце июня, максимальные отметки наблюдаются в сентябре. Вода, прибывая и убывая, наносит негативное влияние на береговую линию, которая систематически разрушается. В эту зону попадает и часть территории Чаа-Хольского, Улуг-Хемского районов Тувы.

При наиболее низком уровне заполнения водой открываются скалы с петроглифами, которые в конце 70-х – начале 80-х гг. XX в. были исследованы петроглифическим отрядом Института археологии РАН под руководством М.А. Дэвлет (Дэвлет, 1976, 1980, 1982, 1990, 1993, 1998, 2001, 2004, 2009 и др.).

Петроглифы расположены по обоим берегам Енисея: с левой стороны в урочище Мугур-Саргол и Устуу-Саргол, с правой – на скалах Алдыы-Мозага, Алага и Устуу-Мозага в устье реки Чинге, «Каменный компас», Бижиктиг-Хая на Енисее. На памятнике мирового значения Мугур-Саргол камни с изображениями распространены вдоль берега реки. Валуны в течение многих десятилетий нахождения под водой стали более окатанными, многие рисунки погребены под слоем иловых и песчаных наносов. На Алдыы-Мозага и Устуу-Мозага наблюдается расслаивание структуры камня.

В долинах горных рек Куйлуг-Хем и Беделиг расположены местонахождения петроглифов Ийме (Куйлуг-Хем), Шолде-Тей, Беделиг, представленные изображениями различных исторических периодов. После создания водохранилища скалы с рисунками стали подвергаться интенсивной ветровой эрозии. На этих памятниках происходит процесс отслаивания камней, зарастание лишайниками, также плоскости покрываются землей и осадочными породами. На сохранность памятников влияет также и более обильное выпадение осадков [Килуновская, 2012, с. 117–119].

Ежегодному затоплению подвергается памятник буддийского искусства, представляющий собой барельеф Будды, находящийся в глубине скалы. Слева и справа от него изображены ученики Амитабхи. Вход в пещеру «охраняют» двое стражников. Буддийская ниша большую часть года находится под водой, что сказалось на ее сохранности. В связи с этим рядом с ней на более высоком месте в 2012 г. была высечена точная ее копия.

Многие петроглифы Тувы выбиты на скальных выходах песчаника, состоящего из песка и минералов, частицы которых прочно скреплены между собой глиной и известняком. Отличительной чертой песчаника является хрупкость. Древняя выбивка на песчанике со временем становится менее заметной, поэтому многие изображения подновляются нашими современниками. Такую картину можно наблюдать на памятнике с уникальными крупными изображениями гунно-сарматского времени Малый Баян-Кол, близ г. Кызыл, на пунктах Ээрбек-2, 3, 4, расположенных близ пос. Ээрбек Кызылского района, и на многих других.

Территория Тувы находится в зоне высокой сейсмоактивности. В результате подвижки земной коры камни сдвигаются с места. Многие плоскости с рисунками на Малом Баян-Коле, присутствующие на фотографиях А.В. Адрианова, сделанные им в начале XX в., сегодня отсутствуют. Вероятно, после скатывания с горы плоскости с изображениями оказались находящимися «лицом к земле» [Беликова, 2014, с. 104].

Зарастание скал лишайниками – весьма распространенное явление в Туве. Слои лишайников заполняют углубления изображений и тем самым скрывают их. Лишайники, вырабатывая органические кислоты, химически разрушая структуру камня, приводят к их разрушению. На территории Тувы почти на всех местонахождениях с петроглифами наблюдается присутствие лишайников.

Расслаивание структуры камня происходит не только на памятниках, подвергающихся затоплению, но и на других местонахождениях.

Однако антропогенный фактор в настоящее время можно считать главным, влияющим на сохранность памятников наскального искусства Тувы. Это, прежде всего, посетительские надписи, вандализм и физическое воздействие на памятник и его окружающую среду.

Посетительские надписи выявлены почти на всех местонахождениях петроглифов, которые расположены вблизи населенных пунктов.

Наибольшее количество их на памятнике Малый Баян-Кол. Само расположение памятника, на невысоких скалах вблизи г. Кызыла, у слияния рек Бии-Хема и Каа-Хема, где с древних времен были поселения тувинцев и заимки русских переселенцев, сделало его наиболее посещаемым. На одном из камней с бегущим медведем выгравирована глубокая надпись *м.asagan*, которая может относиться к концу XIX – XX в., когда здесь работали финские экспедиции. В 2012 г. на этой же плоскости поверх фигуры медведя белой масляной краской нанесены посетительские надписи. Такие же надписи оставлены вандалами и на остальных плоскостях с рисунками. Большими буквами *Буян+Доланна* перекрыта уникальная композиция с изображением лося, всадника и других животных.

Петроглифы Малого Баян-Кола пострадали не только от посетительских надписей. Памятник подвергся разрушению также в связи с хозяйственной деятельностью человека. В середине XX в. здесь проводилась добыча камня для строительства. Многие рисунки безвозвратно исчезли [Чадамба, 2009, с. 97–103].

Такими же надписями изобилуют и памятники наскального искусства Ээрбек-1, 4, расположенные вблизи пос. Ээрбек. Многие древние рисунки перекрыты современными надписями и рисунками, сделанными масляной краской. Пункт Ээрбек-2 частично пострадал в процессе взрывных работ при строительстве новой дороги. Происходят отслаивание рисунков, обрушение скал.

Рядом с пос. Бижиктиг-Хая в Барун-Хемчикском районе расположен одноименный памятник с уникальными рисунками, датированными эпохой бронзы. Близость к населенному пункту сказалась на сохранности изображений. Наблюдаются многочисленные современные надписи, как нанесенные краской, так и глубоко врезанные.

Для строительных нужд использовались плиты с рисунками близ пос. Хандагайты (Южная Тува), в пунктах Овюр, которые были исследованы в середине XX в. археологом А.Д. Грачем [1957, 1958].

В 2008–2010 гг. петроглифический отряд Тувинской археологической экспедиции под руководством М.Е. Килуновской, членом которой является автор, проводил мониторинг состояния памятников наскального искусства, расположенных в Овюрском районе республики. Мониторинг показал, что многие рисунки потеряны в результате естественных факторов – это корковые разрушения, образование трещин, обрастание лишайниками и мхом, а также в результате использования плит с рисунками для строительных работ жителями пос. Хандагайты.

В Улуг-Хемском кожууне находится еще один известный памятник древнего наскального искусства – Сыын-Чурек (Маралье Сердце).

На южной стороне одиноко возвышающейся горы, посередине равнины, зафиксировано более 300 рисунков [Вайнштейн, 1974]. Скалы с рисунками расслаиваются, сильно разрушаются. В 1970-х гг. гору взрывали и плиты использовали для постройки зданий в пос. Иштии-Хем.

Таким образом, памятники наскального искусства Тувы, помимо природных факторов, в наибольшей степени страдают от людского невежества, непонимания важности и ценности наследия, оставленного нам далекими предками.

В последние годы сделаны попытки использования памятников наскального искусства в культурно-образовательном туризме. В 2018 г. на памятнике Малый Баян-Кол силами студентов Тувинского государственного университета, получивших грант, были проведены работы по благоустройству территории и строительство лестничных подходов к плоскостям с рисунками. Однако работа по очистке петроглифов от посетительских надписей осложнена тем, что памятник включен в реестр федеральных объектов культурного наследия, и, согласно федеральному законодательству, необходимо проведение согласовательных работ, требующих финансовых вложений.

Библиографический список

Адрианов А.В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. По поручению Императорского русского географического общества членом сотрудником А.В. Адриановым // Зап. РГО по общей географии. СПб., 1888. С. 404–405.

Беликова О.Б. Последняя экспедиция А.В. Адрианова: Тува, 1915–1916 гг. Археологические исследования. Томск, 2014. 569 с.

Вайнштейн С.И. Народное искусство Тувы. М., 1974. 223 с.

Грач А.Д. Петроглифы Тувы. I. (Проблемы датировки и интерпретации, этнографические традиции) // Сб. МАЭ. М.; Л., 1957. Т. XVII. С. 385–427.

Грач А.Д. Петроглифы Тувы II. (Публикация комплексов, обнаруженных в 1955 г.) // Сборник МАЭ. М.; Л., 1958. Т. XVIII. С. 339–385.

Килуновская М.Е. Мониторинг археологических памятников Республики Тыва // Археологические памятники России: охрана и мониторинг. СПб., 2012. С. 121.

Чадамба Л.Д. Современное состояние памятника наскального искусства Малый Баян-Кол (Республика Тыва) // Наследие народов Центральной Азии и сопредельных территорий: изучение, сохранение и использование: мат. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию Национального музея им. Алдан-Маадыр. Кызыл, 2009. Ч. 1. С. 97–103.

L.D. Chadamba

Tuva Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research, Kyzyl, Russia

SOME QUESTIONS OF THE PRESERVATION AND PROBLEMS OF THE USE OF ROCK ART MONUMENTS OF TUVA

The article discusses natural and anthropogenic factors with a negative impact on the preservation of rock paintings of Tuva. The results of many years of research and monitoring of the location of petroglyphs undertaken by the author in the team of the Tuvan archaeological expedition of IHMC RAS (St. Petersburg) show that the ancient rock images in the republic have been affected by both natural factors and to a large extent human activity. The destructive natural factor was largely caused by the creation of an artificial reservoir that changed the climatic conditions in a vast area where unique drawings from different historical periods are concentrated. Unfortunately, today the restoration of crumbling monuments and their use for various purposes is impossible due to the lack of sufficient funding and interested persons.

Key words: petroglyphs, flooded area, Sayano-Shushenskaya hydroelectric station, visitor inscriptions, natural and anthropogenic factors.

УДК 342(470)+502.77:571

К.В. Чурилова

Управление государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края, Барнаул, Россия

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЛАСТИ СОХРАНЕНИЯ, ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

В статье исследуются основные нормативно-правовые акты, регулирующие отношения, возникающие в сфере сохранения, использования и популяризации объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Рос-

сийской Федерации. Дается определение государственной охраны наследия как системы правовых, организационных, финансовых, материальных и иных мер, принимаемых органами государственной власти Российской Федерации, направленных на учет, изучение объектов культурного наследия, предотвращение их разрушения или причинения им вреда, контроль за сохранением и использованием. Анализируются советское и действующее законодательства. Изучаются особенности владения, пользования и распоряжения объектами культурного наследия как особым видом недвижимого имущества. Рассматриваются возникающие проблемы в области правового регулирования охраны объектов культурного наследия. Приводятся примеры мероприятий, направленных на недопущение нарушений в области государственной охраны памятников культуры и искусства.

Ключевые слова: закон, государственная охрана, объект культурного наследия, правовое регулирование, сохранение, популяризация.

Объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации представляют собой уникальную ценность для всего многонационального народа РФ и являются неотъемлемой частью всемирного культурного наследия.

В последнее время чрезвычайно остро стоят вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. Отношение к культурному наследию приобретает все более идеологический, общественно-политический характер. Острота постановки проблемы обусловлена тем, что развитие культуры рассматривается в контексте тех изменений, которые происходят в политической жизни государства. На сегодняшний день накоплен существенный опыт по возрождению и сохранению культурно-исторического наследия, расширен диапазон работ различных учреждений и организаций по выявлению, восстановлению и использованию памятников истории и культуры. Все большее значение приобретает включение в эту деятельность широких слоев населения.

Правовое регулирование отношений в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) основывается на положениях Конституции Российской Федерации, Гражданского кодекса Российской Федерации, Основ законодательства Российской [Федерации Закон №3612-1, 1992] о культуре и осуществляется в соответствии с Федеральным законом «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [Федеральный закон №73-ФЗ, 2002] и принимаемыми в соответствии с ним другими федеральными законами, а также принимаемыми в соответствии с ними, в пределах компетенции субъектов Российской Федерации, законами субъектов РФ в области государственной охраны объектов культурного наследия.

Отдельные нормы, направленные на урегулирование правоотношений по охране культурного наследия, содержатся в Градостроительном кодексе РФ, Земельном кодексе РФ, Налоговом кодексе РФ, Федеральных законах «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации», «О приватизации государственного и муниципального

имущества», «О лицензировании отдельных видов деятельности», законодательстве, регулирующем бюджетные отношения.

В Алтайском крае отношения в сфере сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации регулирует Закон Алтайского края от 12.05.2005 №32-ЗС «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) в Алтайском крае» [Закон Алтайского края №32-ЗС, 2005].

Федеральный закон от 25.06.2002 №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее – Федеральный закон №73-ФЗ, Закон) регулирует отношения в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) и направлен на реализацию конституционного права каждого на доступ к культурным ценностям и конституционной обязанности каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры, а также на реализацию прав народов и иных этнических общностей в Российской Федерации на сохранение и развитие своей культурно-национальной самобытности, защиту, восстановление и сохранение историко-культурной среды обитания, защиту и сохранение источников информации о зарождении и развитии культуры [Марлухина, 2008].

Принятие этого документа стало большим событием в сфере охраны культурного наследия. Закон создан с учетом новейшего европейского опыта и реальной экономической и социокультурной ситуации в стране. В нем подчеркивается ценность объектов культурного наследия России как символа национально-культурной самобытности, важнейших элементов историко-культурной среды обитания и информативных исторических источников [Полякова, 2005, с. 107].

В Российской Федерации гарантируется сохранность объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ в интересах настоящего и будущего поколений многонационального народа Российской Федерации.

Государственная охрана объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) является одной из приоритетных задач органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления. Под государственной охраной объектов культурного наследия в Федеральном законе №73-ФЗ понимается система правовых, организационных, финансовых, материально-технических, информационных и иных принимаемых органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления в пределах их компетенции мер, направленных на выявление, учет, изучение объектов культурного на-

следия, предотвращение их разрушения или причинения им вреда, контроль за сохранением и использованием объектов культурного наследия в соответствии с Федеральным законом.

В законе определены задачи государственных органов охраны памятников: контроль за соблюдением законодательства в области охраны, установление ответственности за повреждение или разрушение памятников, разработка проектов зон охраны объектов наследия, выдача разрешений на проведение землеустроительных и хозяйственных работ на их территории, контроль за состоянием объектов культурного наследия.

15 декабря 1978 г. был принят Закон РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» (далее – Закон РСФСР), который предшествовал принятию в 2002 г. Федерального закона №73-ФЗ, который частично действует и в настоящее время. Закон РСФСР заложил основы и предпосылки для развития российского законодательства в этой области, имея своей основной целью охрану памятников как одну из важнейших задач государственных органов и общественных организаций, а также как патриотический долг каждого советского гражданина. Он был призван способствовать улучшению дела охраны и использования памятников истории и культуры, дальнейшему укреплению законности в этой области [Закон РСФСР, 1978 г.].

Закон РСФСР не делал ссылку и не выделял памятники истории и культуры как объекты недвижимости, что было сделано в Федеральном законе №73-ФЗ. Закон РСФСР осуществлял регулирование как движимых, так и недвижимых памятников истории и культуры.

Советское законодательство уделяло большое внимание охране культурного наследия государства, но, в отличие от нынешнего законодательства, все нормы советского права были построены на идеологии, что исключало возможность сохранения таких недвижимых памятников истории и культуры, как храмы, церкви, усадьбы, дворцовые ансамбли, другие культурные ценности, связанные с этими объектами культурного наследия, что привело к их уничтожению. Все это является негативным фактором советского законодательства. Другим отрицательным моментом являлось отсутствие единого определения памятников истории и культуры. Каждый субъект Советского государства давал свое понятие культурного наследия и его объектов или добавлял к существующим определениям свои, что создавало проблему при регистрации памятника в качестве объекта культурного наследия.

Проводя анализ существующего действующего законодательства и Закона РСФСР, уже утратившего силу в большей части, обращает на себя внимание и название этих законов. Если смотреть на название Закона, то можно сказать, что данный нормативно-правовой акт регулирует отношения, возникающие в отношении только памятников, в отличие от Федерального закона №73-ФЗ, который регулирует отношения в области объектов культурного наследия, что является более широким понятием,

чем памятник. Если обратиться к словарю, то под памятником понимается объект, составляющий часть культурного наследия страны, народа. Таким образом, можно утверждать, что Закон РСФСР был направлен на регулирование лишь одного объекта культурного наследия – памятников [Большая советская энциклопедия, 1973]. Согласно с. 6 Закона РСФСР памятники подразделялись на виды, к которым относились памятники истории, археологии, градостроительства и архитектуры, памятники искусства, документальные памятники и другие, представляющие историческую, научную, художественную или иную культурную ценность. В свою очередь, Федеральный закон №73-ФЗ, ставит своей целью регулирование отношений, возникающих в области сохранения, использования и популяризации объектов культурного наследия, владения, пользования и распоряжения объектами культурного наследия как особого вида недвижимого имущества, формирования и ведения единого государственного реестра объектов культурного наследия народов Российской Федерации и общих принципов государственной охраны объектов культурного наследия.

Таким образом, можно сделать вывод, что Федеральный закон №73-ФЗ охватывает все отношения, возникающие по поводу объектов культурного наследия. Тем не менее существуют и пробелы в законодательстве об объектах культурного наследия, в частности, отсутствует указание на разграничение государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, собственность субъектов и собственность муниципальных образований. Такое положение дел создает проблемы при осуществлении государственного учета объектов культурного наследия. До сих пор сохраняется проблема с приватизацией объектов культурного наследия.

В новом действующем законе подробно определяется механизм правового регулирования права собственности по отношению к объектам культурного наследия. В законе получили отражение вопросы, посвященные воссозданию памятников. В статье закона подчеркнуто, что воссоздание утраченного объекта культурного наследия осуществляется посредством его реставрации в исключительных случаях, при особой исторической, архитектурной, научной, художественной, градостроительной, эстетической или иной значимости объекта и при наличии достаточных научных данных, необходимых для его воссоздания. Решение о воссоздании утраченного памятника истории и культуры за счет средств федерального бюджета принимается Правительством Российской Федерации на основании историко-культурной экспертизы по официальному заключению федерального органа охраны, согласованному с органом государственной власти, а также с учетом общественного мнения или мнения религиозных организаций, в случае воссоздания памятника или ансамбля религиозного назначения.

Закон отразил наиболее актуальные проблемы сохранения культурного наследия в новых экономических и социально-политических усло-

виях. Вместе с тем для реализации закона необходимы четкие, конкретные подзаконные акты, в которых были бы более детально разработаны вопросы сохранения и использования памятников истории и культуры, более четко регламентированы отношения новых владельцев памятников и государственных учреждений охраны.

Осознание общественного и государственного значения охраны культурного наследия оформилось не сразу.

В настоящее время возникает необходимость реорганизации деятельности по охране, реставрации и использованию памятников истории и культуры. В связи с этим является целесообразным проведение анализа современного состояния проблемы сохранения культурного наследия, разработки путей решения.

Федеральный закон №73-ФЗ в ст. 3 говорит об объектах культурного наследия, которые являются недвижимым имуществом особого рода и с особым правовым режимом.

Таким образом, под памятниками истории и культуры понимаются только объекты недвижимого имущества. Объекты, признаваемые памятниками истории и культуры, подчиняются особому правовому режиму и находятся под особой правовой охраной. Для того чтобы тот или иной объект получил особую правовую охрану, необходимо чтобы он был признан таковым в установленном законом порядке. При этом следует иметь в виду, что каких-либо объективных признаков для признания их таковыми не существует. Каждый раз этот вопрос решается в индивидуальном порядке на основании заключения специалистов.

Особый режим был установлен для объектов культурного наследия религиозного назначения. Так, согласно пункту 2 статьи 50 Закона об объектах культурного наследия объекты культурного наследия религиозного назначения могут передаваться в собственность только религиозным организациям в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

В настоящее время большое внимание уделяется сохранению культурного наследия нашей страны и всего мира. Увеличивающееся с каждым днем количество судебных разбирательств, связанных с нарушением законодательства о защите объектов культурного наследия, создает предпосылки для более глубокого изучения существующей проблемы.

Библиографический список

Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. М. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rubricon.com/about_bse_6.asp

Марлухина Е.О. Комментарий к Федеральному закону от 29 декабря 1994 года №78-ФЗ «О библиотечном деле» (постатейный) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru

Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ: Федеральный закон от 25 июня 2002 г. №73-ФЗ (с изм. и доп.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru

Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) в Алтайском крае: Закон Алтайского края от 12 мая 2005 г. №32-3С (с изм. и доп.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru

Об охране и использовании памятников истории и культуры: Закон РСФСР от 15.12.1978 (с изм.) [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/2306262/

Основы законодательства Российской Федерации о культуре: Закон Российской Федерации от 9 октября 1992 г. №3612-1 (с изм. и доп.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru

Полякова М.А. Охрана культурного наследия России: учеб. пособие для вузов. М., 2005. 271 с.

K.V. Churilova

Department for the State Conservation of Cultural Heritage Sites in the Altai Region, Barnaul, Russia

RUSSIAN FEDERATION LEGISLATION FOR CONSERVATION, PUBLIC ENGAGEMENT AND STATE PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE SITES

This paper considers principal regulations and standards governing matters of conservation, public engagement, and popularization of cultural heritage sites (historical and cultural monuments) of the peoples of Russia. The article defines state heritage protection as a system of legal arrangements, managerial procedures, fiscal and material measures by the public authorities of the Russian Federation aiming at cultural sites registration, examination, damage prevention, conservation, and public engagement supervision. The paper analyses Soviet and current legislation, examines individualities possession, public engagement, and management of the cultural sites as a special type of such premises. The author presents emerging problems in the regulations of cultural heritage sites protection and gives examples of the measures to prevent violations in state protection in the area of cultural heritage and works of art.

Key words: legislation, state protection, cultural heritage sites, regulations, conservation, popularization.

УДК 903’1(470.41)

Е.Г. Шалахов

Государственное бюджетное учреждение культуры Республики Марий Эл «Замок Шереметева», Юрино, Россия

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ИНСПЕКТОРА ЦАРЕВОКОКШАЙСКОГО ВЫСШЕГО НАЧАЛЬНОГО УЧИЛИЩА И.М. БОЛДЫРЕВА И ВОПРОС ЕЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ

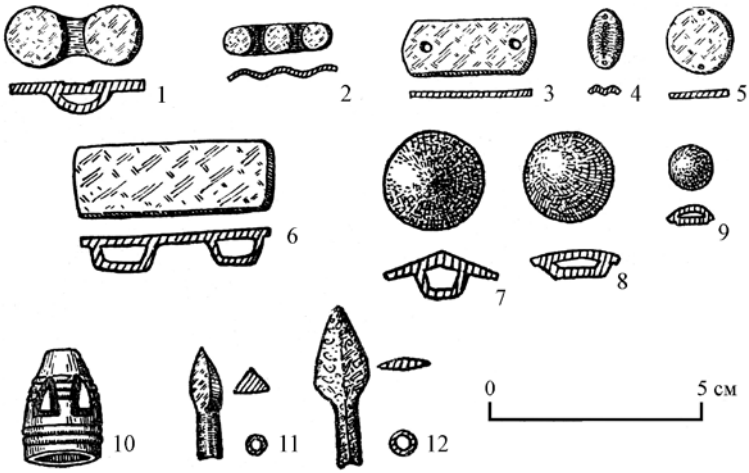
В настоящей статье нами рассматривается любопытный комплекс предметов, поступивший в первой половине XX в. в фонды Марийского республиканского краеведческого музея. Публикация материалов комплекса, предпринятая еще в прошлом веке, расширила круг источников по изучению

эпохи раннего железа на Средней Волге. Мы подтверждаем гипотезу о разрушенном распашкой могильнике, который был впервые обследован собирателем древностей И.М. Болдыревым.

Ключевые слова: археологическая коллекция, музей, эпоха раннего железа.

Среди уникальных находок и вещевых комплексов древности, переданных в советское время в музеи Республики Марий Эл, особое место занимает археологическая коллекция И.М. Болдырева. Его любительские сборы по археологии на территории бывшего Козьмодемьянского уезда Казанской губернии предвосхитили работы марийских археологов по изучению эпохи раннего железа.

Коллекция древних вещей (рис.-*1–12*), собранная в начале XX в. в окрестностях с. Копани и с. Троицкий посад (Горномарийский район Республики Марий Эл), на правом берегу Волги, состоит в основном из поясных украшений и предметов вооружения [Халиков, 1962, с. 94]: бронзовые спаренные бляшки (3 экз.) (рис.-*1*), пластинчатые накладки (4 экз.) (рис.-*2–5*), крупная прямоугольная бляха с двумя дужками на тыльной стороне (рис.-*6*), медно-бронзовые круглой формы поясные бляхи (3 экз.) (рис.-*7–9*), напоминающие скифские перстневидные бляшки-пронизи с уздечных наборов, бронзовая полая пронизь конусовидной формы с четырьмя треугольными прорезями (рис.-*10*), а также бронзовый втульчатый трехгранный наконечник стрелы скифского типа (рис.-*11*) и железный втульчатый наконечник стрелы с листовидным пером (рис.-*12*).



Археологическая коллекция И.М. Болдырева: *1* – бронзовая спаренная бляшка; *2–5* – пластинчатые накладки (нашивки); *6* – крупная прямоугольная бляха; *7–9* – поясные бляхи; *10* – бронзовая пронизь; *11* – бронзовый наконечник стрелы; *12* – железный наконечник стрелы (по: [Халиков, 1962])

Автор первой публикации комплекса – А.Х. Халиков [1962, с. 26] – датировал его VI–V вв. до н.э., ссылаясь на известные аналогии из погребений Акозинского могильника эпохи раннего железного века (открыт в 1952 г. экспедицией Марийского научно-исследовательского института под руководством Р.В. Чубаровой).

Материал, собранный И.М. Болдыревым, по мнению А.Х. Халикова, является остатками разрушенного могильника ананьинской культурно-исторической общности, памятники которой синхронны скифским древностям степной и лесостепной зоны.

В научной литературе собиратель древностей И.М. Болдырев упоминается как «козмодемьянский краевед» (?) [Халиков, 1962, с. 94]. Разыскания по вопросу о происхождении болдыревской коллекции привели нас к мысли о возможности использования профессиональной компетенции сотрудников Козьмодемьянского музейного комплекса (КМК). По устной информации научного консультанта КМК В.Л. Шерстнева, «краевед» И.М. Болдырев неизвестен в г. Козьмодемьянск.

Таким образом, вещевой комплекс эпохи раннего железа, происходящий, очевидно, из случайных находок на пахотном поле или купленный у местного населения, поступивший позднее в фонды Марийского республиканского краеведческого музея, полностью соотносится с собирательской деятельностью инспектора Царевококшайского высшего начального училища Ивана Михайловича Болдырева. Уроженец Астраханской губернии, он проявил себя не только на педагогическом поприще, но и стал первооткрывателем нового круга древностей, которые были исследованы в XX столетии в границах бывшего Козьмодемьянского уезда Казанской губернии.

Библиографический список

Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Железный век Марийского края. Йошкар-Ола, 1962. С. 7–187.

E.G. Shalakhov

State Budget Institution of Culture of the Republic of Mari El "Sheremetev's Castle" Yurino, Russia

ARCHAEOLOGICAL COLLECTION OF THE INSPECTOR OF THE TSAREVOKOKSHAISK HIGHER PRIMARY SCHOOL I.M. BOLDYREV AND THE QUESTION OF ITS ORIGIN

The article considers an interesting set of items received in the first half of the 19th century in the funds of the Mari Republican Museum of Local Lore. The publication of the materials of the complex, varied out in the last century, expanded the range of sources for the study of the early Iron Age in the middle Volga. We confirm the hypothesis about the destroyed burial ground, which was first examined by the collector of antiquities I.M. Boldyrev.

Key words: archaeological collection, museum, early Iron Age.

УДК 902.2(571.1)

Ю.В. Ширин[1], М.А. Ермолаев[2]

[1]Новокузнецкий филиал-институт Кемеровского государственного университета, Кемеровский государственный университет, Новокузнецк, Россия;
[2]Музей этнографии и природы Горной Шории, Таштагол, Россия

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИХ ПЛОЩАДОК НА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКАХ ГОРНОЙ ШОРИИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ
(проект №18-78-10076)

Горная Шория – один из центров железной металлургии на юге Сибири в позднем Средневековье и в Новое Время. Но его изучение только начинается. В ходе археологической разведки 2018 г. на р. Пызас было найдено шесть поселений. На четырех из них выявлены следы обработки железа. Есть трудности для интерпретации этих объектов. Анализ материалов, оставленных металлургами на поселениях, позволил выделить несколько видов горнов. По внешнему виду они схожи с горнами, описанными в XVIII в. Однако практическое назначение этих печей не всегда понятно. Возможно, что они могли быть в основном кузнечными горнами. Выявленные металлургические комплексы не всегда могут быть однозначно интерпретированы без компетентной морфологической оценки шлаков и теплотехнических конструкций, а также без проведения специальных технологических и химических анализов.

Ключевые слова: плавка железа, шлак, кузнечное ремесло, Новое время.

Таштагольским «Музеем природы и этнографии Горной Шории» совместно с ТГУ и НФИ КемГУ в августе 2018 г. проведена археологическая разведка в Таштагольском районе Кемеровской области по реке Пызас (левый приток р. Мрассу, бассейна р. Томи). Линейная протяженность обследованного участка, от пос. Белка до устья р. Пызас, составила около 40 км.

Следует отметить, что специальных археологических исследований на р. Пызас ранее не проводилось. Но в устной краеведческой традиции существовало мнение, что на р. Пызас, у пос. Белка есть курганы. И будто бы в одном из них была найдена кольчуга, ныне хранимая в фондах Новокузнецкого краеведческого музея [Мартюшов, 2017]. Также известны предания, связываемые некоторыми исследователями с бассейном р. Пызас, о пещере, в которой прятались от калмыков шорцы из некого пос. Пазас. Позднее в этой пещере якобы находили железные наконечники копий и прочее оружие [Данилин, 1993, с. 63]. Нами установлено, что на р. Пызас не было поселка с таким названием и данную информацию не следует связывать с карстом этой реки. Судя по всему, речь в преданиях идет о пос. Базас на р. Мрассу, где нам известна аналогичная легенда, связанная с пещерами этой же реки. Что касается курганов у пос. Белка, то они на поверку оказались природными образованиями.

В ходе разведочных работ на р. Пызас нами было выявлено 6 памятников археологии.

Поселение Белка-1 расположено на правом берегу р. Пызас, в 500 м выше по течению от крайней группы построек пос. Белка, известной под названием Актыгал. Поселение расположено на узком подтреугольном мысу высотой 10 м над поймой. Нельзя исключать того, что выявленный памятник является мысовым городищем. Но данные наблюдения нуждаются в дальнейшем уточнении. В шурфе в центре площадки найдено скопление фрагментов лепного горшка. Это были фрагменты глиняного сосуда без шейки, с покатыми плечиками и вывернутым наружу венчиком. Диаметр устья около 20 см, толщина стенок – 5–7 мм. В тесте примесь песка, обжиг костровой, слабый. По обрезу венчика нанесены оттиски крупнозубой гребенки, придающие ему зубчатую форму. Такой же трехзубой гребенкой орнаментировано плечико сосуда. Орнамент выполнен в виде горизонтальной полосы вертикальных оттисков гребенки. В орнаментальной полосе есть минимум один широкий разрыв. В зоне шейки наколот ряд ямок. Тип керамики из шурфа позволяет предварительно отнести поселение Белка-1 к памятникам позднего средневековья. Форма и характер орнамента керамики имеют сходство с керамикой из позднесредневековых комплексов поселений в Минусинских котловинах. Сходная керамика была встречена и на смежном участке в бассейне р. Мрассу, на исследованном нами в 2016 г. поселении Судочаково-1 [Ширин, 2014, рис. 17]. Нельзя исключать вероятность того, что поселение Белка-1 может быть связано с бегством части енисейских киргизов от принудительного переселения в Джунгарию [Копкоев, 1965, с. 76]. В 1704 г. отрядом казаков во главе с П. Собанским и Ф. Сорокиным было разгромлено несколько киргизских юрт, которые укрывались от переселения именно на р. Пызас [Боргояков, 1974, с. 129].

Поселение Белка-2 расположено в 2,3 км к северо-востоку от пос. Белка, ниже по течению, на левом берегу р. Пызас. У местного населения данное урочище известно под названием Шанчиг. Культурный слой выявлен на чистой, относительно ровной площадке с южной экспозицией, высотой 4–5 м над поймой реки. Небольшая подтреугольная площадка, каждая сторона которой не более 12 м, прижата к подножию горы с задернованным склоном. В центре площадки на уровне –20 см найден небольшой кусок железного шлака, вероятнее всего, от кузнечной обработки железа. Датировка памятника затруднена. По характеру культурного слоя поселение Белка-2 предварительно отнесено к позднему средневековью.

Поселение Нижний Алзак расположено в 100 м от д. Нижний Алзак, на кромке правого берега р. Пызас, на широкой пологой площадке высотой 7–8 м. В шурфе на уровне –20 см найден кусок железного шлака. Морфологические особенности шлака позволяют предварительно отнести его к типу кузнечных шлаков, а памятник датировать поздним средневековьем.

Поселение Усть-Карагол-1 расположено на кромке правого берега р. Пызас, в 500 м ниже по течению от д. Усть-Карагол. Оно занимает не-

большую мысообразную площадку 15×10 м, высотой 4 м над поймой реки, с южной экспозицией. Урочище именуется местным населением Хыспахол. В шурфе на уровнях от –27 до –35 см, были найдены мелкие фрагменты от двух лепных сосудов. Они украшены оттисками сложного зубчатого штампа, по внешней кромке обреза венчика нанесены ногтевые насечки. Вероятно, оба сосуда были круглодонными. Кроме керамики, были найдены два железных предмета, позволяющие предполагать, что здесь работал кузнец. Это были два однотипных фрагмента тонких железных пластинок. Один представлен согнутым обломком (15×4×1 мм), другой, при сходных параметрах по ширине и толщине, с одного конца имеет утолщение. Сечение этого утолщения составляет 8×4 мм, что, видимо, близко к параметрам начальной заготовки, из которой отковывалась пластинка. По характеру орнаментации и форме керамики, поселение Усть-Карагол-1 может быть предварительно датировано ранним средневековьем (VII–VIII вв.).

Поселение Усть-Карагол-2 расположено в 600 м к северо-западу от д. Усть-Карагол, на правом берегу р. Пызас, на чистом пологом склоне увала с юго-восточной экспозицией, на высоте 6–7 м над рекой. В данном месте р. Пызас по броду пресекает традиционная тропа, ведущая к пос. Усть-Карагол. Данное урочище местные жители называют Ортах-Кечыг. В центре площадки на глубине 16–18 см от современной поверхности найден линзовидный железный шлак, относительно легкий, пористый, диаметром 6–7 см и толщиной не более 1,5 см. Рядом найдена железная крица весом около 480 г, прокованная в виде бруска 9×6,7×5 см, и железная заготовка, прокованная в виде удлиненного бруска 8,5×1,6×1,1 см. Характер культурного слоя на поселении Усть-Карагол-2, а также находок в нем, позволяет предварительно отнести данный памятник к позднему средневековью.

Поселение Усть-Карагол-3 расположено в 1,4 км к северо-западу от д. Усть-Карагол, на правом берегу р. Пызас. Оно занимает площадку 20×40 м, высотой 8–9 м над поймой реки. Данное урочище именуется местными жителями Плай-хол. В шурфе на уровне –10–15 см от современной поверхности найдены фрагменты лепного сосуда. Это был горшок с короткой шейкой и слабовыпуклыми плечиками. Диаметр устья около 18 см. Венчик слегка утолщен, с горизонтально уплощенным срезом. Толщина стенок тулова 7–6 мм, в тесте примесь мелкой дресвы, цвет черепков красно-коричневый. Сосуд по плечику украшен тремя или четырьмя горизонтальными рядами наклонных ногтевых наколов. Ногтевые насечки сделаны и по внешней кромке обреза венчика. В зоне шейки наколоты в ряд редкие ямки. Здесь же найден каменный скребок из грубо оббитой по кромке плоской округлой гальки 9×8×2 см. Лезвие скребка полукруглое со следами стирания. По характеру культурного слоя и особенностям керамики поселение Усть-Карагол-3 можно предварительно датировать ранним средневековьем (VII–VIII вв.).

В настоящее время в районе проведения археологической разведки, в основном, проживают тюркоязычные потомки пызасской группы кузнецких татар, составлявших в XVII–XVIII вв. Изюшорскую ясачную во-

лость. Эта волость объединяла сёоки таеш или узют-шор, чорал и кечин. Здесь преобладало комплексное хозяйство (охота, земледелие, пчеловодство, рыболовство, собирательство). Скотоводство из-за отсутствия удобных пастбищ и традиционных навыков было незначительным. По ясачным книгам XVII в. отмечена сдача представителями этой волости в составе ясака продукции черной металлургии, впрочем, в весьма незначительном количестве [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 426. ЛЛ. 40–41].

На четырех из шести выявленных нами памятников на р. Пызас отмечены признаки обработки железа. Следует отметить, что существует объективная сложность интерпретации подобных находок. Изучение таких памятников в Горной Шории только начинается [Martyushov, Shirin, 2018]. Но уже стало понятно, что следы металлообработки, выявляемые археологами в данном регионе, чаще всего связаны не с изолированными от поселений узкоспециализированными металлургическими площадками, а именно с поселениями кузнецких татар. Шлаки, находимые на таких памятниках, связаны не с получением железа из руды, а уже с вторичной кузнечной обработкой сырцового железа [Serneels, Perret, 2003, p. 471].

Мы имеем единственное относительно подробное описание металлургического ремесла кузнецких татар, которое сделано И.Г. Гмелиным по его личным наблюдениям в 1734 г. [Гмелин, 2003, с. 102–103]. До недавнего времени это описание использовалось как основное документальное свидетельство для характеристики технологии процесса получения железа из руды, практикуемого кузнецкими татарами. Теперь текст Гмелина вызывает обоснованные сомнения как по указанному времени металлургического процесса, так и по его продуктивности. Попытки археологов воспроизвести процесс варки железа по описанной технологии также оказались неудачными.

Результаты анализа материалов, полученных в ходе раскопок металлургических объектов XVIII в. на поселениях Горной Шории, позволили выделить несколько типов металлургических горнов. Некоторые из них внешне аналогичны описанным Гмелиным. Однако практическое назначение этих горнов не всегда ясно. Более вероятно, что данные конструкции могли быть кузнечными горнами. Прояснить этот вопрос может химический анализ металлургических шлаков всех морфологических типов, собранных на поселениях Горной Шории. Также следует подвергнуть изучению и температурные режимы, воздействию которых подвергались глиняные конструкции горнов. Результаты анализов могут быть сопоставлены с результатами экспериментов по получению железа и его кузнечной обработке.

Библиографический список

Боргояков М.И. Вопросы этногенеза хакасов XVII–XVIII вв. и исторические источники // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Сер. ист. 1974. Вып. 19, №5. С. 120–131.

Гмелин И.Г. Поездка по Рудному Алтаю в августе-сентябре 1734 г. (из книги «Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733–1734») // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2003. Вып. 5. С. 86–107.

Данилин А.Г. Бурханизм. Горно-Алтайск, 1993. 204 с.

Копкоев К.Г. Об угоне «енисейских кыргызов» в Джунгарию в начале XVIII в. // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Абакан, 1965. Вып. XI. С. 65–85.

Мартюшев Р.А. Кольчатый панцирь из фондов Новокузнецкого краеведческого музея // Краеведение в современном мире: проблемы, достижения, перспективы. Новокузнецк, 2017. С. 81–86.

Ширин Ю.В. Древние поселения верхнего течения р. Мрассу и шорцы-бирюсинцы // Из кузнецкой старины. Новокузнецк, 2014. Вып. 5. С. 19–43.

Martyushov R.A., Shirin Yu.V. Difficulties Interpreting of Written and Archaeological Sources of Information of Ferrous Metallurgy of the Kuznetsk Tatars. In: Bylye Gody. 2018. Vol. 49. Is. 3: 915–930.

Serneels V., Perret S. Quantification of smithing activities based on the investigation of slag and other material remains. In: Archaeometallurgy in Europe. 2003. Milano, Vol. 1: 469–478.

Yu.V. Shirin[1], M.A. Yermolaev[2]

[1]NBI, Kemerovo State University, Novokuznetsk, Russia;
[2]The Museum of Ethnography and Nature of Mountain Shoria, Tashtagol, Russia

THE PROBLEM IN INTERPRETATION OF METALLURGICAL FACILITIES ON THE MEDIEVAL SITES OF MOUNTAIN SHORIA

Mountain Shoria was one of the centers of iron metallurgy in the South of Siberia in the late Middle Ages and in the Modern Times. However, its study is just beginning. Six sites were found by reconnaissance on the river Pyzas in 2018. There are traces of the iron making process on four of them. Some difficulties arose for interpreting of the objects. The analysis of materials left by metallurgists at the settlements allowed us to single out several types of furnaces. In appearance, they are similar to the furnaces described in the 18th century. However, the practical purpose of these furnaces is not always clear. It is possible that they could be mainly blacksmith forges. The identified metallurgical complexes cannot always be unambiguously interpreted without a competent morphological assessment of slags and heat engineering structures, and special technological and chemical analyzes.

Key words: smelting of iron, slag, blacksmith's craft, the Modern Times.

УДК 903.5(571.150)

А.В. Шмидт, К.Н. Солодовников

Музей Природы и Человека, Ханты-Мансийск, Россия;
Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень, Россия

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ЛАБОРАТОРНОГО ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ МОГИЛЬНИКА ФИРСОВО-XI

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №18-09-00779 «Антропологические и археологические грани этногенеза населения юга Западной и Средней Сибири в эпохи неолита и ранней бронзы»)

Могила №15 на памятнике Фирсово-XI представляет собой коллективное неолитическое (энеолитическое?) захоронение трех взрослых мужчин, уложенных вытянуто на спине, головой на северо-восток–восток. При подготов-

ке этих материалов к монографической публикации, потребовалось переделать планы данного погребения, зарисованного в полевых условиях схематично. Сравнительный анализ полевых чертежей, черно-белых фотографий и антропологических материалов позволил выявить целый ряд важных деталей, которые ускользнули от внимания исследователей на момент вскрытия захоронения. Установлено, что покойный №1 имел прижизненный неправильно сросшийся перелом правого предплечья. А его левая локтевая кость заменена правой от другого индивида. Тело покойного №3 еще до похорон подверглось сильному разложению и на момент погребения буквально разваливалось на части. Об этом свидетельствуют анатомические несоответствия у данного скелета.

Ключевые слова: вторичное погребение, неолит, кость, полевые чертежи, фотографии.

Могильник Фирсово-XI, открытый в 1977 г. В.В. Бородаевым и А.Л. Кунгуровым, расположен на правом коренном берегу р. Обь, напротив города Барнаула, между селами Санниково и Фирсово. Летом 1992 г. силами экспедиции Алтайского государственного университета под руководством А.Б. Шамшина на памятнике было заложено два разведочных раскопа, а спустя год начаты полномасштабные исследования. В результате в 1993 г., помимо «основного» комплекса эпохи раннего железного века, на памятнике выявлено шесть захоронений неолитического (энеолитического?) времени. Усопшие похоронены по «стандартному» для данного хронологического периода обряду: вытянуто на спине, головой в северо-восточный сектор [Лыжникова, 1998].

Недостаточное финансирование привело к тому, что в составе экспедиции отсутствовал профессиональный художник, не было антрополога и специалиста в области каменного века. Все это негативно отразилось на качестве проводимых работ. Однако затягивать с началом раскопок было нельзя – территорию, где располагался могильник, самовольно захватило садоводческое товарищество, и к 1993 г. здесь уже полным ходом велись строительные работы по взведению дачных усадеб.

Дефицит квалифицированных кадров обнажил ряд негативных моментов: формальный подход к описанию погребений и сопроводительного инвентаря; костяки зарисовывались схематично; на хранение от скелета забирали только череп и кости конечностей. Именно отсутствие хорошей полевой документации отодвинуло во времени научную публикацию данных материалов, хотя сам интерес к могильнику Фирсово-XI никогда не ослабевал. Так, в 2008 г. был опубликован комплекс раннего железного века [Фролов, 2008]. Сейчас, используя полевую документацию (дневники, планы погребений, черно-белые фотографии), анализируя сопроводительный инвентарь и антропологические материалы, команда исследователей пытается восполнить недостающие пробелы, возникшие вокруг неолитического некрополя.

В настоящий момент практически завершена работа по перерисовке планов погребений. Сравнительный анализ полевых чертежей, черно-белых фотографий (под большим увеличением) и антропологи-

ческих материалов позволил выявить целый ряд очень важных деталей, которые ускользнули от внимания раскопщиков на момент вскрытия захоронений. В данной работе авторы излагают некоторые результаты, полученные в ходе лабораторного изучения материалов погребения №15.

Могила представляет собой коллективное захоронение трех «возрастных» мужчин, уложенных вытянуто на спине (условно «плечом к плечу»), головой на северо-восток–восток (рис. 1). Могильное пятно не читалось. Погребение частично разрушено захоронением №14, в результате чего скелет №1 утратил череп и левую плечевую кость. Сопроводительный инвентарь представлен одним наконечником стрелы, обнаруженным на левой бедренной кости скелета №2 (рис. 1.-*1*). Результаты краниологического исследования свидетельствуют об определенном морфологическом сходстве по признакам строения черепа скелетов №2 и 3 могилы-15, которые на фоне других захороненных на могильнике Фирсово-XI выделяются более высокой мозговой капсулой, более выпуклым и прямым лбом и небольшими размерами лицевого отдела [Солодовников, Тур, 2017, табл. 2, рис. 6]. Именно их морфологические отличия от основной массы погребенных дают возможность предполагать присутствие индивидов с более выраженными европеоидными особенностями в составе группы, оставившей могильник Фирсово-XI [Солодовников, Тур, 2017, с. 65–66].

Усопшие располагались в один ряд, причем скелет №1 (крайний справа), по всей видимости, был уложен самым первым. Возраст данного индивида не может быть установлен из-за некомплектности скелета и общей плохой сохранности костного вещества. Костяк №2 (в центре – мужчина 45–55 лет) положили следом – его левая рука располагалась поверх правой руки скелета №1, перекрывая ее практически полностью. Третьего усопшего (крайний слева – мужчина старческого возраста 55–65 (?) лет) положили в могилу последним. Локоть его левой руки лежал поверх правой руки второго скелета. Подобное расположение костяков, когда рука одного умершего частично либо полностью перекрывала руку соседа, может свидетельствовать, что могила по ширине была несколько у́же, чем требовалось усопшим. По сути, скелет №2 лежал полубоком, за счет чего его позвоночный столб получил сильный изгиб. Похожую картину с позвоночником (хотя и в меньшей степени) можно наблюдать у третьего костяка, также частично перекрывавшего соседа.

В основу перерисованного плана могилы-15 легли полевые черно-белые фотографии. Изучая снимки, авторы обратили внимание на некоторые анатомические несоответствия у скелета №3. При большом увеличении стало заметно, что большая берцовая кость правой ноги лежит не на своем месте, а между бедренными костями и «вверх ногами», т.е. дистальным эпифизом вверх, в сторону головы, а проксимальным – вниз, к стопам (рис. 1.-*2*).

Особое внимание привлекло положение правой руки усопшего. В «нормальном» состоянии тела завернуть таким образом локтевой сустав невоз-

Рис. 1. Могила №15: *1* – наконечник стрелы; *2* – правая большеберцовая кость; *3* – правая плечевая кость; *4* – «левое» предплечье

Рис. 2. Могила №15. Кости правого предплечья, принадлежавшие скелету №1

можно (рис. 1.-*3*). Фотография указывает на то, что конечность лежит в могиле наоборот – задняя поверхность плечевой кости обращена вверх, за счет чего и получился такой необычный изгиб в локте. По всей видимости, это вторичное захоронение. Еще до похорон тело покойного подверглось сильному разложению и на момент погребения буквально разваливалось на части.

Серию сюрпризов преподнес скелет №1. При внимательном изучении посткраниального скелета выяснилось, что при жизни он пережил серьезную травму правого предплечья – перелом верхней трети диафиза локтевой кости со смещением, на что наше внимание обратила С.С. Тур[*]. В результате сращения этого, по-видимому, давнего по времени перелома образовалась значительная костная мозоль, а диафизы локтевой и лучевой костей существенно изогнуты в латеральных направлениях от оси предплечья (рис. 2). Последствием данного увечья руки, вероятно, стала значительная утрата ее функциональных возможностей.

Изучая по фотографиям положение предплечья левой руки скелета №1, авторы обратили внимание на еще одно анатомическое несоответствие. Лучевая кость располагалась в соответствии с анатомической позицией, но локтевая находилась в перевернутом состоянии, т.е. «вверх ногами» (рис. 1.-*4*). Обратившись непосредственно к остеологическому материалу погребения, хранящегося в кабинете антропологии Алтайского госуниверситета, авторы статьи выяснили, что у скелета №1 имеются две правых локтевых кости и ни одной левой. Соответственно, «вверх ногами» слева от корпуса следом за лучевой костью мужчины расположена правая локтевая кость другого индивида. Конечно, этот момент можно списать на небрежное хранение или обработку материалов. Однако то, что лучевая и локтевая кости левого предплечья лежали не анатомически, а «валетом» – остается задокументированным фактом, подтвержденным полевыми фотографиями.

Всё перечисленное явно указывает на посмертные действия, совершенные с телами усопших. При этом особое значение здесь уделялось именно костям. Сейчас о причинах данных обрядовых (?) действий можно только высказывать осторожные предположения. Возможно, мужчина №1 на момент смерти вообще не имел левой руки, а недостающей конечностью (включая кисть), собранной из костей других людей, его снабдили соплеменники в момент погребения. Другое предположение связано с прижизненной травмой правой руки. С учетом ее ограниченной функциональности в результате зажившего перелома, возможно, что после смерти мужчины были проведены какие-то ритуальные «симметричные» действия в отношении его левой руки. Также не следует исключать вероятность, что «манипуляция» с костями (отсутствие левой плечевой кости и черепа, замена левой локтевой кости правой от другого индивида) – сви-

[*] Выражаем искреннюю признательность заведующей кабинетом антропологии АлтГУ к.и.н. Светлане Семеновне Тур за консультации и помощь в работе с материалами могильника Фирсово-XI.

детельства каких-то действий (возможно, и обрядовых) в результате сооружения могилы-14. Дальнейшие исследования, включая анализ-ДНК, могут подтвердить или опровергнуть наши предположения.

Библиографический список

Лыжникова О.Г. Грунтовый могильник Фирсово-11 как археологический памятник и исторический источник // Дебют. Барнаул, 1998. С. 25–32.

Солодовников К.Н., Тур С.С. К антропологии неолитического населения Барнаульского Приобья (по материалам могильника Фирсово-XI) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. №3 (38). С. 60–70.

Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул, 2008. 479 с.

A.V. Schmidt[1], K.N. Solodovnikov[2]

[1]Museum of Nature and Man, Khanty-Mansiysk, Russia;
[2]Tyumen Scientific Center SB RAS, Tyumen, Russia

SOME RESULTS OF THE LABORATORY STUDY OF THE MATERIALS OF FIRSOVO-XI BURIAL GROUND

Grave number no.15 on the Firsovo-XI site is a collective Neolithic (Eneolithic?) burial of three adult men, laid on its back, head towards northeast-east. In preparing these materials for a monographic publication, it was necessary to remake the plans for this burial, which was sketched schematically in the field. A comparative analysis of field drawings, black and white photographs, and anthropological materials revealed a number of important details that escaped the attention of researchers at the time of opening the burial. It was established that the deceased no. 1 had a lifetime improperly accrete fracture of the right forearm and his left ulna is replaced by the right bone from another individual. The body of deceased no. 3 had undergone a strong decomposition before the burial and was literally falling apart into pieces at the time of the burial. This is evidenced by anatomical discrepancies in this skeleton.

Key words: secondary reburial, neolithic, bone, archaeological illustration, photographs.

Список сокращений

АГУ (АлтГУ) – Алтайский государственный университет.
АлтГПУ – Алтайский государственный педагогический университет.
АН СССР – Академия наук Советского Союза.
БГПУ – Барнаульский государственный педагогический университет.
БСЭ – Большая Советская Энциклопедия.
ВГУ – Воронежский государственный университет.
ВСНХ – Высший совет народного хозяйства.
ВЭГУ – Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия.
ГААК – Государственный архив Алтайского края.
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет.
ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.
ГАРКМ – Горно-Алтайский республиканский краеведческий музей им. А.В. Анохина.
ДонНУ – Донецкий национальный университет.
ИА – Институт археологии.
ИАЭТ – Институт археологии и этнографии.
ИИ АН РТ – Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан.
ИИМК – Институт истории материальной культуры.
КемГУ – Кемеровский государственный университет.
ККАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии.
МАЭ – Музей антропологии и этнографии.
МАЭА – Музей археологии и этнографии Алтая.
МНР – Монгольская Народная Республика.
НГУ – Новосибирский государственный университет.
НПЦ – научно-производственный центр.
НСО – Новосибирская область.
НФИ – Новокузнецкий институт (филиал).
ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи.
РАН – Российская академия наук.
РГО – Российское географическое общество.
РК – Республика Казахстан.
РНФ – Российский научный фонд.
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований.
РЭМ – Российский этнографический музей.
СА – Советская археология.
СамГУ – Самарский государственный университет.
СНЦ – Самарский научный центр.
СО – Сибирское отделение.
ТГУ (ТомГУ) – Томский государственный университет.
ТНИИЯЛИ – Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.
ТХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции.
УрО – Уральское отделение.
УФИЦ – Уфимский федеральный исследовательский центр.
ЮУрГУ – Южноуральский государственный университет.

Научное издание

СОХРАНЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Сборник научных статей
Выпуск XXV

Редактор: Н.Я. Тырышкина
Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова
Редактор англоязычных аннотаций: Е.А. Россинская
Дизайн-обложки: О.В. Майер

Для оформления обложки использовался фотоснимок А.А. Тишкина, на котором зафиксирован один из крупных курганов в Мамонтовском районе Алтайского края

Подписано в печать 28.11.2019. Печать трафаретная.
Бумага офсетная. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 22,8.
Тираж 150 экз. Заказ 569.

Издательство Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66

Отпечатано в типографии Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66
Дата выхода 04.12.2019.